

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

XI.

1.7.13.

XX

438

1.

802-11

225

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

~~835
984~~

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ и ПОЛИТИКИ.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

17

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.
JUVENAL, IV.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

Редакторъ Николай Гречъ.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1858.

XX 438
I

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

I.
РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ДВѢ КНИГИ.

Древняя микендѣша, се быша вся нова. 2, Кор. 5. 17.

Ты знаешь ли книгу? — Великій пророкъ,
Оставивши землю, на горной твердынь,
Изъ Божьяго грома глаголы излѣкъ —
И создалъ завѣтъ непреложный святынь.
И отдалъ онъ людямъ небесный завѣтъ;
Сложилъ онъ имъ повѣсть о тайнахъ созданья;
И мощно свершилъ онъ свой страшный обѣтъ,
И страшно въщаль онъ глаголь проричанья.
Отринуло эхо въ пустынныхъ горахъ,
Откликнулись небу пѣмья громады —
И вѣсть пронеслася въ земныхъ племенахъ
О будущемъ міра глаголомъ отрады.

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1838 года, Нолбра 15 дня.

Ценсоръ П. Горсаковъ.
Ценсоръ А. Крыловъ.

С. 44XXVI-681

Ты знаешь ли чувство? — Когда въ тишинѣ,
 Склонясь надъ завѣтомъ о тайнахъ былова,
 Въ какомъ-то священномъ, таинственномъ снѣ,
 Созданія повѣсть проходишь отъ слова до слова,
 И рѣшь ты духомъ въ тѣхъ пламенныхъ дняхъ,
 Когда по единому слову міры создались,
 И плавали духи въ эфирныхъ волнахъ,
 И звѣзды, ликуя, во тмѣ возжигались,
 И ангелы свѣта, столпясь въ вышинѣ,
 Смотрѣли на землю святыми очами,
 И то ниспускались къ серебристой дунѣ,
 То быстро неслись межъ золотыми звѣздами —
 Какими жь очами ты ихъ созерцалъ?
 Ужь ли, озаренный невѣдомымъ свѣтомъ,
 Ты холодно книгу созданья читалъ,
 Не плакалъ отрадно надъ *Ветхиль Завѣтомъ*?..

—

Есть книга иная — то *Новый Завѣтъ*.
 Сложенъ не изъ громовъ, и писанный кровью,
 Онъ пролилъ на землю божественный свѣтъ,
 И назвалъ онъ свѣтъ тотъ — любовью.
 Кротка и печальна, проста и свята
 Небесная повѣсть — то повѣсть страдающа;
 Не съ горной твердыни — съ твердыни креста
 Услышали люди святая сказанья!
 И Слово, что древле міры за мірами
 По тверди небесной, какъ ткань, развилось,
 Сошло, воплотилось и тихо стопами
 Любви и смиренья всю землю проникло.
 Не поплыли люди небеснаго Слова;
 Его пригвоздили къ позору креста,
 И тайна святая — свѣтъ міра инова —
 Немногими только была понята,
 Не многіе въ слѣдъ ему шли по дорогѣ страдающа
 И съ теплою вѣрой по слову текли,
 Смирнялись духомъ — и тернъ испытанья
 Вѣщамъ рукотворнымъ они предпочли!

Есть чувство святое — когда предъ крестомъ,
 Надъ Новымъ Завѣтомъ сидишь погруженный
 Въ глубокую думу о мирѣ другомъ,
 О таинствѣ жизни, о жизни вселенной;
 Когда предъ тобою проходятъ во мглѣ:
 Созданіе міра — завѣтъ ветхозаветный,
 И день, когда снова одряхлѣла земль
 Въ сияніи неба нисшелъ Общанный;
 И чудно свершился небесный обѣтъ,
 И въ сына земнаго самъ Богъ воплотился,
 Възвѣдалъ человѣкамъ свой новый завѣтъ —
 И жизнью духа нашъ міръ обновился.
 Глаголы вѣщаній всю землю проникли;
 Текло океаномъ священное слово;
 Оно, какъ потокомъ, лилось по землѣ,
 Омывало грѣхъ міра — и все было ново.
 Духовныя волны кипѣли кругомъ —
 И мощно слилися въ купель искупленья;
 Поверглись люди во прахъ предъ крестомъ —
 И крестъ сталъ залогомъ спасенья.
 И вольно стремится на небо душа,
 Завѣтъ искупленья читая,
 И тайна завѣта свѣтла, хороша,
 Какъ свѣтъ, какъ предчувствіе рая.
 И сладкія слезы стремятся изъ глазъ,
 И сердце трепещется жизнью вѣчной,
 Когда мы читаемъ: страдалъ онъ за насъ
 И умеръ владыка любви безконечной,
 И адскія двери онъ мощно расторгъ —
 И свѣтъ просіялъ воскресенья...
 И душу объемлетъ священный восторгъ,
 И дума полна вдохновенья.

В. В.

ВТОРОЙ АКТЪ ИЗЪ ДРАМЫ ГЕТЕ:

ПРОМЕТЕЙ.

ЮПИТЕРЪ и МЕРКУРІЙ.

МЕРКУРІЙ.

Изъгна, Зевсъ! изъгна, громовержець!
 Минерва, дочь твоя,
 Съ мятежникомъ въ союзъ;
 Источникъ жизни
 Ему она открыла
 И оживила міръ его,
 Его людей, имъ созданныхъ изъ глины;
 Подобно намъ, они теперь живутъ
 И кликами восторга
 Безумно оглашаютъ воздухъ.
 Рази, Зевсъ! громи!

ЗЕВЕСЬ.

Есть громы у меня
 И будутъ
 И быть должны.
 Надъ всѣмъ, что только есть
 На небѣ дальнемъ
 И на землѣ необозримой
 Владѣю я.
 Они собой умножать
 Число моихъ рабовъ:
 Покорны будутъ — благо имъ,
 И горе — ежели дерзнутъ
 Противостать рукъ моей владычней!

МЕРКУРІЙ.

Отецъ милующій преступныхъ!
 Тебѣ любовь и слава

Отъ неба и земли!
 Пошли меня,
 Да возвѣщу я бѣднымъ земнороднымъ
 Тебя — твое могущество и благость.

ЗЕВЕСЬ.

До времени
 Новорожденную ихъ душу
 Объемлють юные,
 Богоподобные восторги,
 И до нужды
 Не вняты будутъ имъ твои слова:
 Ихъ надо предоставить жизни.

МЕРКУРІЙ

И благо и премудро!
 (Должна у подошвы Олимпа).

ПРОМЕТЕЙ.

Взоръ долу наклони, Зевсъ,
 Взгляни на міръ: онъ мой, онъ живъ!
 Они мои созданья,
 Мой образъ собственный
 Мнѣ служить образцомъ;
 И пусть они, подобно мнѣ, страдаютъ,
 Пусть радуются, плачутъ и смѣются
 И небрегутъ тобой
 Подобно мнѣ!

(По всему пространству долины видны люди;
 они мазятъ по деревьямъ, купаются, бѣгаютъ въ
 запуски; двушки плетутъ вышки; одинъ подхо-
 дитъ къ Прометею.)

1.

По твоему желанью,
 Вотъ и деревья, мой отецъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Ты какъ ихъ добыль?

1.

Вотъ этимъ острымъ камнемъ
 Я ихъ отъ корня оторвалъ.

ПРОМЕТЕЙ.

Долой всё сучья; это древко
Вонзи ты въ землю;
Насупротивь его другое
И съ боку по два;
Вершину ихъ свяжи
И сучьями на край
Вътвями впязь,
Кругомъ травы земли и моху,
А сверху сучьевъ больше,
Чтобы ни солнца лучъ,
Ни дождь, ни вѣтръ
Проникнуть не могли.
Такъ, мой любезный сынъ:
Вотъ хижина тебѣ и вотъ защита!

1.

Благодарю отецъ,
Скажи, и братья
Въ ней могутъ жить?

ПРОМЕТЕЙ.

Нѣтъ!
Ты выстроишь ее — она твоя,
А можешь раздѣлить ее
Съ кѣмъ самъ захочешь:
Тотъ долженъ стронуться кто хочетъ жить.

(Уходитъ)

1 и 2.

Я ни одной не дамъ, оставь!
Мои всё эти козы.

2.

А почему?

1.

Я цѣлый день вчера
Бродилъ и лазилъ по утесамъ,
Живыми добылъ ихъ
И эту ночь — стеречь одинъ.

2.

Подай!
Я самъ вчера такую же поймалъ,
Изжарилъ на огнѣ,
И съ братомъ подѣлился;
Тебѣ одной достаточно сегодня,
А завтра мы наловимъ снова.

1.

Я говорю, оставь!

2.

Такъ нѣтъ же! *(Онъ его рохнетъ на землю, беретъ козу и уходитъ)*.

1.

Насиліе! Убийство! Помогите!

ПРОМЕТЕЙ.

Что здѣсь?

1.

Онъ отнял козу у меня,
И до крови разшибъ
Мнѣ голову объ этотъ камень.

ПРОМЕТЕЙ

Ты съ дерева сорви наростъ
И положи на рапу.

1.

Благодарю, отецъ!
Ужъ мнѣ и легче.

ПРОМЕТЕЙ.

Подви, умой лицо.

1.

А что жъ моя коза?

ПРОМЕТЕЙ.

Забудь!
Когда на брата подилъ руку онъ,

То въ очередь и на него
Подымутъ руку.

(1-й уходитъ)

ПРОМЕТЕЙ.

Вы не дозрѣли, дѣти!
Вы смѣсь добра и зла,
Вы щедро-скупы,
Двѣтельно-лѣнны,
Жестоки и добры:
Своимъ подобны братьямъ,
Звѣрямъ подобны и богамъ.

(Приходитъ ПАНДОРА.)

ПРОМЕТЕЙ.

Что, дочь мой, съ тобой?
Что такъ встревожена?

ПАНДОРА.

Отецъ!
Ахъ, что я видѣла, отецъ,
Что чувствовала я!

ПРОМЕТЕЙ.

Что? говори?

ПАНДОРА.

О Мира бѣдная моя!

ПРОМЕТЕЙ.

Что съ ней?

ПАНДОРА.

Неизяснимо!
Я видѣла, какъ въ рошу
Она ушла, гдѣ мы вѣнки плетемъ;
Я вслѣдъ за ней пошла, и что же?
Когда взошла на холмъ,
Увидѣла ее въ долину
Она на мураву упала,
Но къ счастью Арбаръ къ ней подошелъ,
Хотѣлъ ее поднять — но, ахъ!

Упалъ съ ней вмѣстѣ!
Ея прекрасное чело
Склонилось на перси;
Ее онъ обнялъ
И поцѣдуилъ покрывъ,
И на устахъ повисъ — и душу
Въ нее вдохнуть хотѣлъ.
Мнѣ стало страшно!
Кричать я стала; крикъ мой
Отъ усыпленья пробудилъ ее;
Тогда Арбаръ ее оставилъ;
Она вскочила,
Прижалася ко мнѣ —
Быль томень взоръ ея
И будто бы вырваться хотѣли, такъ
Ея вздымались груди;
Огнемъ пылали щеки и уста
Отъ жажды трепетали,
А изъ очей ручьемъ
Горячія бѣжали слезы;
Ея колѣна подогнулись
И я ее прижала къ сердцу.
Отецъ мой милый!
Ея огонь, ея лобзанья,
Во мнѣ такое чувство породили,
Такое новое,
Безвѣстное мнѣ чувство,
Что потерялась я, и видъ себя
Оставила ее и лѣсъ и горы,
Въ слезахъ пришла къ тебѣ.
Отецъ мой! поясни,
Что такъ ужасно
Могло встревожить насъ?
Что это было?

ПРОМЕТЕЙ.

Смерть!

ПАНДОРА.

Что это: смерть?

ПРОМЕТЕЙ.

Ты слишком насладилась, дочь мой!

ПАНДОРА.

За все, за все тебя благодарю,
Но расскажи.

ПРОМЕТЕЙ.

Пандора!
Досель грудь твоя вздымалась только
Во срѣненіе солнцу и луиъ;
Въ кругу твоихъ подругъ ты наслаждалась
Блаженствомъ чистымъ!

ПАНДОРА.

Неизъяснимымъ!

ПРОМЕТЕЙ.

Скажи, что чувствовала ты
Въ кругу твоихъ рѣзавшихся подругъ?

ПАНДОРА.

Веселье! Радость!
Музыка и пѣсни
Меня восторгомъ наполнили —
Мой каждый членъ имъ былъ послушенъ,
И исчезала я въ мелодіи тогда!

ПРОМЕТЕЙ.

А наконецъ, какъ счастье, такъ и горе,
Все разрѣшается въ тяжелый сонъ.
Извѣдала ты солнца зной,
Томленье жажды и колѣнъ устаюсть.
Ты о потерянной овиъ тужила,
Ты плакала, когда въ лѣсу
Надъ терномъ узвила ногу,
Покуда я не излечилъ тебя.

ПАНДОРА.

Да, въ жизни много моей, отецъ,
Отрадь и огорченій.

ПРОМЕТЕЙ.

А между тѣмъ,
Не чаешь ли, Пандора,
Что много радостей и бѣдствій
На свѣтѣ есть, неизъяснимыхъ тобой?

ПАНДОРА.

Ахъ! да, вотъ это сердце часто
Желаетъ всюду быть
И не находить мѣста;
Желалъ многого
Не хочетъ ничего.

ПРОМЕТЕЙ.

Все, что мечты и сновидѣнья
Изображаютъ намъ,
Чего желаемъ и страшимся мы,
Въ минуту этой все заключено:
Пандора! это смерть!

ПАНДОРА.

Что жъ это — смерть?

ПРОМЕТЕЙ.

Когда изъ глубочайшихъ нѣдръ
Существованья твоего
Возчувствуешь ты все,
Чѣмъ нѣкогда жила,
Въ минуты счастья и часы страданій,
И ты обуреваемое сердце
Захочешь облегчить слезами,
И слезы тѣ лишь увеличатъ огонь,
Пылающій въ груди,
И если все въ тебѣ тогда
Дрожить, звучить, трепещеть,
И памяти, рассудка лишена,
Ты свой конецъ предвидишь,
И все вокругъ тебя
Преобразится въ ночь,
И чуждая всему, ты все забудешь,

И лишь тебѣ одной
Врожденнымъ чувствомъ — ты
Объемлешь цѣлый міръ:
Тогда — мы умираемъ.

Пандора, обнимаетъ его.

Отецъ! дай умереть!

ПРОМЕТЕЙ.

Еще не время.

ПАНДОРА.

Что жъ будетъ послѣ смерти?

ПРОМЕТЕЙ.

Когда желанье, радость и тоска
Въ порывахъ наслажденья разрышатся,
И тихимъ сномъ повесть на тебя,
И ты въ самозабвеніе придешь,
Тогда ты юныхъ силъ
Исполненная оживешь,
И прежней жизнью разцвѣтешь, чтобъ снова
Надѣяться, страшиться и желать!

Съ Н. И. СТРУГОВЩИКОВЪ.

Н Е Б О.

Небо раздольное, тихое, бурное,
Не налюбуюсь тобой никогда!..
Блещетъ ли радостно солнце пурпурное,
Грустно ли теплится почи звезда.

Мрачно ль надвинутся тучи лиловые,
Нѣмо ль вздохнуть онъ бѣлымъ огнемъ,
Тяжко ли выдохнуть стоны громовые,
Буйно ль расплачутся сильнымъ дождемъ.

Божьи ль объятъ дугой разноцвѣтной
Нѣжно скиплется надъ высью твоей —
Все ты мнѣ кажешься книгой завѣтной,
Памятной книгою жизни моей!....

Облако, полное пышной зарницею,
Буйные ливни ручьевъ дождевыхъ,
Радужный полсъ и мѣсяць съ денницею —
Все это образы мыслей моихъ!....

И. ПИДЛОВСКІЙ.

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ.

(Н. В. С.)

Жизнь безъ надеждъ — тропа безъ цѣли,
Страсть безъ огня, безъ искръ кремень,
Пиръ буйный Вакха безъ веселій,
Безъ слезъ тоска, безъ свѣта день.

Жизнь безъ надеждъ — безъ силы воля,
Безъ пробужденія тяжкій совѣтъ.
О, какъ того ужасна доля,
Кто этой жизни обреченъ!

Онъ не живетъ, онъ безъ сознанія
Влачить томительные дни,
И цѣпью горькаго страданія
Печально тянется они.

Какъ отчужденный, съ мрачной думой,
Съ печатью грусти на чель,
Всегда улымый и угрюмый,
Онъ будто лишій на земль.

И въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ предмета
Его способнаго плѣнить,
И вновь отступника отъ свѣта
Къ нему въ объятія заключить...

Глубоко въ сердце узленный,
На все онъ холодно глядитъ,
И ужъ ничто во всей вселенной
Его очей не веселитъ.

Всему онъ чуждъ, и нѣтъ тяжелъ
Его догробнаго креста,
И носить онъ на гръшномъ тѣлѣ
Печать поборника Христа!

Н. НЕКРАСОВЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Когда сверкнетъ звезда полночи
На полусонную Неву,
Ряды бывшихъ событий очн,
Какъ будто видать на яву...

Я мыслю: гдѣ ты вѣкъ дѣяній
Царя Великаго Петра?
Гдѣ геній мира, геній браней
И славы Русскаго орла?...

И слышу голосъ: «Слоемъ пыли
Давно покрытъ прошедшій вѣкъ,
И дажь обычную могилъ
Во время отдали человекъ!»...

Обоихъ нѣтъ!... Но память вѣка
Съ нимъ закатилась навсегда,
А память славы человекъ
Горитъ и свѣтитъ, какъ звезда...

Н. НЕКРАСОВЪ.

ПРОЗА.

ДОНСКАЯ БЫЛЬ.

(РАЗСКАЗЪ НА КАЗАЦКІЙ ЛАДЪ).

Въ Быстрянскій станицѣ у Войсковаго Старшины Н. есть весьма занимательная книга — прадедовскій мѣсяцословъ, въ которомъ сурикомъ записано, конечно, на память потомкамъ, что въ 1738 году, 16 Августа, случилось въ томъ казацкѣмъ городкѣ слѣдующее происшествіе*.

По утру, того 16 Августа, было очень жарко; солнце, какъ огнемъ, пекло Быстрянскій городокъ; но лишь съ полдня свернуло съ запада, налетѣли тучи, началъ подувать небольшой вѣтерокъ и на дворъ приметно похвѣжало. Въ ту пору, семья Ефрема Минаича Булатова, по казацкой привычкѣ, сидѣла на рундукѣ**, передъ дверьми своего куреня.

* Событіе, здѣсь описанное, есть историческое. Въ старину у Донцовъ нижніи станицы назывались городками.

** Нижняя площадка у крыльца.

Мимоходомъ сказать, что отсюда, для одержимаго скукою, могъ представляться, хотя не совсѣмъ привлекательный, дикій, однакожь довольно разнообразный видъ: впереди, саженахъ въ пятидесяти, широко и величаво струился свѣтлый Донъ въ песчаныхъ берегахъ, какъ въ золотыхъ рамахъ; за Дкономъ зеленѣли и шумѣли и густой лѣсъ и густой камышь; далѣе раскидывалась обширная пустынная равнина, уставленная курганами и одѣтая сѣдымъ ковылемъ, а еще далѣе земля убѣгала отъ глазъ и исчезала въ лазоревомъ небѣ. И съ права, и съ лѣва, и съзади около жилья Булатова, стояло сотни съ двѣ такихъ зданій, въ которыхъ, какъ толкуетъ *басня*, пауки живутъ спокойно, а подагра некогда не уживается; то были курени прочихъ станичниковъ, расположенные въ такомъ порядкѣ, въ какомъ обыкновенно разсаживается на полѣ сталъ вороновъ. Между камышовыми крышами хижинъ, изъ которыхъ не совсѣмъ прямо торчали силетенныя изъ хвороста трубы, колоссально выказывалась драничная кровля станичнаго майдана *, стоявшаго на небольшой площадкѣ. Вотъ и все, что составляло богатырскій городокъ; надобно однакожь припомнить, что съ двухъ сторонъ опоясывалъ его невысокій земляной валъ, упиравшійся въ гору.

Булатовъ, проказаковавъ всю жизнь свою, чуть чуть не до восьмага десятка, съ роду незнакомъ былъ съ скукою, не въдалъ ландшафтныхъ наслажденій, и теперь, не отрывая глазъ отъ рыболовной сѣти и не измѣняя своей привычки разсказывать

* Такъ въ старину называли Донцы общественные дома свои, въ которыхъ обыкновенно бывалъ станичный сборъ казаковъ (мирская сходка), для совѣта, для суда и расправы. Теперь дома сѣи называютъ станичными избами, или просто *станичными*; тутъ помѣщаются Станичныя Правленія.

про войну, починавалъ сътъ и разсказывалъ внукамъ про свои походы. Война! — это страшное слово и страшное дѣло, такъ глубоко вкоренилась въ сердце Булатова, что когда старость пришибла его отъ головы до пятъ и примирила съ людьми, то онъ объявилъ войну рыбабъ, и съ каждою зарею производилъ опустошительные наѣзды на царство водяное. Да и нельзя ему было не помнить войны, не любить войны, сдѣлавшись что называется *биркою*, на которой довольно исправно замѣчены были долги и Нагайцами, и Турками, и Крымцами, и Калмыками, о чемъ убѣдительно свидѣтельствовали широкіе рубцы, узорчато разлегавшіеся и по рукабъ и по плечамъ его, а въ особенности лѣвый усь, который распростился съ губою на палубѣ Турецкаго корабля, когда Ефремъ Минаичъ, среди рукопашной схватки, упустилъ заразомъ двухъ янычаръ въ Черное море. Булатовъ былъ изъ числа крупныхъ людей, едва не въ сажень ростомъ, статень, лежокъ на ходу; къ широкимъ плечамъ его прикрѣплены были могучія руки, умѣвшія съ завиднымъ проворствомъ подносить односумамъ * братскую чарку въ бесѣдахъ разгульныхъ, и раскалывать черепы бусурманскіе въ казакскихъ наѣздахъ. Хотя лицо его отъ потери уса многого лишилось въ своей удалецкой выразительности, но подъ густыми нависшими бровями все еще сверкалъ тотъ прежній ястребинный взоръ, про который станичники не на дестъ говаривали: *«нашь Ефремъ, что взглянетъ, то алтынъ дастъ.»*

Возлѣ Булатова сидѣли его сожительница Песедьевна и два внука. Онъ за все величалъ Песедьевну дорогою женою; одно только въ ней не было ему по сердцу, что съ тѣхъ поръ, какъ два сына ихъ

* Товарищамъ.

сложили головы подъ Азовомъ, она не стала любить мужнинныхъ разсказовъ про войну, до того, что иногда рѣшалась даже дѣлать ему въ томъ поперечку. Булатовъ сердился, не постигалъ, да и не хотѣлъ постигать причины такой переменны, а только говаривалъ, что съ старухою его сталась какая-то чудесья.

Старшій внукъ Булатова, возвратившись съ охоты, чистилъ ружье. Это былъ паренъ лѣтъ восемнадцати, статный, красивый, съ ловкими ухватками. Старики-станичники на подхватъ любовались имъ, часто гладили по головѣ, приговаривая: «Ухо паренъ! Весь по дѣду пошелъ! — Будь счастливъ и великъ расти!» — Гриша — такъ его звали — росъ не по днямъ, а по часамъ, умѣлъ уже перенимать дѣдовы разсказы себѣ на выучку, мѣтко стрѣлять изъ ружья, ловко владѣть пашкою, птицей мчаться на конѣ, рыбой плавать по водѣ, и любилъ засматриваться на курень Анюты, пригожей дѣвицы; словомъ, доходилъ до молодца. Другой внукъ былъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати.

«Съ небольшимъ сорокъ лѣтъ минуло — заговорилъ Булатовъ — какъ Азовъ городъ воевали, — тогда былъ я на *морскомъ поискѣ*.

— Слава Богу! низовой вѣтерокъ размахнулся и въ Донъ-кормилецъ нашъ нагонитъ рыбы.

«Старуха! не перебивай моея рѣчи.

— О-о-охъ! Минаичъ! не даромъ, вотъ шестой уже день, какъ война у тебя съ лзыка пейдетъ; не даромъ, нынѣ на утренней зарѣ, невѣстка наша Акуля видѣла вѣщую птицу пугача на кровлѣ станичнаго майдана! Видно не избытъ бѣды отъ бусурмановъ; слухъ про нихъ не мимо носится...

«Молчи! старая сорока! прикрикнулъ Булатовъ,

съ такимъ сердитымъ движеніемъ, что Нефедьевна нехотя принышкла и повѣсила голову.

«Случилось это въ тѣ поры — продолжалъ онъ — когда въ Черкасскомъ городкѣ стоялъ съ великою ратью Бояринъ Алексѣй Семенычъ Шенинъ, а блаженной памяти Царя-Государя нашего, Петра Алексѣевича, со дня на день туда дожидали. Ахъ, дѣти! что то былъ за Царь-отецъ? что то было за красное солнышко, Петръ Алексѣевичъ?... Пошли ему, Господи, райское блаженство!

— Дѣдушка! глянъ: у тебя слезы на глазахъ? — проговорилъ меньшей внукъ, съ теплымъ чувствомъ дитяти.

«Да!... его еще не было Царя-Государя!... Вотъ Бояринъ Алексѣй Семенычъ и Войсковой нашъ Атаманъ Фролъ Минаичъ * по общей своей смѣтѣ положили послать казаковъ на море, чтобъ доведаться про силу бусурманскую. Сошелся Войсковой Кругъ, и въ немъ двѣсти пятьдесятъ молодцовъ было на выборъ вызвано, а въ счету ихъ и меня не минули. Снарядили струги; мы съели на нихъ и покатались во *Синѣ море* **. Прوماхнули Азовъ, промахнули Донскія *гирлы* ***, и верстѣ съ тридцать по морю промахнули — далъ Богъ! — здорово. Время было весеннее; погода стояла тихая, всдрая. Но на третій день нашего похода — отколь онъ возмись — дохнулъ вѣтерокъ, разыгрался и — все больше да больше... По небу пошли тучи за тучами, по мо-

* Фролъ Минаевичъ Минаевъ, знатный казацкій старшина, жившій въ послѣдней половинѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Благообразіемъ своимъ заслужилъ онъ такое уваженіе казаковъ, что въ продолженіи 25 лѣтъ, почти ежегодно, былъ избираемъ въ званіе войсковаго атамана.

** Азовское Море.

*** Такъ называютъ казаки рукава рѣки Дона при впаденіи его въ Азовское море.

рю расходились волны за волнами, и — все больше, да больше. . . Глядим! — солнце стало будто кармазинный кружокъ, а тамъ и весь западъ, какъ огнемъ запылалъ. Густыя тучи склубились надъ моремъ и сдѣлались чернѣй ворона. Какъ загудѣлъ громъ, завылъ вѣтеръ, пустился ливный дождь, и — закипѣло, застонало все море!... Куда дѣлся Божій свѣтъ! . . ни товарищей, ни лазореваго неба не стало видно. . . Струги наши, одинъ отъ другаго, какъ щепки разметались по морю. На казачье наше счастье, буря скоро утихла, не стубивъ ни одного струга. Пролетѣло. Море еще качалось и дрожало, словно утомленный на бѣгу аргамакъ, а мы, собравшись съ духомъ, кое какъ сгреблись, справились, и снова приударили на удалюю. Свѣтало, когда наши передовые причалили къ стругу Походнаго Атамана — царство ему небесное! знатный былъ воин! — Левона Паздѣва * и сказали, что видѣли они не въ далека отъ насъ два корабля Турецкіе, и смекнули, что плывутъ тѣ корабли къ Азову, съ сильнымъ воинствомъ и съ припасами боевыми и кормовыми. Атаманъ нашъ былъ не трусова десятка, да и морская драка ему не первена: махнулъ рукой, и мы всѣ прикинули къ его стругу въ плотную, будто пчелы вокругъ матки. Онъ снялъ шапку, перекрестился и замолвилъ слово: «Атаманы молодцы! долго думать нечего; бусурмановъ больше насъ, — это правда! но за то въ насъ развѣ не казачья кровь, не христіанская? развѣ захотимъ мы потерять свою атаманскую и молодецкую славу? — Нѣтъ! — не бывать тому. . . Умирать не диво; такъ лучше жъ захлебнемся во Синѣмъ морѣ, чѣмъ со срамомъ возвратимся въ Войско? Ну! размахнемся-ка соколами,

* Храбрый казакій старшина, въ особенности отличавшійся при усмирении Астраханскаго бунта въ 1705 году.

— и за насъ сила Божія! . . . Сказалъ — и бабайки зашумѣли. . . Красное солнце чуть чуть показалось, когда съ кораблей Турки начали стрѣлять по насъ изъ пушекъ. А мы, не смотря на бѣду, знай себя гребемъ; они нуще стрѣляютъ, а мы все гребемъ. Вотъ подлетѣли близко — какъ грянемъ изъ ружей, какъ хватимъ, что есть духу, въ бабайки — и подкатились подъ корабли. Тутъ-то сдѣлалась сумятица неслыханная, началась драка страшная, посыпались на наши головы и камни и пули бусурманскія. . . Ужъ мы бились, бились — нѣтъ удачи взобраться на палубы. «Атаманы молодцы! примите-ка въ топоры и рубите корабли по бокамъ!» закричалъ Паздѣвъ. Застучали наши топоры. . . Зааплакали Турки не своимъ голосомъ. . . Да не легче имъ стало: корабли съли на дно съ невѣрною силою, и съли такъ проворно, что едва успѣли мы нахватать языковъ и поживиться зипунами, врагамъ на поминку. Отсюда пустились было мы вдаль, но скоро увидѣли, что многое множество кораблей и бусовъ плыветъ къ Азову, такъ и повернули струги во-своихъ. Тутъ уже въ Черкаск. . .» Старикъ мгновенно умолякъ и разглаживая бороду, насторожилъ уши.

«Во! — закличка!» проговорилъ онъ и встрепенулся, какъ голодный истребъ, пробужденный шорохомъ полета неосторожной горлицы.

— Атаманы молодцы Быстринскаго городка! съ великимъ поспѣшеньемъ сходитесь къ майдану, во всемъ воинствѣ * для ратнаго дѣла! — кричалъ во весь голосъ есаулецъ **, и бѣжалъ съ подилтою палкою.

* Вооруженіи.

** Званіе Есаульца и но нынѣ сохраняется въ Донскихъ станицахъ; должность его заключается въ себѣ писную степень исполнительнаго власти Станичныхъ Правленій.

— Атаманы молодцы!.. завопилъ онъ снова.

«Кузьма Кузмичъ! Кузьма Кузмичъ! што? што такое?»

— А?

«Што дѣится? аль бусурманы?»

— Тревога, Ефремъ Минаичъ, великая тревога! Молодцы наши — уфъ! никакъ не слышусь — развѣздные, Меркуль Свиноцвъ, да Андрей Гуляй — есаулецъ отиралъ лобъ свой шапкою и продолжалъ — «да Андрей Гуляй, благимъ матомъ, что есть духу прискакали — съ коней пѣна клубомъ — прискакали и прямо къ Атаману, да вѣдь какъ? — въ дверяхъ майдана едва меня съ ногъ не сшибли, и какъ начнутъ разсказывать, что Орды Кубанской тма тмуца и...»

«Вотъ тебѣ и война, Минаичъ! Вотъ и бѣда неминуемая! Достанется жѣ намъ, какъ досталось *Кумишатганамъ* въ прошломъ году *!» вскрикнула горестно Нефедьевна, опустила руки и качала головою.

— Да замолчишь ли ты? — сказала ей Булатовъ и обратился къ есаульцу: «Ну? ну? Орды Кубанской?»

— Охъ! пора, пора бѣжать мнѣ! Тма тмуца — и смѣты нѣтъ — подѣ началомъ Касая Мурзы, переплавилось черезъ Донъ, въ *Каргальскою гурту* пониже *Чернаго яра*, и что эта Орда вся цѣликомъ хлынула къ Нижнимъ-Каргаламъ **.

«Къ Нижнимъ Каргаламъ? Эка прахъ ее побери! Старуха! давай-ка мнѣ *шеволташь* ***. Къ Нижнимъ Каргаламъ,» повторилъ Булатовъ, съ возраста-

* Станица Кумишатганская была разорена Нагайцами въ 1737 году.

** Нижне-Каргальскій городокъ, или вышняя станица съ своимъ именемъ.

*** Ремесленный полкъ, на которомъ привѣщивались рогъ съ пороховомъ, мѣшечекъ съ пулями, огниво, ножъ, и другія вещи, необходимыя для воина охотника.

ющею досадою и съ такою миною, которая понятно высказывала, что это ужъ и отъ насъ не далеко. «Старуха! давай-ка мнѣ кинжалъ и пашку.»

— Да, еще наши развѣздные говорили.»

«Ну! ну! что? Внуку! дай-ка мнѣ ружье». Булатовъ, выслушавъ, поспѣшно снаряжался.

— Да, вотъ что... но долга пѣсня, а мнѣ пора въ закличку. — Тутъ есаулецъ хотѣлъ было итти, но снова заговорилъ: «Орда напала приступомъ на Каргаль; тамъ казачество, какъ водится, стало за себя... На майданѣ, Ефремъ Минаичъ, всю подноготную узнаешь, а мнѣ... бывайте здоровы!» Онъ пошелъ и на ходу договаривалъ: «а оттуда многіе бусурманы кинулись уже къ нашему юрту, замышляя намъ сдѣлать *дурно!*»

— Прощай семья! — сказалъ Булатовъ, схватилъ ружье и двинулся съ рундука.

«Вспомни Бога въ началѣ, — вернись, и помолися святымъ образамъ: вѣдь можетъ случиться что съ майдана полетишь прямо на баталію!» кричала въ слѣдъ ему Нефедьевна.

Но онъ, бывши уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двора, махнулъ рукой въ знакъ отрицанія, снялъ шапку, крестился, и уходилъ такъ поспѣшно, какъ только можно скоро ходить въ его лѣта.

«Ужъ видно не-безъ-нечего, коли старикъ нашъ такъ чѣмъ дюжь кинулся къ майдану? Акуля, Гриша, Акуля! — кричала Нефедьевна своей невѣсткѣ и внуку — берите-ка заступы, ройте яму; закопаемъ красныя пожитки, чтобы не всякая нитка досталась — отъ чего укрой насъ, Господи! — нехристамъ. Мнѣ-то и такъ и сякъ, отжила свой вѣкъ, но вамъ — кому приведетъ Богъ въ живыхъ остаться — послѣ не къ чему будетъ рукъ приставить; вѣтъ Татары все какъ метломъ подметають.»

Между тѣмъ, пока Нефедьевна съ невѣсткою заботливо пртали свои пожитки въ матушкѣ сырой землѣ, Гриша поспѣшно снаряжился оружіемъ и отправился къ майдану.

Конечно, не по неволѣ, а по своей молодецкой охотѣ юноша Булатовъ на пути очутился близъ жилья Анюты, хотя это было совсѣмъ не въ-руку. Проходя мимо куреня ея, онъ съ сладкою надеждою кинулъ взглядъ на окны, но въ нихъ никого не встрѣтилъ. Съ нимъ что-то вдругъ *поднялось*, чего съ роду не было: сердце будто оборвалось, грудь, какъ камнями, сдавило, въ глаза будто кто пескомъ сыпнулъ, шапка сдвигалась на брови, ружье, высѣвшее за плечьми, тянуло назадъ, а всего — съ ногъ до головы — обдавало, то жаромъ, то холодомъ. Онъ творилъ молитву, думалъ, что напелъ на *негустое* мѣсто. «Дивное дѣло,» проговорилъ самъ себѣ, и собравшись съ духомъ, только лишь ступилъ шага три впередъ, какъ за плетневымъ тыномъ, примыкавшимъ къ куреню Анюты; что-то мелькнуло, скоро показался *таркиль* *, а подъ нимъ засвѣтились два черные глаза Анюты; она взглянула черезъ тынъ. Булатовъ размѣнялся съ нею взглядомъ и сердце его закатилось съ радости, кровь бросилась въ лицо, щеки загорѣлись. Тутъ-то въ первый разъ онъ горячо почувствовалъ, что Анюта сильно трафилась ему по душѣ; тутъ-то промелькнулъ въ умѣ его зарокъ: навѣки *раздуть* ** съ нею свое сердце казацкое. Онъ не вынесъ молчанья и въ первый разъ проговорилъ къ ней: «Прости Анюта!»... и пошелъ не оглядываясь.

Анюта изумилась; долго, долго слѣдила его непо-

* Такъ старину называли платки, употреблявшіяся женщинами для головной повязки.

** Раздѣлить.

движнымъ взоромъ, пока брызнули изъ глазъ ея крупныя слезы и покатались по щекамъ малиновымъ.

Скоро сбѣжались къ майдану всѣ станичники, проникнутые одною мыслию, кипѣвшіе однимъ желаніемъ — отстоять свой городокъ. Они всѣ были закованы оружіемъ, налитаны безстрашіемъ, умѣли хватски и пострѣляться и порваться, но ихъ было не много, да и то, большею частію, или старики, или юноши, у которыхъ едва только пробивался усъ. Лихіе Татары удружили время взять съ Дону баранту за казацкіе прогулки по Кубани; они провѣдали, что лучшіе удалыцы Донскіе бьются теперь въ Крыму съ Турками, подъ рукою фельдмаршала Миниха, провѣдали — и нахлынули на ихъ родину.

Не кланаясь унынію, Быстринцы дожидали гостей незваныхъ, и теперь судили и рядили, какъ бы лучше ухлѣбосолить ихъ, хотя бы и самимъ пришлось съ пира не вернуться.

Среди шумнаго казацкаго разговора, изъ толпы поднялась палка, закачалась въ воздухъ, а за нею раздался и голосъ есаульца: «Атаманы молодцы! помолчите! помолчите!» — Говоръ затихъ; толпа раздвинулась въ кружокъ.

«Ну, Атаманы! молодцы! — заговорилъ среди круга Станичный Атаманъ, опершись на свою наську — застала насъ зима въ лѣтнемъ платьѣ? Теперь не-часъ замышлять о шубѣ, а попытка удалецкал какъ-бы на голыдѣв выкрѣпить морозы! — Не учить васъ, Атаманы молодцы, какъ рваться съ бусурманами: это наше дѣло казацкое, обычное; но о томъ не смолчать мнѣ, что всѣхъ-то насъ теперь первой, другой обчелся, а Татарской силы, какъ писано въ

Войсковой опасной грамоты *, сложилось рухнуть изъ Кубани по наши головы, тысячь до тринадцати, аль и больше. Да...

— Счетъ-то великъ — заговорилъ на перерывъ старшина Роба — да цѣна въ алтынѣ. Касай Мурза громоздокъ Ордою, а лихихъ узденей и джигитовъ у него всѣхъ по пальцамъ перечесть можно. Да, про-то вамъ, Атаманамъ молодцамъ, и самымъ вѣдомо, что не въ счетъ сила, а въ дѣлъ; и въ Писаніи сказано: «не въ колесницѣхъ и конехъ крѣпость, а отъ имени Бога содѣвается побѣда» — а мы развѣ нехристи? Такъ не лучше ли, не терять поры, рухнутъ, да залечь по концамъ городка и наждать Татаръ на дуло? А тамъ, глядишь и Войсковой нашъ Атаманъ Данило Ефремовичъ ** съ войскомъ къ намъ на выручку придетъ. А нѣтъ, то пусть голова съ плечъ, чѣмъ живыя ноги въ кандалы!

«Дѣло!» примолвилъ Булатовъ и грузинѣ обле-ся на ружье.

— То-то, Аванасій Меркулычъ — голова съ плечъ!.. Оно статно, что за плохую укрѣпою, какова въ нашемъ городкѣ, долго не усидишь. Головы складывать не диковина, да какова про мертвыхъ въ Войскѣ рѣчь пройдетъ; а наша вина, что за добра ума не перешли мы изъ городка въ крѣпостцу: тамъ-бы лбы татарскіе дольше постучались объ свинецъ казачій, чѣмъ въ городкѣ. А все по твоимъ совѣтамъ

* За нѣсколько дней передъ набѣгомъ Нагайцевъ на Донъ, были разосланы по казачьимъ городкамъ изъ Главнаго Войска (изъ Черкаскаго городка) Войсковыя грамоты, которыми велію имѣть предосторожности отъ непріятелей. Таковыя грамоты казаки обыкновенно называли *опасными*.

** Данило Ефремовичъ Ефремовъ, знатный казачій старшина, введенный въ званіе Войскаго Атамана Высочайшею властію въ 1738 году Марта 14; въ 1753 пожалованъ чиномъ армейскаго генералъ-майора, а въ 1759 году, чиномъ тайнаго совѣтника.

мы такъ оплошали — Богъ тебѣ судья, Аванасій Меркулычъ!

«Грѣхъ, да бѣда на комъ не живеть! Не во гнѣвъ и тебѣ сказать, Михайло Ивановичъ,» началъ Алексій Курганъ, обратясь къ атаману, «что намени, какъ искру въ зелье, не надобно бѣ тебѣ впускать въ нашъ городокъ того вора-казака, который прикинулся посланцомъ отъ Яицкаго атамана съ вѣстію въ Черкасской городокъ, что будто-де Дондукъ Омбо * съ Калмыками своими, и съ казаками Яицкими и съ Терскими, Кубанскую орду всю погромилъ, и что-де Орда уже не въ силу въ нынѣшнемъ году подняться на наши Донскіе городки. Мы слушали краснорѣчиво, а онъ рассказываетъ, да высматривалъ, да сосчитывалъ насъ, и все моталъ себѣ на усъ. А нынѣ несомнѣнно стало вѣдомо, что то былъ *охрипль* **, подсыльный Касая Мурзы — прахъ его побери! — казакъ Некрасовецъ! Не въ похвалю сказать,» продолжалъ Курганъ, отягивая и расправляя свои усы, «а я смекалъ, что онъ былъ измѣнникъ, и подталкивалъ станичниковъ, чтобы схватить его и — въ куль, да въ воду, по нашему обычаю.

Въ кругу пробѣжалъ ропотный говоръ, и казаки недоверчиво посматривали одинъ на другаго.

«Постой, односумъ! твоему слову просторъ, да не во время,» твердо сказалъ Булатовъ Кургану, вышедъ изъ рядовъ на средину круга и продолжалъ: «Да, развѣ

* Дондукъ-Омбо, внукъ знаменитаго Аюки Хана, владѣлецъ значительной части Калмыцкаго народа; онъ становится историческимъ лицомъ съ 1723 года, со времени междоусобной войны его съ друзьями Аюкинымъ внукомъ Досангомъ, за ханское достоинство. Въ 1733 г. 14 Ноября, Дондукъ-Омбо далъ присягу на подданство Россіи и объявляеть Намѣстникомъ ханства, а въ 1737 году возведенъ въ Ханское достоинство.

** Отступникъ, ренегатъ.

мы, атаманы молодцы! собралися судъ и расправу дѣлать, а не оборону справлять? Ну, подь статья ли намъ теперъ смутныя заводы заводить, когда того гляди, что Татарская сила накроетъ нашъ городокъ? Разсудимся мы, только не теперъ!... вотъ къ вечеру можетъ припадетъ намъ въ новоселье скочевать... въ матушку сыру землю: тамъ будетъ каждому расправа на чистоту. Дѣло дѣлу розъ! По нашему дѣлу, атаманы молодцы, теперъ конецъ видѣть: помоги дожидать нѣкогда, живыми отдаться стыдно и не за обычай, а поколю у насъ шашки и ружья есть, зелье есть, и головы на плечахъ, такъ надобно биться — вотъ и все тутъ! Давай-ка мы раздѣлимся на десятки, да раскинемъ умомъ разумомъ, гдѣ кому засѣсть въ концахъ городка? Я, примѣрно, покладаю вотъ такъ: Аванасью Меркулычу (указывая на Робу) бытъ на конѣ съ конными и сначала выскатъ за городокъ; мнѣ Булатову въ передовыхъ лежать на валу; Михайлъ Иванычу (указывая на Кургана) по базамъ и загородамъ сѣсть, а тебѣ атаману оставаться съ подможными недалеко отъ бою, да за зельемъ смотреть и бытъ надъ всѣмъ старшимъ. Ну, станичники, какъ присудите, пригадаете?

—Бытъ по твоему! — закричали многіе — къ дѣлу рѣчь! — подтвердили другіе. — Дай Богъ добрый часъ, добрый часъ! — закричали наконецъ всѣ казаки въ одинъ голосъ.

«Пойдемте жь станичники.» продолжалъ Булатовъ — засядемъ и будемъ стрѣлять покуда мочь возьметъ! Авось либо (Булатовъ крестился) Божіею милостию и Государскимъ счастиемъ нашей матушки Царицы и своимъ казачкимъ молодечествомъ, отсидимся отъ бусурманскаго приступа! А нѣтъ?... (Булатовъ взглянулъ на небо) то Его святая воля

Царя небеснаго!... Пусть придетъ намъ смертный часъ на родномъ пепелищѣ, но живые не дадимся въ руки нехристей!... Простите мнѣ, атаманы молодцы! въ чемъ я погрѣшилъ передъ вами!» Булатовъ подаль ружье внуку и сталъ кланяться станичникамъ. Съдые волосы его распахнулъ вѣтеръ, по челу разбѣжалась дума не легкая, но въ глазахъ свѣтлѣла отвага и надежда молодецкая.

— Умремъ, а живые не дадимся! — говорили всѣ казаки, и прощалися другъ съ другомъ, какъ такіе люди, которыхъ жизнь уже записывается смертью въ ея приходную статью.

Стукъ оружія, мольбы матерей, слезы женъ и крикъ дѣтей, провожали защитниковъ Быстринскаго городка до мѣста неминуемой ихъ драки съ Татарами.

Случалось ли вамъ видать домашнихъ птицъ, въ непогоду согнанныхъ съ насѣстей? Онѣ, оскорбленныя, опустивъ и крылья и головы, разбродятся по двору и ютятся въ уголкахъ заборовъ и навѣсовъ, прикорнувъ одна къ другой: такъ, или почти такъ, Быстринскія казачки, выжитыя страхомъ изъ своихъ куреней, разбрелись вереницами по майданной площади. Гибельныя тревоги для нихъ не новинка; но развѣ можно спокойно встрѣчать шашку или арканъ Татарина? — Старухи трепетали мучительной смерти, молодыя ужасались позорнаго плѣна, и съ отчаяніемъ въ душѣ, то мольбою съзывали съ неба утѣшеніе, то мутными глазами вызывали одна у другой обманщицу надежду, мѣняясь толками и догадками.

— Авось устоятъ наши соколики? Авось разо-

бьютъ силу бусурманскую, невѣрную? — Какъ ты думаешь, Никитишна?

«О-охъ! роднишка Сафонова, не знаю, соколочка! не знаю! Коли Богъ поможетъ, то и человекъ сможетъ».

— Такъ, мои голубушки, такъ! — подтверждала Лукьяновна. — Но я взяла слухи, что будто Касай Мурза, провѣдавъ о походѣ Данилы Ефремовича, что онъ идетъ съ войскомъ и съ пушками изъ Черкаска въ верхъ по Дону, помутился, крѣпко помутился головою и направился бѣжать въ свою *Кубаницину*, а другая рѣчь — не знаю, мои соколочки! ничего не знаю!

Таковы были разговоры казачекъ въ первомъ привалѣ смятенія, когда онѣ возвратились на площадь, проводивъ своихъ мужей до мѣста драки. Но прошло немного времени, и словоохотливость ихъ, прорвавшись сквозь чувство страха, что называется, съшла въ свои сани.

— Глянь же, глянь! — говорила Кудиновна, толкая свою сосѣдку — глянь, какъ обливается слезами наша чернобровая Анюта; видно ей больше всѣхъ горько. А по комъ такъ разтужилась — ни мужа, ни дѣтей, опричь матери? Ахъ! да бишь, Гринна-то Булатовъ до души приглянулся!

«И-и-и Кудиновна! не грѣхъ тебѣ въ пересуды вступать? Такая ли пора? Дай Богъ только душу спасти!... А какъ же бы и не поплакать? — Умереть подъ кинжаломъ не шутка, а въ того горше въ полонъ попасть. Анюта вѣдь не намъ чета — дородница, какъ намалеваная, а ты сама знаешь, что Татары, скорѣй чѣмъ за золотого, хватаются за дородницъ. А что, Кудиновна, таки правда, что Анюта Гринъ въ совѣсть пришила? Да и нечего сказать, по дородству, голова головы стоитъ. Дай Богъ свротѣ

счастьемъ! — Вѣдь у Нефедьевны про внучатъ кубышки двѣ рублевиковъ водится. Парень-то онъ немного шатовать, да и не изъ рода вонъ: говорить — кто запомнить — что и самъ старикъ Мишанчъ съ молоду огнемъ палилъ.....

Раздался выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, и.... Страхъ мгновенно пробѣжалъ въ толпѣ казачекъ, сковалъ уста ихъ и лица покрылъ свинцовымъ цвѣтомъ. Они, остолбенѣвъ, глядѣли въ ту сторону, отколь черная пыль и дымъ взвились, пелись клубами и осѣдали на городокъ, гдѣ дикій крикъ Татаръ и ружейная пальба слились въ непрерывный ужасный гулъ. Трепетное изумленіе ихъ быстро превратилось въ слезы и въ вопль отчаянный; они сбѣжались въ одну толпу, прощались одна съ другой, поднимали дѣтей къ небу, заставляя ихъ молиться.

«Ахъ! убили! убили! съ свѣта свели!» закричали многіе. «Кого убили?» спрашивали другіе. «Да, вонъ несутъ сюда, несутъ убитаго!» указывали нѣкоторые и зазирали въ переулочъ, изъ котораго два казака вносили окровавленный трупъ на майданную площадь.

— Эй, вы, бабы! чего вы опустили руки, какъ мокрыя вороны крылья? Чего вы ревете? Развѣ это по казачки? Возьмите-ка — вѣчный покой ему! — Аванасія Меркулыча! — кричалъ казакъ, несшій съ есаульцомъ тѣло Старшины Робы. — Возьмите проворнѣй, а мнѣ надобно итти спѣшно въ казну* за эльдемъ. Сложивъ тѣло, казакъ снялъ съ плечъ своихъ кожаныя сумы, и поматывал ими, пошелъ отъ толпы и запѣлъ пѣсню, съ обычнымъ казачкимъ припѣвомъ:

* Кладовая, или погребъ, гдѣ хранился порохъ, называлась *казною*.

«Да вдунай пай данана вдунай дунай!
 Попадала пулечка промежь бровей,
 Что промежь бровей, промежь ясных очей;
 Упаль младець коно на черну гриву.

— Ишь! ишь! разудалая-то голова, ему и горя мало? Да обь комъ затужится? Ни кола, ни двора, ни милаго живота — говорили казачки одна другой, и обступили тьло Старшины Робы. «Онъ еще живъ? Живъ нашъ богатырь?» спрашивали онъ у есаульца, съ выражснiемъ глубокой горести.

— Да, гдѣ вамъ живъ! — наповаль свалила! Я самъ своими глазами видѣлъ, какъ.....

— А мой живъ? А мой живъ? А мой живъ?..... спрашивали его казачки, на перерывъ одна другой. Есаулецъ, поворачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, отвѣчалъ: «Живъ, стоитъ, какъ корень!... дерется, какъ богатырь!... живъ! живъ! живъ!» продолжалъ наконецъ скороговоркой, примахивая рукою.

Между тѣмъ какъ драка съ Татарами становилась жарче, какъ семья Старшины Робы рыдала надъ тьломъ его, словоохотный есаулецъ, поджидая товарища, рассказывалъ любопытнымъ станинцамъ о смерти покойника. «Не чужіе пересказы,» говорилъ онъ, стирая кровь съ своего кафтана и поправляя шашку, висѣвшую при-боку, «а я самъ, своими глазами, видѣлъ какъ что было. Ну, ужъ нечего сказать, по молодецки воевался Аванасій Меркульчъ! — Какъ только увидѣлъ онъ, что впереди всей силы бусурманской, летѣвшей къ намъ съ крикомъ и зыкомъ, скачетъ завзятый Уздень-головорѣзь, то не утерпѣвъ, сердечушко, и самъ тоже выскакалъ впередъ, на своемъ гнѣдомѣ. Тутъ, глазомъ не признавши, какъ они оба — и Татаринъ и Аванасій Меркульчъ — мигомъ нацѣлились другъ въ друга ружьями, стрѣльнули!.... дымъ исчезъ, кони поскакали.....

Смотримъ, а они оба лежатъ на сырой землѣ. Наши конные молодцы бросились и схватили покойника, но онъ тутъ же на рукахъ, скоро Богу душу отдалъ. Татары хлынули на насъ, земля застонала и началась баталія и пошла рѣзня!... Вотъ вамъ и вся недолга! — Ай! ай! пульки-то ужъ и здѣсь посвистываютъ. Эге!... пожары!... Крѣпитесь бабы!» закричалъ есаулецъ и побѣжалъ къ мѣсту драки.

Два сильныхъ приступа Татарскихъ Быстраницъ отразили успѣшно, одушевляясь надеждою, что Войсковой Атаманъ Ефремовъ скоро нападетъ на враговъ съ тылу и освободитъ храбрыхъ отъ гибели, но при третьемъ натискѣ, они, принеся въ жертву смерти большую половину мужественной дружины своей, не могли уже остановить Татаръ и уступили имъ мѣсто драки. Свирѣпые Кубанцы, какъ бурный потокъ, разорвали ряды казаковъ и съ оглушающимъ крикомъ: Гайда! Алла! Алла! Алдынь-джурь! Ступай впередъ! кинулись въ ихъ жилища и зажгли нѣсколько куреней.

Жадный огонь мгновенно разнесся и охватилъ весь городокъ.....

Татары ушли, оставя кровавый слѣдъ за собою.

Настала ночь. Пламя несло къ небу темному, беззвѣздному, вмѣстѣ съ стономъ и воемъ умирающихъ. На окрестныхъ поляхъ бродили осѣдлавные кони и распуганныя стада, безъ хозяевъ. Взошло, какъ и всегда восходитъ, солнце красное; оно освѣтило вмѣсто грознаго Быстраницкаго городка и его витязей молчаливыя развалины и кучи пепла, который разносился вѣтромъ и заметалъ покойниковъ.

Булатовъ не отсталъ отъ товарищей: онъ съ

окровавленными сѣдинами, раскинувшись на горячей золь своего куреня, спалъ тѣмъ богатырскимъ сномъ, который разбудить одинъ только Богъ. Возлѣ витязя умирала его Нефедьевна, стиснувъ въ лѣдѣнбюющихъ рукахъ меньшаго внука, а старшій внукъ ея, бравый Гриша, метался въ смертномъ безпамятствѣ по майданной площади; у него были отрублены обѣ руки, которыми онъ хотѣлъ вырвать арканъ у Татарина, тащившаго на привязи Анюту, зазнобу его сердца казацкаго. . . .

* * *

— «Эй, mon cher! полно слушать докучную сказку... Пфъ! Пфъ!!... Я уже одѣтъ, какъ видишь, и готовъ на подвиги—ѣдемъ!» сказала, заботливо вбѣжавшій въ комнату, корнетъ Казачьяго полка, отставному г. поручику, нѣкогда красовавшемуся въ томъ же полку.

Это были Миусскіе помѣщики, въ своей слободѣ, въ своемъ домѣ, на рѣчкѣ Миусѣ.

Mon cher причислялся къ коллекціи тѣхъ поручиковъ, которые на двадцати шести-лѣтнемъ возрастѣ начинаютъ страдать въ службѣ невареніемъ желудка, на основаніи сего берутъ отставку, екачуть подъ родное небо, на берега историческаго Танаиса, летятся родными куропатками въ жаркомъ и въ соусѣ, роднымъ Цымлянскимъ виномъ, жеваятъ, подають голоса на дворянскихъ выборахъ, и послѣ двухъ, и много послѣ трехъ годовъ въ отставкѣ, вымечиваютъ ся насущнымъ хлѣбомъ, до того, что не могутъ прибрать въ гостинномъ дворѣ ни одного кресла для вмѣщенія своей особы, и строятъ ихъ по заказу.

Въ такомъ-то креслѣ плотно покоился г. поручикъ, опутивши голову и зажмури глаза, передъ семидесятилѣтнимъ Есауломъ, историкомъ рассказанной были.

Неутомный г. корнетъ, ремонтный острякъ на цѣлый эскадронъ въ своемъ полку, настроясь на походную погу, аппетитно высмактывалъ табачный дымъ изъ коротенькой Калмыцкой трубки, охорашивалъ на себѣ охотничью бекешу передъ зеркаломъ, и между плевками, критически замѣтилъ историку: «Дядя Данилычъ! твои рассказы о нашей Донской старинѣ весьма полезны по обѣдѣ — для усыпленія.

— Мыѣ и послѣ завтрака подѣ нихъ преисправно вздремнулось. Герръ Докторъ! не будетъ ли дурно на охотѣ, послѣ проклятой ветчины, которую я жестоко объѣлся? Знаете ли, въ деревнѣ, что же больше дѣлать, какъ не вѣст? сказала обстоятельный поручикъ, медленно выгружаясь изъ кресла.

«Выпить рюмку, рюмку... мадеры, а если не подѣйствуетъ, то принять шиную порошокъ — отвѣчалъ Докторъ, радикально обдумавши вопросъ, не смотря, что въ то время глубокомысленно любовался онъ новымъ картинкою Парижскихъ модъ, приложенною къ Библиотекѣ для Чтенія.» Къ стати: книга ея покоилась на столѣ болѣе мѣсяца въ томъ дѣвственномъ видѣ, въ какомъ вышла на свѣтъ изъ прессы переплетчика; на сердцѣ поручика налегало два раза литературное искушеніе: *любопытствовать* что въ ней писано, но Филькина лѣнивая лапа, за раскуриваніемъ табачныхъ трубокъ, не успѣла еще разрѣзать листовъ, и такъ эстетическое барское намѣреніе оставалось безъ исполненія.

«ѣдемъ губить зайцевъ, mon cher! Давно все готово, и собаки и люди!» снова протвердилъ корнетъ.

— ѣдемъ! — отвѣчалъ поручикъ и двинулся изъ комнаты.

Докторъ продолжалъ смотрѣть картинку.

Дядя Данилычъ продолжалъ сидѣть по прежнему,

но молча. Онъ покручивалъ съдой свой усъ и пома-
тывалъ табачною тавлинкою, сверстницею изношен-
ному мундирному кафтану его, единственному кан-
дидату для поступления въ духовное завѣщаніе. На-
добно сказать, что дядя Данилычъ состоялъ въ томъ
многочисленномъ разрядѣ дядей Давилычей, выра-
стающихъ на берегахъ Дона-Ивановича, которые,
лѣтъ сорокъ грозно проскакавъ по бѣлу свѣту,
наизывали въ свою череду на казацкій дротикъ дю-
жины по полторы враговъ земли Русской, отвѣды-
вали, также въ свою череду, у Французовъ соусъ, у
Нѣмцовъ супъ, у Турковъ кофе, а у Персіянъ пи-
лавъ, теперь гостить дома, на Міусъ и на Донцъ, и
для пропитанія старыхъ душъ своихъ, для разказа
на дремокъ натрона-помѣщика, слагають исторійки
о годахъ минувшихъ, о дѣлахъ богатырскихъ, когда
дивные прадѣды ихъ, съ гнилымъ сухаремъ въ кар-
манѣ, съ винтовкою въ рукахъ, или дрались съ бу-
сурманами, или согнувшись въ три погибели, за-
сыпали на голомъ камнѣ, и такъ, между чаіемъ
смерти и желаніемъ торжества, проводили каждый
Божій день, выработывая у судьбы славу Русскихъ
воиновъ, и тѣ пространные тучные юрты, на кото-
рыхъ теперь досужіе ибстуны подагры и истерики,
съ замѣчательнымъ умъньемъ отпасывають живот-
ныхъ на ветчину, или гоняють зайцовъ.

КАЗАКЪ БРЕМЪНИЧЪ.

17-ю Августа 1858 г.

Ново-Черкасскъ.

=

ОДНОКАШНИКЪ.

«Эй! вы, соколики!.... недалеко!.... думай!.... Эхъ,
голубушки!».... приговаривалъ ямщикъ, похажывая
устало четверною. Укладистая, четырехъ-мѣстная ка-
рета двигалась однакожъ съ трудомъ, и соколики,
отмахиваясь хвостами отъ краснорѣчивыхъ убѣжде-
ній ямщика, шли какъ черепахи.

Уже смеркалось. Вдали видѣлся непъшный горо-
докъ Витебской губерніи, Р. — Тогда былъ Сен-
тябрь, но не такой, какими въ иные года хва-
стается нашъ Сѣверъ, а Сентябрь настоящий, старин-
ный и грозный ни за-что, ни про-что облить васъ
съ головы до ногъ и продуть насквозь. — Въ до-
рогѣ скучно, особенно, когда вмѣсто лошадей впря-
гутъ тощихъ, измученныхъ клячъ, и повезутъ васъ
по-Нѣмецки: аккуратно мило въ часть. Русскіе къ
этому не привыкли.

Рыдванъ тащился, и наконецъ причалилъ къ при-
стани. Съ козелъ слѣзъ камердинеръ и отворилъ
дверцы кареты.

«Мы выйдемъ», сказалъ женскій голосъ.

Камердинеръ откинулъ подножки. Изъ кареты
вышла дама лѣтъ 37, съ двумя сыновьями, 18-ти и
6-ти лѣтъ, и нянюшкой. Всѣ вошли по дряхлому,
дощатому крыльечку въ почтовой домикъ.

«Ахъ, Боже мой! какая скверная станція! Неуже-
ли здѣсь пѣтъ комнатъ для проезжающихъ?» спро-
сила дама, войдя въ узкую, низенькую каморку.

Отвѣчать было не кому. Въ каморкѣ стояли ста-

рый, кожаный диванъ, три стула и бѣлый столъ, къ которому, какъ Прометей къ Кавказу, прикована была жалобная книга. За перегородкою кто-то улегся спать съ-позаранокъ, и храпѣлъ. Это былъ почтовой писарь.

Маленькій сынъ попросилъ чаю. Слуга, по приказанію госпожи, отправился хлопотать о самоварѣ; нянюшка вытаскала изъ кареты мѣшки и мѣшечки, подвинула столъ съ книгой къ дивану, накрыла салфеткой, устала дорожнымъ чайнымъ приборомъ, и развязала узелъ съ остаткомъ еще Петербургскихъ сухарей, кренделей и булокъ.

Дама ходила вдоль по комнатѣ, смотрѣла изъ окна на пасмурное небо, на грязную улицу, и не могла удержаться отъ восклицанія: «Ахъ, Боже мой! если бы скорѣе въ Вѣну!» Она отворила дверь и почти закричала: «Иванъ! давай скорѣе самоваръ, и запрягать лошадей — почевать здѣсь невозможно.»

Иванъ между тѣмъ, на сквозномъ вѣтру, въ корридорѣ, надувшись, какъ Борей, дулъ, что есть силы, въ трубу самовара.

— Сей часъ сударыня — сію минуту! — отвѣчалъ онъ.

Дама успокоилась, захлопнула дверь и занялась чайнымъ столомъ и маленькимъ сыномъ. Въ комнату вошелъ извозчикъ, съ рукавицами за кушакомъ, со шляпою въ рукѣ, и почесывая затылокъ, скромно сказала: «Ваше Присходительство! старому лимоннику на водочку-съ!»

— Не стойте тебѣ давать ни гроша; ты вези пять часовъ и не хотѣлъ погонять! — возразила путешественница съ грознымъ видомъ.

«Помилуйте, Ваше Присходительство! кажется, изволили сами видѣть, ѣхали какъ слѣдуетъ — лошадецки совсѣмъ измучились — разгонъ нынче большой — экипажъ тяжелый...»

— Ну, хорошо, хорошо! Леонъ, вели дать ему полтину на водку. — Старшій сынъ вышелъ въ корридоръ. Иванъ отсчиталъ гривенникъ и пять грошей. Извозчикъ взялъ на ладонь деньги, погремѣлъ ими и со вздохомъ сказалъ: «Маловато-съ!» — «Будетъ съ тебѣ, любезный — возразилъ камердинеръ — еще намъ ѣхать-то не одну станцію.»

Упрямый самоваръ не закипалъ, но дымился, какъ сахарный заводъ. Иванъ между тѣмъ пошелъ отыскивать писаря, и нашелъ его за перегородкою въ объятіяхъ музыкальнаго сна.

«Эй, г-нъ писарь! г-нъ смотритель! Прикажите дать лошадей.»

Спящая особа повернулась, бормоча что-то сквозь сонъ, протерла глаза и загремѣла охриплымъ басомъ: — «Я уже сказалъ, что ни какихъ лошадей нѣтъ!»

«Какъ нѣтъ? — продолжалъ камердинеръ — давайте лошадей; мы уже ждемъ почти часъ... Вставайте... это ваше дѣло.»

Не открывая глазъ, писарь продолжалъ отрывисто: — «Говорю, что нѣтъ! — ну, нѣтъ... такъ нѣтъ... сказано...»

«Тѣфу, ты пьяная скотина! — воскликнулъ съ досадою усердный камердинеръ — а еще смотри-тель!»

Немногожко нескромный упрекъ, какъ электрическій ударъ, возбудилъ уснувшее самолюбіе писаря. Онъ вдругъ открылъ глаза и сѣлъ на постель.

— Я, я скотина? И ты смѣешь ругаться?... Да, знаете ли вы, милостивый государь, что я самъ чиновникъ, такой же, какъ и вы? Какъ вы осмѣлились ругаться и сказать, что я пьянъ? Я сей часъ же донесу рапортомъ! Вотъ тебѣ на! Всякій будетъ ругаться!... Эй, ребята! Не давать лошадей — за-

кричалъ онъ, отворивъ дверь въ корридоръ — не давать, да и квитъ! Пускай себѣ ночуютъ здѣсь, какъ хотятъ.

Каммердинеръ пошелъ съ докладомъ о писарскомъ рѣшеніи къ баринѣ, но она уже слышала споръ черезъ перегородку и приходила въ отчаяніе — тѣмъ болѣе, что въ то же время по дивану поползъ огромный черный тараканъ.... «Ахъ, какой ужасъ! Нѣтъ, лошадей! Спать здѣсь съ тараканами!... Да они забьютъ меня! Это ужасно!... Иванъ, поди, скажи этому мошеннику, что если онъ сей часъ не дастъ лошадей, то я напишу въ Петербургъ къ г-ну почтъ-директору — что съ нимъ тогда раздѣлаются, какъ слѣдуетъ.... пьяный грубиянъ!»

— «Да хоть распишите къ кому угодно — проворчалъ за перегородкою писарь — а лошадей не дадутъ! Всѣ въ разгонъ — не бѣда и подождать до завтра.»

«Постой же, я тебя научу быть въжливимъ — сказала дама. — Леоп, вѣдь это городъ; здѣсь долженъ быть кто нибудь старшій; иди, отыщи г-на Почтмейстера, попроси его ко мнѣ, скажи, что намъ ночевать здѣсь нельзя — что писарь его грубитъ; ступай скорѣе, призови Почтмейстера; я расскажу ему все сама.»

Леоп отправился. Самоваръ закипѣлъ бѣлымъ ключемъ; Иванъ внесъ его въ комнату и поставилъ на столъ. Писарь между тѣмъ проворчалъ: «Посылайте! его дома нѣтъ.» Потомъ выпилъ ковшикъ холодной воды для утоленія гнѣва и жара, и растянулся по прежнему на скрыпучей кровати.

Онъ думалъ уснуть, — но тревожное событіе слишкомъ взволновало его слабую душу, и толпа гнѣвъ, украшенныхъ виноградными кистями и макowymi цвѣтами, спѣшила вонъ изъ наспиртованной

головы, уступая свое владычество холодному разсудку. Онъ открылъ глаза, кашлянулъ и присѣлъ на кровати. Потомъ всталъ, оправился, почистилъ рукою сюртукъ и застегнулся на крючки и пуговицы. Въ воображеніи его уже ясно начиналъ рисоваться г-нъ почтмейстеръ, съ грознымъ ликомъ и толстою клякою. Въ комнатѣ стало ему душно; онъ вышелъ въ корридоръ, и остановился на заднемъ крыльчкѣ, лицомъ на дворъ къ сараямъ и конюшнямъ.

Двѣ, три мокрыя курицы сидѣли на тельгѣ, подъ навѣсомъ; домашній пестъ, печально опустивъ хвостъ, пробирался на покой по болотистому двору; сѣрыя размазанная облака двигались лѣниво по темному воздуху; вѣтеръ развѣвалъ нестриженные кудри бюстигеля почты. — Элегическая картина сельской простоты, своего блаженною тишиною, наводила еще болѣе грусти на писарскую душу, и какой-то внутренней голось твердилъ ему извѣстное, премудрое выраженіе: «Ерофейчъ не приказалъ горячиться.» Но раскаяніе было уже поздно; ропотъ на самого себя, на судьбу, на службу въ почтовомъ вѣдомствѣ напрасень....

Дама, сидя за чайнымъ столомъ, видѣла, какъ мимо оконъ прошелъ ея сынъ съ Почтмейстеромъ. Она готовилась рассказывать о всѣхъ непріятностяхъ и требовать удовольствованія. Но г-нъ Почтмейстеръ избавилъ ее отъ труда — прошелъ мимо дверей, прямо по корридору къ заднему крыльцу, гдѣ стоялъ писарь, и въ ту же минуту путешественница услышала изъ своей комнаты три, или четыре аккорда, похожіе на звукъ основательныхъ пощечинъ....

Гнѣвъ дамы исчезъ; ей стало даже жалко бѣднаго писаря, и она хотѣла выйти въ корридоръ, чтобы появленіемъ своимъ прекратить трагическую сцену,

но въ это время г-нъ Почтмейстеръ вошелъ въ ея комнату.

Почтовой домъ одушевился; откуда взыались люди мазать карету; одни вели лошадей, другіе тащили вожжи и сбрую; обновленный писарь, получивъ поощреніе къ исправной службѣ, самъ присутствовалъ вездѣ... все закипѣло!

Есть Русская поговорка: не изъ тучи громъ гремитъ. — Видѣть и тихіе приемы г-на Почтмейстера совсѣмъ не обшались такой рыси, какую являлъ онъ въ расправѣ съ писаремъ. Почтмейстеръ былъ человѣкъ маленькаго роста, слабый, хворый, съ подвязанною на черномъ, тафтяномъ платкѣ лѣвой рукою, и опирался на костыль, прихрамывая на лѣвую же ногу. Когда дама наша встала, она была выше его ровно головою.

Послѣ нѣсколькихъ словъ о неприятномъ происшествіи и грубости писаря, дама предложила маленькому Почтмейстеру стулъ и чашку чаю. Онъ принялъ съ величайшею скромностію ласковое приглашеніе, очень вѣжливо отвѣчалъ на всѣ вопросы путешественницы, извѣщая, что въ его городѣ встрѣтила она столько нѣудовольствій и увѣряя, что не оставитъ виноватаго безъ строгаго наказанія.

«Вамъ должно быть очень трудно хлопотать съ этимъ народомъ?» спросила дама.

— Что же дѣлать, сударыня, на то служба. Непривычному человѣку, конечно, покажется скучно возиться съ этими людьми, особенно, когда здоровье плохо, какъ мое. Но нужда научить калачи ѣсть, какъ говорится, а я, благодаря Бога, не избалованъ судьбою, страдалъ на своемъ вѣку довольно, горя перенесъ много, къ трудамъ привыкъ, и

считаю мѣсто свое совершеннымъ отдохновеніемъ. Въ другую службу я не гожусь, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ жестоко страдать ревматизмомъ, который наконецъ почти лишилъ меня способности владѣть рукою и ногою, какъ изволите видѣть. — Мѣсто Почтмейстера занимаю я недавно, и, право, не знаю, что случилось бы со мною, если бы Богу не угодно было даровать мнѣ въ этомъ мірѣ благодѣтеля.»

Жалкое предисловіе Почтмейстера и его болѣзненный видъ расположили даму въ его пользу. Она не думала скрывать своего участія, и спросила невольно: кого называетъ онъ своимъ благодѣтелемъ?

— «Его Превосходительство N. N.» — отвѣчалъ Почтмейстеръ.

«N. N.?» — повторила дама — Боже мой! я очень много о немъ слышала; говорятъ, онъ человѣкъ очень умный и добрый, но черезчуръ холодный.»

— Холодный? Ахъ, сударыня! — возразилъ съ нѣкоторымъ жаромъ Почтмейстеръ — дай Богъ, чтобы всѣ наши вельможи были такъ холодны, какъ Его Превосх. N. N. — Это ангель, а не человѣкъ! — Извините, если не могу говорить о немъ равнодушно. Но я человѣкъ маленькій, ничтожный: чѣмъ заплачу я моему благодѣтелю за добро, мнѣ сдѣланное, какъ не рассказами о его поступкѣ со мною! Повѣрьте мнѣ, сударыня, вамъ несправедливо доложили, что N. N. человѣкъ холодный. Я узналъ его сердце въ собственномъ моемъ дѣлѣ, и имѣлъ случай слышать много отъ его подчиненныхъ. Изволили вы видѣть Его Превосх. N. N.?

«Да, я видѣла его, такъ — мелькомъ» — отвѣчала дама.

— Такъ повѣрьте мнѣ, сударыня, что онъ только съ виду кажется равнодушнымъ. Многіе называютъ его даже гордымъ, неприступнымъ — всѣ

ошибаются, не знают его! Этот неприступный, гордый и холодный человек, часто, выслушивая какое нибудь дело с обыкновенным своим равнодушием, отворачивается, как будто посмотреть в окно, а между тем скрывает от чиновников своих ангельскую слабость своего сердца, которая в крупной слезе блестит в его глазах!... И кто же этот человек, сударыня? Это вельможа, известный Государю Императору — человек на высокой степени в государстве, вѣрная и правая рука знаменитого министра! Нѣтъ, милостивая государыня! такие люди рѣдки, и ими прославляются царствованія великих Государей!...

В глазах Почтмейстера заблестали слезы. Краснорѣчіе необыкновенным образом одушевило его скромную физиогномію. Дама слушала его с особенным удовольствіемъ, и замѣтивъ, что онъ кончилъ рассказъ свой, просила его передать ей случай, который заставляет его такъ горячо вступаться за Н. Н., если то не тайна.

— Съ радостію расскажу вамъ, сударыня, в короткихъ словахъ, мою исторію. Она сама по себѣ вовсе незанимательна, но мнѣ желательно было бы сдѣлать вамъ известнымъ примѣръ холодности, какъ вы изволили сказать, Его Превосх. Н. Н.

«Я сказала не свое мнѣніе — возразила дама, какъ будто оправдываясь — а теперь, когда вы такъ краснорѣчиво защищаете своего благодѣтеля, я беру совсѣмъ вашу сторону.»

Почтмейстеръ донилъ свой чай, поблагодарилъ, и поставивъ чашку къ самовару, началъ свое повѣствованіе:

— Отецъ мой былъ человекъ небогатый, жилъ службою и служилъ честно. Матери я не помню; она скончалась, когда я былъ еще ребенкомъ. —

У меня была сестра старше меня; она вышла замужъ за таможеннаго чиновника, и съ нимъ уѣхала изъ Москвы, куда звала его должность. Я остался у отца одинъ; и не смотря на недостаточное его состояніе, помѣщенъ былъ въ лучшей изъ тогдашнихъ пансіоновъ. Года четыре я учился прилежно, былъ на счету отличныхъ воспитанниковъ, и готовился къ военной службѣ, но несчастный мой ростъ помѣшалъ мнѣ исполнить желаніе отца и мое собственное. Мнѣ кажется, я пересталъ расти съ 14-ти лѣтъ. Это было причиною многихъ неудачъ въ моей жизни.

Въ числѣ воспитанниковъ хорошихъ фамилій былъ со мною въ училищѣ и Его Превосх. Н. Н. — Какъ дѣти, мы были друзья, помогали другъ другу переписывать тетради и въ классѣ сидѣли на одной скамьѣ. — Не такъ Богъ привелъ жить въ свѣтъ!

Я вышелъ изъ училища, опредѣлился въ Казенную Палату чиновникомъ для письма, и черезъ три года усердной службы получилъ 14-й классъ. Въ это время скончался отецъ мой.

Я остался круглымъ сиротою, безъ состоянія, можно сказать, безъ гроша, такъ, что долженъ былъ задолжать нѣсколько рублей для похоронъ своего родителя.

Служба едва кормила меня. Я трудился много, но безъ пользы. Столоначальникъ случился у меня строгій и грубый; онъ заставлялъ меня работать день и ночь, думая, что человекъ такого роста, какъ я, по его мнѣнію, никуда негодный, долженъ снискивать себѣ пропитаніе не иначе, какъ въ потѣ лица!

Скоро выбился я изъ силъ и сталъ думать о перемѣнѣ службы. Но куда сунуться? Протекціи у меня не было; ростъ мѣшалъ мнѣ вездѣ, и я, ко-

нечно, впалъ бы въ отчаяніе, если бы не спасъ меня тогда Частный Приставъ, который зналъ меня случайно, по дѣламъ въ Казенной Палатѣ. Онъ предложилъ и доставилъ мнѣ мѣсто въ канцеляріи Оберъ-Полицеймейстера.

Вамъ неизвѣстно, сударыня, что значить служба при полиціи въ маленькихъ чинахъ. Трудовъ, хлопотъ множество, производство плохое, награды рѣдки. — Не смотря однакожь на все это, болѣе 15-ти лѣтъ тянулъ я лямку, какъ говорится. — Начальство было ко мнѣ милостиво, и я удостоился даже получить, за отличіе по службѣ, крестъ и два чина.

Въ продолженіе того времени, я женился на дѣвицѣ достойной, но не богатой. Прибавилось семейства; пошли новыя заботы. Я былъ уже самъ-семь; надобно было прокормить, обути, одѣть жену и дѣтей. Ахъ, сударыня! кто родился и выросъ въ довольствѣ и изобиліи, тотъ не пойметъ чужаго горя! Нерѣдко случалось мнѣ даже роптать на отца: зачѣмъ вздумалось ему дать мнѣ воспитаніе свѣще моего состоянія и положенія въ свѣтъ! — Двое изъ моихъ дѣтей померли... я не зналъ: плакать, или радоваться о ихъ потерѣ!...

Между тѣмъ здоровье мое разстроилось. Неспособный къ дѣятельной полицейской должности, я уже не могъ быть полезенъ, и получалъ жалованье даромъ, только по снисхожденію начальства. — Въ такомъ положеніи нельзя было оставаться долго; я принужденъ былъ подать въ отставку, и — очутился на горестной свободѣ съ женою и тремя дѣтьми.

Собравъ кой-какія деньжонки, скопленные многолѣтними, честными трудами, перебрался я съ семьей въ Петербургъ, надѣясь тамъ найти какое-либо

спокойное мѣсто. Уже года съ два, какъ я представленъ былъ къ чину коллежскаго ассессора, но чинъ не выходилъ мнѣ, Богъ знаетъ по какой причинѣ. Надобно было хлопотать, а у меня не было ни протекціи, ни знакомства.

Получить мѣсто въ нынѣшнія времена дѣло нелегкое. Мѣсть много, но охотниковъ еще болѣе. Я жилъ кое-какъ, въ небольшой квартиркѣ, въ Семеновскомъ полку, и пытался какъ нибудь себя пристроить. Просьбъ, указовъ объ отставкѣ и памятныхъ записокъ передавалъ я во всѣ мѣста безъ счета. Вездѣ примуть въ первый разъ, какъ будто милостиво; потомъ заставить ждать, ходить мѣсяца три, пока дѣло пойдетъ въ долгій ящикъ — да тѣмъ и кончится!

Страшно и подумать, въ какихъ ужасныхъ размышленіяхъ проводилъ я дни и ночи! Видѣ жены и дѣтей наводилъ на меня ужасныя терзанія грусти. Я страдалъ за нихъ въ тысячу разъ болѣе, нежели за самого себя.

Дочь моя была въ возрастѣ, который еще не требуетъ многого, но два сына подростали; приходила пора учить ихъ чему-нибудь. Какія средства имѣлъ я къ тому? Что я готовилъ имъ въ будущемъ? Суму и горе!... Ахъ, сударыня! быть отцемъ, и видѣть себя не въ силахъ поддержать семейства — это свѣще твердости человѣческой! Можно сойти съ ума, и мнѣ казалось, что я былъ къ тому очень близокъ.

Однажды, возвратясь домой, по обыкновенію, безъ успѣха, сидѣлъ я, усталый, больной и печальный, съ женою и дѣтьми за столомъ. Ъда на умъ не шла; тяжкое горе, какъ свинецъ, лежало въ груди!...

— Послушайся меня, другъ мой — сказала мнѣ

жена — попытайся хоть разъ сходить къ Его Превосходительству *Н. Н.* Почему знать, можетъ быть, онъ вспомнить тебя и захочетъ помочь намъ. Онъ человекъ сильный, и, говорятъ, добрый. Что тебѣ стоитъ попробовать счастья? Авось и удастся!

«Ахъ, душа моя — отвѣчалъ я — ты судишь, какъ женщина. *Н. Н.* знавалъ меня, когда мы были еще юношами, или, лучше сказать, дѣтьми. После того прошло много лѣтъ. Провидѣнію угодно было положить между нами во всемъ разстояніе неизмѣримое; онъ вельможа, въ звѣздахъ, въ почестяхъ, въ силѣ, а я — больной бѣднякъ, титулярный совѣтникъ. Онъ занятъ государственными дѣлами, окруженъ знатными людьми: время ли ему заботиться о жалкомъ чиновникѣ, котораго когда-то знавалъ, какъ и всѣ знаютъ другъ друга въ училищахъ? Да, и приятно ли человекѣу въ изобиліи и счастья встрѣтить и выслушать просьбы бѣдняка? Повѣрь, другъ мой, все было бы напрасно.

— Говори что хочешь — отвѣчала мнѣ жена — но я все таки совѣтую тебѣ хоть разъ сходить къ *Н. Н.*

Цѣлый тотъ день и вечеръ провели мы въ разсужденіяхъ и спорахъ. Я доказывалъ, что идти къ *Н. Н.* напрасно, суди по многимъ другимъ лицамъ, которые меня, бѣдняка, и узнавать перестали; жена утверждала свое, что я обязанъ сдѣлать все для семейства.

Однимъ словомъ, я согласился, и на другой день, по утру, отправился къ Его Превосх. *Н. Н.* Квартира его уже давно была мнѣ извѣстна, но вернуться туда съ просьбою никогда мнѣ и на мысль не приходило. Теперь шель я туда въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи. Мысли смѣнялись въ головѣ безъ порядку и безъ толку. То вдругъ меч-

тался мнѣ успѣхъ; то воображалъ я холодный пріемъ и тяжкое равнодушіе, съ какимъ меня спросятъ о причинѣ моего посѣщенія, или заставятъ ходить, ждать, отпотчуютъ совѣтомъ, можетъ быть, упрекнуть даже, что я не умѣлъ себѣ снискать хлѣба, и тому подобное.

Черезъ полчаса стоялъ я у роковой двери и осторожно тронулъ колокольчикъ. — Дверь отворилъ камердинеръ, и сказалъ очень вѣжливо: «Его Превосходительства нѣтъ дома; какъ прикажете доложить о васъ?»

— Потрудитесь сказать, что приходилъ титулярный совѣтникъ *Иванъ Овцевъ*. Быть можетъ, Его Превосходительство вспомнить мое имя; я имѣлъ честь знать ихъ еще въ Москвѣ, въ училищѣ. Въ какое время я могу застать генерала?

«Завтра утромъ они будутъ у себя; пожалуйста въ это же время, часовъ въ десять» — отвѣчалъ камердинеръ.

Ласковый пріемъ слуги былъ уже для меня подаркомъ. Я возвратился домой, какъ будто сдѣлавъ половину дѣла. Въ продолженіе дня однакожь, мрачныя мысли и всегдашняя недовѣрчивость къ самому себѣ ввергли меня по прежнему въ уныніе, такъ, что на другой день было мнѣ несравненно труднѣе рѣшиться на вчерашнее путешествіе. Я шель, и душевно желалъ, чтобы мнѣ опять сказали вѣжливо: «Его Превосходительства нѣтъ дома.»

Какъ виноватый взялся я за колокольчикъ. Тотъ же человекъ принялъ меня, и не дожидаясь вопроса, сказалъ учтиво: «Позвольте, я доложу сію минуту.»

Оставшись одинъ въ передней, я едва эправился и осмотрѣлся, какъ уже вѣжливый камердинеръ возвратился ко мнѣ, говоря: «Пожалуйте.» —

Я прошел несколько шаговъ, думая войти въ приемную залу, и тамъ, какъ у знатныхъ господъ водится, ожидать еще часа полтора появленія генерала, какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, очутился я въ кабинетъ и прямо передъ Его Пр — во!

Если бы надобно было мнѣ описывать, сударыня, подробно, что я чувствовалъ въ продолженіе цѣлаго часа, то я сознался бы охотно въ неспособности передавать свои чувства на бумагѣ, и едва ли теперь сумѣю высказать ихъ на словахъ.

Представьте, сударыня, въ какомъ положеніи былъ я, когда увидѣлъ передъ собою Его Пр — во, и въ ухахъ моихъ раздался его голосъ:

«Здравствуй, любезный другъ Ванюша! Скажи, пожалуйста, ты ли ужь это? Дай мнѣ посмотреть на тебя. Да, какимъ же ты старикомъ! — Жена! рекомендую тебѣ: это мой старинный пріятель, однокашникъ, Ванюша Овечкинъ, то есть, Иванъ Овцевъ, котораго я не видалъ, кажется, лѣтъ пятнадцать, или болѣе.»

Не помню, какъ раскланялся я съ прекрасной, молодой дамой, которая сидѣла въ большихъ креслахъ. Она удостоила меня ласковой, дружеской улыбкой, и послѣ нѣсколькихъ словъ оставила насъ однихъ, сказавъ, что не хочетъ мѣшать нашему свиданію.

Я стоялъ, какъ вкопанный, не чувствуя, что со мною дѣлается.

«Вчера — продолжалъ Его Пр — во — когда я воротился домой, говорятъ мнѣ, что былъ какой-то Иванъ Овцевъ. Боже мой! думалъ я: какой же это Овцевъ? Неужели тотъ, съ которымъ мы сидѣли на одной скамьѣ въ школѣ, мой старинный пріятель? — Онь, точно! — Ну, милости просимъ; садись и рассказывай: гдѣ ты странствовалъ, гдѣ пропа-

далъ сто лѣтъ, и какими судьбами очутился съ нами?»

Его Пр — во подвинулъ стулъ, посадилъ меня и сѣлъ подлѣ на диванѣ. — Я былъ такъ взволнованъ, такъ пораженъ неожиданнымъ пріемомъ, что съ минуту не могъ выговорить ни слова. У меня занялось дыханіе, и слезы брызнули изъ глазъ, какъ у ребенка!

«Что это съ тобою, любезный другъ? Да, ты, кажется, разстроены, нездоровъ? Скажи, пожалуйста, чѣмъ бы тебя вылечить?» — сказала N. N. съ удивительнымъ участіемъ.

Я отеръ слезы, и ободренный благотворными ласками, съ необыкновеннымъ жаромъ высказалъ все мое горе, болѣзнь, недостатки и положеніе моего жалкаго семейства.

Его Пр — во слушалъ меня долго, и потомъ спросилъ: «Ты давно уже въ Петербургѣ?»

— Уже болѣе года — отвѣчалъ я.

«Стыдно, стыдно! Зачѣмъ же ты не вспомнилъ обо мнѣ? Чтобы, хоть разъ завернуть, хоть мимоходомъ? Бѣдный Ванюша! мнѣ, право, досадно видѣть тебя такимъ печальнымъ. Постой, можетъ быть, что нибудь для тебя и сдѣлаемъ. Тебѣ надобно избрать какую-нибудь службу.»

— Это было бы величайшее для меня благодѣяніе, отвѣчалъ я, но здоровье мое плохое; службы трудной мнѣ не исполнить.

«Какихъ лѣтъ твои дѣти?»

— Старшему двѣнадцать, а меньшому девять — отвѣчалъ я.

«Ты мнѣ говорилъ что-то о чинѣ? Гдѣ же его отыскивать?»

— Должно быть въ Сенатѣ, Ваше Пр — во. Генералъ немножко задумался, посмотрѣлъ на

меня съ участіемъ, потрепалъ по плечамъ обими руками и сказалъ:

«Ну, любезный Ванюша, перестань ребячиться; не скучай безъ нужды! Богъ поможетъ! Дѣло какънибудь поправится. — Хотя и слѣдовало бы побранить тебя порядкомъ за то, что живя въ Петербургѣ болѣе года не вздумалъ навѣстить стариннаго пріятеля — ну, да, такъ и быть, прощаю! съ тѣмъ только, чтобы впередъ не забывать своихъ одноклассниковъ. Заходи когданибудь на дняхъ. Вспомнимъ старину, и поголкуемъ, чтобы придумать для тебя, а теперь прощай — есть дѣлашки! Приходи же пожалуста, когда вздумаешь, безъ церемоній.»

Его Пр — во пошелъ въ свою канцелярію, а я откланялся и побѣжалъ домой, не чувствуя ногъ подъ собою, какъ говорится.

Можете вообразить себѣ, сударыня, радость моей жены, и — сколько слезъ пролили мы въ этотъ день, уже заранѣе благословляя своего благодѣтеля! Радость, съ которой давнымъ давно я раззнакомился, возобновила мои силы; казалось, что я ожилъ и помолодѣлъ!

Однимъ словомъ, сударыня, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ былъ я у Его Пр — ва N. N. разъ пять. Во второй приходъ мой сказалъ онъ совсѣмъ неожиданно:

«Ты напрасно жалуешься, любезный, будто чинъ твой не выходитъ; я вчера слышалъ, что ты утвержденъ коллежскимъ ассессоромъ. Поздравляю ваше высокоблагородіе, извольте справиться сами въ Сенатъ, у секретаря N. N.

Я побѣжалъ справляться — и точно! Я былъ произведенъ! Но мнѣ показалось, что въ этотъ разъ,

когда я пришелъ за справкой, приняли меня гораздо лучше прежняго. Не прошло мѣсяца, Его Пр — во спросилъ меня: «Не хочешь ли ты мѣста почтмейстера въ городѣ Р.?»

— Господи Боже мой! — отвѣчалъ я — еслибы это было возможно!

Дней черезъ десять меня потребовали къ г-ну Почтдиректору, и объявили, что я назначенъ уряднымъ почтмейстеромъ.

Мало этого, сударыня — оба мои сына приняты тогда же въ казенныя заведенія... и все это сдѣлалъ равнодушный, или, какъ вы изволили сказать, холодный человекъ «N. N.!!... Нѣтъ, сударыня, благодѣянія, сдѣланныя мнѣ Его Пр — вою, слишкомъ важны! Онъ спасъ меня, жену мою, дѣтей отъ нищеты, отъ страшныхъ бѣдствій — быть можетъ, отъ голодной смерти и отчаянія! Онъ не постыдился называть себя моимъ одноклассникомъ!...

Разстроенный воспоминаніями, Почтмейстеръ окончилъ рассказъ свой, отирая платкомъ текущія по щекамъ его слезы. Дама смотрѣла на него съ удивленіемъ, почти столько же, какъ онъ, тронутая прекраснымъ поступкомъ N. N.

Въ это время вошелъ человекъ и сказалъ: «Лощади готовы, сударыня.»

Дама встала, благодарила много разъ г-на Почтмейстера за рассказъ, просила его быть съ нею знакомымъ, и обѣщалась рассказывать о поступкѣ генерала N. N. всему свѣту.

Ямщикъ сидѣлъ уже на козлахъ. Путешественники усѣлись въ каретъ, и отправились большой рысью изъ города Р. въ далекій путь.

Однажды въ Вѣнѣ, былъ я на вечеръ. Въ числѣ гостей случилась тамъ и недавно прѣхавшая изъ

— у меня нѣтъ родины — я родилась въ Парижѣ!»

Избави меня Богъ винить столицы за такой недостатокъ. Онъ не столько пороковъ, сколько несчастій. Обширныя средоточія образованія имѣютъ впрочемъ всѣ средства утѣшиться въ подобномъ недостаткѣ; для заиманія его собраны въ нихъ всѣ роды забавъ и обольщеній: оперы, балы, гулянья, биржа, ученые общества, гомеопатія, френологія, политика. Все мнѣ кажется однакожь, что провинціи въ семъ случаѣ остаются не въ проигрышъ; впрочемъ, не беру на себя ршенія и о вкусахъ спорить не стану....

Память о нѣжныхъ впечатлѣніяхъ юности, никогда неизгладимыхъ, сохраняетъ часть своего могущества и тогда даже, когда по волѣ, или по неволѣ, мы удалены отъ мѣстъ, гдѣ ихъ испытали. Все го легче замѣтите память ихъ у писателей, запечатлѣнныхъ самобытнымъ слогомъ и цвѣтомъ. Проза Руссо отзывается величіемъ Альповъ и свѣжестью ихъ долинъ. Угадаете, что Бернарденъ де-Сенъ-Пьерръ родился на усѣянныхъ цвѣтами берегахъ и засыпалъ въ колыбели подъ шумомъ волнъ Океана. Подъ великодушнымъ говоромъ Шатобриана часто пробивается что-то спокойное, сельское, словно журчаніе его родимаго озера, или тихое трепетаніе листочковъ въ его родныхъ лѣсахъ. Иногда мнѣ кажется, что Виргилій не былъ бы Виргиліемъ, если бы не родился въ хижинѣ.

Только въ провинціи, въ маленькомъ городкѣ, въ сельскихъ поляхъ хранится очаровательныя впечатлѣнія, такъ часто составляющія утѣху грустной старости, чистая любовь, со всею невинностью любви перваго человѣка въ земномъ раю, и горячая дружба, которая почти стоитъ любви. При сердцѣ

чувствительномъ, при воображеніи подвижномъ, и въ Парижѣ мечтаютъ о такихъ наслажденіяхъ жизни, но — никогда не ощущаютъ ихъ. Внутренній голосъ можетъ здѣсь сколько угодно спрашивать человѣка: «кто ты?» — онъ не услышитъ отвѣта..

Въ провинціи всѣ колыбели стоятъ рядомъ, какъ гвизда, свитыя подъ одною кровлею, какъ цвѣты, распустившіяся на одномъ стеблѣ, и при первыхъ лучахъ солнца въ нихъ сливаются всѣ цвѣтанья, всѣ благоуханія. Люди рождаются тамъ подъ одними и тѣми же взорами, развиваются отъ однихъ и тѣхъ же попеченій, растутъ вмѣстѣ, видятся каждый день, каждое мгновеніе, любятъ другъ друга, говорятъ о томъ другъ другу, и не находятъ причинъ, по которымъ надобно бы было имъ перестать любить другъ друга и говорить о томъ. Даже различіе пола, налагающее столь благоразумную и необходимую, но съ тѣмъ вмѣстѣ такую угрюмую и важную предосторожность, тамъ не мѣшаетъ добродушной искренности и усладительному сочувствію, которыя не понимаютъ еще различія предмета своего чувства. Страсти показываютъ намъ такое различіе, а дитя не знаетъ страстей. Простодушная откровенность безопасно продолжается, далеко за тотъ возрастъ, въ которомъ малѣйшая забывчивость дѣлается опасною, малѣйшая довърчивость становится уже подозрительною между дѣвочками и мальчиками большихъ городовъ. Самыя горлічія чувства отзываются тамъ какою-то нѣжностью братьевъ и сестеръ, и все смѣшивается съ такимъ взаимнымъ уваженіемъ, съ такою стыдливостью, что за правственность при томъ нечего опасаться. И не только опасаться нечего, но юноша, начинающій угадывать тайну своего чувства, принимаетъ еще на себя роль какаго-то покровительства, опекунства надъ слабымъ

дитятею, которое онъ любить, и которое природа и любовь какъ будто передаютъ его охраненію. Чѣмъ болѣе изучается онъ въ сомнительномъ познаніи страстей, тѣмъ болѣе дѣлается онъ внимательнымъ къ покровительству кроткаго и робкаго созданія, въ которомъ видитъ свое счастье, свои надежды. Ему довольно защищать его отъ постороннихъ впечатлѣній: онъ защищаетъ его отъ него самого, страшась за будущность, которая будетъ у нихъ обща — онъ уважаетъ, онъ бонетъ его...

II сколько наслажденій, которыхъ невозможно описать, нѣжная любовь, начинающая познавать себя, оставляетъ для желанія въ возрастъ за него слѣдующій!... Ахъ! первый знакъ предпочтенія отъ предмета вашей думы, первый выразительный взглядъ, который бросить она милому другу своему, тихонько затворяя дверь, первое трепетаніе ея проникающаго голоса, когда онъ нечаянно смлгнулся, сдѣлался робкимъ и нѣжнымъ, пролеталъ ея устами, первое пожатіе руки, которой не бьрылаютъ изъ руки друга, мимоходомъ се схватившаго, трепеть осланиа мягкой, пухленькой ручки, свѣжее дыханіе, украдкою коснувшееся лица вашего... меньше, гораздо меньше: цвѣточикъ, упавшій съ ея головы, булавка, которую она выронила изъ своего корсета, легкій шорохъ ея платья, когда она проходить мимо и когда мимоходомъ вы до него коснулись — вотъ истинная любовь, вотъ истинныя ея наслажденія... Знаю, что бываетъ потомъ, почти все знаю, что потомъ бываетъ, но если бы захотѣлось мнѣ вновь начать любить, только первый впечатлѣніа любви хотѣлъ бы я испытать снова...

Любви не начинаютъ снова, но вспоминать объ ней — почти тоже самое...

II въ Парижѣ знаютъ сладостныя досуги дѣтства,

знаютъ и цѣну наслажденій его; здѣсь также радуются прекрасными вечерами бездѣлья, какіе слѣдуютъ за дилли, посвященными труду и ученю — но только въ провинціи счастливая привычка продолжаетъ невинныя наслажденія дѣтства, передъ внимательными взорами матерей, до самаго пламеннаго возраста юности. Мужчинна бываетъ уже человекомъ по мысли, но остается еще ребенкомъ по вкусамъ, начиналъ уже испытывать странныя, буйныя волненія, которыя такъ страшны въ минуты забывчивости, если ихъ не укрощаютъ чувства нѣжныя и невинныя. Спрашиваютъ иногда сами себя: что за переходъ такой испытываемъ мы, отъ прошедшаго, которое оставляемъ, къ будущему, которое для насъ начинается? но рѣшеніе остается гадательнымъ, и безокойный взоръ юности, погружался въ него, видитъ только одно, что будущее не стоитъ прошедшаго! Находятся даже такіе умы, простые и нѣжные, которые охотно согласились бы не испытывать стремленія далѣе, и не колебавшись пожертвовали бы неизвѣстными очарованіями завтра чистымъ наслажденіемъ сегодня. Въ восемнадцать лѣтъ, охотно согласился бы я на такой странный обмѣвъ, если бы предложилъ мнѣ его мой ангель-хранитель, наблюдающій надъ измѣнчивымъ жребіемъ человѣческимъ, и мы оба выиграли бы притомъ... Воображаю, что безмысленная свобода моей жизни не могла потомъ не стоять ему горькихъ слезъ, если ангель-хранитель нашъ, какъ говоритъ, плачетъ при каждомъ заблужденіи человѣческомъ.

Января 24-го, 1802 года, я былъ еще въ томъ провинціальномъ бытѣ, о которомъ вспоминаю съ невольною грустью. Я любилъ милыхъ, хорошихъ, молодыхъ дѣвушекъ, съ которыми проводилъ усладительныя часы дил, любилъ со всею силою

сердца, привыкшаго любить ихъ, но безъ лпхорачнаго чувства, безъ всякаго безпокойства, почти не предпочитал одну другой. Мнѣ было такъ хорошо между ними, но хорошо было и одному, безъ нихъ: мое воображеніе начинало образовывать въ уединеніи идеаль, не походившій ни на одну женщину, и на который ни одна женщина не была совершенно похожа, хотя сто разъ казалось мнѣ, будто я нахожу сходство съ нимъ, то въ той, то въ другой. То была моя любимая мечта, и въ безконечной неопредѣленности, гдѣ она являлась мнѣ, она давала мнѣ понятіе о счастіи, лучше всѣхъ дѣйствительностей жизни. Она мелькала передо мною сквозь тысячу сомнительныхъ формъ, но я безпрерывно искалъ ее, и очаровательное привидѣніе всегда прилетало на призывъ моей угвѣнительной думы. То увлекало оно меня отъ моей задумчивости, поражала слухъ мой насмѣшливымъ смѣхомъ, и я чувствовалъ какъ лица моего касались кольца черныхъ локоновъ; то опиралось оно на мою уединенную подушку, смотря на меня печально, и прикрывая густыми русыми локонами слезу, готовую кануть изъ глазъ его—и мое сердце летѣло къ нему, съ такимъ сильнымъ бѣніемъ, что грудь моя готова была отъ того разорваться, потому, что я передавалъ все мое будущее счастіе обладанію моимъ неумовимымъ идеаломъ, которому не придумалъ еще и имени...

И вотъ, 24-го Января 1802 года, мы собрались по обыкновенію передъ ужиномъ (тогда еще ужинали), и шумно разговаривали около нашихъ матерей, гораздо важнѣе разсуждавшихъ о пустякахъ не болѣе важныхъ. Нашъ разговоръ шелъ о выборѣ игры — дѣло въ основаніи совсѣмъ незначительное, потому, что не въ игрѣ состояла у насъ занимательность, но въ фантахъ, которые, доставляла намъ игра. Вы,

вѣрно, знаете, что фанты выкупаютъ, и выкупы заключаютъ въ собѣ всю прелесть игры. Тутъ мѣсто признаніямъ, упрекамъ, тайнамъ, высказаннымъ невзначай, мимолетно, мимоходомъ, а особливо — поцѣлуймъ, поцѣлуймъ безъ счета! Для такихъ усладительныхъ минутъ вечера живутъ цѣлый день, и послѣ такихъ минутъ жизни всего менѣе остается грусти, потому, что чувства, которыми начинаютъ увлекаться, все еще кажутся шуткою. Если послѣ фантовъ, вы ушли хоть однажды съ бурною, тревожащею сердце думою — проститесь съ ними, не начинайте ихъ вновь: наслажденіе ихъ для васъ погиблс...

— Мы не думали бы столько о томъ, что вы брать — сказала смуглянка Тереза—если бы къ намъ пришла Клера. Она знаетъ всѣ, какія только есть игры, и если какой нибудь иногда не вспомнить, тотчасъ выдумаетъ сама.

«У нея такое живое воображеніе — отвѣчала насмѣшливая Эмилія, кусая себѣ губы и потупляя глаза, какъ будто для того, чтобы скромностью прикрытъ свою маленькую злость—«можетъ быть, ужъ слишкомъ живое! Иногда она — мнѣ, право, такъ говорили — иногда она кажется совсѣмъ сумасшедшею, хоть и въ полномъ умѣ...»

— Клера не придетъ сегодня — сказала Марианна, такимъ голосомъ, который показывалъ, что она совершенно занята была какою-то мыслью, и не слыхала вполнѣ колкаго замѣчанія Эмиліи — я увѣрена, что она не придетъ: сегодня начинается недѣля Срттенская; Клера теперь постится и не станетъ играть въ такіе дни...

«Постится?» спросилъ я — «да, что? это значить? Вотъ, я совсѣмъ не знаю, что она такая необычна...»

— Тут совсѣмъ не набожность — сказала Эмилія, съ презрѣніемъ и злою насмѣшкою — это суевѣріе, либо хвастливость...

Я забыла сказать вамъ, что Эмилія слыла между нами философою. Въ то время всѣ философствовали, даже и молоденькія дѣвочки въ провинціяхъ.

«Суевѣріе» — повторила Маріанна — она всегда схватывала только по одному слову изъ рѣчи, и пропускала всѣ другія — «разумѣется, суевѣріе, и самое прихотливое, самое пельпое, самое вздорное — просто, величайшая глупость!

— Довольно, довольно — сказалъ я, смѣясь — ты возбуждаешь наше любопытство своими словами, милая Маріанна... Расскажи лучше!

«Что тутъ рассказывать — вскричала Маріанна — для такого философа, какъ вы, М. Г., можетъ быть тайной, а для всѣхъ насъ, разумѣется совсѣмъ не новость, что теперь началась Срѣтенская недѣля (la semaine de la Chandeleur), а въ Срѣтенскую недѣлю обыкновенно постятся суевѣрные простолюдинки, если хотятъ... какъ бы вамъ сказать...

— Говори, говори! — произнесли вдругъ двѣнадцать голосовъ, и двѣнадцать хорошенькихъ головокъ наклонились къ Маріаннѣ со вниманіемъ.

«Если хотятъ узнать своего суженаго — сказала Маріанна.

— Суженаго! — повторили опять двѣнадцать голосовъ. — Да, какъ же это узнаютъ суженаго? Для чего тутъ поститься? Почему надобно поститься для того въ Срѣтенскую недѣлю?

«Что за вздоръ такой?» думалъ я, и также нетерпѣливо хотѣлъ бы спросить Маріанну.

— Разумѣется, что я этому вовсе не вѣрю, да если бы и вѣрила, такъ мнѣ, право, мало нужды въ суженыхъ! Что мнѣ за дѣло, какой будетъ у меня же-

нихъ — знаютъ папенька и маменька! Уже, конечно, они выберутъ мнѣ хорошаго. А что онъ будетъ старъ, молодъ, богатъ, бѣденъ, милъ — ну, хоть и несносенъ — все равно! Вѣдь онъ станетъ ѣздить со мной на балы, на вечера, станетъ меня наряжать, одѣвать... вѣдь ужъ это обязанность всякаго мужа... Да, и что загадывать такъ далеко... я все еще и не думаю...

«И я», сказала Тереза, подвигая къ Маріаннѣ свой стулъ — «но какъ же узнаютъ о суженомъ?.. Скажи, Маріанна!

Нетерпѣніе всѣхъ было доведено до высшей степени, да и самой Маріаннѣ страхъ какъ хотѣлось рассказывать. Она дѣлалась теперь важнымъ лицомъ нашего собранія, могла говорить, занять вниманіе всѣхъ. И вотъ она гордо обвела насъ взорами, потомъ скромно потупила ихъ, и начала такъ:

«Если дѣвушка хочетъ узнать, какой будетъ у нея женихъ, она должна поститься девять дней передъ Срѣтенствомъ. Я этому не вѣрю, а Клера вѣритъ, потому, что она вѣритъ всему, что ей ни скажутъ... Она такая простая... Но поститься надобно притомъ съ такими мудреными обрядами — я и рассказать-то вамъ всего не могу, если Эмилія мнѣ не пособитъ. Она была со мною, когда Клера памъ пересказывала...

— Я? — отвѣчала Эмилія, презрительно. Извините. Вы что-то говорили между собою, а я невмѣшивалась...

«Я и не утверждаю, что ты вмѣшивалась, но по крайней мѣрѣ, слышала, что говорила мнѣ Клера, и иное лучше меня можешь припомнить. Видите — продолжала она, приложивъ розовый пальчикъ свой къ губкамъ — съ сегодняшняго вечера надобно начать постъ, и потомъ»... Въ самомъ дѣлѣ, Маріанна

разсказывала намъ столько обрядовъ, заклинаній, шептаній, что надобно было большое вниманіе всё ихъ упомянуть... Да, молодья, пылкія головы такъ памятливы!.. Я увѣренъ, что каждая изъ подругъ ея тотчасъ готова была пересказать, отъ слова до слова, все, что слышала теперь отъ Маріанны.

«И вотъ», продолжала она — «перваго Февраля въ самую полночь, надобно запереться въ своей комнатѣ, поставить на столъ два полные прибора — только не надобно класть ножей, а не то, Боже сохрани! Отъ этого такія бывали бѣды — вотъ я вамъ разскажу ихъ послѣ... Ну, ужъ разумеется, надобно одѣться, какъ невѣсть, и чтобы бѣлье столовое было притомъ самое чистое, и комната прибрана, какъ будто ждешь самага почетнаго гостя...

— Да, какія же кушанья - то будутъ на столѣ? — сказала одна изъ молоденькихъ подругъ Маріанны.

«Всего вдругъ не перескажешь — какія вы поспѣшны! Все кушанье должно состоять изъ двухъ кусковъ бѣлаго хлѣба и двухъ рюмокъ вина, и все это надобно поставить между приборами по сторонамъ. А приборы, разумеется, одинъ противъ другаго. На самой же срединѣ стола надобно приготовить закрытое блюдо, фарфоровое, либо серебряное...

— А, а! вотъ тутъ-то и вся тайна! — вскричала маленькая любопытная подруга.

Необращая вниманія на ея слова, Маріанна продолжала: «И на это блюдо надобно положить, подъ салфетку, двѣ миртовыя, либо розмариныя вѣтки — порознь, а не вмѣстѣ, а не то опять бѣда! Бывали такія примѣры...

— Далѣе, далѣе! — вскричала нетерпѣливая Тереза. И весь кружокъ повторилъ слова ея.

«Вотъ послѣ того, надобно растворить двери для добраго гостя, самой сѣсть за столъ, и — заснуть. А тамъ ужъ и пойдутъ такія чудеса... Кому Богъ судилъ на землѣ когонибудь любить, или быть чьейнибудь суженою, то суженый, или тотъ, кого любить намъ опредѣлено, явится непременно, и сѣдетъ за столъ, напротивъ, на другомъ стулѣ. И ужъ его непременно потому встрѣтишь, потому, что съ того вечера въ сердцѣ суженаго родится самое нетерпѣливое желаніе поскорѣ видѣть и сыскать свою невѣсту, и онъ ужъ такъ ее полюбитъ, что ему не мило будетъ ничто на свѣтѣ, пока онъ не отыщетъ ее! Все хорошо, прекрасно, весело, да — видъ видите: худо и горько той, которая станетъ воровить, а между тѣмъ Богъ не судилъ ей быть невѣстой — самыя страшныя видѣнія окружаютъ ее! Если ей сужено быть монахиней — она увидитъ процессію монахинь и услышитъ ихъ печальное пѣніе. А если ей опредѣлено умереть, такъ вокругъ нея понесутъ гробъ, и она услышитъ похоронныя пѣсни, и рыданіе родныхъ и подругъ...

— Ахъ! Боже мой, Боже мой! какъ это страшно! — вскричала Тереза — никогда не рѣшусь я на такіе ужасы. И подумать-то страхъ беретъ!

«Ты можешь воровить, какъ тебѣ угодно,» сказала съ насмѣшкою Эмилиа. «Ручаюсь тебѣ, что ты спокойно проспишь до утра, и тебѣ разбудятъ поутру, приниматься за твои уроки...

— И я также думаю — сказала Маріанна. — Дивлюсь только, что нашъ ученый философъ что-то задумался. — Неужели о такомъ вздорѣ онъ думаетъ, какъ будто о какомънибудь важномъ урокѣ своей Латини?

«Не знаю,» отвѣчалъ я, выходя изъ глубокой задумчивости, въ какую погрузилъ меня разсказъ Ма-

рианны. «Но право, я не посмѣю ничего сказать о чудномъ дѣлѣ, которому вѣрить народъ, и которое онъ утверждаетъ на опытѣ. Тутъ стоитъ хорошенько подумать... Но, милая Марианна — продолжалъ я, относясь къ ней съ моими словами — кажется, что въ разсказѣ твоёмъ что-то такое не досказано; ты говорила о дѣвушкѣ, которая ворожить о своемъ суженомъ, но что если мужчина задумаетъ ворожить? Скажи, пожалуста, можетъ ли онъ также увидѣть ту, которую Богъ опредѣлилъ ему подругою?

— Разумется! Тутъ нѣтъ различія между мужчиной и дѣвушкой — все равно! Если вы хотите сами испытать... можете...

«Вотъ было бы очень мило», вскричала Эмилиа, вздернувъ свой носикъ — право, очень мило, когда молодой, ученый человѣкъ, отецъ котораго былъ знакомъ съ Вольтеромъ въ Парижѣ, задумаетъ ворожить, будто глупенька какалъ нибудь Клера, не получившая никакого воспитанія!

Я не отвѣчалъ ничего, да и гдѣ мнѣ было спорить съ Эмилией, когда она ссылалась на Вольтера, хотя она и не читала его, такъ, какъ и всѣ мы его не читали. Тихонько всталъ я, отозвался заплѣтами, схватилъ свою шляпу, и побѣжалъ — начать мой Срътенскій постъ и гадать о суженой...

Я не былъ суевѣренъ, но кто разгадаетъ сердце человеческое? Не смотря на знакомство съ Вольтеромъ, отецъ мой никогда не разсуждалъ со мною о предметахъ, изученіемъ которыхъ падежало начинать воспитаніе. Онъ сознавалъ прежнее свое заблужденіе, но не опровергалъ его, молчалъ, и мои понятія составляли самую странную смѣсь какихъ-то идей, похожихъ на философскія, съ прибавкою самаго поэтическаго и простошароднаго суевѣрія. Только одно было свѣтло для меня во мракѣ —

теплалъ вѣра, грѣла мое сердце благоговѣніемъ ко всему великому и прекрасному, и потомъ довела меня къ утѣшительнымъ сознаніямъ, какихъ никогда не достигнуть умничаньемъ и философскою холодному разуму человеческому. Хотите ли видѣть обращикъ моихъ тогдашнихъ размышленій?

«Почему же не быть такъ?» думалъ я. «Въ природѣ столь много чудеснаго, неразгаданнаго человекомъ? И между тѣмъ никто не сомнѣвается въ томъ чего вовсе не понимаетъ. Средство таинственное между существами, по видимому, чуждыми, открывается въ такихъ непостижимыхъ отношеніяхъ! Отъ чего происходитъ дѣйствіе магнитной стрѣлки? Бабочка, созданіе мгновенное, влечется къ любви непостижимымъ для насъ инстинктомъ; пльмъ съ растенія оживляетъ другое растеніе. Неужели только человѣку Провидѣніе откажетъ въ предчувствіи; инстинктъ любви? Сомнѣваться въ томъ, значить сомнѣваться въ величій непостижимыхъ тайнъ природы. Но почему же существуетъ такое вѣрованіе у народа, если его и нельзя подвести подъ ученые вычсты? Холодное презрѣніе ко всему, чего мы не постигаемъ, доказываетъ только ограниченность и гордость нашу. И не замѣняете ли ихъ свѣтлый огонь таинственнаго воображенія? Что значать догадки философіи противъ очарованія поэтическаго, перенослщаго насъ въ міръ неизъяснимыхъ видѣній? Здѣсь надобно вѣрованіе, но что будетъ вся жизнь наша безъ вѣрованія сердечнаго? Если мы захотимъ испытать все, что кажется намъ истиною, мы ужаснемся, можетъ быть, какъ немного положительныхъ истинъ придется человѣку въ его жизни.»

Вы видите, какими философическими убѣжденіями приготовился я къ таинственному гаданью о судьбѣ моей. Смѣйтесь, но только не ругайтесь ни

за кого — даже за самих себя... И теперь еще дивлюсь я тому, как могла дѣтская сказка до такой степени увлечь меня, но между тѣмъ съ удивительнымъ вниманіемъ выполнилъ я всѣ обряды, какихъ требовала ворожба о суженой. Можетъ быть, самая рѣшительность мол придавала мнѣ силы — то было первое торжество моей собственной воли. Всѣ предписанные суевѣрнымъ повѣрьемъ обряды были мною исполнены, и въ назначенный для гаданья вечеръ — я сидѣлъ за столомъ; блюдо съ миртами, и все, какъ говорили, было передо мною — ничего страшнаго, ужасающаго не входило въ мои мысли — напротивъ, я былъ такъ веселъ, такъ усадительно спокоенъ... Невольный, незамѣтный самому мнѣ сонъ овладѣлъ мною, и я скоро и крепко заснулъ...

Не знаю, сколько времени продолжался сонъ мой, не знаю и того, какъ проснулся я — ни того даже: спалъ ли я въ самомъ дѣлѣ или нѣтъ? Но теперь мнѣ казалось, что я не сплю, и при мерцающемъ свѣтѣ нагорѣвшихъ на столѣ свѣчъ, я видѣлъ себя въ своей комнатѣ — всѣ предметы ясно различалъ я, и мнѣ чудился между тѣмъ какой-то легкій шумъ, причины котораго я не могъ изъяснить себѣ. Не слышно было ни какихъ, даже самыхъ легкихъ шаговъ — шумъ, слышанный мною, уподоблялся едва замѣтному шороху, который произвелъ бы пукъ перьевъ, если бы имъ мести гладкій паркетъ. Глаза мои невольно обратились къ дверямъ — я не обманывался: тамъ различилъ я образъ женщины! Я хотѣлъ встать, броситься къ ней, и какъ будто какалъ нибудь невидимая сила удержала меня на мѣстѣ. Говорить, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ я — и не могъ... Но я чувствовалъ между тѣмъ, что обладаю вполне моимъ разсудкомъ —

никакое ощущеніе страха не тревожило меня... Тайны моего жребія торжественно раскрывались, передо мною — я видѣлъ лицомъ къ лицу судьбу мою... и не робѣлъ...

Тихо приблизилось ко мнѣ легкое привидѣніе, какъ будто не замѣная меня, какъ будто повинуюсь какому-то невольному, непреборимому стремленію... Оно подошло къ кресламъ, противъ меня стоявшимъ, сѣло въ нихъ, и я могъ свободно разглядывать прекрасное, таинственное существо. Глаза его были опущены въ землю, и его молчаніе и неподвижность ободрили мое дерзкое любопытство. Съ перваго взгляда увѣрился я, что передо мной была дѣвушка, вовсе мнѣ неизвѣстная, никогда мною невиданная, и между тѣмъ, среди неопредѣленнаго чувства сна и дѣйствительности, я понималъ, что она была не мечта, но существо живое, дышащее жизнью въ радостномъ Божіемъ мѣрѣ. Какъ ни было юно и свѣжо мое воображеніе, какъ ни было оно разгорячено, но оно не могло создать себѣ ничего, походившаго на чудный образъ незнакомки, сидѣвшей противъ меня: она принадлежала къ тѣмъ безсознательнымъ вдохновеніямъ, которыя недостижимы волѣ челоуѣка, и которыхъ не можетъ намъ передать никакое чувство земнаго излщнаго. Мол метафизика школьника-философа вполне бодрствовала въ моемъ снѣ, но ее уничтожило очарованіе таинственнаго событія. Одно понималъ я, что созданіе столь милое, столь совершенное, было выше всякой возможной мечты моего воображенія...

Ни слова ни скажу о красотѣ незнакомки — словами нельзя написать портрета, и я часто сомнѣвался, можно ли написать его даже очерками и красками. Есть въ соединеніи всѣхъ формъ оживленнаго существа, не знаю какал-то игра сграстей

и жизни, которой никогда не передадут, ни кисть ни перо, и передача ея всегда тѣмъ не надежнѣе, что значеніе сей общности формъ не для всякаго равно постижимо. Каждый читаетъ се, смотря по своей привычкѣ разбирать отдѣльные ея части, проникать въ смыслъ ихъ и усваивать себѣ главную ихъ мысль. Когда такое сознание пришло въ совершенное согласіе съ разумнѣемъ и чувствомъ души того, кто глдитъ на соединеніе формъ прекраснаго — въ тысячу разъ легче понять, а не изслѣдовать его, и дѣйствіе его бываетъ такъ увлекательно, такъ всеобъемлюще, что не даетъ ни сколько свободы заняться наблюденіемъ подробностей. Думаю, что надобно потерять первую чистоту впечатлѣній любви, и тогда только можемъ мы остановившись на отдѣльной какой нибудь выразительности ротика, красотѣ ряда зубовъ, или не послушномъ доконѣ, небрежно упавшемъ съ головы. Могучее сочувствіе, рѣшающее участь цѣлой жизни, безъ раздробленія поглощаетъ все наше бытіе. Существо, котораго ждалъ я при моемъ гаданіи, должно было явиться только по совершенному и полному сочувствію между мною и имъ, и удивительно ли, что я предался ему безотчетно, вполне, всюю моею жизнію! Я не спрашивалъ: почему люблю я мою мечту — не спрашивалъ даже люблю ли я ее — я зналъ что люблю, не понималъ, какъ можно было все любить ее, и я готовъ былъ сказать, какъ сказалъ бы первый человекъ, когда Создатель дополнилъ для него благодѣнія чудесъ творчества, создавая жену: «Теперь бытіе мое полно — *и есть!*»

Незнакомка казалась одѣтою, такъ какъ и я, въ нарядное платье, одежду невѣсты, но только нарядъ ея не походилъ на нарядъ молодыхъ дѣвушекъ на-

пей провинціи. Онъ напомнилъ мнѣ костюмъ невѣсты, который случалось мнѣ замѣчать иногда въ недалеомъ городкѣ, перешедшемъ во время послѣднихъ войнъ во владѣніе Франціи: то былъ красивый и щегольской нарядъ, сохраняемый высшимъ обществомъ городка Монбельера, по преданіямъ, для торжественныхъ случаевъ — теперь, вѣроятно, этотъ нарядъ совершенно вышелъ и тамъ изъ употребленія. Незнакомка положила подлѣ себя на столъ небольшой ридикюль изъ стальныхъ колечекъ, точно такой, въ какихъ молодыя дѣвушки нашивали тогда, что они называютъ своею *работою*. Я не замедлилъ замѣтить, что на ридикюль были выложены стальными гвоздиками двѣ буквы, вѣроятно, означавшія собою имя моея суженой. Мнѣ хотѣлось слышать подтвержденіе догадки моея изъ устъ ея. Но къ несчастію, очарованіе, лишившее меня возможности говорить, продолжалось, и всѣ способности, всѣ силы души моея перешли тогда въ мои глаза — мой взоръ встрѣтился со взоромъ незнакомки. Волшебство ея небснаго взгляда достаточно было сдѣлать меня нѣмымъ. Я едва постигалъ возможности перенести выраженіе взора ея — и не умереть отъ счастья. «Вѣроятно,» думалъ я послѣ — «только совершенные мною обряды дали мнѣ силу противиться очарованію, послѣ котораго земная жизнь не представляеть уже никакой цѣны.» Никогда огонь непорочной страсти не оживлялъ глазъ болѣе нѣжныхъ, и не высказывалъ лучше неизъяснимой тайны любви, для которой ни какой языкъ человѣчскій не нашеть бы словъ. Между тѣмъ, какое-то уныніе потемнило взоръ незнакомки. Казалось, что неопредѣленное предчувствіе будущаго вдругъ заняло ея мысли, раскрылось передъ ней въ страшномъ видѣніи и перешло въ ужасающую дѣйствитель-

Т. VI. — Отд. II. 2

ность. Грудь ея взволновалась; на рѣсницахъ блеснули слезы, которыя старалась она скрыть. Тихонько отодвинула она рукою вино и хлѣбъ, передъ ней стоявшіе, схватила одну изъ миртовыхъ вѣтокъ съ блюда и приколола ее къ груди своей. Потомъ, вдругъ встала она и медленно пошла къ дверямъ. Тогда я успѣлъ наконецъ преодолѣть очарованіе, дѣлавшее меня неподвижнымъ и безмолвнымъ, и бросился къ ней, какъ будто желая услышать отъ нея хоть одно слово утѣшенія и надежды. — «Кто бы ты ни была — вскричалъ я — не оставляй меня въ безнадежной грусти, что я никогда не увижу тебя болѣе! Подумай, что моя будущность зависитъ отъ тебя, и не обрекай вѣчному несчастію самыхъ усладительныхъ минутъ моей жизни! Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, прижму ли я когда нибудь къ сердцу моему твою руку — увижу ли тебя еще — *хоть одинъ разъ!*»

— *Еще разъ, или никогда* — отвѣчала она, и съ горестью повторила — *никогда, никогда!* —

Она исчезла — какъ, я и самъ не замѣтилъ. Я чувствовалъ, что силы меня оставляютъ и колѣна мои дрожать и подгибаются. Едва могъ я дотащиться до моихъ креселъ, и упалъ въ нихъ въ совершенномъ безсиліи. Мнѣ казалось, что глубокій сонъ овладѣлъ мною, и мрачный покровъ задернулъ отъ меня мое свѣтлое видѣніе....

День былъ на дворѣ, когда я проснулся. Меня разбудилъ смѣхъ моего слуги, убиравашаго всѣ приготовления моего ночного таинственнаго пира. Слуга думалъ, что все было нагорожено мною въ припадкѣ лунатизма, которому, дѣйствительно, бывала я подвержена. Разувѣрять его въ противномъ не хотѣлъ, и, къ величайшей досадѣ, забылъ притомъ заглянуть въ блюдо и увѣриться, точно ли осталась

изъ двухъ, положенныхъ въ него миртовыхъ вѣточекъ, только одна! То было единственное средство придать видѣнію моему безспорную дѣйствительность, или узнать достоверно, что я мечталъ во снѣ. Оставшись въ неопредѣленномъ сомнѣніи, умъ болѣе важный и строгій, нежели умъ молодого двадцати-лѣтняго человѣка, могъ бы запутаться. Положимъ однакожь, что онъ почелъ бы странное привидѣніе минувшей ночи слѣдствіемъ долгаго вниманія, устремленнаго на одинъ предметъ, и мечтою разгоряченнаго воображенія, но можно ли было отъ меня требовать такой хладнокровной разсудительности? Человѣкъ, влюбленный въ первый разъ, влюбленный истинно, не разсуждаетъ. Я увѣрилъ себя въ дѣйствительности моего сна, и всею силою моего сердца, со всею упоеніемъ страсти, со всею безуміемъ юности полюбилъ я мою таинственную незнакомку, не думая о томъ, что можетъ быть она вовсе и не существуетъ въ мѣрѣ!...

Не такого былъ я характера, который легко покидаетъ впечатлѣнія, однажды сильно овладѣвшія душою. Мысль о моей суженой стала единственною моею мыслью, цѣлью жизни моей — бытіемъ моимъ. Я совершенно оставилъ тотъ невинный, дѣтскій мѣръ моихъ наслажденій, гдѣ до сихъ поръ сосредоточивались всѣ мои забавы, всѣ мои наслажденія. Уединенія искалъ я, потому, что только въ уединенія, одинъ самъ съ собою, могъ я свободно предаваться моимъ мечтамъ, моимъ надеждамъ. Какой нѣжной дружбѣ, какой утѣшительной довѣрчивости могъ я вѣрить странную тайну мою? Въ безуміи моемъ казалось мнѣ, что какое нибудь неожиданное событіе, восторгъ, такъ же внезапно, какъ и видѣніе моей суженой, приведетъ ее передъ меня въ дѣйствительности. Я ждалъ ее, ждалъ, что встрѣ-

чу ее, увижу ее — я видѣлъ ее въ каждой незнакомой женщинѣ, которую успѣвалъ завидѣть издалика, и — она исчезала передо мною съ приближеніемъ каждой незнакомки, какъ исчезла мечта моего видѣнія. Такое непрерывное ожиданіе и непрерывное разочарованіе сдѣлалось наконецъ пагубно, губительно для моего разсудка. Мысль о встрѣчѣ суженой стала постылинымъ, непобѣдимымъ, безумнымъ изступленіемъ. вмѣстѣ съ моимъ умомъ страдало и тѣло мое; душевная бользнь свѣдала, губила меня — я сдѣлался боленъ, слегъ, и лекаръ, призванные лечить меня, вскорѣ начали сомнѣваться въ моей жизни. Они не могли угадать тайны моего страданія, а я могъ ли имъ открыть ее?

Между тѣмъ, я не упускалъ ни какихъ средствъ открыть таинственную подругу моей жизни. Буквы на ридикюль изъ стальныхъ колечекъ не выходили изъ моей головы. И подѣ обѣщаніемъ сохранить строжайшую тайну, я открылъ ихъ одному изъ школьныхъ моихъ товарищей, жившему въ Монбельярѣ, присовокупивъ къ тому самое вѣрное описаніе молодой дѣвушки, имя которой должно начинаться упомянутыми буквами. Описаніе мое не могло быть невѣрно — образъ незнакомки слишкомъ глубоко врѣзался въ мое сердце.... Чувствую, что и теперь, по прошествіи тридцати слишкомъ лѣтъ, онъ вѣрно, неизгладимо сохранился въ немъ.... Что касается до опасенія, что я могъ въ описаніи преувеличить красоту моего привидѣнія.... Боже мой! какое преувеличеніе могло равняться съ нею съ дѣйствительностью, если только она существуетъ!..

Долго не было отвѣта. Онъ явился оживить мое бытіе, въ одно изъ тѣхъ мгновеній сердечной скорби, когда истощенныя силы мои почти уже отказывались бороться съ несумолимою смертью. Иде-

альное существо, которое видѣлъ я въ таинственную ночь моего гаданія, дѣйствительно существовало, и сходство его съ моимъ описаніемъ было изумительно. Мой товарищъ нашелъ дѣвушку, совершенно похожую на мое описаніе, такъ, что у нея было даже родимое пятнышко на шеѣ — и это успѣлъ я замѣтить и не забыть въ моемъ очаровательномъ привидѣніи! Дѣвушка называлась *Цецилія де Саверни*, и — ея имя начиналось именно двумя буквами: C. S., которыхъ видѣлъ и прочиталъ я на ридикюль изъ стальныхъ колечекъ! Обыкновенно жила она съ отцомъ своимъ, въ небольшомъ помѣстьѣ, недалеко отъ Монбельяра, и потому-то, товарищъ мой не могъ скоро увидѣть ее и отвѣчать на письмо мое. Ему трудно было притомъ собрать надлежащія свѣдѣнія. Не задолго передъ тѣмъ, Цецилія съ отцомъ своимъ переселилась въ Монбельяръ, и ея красота сдѣлалась предметомъ разговоровъ цѣлаго города. Мой услужливый товарищъ, полагая, что свѣдѣнія, какихъ требовалъ я отъ него, означали чѣе нибудь намѣреніе свататься за Цецилію, причѣмъ я былъ добрымъ посредникомъ, почелъ необходимымъ распространиться о душевныхъ свойствахъ и ангельскомъ нравѣ дѣвицы де-Саверни. Но въ заключеніе письма, не безъ прискорбія прибавлялъ онъ, что дѣвица Цецилія была не богата. Такое извѣстіе принесло мнѣ особенную радость; мое, также небогатое состояніе никогда не позволяло мнѣ думать о большомъ приданомъ за невѣстою, а теперь, при мечтательной любви моей, всего далѣе была отъ меня мысль — соединять святой союзъ сердець съ низкою заботою обогащенія....

И такъ она была не мечта? Мое привидѣніе облеклось для меня въ жизнь, моя любовь перешла

въ действительность! *Цецилію Саверни* любилъ я, и *Цециліи* существовала, не была игрушкою разстроеннаго воображенія! Она жила въ нѣсколькихъ лѣтъ отъ меня; я могъ, я долженъ былъ увидѣть ее, и близъ нея, съ нею надлежало мнѣ провести всю жизнь мою, въ сладостномъ упоеніи счастья, на которое обрекло насъ Провидѣніе! Болѣзнь моя мгновенно пропала съ исчезнувшимъ недоумѣніемъ; отъ нея оставались еще только небольшая слабость и какая-то душевная тревога. Отецъ мой, утѣшенный, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе радуемый моимъ выздоровленіемъ, укрѣплялся вѣрною надеждою на совершенное исцѣленіе мое. Однажды, когда дружески пожималъ онъ мою руку, наклонясь на кровать, съ которой я все еще не вставалъ — «Слава Богу,» сказалъ онъ мнѣ, съ кроткою улыбкою — слава Богу! Ты преодолѣлъ причину твоей болѣзни и останешься живъ — благодарю тебя!... Ты вспомнилъ объ отцѣ своемъ?...»

— Причину моей болѣзни? — спросилъ я, съ невольнымъ удивленіемъ — но развѣ вы знали тайну мою?

— «Ахъ! какъ же мнѣ было не знать ее!» — Онъ опять улыбнулся. «Всѣ несчастія вашихъ лѣтъ происходятъ отъ одного — любви! И я испытывалъ ихъ въ свой чередъ. Теперь, издали, послѣ столькихъ лѣтъ, я гляжу на нихъ съ улыбкой сожалѣнія, но вѣрю и понимаю, что они могутъ быть смертельны. Поэтому-то съ радостью постарался бы я пособить тебѣ, если бы только было возможно. Поздравляю тебя, мой другъ, что ты вооружился умомъ противъ неизбежнаго бѣдствія, которое въ будущемъ не замедлитъ исправиться, и о чемъ, со временемъ, ты самъ будешь говорить, какъ о глупой мечтѣ молодости. Общай только мнѣ, что ты мнѣ

первому скажешь, если новая страсть загорится въ твоемъ сердцѣ. Мы будемъ говорить объ ней, какъ искренніе друзья, изъ которыхъ у одного только болѣе опытности. Общай тебѣ, мой другъ, съ своей стороны, если только ты будешь упорствовать, не противиться твоему счастью и стараться устроить его. Довольно ли ты моимъ обѣщаніемъ, дитя мое? Я схватишь руку его и прижаль къ губамъ моимъ.

— Вы заставляете меня чувствовать всю цѣну вашей любви, батюшка, и я клянусь вамъ никогда не измѣнить вашей довѣренности... Позвольте однакожь узнать, почему полагаете вы, что не ошибились на счетъ причины моей болѣзни? Не понимаю, какъ могли вы угадать ее?

«Дѣло было совсѣмъ не такое трудное, какъ ты воображаешь,» сказалъ мнѣ отецъ мой, снова улыбаясь. «Что ты влюбленъ, о томъ говорило мнѣ все — и твое уныніе, и слова твои и твое молчаніе. Оставалось сыскать: кого могъ ты полюбить изъ двупекихъ, составляющихъ обыкновенное наше общество. Не Терезу ли? Нѣтъ! Она слишкомъ вѣтрена и легкомысленна; и не Маріанну — хоть ея болташе забавляетъ тебя, но умъ ея не стоитъ твоего, и въ душѣ ея не можетъ быть глубокаго чувства; она добра только по инстинкту. Объ Эмили и не говорю — она такая разумная, чопорная, такая резонерка, и толкуеть о Вольтерѣ и Системѣ Природы. Оставалась только твоя кузина Клера, милая, хорошенькая, скромная; у нея какое-то добродушное и какое-то восторженное чувство, столь сходное съ направленіемъ ума твоего. Ну, видишь ли, что я умѣлъ угадать?»

— Клера! — вскричалъ я съ удивленіемъ, которое легко можно было принять за выраженіе совсѣмъ другаго чувства.

Да, точно такъ — она исполняла обряды въ то же время, когда и гадала о судьбѣ моей, и она была причиною, что я вздумалъ гадать о моей суженой!

— Вы, правы, батюшка — сказала я, послѣ минуты размышленія — вы правы, предполагая, что еслибы выбирать мнѣ изъ тѣхъ, кого я знаю — я всѣмъ другимъ предпочелъ бы Клера. Я люблю ее, какъ друга, какъ родственницу, какъ милую, добрую дѣвушку, и увѣренъ, что она будетъ доброю женою, доброю матерью семейства, но никогда не думалъ я жениться на ней, не представлялъ ее себѣ матерью моихъ дѣтей.

Вѣрите искренности моихъ словъ... Отецъ мой смотрѣлъ на меня съ изумленнымъ видомъ.

— Не сомнѣваюсь въ нихъ — сказалъ онъ — но изъ твоихъ словъ вижу, что я совершенно ошибся въ моихъ предположеніяхъ. Стало быть, не то, что Клера выходитъ за мужъ, довело тебя до такого отчаяннаго горя и причинило мнѣ такую тяжкую скорбь?

«Клера выходитъ замужъ» вскричалъ я, подымаясь на своей кровати. — «Она выходитъ за мужъ, говорите вы? Да, не бойтесь, не бойтесь, батюшка — я очень радъ, и желаю только, чтобы ея супружество было счастливо...»

— И я того же ей желаю, и надѣяться можно, хоть тутъ было что-то такое странное... Клера отказала въ пшнѣшнемъ году тремъ, весьма выгоднымъ и хорошимъ женихамъ. Мать ея думала уже, что она хочетъ идти въ монастырь. Ты знаешь, что Клера всегда бывала такая набожная, такая богомольная... Вдругъ посватался за нее молодой человекъ, почти никому незнакомый, недавно приѣхавшій въ нашъ городъ, и съ перваго слова Клера со-

гласилась на его предложеніе. Все, что могли узнать о женихѣ, говорило въ его пользу, и оба семейства не нашли препятствій на супружество молодыхъ людей, хоть оно и было такое печальное. Клера почитаетъ себя совершенно счастливою, и говоритъ, что она знала жениха своего съ самаго Срѣтенева дня. Ты можешь видѣть даже и тутъ склонность ея къ таинственности и романтизму, почему я и полагалъ всегда между вами тайную склонность одного къ другому.

«Увѣрю васъ, батюшка, что я, какъ Клера, совершенно увѣренъ въ будущемъ ея счастіи, и думаю, что она не могла сдѣлать лучшаго выбора...»

— Положимъ, что такъ — отвѣчалъ мой отецъ, засмѣявшись — вы оба смотрите одинаково, но поговоримъ же о тебѣ.

«Да, развѣ вы думаете, что должно говорить обо мнѣ? Мнѣ только двадцать лѣтъ...»

— Не старые года, правда, но почему же не думать тебѣ о невѣстѣ? Я женился поздно, когда годы бѣгутъ такъ быстро, и мнѣ не хотѣлось бы умереть безъ того, пока судьба твоя будетъ упрочена. Хочу, чтобы меня ласкала милая дочь — жена твоя, чтобы со мной играли твои ребятишки, мои внучата, и память обо мнѣ сохранилась бы въ новомъ поколѣніи дѣтей моихъ! Это вещественное бессмертіе на землѣ, дѣтя мое, и его живо понимаютъ и желаютъ слабыя чувства наши и бѣдный разумъ нашъ. Знаешь ли, что съ нѣкотораго времени, мысль о женитьбѣ твоей сдѣлалась безпрерывною моею мыслью? И если надобна тебѣ моя полная откровенность: въ первый разъ пришла она мнѣ въ самый день Срѣтенія!

«День Срѣтенія, батюшка?»

— Да, чему же ты удивляешься? Мнѣ кажется

туть все весьма естественно: Съ Срѣтенева дня, мысли о невѣстахъ и женихахъ начинаютъ бродить въ головахъ всѣхъ молодыхъ людей, и заставляють задумываться отцовъ и матерей. Я вврю, что есть непостижимое сродство душъ и сердець... Но я и забыть, что напомниманіе о Срѣтеневѣ днѣ можетъ возбудить въ тебѣ мысли такіа, какія пришли въ голову глупенькой Клерѣ. Бѣда съ вашими горячими головами! Ну, да туть нѣтъ ничего таинственнаго: мнѣ просто пришла въ голову мысль о женитьбѣ твоей въ самый Срѣтеневъ день. Почти, пожалуй, такой случай счастливымъ для себя предвѣщаніемъ. Что я не говорилъ тебѣ ничего — ты знаешь причину: я думалъ, что ты влюбленъ въ Клеру. Почти съ того самаго времени началась твоя болѣзнь, отъ которой ты едва только теперь оправляешься. Если не любовь была причиною твоей болѣзни, теперь самое время говорить съ тобою о моихъ планахъ. Но только, ради Бога, не принимай ихъ за повелѣнія, если они, хоть сколько нибудь, противорѣчатъ твоимъ мыслямъ и наклонностямъ! Твой выборъ, твоя воля остаются совершенно свободными — дай мнѣ напередъ слово, и потомъ поговоримъ.

«Вы исполните сердце мое радостью и благодарностью», отвѣчалъ я, садясь на моей кровати и опираясь мое платье. Я чувствовалъ, какъ слова отца моего подкрѣпляли мои силы и осуществляли надежду мою быть супругомъ Цециліи. «Ожидая отъ нашей вѣжности, батюшка — продолжалъ я — что вы не пожелаете отъ меня согласія на союзъ, который нарушить мой, самая святая обѣщаніи, разрушить таинственныя предопредѣленія судьбы... Клянусь вамъ пригомъ съ моей стороны, мой добрый и единственный другъ, что я не скрою отъ васъ никакой тайны моего сердца, и никогда не введу

въ родительскій домъ дѣвушки, которой вы не признаете по искреннему желанію вашему свою дочью.

— Да будетъ такъ — отвѣчалъ отецъ мой, вздохнувши — а между тѣмъ я было выбралъ уже тебѣ невѣсту, и теперь долженъ пожертвовать однимъ изъ самыхъ усладительныхъ моихъ мечтаній! Позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, рассказать тебѣ о моихъ планахъ и предположеніяхъ. Кажется, ты никогда не слыхалъ отъ меня, другъ мой, имени одного изъ друзей моихъ, хотя воспоминаніе объ немъ соединено съ памятью о моемъ дѣтствѣ; никогда не говорилъ я тебѣ о моемъ единственномъ другѣ, съ которымъ истинная и безкорыстная дружба моя началась въ училищѣ. Никогда не забывали мы одинъ другаго, но различныя назначенія въ жизни, и отъ того разлука, разныя отношенія, разныя обстоятельства, раздѣлили насъ. Онъ былъ полковникомъ артиллеріи, а потомъ эмигрантомъ. Последнее, казалось, навсегда разлучило насъ, потому, что я увлекся въ другую сторону политическими моими мнѣніями, и кто, по крайней мѣрѣ, многие ли не обольщались въ то время самыми горделивыми надеждами? Но для меня и друга моего, различіе мнѣній послужило къ счастью насъ обоихъ. Имѣи нѣкоторое значеніе въ обществѣ, я старался употреблять его въ пользу ближнихъ. Могъ ли я не пособить моему другу? Разочарованный въ надеждахъ другаго рода, другъ мой скитался на чужой сторонѣ, и скорбѣлъ о своей родинѣ, всегда драгоценной благородному сердцу. Я успѣлъ хлопотать ему позволеніе возвратиться. Недавно, онъ опять увидѣлъ свой родительскій кровъ, свои родныя поля — онъ опять дышитъ воздухомъ отчизны. Мы еще не видались съ нимъ послѣ его

возвращения, но въ письмахъ своихъ изъясляетъ онъ мнѣ всю свою признательность. Такого вознагражденія достаточно за всѣ мои старанія въ пользу добраго друга и товарища дѣтства. Взаимная довѣренность увлекла насъ, между прочимъ, въ рассказы обо всѣхъ подробностяхъ нашей жизни и нашихъ домашнихъ отношеній. Мой старшій другъ знаетъ уже, что у меня есть сынъ, на которомъ вся надежда моей старости, и онъ говоритъ, что по всему, что слышитъ, онъ имѣетъ о тебѣ самая выгодныя мнѣнія. У друга моего есть дочь; ей теперь шестнадцать лѣтъ, и все что я знаю объ ней, заставляетъ меня думать, что она можетъ составить счастье своего мужа, такъ, какъ до сихъ поръ была она счастьемъ и утѣшеніемъ своего добраго отца. Не скрою отъ тебя, что въ союзъ вашемъ, я и другъ мой видѣли надежное средство провести остатокъ дней имѣть, и заодно радоваться вашимъ счастьемъ. Мы уже такъ много было обо всемъ этомъ мечтали... Что дѣлать! Видно, человѣку суждено безпрестанно обманываться въ своихъ предположеніяхъ! И старость, не смотря на свою опытность, также мечтаетъ и ошибается, увлекается несбыточными надеждами, подобно юности. Видно, ничто и никогда не разучить человѣка отъ обмана надеждъ. Будущее такъ усладительно являлось для меня и друга моего. Надобно отказаться отъ нашихъ плановъ. Но, я не ропщу на тебя, мой другъ!

«Простите меня, батюшка!... Боже мой! для чего не могу я заплатить за всю нѣжность вашу моею покорностью вашей воли...»

— Не безпокойся, дитя мое! я утѣшусь въ уничтоженіи моихъ надеждъ твоимъ счастьемъ, хотя мнѣ будетъ и очень жаль... Я слышалъ при томъ

что Цецилія де-Саверни очень мила, и весьма красива собой, хоть наша сторона вообще можетъ похвалиться красавицами....

«Цецилія Саверни?» вскричалъ я, вскакивая съ моей кровати — «Цецилія, говорите вы, батюшка? Такъ ли я слышалъ? Не ошибся ли я?»

— Ни сколько. Цецилія, дочь Гильберта де-Саверни, отставнаго полковника артиллерійскаго, который живетъ теперь въ Монбельярѣ, въ сосѣднемъ съ нами департаментѣ Монъ-Террибльскомъ. Да, и объ ней именно говорилъ.

Тутъ упалъ я къ ногамъ отца моего, въ состояніи радостнаго трепета, котораго невозможно изъяснить. Я схватилъ его руки, цѣловалъ ихъ, плакалъ, и долго не могъ сказать ни одного слова. Мой отецъ встревожился, обнялъ меня и прижалъ къ своему сердцу; десять разъ спрашивалъ онъ, что такое со мною сдѣлалось, пока я былъ въ состояніи отвѣчать ему.

«Цецилія Саверни! Она, она — вскричалъ я наконецъ, задыхаясь отъ усилія, съ какимъ говорилъ — «она — на колыняхъ прошу васъ, батюшка, отдайте мнѣ Цецилію! Я люблю ее, я умираю отъ любви къ ней...»

— Неужели? — радостно спросилъ отецъ мой — но, мой другъ, просьбу твою легко исполнить. Дѣло между нами почти слажено. Однакожь, нѣтъ ли тутъ какой нибудь ошибки? Какъ могъ ты даже провѣдать о томъ, что существуетъ на свѣтѣ Цецилія? Гдѣ ты видалъ ее? Какъ могъ ты узнать ее? Саверни недавно воротился изъ-за границы, и пріѣхалъ прямо въ Монбельяръ, а когда мы были тамъ съ тобою, года съ два тому, Цециліи не было еще въ Монбельярѣ.

Я покраснѣлъ. Вопросы отца моего касались та-

кой тайны, которую мнѣ совѣстно было открыть ему. И что могъ подумать обо мнѣ добрый отецъ мой? что я сумасшедшій, что я обманываю его...

— Вѣрите, батюшка — сказалъ я — что я знаю Цецилію. Еще болѣе — я увѣренъ, что она не отвергнетъ любви моей... О томъ, какъ я узналъ ее — будьте такъ снисходительны — не спрашивайте меня!...

«И не подумаю узнавать твоей тайны,» отвѣчала отецъ мой, обнимая меня. «За чѣмъ требовать нескромной довѣренности? Есть ощущенія у сердце, есть сочувствія, которыхъ мы, въ наши лѣта, не можемъ понимать. Твое желаніе согласно съ самыми усладительными мечтами моими, и мнѣ совѣмъ не надобно выпытывать у тебя, какъ началась любовь твою къ Цециліи. Почему не предположить — продолжалъ онъ, смѣясь — что тутъ вмѣшалась какая нибудь таинственная судьба? Вспомни, что все началось съ Срѣтеньева дни. Займемся лучше исполненіемъ нашихъ мечтаній, и сдѣлаемъ поскорѣе счастливыми два сердца — вѣдь ты говоришь, что Цецилія тебя любитъ? Надобно только повременить... да, не бойся: отсрочка не будетъ продолжительна. Твои успѣхи въ ученьи всегда радовали и утѣшали меня. Время, потерянное тобою, пока ты былъ боленъ, тебѣ легко можно вознаградить. Согласись, что нельзя же приступить къ самому торжественному событію въ жизни, не имѣя правъ назваться совершеннолѣтнимъ человѣкомъ, а не школьникомъ? Впрочемъ, не безпокойся — отсрочка счастья сдѣлаетъ его еще болѣе для тебя драгоценнымъ. Вѣрь мнѣ, что надежда на вѣрное благополучіе есть уже счастье для человѣка! Можетъ быть, она-то и есть истинное наше блаженство на землѣ.. Между тѣмъ, приличія требуютъ, чтобы ты посвятилъ сво-

его будущаго тестя, и прежде нежели мы кончимъ переговоры о твоёмъ супружествѣ, успѣлъ ему понравиться, испросилъ согласіе невесты, вѣрнѣе и опредѣленнѣе нынѣшней надежды твоей на ея согласіе. Вотъ, теперь твое здоровье поправляется. Полагаю, что проживши мѣсяцъ какой нибудь въ Монбельярѣ, ты еще болѣе укрѣпишь его. Поѣзжай, мой другъ, въ Монбельяр! Мимоѣздомъ ты успѣешь быть на свадьбѣ Клеры, которая назначена въ хорошенькомъ домикѣ отца ея, что подлѣ Арсейскаго лѣса. Вѣдь тутъ почти по дорогѣ. Какъ думаешь: ладно ли я распоряджаюсь?

Я бросился въ его объятія, и умолялъ его отпустить меня поскорѣе въ Монбельяр; каждаго минута, пока я не видалъ Цециліи, казалась мнѣ потерянною. Отецъ мой пошелъ въ кабинетъ, и черезъ два часа вошелъ ко мнѣ съ письмомъ, адресованнымъ на имя Саверни.

На другой день я былъ уже на дорогѣ въ Монбельяр. Былъ ли я счастливъ? Былъ ли я радъ?.. Такія минуты, такіа чувства не описываются... Но, великій Боже! что такое счастье и бѣдныя радости человѣческія!..

Странное очарованіе, наполнившее все бытіе мое, уничтожившее всю мою способность разсуждать, съ роковой ночи моего гаданья о суженой, теперь совершенно овладѣло мною. Оно перешло для меня изъ міра мечтаній въ міръ совершенно дѣйствительный. Да и какой умъ могъ бы тутъ устоять? Неожиданное стеченіе розысканій моихъ о Цециліи и предположеній моего отца съ временемъ и обстоятельствами моего гаданья, все было такъ необыкновенно, все казалось мнѣ такъ чудесно, что я почиталъ уже мое таинственное свиданіе съ Цециліею не сномъ, не мечтой, но дѣйствительною загадкою та-

индивидуальных путей Провидѣнія. Такая мысль прибавляла мнѣ счастье, упрочивала его, такъ сказать, тѣмъ, что въ немъ видѣла я неизмѣнную волю небесъ. По природѣ склонный къ чудесному, безъ всякаго сопротивленія увлекался я имъ теперь вполне и весь. Сердца, любившія когда нибудь, легко поймутъ меня...

Въ первый разъ въ жизни былъ я счастливъ, даже не постигалъ, что счастье мое можетъ еще разрушиться. Будущее обѣщало мнѣ цѣлый вѣкъ, цѣлую вѣчность благополучія. Я спѣшилъ къ Цециліи со всею довѣренностью, со всею забывчивостью юнаго человѣческаго сердца, и по странному стеченію случайностей, зимнее время превратилось тогда почти въ весеннее. Небо являлось ясное и свѣтлое; теплый вѣтерокъ вѣялъ около мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ; все оживало — даже весенніе цвѣточки появились на поляхъ. Между тѣмъ, тогда былъ еще Январь мѣсяцъ, и меня поразило какимъ-то невольнымъ изумленіемъ, когда узналъ я, что свадьбу Клеры назначили въ самый день Срѣтенья. Я пріѣхалъ во время къ торжественному обряду. Скромная, благочестивая радость, отъ которой удалены были всякая суэта и всякое безпокойное мышленіе о будущемъ, наполняла собою сердца всѣхъ присутствовавшихъ. Физиогномія жениха и невѣсты выражала совершенное довольство, но довольство сердечное, тихое, скромное, соединенное съ чувствомъ благодарности къ Богу за ихъ счастье. Молодой женихъ былъ хорошъ собою, ласковъ, нѣженъ, предупредителенъ, но важенъ, какъ будто чувствуя, что принимаетъ великую обязанность сдѣлать счастливою свою кроткую подругу, и размышляетъ о томъ. Когда обрядъ вѣнчанія кончился, я подошелъ къ Клерѣ и сказалъ ей: «Увѣренъ, другъ

мой, что твоего жениха видѣла ты, когда гадала о суженомъ въ ночь на Срѣтеньевъ день!» Клеры взглянула на меня, немножко покраснѣла, какъ будто удивляясь, почему я знаю ея тайну, и потомъ, нѣжно пожимая мнѣ руку, она сказала тихо: «За другаго я не вышла бы никогда.» — Да, она смотрѣла на своего жениха, какъ на друга, избраннаго, указанного ей тайными судьбами Провидѣнія. Чувство самое радостное, котораго описать невозможно, взволновало всю мою душу, при мысли, что и мнѣ готово, что и мнѣ обѣцано такое же счастье...

Праздники по случаю свадьбы Клеры задержали меня въ Арсе нѣсколько долѣе, нежели я предполагалъ. Отецъ мой успѣлъ уже предупредить г-на Саверни о моемъ пріѣздѣ. Съ радостью готовый встрѣтить и видѣть меня, г-нъ Саверни хотѣлъ сперва самъ познакомиться со мною, и почелъ нужнымъ ничего не говорить предварительно Цециліи. Когда я подалъ ему письмо отца моего, онъ только взглянулъ на него съ улыбкою. «Мнѣ нѣтъ надобности въ письмахъ», сказалъ онъ, обнимая меня съ дружескою, сердечною открытостью. — «Я тотчасъ узналъ тебя: ты такъ походишь на твоего отца, что мнѣ кажется, я вижу друга моего въ его юности, когда мы видались съ нимъ каждый день и бывали неразлучны въ училищѣ. Только ты немного повыше ростомъ. Добро пожаловать дитя мое, другъ мой, сынъ мой, если только мой Цецилія, какъ я надѣюсь, полюбитъ тебя, такъ же, какъ я уже полюбилъ тебя. Ну, садись, садись, отдохни, пока я прочитаю письмо моего друга, да дай мнѣ на себя насмотрѣться!...»

Простота и искренность пріема такъ мени растрогали, что слезы готовы были навернуться на глаза.

захъ моихъ, и какъ ни радостны онѣ были, но я хотѣлъ скрыть ихъ, и потому спѣшилъ оглядѣться въ комнату, гдѣ мы тогда находились. Тутъ на стѣнѣ висѣла соломенная шляпка съ голубыми лентами: то была шляпка Цециліи. Вотъ арфа въ углу — арфа Цециліи. Ридикюль изъ стальныхъ колечекъ былъ забитъ на стулъ, подлѣ другаго, на которомъ я сидѣлъ — двѣ буквы изъ стальныхъ гвоздиковъ легко было мнѣ отличить на немъ — ихъ видѣлъ я тогда — онѣ сказали мнѣ имя Цециліи: такъ! — это ея, тотъ самый ридикюль!... А между тѣмъ, если дочь полковника не моя Цецилія? Везанно блеснула мнѣ такая страшная мысль — я содрогнулся, и чувствовалъ, что холодъ разливается по всему моему тѣлу.... Какъ прежде не пришло мнѣ ни разу въ голову подобное сомнѣніе! О Боже мой! Я обзаялся уже самымъ священнымъ, самымъ неразрывнымъ обещаніемъ, согласившись на предложеніе моего отца, лясъ теперь женихомъ къ г-ну Саверни, а моя безразсудная поспѣшность оторвала меня, можетъ быть, отъ невесты, самимъ Провидѣніемъ мнѣ назначенной! Я содрогнулся, когда вдали замѣтилъ портретъ молодой дѣвушки, въ такой точно соломенной, съ голубыми лентами шляпкѣ, какая висѣла тамъ на стѣнѣ. Всѣ силы мои собралъ я, и спѣшилъ подойти къ портрету, въ которомъ кисть деревенскаго маляра не могла обезобразить до того чертъ, врызанныхъ въ сердце мое, чтобы я не могъ узнать ихъ.... Въ отчаяніи глядѣлъ я теперь на портретъ, и громъ, разразившійся надъ моею головою, не испугалъ бы меня страшнѣе: на портретъ было изображено прелестное, милое лицо, немного похолодившее на Цецилію, но — то была не она, совсѣмъ не она!...

Едва могъ я держаться на ногахъ, когда г-нъ Саверни подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня одною рукою, и утирая слезу, покотившуюся изъ его глазъ, сказалъ мнѣ: «Ты никогда ея не увидишь? А она порадовалась бы на тебя.... Это была моя Лидія, добрая, милая Лидія — мать моей Цециліи!... О мой другъ! да сохранить тебя Богъ отъ несчастія пережить ту, которая была тебѣ дороже самого тебя, которую любилъ ты болѣе самого себя»....

Я оборотился къ нему, обнялъ его и заплакалъ, не смѣя даже и самъ себѣ сознаться въ состраданіи къ горести добраго старика, или радости заставляющей меня плакать. Слова г-на Саверни сняли съ сердца моего всю тяжесть отчаянія — портретъ былъ не Цециліинъ.... Я отдыхалъ....

«Ты будешь моимъ сыномъ — сказалъ мнѣ старикъ, съ какимъ-то торжественнымъ выраженіемъ — ты будешь моимъ сыномъ: у тебя доброе сердце! Ты будешь супругомъ моей Цециліи, если только она согласится. И почему бы ей не согласиться? — прибавилъ онъ, смотря на меня съ удовольствіемъ — «право, я и не думалъ, чтобы ты былъ такой молодецъ!»

«Поговоримъ-ка теперь о нашемъ дѣлѣ — сказалъ онъ, посадивъ меня на стулъ, и сядя подлѣ меня. «Приличія не позволяютъ тебѣ жить у меня, но мы будемъ видаться каждый день, пока ты проживешь въ Монбельяръ, а потомъ отправившись ты выдержишь и кончить твой экзаменъ. Дружба и довѣренность, которыми должно предварить обязательство неразрывное и великое, лясъ между тѣмъ сами собою. Избави Богъ приступить легкомысленно къ дѣлу, которое обнимаетъ собою всю жизнь человѣческую — даже за предѣлами гроба! Время испытанія, впрочемъ, имѣеть столько прелести, что ино-

гда потом завидуешь ему во время самого величайшаго благополучія. Думаю, что отецъ твой тоже говорилъ тебѣ что я, и притомъ ваше испытаніе не будетъ ни тяжело, ни продолжительно. Мы, старики, имѣемъ свои причины, еще болѣе васъ, молодежи, не отсрочивать надолго счастья, и спѣшить имъ. Говорю съ тобой, какъ будто нѣтъ уже никакого сомнѣнія во взаимномъ согласіи твоемъ и моей дочери. Избави, Боже, ошибаться, но тутъ удостовѣрять меня во первыхъ извѣстіе твоего отца; къ величайшему моему удивленію, онъ пишетъ, что ты уже любишь мою Цецилію! Еще страннѣе мнѣ, если только можетъ быть что нибудь страннѣе — я замѣтилъ, что и ея откровенное сердце, въ которомъ нѣтъ для меня ничего скрытаго, влечется къ тебѣ... какою то сильною склонностью, хоть она никогда тебя не видала!.. Ну, развѣ вы познакомились какъ нибудь тихонько, какими хитростями, которыми молодежь обыкновенно проводить насъ стариковъ... Вотъ, знаешь ли: очень бы мнѣ хотѣлось все узнать, и мол откровенная къ тебѣ довѣренность дастъ мнѣ, кажется, на то нѣкоторыя права...

Онъ пристально смотрѣлъ на меня, и замѣшательство, въ какое привели меня слова его, не могло отъ него укрыться. Я потупилъ глаза, оробѣлъ, искалъ и не находилъ отвѣта.

«Клянусь вамъ моею честию — сказалъ я наконецъ — что никогда не видалъ я Цециліи, никогда не видалъ ея портрета — никогда не отваживался къ ней писать, и не зналъ даже имени ея, пока не сказалъ мнѣ его мой отецъ! И между тѣмъ, уже болѣе года, какъ я люблю ее, люблю страстно и на всю жизнь мою! Ваши слова, что и она любить меня, довершаютъ мое счастье, мое блаженство...

Вѣрите моимъ словамъ, но не спрашивайте ничего болѣе — все остальное, для самого меня — непостижимая тайна...

— Въ самомъ дѣлѣ, тутъ что то непонятно — сказалъ г-нъ Саверни — да какъ же такъ? Неужели ты меня обманываешь?

«Избави Боже! Клянусь вамъ тѣмъ святымъ опредѣленіемъ судьбы, которое общаетъ мнѣ столько счастья въ будущемъ, которое исполнило сердце мое чистою любовью къ вашей дочери! Но развѣ нѣтъ примѣровъ тайнаго сочувствія сердецъ, овладѣвающихъ нами безъ всякаго нашего сознанія, и одушевляющихъ насъ вѣчною, не погасающею любовью? Провидѣніе, устроиваетъ судьбами своими счастье семействъ, и неужели не можетъ оно, по своей неистощимой благодати, подарить насъ такимъ сочувствіемъ? Оно ли, оживляя любовью все живущее на землѣ, только чловѣка лишить ея благодѣлій? Я самъ ничего не понимаю, но вѣрю, и болѣе ничего не могу вамъ объяснить.

— Хорошо, хорошо! — отвѣчалъ г-нъ Саверни. — Если вы, дѣйствительно, любите другъ друга, такъ развѣ во снѣ видѣлись вы съ Цециліею? Если такъ — дѣло плохо: когда изобрѣтеніе такого рода любовныхъ свиданій распространится — тогда прощайся батюшки съ дочками! Какъ можно будетъ ихъ устеречь? Нѣтъ, милый другъ! пожалуста, не открывай своей тайны на бѣду людскую. Мнѣ-то теперь ничего — если вы любите другъ друга, тѣмъ лучше! Да, вотъ — мы скоро узнаемъ все дѣло поближе — ты обѣдаешь у насъ завтра?

«Завтра!» вскричалъ я, и тотчасъ раскаялся въ нескромномъ изъявленіи моего нетерпѣнія, но — я надѣялся тотчасъ увидѣть Цецилію.....

— Да, завтра — отвѣчалъ г-нъ Саверни, улыбаясь.

— Позднѣ нежели вы изволили располагать, М. Г., да все еще не такъ однакожь поздно, чтобы о томъ надобно было горевать. Завтра, страшныя для любовниковъ, только за гробомъ составляетъ вѣчность. Видишь ли: я не хотѣлъ предупреждать Цецилію о твоёмъ прїѣздѣ. Мнѣ хотѣлось имѣть удовольствие при первомъ свиданіи посмотреть, когда я съ тобой уже немножко познакомлюсь, что такая за таинственная, въ самомъ дѣлѣ, между вами любовь? И вотъ потому-то, охотно согласился я удавить изъ дома дочь мою на то время, когда ты прїѣдешь. Одно доброе семейство, гдѣ у Цециліи есть съ подлюжины подруги, всѣ родныя сестры, празднуютъ сегодня *семидесятый* годъ рожденія своей бабушки, моей старинной и доброй прїятельницы. Срѣтенскій постъ теперь кончился, и до Великаго поста народъ привыкъ веселиться. Подруги звали Цецилію на свой праздникъ — тамъ будутъ танцовать, переодеваться; всѣ будутъ въ маскахъ и костюмахъ... Что ты блѣдишь? Рано еще ревновать, да и не бойся: мужчинъ никого не будетъ, а только дѣвушки и женщины. Мы — отцы, мужья, братья, женихи, любовники, должны явиться туда въ назначенный часъ, только проводить нашихъ овечекъ по домамъ. Теперь, *седьмька* въ двоёмъ за обѣдъ — вотъ ужъ Доротея зоветъ насъ.

Нашъ обѣдъ былъ такъ веселъ и прїятель, какъ только могъ онъ быть прїятымъ и веселымъ въ отсутствіи Цециліи. Г-нъ Саверни любилъ пошутить, поговорить, какъ большая часть людей извѣстныхъ лѣтъ, проводившихъ жизнь честную и безукоризненную.

«Знаешь ли что?» сказала онъ мнѣ послѣ обѣда. «Мнѣ пришла мысль, и за нее ты вѣрно поблагода-

ришь меня — нетерпѣнія твоего видѣть поскорѣ Цецилію тебѣ нельзя было скрыть отъ меня. Хорошо — попытаемся теперь же увидѣться съ нею, когда завтра кажется тебѣ такимъ отдаленнымъ временемъ? Вотъ средство: я успокоилъ тебя, сказавши, что въ общество, гдѣ теперь Цецилія, позволено явиться въ назначенный часъ только родственникамъ, но вѣдь нѣтъ правилъ безъ исключенія. Пойдемъ вмѣстѣ — я войду сперва одинъ, и послѣ нѣсколькихъ словъ съ хозяйкою, надѣюсь уладить всѣ препятствія. Слуга, котораго я поставлю у дверей, по данному знаку введетъ тебя, и тебя встрѣтятъ, какъ добраго гостя. Смотри же: играть ролю искуснаго! Мы покажемъ, будто мы вовсе съ тобою не знакомы. Я стану замѣчать, и такимъ образомъ могу увидѣть таинственное сочувствіе между тобою и Цециліею. Тебѣ ничто не помѣшаетъ увидѣть Цецилію; по крайней мѣрѣ, говорить съ нею, а узнать ее будетъ не трудно, если она и въ маскѣ: она выбрала себѣ костюмъ Монбельярской невѣсты.

— Монбельярской невѣсты! — вскричалъ я — возможно ли?

«Да, да», отвѣчалъ онъ, не замѣчая смущенія, въ какое повергло меня такое новое стеченіе случайностей.» Не правда ли, что это доброе предвиданіе? Да и костюмъ такой красивый; его такъ любятъ здѣшнія молодыя дѣвушки, что навѣрное не одна Цецилія его выбрала. Но ее отличишь ты по маленькой миртовой вѣткѣ, которую приколотла она отдѣльно отъ букета. По такой примѣтѣ и я ее узнаю между другими.»

Разсказъ г-на Саверни, такъ живо напомнившій мнѣ одну изъ подробностей моего гаданія, снова поразилъ меня, но я успѣлъ скрыть мое смущеніе

и отвѣчалъ на предложеніе г-на Саверни благодарностью и согласіемъ.

Черезъ часъ, мы исполнили все, какъ было говорено, и я находился подлѣ Цециліи. Мнѣ легко было отличить ее по примѣтамъ. Да, и начто были примѣты! Съ перваго взгляда, я узналъ бы ее изъ тысячи. Мнѣ замѣтно было, что и она съ своей стороны показала невольное движеніе, увидѣвши меня, и когда я попросилъ у нея позволенія сѣсть на стулъ, подлѣ нея стоявшій — она трепетала.....

— Извините — сказала я — извините смѣлость, которую можно позволить себѣ въ маскерадѣ. Я здѣсь ни съ кѣмъ, или почти ни съ кѣмъ незнакомъ, и вамъ, вѣроятно, можетъ быть не пріятно сосѣдство челоѣка неизвѣстнаго. Тѣмъ болѣе, что я не могу вамъ доставить случая показать остроуміе въ разговорѣ съ маской.

«Мнѣ никогда не нравились маскерадные разговоры — отвѣчала она — и, право, я такая на нихъ не ловкая! Не понимаю даже, что находятъ другіе забавнаго, старался обманывать и притворяться. Впрочемъ, никогда не позволила бы я себѣ шутки съ челоѣкомъ, мнѣ совершенно незнакомымъ, котораго я никогда не имѣла чести видѣть....»

— Никогда!

«Никогда», повторила она съ принужденнымъ смѣхомъ — «развѣ во снѣ. Можете вѣрить мнѣ; я не умью притворяться, и даже не перемѣнило голоса.»

Въ самомъ дѣлѣ, то былъ ея голосъ, слышанный мною за годъ прежде, и запавшій въ сердце мое.

— Позвольте же мнѣ — возразилъ я съ невольнымъ чувствомъ — поискать между нами какогонибудь повода къ знакомству, который замѣнилъ бы свиданіе прежде. Мое имя, или лучше

сказать, имя моего отца, вѣроятно, вы слышали отъ вашего батюшки — если не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ дочерью г-на Саверни? Неужели и имя мое не возбудитъ въ васъ никакого воспоминанія. Меня зовутъ Карломъ.....

И едва только произнесъ я мое имя, какъ Цецилія затрепегала, и обратила на меня взоръ, выражавшій нѣжность и робость.

«Да,» сказала она дрожащимъ голосомъ — ваше имя мнѣ очень знакомо — оно драгоцѣнно отцу моему — и мнѣ — потому что... съ ними соединено чувство, никогда не оставляющее благороднаго сердца... чувство благодарности!... — «И такъ то не былъ сонъ, не была мечта?» продолжала Цецилія, разговаривая сама съ собою, и какъ будто совершенно забывши мое присутствіе, такъ, что я не проронилъ ни одного ея слова — «все сбывается до сихъ поръ... и все сбудется! Да будетъ воля Божія!...» Она тяжело вздохнула и впала въ такую глубокую задумчивость, что, казалось, ничего не слышитъ и не видитъ....

Рука ея была подлѣ моей. Я осмѣлился взять ея руку. Цецилія не прогивилась, и только глядѣла на меня внимательно.

— Это онъ! — сказала Цецилія.

«Ахъ! видъ мой не долженъ пугать васъ!» отвѣчалъ я, нѣжно пожимая ея прелестную ручку. «Чувство, которое привело меня къ вамъ — чисто и свято, какъ ваше сердце, и желаніе добрыхъ нашихъ родителей благословляетъ его. Но вы свободны, Цецилія. Ваше будущее зависитъ отъ васъ.»

— Наше будущее зависитъ отъ Бога! — отвѣчала она, склоняя голову на грудь свою. — Но вы уже знакомы съ батюшкой.... Онъ знаетъ, что съ нѣкотораго времени, всегда въ одинъ часъ, я ужас-

но страдаю какою-то неизъяснимою болью.... Она душище, убиваетъ меня. Мнѣ хотѣлось бы уйти домой, пока она не началась... Неужели батюшка не пришелъ съ вами?

Г-нъ Саверни говорилъ мнѣ мимоходомъ о болѣзни Цециліи, но почиталъ ее ничтожнымъ припадкомъ, и выраженіе словъ Цециліи, показывавшее ужасное страданіе, заставило меня испугаться. Впрочемъ, г-нъ Саверни стоялъ передъ нами съ той минуты, когда замѣтилъ, что Цецилія ищетъ его по заль безпокойными взорами. Я изумился, что она его не замѣчаетъ.

— Я здѣсь, мой другъ! — говорилъ онъ, подхватывая Цецилію одною рукою, когда она встала, едва не лишаясь чувствъ.

Цецилія прилегла на грудь его, и безмолвно пролетѣла минута ея жестокаго страданія. Я держалъ ея руку, и чувствовалъ, какъ она судорожно сжала мои пальцы и потомъ охолодѣла...

Неволью вскрикнулъ я отъ ужаса.

Подруги Цециліи окружили ее, и снѣша помощь ей, сняли съ нея пошу. Это была она — моя Цецилія — не оставалось сомнѣній! Но смертельная блѣдность покрывала ея прекрасное лицо... Смотри на нее, я чувствовалъ, что вся кровь моя застываетъ, что я не переживу ея... Но Цецилія вздохнула, оглянувшись кругомъ — улыбка пробѣжала по лицу ея...

— Мнѣ легче — сказала она — болѣзнь моя прошла. Извините, что я всехъ обезпокоила — припадокъ продолжается недолго. Мнѣ нельзя было не придти сюда, да надобно было уйти пораньше.... Но, какъ бы я сожалѣла — примолвила она, повернувъ немного голову ко мнѣ — какъ бы я сожалѣла, если бы ушла раньше.... Сдѣлайте милость, не

безпокойтесь, милая — я пойду домой — свѣжій воздухъ и прогулка подкрѣпятъ меня.

Черезъ четверть часа, мы отправились въ троемъ, и г-нъ Саверни, веселый и счастливый, передалъ мнѣ руку дочери. Мы шли тихо. Она была подлѣ меня, подлѣ моего сердца. Я могъ свободно дѣлать съ нею мысли мои — дышать ея дыханіемъ. Десять минутъ полнаго, счастливаго бытія на землѣ далъ мнѣ Богъ; съ восторгомъ упивался я ими, и ничто, ничто ихъ не тревожило! Цецилія ни сколько не страдала; она сама сказала и повторила нѣсколько разъ, шла легко и весело, смѣялась и говорила о своей капризной болѣзни, которая, какъ нарочно, явилась напоминать, что все наши радости и удовольствія измѣнчивы и мгновенны. Г-нъ Саверни лукаво замѣтилъ, что очень радъ возвращенію радостей, и приписываетъ минутное страданіе Цециліи усталости отъ танцевъ и бала. «Или, можетъ быть, причиною его было — прибавилъ онъ, смѣясь — сильное движеніе, тайную причину котораго, онъ немного понимаетъ, но не смѣетъ объяснить.» Намъ недалеко было идти, и я не зналъ: желать ли мнѣ, чтобы путь нашъ продолжался безъ конца, и сдѣлать для меня вѣчнымъ счастье, въ первый разъ въ жизни, и такъ вполнѣ мною ощущаемое, или чтобы онъ кончился скорѣе и Цецилія могла отдохнуть? Мы пришли къ жилищу г-на Саверни. Цецилія отняла у меня свою руку, и я съ горестною подумалъ, какъ продолжительна будетъ для меня ночь ожиданія, какъ долго протянется время до новаго свиданія нашего. Я еще разъ схватилъ руку ея, не смѣлъ поцѣловать ее, но пожалъ ее, — и мнѣ показалось, что Цецилія отвѣчала мнѣ также, и тихонько пожалла мою руку.

Дверь отворилась.

«До завтра, милый другъ, до завтра!» — сказала мнѣ г-нъ Саверни. — А завтра прекрасный, счастливый день для всѣхъ насъ, если все, что я видѣлъ и знаю, не обмануло меня. Но ночи ужъ много прошло, и у нашего счастливаго дня отпала она часа два. Цециліи надобно уснуть и отдохнуть хорошенько — пусть она проспится подолѣе — я не стану будить ее. Въ четыре часа по полудни — продолжалъ онъ, обнимая меня — мы ждемъ тебя объдать, и на сей разъ насъ будетъ трое. Тебѣ есть чѣмъ заняться во время разлуки съ нами: счастливыя мечты, добрый сонъ, одъванье, надежды...

Они вошли — дверь медленно затворилась за ними...

«Прощайте!» успѣла только сказать мнѣ Цецилія. Ея голосъ, ея прощанье — я еще слышу ихъ...

Добрый сонъ, обещанный мнѣ г-мъ Саверни, не явился ко мнѣ, и напрасно ждалъ я его до самаго восхожденія солнца. Бессонница, лихорадочная, мучительная, терзала меня, хоть я и не понималъ причинъ ея. Тяжкій сонъ овладѣлъ мною потомъ, но только перемѣнилъ образъ пытки, а не успокоилъ меня. Во снѣ видѣлъ я Цецилію, но видѣлъ ее, какова была она въ минуту своей болѣзни, блѣдная, безчувственная, въ рукахъ холодной смерти. То казалось мнѣ — она склоняется къ моей подушкѣ, съ распущенными по плечамъ волосами, съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ на головѣ, и грустно твердитъ мнѣ: «Прощайте!» Я бросаюся къ ней, и схватываю тѣнь, со стономъ отъ меня улетающую. Вдругъ мечтаюсь мнѣ, что на меня пышитъ холодомъ, какъ будто съ крыла ночной птицы, и — вотъ, когда съ усиленіемъ разсматриваю я предметъ моего испуга — опять являлась мнѣ Цецилія, улетающая вдаль на огненныхъ крыльяхъ... «За чѣмъ же ты оставляешь

меня, Карлъ!» говорила она со стономъ — «для чего улетать мнѣ одной! За чѣмъ мы не вмѣстѣ! Что будетъ со мною тамъ — въ пустынѣ, безъ друга, безъ любви... Одна, одна — на вѣки одна!» — Я слыдоу за тобою! — закричалъ я, и дикіе звуки моего голоса разбудили меня. Уже давно былъ день — безконечная ночь моихъ страданій захватила почти все утро. День былъ воскресный; le dernier office возвѣщали звономъ церковнаго колокола.

Совѣсть упрекнула меня, когда въ ту минуту я подумалъ, что еще ни разу не явился я въ храмъ Вождій, благодарить Провидѣніе за все счастье, какимъ оно меня наградило. Поспѣшно одѣлся я, и вскорѣ былъ въ числѣ немногихъ, притекшихъ къ алтарю Господню съ горестью и радостью. Я вошелъ въ церковь въ то время, когда священникъ шелъ на кафедру. То былъ сѣдовласый старецъ, и на благородномъ лицѣ его видно было выраженіе глубокой печали, умѣряемой рѣшительностью и вѣрою. На мгновеніе остановился онъ передо мною, и внимательно поглядѣлъ на меня, какъ будто его изумилъ видъ челоуѣка незнакомаго въ числѣ его всегдашнихъ слушателей, или какъ будто его увлекло, когда онъ взглянулъ на меня, движеніе сильнаго чувства. Опъ вздохнулъ, прошелъ мимо, вошелъ на кафедру, и наклонился къ алтарю въ благоговѣйной молитвѣ. Горячія мольбы присоединилъ я къ моленію почтеннаго старца. Онъ началъ проповѣдь. Предметомъ благочестивой бесѣды его были суетныя надежды челоуѣческія, если люди утверждаютъ свое будущее на земныхъ предметахъ, и если они дерзко осмѣливаются располагать своею участью, не предавая себя десницѣ Провидѣнія и вѣчнымъ судьбамъ Бога. Онъ оплакивалъ слѣпое заблужденіе бранныхъ созданій, слабый разумъ ко-

торых не может понимать, ни причинъ, ни средствъ событій самыхъ ничтожныхъ, не въдаетъ ничего въ прошедшемъ, не знаетъ ничего въ будущемъ, не постигаетъ ничего въ томъ, что касается до его истинныхъ, единственныхъ благъ, благъ безсмертной души. И между тѣмъ возмущается сей кичливый разумъ, доходитъ до безумнаго отчаянiя при ничтожныхъ прискорбiяхъ сей временной жизни, ибо не способенъ онъ проникать въ тайныя судьбы Божiи. «И между тѣмъ, слушатели,» присококупилъ благочестивый пастырь, «что такое жизнь наша, которой отдаемъ мы всё наши помышления, и въ которой самымъ величайшимъ бѣдствiямъ можно ли заслуживать хоть какое нибудь вниманiе наше? Что такое бѣдность? что такое несчастiя наши? что самая смерть наша? Едва замѣтныя перемѣны положенiй и образовъ, въ безконечности вѣковъ, гдѣ погружена жизнь наша, какъ капля въ океанѣ безмѣрномъ. Необходимыя испытанiя души маловѣрующей, или неизбежныя отступленiя отъ всеобщаго порядка, сiи событiя, оскорбляющiя вашу гордость, уничтожающiя вашу твердость, должны споспѣшествовать, можетъ быть, великому предначертанiю созданiя Божiя, общности его чудесной гармонiи. Что есть, тому должно быть, ибо на то есть воля Бога, безъ коей не гибнетъ и единый волосъ съ головы твоей. Не въдаемъ мы, для чего такъ угодно Богу, и не должны мы въдать, но — чего мы не знаемъ, то знаетъ Богъ!»

Бѣсѣда почтеннаго священника была такъ нова мнѣ, и размышленiя, въ какiя она погрузила меня, до того овладѣли всѣми моими способностями, что я едва замѣтилъ мое совершенное уединенiе въ опустѣвшей церкви — уже всё разошлись, и послѣд-

нюю свѣчу тушили на алтарѣ, когда я опомнился. Было четыре часа — то было время, назначенное мнѣ для свиданiя г-мъ Саверни, часть, столь нетерпѣливо жданная мною, столь медленно приближавшаяся, когда мнѣ надобно было увидѣть Цецилюю — ее, мною обожаемую, ее, которая — нѣтъ сомнѣнiя — любить меня! — «Цецилiа!» громко сказалъ я, какъ будто она могла слышать меня. И всё мысли мои, всё непонятныя мнѣ тревоги, терзавшiя меня со вчерашняго вечера, уничтожились, исчезли въ чувствѣ моего счастья. «Цецилiа моя, моя на вѣки!» И съ благодарною молитвою счастливца преклонилъ я колѣна предъ алтаремъ.

Улица, по которой пошелъ я къ жилищу г-на Саверни, вчера совсѣмъ пустая, теперь была наполнена народомъ. Съ начала приписывалъ я такое различiе воскресному дню, но только непонятно мнѣ казалось, по чему народъ не двигался въ разныхъ направленiяхъ, какъ обыкновенно бываетъ въ праздничные дни, но напротивъ, стоя неподвижно, образовывалъ въ разныхъ мѣстахъ печальныя группы, тихо между собою разговаривавшiя. Спѣша поскорѣе дойти къ г-ну Саверни, я поспѣшно пробирался между народомъ, и мимоходомъ, слышалъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ нельзя было составить себѣ никакого опредѣленнаго смысла. — «Аневризмъ?» говорилъ одинъ — «но отъ аневризма не умираютъ въ такiе годы!» — «Умираютъ, если пришелъ часъ воли Божiей» — говорили другiе. — Немного подальше встрѣтился мнѣ молодой человекъ, изъяснявшiй какую-то зависть: «Боже мой! для чего я, вотъ не этотъ прiѣзжiй! Онъ не знаетъ ее!» — Еще дальѣе говорила какая-то дѣвочка другой, которая слушала ее и плакала: «Да, въ третьемъ часу ночью — послѣ маскарада... Она всегда говорила,

что ей не бывать невѣстою!»... Тутъ — мысль ужасная, какъ молнія сверкнула передо мною... Я былъ только въ двадцати шагахъ отъ жилища Цециліи.

Боже мой, Боже мой! столько лѣтъ прошло, а ужасъ тѣхъ страшныхъ мгновеній такъ живо является передо мною...

Дверь была драпирована бѣлымъ; подлѣ нея былъ гробъ, также покрытый бѣлымъ — нѣсколько факеловъ окружали его...

— Кто умеръ? Кто умеръ въ этомъ домѣ? — вскричалъ я, какъ сумасшедшій, схвативъ за руку чело-вѣка, который, казалось, приставленъ былъ наблюдать за порядкомъ.

«Дѣвица Цецилія де-Саверни.»

Безъ чувствъ упалъ я на землю. Когда пришелъ я въ память на немногія мгновенія, я не понималъ ничего. Сколько дней продолжалось такое состояніе — не знаю...

Наконецъ, я совершенно пришелъ въ чувства, но долго еще оставался безъ мыслей, безъ понятій, безъ воспоминаній. Я получилъ сознаніе, что я существую, но не понималъ еще, что я такое?

Какое-то движеніе, вздохъ, или рыданіе послышались подлѣ меня, и обратили на себя мое вниманіе. Я оглядѣлся — съ одной стороны стоялъ старшій священникъ, роковыя и грозныя слова котораго слышалъ я нѣкогда въ церкви. Онъ смотрѣлъ на меня съ безстрастнымъ видомъ судьи, ожидавшаго одного слова моего — разрѣшить, или осудить меня — въ ногахъ моей кровати поднался еще какой-то старикъ и бросился ко мнѣ, простирал дрожація руки...

— Батюшка — вскричалъ я, стараясь схватить руку его и поднести къ устамъ моимъ — батюшка! вы ли это?

Онъ меня узналъ! Видите, онъ узналъ меня!... У меня есть еще сынъ — мой сынъ спасенъ!..

Тутъ начали проясняться мои понятія — прошедшее медлительно раскрывалось во мракѣ моего бытія. — «Г-нъ Саверни» — сказалъ я отцу моему — «г-нъ Саверни... гдѣ онъ?»

— Онъ навсегда оставилъ Францію — онъ хочетъ уѣхать на край свѣта — отвѣчалъ мнѣ отецъ мой — можетъ быть, время утишить горестъ его, и мы когда нибудь его увидимъ...

«А Цецилія? Цецилія?» вскричалъ я — «она также уѣхала? что сдѣлали съ Цециліей?» «спрашивалъ я, удерживая за руку отца моего. «Батюшка! прошу васъ — отвѣчайте, скажите мнѣ все откровенно. Чувствую силы... все спокойно выслушать! Не обманывайте меня — вы никогда меня не обманывали. Здѣсь была молодая дѣвушка, Цецилія Саверни, и къ ней вы сами послали меня. Вчера я видѣлъ ее на балѣ, провожалъ ее, говорилъ съ нею, жаль ея руку — вотъ этою рукою, которою жму теперь вашу руку... Правда ли, будто она умерла?»

Отецъ мой отворотился отъ меня, обливаясь слезами, и бросился въ кресла, столпившія на другомъ концѣ комнаты.

— Да, она умерла! — сказалъ мнѣ священникъ. — Господу не угодно было, да совершится союзъ вашъ на землѣ. Онъ благоволилъ, да будетъ онъ чище, святѣе — продолжителемъ, вѣченъ, какъ Онъ Самъ, и для того отложилъ Онъ его на нѣсколько мимолетныхъ мгновеній, ничтожныхъ передъ вѣчностію. Невѣста твоя ждетъ тебя на небесахъ!

«Какъ?» сказалъ я, смотря на него пристально — «вы думаете, что небо доступно любви? Вы вѣрите, что любовь наша также воскреснетъ для жизни безконечной, и двѣ души, разлученныя смертью, уви-

дать друг друга передь престоломъ Божіимъ, передь Создателемъ, сотворившимъ ихъ, и любовь ихъ не оскорбитъ его величія — и я увижу тамъ мою Цецилію?

— Крѣпко вѣрю — отвѣчалъ онъ — что въ жизни человѣческой, смерть полагаетъ предѣлъ только слабостямъ и ничтожеству нашему; вѣрю, что душа наша переноситъ за могилу вѣру, надежду и любовь; вѣрю, что всѣ нѣжныя и добрыя чувства, вложенныя Богомъ въ сердце челоѵка, будутъ причастны его безсмертію — они составятъ наше, непримѣнное печали, вѣчное блаженство, сольются, соединятся съ милосердіемъ Того, иже «вѣчныя любви» есть!

«О, божественная любовь Его къ челоѵкамъ,» сказала я, и — слезы капали изъ глазъ моихъ — «она единая надежда моя!... Но для чего же Онъ разлучилъ меня съ Цециліей!...

— По какому праву — началъ говорить мнѣ священникъ — по какому праву, ты, молодой челоѵкъ, смѣешь требовать отчета въ судьбахъ Божіихъ? Почему знаешь ты, что скорбію, тебя поразившею, Онъ не устроилъ твоего блаженства, и его святое предвидѣніе не сохранило для тебя благополучія безконечнаго цѣною счастья брэннаго и временнаго? Въдаешь ли ты всѣ утесы, о которые могли сокрушиться надежды твои, всѣ отравы, которыя могли кануть въ чашу твоего земнаго благоденствія, всѣ случаи, которые могли ослабить, разорвать узы, вась связывавшія, если бы мудрость его не поставила ихъ внѣ всѣхъ опасностей суетной жизни нашей? Только съ часа кончины, подруга твоя принадлежитъ тебѣ безъ тревогъ и безъ опасностей: Богъ хранитъ ее тебѣ въ небесахъ! Осмѣлишься ли порицать, что Онъ болѣе тебя самого бдитъ надъ то-

бою, и хранить тебѣ твое будущее, вполне хочеть отдать тебѣ его, въ замѣну малой, невѣрной, ничтожной части безконечнаго бытія, которая, можетъ быть, погубила бы вѣчность его для тебя безъ возврата? Когда отецъ твой требовалъ отъ тебя годового времени, отъ той минуты, въ которую согласился на союзъ твой съ Цецилією, до той, когда тебя должно было получить руку ея, не соглашался ли ты безъ противорѣчій на опредѣленіе предписанное его благоразуміемъ? А между тѣмъ, годъ — великое время въ жизни челоѵческой, страшная отсрочка, если вспомнить о мгновенной нашей юности, о непрерывномъ, незамѣтномъ пролетѣ возраста, который такъ быстро мчитъ неумолимое время! И вотъ — другой отецъ, отецъ всѣхъ насъ, назначаетъ тебѣ еще отсрочку, на нѣсколько лѣтъ, на нѣсколько мѣсяцовъ — на нѣсколько дней, можетъ быть, ибо кто вѣсть много ли каждому изъ насъ остается жить! Единый Онъ то знаетъ! И не годами, не мѣсяцами, не днями воздастъ Онъ тебѣ за твое повиновеніе волѣ Его, столь малую жертву — болѣе челоѵковъ щедрый, ибо Онъ безконечно благъ, Онъ наградитъ тебя вѣчностью! Умѣляя на мгновеніе наше временное счастье, Онъ продолжитъ его чрезъ тмы вѣковъ, кои суть мгновенія вѣчности нескончаемой. Таковъ договоръ, который, самъ того не зная, заключилъ ты съ Провидѣніемъ, и плоды котораго соберешь ты нѣкогда благоговѣнною покорностію волѣ его! Повинуйся волѣ Бога, сынъ мой, но не дерзай обвинять, страшись оскорбить его роптаніемъ!...

«Да будетъ воля его!» отвѣчалъ я твердымъ голосомъ. «И я поспѣшу исполнить ее всѣми средствами, какія Онъ оставилъ во власти моей! Да, отецъ мой! вѣрю, что Богъ благословилъ мой союзъ съ

Цецилией — самъ Богъ вразумляетъ меня въ томъ! Вѣрю, что Онъ разлучилъ меня съ нею на время, только для того, чтобы мнѣ на вѣки отдать ее, и не позволилъ мнѣ быть счастливымъ съ нею на землѣ, для вѣчнаго блаженства въ небѣ! Иду къ нему, отецъ мой! Жизнь земная ничто — молю, да пошлетъ Онъ скорѣе разрѣшеніе отъ цѣпей жизни!

— Что говоришь ты, несчастный! — вскричалъ отецъ мой, зарыдавъ тяжело и бросааясь ко мнѣ — а отца твоего, ты забылъ? Ты ли оставишь меня, старика, одинокаго!

Я забылъ, что отецъ мой былъ тутъ, что онъ слышалъ слова мои!

«Успокойся,» сказалъ священникъ, «успокойся старикъ! Сынъ твой останется живъ — онъ долженъ жить, ибо небреженіе о жизни будетъ самоубійство, а самоубійца чуждъ милосердія Божія. Онъ вѣритъ не въ безсмертіе, но въ ничтожество и смерть, а Богъ есть Богъ живыхъ и вѣрующихъ въ жизнь вѣчную. Есть еще спасеніе грѣшнику — нѣтъ его самоубійца! Между Цецилиєю и супругомъ ея, покорнымъ волѣ Бога — нѣсколько мгновений разлуки, которыя быстро пролетятъ для радостнаго свиданія; между нею и самоубійцею — вѣчность разлуки....»

— Остановись, отецъ мой! — вскричалъ я — остановись — я буду жить, я повинуюсь волѣ Бога....

И я пережилъ смерть Цецилии....

Съ Франц. И. ВЕНИГНА.

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

КРЫМЪ и ОДЕССА *.

Я вѣзжаю въ Тавриду, или Крымъ, гнѣздо, изъ котораго столько вѣковъ хищные Татары, какъ саранча, влетали въ предѣлы Россіи, жгли села, города наши, грабили, убивали мирныхъ жителей пограничныхъ губерній, и уводили женъ и младенцевъ въ плѣнъ. Миръ былъ невозможенъ съ ними; никакіе трактаты, никакія клятвы съ ихъ стороны не могли быть надежными; при первомъ случаѣ, который казался имъ удобнымъ, при малѣйшей надеждѣ на успѣхъ, они, не взирая ни на что, снова втор-

* Спѣшимъ ознакомить читателей нашихъ съ путевыми записками почтеннаго соотечественника нашего Н. С. Всеволожскаго, о которыхъ мы упоминали уже въ С. О. — Онъ вполне печатаются въ Москвѣ. Т. VI. — Отд. III.

гались въ предѣлы наши и возобновляли свои неистовства. Это было необходимо для нихъ. Народъ, привыкшій жить грабежемъ, основывающій на грабежѣ все свое благосостояніе, перемѣниться не могъ. Слѣдственно, уже не говоря о необходимости для Россіи имѣть пристани на Черномъ морѣ, одно соѣдство неукротимыхъ разбойниковъ не могло быть терпимо государствомъ могущественнымъ, и, безъ сомнѣнія, одно изъ величайшихъ благодѣлій Еккатеринины есть завоеваніе и присоединеніе Крымскаго полуострова къ Россіи. Князь Потемкинъ, которому поручено было такое важное дѣло, въ награду за благоразумное исполненіе его, получилъ отъ Императрицы прозваніе *Таврическаго*.

Вѣроятно, что Крымскій полуостровъ былъ некогда совершенно отдѣленъ отъ материка земли. По крайней мѣрѣ, таково было мнѣніе знаменитыхъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, какъ-то: Плинія, Иродота, Страбона, Бюффона, Палласа. Въ Крымѣ въѣзжаешь, по моему, сквозь ворота со сводами. При самомъ въѣздѣ и по срединѣ перешейка стоятъ Перекопъ, по Тагарски *Оржани*, крѣпость каменная, почти регулярная, имѣющая шесть бастіоновъ, равнины, куртины и глубокіе рвы, также выкладенные камнемъ. Она довольно крѣпка. Въ ней находится гарнизонъ, военные начальники, и помѣщены всѣ необходимыя потребности, какъ-то: разнаго рода магазины, госпиталь, казармы и проч.; въ предмѣстіи живутъ одни чиновники, употребляемые при соляныхъ озерахъ, да маркитанты; прочие жители, какъ-то купцы, мѣщане, ремесленники всякаго рода, поселились въ трехъ верстахъ отсюда, въ мѣстечкѣ, называемомъ Армянскій Базаръ, черезъ который и дорога пролегаетъ изъ Перекопа въ Симферополь. На Перекопскихъ воротахъ выгесана на

камень сова. Полагаютъ, что это былъ гербъ царствовавшихъ князей Чингисханова рода. Городъ былъ взятъ Русскими войсками, подъ начальствомъ Фельдмаршала Миниха, въ 1736 году; потомъ, во второй разъ, Княземъ Васильемъ Михайловичемъ Долгорукимъ, въ 1771-мъ, а въ 1783-мъ уже остался, со всѣмъ Крымомъ, подъ властію Россійскихъ Государей. Въ немъ православная церковь и одна мечеть; жители Россіяне, Татары, Греки, Армяне и Жиды. Здѣсь обширнѣйшіе соляные магазины. Соль добывается изъ близъ лежащихъ озеръ, а садится въ нихъ въ Іюль мѣсяцъ. Каждый годъ вывозится изъ Крыма болѣе чѣмъ 25-тъ тысячъ фуръ. Крымскій перешеекъ былъ укрѣпленъ съ древнѣйшихъ временъ, для защищенія полуострова отъ Тавро-Скиоскихъ набѣговъ. Укрѣпленія состояли изъ стѣны съ башнями, отъ чего и мѣсто получило отъ Грековъ названіе *Неонтихоса* (новая стѣна). Ныѣншнее укрѣпленіе сдѣлано Турками на томъ же мѣстѣ. Оно состоитъ изъ землянаго вала, имѣющаго протяженіе отъ Чернаго моря до Сиваша, и изъ глубокаго рва, обложеннаго дикимъ камнемъ. Ровъ около 12 сажень ширины и 25 футовъ глубины; онъ еще хорошо сохранился, по валъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осѣлъ. Отъ Перекопа къ Черному морю простирается онъ на $5\frac{1}{2}$ верстѣ, и въ немъ устроены три баттарен; самая сильная у моря. До Сиваша считаютъ 3 версты; тутъ только двѣ баттарен, изъ которыхъ одна поставлена на самомъ Сивашѣ. Не льзя не подивиться точности, съ какою Страбонъ, никогда здѣсь не бывавши, опредѣлялъ ширину перешейка. Онъ обозначаетъ ее въ 40 стадій; полагая почти 5 стадій въ верстѣ, выходитъ ровно нашъ размѣръ, $8\frac{1}{2}$ верстѣ. Какъ не заключить изъ того, что можно съ увѣренностью полагаться на

аккуратную точность Греческаго географа, въ его описаніи Чернаго и Азовскаго морей и Таврическаго полуострова.

Разсматривая карту, можно легко замѣтить, что три четверти полуострова къ сѣверу состоятъ изъ обширной долины, или степи, постепенно возвышающейся къ полудню; тутъ нѣтъ ни горъ, ни деревьевъ, ни ручьевъ. Только около Симферополя сцена перемѣняется.

Не стану, послѣ знаменитаго Палласа, описывать соленыхъ озеръ, близъ которыхъ я проѣзжалъ. Надобно прибавить, что и время года было неудобно для обозрѣнія ихъ. Соль, какъ я уже выше сказалъ, садится въ нихъ въ Іюль, а лѣхалъ въ Апрель. До первой станціи, Терекли-Зушуна, было 26 верстѣ. Я проскакалъ ихъ въ два часа. Отсюда проѣхалъ я по прекрасному, каменному со сводами мосту, построенному Турками на рукавъ, выходящемъ изъ моря и прорывшемся изгибами довольно далеко въ степь. 18 верстѣ далѣе достигъ я второй станціи, Дюрмена; отсюда степь приметно возвышается; по сторонамъ виднѣются Татарскія деревни и кладбища. Въ 26 верстахъ остановился я на станціи Айбаръ. Я замѣтилъ пашущихъ Татаръ; у иныхъ были запряжены въ плуги верблюды, а у другихъ буйволы. Отсюда 22 версты до Абланы, гдѣ мечеть и медресъ, т. е. школа; далѣе послѣдняя станція, въ 16 верстахъ, Менлертчихъ, а отъ нея 26 верстѣ до Симферополя.

Я прибылъ въ Симферополь 27 Апрѣля. Здѣсь, мнѣ кажется, прилично будетъ сказать нѣсколько словъ о нынѣшнихъ Крымскихъ Татарахъ. Ихъ должно раздѣлить на два рода, совершенно между собою различныя: горныхъ и степныхъ Татаръ. Послѣдніе явно происходятъ отъ Монголовъ, пришед-

шихъ въ Европу съ Батыемъ; они не смѣшались съ другими народами и не высоки ростомъ; толстыхъ изъ нихъ совсѣмъ нѣтъ; лица у нихъ широкія, скулы выпуклыя, носы плоскіе, и вообще они сходствуютъ съ Киргизцами и Калмыками, только больше бѣлокуры, или свѣтлорусы, не развязны, мѣшковаты и застынчивы. Горные, напротивъ того, народъ, перемѣшавшійся съ древними жителями Тавриды, съ Готами, Греками. Они вообще высокаго роста, стройны, черноволосы; черты лица ихъ правильны, физиогномія и осанка выразительны; они свободны и какъ-то благородны въ обхожденіи; въ рѣчахъ ихъ больше разсудка и размышленія. Между ними встрѣчаются, хотя рѣдко, пригожія женщины; между степными же никогда: онѣ всѣ дурны, и отъ того-то, мнѣ кажется, такъ тщательно прячутся отъ иностранцевъ. Впрочемъ, вообще Татары здѣсь гостеприимны и кротки. Правительство имъ благопріятствуетъ, и они начинаютъ это чувствовать. Покровительствуя вѣрѣ ихъ, заводя школы, избавивъ отъ всѣхъ почти налоговъ и рекрутской повинности, ихъ совершенно обеззаботили, и теперь, исключая нѣкоторыхъ старыхъ мурзъ, еще воспоминающихъ самобытность древняго своего правленія, они видятъ, что могутъ жить и уже живутъ нынѣ счастливѣе, чѣмъ когда нибудь подъ правленіемъ своихъ Хановъ. Степной Татаринъ много работаетъ; онъ пасетъ, безпрестанно роетъ водопроводные каналы для своихъ полей; пасетъ стада; горный же сидитъ цѣлый день въ тѣни своихъ садовъ, куритъ трубку или кальянъ, и глядя на плоды своихъ деревьевъ, на лозы своего винограда, разсчитываетъ, что ихъ достаточно будетъ на прокормленіе и содержаніе себя и своего семейства на цѣлый годъ. Послѣ сего, онъ уже ни о чемъ не заботится и про-

водить дни свои въ лѣни и совершенномъ бездѣйствіи. Мурзы и дворяне любятъ еще охотиться съ соколами и съ борзыми собаками.

Симферополь прежде назывался у Татаръ Акъ-Мечеть (что значитъ *Бѣлая Мечеть*), и также Султанъ-Сарай, или Дворецъ Султана, потому, что здѣсь всегда имѣлъ свое пребываніе Калга-Султанъ. Онъ теперь губернской городъ. Древностей и историческихъ воспоминаній въ немъ искать было бы напрасно, потому, что онъ основанъ только въ 1500 году, Ибраимъ-Беемъ, получившимъ мѣсто его отъ Хана, въ награжденіе за удачный набѣгъ на Россію. Но мѣстоположеніе его довольно живописно: Чатырдагъ, въ 20 верстахъ отъ него находящійся, кажется, будто владѣеть городомъ и стоитъ у самыхъ стѣнъ его. Салгиръ, какъ чистый и быстрый ручеекъ, протекаетъ посреди его. Новый городъ, выстроенный со времени Россійскаго владѣнія, совершенно отдѣляется отъ стараго, Татарскаго. Онъ регулярнѣе; улицы въ немъ широкія и прямыя; по срединѣ площадь, на которой построены присутственныя мѣста, казармы и довольно великолѣпный соборъ; много уже и партикулярныхъ домовъ. — Возмъ него старыи Татарскій городъ, въ которомъ также находятся одна Греческая и одна Армянская церковь, четыре мечети, базаръ, общественныя, но полуразрушенныя фонтаны; улицы въ немъ кривыя, дома выстроены въ Турецкомъ вкусѣ, но между ними начинаютъ уже выстраиваться нѣкоторые по Европейскимъ образцамъ. Любопытно видѣть въ одномъ все заведенное по обычаямъ Азіатскимъ, въ другомъ все по Европейскому вкусу. Послѣдній ни въ чемъ не похожъ на Татарскій городъ; за то ни одинъ Татаринъ и не живетъ въ немъ; напротивъ, нѣсколько Русскихъ и иностранцевъ поселились въ Татарскомъ городѣ. Го-

дось мусульманъ стараго города, призывающихъ съ своихъ минаретовъ на молитву, мѣшается съ звономъ колоколовъ новаго, также съзывающихъ на молитву христіанъ, что возбуждаетъ пріятныя размышленія о терпимости вѣрѣ и кротости Русскаго правленія. Въ Симферополь недавно стали разводить публичный садъ: онъ прекрасно обрисованъ въ Англійскомъ вкусѣ и уже довольно разросся, такъ что можетъ доставить гуляющимъ пріятную тѣнь. Здѣсь я нашелъ нѣсколько деревъ Индѣйскаго каштана (*maronier des Indes*), аршинъ въ пять вышины и въ полномъ цвѣтѣ, множество Итальянскихъ тополей, душистой акаціи, Вавилонскія ивы, и другія древесныя и кустовыя растенія теплыхъ климатовъ. Въ Крыму вездѣ примѣтно попеченіе и предпочтительное стараніе о немъ Графа Воронцова, лелѣющаго сію страну, какъ любимое дитя свое. И надобно сознаться, что Таврида, если не всѣмъ; то многими улучшеніями обязана ему. Я тотчасъ, по сдѣланному себѣ правилу, пошелъ явиться къ начальнику города. Здѣшній Губернаторъ, г-нъ Казначеевъ, принялъ меня ласково, и предложилъ свое пособіе и покровительство во время объѣзда моего по его губерніи. Замѣчательно, что въ Россіи вездѣ начальники губерній вѣжливо и благосклонно принимаютъ всѣхъ путешествующихъ, и всегда готовы доставлять имъ все зависящія отъ нихъ пособія. Пробывъ нѣсколько времени у г-на Казначеева, я пошелъ шататься по городу. Проходя Салгирскій мостъ, мнѣ вздумалось зайти въ мельницу; она молода, но въ ней ни мельника и ни одного работника не было. Пріѣхавшіе съ помоломъ, два молодые Татарина, сидѣли въ углу и прилежно играли въ карты. Они не оборотились ко мнѣ, а можетъ быть, и не примѣтили моего входа; я замѣ-

тиль, что оба очень горячились и кричали, продолжая свою игру. Мнѣ показалось любпытно видѣть Татаръ, въ глуши Тавриды, играющихъ въ игру, изобрѣтенную для развлечения сумасшедшаго Короля Французскаго. Я подошелъ къ нимъ; передъ ними лежали мѣдныя и мелкія серебряныя деньги, а играли они въ три листа, и ни мало не занимаясь мной, продолжали играть. Я оставилъ ихъ въ такомъ упражненіи, размышляя, что Татары не успѣли еще просвѣтиться, а уже заняли начало разврата и страсть къ обогащенію. Нѣтъ сомнѣнія, что играть научились они у солдатъ, или маркитантовъ нашихъ. Я возвратился на квартиру свою, въ гостиницу Француза Амабля. Служа мнѣ за обѣдомъ, Французъ успѣлъ разказать, что онъ отличный поварь, служилъ въ Петербургѣ, въ какомъ-то знатномъ домѣ, и накопивъ деньжонокъ (вѣрно, отъ крупницъ съ трапезы богатаго своего барина), вздумалъ завести въ Крыму ресторацію, но что Татары истинные варвары — обѣдать къ нему не ходять, ничего не понимаютъ, и даже ни разу не спрашивали свинныхъ ножекъ съ трюфелями; что холодные пастеты аух *perdrix rouges* часто портятся у него, ожидая покупателя; что Русскіе чиновники и проѣзжающіе развѣ человека два въ день посѣтятъ его. «Чувствую», прибавилъ онъ, «что я ошибся въ своей спекуляціи. Эта непросвѣщенная страна не достойна моего таланта!» Онъ намѣревался оставить свое ремесло и заняться чѣмъ нибудь другимъ, «напримѣръ, воспитаніемъ дѣтей». Я безспорно соглашался съ нимъ, поѣлъ водянаго супу его и жесткаго бифстека, и сталъ собираться въ дорогу.

Нанявши переводчика и проводника, Татарина Сеида, я отправился на другой день съ нимъ, верхомъ, на полуденный берегъ Крыма. Коляска моя ѣхала

позади. Со всѣхъ сторонъ представлялись прелестныя картины. Чатырдагъ, съ цѣпью горъ, его окружающихъ; прекрасныя долины между ними, отѣненныя деревьями; безпрестанно извиноющаяся Салгиръ, который я, въ продолженіе сей дороги, нѣсколько разъ долженъ былъ перѣзжать въ бродѣ, все невольно приводитъ въ очарованіе. Скоро по выгвѣдѣ изъ города, я проѣхалъ Русскую деревеньку *Петровское*, а на второй верстѣ прекрасную дачу г-жи Нарышкиной, урожденной Графини Ростопчиной. Подалѣе надобно подняться на горку и потомъ спуститься въ долину. Здѣсь картины столько же пріятны, но угрюмы. Множество дикихъ козъ перѣбѣгали мнѣ путь, или показывались на покато-стихъ горъ и оживляли сцену. Луга и перельски были усыяны эффорбіей въ полномъ цвѣтѣ, и я ни гдѣ не видывалъ такого множества этого растенія. Пріятная весенняя погода, и живыя, свѣжія впечатлѣнія дѣлали мое путешествіе усладительнымъ.

Я достигъ Кильбуруна, помѣстья И. И. Перовскаго, и пожалѣлъ, что его не было дома; мы старые знакомые и очень давно не видались. Я располагался было отдохнуть у него и побесѣдовать съ нимъ, но надобно было продолжать путь. Кильбурунъ мѣсто весьма замѣчательное для путешественниковъ; оно окружено прекрасными рощами; дорожки вокругъ дома обрисованы со вкусомъ. Оно у самаго Салгира, на возвышеніи. При немъ есть сады, огороды, изъ лучшихъ въ Крыму, и довольно луговъ, пашень и лѣсу; все это дѣлаетъ его богатымъ помѣстьемъ. Двѣ версты далѣе перѣхалъ я черезъ мостъ *Дюжольма*. Близехонько въ лѣво отъ него видны развалины, довольно хорошо сохранившіяся. Сеидъ сказывалъ мнѣ, что ихъ называютъ *Эски-Сарай*. Татары

говорятъ, что то начатой и недостроенный Ханскій дворець, а г. Палластъ полагалъ, что тутъ была Генуэзская крѣпостца. Еще черезъ три версты проѣхали мы большою деревнею Султанъ-Махмутъ. Мечеть и хорошіе сады вокругъ дома мурзы, помѣщика сего селенія, придаютъ ему видъ благосостоянія и избытка, чего не замѣтно въ другихъ деревняхъ. При выѣздѣ отсюда опять встрѣчаешь Салгирь. Надобно ѣхать по руслу до седьмой версты, гдѣ оно соединяется съ другою рѣчкою, Гангарь, возлѣ мельницы и нѣсколькихъ Татарскихъ избъ, по пригорку расположенныхъ.

Дальше, на лѣвой рукѣ, деревня Шумкой; здѣсь дорога ведетъ прямо къ источникамъ Салгира. Не доѣзжая Большой Чафки, на лѣво видите деревню Малыя Чафки, изъ которой прѣѣзжаете прямо въ Кизиль-Коба. На всемъ проѣханномъ мною пространствѣ земли плодородныя, хорошо обработанныя; вездѣ сады и поля, засѣянные табакомъ и поливаемые изъ каналовъ, проведенныхъ отъ самаго Салгира. Въ Малыяхъ Чафкахъ остановился я у стараго Русскаго, прикащика г-жи Офренъ. Онъ показался мнѣ мужикомъ простымъ и добрымъ. Изба у него довольно опрятна, и мы съ Сеидомъ тутъ хорошо поѣли и отдохнули. Часа черезъ два, мы опять сѣли на лошадей и по крутому спуску достигли деревни Кучукъ-Янкой. Отсюда уже близехонько до пещеръ. Надлежало проѣзжать по берегу ручейка, обросшаго орѣшникомъ, и достигнувъ до кургана, оставить лошадей. Поднявшись на довольно крутую гору, шаговъ въ триста, мы нашли тамъ природную террасу, окруженную полукругомъ каменныхъ, высокихъ и грозныхъ скалъ. Отсюда предестный видъ на Чатырдагъ и на помѣстья *Яши-Салла* и *Кучукъ-Янкой*! Не вдалекѣ блеститъ небольшой водопадъ. На сей

же террасѣ есть родъ впадины, со сводомъ, гдѣ примѣтны маленькія вытесанныя ниши и разбросано много обломковъ черепичныхъ. Явно, что когда-то жили на семь мѣстъ, по, вѣроятно, очень давно, потому, что Татары не сохранили о томъ никакого преданія. Въ скалахъ Кизиль-Коба два отверзтія пещеръ, но я не замѣтилъ никакого сообщенія между самыми пещерами. Желалъ достигнуть верхняго отверзтія, должно лѣзть шаговъ сто по острымъ и разсыпающимся камнямъ, что признаюсь, было довольно тягостно. Отверзтіе такъ низко, что я долженъ былъ на брюхѣ туда ползти; однакожь скоро могъ стать на ноги. Здѣсь провожатый нашъ зажегъ восковыя свѣчи, которыми я нарочно запасся въ Симферополь. Шаговъ черезъ 40, по направленію къ сѣверу, есть большая пустота со сводомъ; потомъ галлерей продолжается еще шаговъ на 30 къ сѣверозападу; тутъ вторая камера и пустота; 40 шаговъ далѣе третья; потомъ во 100 шагахъ четвертая, остается шаговъ 50 до высокаго и узкаго выхода изъ пещеры, гдѣ съ трудомъ можно пройти. Надобно сказать, что изъ всѣхъ галлерей есть выходы въ другія, узенькія, но развѣ особенное любопытство заставить углубиться въ нихъ. Главная галлерей имѣетъ около сажени ширины и столько же вышины; полъ въ ней очень не ровень, но ямъ и дыръ, въ которыя можно было бы провалиться, нѣтъ; слѣдовательно, кто идетъ осторожно, тотъ не подвергаетъ себя никакой опасности. Ширина камеры сажени три, высота двѣ сажени. Потолокъ въ третьей представляетъ смѣшеніе цвѣтовъ—видъ удивительный! По стѣнамъ сталактиты приняли формы необыкновенныя и страшныя. Нижняя пещера недалеко отъ упомянутаго мной водопада. Отверзтіе ея въ три сажени ширины, но оно суживается по

мѣръ углубленія въ скалу. Въ ней также нѣсколько камеръ; говорятъ, что какой-то путешественникъ цѣлый день ходилъ по нимъ и не нашелъ конца. Шаговъ черезъ шестьдесятъ, въ ней есть родъ озера, гдѣ неминуемо должно остановиться; вѣроятно, тутъ скопленіе воды, проникнувшей сюда изъ наружнаго ключа. Вода чиста и вкусна. Стѣны какъ будто обмазаны черною глиною, очень способною на дѣланіе курительныхъ трубокъ. Татары часто запасаются ею для того. Не найдя здѣсь ничего особенно любопытнаго, или достойнаго замѣчанія, я возвратился къ Русскому прикащику въ Малыя Чафки, ночевать. Напившись чаю и закуривши трубку, я спросилъ у Сеида, что онъ думаетъ о Кизиль-Кобскихъ пещерахъ?— «Ихъ, сударь, вырылъ Царь Соломонъ» — На что?— «Зарыть свои сокровища. У него вѣдь была тысяча женъ, а и съ двумя не вдругъ уладишь. Онъ стали просить сокровищъ, и онъ, чтобы отвязаться отъ нихъ, вздумалъ было перевезти сюда свое богатство» — Что ты, Сеидъ! да развѣ не могъ онъ въ своей землѣ найти удобнаго мѣста? Легко ли было ему пуститься въ такую даль?— «Вся земля была его. Вы говорите даль? Развѣ вы не знаете, что у него было кольцо, которое стоило ему повернуть, такъ онъ мигомъ переносился куда хотѣлъ?» — Пускай такъ, да и тутъ, Сеидъ, ежели онъ таскалъ самъ, такъ ему подобно было нѣсколько тысячъ разъ оборотиться. — «Развѣ, сударь, вы думаете быть умнѣ Соломона?» — Боже упаси, Сеидъ! я этого и думать не смѣю. — «Такъ на что же вамъ пересуживать его намѣренія?» — И то правда! Ляжемъ лучше спать.

На другой день, почти до свѣта, Сеидъ осѣдлалъ лошадей, и мы, расплатясь и распрощавшись съ нашимъ хозяиномъ, поѣхали въ путь. Шаговъ за 300

до пятой версты, на лѣво подлѣ дороги, видѣтъ фундаментъ крѣпкой стѣны. Татары приписываютъ ей большую древность. Тутъ, по видимому, было укрѣпленіе. Они называютъ это мѣсто *Делиръ-Халлу* (железные ворота). Слѣды стѣны видны еще далеко по горамъ; ихъ называютъ Каланемъ-Баире. Я не стану входить въ изслѣдованіе сей древности: Г-нъ Кеппенъ, такъ хорошо и подробно занимавшійся здѣшними древностями, вѣроятно уже истолковалъ ее. Въ 9-ти верстахъ отъ Чафки, безпрепятственно спускаясь, и проѣхавъ черезъ многіе пересохшіе ручьи, которые послѣ сильныхъ дождей становятся быстрыми и непроѣжаемыми потоками, мы достигли до *Таушанъ-Базара* (Заячій рынокъ), долины, на которой нѣтъ никакого обиталища, но конные путешественники обыкновенно останавливаются здѣсь покормить лошадей. Отсюда надобно подниматься на такую крутую гору, что лошадь моя насилу шла шагомъ. Полагаютъ, что гора сія имѣетъ 2,800 футовъ перпендикулярной высоты отъ уровня моря. Она находится въ 12 верстахъ отъ Чафки.

Здѣсь на горѣ поставленъ обелискъ, съ слѣдующею надписью:

«Воздвигнуть въ царствованіе Его Величества Императора Николая I-го, въ слѣдствіе даннаго повелѣнія въ 1824 году Его Величествомъ Императоромъ Александромъ I-мъ, Графъ М. С. Воронцовъ будучи Генераль-Губернаторомъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ, а Г-нъ Нарышкинъ Гражданскимъ Губернаторомъ, *Подполковникомъ Шепиловымъ*.

Здѣсь Императоръ Александръ отдыхалъ, проѣзжая въ послѣдній разъ черезъ Крымъ. Это мѣсто воспоминанія!... Глядя на грозный Чатырдагъ и на цѣпь горъ, подъ нимъ лежащую, вдыхая въ себя живой,

чистый воздух на сей высоту, въ уединеніи, въ глубокой тишинѣ воспоминаешь исторію и подвиги великаго соперника Наполеонова!.. Память наполняетъ душу таинственнымъ и вмѣстѣ усладительнымъ чувствомъ! Думая объ Александрѣ, о его судьбѣ, о ранней его смерти, повторяю съ Боссюэтомъ: *одинъ Богъ великъ!*

Отсюда дорога начинаетъ понижаться. Проѣхавъ шаговъ 800, уже видите море, но оно еще далеко, и съ высоты, на которой находитесь, среди обширнаго пространства всего окружающаго, зрѣлище моря не такъ поразительно. Разницу въ климатъ начинаешь чувствовать, спустившись еще нѣсколько верстъ.

Долина и мѣстечко Алушта, къ которымъ приближаетесь по прямой линіи, начинаютъ рисоваться передъ глазами очень пріятно, какъ вдругъ съ лѣва появляется *Демирджиская* скала и привлекаетъ къ себѣ все вниманіе и любопытство путника. Вообразите огромную гору, неправильно и со всѣхъ сторонъ различно обтесанную природой: то является она женской головой съ зачесаннымъ шиньономъ, то висящею скалою надъ деревенькой, у подошвы ея лежащей, которую грозитъ она раздавить, то правильнымъ бастиономъ, и все перемѣняется, по мѣрѣ того, какъ обозрѣвающій перемѣняетъ мѣсто. Солнце ударяло лучами своими прямо на скалу, и она казалась мнѣ тогда точно фарфоровою. Представьте себѣ яркій розовый, голубой и сѣроватый цвѣта большими пятнами *, а по оврагамъ, на ней изрытымъ, и у подошвы ея, зеленый цвѣтъ кустарниковъ, и вы сознаетесь, что все вмѣстѣ составляетъ единственную картину. Я остановился и не могъ на

* Вся скала составлена изъ мрамора сихъ цвѣтовъ.

нее довольно наглядѣться! Демирджи навсегда впечатлѣлась въ мою память и оставила по себѣ пріятное воспоминаніе. На 16-й верстѣ проѣзжаете возлѣ ключа, обдѣланнаго дикимъ камнемъ. Вода въ немъ непомѣрно холодна; я выпилъ ея стаканъ, и тотчасъ почувствовалъ, что простудилъ горло; дѣйствительно я охрипъ на цѣлую недѣлю. На колдцѣ находится слѣдующая надпись: «Близъ сего мѣста, въ сраженіи противу Турокъ, Генераль-Маіоръ Михайло Кутузовъ, что послѣ былъ Фельд-маршаломъ и Княземъ Смоленскимъ, раненъ въ «глазъ.»

Еще воспоминаніе моеи молодости! Я помню дружеское ко мнѣ расположеніе М. Л. Кутузова, подъ начальствомъ котораго сражаясь не одинъ разъ, я учился военному ремеслу, жилъ въ его палаткѣ и пользовался его наставленіями *.

Спустясь еще ниже, вы видите на полдень и въ правую отъ Алушты гору, называемую Кастель. Здѣсь я въѣхалъ изъ горъ, и переѣхавъ рѣчку *Шуму*, находился въ Алуштинской долинѣ, у самаго въѣзда въ мѣстечко Алушту. Тутъ вездѣ виноградники, насажденные уже по Европейскимъ методамъ.

Графъ Воронцовъ распространилъ насажденіе винограда и выдѣлку изъ него вина. За нѣсколько лѣтъ считалось на Крымскомъ полуостровѣ едва 300 тысячъ насажденныхъ лозъ, а нынѣ ихъ болѣе двухъ милліоновъ. Первые опыты винодѣлія, конечно, не соответствовали ожиданіямъ покупателейъ. Судачія вина, вышедшія изъ виноградниковъ Татарскихъ, или по плоскимъ мѣстамъ, или по берегамъ рѣкъъ насажденныхъ и часто поливаемыхъ, оказались

* Кто не слышалъ о чудесной ранѣ, полученной Мих. Илар. Кутузовымъ на этомъ мѣстѣ? Пуля пробѣла у него правый високъ и вышла въ лѣвый, пройдя позади глазъ и не попортивъ ихъ.

слабья, но они были первья въ продажѣ, отъ чего во всей Россіи, и даже въ Москвѣ, приняли ихъ весьма неблагопріятно. Но изъ заблужденія скоро выйдутъ и отдадутъ имъ всю справедливость. Вина полуденнаго берега Крыма, выдѣланныя изъ спѣлаго винограда, искусно обработанныя, сохраненныя въ хорошихъ погребахъ, и отправленныя въ удобное время, ни чѣмъ не уступятъ добрымъ столовымъ винамъ въ Европѣ. Желалъ бы я, чтобъ господа Крымскіе помѣщики перестали величать ихъ чужими именами. Къ чему названія Бургонскаго, Мадеры, Медока, вмѣсто Массандра, Корансъ, Кучукъ-Ламбатъ? Покупщикъ тотчасъ по названіямъ дѣлаетъ сравненія. Не всякій знатокъ въ винѣ, и часто даже, то, что въ Крымскомъ превосходнѣе чѣмъ въ иностранномъ, не нравится, потому только, что по сравненію нѣтъ этого въ иностранномъ винѣ. Но узнаютъ доброту, привыкнувъ ко вкусу, и станутъ предпочитать чужому свое. Разница въ цѣнахъ неминуемо откроетъ Крымскимъ винамъ большой ходъ; они замѣнятъ иностранныя и дадутъ сей промышленности большее развитіе, а помѣщикамъ значительные доходы. Только надобно терпѣніе.

Алушта построена на возвышеніи, близъ морскаго берега, на самой развилкѣ двухъ долинъ; по каждой изъ нихъ протекаютъ рѣчки. Здѣсь почтовая станція, гостинница и большая мечеть. Я осмотрѣлъ три башни, оставшіяся намъ отъ древности, и не соглашаюсь съ путешественниками, приписывающими постройку ихъ Генуэзцамъ. Все напротивъ доказываетъ, что то былъ Фрурионъ, или такъ называемый укрѣпленный замокъ, какихъ нѣсколько на Таврическомъ берегу приказалъ построить Императоръ Юстиніанъ, около 465 года, для защиты страны отъ Гуновъ и Угровъ. При Грекахъ Алу-

шта была мѣстопробываніемъ Епископа; жителей въ ней считалось много; теперь она небогатое мѣстечко, гдѣ кромѣ древнихъ трехъ башенъ ничего нѣтъ замѣчательнаго. Хотя высокія горы, Чатырдагъ, Бабуанъ и Демирдже, закрываютъ нѣсколько Алуштинскую долину отъ сѣвера, но разрывы между ними пропускаютъ сѣверные вѣтры, и отъ того морозы доходятъ иногда до 12 градусовъ по Реомюру. За всемъ тѣмъ, здѣсь виноградниковъ не зарыпаютъ, какъ въ Астрахани, и даже вовсе ни чѣмъ не прикрываютъ отъ стужи.

Изъ Алушты отправился я въ Кучукъ-Ламбатъ, богатое помѣстье пріятеля моего, сенатора А. М. Бороzdина, и проѣхалъ между домомъ и садомъ Карабатъ, принадлежащими г-ну Кеппену, тому самому ученому, который издалъ въ 1837 году Крымскій Сборникъ. Сочиненіе его особенно любопытно и замѣчательно по критическимъ разысканіямъ о древностяхъ южнаго берега Тавриды, и заслуживаетъ уваженіе ученыхъ людей. Отсюда полуденный берегъ становится на каждомъ шагу живописнѣе и пріятнѣе. Мнѣ случилось ѣхать по узенькой дорожкѣ вдоль морскаго берега, такъ, что волны выплескивались до ногъ моей лошади, но крутизна горы съ другой стороны не позволяла никакъ отъ нихъ отдалиться. Виды перемѣнялись безпрестанно, по мѣрѣ какъ извивалась дорога: то еще видѣлся въ туманахъ Чатырдагъ, то являлась Кагелъ-гора, то показывался вдали передо мной Аюдагъ. Около Кучукъ-Ламбата вездѣ цѣстрѣлись сады, виноградники, обработанныя земли, и придавали веселый и оживленный видъ ландшафту. Наконецъ я достигъ до помѣстья моего пріятеля. Съ какою радостію обнялъ я стараго и добраго моего товарища! Онъ напомнилъ мнѣ пріятные дни нашей молодости.

сти, проведенные в лучших обществах Петербурга и в кругу общих наших друзей и знакомых. Его радушие и дружеский прием оживили и утешили меня. Мы сладко беседовали за его легкой трапезой, курили табак, и не могли наговориться; однакожь мнѣ нуженъ былъ покой, и мой благосклонный, добрый хозяинъ отложилъ до другаго дня гулянье по его прелестной дачѣ. Андрей Михайловичъ можетъ назваться старожиломъ Тавриды. Онъ одинъ изъ первыхъ поселился здѣсь постоянно. Я переночевалъ, совершенно освѣжился, и позавтракавъ чаемъ, пошелъ съ нимъ гулять. Въ Кучукъ-Ламбатъ хорошая пристань. Противъ дома возвышается огромный Аюдагъ (Медвѣдь-Гора), покрытый камнями, хотя на немъ растетъ немного лѣсу. Эта гора совсѣмъ выдалась въ море, къ которому понижается она крутыми скалами, поросшими кустарникомъ. Большая часть жителей здѣсь Татары; они занимаются земледѣльствомъ и береговымъ мореплаваніемъ; Русскіе жители почти всѣ ремесленники. Горы, принадлежащія къ цѣпи Яйла, защищаютъ Кучукъ-Ламбатъ отъ сѣвера; съ востока онъ прикрытъ скалою, выдающеюся въ море и составляющею здѣсь бухту, въ которой суда находятъ спокойное пристанище. И такъ не мудрено, что виноградъ здѣсь отменно хорошъ, и вино А. М. Бороздина считается между лучшими. Съ террасы стараго дома * виды къ морю и на Аюдагъ живописны: оттуда, какъ на ладони, прекрасная дача и строеніе Карассана, принадлежащаго родному брату А. М., генераль-лейтенанту М. М. Бороздину. За нѣсколько лѣтъ на Аюдагъ нашли остатки строенія, крестъ, и почти изглаженные надписи. Должно

* А. М. выстроилъ теперь новый домъ, а старый, съ частью сада и дачи, продалъ, не помню кому-то.

предполагать, что тутъ нѣкогда былъ Греческій монастырь, или стояла церковь. Многіе полагаютъ, что сія гора та самая, которую Страбонъ и другіе древніе писатели называли Кріу-Метопонъ; но географическое положеніе Аюдага противорѣчитъ такому мнѣнію. Кріу-Метопонъ (Баранья голова) должна бы выдаваться въ море, посреди полуострова, а Кучукъ-Ламбатъ въ боку и гораздо лѣвѣе. Я скорѣе соглашусь съ тѣми, которые отыскиваютъ историческое мѣсто въ Алуцкѣ.

Сады, цвѣты, и вообще всѣ заведенія А. М. заслуживаютъ любопытство путешественника. Разнообразныя познанія, начитанность, свѣдѣнія, почерпнутыя изъ лучшихъ авторовъ, а болѣе всего гостеприимство, добрый нравъ и радушіе здѣшняго помѣщика ни съ чѣмъ не могутъ сравниться. Если бы не спѣшилъ я увидѣться съ сестрой, я прогостилъ бы у него, кажется, долго, но надлежало распрощаться. Онъ снабдилъ меня всѣмъ нужнымъ на дорогу, далъ мнѣ собственную верховую лошадь, и мы распрощались; но я взялъ съ него слово, что онъ скоро пріѣдетъ навѣстить меня въ Корайсъ, у сестры моей. Я обнялъ моего пріятеля, и поскакалъ съ Сеидомъ, моимъ вѣрнымъ спутникомъ, въ Паргенитъ.

Деревня сія любопытна мѣстоположеніемъ своимъ, на довольно крутой покатоги, у самаго моря. Она въ 4 верстахъ отъ Кучукъ-Ламбата. Я нашелъ жителей ея въ избыточномъ состояніи. Они съютъ ленъ, табакъ и наживаютъ тѣмъ деньги отъ соседей своихъ. Посрединѣ селенія есть огромное ореховое дерево; оно достопамятно тѣмъ, что подъ нимъ писалъ Принцъ Де Липъ къ Екатеринѣ II - й письмо о путешествіи своемъ по Крыму. Изъ Паргенита шесть верстъ до Артека, прекраснаго имѣ-

нія, недавно проданнаго г-мъ Олизаромъ Александру Михайловичу Потемкину. Новая помѣщица, Татьяна Борисовна Потемкина, искала здѣсь умѣреннаго климата и уединенія, нужныхъ для ея здоровья, и для жизни истинно христіанской, посвященной добродѣтели и благотворенію. Не взирая на скромность свою, она не могла скрыться отъ благодарности окружающихъ и облагодѣтельствованныхъ ею людей. Она какъ роза, которую ни какаѣ тѣни угайть не можетъ: благоуханіе такого цвѣтка всегда покажетъ его присутствіе. Т. Б. истинно оправдала названіе своего помѣстья *. Впрочемъ, оно довольно замѣчательно и собственно собой: прелестный видъ морскихъ скалъ и горъ, окружающихъ Урсуфъ и Ай-Даніель; всякаго рода заведенія, построенныя у подошвы Аюдага и прикрываемыя лѣсами его; луга, раздѣляющіе прекрасныя виноградники; строенія въ хорошемъ вкусѣ, новый погребъ, Англійскіе сады, водопадъ, масличныя деревья, которыя здѣсь успѣшно растутъ, все вмѣстѣ дѣлаетъ помѣстье г-на Потемкина прелестнымъ и достойнымъ особеннаго замѣчанія.

Изъ Артека проѣзжалъ я мимо множества небольшихъ дачъ, какъ-то: г-жи Казначеевой, Кн. Ан. Бор. Голицына; перѣхалъ прекрасную рѣчку *Суюксу*, и дачу Султана Кати-Гирея. Недалеко отсюда небольшія, и еще не обработанныя дачи г-жи Полтарацкой и г-на Понятовскаго. Черезъ часъ былъ я въ Урсуфѣ.

Не доѣзжая до сей деревни можно видѣть остатки Генуэзскихъ укрѣпленій: основаніе круглой башни, и каменную стѣну, спускающуюся къ морю со скалы, которую стѣна раздѣляетъ на двое. Далѣе

* Артекъ, или Кардіа-Триконъ, значить по Гречески: *излеченіе сердца, или угашеніе сердца.*

скала соединяется съ плетиною, основанною на камняхъ и составляющею родъ пристани.

Мѣстоположеніе Урсуфа самое пріятное. Здѣсь дача, съ прекраснымъ домомъ, принадлежавшая некогда Дюку де-Ришелье. Англійскій садъ, по покатоности расположенный и искусно разбитый, дернъ, собраніе гранатовыхъ и смоквичныхъ деревъ, кипарисы, тополи, украшаютъ дачу. Въ правой рукѣ цѣпь горъ Яйлы; впереди деревня и скалы Урсуфа; наконецъ море, котораго волны тихо выплескиваются на покатый берегъ у самаго сада, все придаетъ Урсуфу видъ очаровательный. У меня есть хорошій рисунокъ его, гдѣ между прочимъ изображенъ, и очень сходно, Императоръ Александръ, верхомъ, разсматривающій мѣстоположеніе Урсуфа. Отъ Дюка де-Ришелье дача перешла къ Графу Воронцову, а нынѣ принадлежитъ г-ну Фундуклею. Извиваясь еще на нѣкоторомъ пространствѣ по берегу, дорога удалится отъ моря въ лѣво; она ведетъ въ Ай-Даніель. Ай-Даніель также одно изъ помѣстьевъ Графа Воронцова. Здѣсь разводятся виноградныя лозы почти всѣхъ извѣстныхъ родовъ, и устроены богатые погреба. Во всѣхъ заведеніяхъ графа примѣтна одна цѣль — общественная польза. Онъ своимъ примѣромъ поощряетъ другихъ помѣщиковъ къ улучшенію ихъ собственностей, и не щадитъ издержекъ на опыты, которые были бы имъ тяжелы; испытанныя же имъ и удачныя нововведенія перенимаются потомъ съ пользою другими, и такимъ образомъ онъ и съ сей стороны можетъ назваться благодѣтелемъ Крыма. Неподалеку отсюда хорошенькія дачки Барона Беркгейма и г-на Жаксона. — *Никита*, дача выдававшаяся въ море, съ ботаническимъ садомъ, гдѣ собранъ разсадникъ почти всѣхъ извѣстныхъ виноградовъ и деревъ теплыхъ

климатовъ, которыя можно приспособить въ Крыму; это казенное заведеніе содержится въ хорошемъ порядкѣ, подъ смотрѣніемъ г-на Партвица. Подальше его Магарачъ, и наконецъ Марсада, богатое имѣніе, въ которомъ болѣе 600 десятинъ. Графиня Браницкая купила его и подарила молодому внуку своему, Графу Воронцову. Оно напоминаетъ исполинское предпріятіе Графини Потоцкой, которая владѣла имъ и хотѣла тутъ основать большой городъ. Бѣжавши изъ Никиты, надобно замѣтить, на самомъ возвышенномъ мѣстѣ большой дороги, недавно достроенную, прекрасную церковь Дорической архитектуры. Изъ-подъ фундамента ея бьетъ сильный ключъ чистой и свѣжей воды; портикъ церкви окруженъ орѣховыми деревьями; между ними есть дубъ, почитающійся самымъ огромнымъ во всей Тавридѣ. Въ семь имѣній, украшенномъ богатыми строеніями всякаго рода, Графъ Воронцовъ помѣстилъ конскій заводъ. Отъ Марсанды къ Ялтѣ виды становятся еще прекраснѣе: передъ вами Ялтинская долина, ущелья горъ, обросшія большими соснами; за Ай-Василіемъ, Дерекой и Ауткою густые лѣса, по Яйльской цѣпи горъ; наконецъ продолженіе плодороднаго полуденнаго края, вездѣ обработаннаго и лентою извивающагося по берегу моря. Живописно, прекрасно, восхитительно! Вдали выказывается высокая бѣлая Оріандская башня, между купами окружающихъ ее деревъ, и довершаетъ прелестную картину.

Отъ Марсанды въ Ялту, версты двѣ, ѣдете все подъ гору.

Ялта нынѣ городокъ. Въ немъ довольно спокой-

ная пристань, и пароходы, летающіе изъ Одессы въ Керчь и изъ Керчи въ Одессу, ежедневно и постоянно заходятъ сюда, отъ чего мѣстечко становится день отъ дня важнѣе и полезнѣе для всего полуденнаго берега. Здѣсь уже начинаютъ строиться хорошіе дома, заводятся гостинницы, трактиры; лавки съ товарами умножаются и уже есть много складочныхъ анбаровъ. Ялта, безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени будетъ значительный и богатый городокъ. Прекрасная долина ея изобильна всѣмъ, и обрисована природою съ пѣвнительнымъ кокетствомъ. Здѣсь не вдалекѣ дача адмирала Графа Мордвинова, Ливадія генерала Ревеліоти, и Оріанда, вызывающая названіемъ своимъ грустный воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ! Онъ хотѣлъ тутъ строить для себя домъ, потому, что мѣстоположеніе ему понравилось. Сколько размышленій влечетъ за собой намѣреніе Государя, прошедшаго черезъ столько испытаній и видѣвшаго у ногъ своихъ все славы міра... Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, въ послѣдній проѣздъ свой по Тавридѣ, подарилъ сіе помѣстье Супругѣ своей, Императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Конечно, не могло въ лучшія руки перейти имѣніе, любимое Александромъ. Съ симъ имѣніемъ смежны земли, принадлежавшія Графу Дибичу-Забалканскому. Еще отблескъ славы! Ея лучъ скользнулъ мгновенно по его имени и скоро исчезъ съ нимъ въ могильной тмѣ на берегахъ Вислы! — Близъ Ялты достоинъ замѣчанія водопадъ Акареу: онъ низвергается со скалы, имѣющей 40 сажень вышины. Рано весною и послѣ большихъ дождей, масса воды очень велика; въ другое время, она, какъ ручеекъ, разсыпается внизу мелкою подяною пылью. Въ Ялтѣ съѣлъ я въ телѣжку и не останавлива-

ясь проѣхалъ мимо богатаго помѣстья, также Ориандой называемаго и принадлежащаго Графу Витту, черезъ Гаспру, прекрасный замокъ Князя Александра Николаевича Голицына, и черезъ дачу племянника моего, Князя Сергѣя Ивановича Мещерскаго. Послѣ буду говорить о сихъ мѣстахъ; теперь тороплюсь въ Корאיםъ: у меня сердце бьется отъ нетерпѣнія скорѣе увидѣть сестру мою, Княгиню Голицыну, съ которой я болѣе десяти лѣтъ въ разлукѣ, и которую спѣшу обнять, можетъ быть, въ послѣдній разъ!

Наконецъ и въ Корאיםъ, наконецъ я обнимаю сестру, друга, котораго никогда, ни на одну минуту не переставала любить! Не знаю для чего воображеніе переселило меня ко днямъ нашей молодости, но, вмѣсто прелестной, стройной, ловкой женщины, я держалъ въ объятіяхъ согбенную, худую старушку. Однакожъ черты лица ея по прежнему выражаютъ умъ, доброту и твердость характера, которыми всегда отличалась Княгиня Голицына. И она, какъ я, но, можетъ быть, съ большими правами, могла мечтать о счастьи! И се, какъ меня, оно мгновенно похлѣтело и обмануло! Но уму ея нужны были въ замѣну того дѣятельныя занятія, и она умѣла найти ихъ, употреблять постоянно съ пользою себѣ и ближнимъ, чего я, съ вѣчными мечтаніями своими, никогда не умѣлъ сдѣлать. Теперь, удалась отъ свѣта, она живетъ въ уединенномъ уголкѣ Крыма, любимая и уважаемая всѣми, кто имѣетъ счастье знать ее, кто умѣетъ цѣнить ея достоинства и постигать великость ея души. Въ первыя минуты, мы не могли наговориться; спрашивали другъ друга, не дожидаясь

отвѣтовъ, и только поуспокоившись могли вполне насладиться нашимъ свиданіемъ.

Давно не былъ я такъ счастливъ! Мы пробѣгали воспоминаніями нашими прежне, говорили о нашихъ общихъ друзьяхъ, знакомыхъ, о событіяхъ, въ которыхъ иногда вмѣстѣ участвовали. Она нашла пристанище въ вѣрѣ и въ христіанской философіи, къ которой и я стремился, но сколько мытарствъ еще надобно мнѣ пройти, сколько испытаній выдержать, до тѣхъ поръ, пока я съ нею сравняюсь!

За столомъ возобновилъ я знакомство съ неразлучной подругой сестры моей, почтенной и добродѣтельной Баронессою Беркгеймъ. Она въ недавнемъ времени лишилась супруга, скончавшагося здѣсь въ помѣстьи своемъ. Послѣ объѣда присоединилась къ нашей бесѣдѣ г. Сабанская, урожденная Графиня Ржевуская. Рѣдко встрѣчалъ я женщинъ, столько прелестныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Она жила въ маленькомъ домикѣ, посреди сада сестры моей. Мы гуляли по саду, разведенному Княгиней Голицыной, и по горѣ, до самаго моря понижающейся. Здѣсь все создавала помѣщица, и во всемъ видны вкусъ и мысль о пользѣ. Домъ въ два этажа, спокойно расположенный, и убранный не богато, но прилично, небольшой, но прекрасная церковь — довольно для такой спокойной и благочестивой жизни. Но вотъ свѣтлыя кристаллыныя ключи; они бьютъ изъ горы, орошаютъ всю дачу, и такъ проведены всюду, что ихъ достаточно для поливки всѣхъ растений; вотъ богатые виноградники, уже приносящіе большой доходъ; вотъ деревья, рѣдкія, или невиданныя въ Крыму: все это уже относится къ пользѣ общей и частной. Виднѣе усовершенствовалось стараніями сестры моей. Она выписала изъ Франціи и Германіи масте-

ровъ, погребщикова, бочарова, и все необходимое для сей промышленности. Насажденіе маслинъ также начинается у нас процвѣтать. Словомъ, на голомъ и дикомъ мѣстѣ сдѣлала она все, что можно придумать къ пользѣ, и при томъ къ украшенію ея собственности. Правда, что и природа много помогала ей: здѣсь уже были огромныя орѣховыя деревья; цѣпь Яйлы, позади самаго дома, защищаетъ дачу отъ стужи и сѣверныхъ вѣтровъ; изобиліе воды, столь необходимой въ здѣшнемъ климатѣ, все вмѣстѣ дѣлаетъ Кораисъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ помѣстьевъ полуденнаго берега. Я просилъ и даже требовалъ, чтобы мое присутствіе ни сколько не нарушало заведеннаго порядка въ дѣлахъ и упражненіяхъ. Въ вечеру, послѣ чаю и прогулки, еще нѣсколько времени сиди на террасѣ, мы наслаждались благоуханнымъ воздухомъ и прелестными видами съ высоты Кораиса; потомъ сестра читала вслухъ священное писаніе; за тѣмъ все распрощались и разошлись по своимъ комнатамъ. На другой день и во все время, пока оставался я въ Кораисѣ, распределеніе времени и занятія были одинаковы. Такое однообразіе могло бы показаться нѣмымъ людямъ скучно, но посреди трехъ умныхъ, образованныхъ и милыхъ (кажда въ своемъ родѣ) женщинъ, скука не могла найти себѣ мѣста, и я не видалъ какъ время протекло. Почти двѣ недѣли, проведенныя мной у сестры моея, показались мнѣ однимъ и пріятнѣйшимъ днемъ моея жизни!

Назначивъ Кораисъ моею главною квартирою, я расположилъ свои набѣги и посѣщенія по окрестнымъ мѣстамъ. У сестры была для меня верховая лошадь, маленькая и приспособленная къ здѣшнимъ дорогамъ, и сверхъ того была еще спо-

койная таратайка. И такъ, съ карандашемъ и тетрадкой, я началъ свои осмотры на третій день.

Первую повѣзку посвятилъ я Гаспрѣ Князя А. П. Голицына. Вновь выстроенный, готическій, прекрасный замокъ съ башнями, окруженный обширнымъ Англійскимъ садомъ (въ немъ 8 десятинъ), составляетъ владѣніе Князя. Изъ оконъ замка виды обширны и прелестны: въ одну сторону море и берега его до Мисхора и Алупки; въ другую, цѣпь горъ Яйлы и большая дорога, вновь отдѣланная, которая пролегаетъ у самыхъ воротъ дома; наконецъ, возлѣ самаго почти сада, прекрасный домикъ Князя С. И. Мещерскаго, какъ бы нарочно выстроенный для украшенія его, и какъ будто совершенно входящій въ его планъ. Все вмѣстѣ составляетъ ландшафтъ, достойный кисти Клодь-Лоррена. Домъ, богато и съ отличными вкусомъ меблированный, наполненъ всеми потребностями и ждетъ хозяина. Но хозяинъ никогда здѣсь не бывалъ, и, вѣроятно, не будетъ: слишкомъ сорокъ лѣтъ служба при Дворѣ, удостоенный любви трехъ Государей, царедворецъ, занимавшій высокія должности, министръ и членъ Государственнаго Совѣта, можетъ-ли онъ оставить Петербургъ. Но Князь часто твердитъ о Гаспрѣ, о полуденномъ берегу Крыма, о климатѣ, о своемъ здоровьѣ, требующемъ отдохновенія. Объ этомъ онъ часто пишетъ къ сестрѣ моея, но пишетъ уже такъ давно, что она и ждать его перестала. Впрочемъ, для него и то полезно, что такая мысль пріятно занимаетъ его. Готическій замокъ Гаспры для Кн. А. П. воздушный замокъ, лелѣющій его воображеніе! — Я здѣсь нашелъ садовника, стараго Пѣмца, который посвятилъ всю жизнь свою садовому искусству; онъ ни о чемъ другомъ не говоритъ, ничего другаго не любитъ, и сокрушается только объ одномъ, что Князь не ѣдетъ

и не видеть его успѣховъ. Надобно впрочемъ отдать ему полную справедливость: садъ прекрасенъ; онъ искусно умѣлъ воспользоваться всѣми выгодами мѣстоположенія, да и теперь безпрестанно роется, сажаетъ, уравниваетъ. Жаль, что онъ старъ и глухъ, и почти нѣтъ возможности съ нимъ говорить. Часть Гасиры, принадлежащая Князю Мещерскому, также помѣстье очень пріятное; у него насажено уже болѣе 50 тысячъ лозъ винограда, и вино производится очень хорошее.

Отсюда мнѣ вздумалось вѣхать горами и посмотреть на Татарскія жилища. Я поднялся на Яйлу. Дорожка шла въ полугорѣ, возвышаясь нечувствительно; я любовался видами, дышалъ какъ-то свободнѣе на сей высотѣ, и вдругъ былъ пораженъ великолѣпною картиною заходящаго солнца: огненный шаръ его почти касался волнъ и готовился потонуть въ нихъ; фиолетовые, розовые лучи его разливались по горизонту моря, на которомъ вдали бѣлѣлись паруса плывущихъ лодокъ и кораблей; тѣнь разстилалась у подошвы Яйлы, но верхи скалъ еще горѣли въ лучахъ солнца. Описать такой картины невозможно. Я остановилъ лошадь; тихія, сладостныя ощущенія наполняли душу мою, и съ четверть часа былъ я недвижимъ. Наконецъ замѣтилъ я впереди родъ маленькой террасы; мнѣ показалось, что съ нея еще лучше увижу я окрестности. Я повернулъ свою лошадь, и едва успѣлъ взвѣхать на террасу, какъ вдругъ лошадь моя провалилась всѣмъ передомъ... Я испугался, думая, что минусмо полечу съ вершины Яйлы въ какую нибудь пропасть. Конь мой не могъ подняться и барахтался на одномъ мѣстѣ. Я успѣлъ соскочить съ него и не понималъ, какъ на такой высокой горѣ могъ онъ увязнуть! Еще болѣе изумился я, когда услышалъ

подъ собою крикъ, увидѣвъ двухъ Татаръ и столько же Татарокъ, которые явились ниже меня и всѣ кричали! Я не постигалъ, откуда они взялись и чего хотѣть, но человѣкъ, вѣхавшій за мной и уже шедшій съ лошади, подбѣжалъ ко мнѣ съ ними вмѣстѣ и дѣло объяснилось: я принялъ за террасу, или площадку — плоскую кровлю Татарской лачуги, пристроенной, или, лучше сказать, прилѣпленной къ горѣ, что здѣсь довольно часто встрѣчается. Вообразите удивленіе и страхъ этихъ бѣдныхъ поселенъ, которые сидѣли заужиномъ, и вдругъ увидѣли надъ чашкой своей двѣ болтающіяся лошадиныя ноги! Они ожидали, что и всадникъ съ конемъ упадетъ къ нимъ въ похлебку! Сначала они было закричали на меня, но узнали слугу сестры моей, которую всѣ въ округѣ чтутъ и называютъ султаншею, схватили за хвостъ и за шею мою лошадь, и стащили ее невредимо и благополучно на дорогу. Я съѣлъ на своего россинанта и воротился назадъ, отложивъ поѣздку на вершины Яйлы до другаго дня. Заплативъ Татарамъ пять рублей за свое дурачество, поѣхалъ я сопровождаемый ихъ пожеланіями добраго пути. Надобно знать, что народу собралось много; тутъ цѣлая деревушка, и всѣ дома построены также, какъ тотъ, въ который я было провалился. А я никакъ не примѣтилъ ея! Зрители смѣялись и всѣ кричали мнѣ вслѣдъ: «Добрый путь, добрый путь!».. Проѣхавъ почти до самой Оріанды Графа Витта, отгуда воротился я домой, рассказывать, не безъ прикрасть, по праву и обычаю всѣхъ путешественниковъ, свое рыцарское приключеніе любезнымъ моимъ хозяйкамъ.

Вторая экспедиція моя была въ Оріанду Графа Витта. Богатые виноградники, искусно расположенныя сады, орошаемые изобильною, текучею водою, всякаго рода строенія хорошей архитектуры состав-

ляютъ сію дачу. Мѣстоположеніе ея самое романтичское. Особенно прекрасна высокая скала, называемая *Мегаби*, на верху которой поставленъ блестящій вызолоченный крестъ. Виды отсюда обширные, и какъ на всемъ почти полуденномъ берегу, прелестныя. Хозяина не было; онъ находился тогда въ Одессѣ, и я, не останавливаясь долго, поѣхалъ опять на Яйлу. Невыразимое наслажденіе находить я быть въ горахъ. Тамъ, въ уединеніи, окруженный дикою природою, посреди шороха деревъ и ропота водопадовъ, какъ-то облизашься съ величественною простотою творенія и съ необычными небесами. Внезапное блеваніе оленя, или шелестъ испуганнаго волка, прерываютъ мгновенно спокойствіе природы, и опять все стихаетъ, опять остается человекъ съ своими размышленіями..... Я пробрался на самую вершину горы и очутился совершенно въ другой части Крыма. Верхи Яйлы вездѣ покрыты зеленью; только на нихъ растутъ, по большей части, кустарникъ и верескъ, а хорошія пастбища и крупный лѣсъ на полугоръ и далѣе. Я увидѣлъ большое стадо овецъ, и между ними нѣсколько лошадей, подъ присмотромъ двухъ молодыхъ Татаръ. Одинъ изъ нихъ игралъ на дудкѣ, но увидѣвши меня пересталъ, подошелъ ближе и сталъ любопытно разсматривать меня. Я зналъ нѣсколько словъ по Татарски и началъ было говорить ему, но видно онъ не понялъ меня, продолжалъ глядѣть молча, наконецъ повернулся ко мнѣ спиной и пошелъ прочь. Прогулка моя нечувствительно продолжилась; я рано выѣхалъ со двора, но тутъ солнце уже было высоко, жаръ усиливался и я поторопился домой, тѣмъ больше, что сестра моя обѣдала довольно рано, а горный воздухъ и верховая ѣзда сильно пробудили мой аппетитъ. Когда я пріѣхалъ домой, меня уже ждали. По-

слѣ обѣда и послѣ обычнаго своего отдыха, которой Итальянцы такъ выразительно означаютъ словами: *far la siesta*, я одинъ съ сестрой пошелъ гулять по ея дачѣ. Въ разговоръ съ нею мнѣ показалось, что она скучаетъ, что ея хозяйственныя занятія мало занимаютъ ее; она какъ будто чувствовала свое одиночество и ей надобно заботы всякаго рода. Я не сказалъ ей моего замѣчанія, зналъ, что она не сознается въ истинѣ его, но меня огорчило внезапное открытіе. Если спокойствіе ея нарушится, думалъ я, и она, охладѣвши ко всему, что ее занимаетъ здѣсь, почувствуетъ скуку, которую слишкомъ трудно будетъ преодолѣть..... Дай Богъ, чтобы я ошибся!... Уединившись въ свою комнату, я задумался, обратился къ себѣ, и почувствовалъ, что величайшее несчастіе въ жизни — потерять всѣ обольщенія, всѣ мечты. То почти смерть сердца, когда мы не можемъ любить, какъ любили, не можемъ восхищаться, какъ восхищались прежде. Не значить ли это вообразить, что природа вянетъ, когда она еще во всемъ своемъ блескѣ? Бользнь воображенія дѣйствуетъ и на организмъ. Ахъ! оставаться холоднымъ при восхожденіи или захожденіи солнца, при взглядѣ на великолѣпіе и гармонию природы, не радоваться душой, не восхищаться ея картинами, видѣть только ложь и обманъ въ обществѣ, не вѣрить ни чьимъ словамъ, не смѣть заглянуть въ сердце человѣческое, изъ страха ужаснуться его, и наконецъ истребить въ себѣ доброту, довѣрчивую къ словамъ, которую такъ долго хранимъ мы въ душѣ своей, какъ сокровище не растраченное..... дойти до презрѣнія ко всему и не имѣть силъ возвыситься до ненависти!... Страшно и горько!... Сколько такое разочарованіе разстиляетъ мрака на жизнь, и какъ убиваетъ ее! Но судьба ведетъ насъ къ нему тихо

и незамѣтно. Надежда, прелесть, ниспосланная Провидѣніемъ, привязываетъ къ неизвѣстному, надежда много разъ еще увлекаетъ насъ, прежде нежели разстаемся наконецъ и съ нею. Такія размысленія навели на меня грустную думу. Я былъ готовъ отказаться отъ своего путешествія, но опять встрепенулся, сказавъ: впередъ, впередъ! Судьба велитъ ѣхать въ Константинополь! велитъ ѣхать въ Римъ!

На другой день г-жа Сабанская очень мило сказала мнѣ, что мои разъѣзды лишаютъ ихъ пріятной бесѣды, а между тѣмъ скорый отъѣздъ мой грозитъ на долго потерять ее. Она прибавила, что рѣшилась не отпускать меня одного и ѣдетъ со мной въ Мисхоръ и Алупку. Ничего не могло быть для меня пріятнѣе этого предложенія. Я велѣлъ заложить таратайку и мы поѣхали вмѣстѣ. Дорогой, разговаривая съ спутницею, я еще больше удостоверился, что съ прелестью красоты, она соединяетъ умъ необыкновенный, большой навыкъ въ свѣтъ, и любезность, рѣдкую даже въ самыхъ лучшихъ обществахъ.

«Останьтесь съ нами еще нѣсколько времени!» сказала она мнѣ. «Мы такъ пріятно проводимъ эти дни съ вами! Но, можетъ быть, мы не довольно любезны, и потому не въ силахъ удержать васъ съ собою! — «Если бъ я былъ моложе, сударыня, то вашъ Корабль сдѣлался бы для меня Калипсинимъ островомъ. Новый Телемакъ, безъ Ментора, который столкнулъ бы меня со скалы, увидѣвши Финикійскій корабль, я непременно остался бы прикованнымъ къ прелестямъ Эвхарисы, но Фенелонъ не описалъ бы моихъ приключеній, и тогда, — прощай Римъ! прощай Константинополь!» — Она улыбнулась и отвѣчала мнѣ: — А что жъ сказало бы потомство?... Такъ разговаривая, мы доѣхали до Мисхора, дачи Льва Александровича Нарышкина. Она на бе-

регу моря. Домъ, со вкусомъ построенный, прекрасный садъ, множество цвѣтовъ, все дѣлаетъ Мисхоръ очень пріятнымъ мѣстомъ для хозяевъ. Особенно замѣчательна цѣлая роща лавровыхъ деревьевъ. Виноградникъ здѣшній производитъ хорошее бѣлое вино: рислингъ и мускатъ-лионель. Мы довольно долго гуляли по саду, но съ спутницею моею время летѣло! Она первая (и это должно было такъ быть) замѣтила, что пора ѣхать далѣе. Близко отсюда начинаются богатые виноградники Графа Воронцова. Мы проѣхали потомъ черезъ Алупку, не останавливаясь въ ней, чтобы оставить экипажъ свой въ гостинницѣ, выстроенной на другой сторонѣ помѣстья и называемой *Два кипариса*. Тутъ дѣйствительно два огромные кипариса, посаженные Кн. Потемкинымъ, въ бытность здѣсь Екатерины Великой, посреди большихъ гранатовыхъ и лавровыхъ деревьевъ. Кипарисы эти первые и, можно сказать, праотцы всѣхъ растущихъ теперь въ Крымѣ. Отсюда пошли мы пѣшкомъ осматривать оборонительную Алупку. Съ первымъ шагомъ обрисовались въ глазахъ нашихъ виды, чудесные и безпрестанно перемѣняющіеся. Огромная гора *Ай-Петра* (святаго Петра), имѣетъ 500 сажень отвѣсной высоты отъ поверхности моря, и оканчивается вверху голыми, дикими скалами. Большія отрасли ихъ, или обломки, наполняютъ даже верхній садъ, и между ними изобильныя воды, то бьютъ ключами и фонтанами, то прорываютъ себѣ скромное русло.... Тутъ искусство начинаетъ помогать природѣ. Въ иномъ мѣстѣ, оно загораживаетъ воду и составляетъ изъ нея прозрачныя озерки; въ другомъ стѣсняетъ ее невидимыми трубами, и раздраженная стихія бьетъ высокими фонтанами и освѣжаетъ воздухъ. Здѣсь пробита скала, и вода лѣется въ обширные, мраморные, или

грюнштейновые бассейны, оживленные насаженными въ нихъ форелями. Скалы вошли въ планъ сада, обсаженныя всякаго рода прекрасными деревьями и раздѣленныя дорожками, вьющимися между ними, по которымъ гуляющій приходитъ, то на лужокъ, устланный ковромъ мелкаго дерна, то въ густой лѣсъ, гдѣ розовый лавръ, душистая акація, пирамидальный тополь, тюльпановое дерево предлагаютъ свою усладительную тѣнь, то ко входу въ пещеру, около которой шумятъ воды и протекаетъ ручеекъ. По берегамъ ручья разсыяны благовоныя цвѣты, а пещера готова принять изумленнаго видѣнными имъ красотоми путника, и дать ему пріютъ и отдыхъ. Вездѣ одна природа, однакожь виды безпрестанно перемѣняются. Каждый пунктъ воспользовалось невидимое искусство. Съ одного мѣста Ай-Петра ужасаетъ своею огромностію и дикостію; съ другаго видѣнъ истинно царскій дворецъ Графа Воронцова; тамъ видно море во всемъ его великолѣпіи. Все изумительно, прелестно, единственно! Мнѣ сказали, что Графиня Воронцова съ любовью занимается здѣшнимъ садомъ, и что хоти искусный ея садовникъ, г-нъ Кибашъ, трудится надъ нимъ, но онъ изъ воли и распоряженій ея не выстѣпаетъ. Я тогда еще не зналъ Графини, но познакомившись съ нею потомъ въ Одессѣ, ясно понялъ Арминины сады.

Другая половина сада расположена около моря, на незамѣтной покатости. Она отдѣляется отъ верхней большою дорогою, по которой мы пріѣхали изъ Мисхора. Здѣсь сценъ не такъ разнообразны. Но широкія Англійскія дорожки, богатая зелень, прекрасныя деревья нравятся и послѣ красотъ верхней половины. Тутъ замѣчательно строеніе съ колоннадой, поставленное на возвышеніи у самаго моря;

отсюда взглядъ обнимаетъ неизмѣримый горизонтъ. Берегъ и ограждающія его отъ волнъ скалы видны на большомъ разстояніи.

Въ самой деревнѣ Графъ выстроилъ, для обитающихъ въ ней Татаръ, большую и красивую мечеть.

Долго было бы описывать всѣ красоты этого обворожительнаго мѣста. Въ одну прогулку и не могъ осмотрѣть всего; нельзя однакожь не сказать, хоть нѣсколькихъ словъ, о домѣ, который строить здѣсь Графъ Воронцовъ. Онъ будетъ единственный въ своемъ родѣ, и по архитектурѣ, и по великолѣпію, и по богатству матеріаловъ, употребляемыхъ на него. Вообразите древнее готическое аббатство, какія еще сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англій: все построено изъ камня и съ низу до верху обложено грюнштейномъ. Пріятно было бы имѣть и табакерку изъ такого камня, а здѣсь изъ него цѣлый дворецъ!... Отъѣзжая, я опять осмотрѣлъ положеніе Алупки, и нахожу, что трудно назначить здѣсь мѣсто древняго Кріу-Метопона. Аюдагъ въ Кучукъ-Ламбатъ не въ центрѣ полуострова, однакожь онъ сходенъ съ описаніями древнихъ; въ Алупкѣ, хотя точно почти середина Тавриды, и географическое положеніе соотвѣтствуетъ Страбону въ море. Гора эта, правда, очень отличается отъ другихъ окружающихъ своею высотою, своими голыми вершинами, по ни какосъ воображеніе не представитъ въ ней сходства съ бараньею головою. И такъ, по мнѣнію моему, означеннаго древними мѣста еще не лзя опредѣлить съ точностію.

За Алупкою Сименсъ, принадлежащій Князю В. И. Мецкерскому и И. А. Мальцову. Мѣстоположеніе его, сады, виноградники сходны красотой и богатствомъ почти со всеми, которые объѣхалъ я, начи-

ная отъ Алушты, но я пишу не путешествіе въ Крымъ, а только припоминаю себѣ нѣкоторыя мѣста, больше поразившія меня и оставившія по себѣ пріятныя воспоминанія. Скажу здѣсь однакожь, что Иванъ Акимовичъ Мальцовъ учредилъ на дачѣ своей складку нѣкоторыхъ товаровъ, или матеріаловъ, необходимыхъ для земледѣлія, садоводства и домашняго употребленія, которые доставать было очень трудно, и то развѣ за большую цѣну. Таковы: полосное желѣзо, чугуны, строевой лѣсъ, доски, стекла для окошекъ, бутылки, даже хрустальная посуда, потомъ мука, крупа и другіе припасы. Г-нъ Мальцовъ привозитъ все это сюда моремъ, и безъ сомнѣнія оказываетъ жителямъ полуденнаго берега большую услугу, доставляя способъ снабжаться предметами для нихъ необходимыми, которые, безъ его пособія, рѣдкій могъ бы получить. Я даже увѣренъ, что г-нъ Мальцовъ не получаетъ ни какаго барыша, да и не считалъ на него, желалъ только общественной пользы, въ чемъ, безъ сомнѣнія, совершенно успѣлъ.

Мы воротились домой послѣ прогулки, усладительной для меня. Я пошелъ къ себѣ въ комнату, записать все видѣнное мною, а остатокъ дня провелъ съ такою же пріятностію въ бесѣдѣ съ сестрой и ея друзьями. Время летѣло; ждали парохода въ Ялту. Я со страхомъ считалъ минуты, но откладывать отъѣздъ мнѣ было невозможно. Я страшился часа прощанія: никогда не любилъ я его, а избѣгнуть теперь никакъ не могъ. Сестра моя также задумывалась. Она скрывала, что ей также тягостна была наша разлука, послѣ кратковременнаго свиданія. Мы оба чувствовали, что въ наши старыя годы мало намъ остается надежды свидѣться вновь. Эта мысль навела на обоихъ насъ какое-то принужденіе,

и становилась даже несносна. 3-го Мая, кто-то изъ слугъ сестры моей вбѣжалъ въ комнату и поспѣшилъ возвѣстить, что пароходъ изъ Одессы идетъ и уже очень видѣнъ съ террасы. Никто не отвѣчалъ на его слова; всѣ замолчали. Я всталъ. Г-жа Сабанская сказала мнѣ: «Вы нетерпѣливо хотите увидѣть пароходъ?» — Нѣтъ, я иду въ свою комнату. — Сестра поняла меня; я хотѣлъ скрыть, какъ пораженъ былъ такимъ извѣстіемъ, будто неожиданнымъ.

На другой день велѣлъ я изготовить тележку..... Сердце мое стѣснилось, и я почти молча обнялъ сестру, простился съ Б. Беркегеймъ, съ г-жею Сабанской, выбѣжалъ изъ дома и поскакалъ въ Ялту. Я могъ бы еще сутки пробить съ ними, но положеніе мое становилось несносно; для меня гораздо легче горевать одному и уже не видать людей, съ которыми тяжело разставаться. Въ Ялтѣ я не хотѣлъ даже остановиться, прямо съѣлъ на пароходѣ, и до отплытія его, цѣлыя сутки, сидѣлъ на немъ одинъ. Сестра и г-жа Сабанская писали ко мнѣ; я отвѣчалъ имъ, но то было ужъ какъ будто изъ другаго края свѣта.

Живши у сестры, познакомился я съ докторомъ и операторомъ г-мъ Ванцети; онъ, кажется, родомъ изъ Падуи. Къ необыкновенному искусству оператора, особенно глазнаго, г-нъ Ванцети присоединяетъ обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ медицины. Онъ любезенъ и очень пріятенъ въ обхожденіи, молодъ и хорошъ собою; я совѣтовалъ ему и даже уговаривалъ его переѣхать въ Москву, для глазныхъ болѣзней; онъ нашелъ бы для себя много занятій. Не знаю, послушаетъ ли онъ меня.

Здѣсь я познакомился также съ Русскимъ художникомъ, г-мъ Чернецовымъ. Онъ живописецъ. Я видѣлъ множество снятыхъ имъ видовъ замѣчатель-

нѣйшихъ мѣстоположеній Крыма, и былъ очень доволенъ его *гуашами* и *аквареллями*. Колоритъ прекрасный, нигдѣ не отступающій отъ природы, рисунокъ правильный, перспектива превосходная; однимъ словомъ, пейзажи г-на Чернецова достойны его таланта, и были бы уважены первыми художниками по сей части въ другихъ странахъ Европы. Сестра общала мнѣ рисунка два его работы, но, къ сожалѣнію моему, я ихъ не получилъ. Правда, что г-нъ Чернецовъ былъ обремененъ работой, и, вѣроятно, не имѣлъ времени обо мнѣ вспомнить.

Сидя одинъ на пароходѣ, я имѣлъ время пробѣгать въ умѣ моемъ все видѣнное мной въ Тавридѣ. Цѣпь горъ и прелестный берегъ были еще передъ моими глазами. Въ зрительную трубку, ясно и какъ подле себя, видѣлъ и разсматривалъ я *Акареу*; этотъ водопадъ былъ тогда прелестенъ. Крымъ, самъ собою, и въ политическомъ отношеніи, страна необходимая для Россіи. Во-первыхъ, онъ ключъ Азовскаго моря, и держитъ подъ своею властью всю торговлю Таганрога, Тамана и части полуденной Россіи. Во-вторыхъ, гавани его безцѣнны для насъ, и въ одной изъ нихъ весь Черноморскій флотъ помѣщается безопасно, утверждая за нами владычество Чернаго моря. Во всѣхъ своихъ частяхъ, Крымскій полуостровъ имѣетъ начала внутренняго благосостоянія. Даже въ степной, или верхней части, соленыя озера и богатая пастбища для насъ источники богатства. Нагорная часть прекрасна: плодородная во всѣхъ отношеніяхъ земля ея, живописное мѣстоположеніе, воды, лѣсъ всякаго рода, и даже строильный; доставляютъ жителямъ возможность совершенно обходиться безъ чужихъ пособій. Полуденный берегъ, Италія Россіи, заклю-

чаетъ въ себя все, что можетъ усладить жизнь и доставить спокойствіе человѣку. Чего жъ не достаетъ Крыму? Людей... общества. Крымъ слишкомъ отдаленъ отъ столицъ; ничто не привлекаетъ туда селиться богатыхъ. Слѣдовательно, капиталы не проникаютъ на полуостровъ и не даютъ способа развитія промышленности, земледѣлію, наукамъ, художествамъ, источникамъ внутренняго изобилія, богатства и просвѣщенія. Графъ Воронцовъ, нынѣшній начальникъ Новороссійскій, любитъ Крымъ и лелѣетъ его какъ милое свое дитя. При обширныхъ познаніяхъ, при стремленіи ко всему полезному, и смѣю сказать, великому, онъ исполненъ неограниченнаго усердія къ исполненію Высочайше ввѣренной ему службы. Онъ заботится оживить, украсить, и если можно, обогатить Тавриду. Онъ уже далъ ей жизнь, но это еще жизнь искусственная. Онъ воздвигаетъ зданія, дворцы, и по его примѣру строятся друзья его, приверженные къ нему люди; онъ часто переезжаетъ на полуденный берегъ, и Крымъ оживляется; онъ любимъ народомъ, и могу сказать, всѣми жителями, потому, что занимается ихъ благосостояніемъ; онъ справедливъ, принимаетъ участіе въ каждомъ.... Но все это зависитъ отъ одного человѣка. Будь кто иной на его мѣстѣ, даже съ тѣмъ же усердіемъ, съ тѣми же дарованіями (что однакожь довольно трудно), но если сей новый правитель не будетъ такъ страстно любить Крыма, или не будетъ такъ богатъ какъ Графъ Воронцовъ, то Крымъ много потеряетъ, хотя не потеряетъ ни красотъ своихъ, ни живописныхъ береговъ, ни благотворнаго климата, ни источниковъ своего изобилія. Севастополь останется всегда превосходною и необходимою гаванью; соленыя озера будутъ высылать по прежнему обозы соли въ Ма-

лороссию; предположимъ даже, что и Керчь останется транзитнымъ богатымъ портомъ, но Крымъ потеряетъ свою жизненность! Всему причиной не иное что, какъ отдаленность отъ центра государства; слѣдовательно, не взирал на красоту здѣшнихъ мѣстоположеній, на прелесть климата, на изобиліе плодовъ, и всего что нужно для жизни, всегда стануть предпочитать имъ дачи на влажныхъ и плоскихъ островахъ Невы, и даже холодныя Подмосковныя.

Пассажиры начинаютъ собираться. Я забылъ сказать, что пароходъ нашъ называется *Центръ Великій*. Онъ построенъ прекрасно. Капитанъ нашъ, Михайло Парфентьевичъ Захаровъ, человекъ вълиятельный и пріятный въ обращеніи. Я съ удовольствіемъ узналъ, что въ числѣ пассажировъ находилась дама, вдовствующая супруга бывшаго Губернатора Тавриды, Нарышкина, урожденная Графиня Растопчина. Тутъ же были: г. Кеппелъ, тотъ самый ученый описатель древностей Крыма, о которомъ я упомянулъ выше; г. Войцеховичъ, чиновникъ особыхъ порученій при Оберъ-Прокурорѣ Святѣйшаго Синода, человекъ образованный, съ которымъ мнѣ очень пріятно было бесѣдовать во все время нашего плаванія; наконецъ докторъ Ванцети, о которомъ я говорилъ выше. Погода была прекрасная; пароходъ бѣжалъ по 8, 9 и даже 10 узловъ въ часъ; онъ извѣстенъ своимъ необыкновенно быстрымъ ходомъ. Плаваніе наше началось благополучно. Я еще разъ взглянулъ на Кораисъ, но мы шли довольно далеко отъ берега, и я не могъ никого увидѣть; вѣроятно, и оттуда глядѣли на насъ! Мысленно распрощавшись съ близкими сердцу, я не въ страхъ былъ продолжать бесѣды съ спутниками моими, и пошелъ въ свою койку

спать. Рано по утру мы почувствовали боковую качку. Кто бывалъ на морѣ, тѣмъ не для чего объяснять, что значить этотъ несносный морской терминъ; право, онъ и въ звукѣ напоминаетъ себя очень непріятно. Въ виду Балаклавы мы обѣдали; намъ подали камбалу (Turbot), особаго рода, безъ камешковъ на чешуѣ. Здѣсь зовутъ эту рыбу *калканъ*; она гораздо нѣжнѣе и вкуснѣе обыкновенной камбалы.

Возлѣ Балаклавской пристани видно было древнее Генуэзское укрѣпленіе. Скоро показались Георгіевскій монастырь и маякъ на мѣстѣ древняго Херсониса. Вотъ мѣста, гдѣ Владиміръ Великій позналъ Христіанскую Вѣру и просвѣтилъ потомъ Русскихъ. Противъ Херсониса увидѣлъ я въ первый разъ дельфиновъ; они постоянно шли за кораблемъ, играли и выплескивались передъ нами очень забавно. Вдали виднѣлись Севастополь и Тендра, съ своимъ маякомъ; берегъ къ Очакову отъ насъ удаллся. При названіи сей крѣпости, я вспомнилъ безпокойство Екатерины Второй, долго не получавшей извѣстія изъ арміи своей, осаждавшей Очаковъ при наступленіи Декабрскихъ морозовъ; подумалъ о затрудненіи военачальника ея, Князя Потемкина, потерявшаго всѣхъ лошадей, и наконецъ вообразилъ, какъ въ день чудотворца Николая, 6-го Декабря, Русскіе герои штурмовали крѣпость, преодоляли все препятствіе, торжествовали и успокоили Великую.

Вотъ и Кинбурнская коса, напоминающая единственнаго, непобѣдимаго Суворова! Когда приближались ему сказать, что Турки высаживаютъ войско, и начинаютъ окапываться валомъ: «Помилуй Богъ! не мѣшайте имъ!» вскричалъ онъ. «Пусть все выберутся на берегъ; тогда ужъ ни одинъ не

уйдетъ.» — Такъ и сбылось. Турки всё сошли, укрѣпились, отослали корабли въ Очаковъ; Суворовъ атаковалъ, разбилъ и истребилъ ихъ до послѣдняго!

Въ 8-мь часовъ утра, военный пароходъ *Meteor* повстрѣчался съ нами; онъ плылъ отъ насъ саженьяхъ въ 20-ти. Зрѣлище было прекрасное; мы раскланивались, а матросы на обоихъ судахъ прокричали ура! Наконецъ, ровно черезъ сутки послѣ отплытія нашего изъ Ялты, въ часъ пополудни, бросили мы якорь въ Одессу, у самой набережной.

Видъ Одессы съ моря прелестенъ. Здѣсь двѣ пристани: карантинная и вольная, совершенно одна отъ другой отдѣльныя. Я сошелъ съ корабля, и оставилъ на немъ людей своихъ при вещахъ, а самъ, полагая, что скоро найду извозчика, взялъ съ собою довольно тяжелую шкатулку и пошелъ отыскивать квартиру. Я принужденъ былъ взлѣзть на довольно высокую гору, а день жаркой, извозчика нѣтъ въ виду.... Къ счастью, мнѣ попался на встрѣчу А. К. Лачиновъ, Директоръ Одесской таможни; мы были пріятелями еще въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Онъ благосклонно показалъ мнѣ лучшую гостинницу, въ которой и самъ квартировалъ: это *Hôtel de Richelieu* (Отель де-Ришелье), гдѣ я тотчасъ и поселился.

Одесса, прежде бѣдная Татарская деревенька, *Гаджибей*, при которой находилось небольшое Турецкое укрѣпленіе, показала адмиралу О. М. де-Рибасу удобнымъ мѣстомъ для построенія города и пристани. Неудобное мѣстоположеніе Херсона, и множество неудобствъ тамошней пристани, дали ему мысль замѣнить сей городъ Одессою. Можетъ статься, и желаніе превзойти услугою г-на Синельникова, который строилъ Херсонъ и получилъ за

то богатое награжденіе, входило въ расчеты де-Рибаса, но какъ-бы ни было, онъ подалъ докладъ Императрицѣ Екатерины II, а она утвердила его и поручила ему строеніе города. Миръ съ Портою Оттоманскою, 1792 года, распространилъ границы имперіи отъ Буга до Днѣпра; почти въ тоже время присоединено было отъ Польши древнее наше достояніе, нынѣшнія Подольская и Волынская губерніи, прилегающія почти къ Черному морю, и послѣ того явилась необходимость открыть торговлю удобное мѣсто къ сбыту пшеницы и другихъ произведеній, безъ переправы черезъ Бугъ. Все это, конечно, входило въ планы Императрицы, и она увидѣла, что новая пристань именно выполнить ея цѣль. Обративъ на нее все свое вниманіе, она только въ 1796 году назвала новый городъ Одессою, и даровала ему нѣкоторыя привилегіи. Начали селиться, начали торговать, но до восшествія на престолъ Императора Александра I-го, Одесса еще мало подвигалась къ цвѣтущему состоянію. Несогласія между Англіей и Россіей въ то время прекратились; торговля сношенія съ Франціей были возобновлены трактатомъ 8 Октября 1801 года; послѣ Амьенскаго мира Франція заключила съ Портою трактатъ, по которому кораблямъ ея предоставлялось право плаванія по Черному морю; скоро потомъ Англичане, Пруссаки, Испанцы, Неаполитанцы, Рагузинцы, Голландцы и Правленіе Семи Острововъ получили тоже право. Съ сей замѣчательной эпохи, Черное море освободилось отъ владычества Турецкаго, и сдѣлалось общою собственностію Европы, центромъ обширныхъ торговыхъ оборотовъ, которые сосредоточились большею частію въ Одессу. Правительство наше, тщательно и успѣшно занималось благосостояніемъ южнаго края, тотъ

часть почувствовало важность обширнаго движенія въ торговль, и поощрило ее, сложивъ 25 процентовъ съ пошлиннаго сбора. Въ 1803 году, когда Государь поручилъ Дюку де-Ришелье управление полуденнымъ краемъ Россіи, изъ 900 кораблей, вошедшихъ въ Черное море, 336 прибыли въ Одессу, почти всѣ съ балластомъ, и всѣ нагрузились пшеницею, а ее почти всю доставили изъ Подольской, Волынской, Кіевской и Херсонской губерній. Въ тотъ годъ было выпущено пшеницы 643,000 четвертей, которыя, по тогдашнимъ дешевымъ цѣнамъ, составили уже 4,000,000 рублей, а навѣрное можно сказать, что болѣе половины сей суммы заплачено было звонкою монетою, Голландскими червонцами и Испанскими піастрами, привозимыми черезъ Броды, или на самихъ корабляхъ. Народонаселеніе Одессы простиралось до 8 тысячъ человекъ; домовъ еще было мало, и тѣ маленькіе, безпокойные, дурно построенные; магазиновъ для складки товаровъ, также какъ и публичныхъ зданій, вовсе не существовало. Карантинъ, худо устроенный; окрестности города дикія и пустыя; въ городѣ для продовольствія почти ничего; о роскоши стола не могли имѣть и мысли, когда не было даже чистой воды—вотъ что засталъ тамъ Дюкъ де-Ришелье! Новый Генералъ-Губернаторъ посвятилъ все свое стараніе, всю дѣятельность свою на улучшеніе средствъ и положенія города. Онъ выпросилъ новыя льготы, доходы отъ винной продажи и десятую часть таможеннаго сбора въ пользу Одессы; исходатайствовала у Монарха капиталъ для раздачи строящимся и поселяющимся тамъ, въ видѣ займа по 6 процентовъ. Городъ съ своей стороны застроилъ иристанъ, новый и обширный карантинъ, положилъ основаніе огромному собору, Като-

лической церкви, госпиталю, театру, словомъ, почти всѣмъ заведеніямъ, которыя нынѣ ставятъ Одессу на равнѣ съ богатѣйшими городами въ Европѣ. Правительство обратило свое вниманіе и на окрестности; тамъ, на обширной степи, поселились колоніи Славянъ, Болгарь, Венгровъ и Нѣмцовъ, добровольно выходящихъ въ Россію. Одесса вполне начала пользоваться благоразумными трудами и распоряженіями своего начальства, и Дюкъ де-Ришелье совершенно достоинъ воздвигнутой ему статуи въ созданномъ имъ городѣ!... Но Графу М. С. Воронцову было предоставлено распространить, усовершенствовать, и можно сказать, переобразовать начатое Дюкомъ. Въ правленіе его, городъ считаетъ уже около 50 тысячъ жителей, и неизвѣрно до какой красоты достигла при немъ Одесса, какимъ, часть отъ часу возрастающимъ благоденствіемъ пользуется она при немъ! Государственный во всѣхъ отношеніяхъ человекъ, ревностный исполнитель Монаршей воли, онъ ждетъ своего историка. Я только странникъ, могу лишь радоваться, что «такіхъ сыновъ родить Россія!» Хвалить ихъ не мнѣ!... Теперь въ Одессѣ есть множество прекрасныхъ домовъ, въ два и три этажа, складочные магазины для товаровъ всякаго рода, и улицы, всѣ вымощенныя камнемъ, а это не бездѣлица, когда вообразить, что большая часть камня привезена изъ Мальты. Карантинъ доведенъ до такого совершенства, что далеко превосходить Марсельскій. Заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, и при немъ прекрасный публичный садъ, наполненный всякаго рода растеніями, красивыя площади, улицы широкія, усаженныя по сторонамъ тѣнистыми деревьями, по большей части цвѣтущею акаціею и Италіанскимъ топодемъ—вотъ, при первомъ взглядѣ, несом-

ннныя знаки заботливости городского управления! Магазины здѣшніе, напоминающіе лучшіе Петербургскіе щегольскою наружностью, наполнены товарами всякаго рода, потому, что нынѣ Одесса вольная пристань, слѣдовательно, вы найдете здѣсь, для удовлетворенія роскоши, и даже прихоти, все, что только вздумаете пожелать, и гораздо дешевле, чѣмъ гдѣ нибудь въ другихъ городахъ Россіи. Прекрасный Италіанскій театръ здѣсь не безъ талантовъ; особенно пѣвецъ г-нъ Марине заставляеть и донинѣ въ Италіи сожалѣть о потерѣ его. Пріемъ, всегда гостепріимный, въ домѣ чтимаго и любимаго всѣми начальника и его супруги, довершаютъ очарованіе путешественника въ Одессѣ, и онъ можетъ иногда позавидовать здѣшнимъ жителямъ.

На другой день по пріѣздѣ явился я къ Графу Воронцову, нетерпѣливо желая видѣть сего знаменитаго сановника. Онъ встрѣтилъ меня благосклонно и пригласилъ обѣдать. Съ привычкой къ свѣту и людямъ, легко было увидѣть въ немъ челоуѣка обширнаго ума, исполненнаго свѣдѣній всякаго рода. Онъ занимался въ своемъ кабинетѣ дѣлами, и потому нескромно было бы мнѣ долго оставаться; я пошелъ отыскивать своихъ знакомыхъ, а ихъ было въ Одессѣ довольно. Гуляя по городу, я радовался, восхищался дѣятельностію, заботою, новостію, живостію, которую почти всегда встрѣчаютъ въ приморскихъ торговыхъ городахъ. Я видѣлъ здѣсь людей всѣхъ націй: Грековъ, Италіанцевъ, Нѣмцовъ, Французовъ, Жидовъ (ихъ здѣсь много), Армянъ, и толпу Украинцевъ, отдыхающихъ между волами и фурами своими на площадяхъ. Послѣдніе только что привезли и ссыпали свою пшеницу. Вообще разнообразныя картины моря и совершенно Европейскаго, великолѣпнаго города, удивительно

привлекательны. Переодѣвшись, я похвалъ обѣдать къ Генераль-Губернатору; онъ представилъ меня Графинѣ, супругѣ своей. Не нахожу словъ, которыми я могъ бы описать прелесть ея, умъ, очаровательную пріятность въ обхожденіи. Соединяя красоту съ непринужденною вѣжливостію, удѣломъ образованности, высокаго воспитанія, знатнаго, большаго общества, Графиня плѣнительна для всѣхъ и умѣеть занять всякаго разговоромъ пріятнымъ. Въ ея обществѣ не чувствуешь новости своего положенія; она умно, пріятно и весело разговариваетъ со всѣми. Удивительно ли, что я, сдѣлавшись почти всѣдневнымъ посѣтителемъ дома и общества Графа и Графини Воронцовыхъ, съ трудомъ могъ оставить Одессу: такъ не хотѣлось мнѣ лишиться ихъ общества, какого не найду въ чужихъ краяхъ! Въ первый день я видѣлъ у нихъ Ольгу Станиславовну Нарышкину: назвать ее, значитъ напомнить красоту, умъ, ловкость, и всѣ прелести, какія только бываютъ соединены въ женщинѣ. Тутъ же были: Графиня П..., Гр. Ш..., Гр. Б..., Кн. Г..., Г-жа Ш.... Всѣ, кто имѣтъ честь знать ихъ, согласятся, что трудно собрать въ одно мѣсто столько милыхъ и занимательныхъ дамъ, и что счастливымъ долженъ почитаться собесѣдникъ такого общества, особенно находясь на краю просвѣщеннаго міра. — Здѣсь же имѣлъ я удовольствіе познакомиться съ Графомъ Ив. Ос. Виттомъ, Инспекторомъ всей поселенной кавалеріи. Еще необыкновенный челоуѣкъ! Еще генераль, исполненный достоинствъ и ума! Жалью, что не имѣлъ случая видѣть военныхъ поселеній, Высочайше вѣренныхъ его начальству; они давно изумляютъ всѣхъ иностранцевъ, и Герцогъ Рагузскій, въ путешествіи своемъ по Южной Россіи, превозноситъ ихъ похвалами. Послѣ Высочайшаго смотра и

маневровъ въ 1837 году, Государь Императоръ наградилъ труды и усердіе Графа Витта своимъ Высочайшимъ благоволеніемъ.

Пароходъ Николай I-й, на которомъ я долженъ былъ отплыть въ Константинополь, починивался, и мнѣ оставалось болѣе недѣли времени для Одессы; я въ полной мѣрѣ имъ воспользовался. Графъ Воронцовъ, не переставая оказывать мнѣ своей благосклонности, записалъ меня своимъ гостемъ въ здѣшнемъ клубѣ; я бывалъ тамъ, иногда обѣдать, иногда играть въ вистъ, и всегда находилъ очень пріятное общество иностранныхъ консуловъ, купцовъ, чиновниковъ; часто встрѣчалъ и Графа, который охотно удѣлялъ часа два своего времени нашей бесѣдѣ. Съ какимъ удовольствіемъ нашелъ я въ Одессѣ М. А. Нарышкину! Я изъ первыхъ ея знакомыхъ въ Россіи; помню, когда она пріѣхала, почти ребенкомъ, съ матерью своею, Кн. Четвертинскою, сестрою и братомъ, ко Двору Екатерины. Несравненная красота ея была предметомъ удивленія всѣхъ, кто ее видѣлъ. Государыня тотчасъ отличила ее, и всегда была къ ней особенно милостива. Всего больше дѣлаетъ чести М. А. ея ангельская доброта во все время жизни. Посреди пышностей Двора и посреди окружавшихъ ее знакомыхъ, а искала случая оказать услугу, или одолженіе. По крайней мѣрѣ, я навсегда останусь благодарнымъ ея почитателемъ, за то, что во всякое время находилъ ее тою же, какою зналъ при первомъ нашемъ знакомствѣ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ ее въ Одессѣ. Она еще хороша, и такъ же была добра ко мнѣ, какъ прежде; нынѣ строить она огромный домъ, на лучшей улицѣ города, противъ самага бульвара. Не знаю, долго ли она оста-

нется здѣсь; кажется, скучаетъ. Потеря ея будетъ чувствительна для здѣшняго общества.

Часто видался я съ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ. Дома его и Графа Витта могутъ похвастаться первыми по красотѣ и великолѣпію, послѣ дома Гр. Воронцова. Здѣсь замѣчательны паркеты и большая часть мебели изъ чинароваго дерева; я ничего лучше не видывалъ!... Радущіе и любезность хозяйни и хозяйки, сдѣлали для меня домъ Нарышкиныхъ драгоценнымъ. Я посѣщалъ манежъ Л. А., и какъ старый кавалеристъ и страстный охотникъ до лошадей, часто бесѣдовалъ съ нимъ объ общей нашей охотѣ. Графъ В. А. Бобринскій и прекрасная супруга его, также позволяли мнѣ часто пользоваться ихъ бесѣдою. Графъ охотникъ заниматься всякими полезными предметами. Мы взяли съ нимъ на купленную имъ близъ моря дачу, гдѣ онъ хотѣлъ разводить сады. По вечерамъ, иногда слушалъ я Графиню, которая, аккомпанируя себѣ на фортепьяно, пѣла очаровательнымъ голосомъ!... Сколько наслажденій!... Присоедините къ тому множество любезныхъ и добрыхъ Московскихъ знакомыхъ моихъ, которыхъ я нашелъ въ Одессѣ, и вы сознаетесь, что пребываніе мое здѣсь было самое пріятное. Остається мнѣ еще выразить искреннюю благодарность Андрею Яковлевичу Фабру, за доброе расположеніе; я имѣлъ случай просить его оказать свое покровительство живущему здѣсь старому наставнику моему, профессору Шнейдеру, и онъ обѣщалъ мнѣ руководствовать его своими совѣтами. Г. Спада, Директоръ Одесской Библиотеки и Музеума, извѣстный своею вѣжливостію, показывалъ мнѣ съ снисходительнымъ терпѣніемъ всѣ предметы сихъ двухъ собраний, въ которыхъ есть много достойнаго замѣчанія археологовъ. Онъ подарилъ мнѣ прекрасно

Т. VI. — Отд. III. 4

хранившуюся медаль древней Ольвии, которая съ благодарностью была принята въ Парижскомъ богатомъ кабинетѣ, гдѣ не было еще ни одной медали, принадлежавшей древней Греческой Ольвийской колоніи.

Я упомянулъ о профессорѣ Шнейдерѣ, и не могу не сказать еще нѣсколькихъ словъ о старомъ, добромъ и ученомъ наставникѣ моей молодости. Лѣтъ тридцать не видалъ я его, и думалъ, что онъ уже давно умеръ. Судите о моемъ удивленіи, когда мнѣ сказали, что онъ, въ маститой старости, благополучно живетъ съ своею престарѣлою сестрою въ Одессѣ! Я спѣшилъ навѣстить его, и хотѣлъ узнать, не могу ли быть ему полезенъ въ чемъ нибудь. Я сохранилъ живѣйшую благодарность къ этому человѣку, замѣчательному своими обширными познаніями и своимъ краснорѣчіемъ. До Французской революціи, онъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Рейбелемъ, былъ адвокатомъ Верховнаго Совѣта въ Кольмарѣ (Conseil Souverain); потомъ перѣхалъ въ Россію, и былъ въ домѣ отца моего наставникомъ моимъ и Профессоромъ Юриспруденціи въ Московскомъ Университетѣ. Получивъ отставку, купилъ онъ помѣстье въ Швейцаріи, но проски Якобинцевъ выгнѣсили его оттуда. Много разъ бесѣдовалъ наединѣ съ Наполеономъ, тогда еще генераломъ республики, желавшимъ его видѣть. Онъ зналъ, что Шнейдеръ имѣетъ большія связи во Франціи и пользуется извѣстностью, какъ писатель о государственномъ благоустройствѣ и комментаторъ знаменитаго сочиненія Монтескье: *О сущности законовъ*. Теперь добрый и ученый Шнейдеръ, дряхлый старикъ, живетъ неизвѣстный никому въ Одессѣ. Онъ сперва не узналъ меня, но потомъ чрезвычайно обрадовался. Почитаю себя счаст-

ливимъ, что передъ отъѣздомъ моимъ успѣлъ я его видѣть, обнять и оказать ему услугу. Профессору Шнейдеру должно быть болѣе девяносты лѣтъ.

Описывая Одессу, нельзя не упомянуть объ окружающихъ ее дачахъ. Принадлежащая г-ну Рено (Renaud) очень живописна: прекрасный домикъ, въ долину, на берегу моря, заслоненный крутымъ берегомъ. Сады, еще столь рѣдкіе въ Одессѣ, дѣлаютъ ее безцѣнною. Здѣсь нѣсколько времени имѣла пребываніе свое Императрица Александра Феодоровна. Дача г-на Стурдзы прелестна: садъ хорошо разбитъ въ Англійскомъ вкусѣ, и множество цвѣтовыхъ кустовъ и растений даютъ ей видъ самый пріятный. Въ ней, какъ выражаются охотники, *илладжельтуры* болѣе чѣмъ на дачѣ г-на Рено, хотя та великолѣпнѣе. Дача покойнаго пріятеля моего, Гр. Петра Алексѣевича Разумовскаго, почти въ самомъ городѣ; безъ хозяина, она теперь запущена. Я бѣжалъ мимо, но не имѣлъ духа заглянуть въ нее.

Посѣщая много разъ Итальянскій театръ, имѣлъ я случай замѣтить, что большая часть зрителей въ партерѣ Жиды. Они показались мнѣ страстными охотниками до музыки. Съ какимъ жаромъ принимали они участіе, то въ томъ, то въ другомъ актёрѣ! Съ какимъ восторгомъ аплодировали! Они истинно оглушали сидящихъ въ креслахъ, и безпрестанно вызывали актеровъ, кричали съ изступленіемъ! Признаюсь, эти *fanatico per la musica* меня отменно забавляли. Вообще публика здѣсь любитъ музыку и поддерживаетъ свой спектакль.

Время летѣло быстро. Паруходъ вычѣнился и былъ готовъ къ отплытію. Полученное мною въ то время письмо изъ Парижа, отъ Л. Н. Жюльвекура, обрадовало и манило меня. Съ сожалѣніемъ

оставляя Одессу, поспѣшилъ я отправиться. Прощаясь со всѣми, кто меня здѣсь такъ благосклонно принималъ, особенно жалѣлъ я, что не буду наслаждаться обществомъ Графа и Графини Воронцовыхъ. Они оставили во мнѣ глубокое воспоминаніе своею милою обязательностью. При самомъ отъѣздѣ моемъ, Графиня нашла случай обязать меня благодарностію, прося принять на память нѣсколько древнихъ медалей и стеклинную лакриматорію, найденныя въ Керченской гробницѣ. Въ душѣ моей невольно рождалась тяжелая мысль: неужели никогда не увижусь я съ этими рѣдкими людьми?

Не прежде какъ въ самый день моего отъѣзда узналъ я, что наканунѣ пріѣхали въ Одессу новые спутники мнѣ въ Константинополь: Графиня Хреbtовичева, съ дочерью, сыномъ, и супругою его, урожденною Графинею Нессельроде. Они ѣхали для свиданія съ другою дочерью Графини Хреbtовичъ, супругою Посланника нашего въ Константинополь, Аполлинарія Петровича Бутенева....

ИСТОРИЯ И НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ЧЕРНОГОРІИ*.

Область *Зета* въ древнія времена называлась *Превала*, пока отъ рѣки Зеты не получила нынѣшняго названія. Рѣка *Морача*, чрезъ нее протекающая, раздѣляла ее на двѣ части, *верхнюю* и *нижнюю*. Подъ именемъ *Верхней Зеты* разумѣли Черногорію. Какъ верхняя, такъ и нижняя, Зеты находились подъ управленіемъ владѣтельныхъ Князей Сербскихъ, изъ дома Неманича, а по пресѣченіи рода ихъ, не захотѣвъ признать Велкамина цареубійцы своимъ королемъ, остались они подъ владѣніемъ своихъ князей, изъ дому *Балсина*, о которомъ Мавроурбинъ архимандритъ Рагузинскій, упоминаетъ въ своей исторіи. Отрасль сія въ тогдашнее время была одною изъ знаменитыхъ дворянскихъ всей Зеты; по женскому колыну она имѣла нѣкоторое сродство съ домомъ Неманича. Когда Сербы

* Кромѣ общей занимательности сей статьи, какъ извѣстія о странѣ, хотя и родной намъ по вѣрв и происхожденію ея обитателей, но столь мало извѣстной доннынъ, предлагаемое описаніе Черногоріи имѣетъ еще для насъ особенный интересъ: оно переведено съ *Сербскаго языка*, и составило содержаніе Сербскаго альманаха, изданнаго въ 1856 году Димитріемъ Милаковичемъ, подъ названіемъ: *Горлица*. Слѣдовательно, мы можемъ положиться на достовѣрность свѣдѣній, здѣсь находящихся, а съ тѣмъ вмѣстѣ видимъ любопытный образецъ современной Сербской литературы. Р. С. О.

провозгласили *Лазаря Греблановича* великимъ и самодержавнымъ княземъ Сербскимъ, и объ Зеты признали его верховнымъ княземъ своимъ, но съ тѣмъ однакожь условіемъ, чтобы управленіе ихъ зависѣло отъ князей своихъ. Князь *Бальсь*, или *Баошъ III-й*, изъ дому Бальсича, женатъ былъ на Деспичѣ, дочери князя Сербскаго Лазаря.

Во время войны князя Сербскаго Лазаря съ Турецкимъ Императоромъ Амуратомъ, Бальсь собралъ свое войско и отправился на помощь къ тестю. Но на пути, получивъ горестное извѣстіе объ истребленіи Сербскаго войска и смерти самаго Князя Лазаря на полѣ Косово, принужденъ былъ возвратиться съ горькимъ плачемъ, проклиная *Вука Бранковича* за измену, учиненную имъ государю и отечеству.

И такъ, послѣ паденія Сербскаго царства, объ Зеты остались во власти упомянутаго Князя Баоша. Жена его родила сына, цвѣтъ тѣла котораго былъ чрезвычайно темный и смуглый. Увидѣвши его въ первый разъ, она сказала: «Ахъ! какое родила я черное дитя!» Отъ сего распространилась молва, что у князя родился *черный сынъ*; при крещеніи дали ему имя *Страцимиръ*. Въ совершенномъ возрастѣ, былъ онъ исполинскаго роста и храбръ, но прозваніе *Черный* осталось при немъ навсегда, а потому сынъ его *Стефанъ*, владѣтель обѣихъ Зетъ, назывался *Черновичъ*, и потомство удержало имена *Черновичей*.

Стефанъ имѣлъ трехъ сыновей, Ивана Божидача и Андрея, прозваннаго *Арванитомъ Храбрымъ*. Стефанъ жилъ во времена великаго и славнаго по своимъ знаменитымъ подвигамъ Георгія Кастриота, именовавшагося *Скандербегомъ*, къ которому, подъ предводительствомъ сына своего Божидача, посылалъ на помощь войско противъ Турковъ. Въроломный

Лека-Дукаджинъ, пытавшій съ давняго времени тайное неудовольствіе противъ Стефана, во время пути убилъ Божидача и Захарія Амнисфера, князя части Албаніи и союзника Скандербегова. Тайна убійства недолго была тайною. Оскорбившій симъ войско, какъ Стефана, такъ и Кастриота, убійца навлекъ на себя неукротимую злобу и ненависть всего народа. Стефанъ умеръ и погребенъ въ Успенскомъ монастырѣ, имъ самимъ построенномъ, близъ крѣпости Жабеска, на островѣ Скутарскаго озера Комъ. Сія крѣпость была нѣкогда столицею Зетскихъ и Черногорскихъ князей. Стефану наследовалъ старшій сынъ его *Иванъ Черновичъ*.

Во время правленія сего Зетскаго и Черногорскаго владѣтеля Господаремъ Герцеговины былъ герцогъ Стефанъ, построившій крѣпость *Клобукъ*, въ Кореничахъ, близъ Требина.

Турецкій Императоръ Мугаммедъ, завоеватель Царяграда, спустя 10-ть лѣтъ послѣ смерти Георгія Кастриота, завладѣвъ Эпиромъ и всею Албаніею, обратилъ силы свои противъ Князя Черновича и Герцога Стефана, и въ короткое время покорилъ Герцеговину подъ свою власть. Иванъ Черновичъ, выдержавши нѣсколько сраженій на границѣ своей земли въ Ходскихъ горахъ, принужденъ былъ отправиться просить помощи у Западныхъ Державъ, оставивъ вмѣсто себя брата своего Арванита Храбраго, но не получивъ никакого успѣха въ предпріятіи своемъ, немедленно возвратился онъ назадъ.

При такихъ обстоятельствахъ, надежда на Бога, крѣпкая увѣренность въ храбрость народа Черногорскаго и неприступность горъ, на которыхъ успѣлъ онъ построить небольшія крѣпости и нѣсколько баттарей, были единственною его подпорою. Въ то же время соорудилъ онъ въ Цетинѣ монастырь; въ

немъ устроилъ храмъ во имя Рождества Пресвѣтѣя Богородицы, опредѣливъ туда митрополита Виссаріона, и повелѣлъ сей обители называться Зетскою митрополиею.

Черногорцы, видя, что законный владыка ихъ единственную полагаетъ надежду на Бога и на своихъ подданныхъ, и что онъ не имѣетъ иной мысли, какъ ту, чтобы въ случаѣ необходимости положить животъ свой за спасеніе свободы народа Черногорскаго, всѣ единодушно дали клятву быть вѣрными своему владыкѣ, и во время боя съ Турками ни подъ какимъ видомъ самовольно не сходить съ поля сраженія, развѣ бы слышали отзывный голосъ своего Господаря. Посему оставившаго поле сраженія рѣшили почитать уголовнымъ преступникомъ, въ знакъ презрѣнія одѣвать его въ женское платье, давать ему въ руки прѣллицу и всенародно называть его женщиною, поелику въ глазахъ ихъ таковой трусъ не заслуживалъ названія, не только храбраго Черногорца, но и мужчины. Старался въ военное время отличить себя, всякій Черногорецъ и теперь больше смерти страшится женской кудели, ибо древній обычай остался навсегда.

Турки, услышавъ о такой клятвенной рѣшимости Черногорцевъ, видя притомъ, какъ Черногорія вооружилась крѣпкими каменными валами, и знал, сколь трудно и опасно вести войну между горами, и съ такимъ народомъ, который жить не хочетъ безъ свободъ, долго не осмѣливались посылать въ Черногорію своего войска.

Бого-Каттарцы, вступившіе послѣ паденія Сербскаго царства подъ покровительство бывшей Венеціанской республики, въ то время, когда Иванъ Черновичъ, велъ войну съ Турками, принужденъ былъ за нѣсколько тысячъ перперъ отдать въ за-

логъ Венеціанской республикѣ *Конавле* (отъ Дебелаго берега до Фратерскаго лѣса), и когда дворянство Каттарское почти было увѣрено, что Турки завладѣютъ Черногоріею, не убоились и тогда, при посредствѣ своего гражданина Дружки, отправить монаховъ православнаго исповѣданія въ монастырь, что на островѣ Превлакѣ, и построить *Св. Стефановль*, первоувѣчанымъ Королемъ Сербскимъ.

Иванъ Черный, утомленный войною съ Турками, отдохнувъ нѣсколько, въ короткое время построилъ крѣпость на рѣкѣ Ободѣ, въ послѣдствіи названной *Церновеца*. При рѣкѣ сей производится большой торгъ товарами, привозимыми на судахъ изъ Турціи. Въ то же время построилъ онъ здѣсь домъ, гдѣ печатались церковныя книги.

Иванъ Черновичъ имѣлъ двухъ племянницъ, дочерей брата своего Арванита Храбраго, *Марію* и *Ангелину*. Марію выдалъ онъ за *Рудоль-Бега*, воеводу Волошскаго, а Ангелину за Стефана Бранковича; отъ сихъ послѣднихъ родились Іоаннъ и Максимъ архіепископы.

Объѣзжая границы владѣнія своего, къ которымъ тогда принадлежали округа, состоящіе нынѣ подъ владѣніемъ Австрійскимъ: *Махана*, *Браиди*, *Поборы* и *Герваль* (Зуппа), Иванъ Черновичъ посѣщалъ находящіеся въ Гервальскомъ округѣ, лежащемъ при морѣ, соляные заводы, отъ которыхъ онъ и вся Черногорія получали въ тогдашнее время большіе доходы.

Умеръ Иванъ Черновичъ, и по смерти его остались два сына, *Георгій* и *Стефанъ*, прозванный *Сташица*. Тѣло Ивана погребено въ Цетынскомъ монастырѣ, который, какъ мы сказали, былъ имъ построенъ.

Бразды правленія Черногоріи достались Георгію,

а Стефанъ, съ небольшимъ числомъ Черногорцевъ, отправился въ Царьградъ просить Султана Турецкаго, чтобы возвратилъ ему Зету, Турками завоеванную, съ предложеніемъ платить дань, какую платятъ Господари Валахін и Молдавіи. Султанъ уважилъ его предложеніе, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ принялъ Магометанскую вѣру. Лестная будущность, а болѣе всего опасность потерять жизнь, принудили Стефана и сановниковъ, ему сопутствующихъ, рѣшиться на отступленіе отъ православной вѣры.

По возвращеніи въ Черногорію, презрѣніе брата, укоризненные упреки православныхъ и угрызеніе совѣсти за отступленіе отъ вѣры, отнимали у Стефана спокойствіе, почему, томимый внутреннею борьбою, принужденъ онъ былъ сложить съ себя санъ повелителя, и при чистосердечномъ раскаяніи принять монашескій чинъ, въ которомъ скоро и скончался.

Черногорцы же, принявшіе Магометанскую вѣру, при всемъ стараніи Георгія, какъ мудраго и добродѣтельнаго владѣтеля, обратить ихъ въ православіе, остались неизмѣнны для несчастья и пагубы своего отечества, ибо зараженные сладострастнымъ нечестіемъ Алкорана нелегко излечиваются отъ сей губительной болѣзни.

Упорство со стороны Черногорцевъ, принявшихъ Магометанскую вѣру * породило въ пограничныхъ Туркахъ надежду, что зараза сія, распространяясь болѣе и болѣе, доставитъ на будущее время возможность завладѣть и всею Черногоріею; такое ожиданіе дѣйствительно оправдалось.

* Христиане, принявшіе Магометанскую вѣру, Черногорцами называютъ *Потурчанами*.

Георгій Черновиичъ видя, что духъ благочестія началъ ослабѣвать между Черногорцами, и понимая, что все происходитъ отъ недостатка церковныхъ книгъ, купилъ въ Венеціи всѣ типографскіе припасы, перевезъ ихъ въ домъ, построенный отцомъ его при рѣкѣ Черноевича, и завелъ тамъ книгопечатаніе.

Въ сей типографіи сначала отпечатанъ былъ Октоихъ, въ 1495-мъ году, т. е. спустя четыре года послѣ того, какъ напечатана въ первый разъ Псалтирь въ Краковѣ.

Жена Георгія, Марія Венеціанская, дворянка изъ рода *Моцциго*, не имѣя ни дѣтей, ни ближайшихъ наслѣдниковъ, при своихъ преклонныхъ дняхъ начала неотступно просить Георгія сложить бремя правленія, и отправиться въ Венецію, дабы тамъ провести спокойно остатокъ дней. Убѣжденный просьбою дражайшей супруги своей, Георгій созвалъ народъ Черногорскій и иностранцевъ, въ Черногоріи живущихъ, и открылъ намѣреніе свое въ слѣдующихъ словахъ:

«Славные дворяне, и ты, любезный, всегда храбрый народъ мой!

«Нѣтъ словъ достойно отблагодарить васъ за вашу вѣрность и усердіе, которыя вы, какъ мнѣ, такъ и предкамъ моимъ, съ свойственною вамъ храбростію во всякомъ случаѣ оказывали, героическими подвигами защищая себя и свободу своего отечества. Къ крайнему прискорбію духа моего, я, какъ и сами вы знаете, не имѣю наслѣдника, котораго могъ бы по себѣ оставить вамъ; родъ мой, по мужескому кольну, мною пресѣкается; потому, съ неизъяснимымъ сокрушеніемъ сердца, долженъ я открыть вамъ намѣреніе свое: желаю отправиться въ Венецію, родину жены моея, и тамъ, сколько Богъ дозволитъ, дожить остальные дни свои,

Оставляю васъ не потому, чтобы устранить себя отъ нападенія непріятелей, отъ коихъ въ жизнь мою не привыкъ и не умѣлъ никогда уклоняться, и противъ коихъ всегда, вмѣстѣ съ вами, не падала ни достоянія, ни самой жизни для счастья отечества, любилъ идти на встрѣчу. Вы сами были свидѣтелями трудовъ и заботъ, которые перенесъ я для пользы вашей. И въ сію даже минуту не откажусь пожертвовать жизнью, если тѣмъ могу доставить благо вамъ, милые дѣти мои! Но увѣренный, что ни жизнь, ни смерть столь дряхлаго старика не принесутъ вамъ никакой пользы, рѣшился я сообщить вамъ мое намѣреніе.

«Душевно желалъ бы я, чтобы вы при мнѣ избрали изъ среды самихъ васъ достойнаго, и признали его своимъ владѣтелемъ. Но знаю напередъ, что вы въ выборѣ своемъ не можете никогда быть между собою согласны, а потому, для отвращенія всѣхъ непріятностей, оставляю вамъ по себѣ митрополита Германа и преемниковъ его митрополитовъ, доколь, можетъ быть, самъ Богъ не учинитъ для васъ лучшаго. Митрополитъ есть общій вамъ отецъ и архипастырь. Пребываніе его есть общій домъ вашей молитвы; слѣдовательно, кто будетъ больше заботиться о счастьи вашемъ, если не общій вашъ духовный отецъ, вы бо есте по духу чада его и овцы словеснаго стада Христова, о которомъ онъ, какъ пастырь, долженъ пащися, не только въ жизни сей, но и въ вѣчности? Прибѣгайте къ нему въ горѣ и въ радости; внимайте совѣтамъ его, а я вручаю ему гербъ, который употребляли въ Бозѣ почившіе Цари Сербскіе, предки мои, и я самъ *».

* По сей причинѣ митрополиты припали владычество въ Черногоріи. Ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Черногорскіе митрополиты домогаются сей степени изъ властолюбія, или другой какой либо

Сія трогательная рѣчь такъ подвѣствовала на сердца Черногорцевъ, что никто, даже самъ Георгій, не могли удержаться отъ слезъ, видя властителя, какъ бы уже нисходящаго во гробъ. Спустя нѣсколько времени, Георгій съ супругою своею отправился въ Венецію, будучи сопровождаемъ митрополитомъ, высшимъ дворянствомъ и людьми почетными до самаго Каттаро.

По возвращеніи своемъ изъ Каттаро, митрополитъ Германъ собралъ начальниковъ (гловарей) Черногорскихъ, и убѣдительно просилъ, чтобы прилагали неослабное стараніе отразить нападеніе Турковъ, и предусматривали къ чему клонятся ихъ злые умыслы, а не менѣе того совѣтовалъ, чтобы Черногорцы ни подъ какимъ видомъ неподавали съ своей стороны повода къ новымъ съ ними раздорамъ.

Санджакъ-Бегъ, услышавши, что Георгій отправился въ Венецію и Черногорія осталась безъ законнаго своего владѣтеля, подъ управленіемъ митрополита, и зналъ, что потурчаняки (принявшіе Магометанскую вѣру) болѣе и болѣе умножаются, началъ простирать хитрые замыслы свои на Черногорію, и издавъ строгій приказъ, чтобы никто изъ Турковъ не осмѣливался дѣлать обиды и не вступалъ въ частныя сраженія съ Черногорцами, развѣ тогда только, когда они подадутъ побудительный къ тому поводъ. Между тѣмъ не переставалъ онъ тайнымъ образомъ разсѣвать по Черногоріи раздоры и междоусобныя несогласія, посредствомъ упомянутыхъ потурчаняковъ.

менѣе благородной страсти. Митрополитъ отъ народа не имѣетъ никакихъ выгодъ, а пользуется только землею, принадлежащею монастырю, и всѣ избытки свои дѣлитъ съ бѣдными; коротко сказать: домъ митрополита есть домъ общенародный, или *гостиница*, гдѣ всѣхъ приходившихъ кормятъ и поятъ безъ платы; слѣдовательно, непрерывныя и ежедневныя безпокойства составляютъ, ежели можно сказать, удовольствіе и выгоду *владычнаго сана*.

Злонамѣренная хитрость, какъ его, такъ и по немъ бывшихъ Санджакъ-Беговъ, не могла имѣть никакого успѣха при жизни митрополита Германа и его преемниковъ, *Павла, Василия и Никодима*, потому, что они всевозможно старались водворять между народомъ тишину, миръ, любовь и согласіе, подтверждая, что самобытность и благоденствіе отечества отъ сего единственно зависятъ.

И такъ чегыре митрополита, при неуспѣшномъ стараніи своемъ, успѣли сохранить согласіе между народомъ, но домашнихъ враговъ своихъ, принявшихъ Исламъ, никакимъ образомъ не могли обратить въ Христіанство.

Умеръ митрополитъ Никодимъ, и Черногорія осталась безъ добродѣтельнаго архипастыря и начальника до прибытія Сербскаго Патріарха, который имѣлъ обыкновеніе, въ семь лѣтъ одинъ разъ, посѣщать епархію Черногорскаго митрополита.

Санджакъ-Бегъ, будучи увѣренъ, что Черногорія, оставшаяся безъ начальника, при помощи удержавшихся въ Магометанствѣ потурчаняковъ, безъ кровопролитія можетъ быть покорена Турціею, до прибытія Патріарха въ Черногорію, послыку Черногорцы не могли послать прежде къ Патріарху въ Турцію, на посвященіе избраннаго въ митрополиты, началъ, не щадя денегъ и не внемля гласу совѣсти, преклонять на свою сторону потурчаняковъ, и особенно тѣхъ, которые живутъ около рѣки Черноевича, и крѣпости построенной Иванъ Бегомъ. Оболщенные Санджакъ-Бегомъ, въ ночное время, тайно ввели Турковъ въ крѣпость, и при такомъ посредствѣ Турки завладѣли Базаромъ, безъ коего Черногорцамъ жить было невозможно.

Послѣ Никодима Черногорскими митрополитами были: *Руфильтъ Болевиль, Пахомій Колманъ, Марда-*

рій Корнеганинъ, Руфильтъ Велекрайскій, Василій Велекрайскій, Виссаріонъ Бойца и Савва Колугеричиъ.

Въ 1623-мъ году, Виссаріонъ Бойца содѣйствовалъ Венеціанской республикѣ въ войнѣ противъ Турціи. Подъ предводительствомъ *Сулейманъ-Паши Скутарскаго*, Турки одержали тогда побѣду и съ яростію бросились на Черногорію; послѣ жесточайшаго и кровопролитнѣйшаго боя, они пришли въ Цетыне, и разорили монастырь, построенный Иванъ-Бегомъ. Неудача Черногорцевъ произошла отъ того, что дворянинъ Каттарскій Зено-Гербичичъ, посланный отъ Венеціанской республики съ отрядомъ войска на помощь Черногорцамъ, подкупленъ будучи Турками, измѣнилъ, и тайно бѣжалъ съ войскомъ въ Каттаро.

Такимъ образомъ, оказывая помощь Венеціанской республикѣ, и по просьбѣ ея потерявши значительное число войска, Черногорцы съ горестію и ужасомъ видѣли раззореніе монастыря. Будучи стѣвняемы, принуждены они были нѣкоторымъ образомъ зависть отъ потурчаняковъ, которые сдѣлались съ сего времени распорядителями Базара и крѣпости при рѣкѣ Черноевича. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока Черногорцы, съ общаго согласія, не избрали *Даніила Петровика Негоша*, противъ воли его, начальникомъ и архипастыремъ.

1700-го года, Даніиль рукоположенъ былъ въ архіерейскій санъ Патріархомъ Арсеніемъ Черновичемъ въ Венгерскомъ городѣ Сечуѣ.

По возвращеніи митрополита въ отечество, главнымъ стараніемъ и первою заботою его было — очистить Черногорію отъ домашнихъ враговъ (потурчаняковъ) и возстановить ея вольность.

Для сего приказалъ онъ сдѣлать общую сходку народа, на которой произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Благородные господа бояре и вся братія моя Черногорцы!

«Вы противъ воли моей избрали меня архипастыремъ и начальникомъ вашимъ. По необходимости, какъ и вамъ извѣстно, принялъ я такой тяжкій санъ; ибо съ одной стороны видѣлъ, что избранія перемѣнить не могъ, а съ другой помнилъ, что всякій изъ насъ долженъ не щадить жизни, ежели польза общественная того потребуетъ. И вотъ уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я, по благодати Господа, принялъ великое и тяжелое для меня бремя пастырства и властелинства, употребилъ все стараніе, и пекусь, сколько есть силъ моихъ, о счастіи любезнаго отечества и духовнаго стада моего.

«Любезные дѣти мои и храбрые защитники отечества! Вы сами знаете, какихъ бѣдъ и несчастій стоять намъ нечестивые потурчяки. Посмотрите вдалеку, и вы увидите, куда направляютъ они лукавыя стрѣлы свои. Сн лютые враги, ядовитыя змѣи наши, ни подъ какимъ видомъ не должны быть терпимы въ нѣдрахъ благословеннаго семейства нашего. Если вы не примете рѣшительныхъ мѣръ очистить отъ зловонныхъ плевелъ Богомъ насажденную ниву отечества, то я архипастыремъ и правителемъ вашимъ быть не могу, не хочу и не буду. И ежели вы слушаете меня, не какъ народоначальника, но какъ отца и пастыря Богомъ хранимаго стада вашего, то совѣтую вамъ, и молю васъ — не медлите исполненіемъ наставленія моего. Чѣмъ скорѣе начнете искупленіе Черногоріи отъ нечистотъ духа Алкорана, чѣмъ съ большею рѣшимостію предпримете выдерживать натиски враговъ, тѣмъ удобнѣе можете возстановить независимость и счастіе отечества!»

Народъ выслушалъ со вниманіемъ рѣчь митро-

полита, и постигнувъ всю истину словъ его, съ пламеннымъ жаромъ вѣры и любовью къ отечеству приступилъ къ потурчянкамъ. Умертвивши многихъ, настоятельно требовали отъ другихъ, или обратиться опять въ христіанство, или безъ отлагательства удалиться изъ Черногоріи.

Изгнанные и до сихъ поръ скитаются по разнымъ мѣстамъ Турціи, а тѣ, которые приняли Христіанство, спокойно пребываютъ въ Черногоріи, удержавъ Турецкія имена, какъ то: *Мухадимовичи*, *Алики*, *Ролдановичи*, *Хусейновичи* и другіе. Митрополитъ Даниль, увидя, что Черногорія помощію Божіею очистилась отъ опасныхъ враговъ своихъ, съ истиннымъ умиленіемъ сердца вознесъ хвалу Господу, и началъ стараться о возобновленіи церквей и монастыря, раззоренныхъ Сулейманомъ-Пашею, а между тѣмъ заботился утверждать въ народѣ порядокъ, тишину и согласіе.

Черногоріа имѣла частыя войны съ Герцеговиною, въ которыхъ съ Черногорской стороны принимала участіе и вѣроотступники. Въ 1706-мъ году, Герцеговинское войско сдѣлало нападеніе на соседственныя селенія Черногорскія, но потерявъ сраженіе со стыдомъ обратилось въ бѣгство. Въ битвѣ сей пало около 157-ми Герцеговинцевъ, и много ихъ забрано въ плѣнъ. Черногорцы не хотѣли лишать жизни плѣнныхъ, ниже даровать имъ свободу за деньги, но для большаго посрамленія за всякаго плѣннаго требовали по свиньѣ, и чѣмъ значительнѣе былъ плѣнникъ, тѣмъ огромнѣе должно было быть животное. Турки согласились на предложеніе, и плѣнные воины искуплены были свиньями.

Во время войны Россійскаго Императора Петра I-го съ Турками и Шведами, въ службѣ его нахо-

дился Графъ *Савва Владиславичъ*, уроженецъ Герцеговинскій, знавши хорошо Черногорію и митрополита Черногорскаго Данила. Понимая, что Россія имѣеть большую потребность въ помощи противъ двухъ, столь сильныхъ державъ, онъ довелъ до свѣдѣнія Императора Петра I-го, что Черногорія большое можетъ сдѣлать Россіи пособіе, ежели обратится съ оружіемъ на Албанію и Герцеговину. Петръ I-й съ душевною благодарностію принялъ предложеніе Владиславича, и ни мало не медля отправилъ съ грамотами въ Черногорію полковника Михаила Милорадовича, уроженца Герцеговинскаго и капитана Ивана Лукачевича, уроженца Албанскаго. Въ 1711 году, посланники явились къ митрополиту Данилу, вручая ему грамоты Императора Петра I-го.

Съ неизъяснимымъ восторгомъ христіанина принявъ ихъ Митрополитъ, и въ тоже время приказалъ сдѣлать общенародное собраніе въ Цетынѣ, на которомъ обратился къ народу съ слѣдующими словами:

«Братія мои Черногорцы!

«Мы давно слышали, что есть Христіанскій Императоръ на сѣверной сторонѣ свѣта, Богъ знаетъ какъ далеко, и всегда желали мы узнать объ немъ и его царствѣ. Находимъ какъ бы заключенные со всѣхъ сторонъ цѣпью нашихъ горъ, мы думали, что онъ объ насъ, какъ о горсти столь ничтожнаго, окруженнаго хищными змїями народа, не можетъ и знать, и что посланникамъ его невозможно дойти къ намъ. Но сегодня, благодареніе небесамъ, Богъ ниспослалъ радость душамъ нашимъ: мы видимъ Императорскихъ посланниковъ и вотъ въ рукахъ моихъ Царскія грамоты! Посланники не иностранцы, но наша братія Сербы, которые, какъ и самыя сви-

дѣтельствуя граматы, извѣщаютъ насъ, что сѣверный Царь есть Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій Петръ I-й, и что его Богомъ хранимое царство сильнѣе и обширнѣе всѣхъ государствъ въ цѣломъ свѣтѣ. Онъ воюетъ съ Турками не для славы и корысти своей, но дабы освободить народъ Христіанскій, церкви и монастыри изъ подъ тяжкаго ига Турецкаго, разорить мечети и на нихъ поставить кресты Господни. По сему каждый изъ насъ, да и всякій Христіанинъ въ мірѣ, долженъ молить Бога, дабы ниспослалъ Онъ ему въ семъ душеспасительномъ намѣреніи благословеніе, и былъ его предводителемъ — обязанъ, вооружившись духомъ храбрости и мужества, идти противъ общаго врага Христіанства. И ежели мы такимъ образомъ поступимъ, то съ Божіею помощію на будущее время будемъ такъ близки съ Россіею, какъ мы теперь близки съ ней по одной крови и по одной вѣрѣ. Братія мои! вооружитесь, какъ герои Черногорскіе, а я на службу благочестиваго Царя Христіанскаго, и на благо премираго отечества нашего, готовъ съ вами дѣлить жизнь и смерть, моля всещедрого Бога, да будетъ намъ молитвами пречистой своей Матери и всѣхъ Святыхъ помощникъ и покровитель!»

По окончаніи рѣчи своей, прочелъ Митрополитъ грамоту, которая была имъ получена отъ Императора Петра I-го.

Милорадовичъ и его товарищъ Лукачевичъ, увѣрившись, что Черногорцы, къ которымъ тогда присоединились и Бердяне, непременно рѣшились начать войну съ Турками, отправились обратно въ Россію; Черногорцы же, съ радостію напѣвая пѣсню, на сей случай сочиненную, стали запасаться порохомъ, и въ скоромъ времени, дѣйствительно, пошли въ пограничныя предѣлы Турціи, причинили

тамъ большія опустошенія и выдержали удачно нѣсколько стычекъ, которыя принудили Албанію и Герцеговину отказаться отъ содѣйствія Султану въ войнѣ противъ Россіи.

Императоръ Россійскій, находясь въ тѣсныхъ обстоятельствахъ, заключилъ миръ съ Великимъ Визиремъ Турецкимъ при рѣкѣ Прутѣ, въ 1711 году, и при заключеніи мира ничего не упомянуто о Черногоріи.

Султанъ Ахметъ III-й, недовольный Визиремъ за то, что столь поспѣшно и безъ необходимости заключилъ миръ съ Россійскимъ Императоромъ, войско котораго находилось въ крайней опасности, вздумалъ укротить гнѣвъ свой мстью надъ Черногорцами, и ни мало не медля отправилъ Сераскира Ахметъ-Пашу, съ 60-ти тысячнымъ корпусомъ, въ Черногорію. Сераскирь, по повелѣнію Султана, долженъ былъ стать въ Черногоріи по осени, но по случаю ранней зимы (когда Турки обыкновенно не такъ охотно воюють) не могъ онъ удовлетворить желанія Султана, остановился на пути, и уже на другой годъ весною прибылъ въ Подгорицу.

Митрополитъ Давидъ, когда услышалъ о прибытіи Турецкаго войска, то созвалъ Черногорскихъ начальниковъ на всеобщій сеймъ въ Цетынь, объявилъ имъ намѣреніе Сераскира, и съ ними вмѣстѣ, собравши довольно число Черногорцевъ, отправился къ источнику *Мариула*. Тутъ раздѣлилъ онъ войско на три части изъ которыхъ одинъ отрядъ, подъ начальствомъ *Янки Ивашковича*, отправилъ на правую сторону, застѣвъ тайно около горы *Пержника*; другую часть, подъ предводительствомъ *Вука Микуновича*, послалъ на лѣвую сторону, прикритыя на верху горы *Врани*, а третій отрядъ оставилъ при себѣ, ожидая нападенія Турковъ. Двое сутокъ

простояли безъ всякаго дѣйствія, и уже на третій день, когда услышали, что Сераскирь съ войскомъ, остановившись при ключѣ *Влажини*, отдыхаетъ, Митрополитъ, соображался съ обстоятельствами разсчелъ, что дожидаться нападенія Сераскира не должно и въ ту же ночь двинулъ свое войско, которое въ распахъ напало на Турковъ. Турки въ состояніи были отразить печальный патискъ Митрополитскаго войска, но какъ въ то самое время присоединились къ нему отряды Янки и Вука, и открыли жесточайшій огонь, то смѣшанные, столь стремительнымъ и сильнымъ нападеніемъ, Турки принуждены были бѣжать, и въ бѣгствѣ своемъ, пришедши въ совершенный беспорядокъ и разстройство, не попали на путь, по которому пришли, а забрались въ самый дремучій и непроходимый лѣсъ, гдѣ Черногорцы, окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, такъ разбили, что и самъ Сераскирь Паша, съ опасностію жизни, едва могъ спастись отъ плѣна.

Кромѣ богатаго плѣта и дорогаго оружія, Черногорцы получили въ добычу 34 Турецкихъ знаменъ. Съ Черногорской стороны убито 300 чловѣкъ, а Турковъ пало безчисленное множество, такъ, что паденіе ихъ уподобляя вырубленному ряду деревъ, съ того времени, мѣсто, гдѣ происходила битва, Черногорцы называютъ *Царевъ лѣсъ*.

Извѣстіе о сей битвѣ, какъ громомъ, жестоко поразило Султана, и онъ рѣшился, во чтобы то ни стало, единожды навсегда покорить Черногорію. Съ сею цѣлью послалъ онъ искуснѣйшаго въ то время изъ полководцевъ своихъ Визиря Думанъ-Паша Чупрелича, съ 120,000 войска, которое, 1714 года въ Маѣ мѣсяцѣ, пришло на границу Черногорскую со стороны Герцеговины. Зная, какъ

тѣсны и худы дороги, черезъ которыя ему надлежало проходить съ войскомъ, ежели стараться выполнить повелѣніе Султана, а притомъ увѣренъ будучи, что Черногорцы готовы всегда жертвовать жизнью за свободу своего отечества, Чупреличъ, чего не могъ сдѣлать силою, рѣшился достигнуть хитростью и обманомъ.

Онъ послалъ Черногорцамъ письменное предложеніе, въ которомъ объявлялъ, что Султанъ желаетъ заключить съ ними навсегда миръ, и ежели они на то согласны, то проситъ ихъ прислать нѣсколько достойныхъ Черногорцевъ для переговоровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать клятвенное обѣщаніе, что если мирный договоръ не состоится, то онъ не сдѣлаетъ самаго малѣйшаго оскорбленія присланнымъ. Всегда желалъ мира съ Турками, и полагаясь на честное слово Визиря, Черногорцы отправили для переговоровъ 37-мъ гловарей (начальниковъ), послѣ согласія Митрополита на Визирское предложеніе.

Лишь только посланные гловари Черногорскіе явились въ станъ Турецкій, клятвеннопреступный Чупреличъ приказалъ ихъ заковать и взять подъ стражу, а самъ стремительно бросился на Черногорію.

При всей неожиданности нападенія, Черногорцы встрѣтили враговъ храбро, но послѣ продолжительнаго сраженія, не могли сопротивляться неравной силѣ и стремленію многочисленнаго Турецкаго войска, принуждены были оставить мѣсто сраженія и разсѣяться по утесамъ и лѣсамъ Черногорскимъ, а нѣкоторые бѣжали на границу въ приморье.

Чупреличъ съ войскомъ своимъ прошелъ всю Черногорію, раззорилъ многія селенія, предалъ огню церкви, монастыри, не исключая даже и Цетынскаго; посланниковъ Черногорскихъ приказалъ повѣсить, и такимъ образомъ покорилъ Черногорію

подъ власть Султана. Гордясь несправедливою, но удачною побѣдою, хотъ видѣлъ онъ, что не могъ надолго удержать подъ своею властію Черногорію, не предполагалъ, что Черногорцы не скоро придутъ въ прежнее состояніе, а тѣмъ больше не рѣшится впередъ возставать противъ Турковъ, Чупреличъ отправился въ приморье, гдѣ республика Венеціанская выдала ему Черногорцевъ, искавшихъ убѣжища отъ его нападенія. Отсюда пошелъ онъ чрезъ Албанію, и соединившись съ войскомъ, предводительствуемымъ Великимъ Визиремъ Али-Пашею, вмѣстѣ напали на полуостровъ Морею, который и отняли у Дожа Венеціанскаго. Такова была благодарность Турецкаго вождя къ республикѣ Венеціанской, за то, что она вѣроломно выдала ему народъ Черногорскій.

Раззоренные такимъ образомъ Черногорцы вскорѣ послѣ сего отправили Митрополита Даніила въ Россію, къ Императору Петру I.

Петръ I, сострадавъ къ ихъ несчастію, и вмѣстѣ одобряя ревность и усердіе къ государству Россійскому, послалъ съ Митрополитомъ церковныя сосуды, архіерейскія и священническія одежды и 10,000 рублей. Изъ нихъ 5,000 на вспоможеніе бѣднымъ и войною раззореннымъ, и наиболѣе въ несчастную войну пострадавшимъ, а 160 золотыхъ медалей для награды тѣмъ, кто преимущественно отличился себѣ во время сей войны. Сверхъ того опредѣлилъ, чрезъ каждые три года дѣлать пожертвованіе Цетынскому монастырю въ 500 рублей.

Свидѣтельствомъ такого великодушія Императора Петра служатъ двѣ грамоты.

Митрополитъ Даніилъ возвратился изъ Россіи въ 1716 году, и по прибытіи въ Черногорію пригласилъ народъ на всеобщее собраніе въ Цетынъ, гдѣ

прочитавъ грамоты и раздалъ по повелѣнію Императора награды. Услышавши о семъ, пограничныя Турки возчувствовали, что Черногорцы, поощренныя вниманіемъ и милостію Императора Петра, рано или поздно не забудутъ отмстить за обиду, узиненную посредствомъ обмана Чупреличемъ. Опасаясь, чтобы такое подозрѣніе не сбылось на самомъ дѣлѣ, они признали за необходимое скорѣе проработить и опустошить Черногорію, и тѣмъ подавить въ ней духъ мщениа. И такъ немедленно два брата *Ченгилы*, Паши Герцеговинскіе, съ *Беемъ Любовичемъ*, собрали большое число войска по Герцеговинѣ и по Босніи, и съ нимъ напали на *Терныне* (село въ Цуцахъ). Жители Терныне, и соединившіеся съ ними сосѣдніе Черногорцы, вступили въ бой съ Турками, кои послѣ жестокаго кровопролитія обратились въ бѣгство; настигавшіе ихъ на бѣгу Черногорцы рубили враговъ безъ всякой пощады. При семъ взяли въ плѣнъ обоихъ братьевъ Ченгичей съ Беемъ Любичемъ, а съ ними болѣе 70 Турковъ, и всѣхъ привезли живыми въ Кчево.

Черногорцы намѣрены были освободить плѣнныхъ за деньги, но *Керсте*, жена убитаго *Молиа Дукановица*, князя *Киевскаго* укоряла соотчичей, говоря: «Для чего держите вы злыхъ Турковъ? Для чего щадите сихъ варваровъ? Или забыли вы, что за два года предъ симъ желали мы выкупить братій нашихъ у Визиря Чупрелича, но онъ не хотѣлъ и слышать о томъ, а умертвилъ безчеловѣчно? И при томъ Чупреличъ плѣнилъ братію вашу не храбростію, какъ теперь вы Турковъ, но обманомъ и неправдою. Пожалуйте бѣдныхъ вдовъ Черногорскихъ, и подумайте, каковъ было имъ потерять мужей! Стыдно же освобождать вамъ Турковъ за деньги!»— Черногорцы, убѣжденные сими словами, презрѣли

деньги и немедленно умертвили Ченгичей, Любича и всѣхъ Турковъ, въ отмщеніе за смерть своихъ собратій, погибшихъ отъ руки невѣрнаго Чупрелича.

Черногорцы въ разныя времена содѣйствовали въ войнахъ, не токмо Россіи, но и Венеціанской республикѣ, ибо когда сія послѣдняя (1717 и 1718 года) дѣлала нападеніе на Албанскіе города *Антисаръ* и *Дулцинь*, и просила Митрополита Данила о помощи, то онъ послалъ ей слишкомъ 5000 Черногорцевъ, которые такъ храбро и неустрашимо дрались за республику, какъ будто сражались за свое отечество. Венеціанская республика, за столь великую и необходимую для нея помощь, отблагодарила Митрополита письменно, но, какъ водится, сдѣлала то потому только, что имѣла крайнюю нужду въ Черногорцахъ. — Во всякое другое время, она не токмо не была доброжелательна къ Черногоріи, но даже въ тайнѣ старалась о ея гибели, какъ то доказывается обстоятельствами времени Чупрелича и Стефана Малаго. Венеція какъ будто желала, чтобы въ Черногоріи жили Турки, а не православные христіане.

1727 года *Ченгиль Бекиръ Паша*, желая отмстить за смерть своихъ одноземцевъ, въ Кчевѣ убитыхъ, собралъ нѣсколько войска въ Герцеговинѣ, и съ нимъ напалъ на Черногорію, но такъ былъ разбитъ, что и самъ едва спасся бѣгствомъ.

Сей Ченгичъ Паша убитъ былъ потомъ въ войнѣ Россіи съ Турками, подъ Очаковомъ.

Въ 1732 году Топаль-Османъ Паша, наименованный Султаномъ Махмудомъ I-мъ *Беглеръ-Бей-Дождиндѣ-Девеъръ* (т. е. генераль-инспекторъ Македоніи, Албаніи и Босніи), какъ скоро прибылъ въ Албанію, то немедленно набралъ въ Македоніи и Албаніи сильное войско и послалъ его въ Пипери, которое,

отдѣлсь отъ Турціи, присоединилсь къ Черногоріи. Пиперцы, къ которымъ тогда прибыли на помощь жители Кучи, съ неизъяснимою храбростію встрѣтили Турковъ, и послѣ продолжительнаго и страшнаго боя прогнали и разбили ихъ совершенно.

Народъ и поднесъ разсказываетъ о случившемся въ то время чудъ: прежде нежели открылся бой, христіанское войско видѣло предъ собою человѣка, сидящаго на конѣ, во образѣ великомученика Георгія, какъ бы предводительствующаго Черногорскимъ войскомъ, и сей воинъ такъ устрашилъ Турковъ, что и самъ Османъ Паша бѣжалъ въ Албанію. Сей Османъ Паша потерялъ потомъ жизнь въ войнѣ противъ Персовъ.

Въ 1735 году переселился въ вѣчность, уважаемый народомъ Черногорскимъ, Митрополитъ Даниилъ, возстановитель народной независимости; мѣсто его наследовалъ Митрополитъ Савва; онъ (въ 1719 году) еще при жизни Даниила посвященъ былъ въ архіереи Патріархомъ въ Мохинахъ. — По смерти Митрополита Даниила (въ 1739 году) *Визирь Ходаверди-Паша Махмутъ Беговичъ*, съ многочисленнымъ войскомъ, напалъ на Кучи, за то, что жители присоединились къ Черногоріи, но побѣжденный принужденъ былъ возвратиться назадъ, и кромѣ множества убитыхъ на полѣ сраженія, лишился около 70 человѣкъ знаменитыхъ Турковъ, сгорѣвшихъ въ одной башнѣ.

Въ 1756 году, Босняки и Герцеговинцы вторгнулись въ предѣлы Черногорскіе, но неудачно выдержавши первую встрѣчу, принуждены были бѣжать назадъ. — Того жъ года, Визирь Боснійскій писалъ къ Митрополиту Василию и требовалъ дани отъ Черногоріи, доказывая, что Черногорія принадлежитъ Турціи; въ противномъ же случаѣ хотѣлъ

принудить согласиться на то войною. Митрополитъ отвѣчалъ на посланіе презрительною насмѣшкою. Оскорбленный Визирь отправилъ противъ Черногорцевъ своего кегаю, съ 40-тысячнымъ корпусомъ войска. Черногорцы на границѣ, близъ Турецкаго города Никшичи, встрѣтили непріятеля съ свойственною имъ храбростію, но чувствуя что не въ силахъ противостоятъ силамъ непріятеля, уступили сраженію. Не трусость и малочисленность, но недостатокъ военныхъ припасовъ принудилъ отступить Черногорцевъ. Венеціанская республика подъ смертною казнію запретила продавать и промѣнивать порохъ Черногорцамъ. Турки пришли въ Кчево, сожгли его и опустошили. Въ то время одинъ добрый Христіанинъ изъ приморья, видя, что Черногорцы крайне нуждаются въ военныхъ припасахъ, тайно рѣшился доставить имъ небольшое количество пороху. Черногорцы, имѣи хотя малое средство къ отраженію Турковъ, въ ночь на 25 Ноября напали въраслохъ на Турецкое войско. Испуганные, смѣшанные нечаяннымъ нападеніемъ, Турки принуждены были бѣжать, въ бѣгствѣ безъ числа гибли они отъ рукъ Черногорцевъ и самъ Кегаля жестоко былъ раненъ. Военные снаряды, порохъ, аммуниція, съѣстные припасы достались въ добычу побѣдителямъ.

Митрополитъ Василій, племянникъ Митрополита Саввы, въ 1750 году въ Бѣлградѣ посвященъ былъ въ Митрополиты епархіи Скендеринскія и приморскія, съ прибавленіемъ титула: «да есть и Ексархъ Святыишаго Оока Пекскаго патріархіи Славеносербскія, и повсюду на вселкомъ мѣстѣ, яко лицо патріаршеское, да будетъ воспріятъ и почтенъ». Того же самаго года, прибывши въ Черногорію, вступилъ онъ въ управленіе народомъ, а дядя его Митропо-

лить Савва, человекъ отъ природы тихаго и кроткаго характера, только наблюдалъ за монастыремъ и достояніемъ монастырскимъ, и во все время правленія Митрополита Василія не входилъ ни въ какія дѣла народныя, кромѣ того только времени, когда Митрополитъ Василій отлучался за границу. При жизни Митрополита Василія Турки не осмѣливались нападать на Черногорію. Столь сильно боялись они его.

Во время пребыванія Митрополита Василія въ С. Петербургѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1766 году, появился въ Черногоріи какой-то бродяга, родомъ изъ Корніали. Подъ именемъ *Врага*, онъ прошелъ всю Черногорію, всматриваясь въ характеръ, обычаи и образъ жизни сего народа, и когда узналъ, что Черногорцы чрезвычайно привержены къ престолу Всероссийскому, то отправился въ Махине (приморье), гдѣ проживая нѣсколько времени, выдумывалъ планы, какъ бы сдѣлаться ему правителемъ Черногорскимъ. Въ 1767 году явился онъ опять въ Черногорію, и выдалъ себя за Петра III, Императора Всероссийскаго, увѣряя народъ, что онъ удалился изъ Россіи по случаю возникшихъ тамъ возмущеній, и прибылъ въ надеждѣ, что возмущенія скоро прекратятся, и онъ опять со славою возвратится въ царство свое, и что прибытіе его туда будетъ счастіемъ для Черногорцевъ. Народъ, по простотѣ своей, повѣрилъ и самозванца Петра принялъ за своего владѣтеля. Какъ бы скрываясь отъ поисковъ неблагонамѣренныхъ возмутителей, онъ приказалъ называть себя *Стефаномъ Малышъ*. Митрополитъ, сколько ни уговаривалъ народъ не вѣрить Стефану, увѣряя, что Царь Русскій Петръ III-й давно скончался, и на престолѣ спокойно взошла супруга его Императрица Екатерина II, но всѣ убѣжденія были

тщетны. Не смотря даже на то, что прибывшій въ Черногорію посланникъ Двора Россійскаго, Князь Долгорукій, объявилъ народу, что Стефанъ Малый бродяга, и что онъ, какъ самозванецъ и человекъ вредный, долженъ былъ удаленъ изъ Черногоріи, Черногорцы все таки остались увѣренными, что Стефанъ есть истинный Императоръ Россійскій.

Увлеченные ложнымъ понятіемъ, жители Берда также присоединились къ заблужденію, и признали самозванца своимъ повелителемъ. Стефанъ Малый, видя, что народъ смѣло вѣритъ ему и признаетъ его своимъ Господаремъ, принялъ на себя важность Царскую, и приказалъ сдѣлать всеобщее собраніе, въ которомъ убѣдительно просилъ народъ прекратить всѣ частныя неудовольствія, и тѣ, которые объявляютъ другъ на друга жалобы, всѣ бы оставили ссоры и примирились между собою. Лишь только было сказано, всѣ единогласно, въ угодность Стефану, послѣдовали его желанію. Немного спустя послѣ сего призвалъ онъ къ себѣ начальниковъ (гловарей) Черногорскихъ, отправился съ ними въ монастырь *Станевити*, въ которомъ тогда пребывалъ Митрополитъ Савва, и чтобы доказать ему, что онъ дѣйствительно есть Царь Русскій, приказалъ заключить Митрополита Савву въ заточеніе, а монаховъ всѣхъ выгнать; рогатый же скотъ и овецъ, отъ которыхъ монастырь получалъ большіе доходы, перерѣзалъ на угощеніе стекшагося отсюда народа. Все то дѣлалъ онъ единственно для того, чтобы увѣрить всѣхъ, что лишь онъ одинъ имѣетъ полную и верховную власть въ Черногоріи.

За самое малѣйшее преступленіе, Стефанъ штрафовалъ жестоко, а за убійство наказывалъ смертною казнію, и такую вселялъ къ себѣ покорность и приобрялъ между народомъ власть, какой до тѣхъ поръ

никто изъ господарей Черногорскихъ не могъ достигнуть.

Венеціане знавшіе совершенно, кто такой и откуда Стефанъ Малый, хотя и равнодушно смотрѣли на то, что онъ успѣлъ оболюстить народъ Черногорскій, но при всемъ томъ весьма не понравилось, когда слышали, что Черногорцы признаютъ его Императоромъ. Написали о томъ Турецкому Султану, изъявляя удивленіе свое, что столь малая горсть народа осмѣлилась противиться его могущественнѣйшей власти, присовокупляя къ тому, что Черногорія и Берда уже избрали себѣ Императора, который, рано или поздно, отторгнетъ отъ него Султана Герцеговину, а со временемъ можетъ легко случиться, что возобновитъ Сербское Царство и лишитъ Султана наилучшихъ провинцій. Лишь только получилъ о семъ извѣстіе Султанъ Мустафа III-й, то ни мало не медля снарядилъ 180-ти тысячный корпусъ, и подъ предводительствомъ трехъ Визирей послалъ его на Черногорію. Въ 1768 году, въ половинѣ Августа мѣсяца, Боснійскій и Румелійскій Визиря прибыли въ Кчево, сожгли Бѣлопавлича, Пѣшивцы, Бѣлице, и многіе другіе города Черногоріи, а Визирь Скутарскій, Мехметъ Паша, вторгнулся въ Черницу, и также истребилъ всю ее огнемъ. Правда, что Черногорцы защищались храбро, но 10 тысячъ могли ли противиться неравной силѣ Турецкаго войска? Хотя храбрость и, привычное, можно сказать, мужество незначительнаго числа войска Черногорскаго и могли бы замѣнить силу, но недостатокъ въ порохѣ принудилъ ихъ оставить поле сраженія. Республика Венеціанская, мало того, что возбраняла продажу пороха Черногорцамъ, но еще поставила цѣпь отъ Грохова до Албаніи, чтобы ни

одинъ Черногорець не могъ укрыться отъ мщенія Турковъ бѣгствомъ въ державу Дожа.

Турки настоятельно требовали отъ Черногорцевъ выдачи Стефана Малаго, но опасаясь смерти, онъ неизвѣстно куда скрылся. Черногорцы, сожалья объ немъ, всѣ единогласно утвердили, что онъ, вмѣстѣ съ прочими Черногорцами, погибъ на войнѣ, и чтобы болѣе увѣрить въ томъ Турковъ, выдали его лошадей и тѣмъ спасли жизнь Стефана Малаго. 2-го Ноября была ужаснѣйшая буря, во время которой громовой ударъ разразился надъ войскомъ Дожа близъ города Будвы, и тогда же другой палъ въ войско Визиря Скутарскаго, расположенное въ Черницѣ. Устрашенное сею карою небесъ, Турецкое войско бѣжало и уже больше не возвращалось.

Судьба вскорѣ наградила Черногорцевъ за потери; военные снаряды, порохъ, кремни, и проч., шедшее къ Визирямъ въ Кчево, досталось въ руки Черногорцамъ. Два Турецкіе Визиря, когда слышали о случившихся въ войскѣ Визиря Скутарскаго и Венеціанскаго Дожа несчастіяхъ, и узнали, что аммуниція попала въ руки Черногорцамъ, и притомъ видѣли, что наступаетъ зима, то и принуждены были обратиться назадъ, а Черногорцы, преслѣдовавшіе ихъ, поражали и истребляли Турковъ неимоверно.

Такимъ образомъ, Черногорцы, хотя и претерпѣли много, но удержали свою независимость, а Бердьяне, опасаясь притѣсненій Турецкаго войска, оставили безъ вниманія Стефана Малаго, и отложившись отъ Черногоріи, присоединились къ Турціи. Стефанъ Малый четыре года послѣ сего жилъ еще въ Черногоріи, но уже безъ всякаго уваженія народнаго.

Въ 1774 году, жители Кучи вновь отказались отъ Турецкаго владычества, и Визирь Скутарскій Махмутъ-Паша - Бушатлія, съ 30,000 войска, напалъ на

нихъ и истребилъ ихъ, потерявъ съ своей стороны болѣе 1,000 отличныхъ воиновъ.

Въ 1785 году, Визирь Скутарскій двинулъ войско свое изъ Албаніи, прошелъ черезъ Лъшанскую и Съечскую нахіи, и въ Іюнь мѣсяцъ явился въ Цетынѣ, сжегъ монастырь Цетынскій, опустошилъ въ Катунской нахіи селенія: Кчево, Велестово, Бѣлице, Чекличе и Бѣлами, а отъ Негушь взялъ 1700 червонцевъ пени; потомъ черезъ Ловчень и Паштровичи возвратился онъ въ Албанію. Все сіе Бушатлія могъ сдѣлать безъ болышой потери войска своего, ибо въ то время Черногорскій Митрополитъ Петръ Петровичъ, принявшій въ 1782 году, по смерти Митрополита Саввы, правленіе Черногоріи, находился въ Россіи, а къ тому еще три или четыре гловаря Черногорскихъ держали сторону Бушатлія, или сказать справедливѣе — провели его въ Черногорію и были главною причиною народнаго несчастія.

Свиданіе Екатерины Великой, Императрицы Россійской, съ Императоромъ Римскимъ, Іосифомъ II, въ Херсонѣ (въ 1787 году) не понравилось Турецкой Портѣ, тѣмъ болѣе, что она подозрѣвала, не клонится ли свиданіе къ тому, чтобы уничтожить силу ея. Оскорбившись симъ, и будучи подстрекаемъ Дворомъ Англійскимъ, Султанъ 24-го Августа объявилъ войну Россіи. Австрія, какъ союзная съ Россіею, должна была участвовать въ войнѣ. Обѣ союзныя державы послали въ Черногорію, предлагая открыть войну съ пограничными Турками, и тѣмъ отвлечь часть войска Турецкаго. Въ Январь 1788 г. прибылъ въ Черногорію Австрійскій маіоръ Филиппъ Вукасовичъ съ 400 воиновъ, и привезъ грамоту Императора Австрійскаго Іосифа II-го, которую здѣсь исполнѣ мы помѣщаемъ:

«Мы Іосифъ Вторій, Божіею милостію избранній Римскій Цесарь, всегда множитель Царства Германій, Унгарій и Бохемій, Долмацій, Хорватій, Галицій, Лодеморіи и Славоніи Апостолическій Царь, Архивождь Аустрійскій, Вождь Бургундіи и Лоторингіи, Великій Вождь Тосканскій, Великій Князь Транильванскій, Вождь Медіолана, Мантуи и Пармскій, Графъ Авсбурга, Фландій, Тироля, и проч., и проч., и проч.

«Гледаючи на похвальную ревность и изрядную храбрость с коіомъ мужественный народъ Черногорскій всегда се подвизавао вѣру и слободу свою брагнати и защищавати.

«Объявимъ всѣмъ жителямъ Черногорскимъ и особито ихъ Митрополиту, Архіерею, Архимандритомъ, Ігуминомъ, протопрозвитеромъ и священникомъ, такожде и Губернатору, Сердарямъ, воеводамъ и нахіяхъ, или ти предъловъ Княземъ и всѣмъ Церковнымъ же и мірскимъ настоятелямъ.

«Да показатель сего Филиппъ отъ Вукасовичъ и Лудовикъ отъ Пернетъ есу зансто офицери отъ непобѣдиме наше войске, кои иду нарочито отъ насъ послати, дабы се свами наилучше договорили о начину и о наиболѣмъ способу, како бы мы сирѣчь извершили всемилостивѣйше наше намѣреніе за еже народи ови отъ тиранства Отоманскія власти избавити помощію Всемогущаго, у христіанску слободу поставити и всѣхъ онихъ достоинствъ и преимущества и слободу участники учинити, кои толь мирно и спокойно уживаю благополучни жители всѣхъ нашихъ царствъ. Ожидаемо давле, да по силъ ове наше патенте и разсмотрившіся важнія узроки собственныя ихъ користи помянути жители Черногорскіи и ихъ настоятели, какъ церковніи, такъ и мірскіи, реченныхъ офицеровъ здолжною честію при-
Т. VI. — Отд. III.

мити буду, да и све оно твердо вѣруючи щосе имъ у име наше предложите буде, хочеду на све здолжномъ искренностию и благодарнымъ сердцемъ отвѣствовать и да хочеду имъ не само допустить да могу свободно ичи идочи и у свакомъ мѣсту мирно и безбѣдно пребывати, но юще да хочеду имъ давати и кони и подвози, бродови и храну, и пропитаніе, путенаставники же и водители и сваку другу вещь, ко-го бы могли на пути потребовати, и тако да имсе хоче и у свакомъ догачаго и случаю свака помочь давати и свака любовь показывати: на таки конецъ есмо ово собственномъ нашемъ рукою подписали и на тое велики Нашъ Цесаро Крилевскій печать притиснути дали.

«Въ Внѣ мѣсеца Априла седемайсти день, лѣто Христово тысяща седмсто осемдесеть осмаго года.

Іосифъ. (М. П.)

Кауницъ.

«Повелѣніемъ Его Цесаро-Крилевскаго Величества Антоніо Асписиманъ.»

Народъ Черногорскій, увидѣвши изъ грамоты благое намѣреніе Императора избавить христіанъ отъ ига Турецкаго, принявъ радостно Вукасовича и обѣщавшись открыть войну съ Турками. Но Митрополиту вовсе то не правилось, ибо, какъ опытный и проищательнаго ума человекъ, онъ предвидѣлъ, что по заключеніи мира съ Турками, какъ прежде оставленные безъ всякой помощи, Черногорцы могутъ подвергнуться мстительной ненависти, влекущей за собою раззореніе и злосчастіе народа. Но когда въ тоже время прибылъ изъ Россіи полковникъ Туттолминъ, отъ Императрицы Екатерины II-й, предлагая также объявить войну Туркамъ, то Митрополитъ, Господарь народный и весь народъ, увидѣвъ грамоту

премудрой и добродѣтельной Государыни, съ чувствомъ живѣйшей радости и усердія приняли посланника, и поклялись направить всѣ силы оружія своего противъ общаго врага христіанскаго. Туттолминъ, выполнивши порученіе Императрицы съ желаемымъ успѣхомъ, возвратился въ Россію, и при отправленіи своемъ просилъ Черногорцевъ слѣдовать во всемъ приказанію Вукасовича, который въ дѣйствіяхъ своихъ будетъ соображаться съ грамотою Императрицы Екатерины II-й, въ которой она обѣщаетъ наградить за то своими милостивыми благодѣяніями.

По отбытіи Русскаго посланника, маіоръ Вукасовичъ разослалъ письма по Черногоріи, и къ Бердамъ, опять отклонившимся отъ Турціи, убѣждая ихъ взять оружіе и итти противъ Турковъ, предлагая лестныя награды тѣмъ, которые отличатся въ войнѣ, а народу независимость отъ ига Турецкаго. Игумену Острогскому (въ Бѣлопавличахъ) писалъ онъ особенно: «Отецъ Игумень! Если не теперь, то никогда Бердяне не будутъ въ правѣ сражаться съ Турками. Даю тебѣ клятву, что имъ будетъ лучше, ибо я ихъ не обманываю. А какъ я теперь, слава Богу, богатъ и деньгами и порошкомъ, то ежели бы Черногорцы и Бердяне соединились въ одно дѣло, то чего бы не въ состояніи мы были теперь сдѣлать? Отче! тебѣ предстоитъ благоприятное время, осчастливить дни свои навсегда; я готовъ все то для тебя сдѣлать, чего самъ себѣ желаю. Ударь, вмѣстѣ съ нами, хоть однажды на Спужъ (крѣпость на Турецкой границѣ), либо на Подгорицу, и ежели удастся намъ завладѣть хоть однимъ изъ сихъ городовъ, то получишь ты сто червонцевъ, а Бердяне знатные подарки. Кто же принесетъ мнѣ голову Мечикукича

(комманданта крѣпости Спужь), тотъ получить осо-
боѹсто геронцевъ, а ты награду сверхъ всего.»

Къ Пиперамъ въ письмѣ говорилъ онъ такъ: «Изъ письма Владыки Петра Петровича видите вы единство двухъ сильнѣйшихъ державъ, и тѣ выгоды, которыя онѣ обѣщаютъ всѣмъ во Христа вѣрующимъ. Вамъ не безызвѣстно, что я многое привезъ съ собою отъ Двора Австрійскаго, и Государь мой не смѣтнулъ обѣщаетъ пожертвованія и награды тѣмъ, кто вѣрно послужитъ его державѣ. Такое предложеніе должно быть для васъ тѣмъ священнѣе, что Россія и Австрія не жалѣютъ никакихъ издержекъ и крови своихъ подданныхъ для искупленія васъ отъ угнетенія Турецкаго. Герои! вамъ открывается случай, котораго лучше, ни прежде, ни послѣ, до скончанія свѣта быть не можетъ! Вы до сихъ поръ нѣсколько разъ храбро сражались съ Турками по необходимости, но теперь пособіе ваше требуется, не потому, что оно нужно для Австріи и Россіи, но вы сдѣлаете пользу для себя и рѣшительно истребите вѣковыхъ враговъ вашихъ. Предпріятіе наше тѣмъ легче можетъ исполниться, что Турки не имѣютъ помощи ни откуда, а мы, кромѣ того, что всѣмъ нужнымъ къ войнѣ запаслись съ избыткомъ, превышаемъ ихъ и числомъ войска. Не думайте, чтобы я прибылъ сюда обманывать васъ — клянусь что никогда не оставлю Черногоріи! Ежели же какія выгоды заставятъ Австрійскую и Русскую державы заключить миръ съ Турками, то не опасайтесь — будьте увѣрены, что при заключеніи мира не забудутъ васъ, какъ самихъ себя. Вооружитесь, ежели жемаете себѣ счастья; я снабжу васъ и деньгами и порохомъ; посмотрите впередъ и обдумайте, чтобы послѣ не раскаяваться. Богъ вамъ на помощь! Прощайте.»

Черногорцы и Бедряне, видя въ письмахъ Вукасовича такія обѣщанія, и получивъ отъ него нѣкоторое количество пороху, соединилъ вмѣстѣ съ прибывшими изъ Австріи 400 воиновъ, окружили Спужь. Но кромѣ ружей не имѣя другихъ воинскихъ снарядовъ, необходимыхъ для взятія крѣпости, не могли они ничего сдѣлать, да и Вукасовичъ того не домогался. Онъ былъ доволенъ, что Черногорцы и Бедряне вступили въ бой съ Турками, а самъ между тѣмъ съ своимъ отрядомъ тайно отправился, 23 Августа, чрезъ Каттаро въ Австрію.

Въ 1791 году, когда Дворы Австрійскій и Россійскій заключили миръ съ Оттоманскою Портою, Черногорцамъ досталось на часть непримиримая война съ Турками, и къ тому еще злоба Кара-Махмута Бушатли, Визиря Албанскаго, который съ давнихъ временъ отклонился отъ Султана Турецкаго, и самовольно сдѣлался независимымъ властелиномъ своего отечества, питая ненависть къ Черногоріи за то, что Берда отложила отъ Албаніи и подчинилась власти Митрополита. Онъ началъ тайно вооружать войско противъ Черногоріи. Услышавъ о такомъ намѣреніи, Митрополитъ Петръ Петровичъ просилъ Визиря не возставать войною, но получилъ въ отвѣтъ, что Визирь не возжигаетъ войны, а жемаетъ только наказатъ Бердянь за ихъ отступленіе и потому просить Митрополита не защищать Бердянь, ниже позволять имъ укрываться отъ справедливаго мщенія въ Черногоріи; въ противномъ же случаѣ онъ припужденъ будетъ и Черногорцевъ преслѣдовать самымъ лютымъ мщеніемъ. Убѣдясь, что Визирь дѣйствительно вооружается только противъ Бердянь, Митрополитъ написалъ ему:

«Ты говоришь, чтобы я не давалъ Бердянямъ по-

мощи и приближища въ Черногоріи. Вѣра и совѣсть не позволяютъ мнѣ такъ поступать. Бердяне мои братья, какъ и Черногорцы, а что ты угрожаешь мнѣ лютостію мщенія, то я вижу, что ты надѣешься на свою силу. Вспомни лучше, что сила въ рукахъ единаго Всемогущаго Бога, которому мы себя вручая, молимъ, чтобы онъ былъ нашимъ помощникомъ и покровителемъ! Ты знаешь, какое поношеніе и разореніе причинилъ Черногорцамъ опустошеніемъ церквей и монастыря въ Цетинѣ, во время моего пребыванія въ Россіи. Я все предалъ забвенію, и вмѣсто зла, платилъ тебѣ добромъ во время нападенія Турецкаго Султана, желавшаго покорить тебя; я зналъ твою крайность, но ни одному Черногорцу не позволилъ возставать противъ тебя. Не обижай бѣдныхъ Бердянъ, не проливай напрасно ихъ невинной крови. Ежели не хочешь внимать просьбѣ моей, да будетъ воля Божія, а мы не перестанемъ съ своей стороны до послѣдней капли крови защищаться сами и защищать братьевъ отъ неправыхъ нападеній твоихъ.»

При самомъ отъѣздѣ Вукасовича изъ Черногоріи, Митрополитъ размышлялъ, какія принять мѣры въ такомъ случаѣ, когда Визирь нападетъ на Бердянъ, или на самую Черногорію, бѣдную деньгами, порохомъ и кремнемъ? Онъ рѣшился послать въ Вѣну митрополитскую митру свою въ залогъ*, умоляя Австрійскій Дворъ не отказать въ присылкѣ воинскихъ припасовъ. Въ 1790 году, Леопольдъ II-й, уже по смерти Императора Іосифа прислалъ въ

* Сія митра подарка была Императрицею Елисаветою Петровою Митрополиту Черногорскому Василю въ С. Петербургѣ, а по смерти его отослана была Митрополиту Савѣ въ Черногорію, какъ даръ царской милости. Она была драгоценная и стоила гораздо больше, нежели во сколько была оценена.

Черногорію 300 боченковъ пороху, и соразмѣрно тому количество кремня, поручивъ раздѣлить все сіе Черногорцамъ и не щадить присланнаго противъ Турковъ, общихъ враговъ и гонителей христіанскихъ.

1796-го года, въ половинѣ лѣта, Кара-Махмутъ двинулъ свое войско для покоренія и истребленія Бердянъ, чтобы тѣмъ обезопасить себя съ тыла, въ случаѣ похода на Черногорію. Вся Берда, включая Кучи, отправила тайно своихъ депутатовъ, просить Митрополита дать имъ возможную помощь, и Черногорцы съ клятвою обѣщались немедленно имъ въ битвахъ содѣйствовать.

На другой день, Митрополитъ, съ отрядомъ Черногорцевъ, отправился въ путь и остановился лагеремъ съ лѣвой стороны рѣки Зеты, на мѣстѣ называемомъ *Слатиня*.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней собралось Черногорцевъ и Бердянъ до 80,000, а Кара-Махмутъ съ 20,000-мъ корпусомъ находился подъ холмомъ *Высогицы*, выше города *Спужа*, въ разстояніи семи верстъ отъ лагеря Митрополитскаго. Оба войска простояли безъ всякаго дѣйствія 9-ть дней, а въ 10-й, 11-го Іюля, Турки открыли сраженіе. Митрополитово войско съ мужествомъ и храбростію встрѣтило ихъ, и при наступленіи ночи, послѣ жестокаго кровопролитія, опрокинуло и прогнало ихъ чрезъ село Мартыници (отъ чего и битва названа Мартыницкою) въ городъ Спужъ. Съ Черногорской стороны убито 23, ранено 26; Турковъ изъ знатныхъ семействъ пало 67, а нижнихъ чиновъ около полуторы тысячи, кромѣ множества раненныхъ. Самъ Паша Кара-Махмутъ получилъ жестокою рану, но едва увидѣлъ онъ облегченіе отъ раны, то снѣша загладить стыдъ предъ войскомъ своимъ, вновь

набрала 40,000 войска, и того жъ года, въ началѣ осени, прибыла въ Доляны.

Услышавъ о томъ, Митрополитъ немедленно отъправилъ нарочныхъ въ Черногорію, съ повелѣніемъ — быть готовыми на отпоръ неприятелямъ. Сентября 9-го, съ 400-ми человекъ, прибывшихъ къ нему изъ Нахій Катунской, отъправился онъ изъ Цетыне и въ ту же ночь прибылъ къ ключу, именуемому *Вухій Студенецъ* (волчій колодець.) Въ продолженіе нѣсколькихъ дней присоединилось къ нему около 4-хъ тысячъ войска, прибывшаго изъ Катунской нахій. Визирь явился съ войскомъ при рѣкѣ Ситницѣ. Бердяне и Катуняне не рѣшились къ Митрополиту присоединиться, ибо Бѣлопавличи думали, что Визирь нападетъ на нихъ, а Пиперы совершенно были увѣрены, что первое нападеніе сдѣлаетъ онъ на нихъ Пиперовъ. Предложеніе было вѣрно. Визирь дѣйствительно думалъ отдѣлить отъ своего войска по двѣ тысячи, и послать на объ Берды, съ тѣмъ, чтобы удержать ихъ и не дозволить имъ соединиться съ Черногорцами, когда между тѣмъ измѣнники, жители Кучи, отчасти подкупленные, а отчасти опасаясь побѣды и мщенія Визиря, содѣйствовали не Митрополиту, а Визирю.

27-го Сентября, Митрополитъ съ войскомъ прибылъ въ городъ Бусовникъ, гдѣ убѣждалъ своимъ архіерейскимъ словомъ: «Не щадить ни крови, ни жизни за вѣру и отечество.» — Въ сіе-то время Визирь напалъ на Круссе (село въ Лѣшанской нахій). Лѣшане, съ небольшимъ числомъ Черногорцевъ, храбро сражались противъ Турковъ, но не могли долго противиться, принуждены были отступить, а Турки ворвались въ село, раззорили его и церковь предали огню. Потомъ бросились они на войско Митрополита, которое также, чувствуя превос-

ходство силъ Турецкихъ въ числѣ, принуждено было отступать. Но вскорѣ Митрополитъ ободрилъ войско свое и возбудилъ въ немъ храбрость воспоминаніемъ о Мартыницской побѣдѣ, и славою, если удержать они поле битвы. Одушевленные Черногорцы вновь устремились на Турковъ, которые, по жестокомъ боѣ, обратились въ бѣгство. Въ то самое время подоспѣли войска изъ Ръчьской и Церничьской нахій, и соединенными силами начали преслѣдовать Турковъ, разбивши ихъ совершенно.

Въ сраженіи семь, продолжавшемся около трехъ часовъ, пало Турковъ мертвыми *болѣе двухъ тысячъ*; въ томъ числѣ убитъ и Махмутъ-Паша, коего голова, какъ трофей, и поднесъ хранится въ монастырѣ Цетынскомъ; въ войскѣ же Митрополита убито только 32 человекъ.

Спустя немного времени, въ 1797 году, Французы покорили Венецію и уничтожили Венеціанскую республику. Бока ди Каттаро поступило во владѣніе Императора Австрійскаго. Каттарцы въ прежнія времена составляли отдѣльную республику, но опасаясь Турковъ, добровольно, въ 1410 году, отдались въ подданство Венеціанской республики, съ такимъ условіемъ: «Если Венеціанская республика, по какимъ нибудь политическимъ обстоятельствамъ, не въ состояніи будетъ защищать Бока ди Каттаро, то она не вправѣ уступить его другой державѣ, а Каттаро останется независимымъ.» Потому и тяжело было жителямъ признать власть Римскаго Императора, которому отдали ихъ по Кампо-Формійскому трактату. Начальники (гложари) Бока ди Каттарской области, услышавъ о томъ, просили совѣта у Митрополита Черногорскаго, какъ имъ въ такомъ случаѣ поступать? Онъ совѣтовалъ учредить областное

правление и для соблюдения порядка сформировать гвардію. Если республика Венеціанская опять возстанетъ, то ни въ какомъ случаѣ не причтетъ того въ худую сторону, но еще, напротивъ, останется благодарною. Если же республика не возобновится, то необходимо надобно покориться власти Императора Римскаго, но только сохранить то самое условіе, на которомъ состоялъ Боко ди Каттаро подъ владѣніемъ республики Венеціанской. Боко-Каттарцы приняли совѣтъ съ благодарностію и обѣщались ему слѣдовать, а жители города Будвы признали Митрополита своимъ покровителемъ, впредь до рѣшенія дѣла.

Вскорѣ послѣ того, Боко-Каттарцы, видя, что республика Венеціанская не возстановляется, отправили своихъ депутатовъ на островъ Курцолу къ генералу Руковинъ, находившемуся тамъ съ войскомъ Августа 10-го того же года, прибылъ генералъ Руковина съ войскомъ, и приплылъ Боко ди Каттаро на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на которыхъ онъ принадлежалъ республикѣ Венеціанской.

Нынѣшняя Черногорія находится между Герцеговиною и Турецкою и Австрійскою Албаніею.

Величины ея пространства съ точностію опредѣлить нельзя, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, содержитъ она въ себѣ болѣе 500 квадратныхъ миль.

Черногорія раздѣляется на восемь округовъ, изъ которыхъ четыре называются Черногорцами *нахіи*, а четыре *Берда*.

НАХІИ.

I. *Катунская нахія*, которую составляютъ девять участковъ (племень), а именно: 1, *Цетине*, 2, *Нгьу-*

ши; 3, *Чьеклиги*; 4, *Бълице*; 5, *Цуце*; 6, *Озритицы*; 7, *Комани*; 8, *Загаричъ*; 9, *Пышивоцы*.

II. *Рьчьская нахія*, состоящая изъ 5-ти племенъ: 1, *Градгани*; 2, *Люботыни*; 3, *Цеклини*; 4, *Доберскаго села*; 5, *Касіери*.

III. *Льшанская нахія* съ племенами: 1, *Дражовина*; 2, *Градацъ*; 3, *Буроне*.

IV. *Церничьская нахія*, въ которой племена: 1, *Болевичы*; 2, *Лимляни*; 3, *Глухи-До*; 4, *Бертеле*; 5, *Душило*; 6, *Сетоничы*; 7, *Подгоръ*.

БЕРДА.

V. *Бълопавличы*, съ племенами: 1, *Петушиновичы*; 2, *Павковичы*; 3, *Вразкегерлицы*.

VI. *Пипери*, гдѣ племена: 1, *Церицы*; 2, *Стьена*; 3, *Гверковичъ*.

VII. *Морага*, съ племенами: 1, *Нижняя Морага*, 2, *Верхняя Морага* и 3, *Ровцы*.

VIII. *Куки*, гдѣ племена: 1, *Дрекаловичы*; 2, *Арахово*; 3, *Затребачъ*. Въ послѣднемъ обитаютъ только Албанцы Римско-Католическаго исповѣданія.

Черногорія вообще чрезвычайно гориста; Катунская же нахія почти вся загромождена высокими скалами, кои жителями именуются *криши*. Въ *Бълопавличьяхъ*, *Рьчьской*, *Льшанской* и *Церничьской* нахіяхъ въ довольноомъ количествѣ находятся плодородныя поля и богатые луга, а также проявляются кое гдѣ и лѣса.

Климатъ въ Черногоріи можно назвать здоровымъ, хотя относительно теплоты онъ и неведѣ одинаковъ. Во всѣхъ Бердахъ и въ Катунской нахіи климатъ довольно суровъ и непостояненъ, а въ *Церничьской*, *Льшанской* и *Рьчьской* тихъ и пріятенъ, и почти такой, какъ въ Боко ди Каттаро.

Почва земли Черногорской весьма разнообразна

и къ плодородію посредственна. Черногорцы въ наибольшемъ количествѣ сѣютъ всякій хлѣбъ, какъ то: пшеницу, рожь, овесъ, ячмень и просо, но преимущественно кукурузу. Посѣвъ ея, въ сравненіи съ прочимъ хлѣбомъ, какъ 7 къ 2-мъ. Во время хорошаго урожая, она можетъ питать всю Черногорію цѣлый годъ. Кромѣ того, въ настоящее время разводятъ картофель, который вывезенъ въ Черногорію въ 1789-мъ году покойнымъ Митрополитомъ Петромъ Петровичемъ. Онъ первый обратилъ на него вниманіе и научилъ жителей обрабатывать его. Въ неурожайный годъ, бѣднымъ жителямъ картофель замѣняетъ теперь хлѣбъ и сохраняетъ ихъ отъ голода.

Въ *Бердахъ* и *Катунской* нахій хорошо родятся капуста, Савойская капуста (зеленая роштанъ). Сѣются также и другія огородныя овощи, какъ то: горохъ, Турецкіе бобы, рѣпа, морковь, лукъ; цветная капуста и брюква въ Черногоріи вовсе неизвестны. Въ *Бѣлопавличьяхъ*, *Церничьской*, *Речьской* и *Лѣшанской* нахіяхъ родятся яблоки, груши, винныя ягоды, виноградъ, сливы, квіты, персики, абрикосы, орѣхи и обьяръ.

Жаль, что жители мало стараются разводить шелковыхъ червей. Винограднаго вина готовятъ также очень мало; при самомъ умѣренномъ употребленіи, едва достаеъ его жителямъ на восемь мѣсяцовъ, и если бы притомъ Черногорцы не были весьма умѣренны въ питьѣ, то недостаточно было бы его и на четыре мѣсяца.

Лошадей въ Черногоріи очень мало, а большею частію лошаки. Волось и коровъ въ *Бердахъ* и *Катунской* нахій почти нѣтъ, но овецъ и козь весьма много. Черногорія съ избыткомъ довольствуется сыромъ, масломъ и сметаною, приготовляемыми изъ козьего и овечьего молока.

Рыбною ловлею въ особенности занимаются жители по берегамъ Скутарскаго озера, въ которомъ ловятся форели, угри, кроны, скобали, уклены (родъ маленькихъ сарделей), и проч.

Пчеловодствомъ занимаются не многіе Черногорцы и то безъ всякой охоты. Горныхъ произведеній у нихъ вовсе нѣтъ.

Самыя большія горы въ Черногоріи находятся въ *Кучахъ* (*Кучки-колъ*, отдѣляющая Кучи отъ Турецкой Албаніи), въ *Катунской* нахій (*Ловъ-гъень*, *Штировникъ*, *Гарагъ*, *Пустой Лисацъ*), въ *Речьской* (*Наги Доберштикъ*) и въ *Церничьской* (*Сутормаль*).

Рѣки *Церноевича* (по старому *Ободъ*), вытекающая изъ подъ *Цеклинской* горы; *Церница*, которая беретъ начало въ восточной сторонѣ *Церникаго* поля (та и другая впадаютъ въ Скутарское озеро); *Зета* выходитъ изъ подножія горы *Острога*, у самаго села *Повія*, и впадаетъ въ рѣку *Морачу*, а сія имѣетъ начало свое въ *Верхней Морачи*, которая, близъ города *Подгорницы* соединяется съ рѣкою *Зетою*, впадаетъ въ Скутарское озеро. Ключей въ Черногоріи не очень много; но вода ихъ весьма пріятна и цѣлительна.

Въ Черногоріи двѣ главныя дороги — первая и самая главная ведетъ изъ *Каттаро* черезъ *Нъгуши*, *Цетине*, *Доберское* село и *Цеклинь* до рѣки *Церноевича*, а другая, отдѣлившись отъ первой въ *Нъгушахъ*, идетъ черезъ *Чекличи*, *Бѣлице*, *Кчево* и *Пѣшивцы*, до Турецкаго города *Никшичи*; но оба пути во многихъ мѣстахъ такъ худы, что навьюченная лошадь, при всей къ тому привычкѣ, съ трудомъ проходить можетъ, и потому всѣ тяжести у Черногорцевъ переносятся на лошакахъ и на плечахъ женщинъ. Другія дороги, пролегающія по Черногоріи, исключая тѣ, которыя идутъ чрезъ *Бѣло-*

павличьскія и Черничьскія поля, суть не иное что, какъ узкія тропинки, проложенныя съ горы на гору, съ утеса на утесъ и съ высоты нѣсколькихъ сажень по отвѣсу въ пропасть, по которымъ одинъ только смѣлый и легкій Черногорець въ *опанцахъ* своихъ* безбоязненно пробираться умѣетъ.

Французскій генераль Мармонъ предлагалъ Черногорцамъ провести на его счетъ дорогу отъ Каттаро до Никшичи, по которой можно бѣ было ѣздить въ экипажахъ, но смѣтливые Черногорцы поняли хитрое намѣреніе, поблагодарили за предложеніе, и путь черезъ Черногорію остался по прежнему доступенъ только для Черногорца, а непроходимъ для иноземца.

Черногорцы Славяно-Сербскаго происхожденія, такъ же, какъ Герцеговинцы и Босняки, и приняли названіе отъ имени мѣстъ, въ которыхъ обитаютъ. Изъ коренныхъ родовъ, жившихъ въ Черногоріи во времена Королей и Императоровъ Сербскихъ, не сохранилось ни одной. По завладѣніи Сербіи, Босніи и Герцеговины Турціею, многія, и въ особенности знатныя дворянскія семейства, не желая переносить угнетенія завоевателей, а еще болѣе видѣть поправленіе православной вѣры предковъ своихъ, перешли изъ всѣхъ упомянутыхъ областей въ бесплодную и цѣпью высокихъ горъ огражденную Черногорію, какъ въ единственное убѣжище, гдѣ и понынѣ могутъ сохранять духъ народности и память Сербскою независимости.

Жители Черногоріи всѣ говорятъ языкомъ Сербскимъ, съ малою и едва замѣтною разницею отъ на-

* Кусокъ сыромятной воловьей кожи, подвязанный около ступни ноги ремешками, составляя родъ древнихъ сандалій, которыя Черногорцы называютъ *опанцами*.

рѣчія Герцеговины, гдѣ вмѣшиваются много словъ Турецкихъ. Такое смѣшеніе обыкновенно бываетъ у всѣхъ покоренныхъ народовъ. Число жителей Черногоріи простирается до 100,000, изъ которыхъ 15,000 хорошихъ воиновъ, могущихъ выдти въ поле во всякое время. Природою укрѣпленная земля и *отечестволюбіе* Черногорцевъ даютъ имъ несомнѣнную надежду всегда одержать побѣду надъ 60-ти тысячнымъ корпусомъ лучшаго образованнаго войска, только бы доставало у нихъ пороху, свинцу и кремня.

Жители Черногоріи вообще исповѣдуютъ православную Восточную вѣру и довольно набожны, но гораздо были бы набожныѣ, если бы бѣлое духовенство ихъ было болѣе просвѣщено. Одинъ изъ знаменитыхъ писателей говоритъ: «Пока Черногорское «Духовенство не достигнетъ высшей степени образованности и нравственнаго воспитанія, дотогдѣ и «нравы Черногорскаго народа не достигнутъ должной «чистоты своей. Польза и счастье семейное не будутъ дознаны и уважены; земледѣліе не получитъ «желаемаго успѣха; законы будутъ слабы и недѣйствительны. Образованный и въ страхъ Божіемъ «воспитанный священникъ можетъ быть добросовѣстнымъ опекуномъ, сердобольнымъ отцемъ, благонамѣреннымъ распорядителемъ, безпристрастнымъ «судьею и главнымъ органомъ своего стада.» Но откуда имѣть такихъ пастырей Черногорцамъ, когда не было и нѣтъ у нихъ никакихъ общественныхъ учебныхъ заведеній? Ежели бы и существовали такіа училища, то надобно еще дать Черногорскимъ священникамъ средства, чтобы необходимость не заставляла ихъ, какъ теперъ, покинуть всякія книги и духовныя заботы, пахать землю, заниматься торговлею и носить съ простымъ народомъ одинаковую одежду.

Народъ Черногорскій не занимается систематическою торговлею, да и заниматься не можетъ, ведя почти непрерывную войну съ пограничными Турками. Собственныя произведенія носятъ Черногорцы на продажу приморцамъ, въ Каттаро и Будву, и тамъ покупаютъ все необходимое для себя. Нельзя сказать утвердительно, кто имѣетъ большую нужду: Черногорцы ли въ приморцахъ, или сіи послѣдніе въ Черногорцахъ? Извѣстно только то, что если бы Черногорцы мирно жили съ Турками, то не могли бы ни съ какой стороны нуждаться въ приморцахъ, но приморцы безъ Черногорцевъ почти жить не могутъ. Черногорцы продаютъ въ приморіи хлѣбъ, (привозимый изъ Зеты), капусту, картофель, много сыру, масла, яицъ, шерсти, овчинъ, въ большомъ количествѣ копченую и соленую баранину, известную подъ названіемъ *кострадина*, которую въ Триестъ и Венецію предпочитаютъ всѣмъ другимъ. Отправляютъ также много и рыбы, особенно скуранцы (копченныя и соленныя уклеи); въ Италіи употребляютъ ее, какъ лакомство; отъ приморцевъ покупаютъ виноградное вино, водку, соль, деревянное масло и кое что изъ мануфактурныхъ издѣлій. Вывозъ пороха и свинцу для продажи Черногорцамъ воспрещенъ, подъ смертною казнію. Запрещеніе сіе, можетъ быть, со временемъ принудитъ самихъ Черногорцевъ дѣлать порохъ, и Равчане уже готовятъ его и нынѣ въ маломъ количествѣ. Нужда мать изобрѣтеній.

Съ давнихъ временъ, а можетъ быть и никогда не было въ Черногоріи общественныхъ училищъ, гдѣ бы юношество могло образовываться. Тѣ, кто желалъ поступить въ духовное званіе, завсегда приходили въ монастыри и учились только читать и писать. Дѣти приходскихъ священниковъ воспитываются при родителяхъ, а отъ того вошло въ обык-

новеніе, что сынъ священника по смерти отца почти всегда наследуетъ его мѣсто. Въ 1832 году, Архіепископъ и Владыка Черногорскій Петръ Петровичъ, учредилъ въ Цетинѣ небольшое народное училище, въ которомъ до 30 учениковъ изъ разныхъ округовъ обучаются чтенію, чистописанію, ариметикѣ, священной Исторіи и Сербской грамматикѣ. Дай Богъ, чтобы благотворный корень сей произвелъ со временемъ вождельный плодъ свой; тогда и свѣтъ получилъ бы о Черногорцахъ иное мнѣніе, и сами Черногорцы поняли бы самихъ себя лучше; такъ, напримѣръ, всякое ремесло не заслуживало бы какъ нынѣ, презрѣнія ихъ. Нынѣ Черногорцы съ насмѣшкою упрекаютъ порганаго за то, что онъ занимается женскою работою; кузнеца называютъ цыганомъ, хотя бы и не былъ цыганъ, да и на самаго необходимаго для нихъ слесаря и оружейника смотрятъ съ пренебреженіемъ. Почему не столько жители, сколько иностранцы занимаются въ Черногоріи разными ремеслами, но говоря собственно, промышленность и ремесла въ Черногоріи не существуютъ.

Правленіе Черногорское духовно-военное. Верховное лицо, *Господарь*, въ рукахъ котораго полная власть, есть Митрополитъ, или Владыка, съ прибавленіемъ титула: *святѣйшій*. Съ недавняго времени учрежденъ верховный судъ, подъ именемъ *Правительствающаго Сената*, въ коемъ присутствуютъ 12 сенаторовъ, и нижній судъ, подъ названіемъ *Гвардіи*. Въ каждомъ округѣ своя Гвардія. Ей предоставлено рѣшать дѣла малыя, обыкновенныя, но о важныхъ обстоятельствахъ, она относится въ Сенатъ, гдѣ всѣми членами дѣло разсматривается и съ согласія Господаря рѣшается. При осужденіи на смерть, Владыка не подаетъ своего голоса.

Въ Черногоріи нѣтъ никакихъ положительныхъ законовъ, но обычаи народные замѣняютъ ихъ. Покойный Митрополитъ Петръ Петровичъ, въ 1796 году, написалъ краткій, на обычайхъ основанный законникъ, который, при общемъ собраніи, одобренъ, и съ торжественною клятвою принятъ народомъ. Сенатъ и по нынѣ, съ малымъ отступленіемъ, имъ руководствуется. Законникъ сей приравленъ къ духу народа для котораго онъ написанъ.

Храбрые до изступленія, Черногорцы въ домашней жизни тихи, спокойны и добры; къ иностранцу радушны, ласковы и снисходительны, а съ своими дружелюбны и учтивы, хотя притомъ вспыльчивы и за обиду мстительны. За смерть своего родственника и черезъ сто лѣтъ не забудутъ отмстить — *кровью за кровь!* Такое мщеніе есть корень всѣхъ несчастій, которыя между Черногорцами встрѣчаются верѣдко, и оно главное препятствіе всякаго суднаго порядка. Иногда родственники убитаго, платя другъ другу взаимнымъ мщеніемъ, губятъ въ одинъ годъ до двадцати лицъ.

Начальникамъ своимъ отдають Черногорцы должное почтеніе, и строгой власти ихъ повинуются слѣпо.

Ни одинъ народъ не страшится до такой степени позорной казни, какъ Черногорцы, и почти каждый изъ нихъ предпочтетъ смерть позорному наказанію.

Самозванецъ Стефанъ Малый, во время своего правленія въ Черногоріи, повѣсивши двухъ преступниковъ, изблеченныхъ въ воровствѣ, и одного разстрѣлявши, желалъ знать, какъ подѣйствуетъ на другихъ примѣръ такой строгости. Онъ приказалъ положить возлѣ дороги, ведущей изъ Цетыни въ Каттаро, 10 червонцевъ безъ всякаго надзора. Около

трехъ мѣсяцевъ червонцы валялись близъ дороги, и никто изъ проходящихъ не осмѣлился до нихъ дотронуться.

Черногорцы въ гостепримствѣ превосходятъ Сербовъ. Они всегда довольствуются самою простою пищею, какъ то: хлѣбомъ, лукомъ и водою, будто для того только, чтобы при случаѣ имѣть удовольствіе угостить странника мясомъ, сыркомъ, рыбою, виномъ и водкою.

Черногорецъ мало уважаетъ жену свою, но вообще женщины у нихъ въ такомъ отношеніи, что за малѣйшее оскорбленіе, имъ причиненное, обидчики отвѣчаютъ жизнью. Вообще вмѣняется въ большой позоръ, кто нападаетъ на слабѣйшаго. По сей причинѣ и женщины ходятъ вездѣ свободно, даже при самыхъ жесточайшихъ междоусобіяхъ. И когда ссорящіеся между собою мужчины не смѣютъ другъ съ другомъ сдѣлаться, и въ такомъ случаѣ, для переговоровъ, употребляютъ своихъ женъ.

Во время войны съ непріятелями, женщины, запасаясь на нѣсколько дней съѣстными припасами, идутъ въ слѣдъ за своими мужьями, и во время битвъ, раненыхъ обмывають водою, перевязываютъ имъ корпіею раны, слабыхъ подкрѣпляютъ виномъ, и тѣмъ исполняютъ обязанность военныхъ лекарей. Сверхъ того, присутствіемъ своимъ ободряють и воодушевляютъ онѣ ратоборцевъ, а на оставляющихъ поле сраженія машутъ своими фартуками, упрекая ихъ въ робости, свойственной только женщинамъ, и такимъ упрекомъ нерѣдко заставляютъ малодушныхъ обратиться опять къ бою.

Черногорки вообще трудолюбивы; неутомимо прядутъ онѣ, вяжутъ, ткуть, вышивають и прочія домашнія обязанности исполняютъ безъ всякаго содѣйствія мужей. Бѣдныя изъ нихъ нанимаются пе-

реносить тяжести изъ одного мѣста въ другое, тѣмъ пропитывая свое семейство, а также много помогаютъ онѣ мужьямъ обрабатывать поля. Дѣятельная и умѣренная жизнь содѣлываетъ ихъ богобоязненными, цѣломудренными и здоровыми.

Въ свободные отъ работы часы, дѣвицы и молодые женщины, особенно въ ясную погоду, собираются къ одному изъ домовъ, въ селеніи, веселятся, играютъ на гусяхъ (единственный музыкальный инструментъ Черногорскій) и напѣваютъ пѣсни, голось которыхъ, большею частію, томный, тихій, заунывный.

IV.

К Р И Т И К А.

THE LIVES and Exploits of Bandittis and Robbers in all parts of the World. (Жизнь и дѣла бандитовъ и разбойниковъ во всѣхъ частяхъ свѣта. Сочиненіе К. Макъ-Фарлана, составляющее 62-й отдѣлъ Лэндверовой Family Library). Лондонъ, 1837 г., вѣ 12.

Перепечатаніе сочиненія М. Фарланова, въ недорогую двѣнадцатую долю издателями Family Library, есть доказательство благорасположенія публики къ его содержанію. Авторъ, по собственнымъ его словамъ, былъ превосходно настроенъ къ обработанію *son amog* своего предмета. Любимѣйшею мечтою его реблческаго воображенія была надежда увидѣть себя когда нибудь *атаманомъ храбрыхъ разбойниковъ*, поприщемъ величія коего будутъ дремучіе Арденнскіе лѣса; приотомъ какое нибудь полуразрушенное аббатство, мрачныя развалины древняго замка, темныя пещеры; сподвижниками отчаянные удалцы, которые скорѣе допустятъ изрубить себя въ куски, нежели измѣнятъ своему предводителю и товари-

T. VI. — Од. IV.

щамъ, и — наконецъ, финаломъ ежедневныхъ опасностей и приключеній веселые пиры, пѣсни, пляски и рассказы о дневныхъ подвигахъ. Много времени прошло, пока успѣлъ онъ освободить свое воображеніе отъ обольстительныхъ чаръ романтической жизни бандитовъ, и сорвать поэтической покровъ, которымъ прикрыта отвратительная нагота алчности, кровожадности и преступленій. Въ юности авторъ странствовалъ по Испаніи и Италіи, «гдѣ бандиты, отъ частыхъ помышленій объ нихъ, до того освоились съ его воображеніемъ, что онъ не могъ проѣхать ни одного дико-живописнаго оврага, или лощины, какіе видимъ на картинахъ Сальватора Розы, безъ того, чтобы не вообразить себя въ каждомъ изъ нихъ по дюжину разбойниковъ, гнѣздящихся въ логовищахъ, дикихъ и страшныхъ, какъ дика и страшны ихъ дѣла.» Онъ прибылъ въ Италію, какъ самъ рассказываетъ, съ головою, наполненною романами г-жи Радклифъ. Главнымъ его мѣстопробываніемъ были очаровательныя провинціи южной Италіи, которыя онъ называетъ странами разбойничества *par excellence*. Онъ учащалъ свои посѣщенія въ самыя дикія мѣста сей части Италійскаго полуострова, и набравши тамъ любопытныхъ подробностей, соединилъ ихъ съ собранными имъ матеріалами и *достовѣрными* показаніями другихъ. Такимъ образомъ составилось у него нѣчто въ родъ исторіи Италійскихъ бандитовъ. Въ продолженіе времени, посвященнаго сему труду, пришла ему мысль прибавить нѣсколько очерковъ характеровъ знаменитѣйшихъ разбойниковъ другихъ націй, и занимательнѣйшія повѣствованія о происшествіяхъ въ родѣ Ринальдо Ринальдини, изъ всѣхъ попадавшихся подъ руки. Авторъ заключаетъ свой рассказъ обнадеживаніемъ читателя, что первая, или Италійская часть его сочиненія довольно полна, и даетъ удовлетворительное понятіе о нравахъ и обычаяхъ тамошнихъ разбойниковъ вообще. И дѣйствительно, соб-

ственные рассказы автора и выписки изъ повѣствованій леди Калкоттъ и другихъ, представляютъ читателю достаточную и вѣрную картину физическаго и нравственнаго характера южно-Италійскаго бандита. Слогъ автора живъ и пріятенъ, и все твореніе, если и не отличается глубокими историческими и литературными изысканіями, то, по крайней мѣрѣ, не имѣетъ на нихъ и притязанія. Последнія части, въ особенности тѣ, гдѣ говорится объ Испанскихъ бандитахъ рѣшительно ниже первыхъ, неполны и даже во многомъ невѣрны. Испанскіе бандиты кажутся намъ однакожь столь же занимательными, какъ и Италійскіе, и потому, мы попытаемся пополнить недостатки и исправить невѣрности рассказовъ г-на М. Фарлана. Здѣсь случай — раскрыть передъ читателями любопытную часть характеристики Испаніи и ея жителей. Напередъ однакожь должны мы изъявить читателю свое опасеніе, что описаніе наше не будетъ одушевлено жаромъ рассказа г. М. Фарлана, что весьма естественно: признаемся — мы не чувствовали въ нашихъ юношескихъ лѣтахъ желанія сдѣлаться со временемъ бандитами, и никогда не желали даже встрѣтиться съ героями такого промысла.

Если вѣрить свидѣтельству поэта, то Испанія во времена Виргилія была уже извѣстна своимъ бандитами, такъ же какъ и въ наши времена. Она обилывала ими, какъ обилуетъ нынѣ, когда въ другихъ странахъ путешественникъ, подъ покровительствомъ полиціи и паспорта, пользуется безопасностью и всеми удобствами просвѣщеннаго вѣка. *Nec impacatos a tergo horrebis Iberos*, говоритъ Виргилій (Георгики, III, 408). — Христиносскіе патріоты и Пальмерстонскіе памфлетеры твердо убѣждены, что упрекъ въ многочисленности Испанскихъ разбойниковъ, или весьма не справедливъ, или по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени будетъ вычеркнутъ изъ каталога

Испанскихъ бѣдствій. По гладкимъ и многолюднымъ дорогамъ Иберійской Утопіи, цвѣтущимъ тропамъ безопасности и знанія, будутъ, по увѣренію ихъ, толпиться только бакалавры, спѣшашіе въ университеты, богатые купцы, возвращающіеся съ ярмарокъ съ безчисленнымъ множествомъ пѣастровъ, земледѣльцы, идущіе съ рынковъ съ мѣшками золота и остатками отъ проданнаго пшена, произведенія усовершенствованнаго земледѣлія. Все это будетъ сопровождаться беззаботными пѣснями и веселыми разсказами. Путникъ пройдетъ безъ оружія, безъ стражи, черезъ густые лѣса, едва проходимыя ущелія скалъ и овраги, гдѣ нынѣ, трепеща, встрѣчаетъ онъ на каждомъ шагу деревянные кресты, поставленные окровавленными руками убійцъ на безвременныхъ могилахъ жертвъ, и гдѣ молча и боязливо крадется нынѣ провзажающій по мѣстамъ, безмолвнымъ свидѣтелямъ убійствъ и злодѣяній. Нынѣшнее состояніе дѣлъ сдѣлается сомнительнымъ преданіемъ, и даже намекъ на прежнее вскорѣ будетъ дѣломъ невѣроятнымъ. Надъ каждымъ изъ подобныхъ нынѣшнимъ ежедневнымъ разсказамъ, сперва помѣются Кортесы; потомъ поднимутся объ немъ пренія въ Королевской Исторической Академіи, и наконецъ обнародуется онъ въ Мадритской газетѣ, съ прибавленіемъ, что всѣ честные и свободные Испанцы, подъ весьма легкой смертною казною, должны смотрѣть на подобныя извѣстія, какъ на злобныя клеветы, выдуманныя лживыми еретиками иностранцами, завидующими благоденствію, блестящей славѣ, богатству, правосудію, порядку и безопасности лицъ и имуществъ, которыми Испанія наслаждается съ незапамятныхъ временъ. Все это будетъ, говорятъ намъ, но тѣ, чье воображеніе не увлекается блестящею будущностью, и кто станетъ читать изложеніе настоящаго и исторію прошедшаго, найдутъ мало причинъ къ столь оболъстительнымъ надеждамъ.

Горько подумать, что человекъ въ непросвѣщенномъ состояніи своемъ есть непременно животное хищное. — У дикарей, охота кажется почти инстинктомъ; первый шагъ ихъ къ просвѣщенію — разбой, и непріятель, или просто всякій чужестранецъ дѣлается дичиною, которую каждый вправѣ преслѣдовать, подстерегать, обирать и истреблять. Первые проблески исторіи открываютъ намъ всеобщее преобладаніе разбоевъ на морѣ и на сушѣ. Фукидидъ, въ предувѣдомительной главѣ, заключающей въ себѣ любопытное описаніе первобытнаго состоянія Греціи, изображаетъ берега Средиземнаго моря, съ которыхъ разлилось въ Европѣ просвѣщеніе и знаніе, опустошаемыми безчисленнымъ множествомъ пиратовъ, безпрерывныя высадки которыхъ тревожили мирныхъ обывателей, жившихъ въ беззащитныхъ деревушкахъ, и совершенно безсильныхъ противопоставить грабителямъ какую нибудь оборону. Ремесло пирата имѣло могущественную привлекательность и не считалось безчестнымъ; напротивъ, его почитали даже почетнымъ. *Ti kai doxē mallov*, говоритъ Фукидидъ (I, 5) — чувство, отозвавшееся потомъ въ Юстинѣ — *Latronicium maris glariosum habebatur* (XLIII, 5). Да, тутъ нечему и удивляться. Наслажденіе власти, случай выказать личную смѣлость и ловкость, презрѣныя опасностей и смерти, бѣшенныя восторги удачной битвы, «*certaminis gaudia*», внезапное обогащеніе, столь заманчивое для необразованныхъ народовъ; богатая добыча, пріобрѣтенная храбростію одного мгновенія, а не трудами многихъ лѣтъ; блестящія знамена, оружія и украшенія; безотчетная щедрость, бражничанье, возбуждательные разсказы объ успешныхъ приключеніяхъ, улыбка красоты и прелести веселаго собратства и дружнаго товарищества, всѣ такія привлекательности, столь сильно воодушевлявшія образованнаго Виргилія, не могли не дѣйствовать съ непреодолимою силою на людей ди-

кихъ, воинственныхъ, дѣятельныхъ и одаренныхъ пылкимъ воображеніемъ *.

Торговля отчасти обязана своимъ происхожденіемъ морскимъ разбоямъ. Финикійне (славные пираты древности) первые открыли, что выгоды торговли, хотя и бѣдны, но за то вѣрны и безопасны добычи грабительства. Изъ буканьеровъ превратились они въ купцовъ и приобрѣли огромныя богатства: 1-е, мѣновымъ торгомъ, который уже не есть разбой; 2-е, отдавая дикарямъ погремущки и пестрыя бездѣлки, и получая за ничто цѣнное варварами золото, янтарь и изумруды; 3-е, замѣчая на рынкахъ и ярмаркахъ повышенія цѣнъ, ходъ продажи и тому подобныя торговыя хитрости, которыя даже и въ наши нравственные дни не пренебрегаются предприимчивыми спекулянтами, какого бы племени и вѣры они ни были — жида или христіане, язычники или Европейцы, но ни къ кому за разбой не почитаются. Во время Омпра, когда различіе между пиратомъ и торговцемъ еще не было вполне установлено, мѣстныя власти обыкновенно обращались къ приплывавшимъ морякамъ съ официальнымъ вопросомъ: кто они таковы? — купцы, или, какъ въ Байроновомъ Донъ Жуанъ называются новѣйшіе Греческіе пираты — вольнопрактикующіе морскіе прокуроры *merely practising as a sea attorney* — *λῆβτήρες ἡλίου ἄλλοι*? И послѣднее было, повидимому, гораздо почетнѣе перваго (см. *Одиссею*, III, 73).

Вотъ каково было положеніе Греціи и Финикіи, которымъ древній міръ обязанъ торговлею и искусствами, обогащающими, возвышающими и укрощаю-

* См. объ украшеніи пиратскихъ кораблей у Плутарха, Помпей. Слова Виргилія: *Omne aevum ferro teritur, nec tarda senectus
Debilitat vires animi, mutatque vigorem:
Canicium galeâ premimus, semperque recentes
Convectare juvat praedas et vivere rapto . . .*

Энеида, IX, 609.

щими характеръ чело́вѣка. Флоты Тира были первыя изъ посѣтившихъ берега Испаніи, и весьма естественно, что въ ихъ разсказахъ и укоренившихся отъ нихъ долгаго владычества привычкахъ, должны мы искать свидѣтельствъ о нравахъ и обычаяхъ первобытныхъ Иберіянъ. Хотя тщательныя описанія Финикійянъ и Картагенянъ и были уничтожены безграмотными ихъ завоевателями, Римлянами, съ варварствомъ и безчувствіемъ которыхъ могутъ только равняться въ наше время поступки *просвѣщенныхъ* Французовъ въ Алжирь, не смотря на то, послѣднюю битву, рѣшавшую владычество надъ морями и міромъ, совершались въ послѣдствіи на равнинахъ полуострова, тема сія была всегда предметомъ поэтовъ и историковъ временъ, болѣе благопріятныхъ наукамъ и литературѣ. Такимъ образомъ, изъ ихъ сочиненій, мы можемъ набрать достаточный запасъ свидѣтельствъ, могущихъ замѣнить недостатокъ свѣдѣній объ отдаленныхъ временахъ. Страбонъ, одинъ изъ самыхъ точныхъ древнихъ географовъ, безпрестанно говоритъ о разбойническихъ наклонностяхъ — *το ληβτικόν* — древнихъ Иберіянъ. Сей причинѣ приписываетъ онъ, весьма справедливо, отличительную черту Испанскаго характера — смѣлость въ приключеніяхъ, искусство въ малой войнѣ, *guerrilla*, и неспособность къ какимъ нибудь великимъ военнымъ предпріятіямъ, гдѣ требуются хладнокровіе, повиновеніе и терпѣливость (кн. III, 238).

Древніе Испанскіе разбойники жили обыкновенно въ гористыхъ странахъ Кантабріи, Галлиціи и Лузитаніи. Сія страны, недоступныя для регулярныхъ войскъ, сдѣлались убежищемъ дикой вольницы, гдѣ она, нетренируемая цѣлѣмъ, жила ремесломъ своихъ отцовъ — грабежемъ и насиліемъ (*Sil. Ital. III*):

Mors patrum, vis raptaeque pascunt.

Такіе удалыцы были во всякое время вооружены. Оборонительное состояніе всегда считалось первою необхо-

димостью непросвѣщенныхъ народовъ, у которыхъ мечъ сильнаго владѣть имуществомъ слабого, и убійство, месть и дикое самоуправство слѣдятъ по стопамъ каждаго. Фукидидъ и Тацитъ замѣчаютъ, что обычай ходить всегда вооруженными, господствовалъ въ первобытныхъ обществахъ Грековъ и Германцевъ. Иберіане, на своихъ древнихъ монетахъ, зерцалахъ старины, обыкновенно изображались вооруженными длиннымъ, на подобіе Бедуинскаго, копьемъ, которое, вѣроятно, имѣетъ Восточное происхожденіе. Оно называлось у Римлянъ *spargus, lancea*, копье, пика, слова Иберійскаго происхожденія, перешедшія, вмѣстѣ съ употребленіемъ сего рода оружія и Испанскаго меча, въ языки Италіи. Предметъ нашей статьи вынуждаютъ насъ перейти въ молчаніи весьма занимательный предметъ, описаніе древняго Испанскаго оружія, безъ котораго жизнь не имѣла никакой цѣны въ глазахъ воинственныхъ туземцевъ, *arma sanguine ipsorum satiora*, потому, что когда оружіе было у нихъ отобрано завоевателями Римлянами, многіе изъ Иберіянъ лишили себя жизни собственно изъ отчаянія, что не могутъ существовать безъ оружія (Т. Ливій, XXXIV, 17). Иберіане единодушно отказывались отъ пощады, и умирали не отдавая требованнаго побѣдителями оружія, тогда, какъ Картагенскія войска, не одушевленные подобными чувствами, отдавали свое оружіе немедленно (*App. de Bello Hisp. 457*). Копье долгое время оставалось національнымъ оружіемъ Испанцевъ; его можно видѣть въ рукахъ мужиковъ на всѣхъ гравюрахъ XVI-го и XVII-го столѣтій. Нынѣ, вмѣсто копья, взоръ путешественника встрѣчаетъ по всѣмъ направленіямъ дуло ружья — ужасное *memento* ненадежной безопасности жизни и имущества. Грубый карабинъ виситъ на бьюкъ погонщика муловъ, лежитъ на сохѣ землешаца, въ хижинѣ винокура, близъ стада пастуха, и слѣдственно, каждый изъ нихъ можетъ безъ

труда одолѣть безоружнаго путника, или защититься отъ какого нибудь пѣшаго разбойника, а можетъ быть и отъ своего же собрата по ремеслу. Нѣтъ ничего справедливѣе замѣчанія Гиббона, что пастушескіе нравы, какими бы нѣжными красками мира и невинности они ни были украшаемы, все очень недалеко отъ суровыхъ привычекъ военной жизни.

Но обратимся къ нашему предмету. Между древними Иберійцами, ремесло разбойника было далеко отъ того, чтобы почитаться безчестнымъ, а напротивъ, считалось гораздо почетнѣйшимъ званіемъ купца или земледѣльца, такъ какъ *декойтъ*, разбойникъ Бенгальскихъ Индусовъ, стоитъ въ глазахъ своихъ земляковъ гораздо выше *райота*, или земледѣльца. Тѣ изъ древнихъ Лузитанъ, которые были молоды, смѣлы и бѣдны, удалялись въ горы и низвергались оттуда, подобно снѣжнымъ лавинамъ, на мирныя селенія. Они всегда вооружались очень легко, чтобы удобнѣе было двигаться по неровнымъ и труднымъ горнымъ путямъ. Жители Галлиціи до того свыклись съ разбойническими обычаями, что предоставляли женщинамъ всѣ домашнія и земледѣльческія работы, такъ, что сей тяжелой участи подвержены тамъ женщины еще и въ нынѣшнее время. Географическое положеніе Испаніи благоприятствуетъ существованію бродящей вольницы. Полуостровъ искрещенъ по всѣмъ направленіямъ высокими пересѣкающимися *сіеррами* (*sierras*), между которыми расположены плодородныя равнины, орошаемыя ручьями и рѣками, и дышащія роскошью и изобиліемъ. Всѣ горцы имѣютъ прожденную наклонность къ разбойничеству. Безплодные холмы и утесы едва снабжаютъ ихъ скудною пищею, тогда, какъ внизу широкія равнины, пльняющія достаткомъ, представляютъ легкую и заманчивую добычу, а неприступныя скалы и ущелія крѣпости, самую

природою устроенныя, спасеніе въ случаѣ мести за разбой. Все вмѣстѣ способствуетъ образовать воинственный и независимый характеръ горныхъ жителей вообще и повсюду. Утесистыя возвышенности Астурийскихъ и Баскскихъ провинцій были во все времена колыбелью дикой свободы и любимымъ обиталищемъ непобѣдимыхъ вонновъ.

Превративъ Испанію въ свою провинцію, Римляне начали уничтожать положеніе дѣль, столь явно противоборствующее здоровымъ правиламъ общественнаго порядка и колоніальной организаціи. Подобныя предпріятія, во времена первыхъ началъ общественной жизни, представляли столько трудностей и приносили обществу такъ много пользы, что тѣ, кому удавалось истреблять хищныхъ звѣрей и разбойниковъ, были чтимы, какъ полубоги и благодѣтели человечества (*ευεργετες*). Древняя аллегорія, въ которой медвѣди и пантеры покорены подъ иго, очевидно мѣтитъ на владычество высокаго ума надъ грубою животною силою, потому, что знаніе есть уже могущество. Такимъ образомъ поэты и мифологи (историки раннихъ періодовъ) обезсмертили своего Геркулеса, за то, что онъ отвращалъ бѣдствія, спасалъ отъ гидръ и чудовищъ и истреблялъ разбойниковъ, и наконецъ, убивши разбойника Сатурса, получилъ въ награду руку Омфалы, царицы Лидійской.

Римляне, не смотря на свою упрямую, непоколебимую настойчивость, не могли уничтожить въ Испаніи разбоевъ, при удачѣ въ подобныхъ предпріятіяхъ во всѣхъ почти другихъ странахъ. Случалось, что въ той или другой провинціи, усилія какаго нибудь губернатора увѣчивались успѣхомъ, но успѣхъ бывалъ вообще непродолжителенъ. Плутархъ пишетъ, что «говорили», будто бы Каій Марій, человекъ не любившій шутить, очистилъ часть Испаніи отъ разбойниковъ. Такой подвигъ всегда счи-

тался великимъ, и когда преторъ Манлій покорилъ Бергіумъ (нынѣшнюю Бергу, въ Каталоніи) огнемъ и мечемъ, подобно тому, какъ покорили ее *Conde de España* въ 1826 и Мина въ 1834 году. Сенатъ повелѣлъ отправить трехъ-дневное благодарственное моленіе всѣмъ гражданамъ Рима. Слава Императора Августа была возвеличена Велиемъ Патеркуломъ въ удивительномъ тогда фактѣ, что его усиліями «Испанія даже очистилась отъ разбойниковъ» — *etiam latrocinii's vacaret*. Вторженіе Тевтонскихъ племенъ въ Италію и Испанію, въ III и IV-мъ столѣтіяхъ, положили конецъ такимъ полезнымъ усиліямъ. И лишь только устранялся чужеземный напоръ, Испанцы, какъ они всегда дѣлали и всегда будутъ дѣлать, возвращались опять къ своимъ первобытнымъ занятіямъ и привычкамъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже и тогда, какъ присутствіе Римскихъ легионовъ должно было держать ихъ въ страхѣ, при малѣйшемъ знакъ возмущенія, вся страна наполнялась вдругъ, такъ же, какъ и нынѣ, вооруженными толпами отчаянной вольницы. Мудрено было ожидать, чтобы подобный духъ могъ уничтожиться отъ вторгнувшихся въ Испанію Германцевъ, оставившихъ свои дикіе дремучіе лѣса собственно для грабежа въ плодородныхъ странахъ Юга, или отъ прихода людей, которыхъ предки тщеславились грабежами и считали ихъ единственнымъ достойнымъ занятіемъ для молодыхъ вонновъ, которые иначе дѣлаются слабыми и женонподобными. Св. Исидоръ, Готскій архіепископъ Севиллы, писавшій въ VII-мъ вѣкѣ, говоритъ, что Каталонцы были въ его время совершенно преданы разбою и страсти къ войнѣ (*Etym. IX, 2*). Коренныя наклонности Иберіянъ и Готеовъ слились безъ труда въ *Испанскій* характеръ и не могли быть истреблены Маврами, новыми хищниками, овладѣвшими Испанією. Потомки Измаила и степныхъ Арабовъ, рука которыхъ была поднята

противъ всего и всѣхъ, и имя которыхъ такъ же равнозначуще имени разбойниковъ у духовныхъ писателей, какъ имя Иберіянъ и разбойниковъ у Римскихъ, перенесли только свои Восточные хищническіе обычаи въ благословенный климатъ Испаніи. Усилія образованнаго Абдерахмана, могущественнаго повелителя Кордовы, никогда не были въ состояніи истребить Андалузскихъ бандитовъ.

Не будемъ распространяться о существованіи злово время безпрерывныхъ смуть и постоянныхъ пограничныхъ стычекъ, въ продолжительной борьбѣ Испанцевъ съ ихъ Саррацинскими владыками. Борьбы подобнаго рода достаточно были водворить безпорядочный образъ жизни въ народахъ, расположенныхъ къ нему даже и менѣ потомковъ Иберійской, или Готеской вольницы; потому и не видимъ на Испанскомъ полуостровѣ никакихъ благопріятныхъ переменъ послѣ отлива Мавританскаго наводненія за гористыя границы Астуриі, или послѣ того, какъ Готео-Испанцы постепенно возвратили себѣ области своихъ предковъ. Въ X и XI-мъ столѣтіяхъ, полуостровъ былъ раздѣленъ на отдѣльныя одно отъ другаго королевства, часто воевавшія между собою, со всею ожесточеніемъ соперничающихъ сосѣдей, не говоря уже о всеобщей борьбѣ всѣхъ ихъ съ Маврами. Независимыя другъ отъ друга области служили превосходнымъ убжищемъ бѣглецамъ, изгнанникамъ и бродягамъ — грубому матеріалу, изъ котораго выдѣлываются настоящіе бандиты, *gliban-ditti*, которые, какъ Тацитовы древніе Германцы, твердо увѣрены въ томъ, что насущный хлѣбъ должно пріобрѣтать кровью, а не потомъ. Толпы ихъ, служа безъ системы, дисциплины и организаціи, вооружаясь изъ прихоти, или по внутреннему убвжденію, слѣдуютъ за знаменами какого нибудь любимаго Гверильясскаго вождя, или кондоттиера, за которыми въ Испаніи, въ смутныя времена, дѣ-

ло никогда не станеть. Виріатъ и Серторій, Гафила, Гатцумъ, Сидъ, Мина, Мерино и Эмпесинадо, всѣ обязаны своею славою подвигамъ съ гверильясскими войсками, набранными изъ бандитовъ. Настала время рыцарства и романсовъ. Странствующие рыцари — увы! — были слишкомъ часто злые разбойники, но только въ большихъ размѣрахъ. Они рѣдко слѣдовали правиламъ справедливости, и очень часто весьма плохо понимали различіе между *meum* и *tuum*. Извѣстная и прославленная рыцарская честь, хотя и поддерживаемая почти исключительно между ними самими, или съ людьми одной касты, прикрывала порочное основаніе, и являла опасный примѣръ для народа, слишкомъ расположеннаго къ подражанію знаменитымъ искоренителямъ злоупотребленій. Не смотря на дивные подвиги рыцарей, большія дороги были совершенно непроходимы для духовенства и купцовъ, консервативныхъ посредниковъ мира и богатства (*Hist. Compostellana*, стр. 262, и слѣд.). Въ незначшемъ банкировъ XII-мъ столѣтіи, трудность пересылки денегъ изъ Испаніи въ Римъ (что дѣлалось обыкновенно съ пилигримами, возвращавшимися изъ Сантьяго) была такъ велика, что за каждую унцію золота, благополучно доставленнаго въ сокровищницу Святаго Петра, Папа давалъ принесшему годовую индульгенцію даромъ. Извѣстно, что изъ всѣхъ преступленій не было въ глазахъ Папъ ни одного болѣе страшнаго и болѣе достойнаго проклятія, какъ несвоевременная и несправная плата полатей. Арагонія и Каталонія, области пограничныя, были болѣе всѣхъ прочихъ наполнены бандитами. Вооруженные міряне, доморощенные политическіе экононы, противились вывозу за границу золота и серебра въ слиткахъ, и не смотря на свое весьма сильное суевѣріе и преданность церкви, были подъ гораздо сильнѣйшимъ влияніемъ *auri sacra fames*, голода, казавшагося имъ не ме-

нѣ уважительнымъ, какъ благочестивымъ Арабамъ, которые вовсе не церемонятся съ богомольными караванами Мекки. По описанію одного современнаго священника, пограничная часть Аррагоніи и Каталоніи была просто — *гильдо воровъ*, и еще болѣе *вертепъ демоновъ* — *spelunca latronum, imo tabernaculum daemoniorum* *. Воспоминанія объ ужасахъ и опасностяхъ путешествія по означеннымъ областямъ, тогдашнимъ Сцилль и Харибдъ Испаніи, приводила упомянутого описателя въ трепеть, даже послѣ истеченія многихъ лѣтъ: — «Quantum verò corporis mei laborem, quantamque animi mei anxietatem in hac Charybdis evasione passus fuerim, cùm recordor, vivit Dominus! animâ meâ intra mêmēt ipsum totus contremisco et contremiscens exhorresco.» Такое же горестное описание передаютъ намъ всѣ тогдашніе льтописцы, и мы находимъ отголоски имъ даже у иностранцевъ, которые подобно нашему замѣсловатому старику Даунсу (*Brief. Disc. on the Span. State, by Ed. Daunce, 1590 г.*), единодушно порицаютъ «природное расположеніе къ грабительству въ дѣвственныхъ лѣтахъ Испаніи.» Много обѣщавшая дѣва достигла потомъ могучей возмужалости, но путешественникъ, бывшій тамъ въ 1706 году, при Филиппѣ V-мъ (*Mémoires de St. Simon, III, 235*), говоритъ со страхомъ объ infâme Catalogne, où l'on ne fera pas un pas sans trouver les buissons pleins de cette canaille engagée. Соединеніе Кастильскаго и Аррагонскаго королевствъ, въ царствованіе Фердинанда и Изабеллы, и окончательное завоеваніе Гренады въ 1492 г., до-

* Аррагонскія и Каталонскія дѣвѣны были въ XVII-мъ столѣтіи до того наполнены разбойниками, *bandoleros* и пиратами со стороны моря, что безопаснѣйшій способъ провѣзда состоялъ въ переодеваніи въ костюмъ пилигрима. Привилегіи, дарованныя закономъ Испанскимъ пилигримамъ, повлекли за собою такое множество злоупотребленій, что въ 1590 году, Филиппъ II принужденъ былъ воспретить Испанцамъ носить такой костюмъ.

ставили хитрому Фердинанду, Испанскому соединенію Людовика XI и Генриха VIII, просторъ и силы попытаться искоренить вопіющее зло. Дабы представить себѣ лучшее доказательство его благоразумія и ловкости, довольно вспомнить одно то, что онъ завелъ у себя систематическую полицію — дѣло величайшей трудности въ свободныхъ и непросвѣщенныхъ обществахъ. Фердинандъ учредилъ охранительное братство, названное *La Santa Hermandad. Santa* Германдадъ была уполномочена преслѣдовать, ловить и убивать всѣхъ разбойниковъ, не относясь ни къ какому судилищу, или трибуналу, королевскому, гражданскому и духовному. Одною изъ тайныхъ причинъ къ такому учрежденію, безъ сомнѣнія, было намѣреніе уничтожить множество частныхъ судовъ, подвѣдомственныхъ мѣстному дворянству, часто судившему пристрастно, и весьма рѣдко по строгимъ правиламъ правосудія. Это братство, подобно Инквизиціи, носило мечъ не даромъ; оно налагало топоръ на корни дерева, съ беззаботностію, общею всѣмъ Испанцамъ, облеченнымъ безотчетною властію. Смертная казнь приводилась у него въ исполненіе совершенно особеннымъ образомъ: преступника разстрѣливали изъ луковъ, *muerte de saeta*. Его-то стрѣлы свистали въ ухахъ Санчо Пансы, *sus saetas me zumban*. Виновнаго призывали къ шести, который по двумъ особеннымъ законамъ не долженъ былъ имѣть формы креста. Такой особенный родъ казни поясняетъ, откуда берутся на старинныхъ видахъ Испанскихъ городовъ фигуры, прикрѣпленныя къ шестиамъ и пронзенныя стрѣлами. Ихъ изображали для того, чтобы всякій, кто взглянетъ на картину, могъ видѣть, что въ той странѣ преобладаютъ законы и правосудіе; или, какъ замѣтилъ одинъ Ирландскій путешественникъ, увидѣвъ челоука на вислицѣ, желалъ показать «признакъ просвѣщенія и

быстрыхъ успѣховъ умственнаго развитія.» Члены *Santa* Германдады были ненавидимы буйными головами, и безъ сомнѣнiя, часто бывали они такіе же негодяи, какъ и ты, которыхъ должно было имъ ловить и казнить. Сервантесъ называетъ ихъ *шайками воровъ*. Безъ сомнѣнiя, охранители общества и дѣйствительно не принадлежали къ числу безкорыстныхъ людей, или къ какому нибудь обществу трезвости, потому, что Мендоза говоритъ, будто за взятку, или за мѣру вина, всякій изъ нихъ готовъ былъ присягнуть въ чемъ угодно (*Gusman d'Alfara- che*, т. I, ч. 1). Впрочемъ, всѣ разстрѣливанія были напрасны, потому; что разбойники продолжали брать свое, если вѣрить современнымъ повѣстямъ и драмамъ, вѣрнымъ памятникамъ Испанскихъ нравовъ. Дѣйствительное улучшение произошло уже въ краткое царствованіе Бурбонской династiи, въ продолженіе столѣтiя мира и тишины, предшествовавшего замѣчательнѣйшему изъ переворотовъ, когда либо потрясавшихъ нравственный мiръ, Французской революціи.

Во время войны за независимость, Испанскій полуостровъ кипѣлъ вооруженными шайками. Многія изъ нихъ были дѣйствительно проникнуты духомъ вѣрности, негодованiемъ за оскорбленіе ихъ религiи, и глубоко вкоренившейся ненавистью къ Французамъ, и такіе люди являлись неосцѣненно полезны своему законному королю. Но за то другіе, пользуясь званiемъ патріота только для прикрытія страсти къ беззаконію и грабежу, успѣли сдѣлаться равно страшными для всѣхъ; гораздо прежде, нежели кончилось освобожденіе отечества. Герцогъ Веллингтонъ, съ своею всегдашнею предусмотрительностью, предвидѣлъ, при побѣдоносномъ окончанiи борьбы, какъ трудно будетъ истребить «странный плодъ, родившійся на деревѣ, посаженномъ патріотизмомъ,» (*strange fruit borne on a tree grafted by patriotism*)

какъ полковнику Непиру угодно называть національное произрастеніе Иберійской почвы. Переходъ отъ умерщвленiя Француза къ ограбленію всякаго иностранца казался весьма естественнымъ всѣмъ отпрыскамъ патріотизма, число которыхъ увеличивалось внутренними смутами, различiемъ политическихъ партій, преслѣдованiями за мнѣнiя и частыми хищенiями частныхъ имуществъ. Шайки усиливались всѣми, кто считалъ себя угнетеннымъ, т. е. всѣми, кто не хотѣлъ пахать и стыдился просить подалнiя. Зло начало уменьшаться въ послѣдніе годы царствованiя Фердинанда VII-го, когда просвѣщеніе и улучшеніе общественнаго быта подвинулись впередъ, хотя и не быстро, но очевидно. Передъ просвѣщенiемъ безпорядки всегда разсѣваются, подобно тому, какъ дикіе звѣри бѣгутъ изъ мѣстъ, которыя человекъ начинаетъ обрабатывать. Но, увы! горестныя событія, которыя повлекла за собою кончина Фердинанда VII-го, оживили старое зло въ большей, противъ прежней его степенности отвратительности, и слѣдствiя безначалiя смѣшались съ опьянвнiемъ военной революціи.

Не должно вѣрить, чтобы въ послѣднее время жизни короля Фердинанда VII-го, разбой, хотя и былъ всеобщимъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Испанiи, распространялся такъ далеко, какъ утверждаютъ многіе члены книжныхъ клубовъ, опираясь на авторитеты очерковъ, дневниковъ и рассказы Англійскихъ путешественниковъ, напечатанные услужливыми книгопродавцами. Страницы упомянутыхъ книгъ переполнены разбоями и убійствами, о которыхъ ни когда и не слыхали въ Испанiи. Но для полноты путешествiя на полуостровъ Испанскій, такія дополненiя столь же необходимы, какъ описанiя воловѣеи травли, одно изъ условій *sine qua non*. Они излагаются, большею частію, довольно занимательно; ихъ считаютъ интересными, потому, что тутъ види-

те вы описание величайших опасностей, смерть не далее как на волос от головы путешественника, и прочія обстоятельства, трогающія читателя, которому между прочимъ приятно видѣть, что идея, составленная имъ самимъ объ Испаніи, сходствуетъ съ *достоверными* описаніями путешественниковъ. Нѣтъ сомнѣній, что немного найдется людей, которымъ было бы приятно видѣть свои убѣжденія разрушенными, и потому-то писатель, умѣющій поставить самолюбіе читателя въ согласіе съ запасомъ его познаній, будетъ всегда любимъ публикой. Перебывавши почти во всѣхъ углахъ Испаніи, съ 1830 до 1833-го года, мы смѣемъ утверждать, не смотря на опасеніе лишиться благорасположенія публики, что тотъ, кто приметъ обыкновенныя мѣры предосторожности и запасется конвоемъ для проѣзда черезъ нѣкоторыя, дѣйствительно опасныя мѣста, можетъ путешествовать по Испаніи съ увѣренностью, и останется живъ и не ограбленъ, хотя бы съ нимъ былъ цѣлый обозъ чемодановъ, шкатулокъ, постелей, женщинъ, горничныхъ, дѣтей и нянекъ, словомъ, всего, что мѣшаетъ быстротѣ движенія и возбуждаетъ алчность бандита. Путешественники, приготовленные, какъ мы здѣсь упомянули, могутъ смѣло не слушать того, что имъ станутъ рассказывать въ каждой деревнѣ легковѣрные, боязливые обыватели, не слушать поздравленій съ благополучнымъ проѣздомъ черезъ такой-то лѣсъ, и не вѣрять увѣреніямъ, что нѣсколькими часами ранѣе или позднѣе, ихъ непременно ограбили бы, и т. п. — Мы были всегда такъ счастливы, что блудящіе огоньки напуганнаго воображенія исчезали передъ нами по мѣрѣ приближенія къ нимъ; опасное мѣсто обыкновенно оказывалось, или нѣсколько впереди, или немного назади насъ, потому, что опасность почти всегда исчезаетъ передъ тѣмъ, кто ее смѣло встрѣтитъ. Общественные экипажи того времени рѣдко

подвергались нападеніямъ *. Въ Мадритской газетѣ 1-го Сентября 1832-го года сказано официально (что впрочемъ должно быть принято *cum grano salis*), что въ продолженіе тридцати мѣсяцевъ, изъ 3,780 провозовъ только 22 раза дилижансы были разграблены, что составляетъ круглымъ счетомъ на каждыя 170 поѣздокъ по одному неблагопріятному случаю. — «Молодой Американецъ», правда, былъ ограбленъ въ дилижансѣ на пути изъ Барселоны въ Мадридъ, и опять въ другой разъ, вѣдучи изъ Мадрита въ Севиллу — одинъ и тотъ же человекъ два раза сряду. Сама машина г. Бебеджа не въ состояніи исчислить всѣхъ заключеній, выведенныхъ изъ злосчастной участи такого бѣдняка! Г. Слайделль описываетъ сіи сцены столь неподражаемо хорошо, что читатели непременно должны желать, чтобы въ первое путешествіе, которое онъ вздумаетъ сдѣлать въ Испанію, счастье благопріятствовало ему попасть еще разъ въ руки бандитовъ, собственно *pro bono publico*. Съ нимъ можетъ сравниться развѣ только авторъ *Очерковъ Испаніи*, г-нъ Губеръ, познакомившій насъ съ именами двухъ великихъ разбойниковъ, Los Ninos de Esija и Jaime el Barbuto de Crevilente. Советуемъ читать Губеровы *Skizzen aus Spanien*, а что касается до г-на Слайделля, то сей «юный Американецъ» надобно замѣтить, странствовалъ тогда черезъ Валенцію и Андалузію, области, прославившіяся своими разбойниками; въ трудолюбивыхъ, многочисленныхъ и менѣе Мавританскихъ странахъ сѣверо-запада Испаніи, жители сами прилагали стараніе уничтожить безпорядки.

* Испанскіе дилижансы во всѣхъ отношеніяхъ имѣютъ преимущество передъ Французскими, и какъ, исключая дороги изъ Мадрита въ Ируиъ, тамъ шедъ нѣтъ почтовыхъ лошадей, то путешествіе въ Испанскомъ дилижансѣ удобнѣе и выгоднѣе всѣхъ другихъ способовъ. — Дилижансы пользуются въ Испаніи такимъ уваженіемъ, что инфантъ Францискъ де Паула, братъ Короля, ѣздилъ въ одномъ изъ нихъ по Испаніи цѣлое лѣто, со всѣмъ своимъ семействомъ.

Засѣдавшее въ Мадридѣ Правительство смотрѣло равнодушно на столь великое зло, можетъ быть, и отъ того, что разбой были довольно рѣдки въ Кастиліи, а надобно замѣтить: одна изъ особенностей Испанскаго характера, на отдаленную опасность не обращать вниманія, когда приближеніе бѣды, напротивъ, навѣститъ на всѣхъ панической страхъ. Разбой въ окрестностяхъ столицы бывають только тогда, когда бандиты твердо увѣрены въ богатой добычѣ. Потому, тѣ, кому есть что терять, не должны ночью безъ конвоя (въ которомъ рѣдко отказываютъ) пускаться въ путь; если они поступятъ иначе и ихъ ограбятъ, вмѣсто участія и вознагражденія претерпѣнныхъ убытковъ, они удостоиваются однихъ только насмѣшекъ. Донъ Хозе О'Доннель, генераль-капитанъ Старой Кастиліи, имѣлъ неосторожность отпустить свою стражу около самыхъ стѣнъ столицы, изъ уваженія къ Мадридскимъ властямъ; его подстерегли и ограбили у самыхъ городскихъ воротъ, а потомъ надъ нимъ же еще смѣялись. Повелитель цѣлой области принужденъ былъ лечь на землю, по грозному повелѣнію: «*boca abajo! boca a tierra!*» котораго никто не смѣетъ ослушаться. Лучшіе провожатые суть *Мигуэлиты*, не приверженцы Дона Мигуэля, а новѣйшая *Santa* Германдада, названная такъ по имени начальника Мигуэля де Пратса. Мигуэлитовъ составляютъ отборные молодые люди, пѣчто въ родъ пѣшихъ жандармовъ; каждый изъ нихъ вооруженъ саблей, ружьемъ и веревкой, для связыванія своихъ плѣнниковъ, точь въ точь такою, какими Греческіе Клефты вязали захваченныхъ Турковъ; кроме того каждый изъ нихъ носитъ пистолеть,* такъ, какъ въ прежніе годы нашивали

* Пистолеты вообще рѣдко употребляются въ Испаніи; дѣланіе ихъ было даже запрещено закономъ Филиппа II, изданнымъ въ 1558 году, въ слѣдствіе множества убійствъ пистолетными выстрѣлами. Ни кому не дозволялось носить ихъ. Карль III, въ 1761

въ Испаніи кинжалы. Въ ловкости и знаніи мѣстностей, Мигуэлиты не уступаютъ самимъ бандитамъ; они охотятся за ними какъ за горностаями, браконьерами, и т. п. хищниками дичины, съ веселымъ духомъ истинныхъ лѣсничихъ. Бандиты болятся и уважаютъ ихъ, что подтвердилъ даже самъ великій Хозе Марія, обыкновенно смотрѣвшій съ презрѣніемъ на королевскихъ волонтеровъ и на регулярные отряды. Тѣ и другіе не любятъ битвы съ разбойниками, можетъ быть, потому, что видятъ въ нихъ занятіе не воинственное и не ведущее ни къ славы, ни къ производству. Вѣроятно, потому имъ рѣдко удавалось очистить отъ разбоевъ какой нибудь округъ, служившій притономъ хищникамъ. Должно сознаться, что носятся еще слухи, будто иногда незримые посредники кладутъ пистры въ солдатскія сумы и ранцы, и въ слѣдствіе сего, подобно тому, какъ Эспартеро всегда опаздывалъ, преслѣдуя Гомера, войны прибываютъ иногда нѣсколько поздно, и хищныя птички успѣваютъ улетать отъ нихъ.

Мы уже объясняли, что ремесло бандита съ незапамятныхъ временъ представляло особенную прелесть воображенію нисшаго класса Испанцевъ. Разбой не истреблялся тамъ до послѣдней революціи, особенно въ Валенціи и Андалузій, восхитительно-прекрасныхъ странахъ, на которыя природа, какъ будто истощила все свои дары, и надъ которыми, какъ говорили Мавры, находятся истинныя небеса, жилище Аллаха. Первая изъ сихъ областей (древняя Celtiberia и Provincia Tarraconensis Римлянъ) всегда славилась дикимъ удалствомъ своихъ обитателей; жители Валенціи показываютъ и до сего дня ха-

году, издавъ законъ, по которому одни только дворяне, *hidalgos*, могли имѣть пистолеты въ сѣдельныхъ чухкахъ. Нисшіе классы Испанцевъ и теперь презираютъ сей родъ оружія. См. законы объ оружіяхъ, *Resopilacion*, lib. VI, tit. 6, и Leg. 8, 12, 15.

ракетъ гieny, коварный и жестокий, смѣшанный съ разгульною легкомысленностью, по словамъ поэта :

So blithe, so smooth, so gay,
Yet empty of all goods.

Такой характеръ и привычки ихъ, если не Целтиберскія, то совершенно Мавританскія. Андалузія, Елпсейскія поля древнихъ авторовъ (*Одиссея*, 568, *Страбонъ*, 111, 203, 210), послѣдняя твердыня Са-рацыновъ, представляетъ удобнѣйшее для беспорядковъ соединеніе географическихъ и нравственныхъ обстоятельствъ. Сія роскошная область заключаетъ въ себя нѣкоторые изъ величайшихъ и богатѣйшихъ городовъ Испаніи : Кордову, Севилу, Кадиксъ, Хересь, Гибралтаръ, Малагу и Гренаду, между коими производятся безпрерывныя сношенія, Естественно, что тамъ, гдѣ нѣтъ двѣтельнаго сообщенія, разбойнѣ не для чего. и быть, и вѣроятно, что Эстремадура обязана именно такому обстоятельству своею сравнительною безопасностію. Андалузія представляетъ взору рѣзкую противоположность картинъ богатѣйшей обработанности и самой грозной дикости природы—непреступныхъ горъ, обширныхъ полянъ, покрытыхъ густымъ кустарникомъ, и разбросанныхъ далеко одна отъ другой деревень, оживленныхъ скуднымъ народонаселеніемъ. Разбойникъ, скрываясь на высотахъ, подстерегаетъ приближающихся путниковъ, тогда, какъ самъ онъ невредимъ, и, какъ говоритъ Жилблазъ, издали пронюхиваетъ деньги въ карманъ путешественника. Онъ нападаетъ только увѣрившись, что вся выгоды на его сторонѣ; потому довольно сильная партія путешественниковъ всегда можетъ провѣзжать черезъ всякое ущелье, нимаго не страшась близкой опасности. Испанскій бандитъ ненавидитъ огнестрѣльное оружіе, столько же, какъ и всякій честный человекъ, и имѣетъ еще ту невыгоду, что дерется съ петлею на шеѣ. По

опытности и навыку въ опасностяхъ, онъ знаетъ очень хорошо, что такое опасность, и потому боится ея и избѣгаетъ по возможности. Онъ старается наиболѣе воспользоваться оплошностью своего непріятеля, и хотя въ случаѣ нужды и не откажется отъ отчаянной битвы, но станетъ драться только тогда, когда перепробовалъ все хитрости и убѣдился въ неизбѣжности драки. Тонкія чувства чести на него не дѣйствуютъ; онъ не знаетъ стыда, котораго Испанскій солдатъ боится болѣе всего на свѣтѣ, и отъ котораго онъ при малѣйшемъ подозрѣніи, или намекѣ въ трусости, бросается на бесполезныя опасности съ рыцарскимъ самоотверженіемъ. Скалы, ущелья и дикія пустыни, избираемая логовищемъ разбоя, даютъ бандиту, въ случаѣ неудачи, вѣрное убѣжище. Мелкопомѣстные владѣльцы бываютъ почти всегда, или искренними друзьями бандитовъ, или принуждены по неволѣ помогать имъ; они подвержены всей ихъ мести, столь же вѣрной, сколь и ужасной—стада ихъ уводятся въ горы, жилища и житницы предаются пламени, когда съ другой стороны, разныя услуги, укрывательство и передача извѣстій бываютъ всегда щедро вознаграждаемы. Разбойники имѣютъ шпионовъ по всемъ направленіямъ, въ особенности въ корчмахъ, или *ventas*, хозяева которыхъ весьма часто суть вѣрнѣйшіе союзники грабителей, и выѣздиваютъ отъ неосторожно подгулявшихъ слугъ все намѣренія господъ. Испанскій погонщикъ муловъ (*muleteer*), животное *sui generis*, всегда закаленъ въ горнилахъ недоувѣрчивости; простой вопросъ можетъ возбудить все его подозрѣніе. Онъ избѣгаетъ *impertinente curioso* посредствомъ *curiosa felicitas*, увѣренный, что языкъ данъ ему только для сокрытія его мыслей, и спасаетъ свои дублоны, придерживаясь правила Алкорана: «если рѣчь твоя серебро, то молчаніе — золото.»

Еще важнѣйшая причина преобладанія въ Анда-

лузии разбоевъ есть сосѣдство Гибралтара, гнѣзда контрабанды и кормильца контрабандистовъ — *перваго матеріала* (*prima materia*), изъ котораго образуется разбойникъ и убійца. Финансовое невѣжество Испанскаго правительства по неволѣ заставляетъ контрабандистовъ исправлять ошибки Канцлеровъ и Казначеевъ: — «*trovata la legge, trovato l'inganno.*» Таможенные законы въ Испаніи такъ безсмысленны, сложны и тягостны, что честный купецъ имѣть на своей сторонѣ столько же ограниченій и стѣсненій, сколько контрабандистъ выгоды. Таможенные пошлины, на предметы, которые сдѣлались народною необходимостью, и которые естественно народъ хочетъ имѣть, какъ-то, напримѣръ, табакъ въ Андалузіи, столь же рѣзко обложены несообразною, пошлиною, какъ сей и другіе товары по берегамъ Суссекской и Кентской областей. Тягость пошлинъ влечетъ за собою вредъ честному торговцу и убытокъ самой таможенѣ. Производители дѣлаются лѣнливыми, коварными и суровыми, тогда, какъ при болѣе мудрой системѣ управленія, они могли бѣ сдѣлаться людьми честными и трудолюбивыми. Глубоко закоренѣлая ненависть ко всякимъ стѣснительнымъ налогамъ почти естественна человеку. Въ Испаніи всѣ увѣрены, что нарушить таможенные законы значитъ только обмануть тѣхъ, кто обманываетъ народъ, и нисшія званія въ Испаніи тѣломъ и душою преданы контрабандистамъ, какъ въ Англіи браконьерамъ. Всѣ предразсудки жителей на ихъ сторонѣ. Бывали примѣры, что нѣкоторые священники горныхъ приходовъ, увѣщевая свои паствы, говорили о контрабандѣ, какъ объ условномъ, а не положительномъ преступленіи. Испанскій *contrabandista* далекъ отъ того, чтобы почитать ремесло свое униженнымъ; напротивъ, онъ гордится имъ и наслаждается въ своей деревнѣ блестящею извѣстностью, обыкновенно сопровождающею удачу смѣлыхъ пред-

пріятій, у народа почитающаго личную отвагу и ловкость выше всѣхъ другихъ качествъ. Контрабандистъ — это герой національной Испанской сцены; онъ является въ полномъ костюмѣ Андалузскаго *махо*, съ своимъ *retajo*, или карабиномъ въ рукахъ, и напѣваетъ извѣстную сегидилью: «Yo! que soy contrabandista! yo ho!» восхищая всѣхъ слушателей, отъ Гибралтарскаго пролива до Бидассон.

Одного очарованія такого театральнаго представленія въ родѣ Шиллеровыхъ *Разбойниковъ*, уже достаточно обратитъ всѣхъ Саламанкскихъ студентовъ на удалые подвиги по большимъ дорогамъ. Контрабандистъ въ Испаніи — это Робинъ Гудъ, Тюрпень и Макгетъ, герои древнихъ Англійскихъ балладъ и комедій, исчезнувшіе въ слѣдствіе быстрыхъ, безопасныхъ сообщеній и Макадамовскихъ и желѣзныхъ дорогъ (потому, что для разбойника, стоящаго подъ дорогою, нѣтъ ничего ненавистнѣе хорошаго шоссе, съ шлагбаумами на всякомъ шагѣ). Прежде не могли ихъ уничтожить ни висѣлицы, ни топоры палачей. Сочиненія Джонсона, Фильдинга и Смоллета и воспоминанія многихъ, и нынѣ еще живыхъ современниковъ Гонслоу Гита и Финчлей Коммона, напоминаютъ намъ сцены, подобныя Испанскимъ, и которыя въ рядъ ли скоро уничтожатся въ Испаніи. Испанскій контрабандистъ принятъ съ распростертыми объятіями въ каждой деревнѣ; онъ живая газета и единственный разнощикъ новостей; онъ приводитъ приходскому пастору чай и вѣсти, судья — деньги и сигары, красавицамъ — кружева и ленты. Онъ всегда щегольски одѣтъ что придаетъ ему большую прелесть во всѣхъ Мавро-Иберійскихъ глазахъ. Онъ смѣль и рышительнѣе, а извѣстно, что *однимъ только смѣлымъ достается красота* (*none but the brave deserve the fair*). Онъ лихой вѣдокъ и стрѣлокъ, знаетъ каждый закоулокъ неровной страны и усланнаго мѣлами прибрежья. Однимъ словомъ, Испан-

скій контрабандистъ превосходно воспитанъ для разбоя на большой дорогѣ, или, какъ говоритъ Фруасаръ о знаменитомъ Америко Тетнуарѣ — a fauve and godlie life.

Разбой были такъ древни и всегда въ такомъ почетѣ въ Испаніи, что хотя Испанды и гораздо меньше Французовъ преданы страсти къ классификаціи, различныя степени ремесла разбойниковъ опредѣлены у нихъ съ точностью, которою могла бы гордиться любая наука. Впереди всѣхъ, по славы и почету, идетъ *Ladron*. Вспомните, что слово *Ladro* значило Римскаго гвардейца; что Р. Латроній былъ поэтъ IV-го столѣтія; что многіе знатнѣйшіе роды въ Испаніи гордятся названіемъ Ладроновъ, какъ то *Ladrones de Guevara* — генералъ *Santos Ladron*, бывшій первою жертвою Христианскихъ смятеній, былъ изъ сего почетнаго рода. Испанскій *Ladron*—это разбойникъ *en grand*, первоклассный, подобный тѣмъ, которые ограбили бѣднаго Апулеуса, отняли у него все, что онъ добылъ въ Лариссѣ, и оставили его раздѣлаго до нага на дорогѣ, *avastissimus latronibus omnibus privatus*. Сии ладроны, организованныя шайки разбойниковъ, разъѣзжающія на самыхъ быстроногихъ коняхъ, всегда въ полѣ, подъ предводительствомъ одного вождя, *Cefe* — *ληβταρχος*. Второй классъ — *Salteador*, отъ *saltus*, лѣсъ, или *saltar*, скакать — разбойникъ, который, какъ выражаетъ самое его названіе, кидается изъ глубины лѣса, подобно тигру, на безпечнаго путника. Сальтеадоры суть разбойники, по описанію Страбона, рыщущіе въ лѣсахъ и около городовъ — *επι κηκω*, «не для добра», какъ онъ весьма основательно замѣчаетъ. Названіе сальтеадора, столь часто встрѣчающееся на страницахъ Сервантеса и Квеведо, сдѣлалось нынѣ почти обветшалымъ. Такой классъ хищниковъ бывалъ болѣе жестокъ и трусливъ, нежели ладроны, которые по величію своему являлись го-

раздо великодушнѣе и жалостливѣе. Они составляютъ временно изъ волонтеровъ, но не образуютъ регулярныхъ разбойничьихъ войскъ, сходятся для особенныхъ случаевъ, и когда грабительство выполнено, спокойно возвращаются въ свои деревни къ своимъ обыкновеннымъ ремесламъ и занятіямъ. Ниже ихъ степень *Ralero*, крысы, презрительная въ глазахъ ладрона. Ремесло *Raterillo*, или ползущей гадины, еще ниже — это занятіе ускользнувшихъ изъ неволи галерныхъ невольниковъ, которые, освобождаясь отъ цѣпей, стараются поведеніемъ и личнымъ достоинствомъ возвыситься до высшихъ степеней разбоя. Контрабандистъ, лишившійся своей добычи, возвращается прямо въ ладрона. Законъ подвергаетъ его гораздо меньшей опасности. Никакой пощады не оказывается контрабандисту, похищающему таможенные доходы, а разбойникъ, который грабитъ по дорогамъ, имѣетъ въ свою пользу безчисленныя вѣроятности помилованія, представляемыя лѣнностью, или продажностью судей.....

Знаменитый разбойникъ *Хозе Марія* былъ сначала контрабандистомъ, и читатель лучше всего пойметъ, что такое есть настоящій Испанскій ладронъ, когда прочитаетъ краткое жизнеописаніе этого ужаснаго человека, совершеннаго олицетворенія *το ληβτικον* Страбона. Нѣсколько лѣтъ тому, намъ случилось проѣзжать верхомъ черезъ его дикія владѣнія, иногда на перекоръ его волю, иногда съ позволенія его шайки, и даже подъ его непосредственнымъ покровительствомъ; потому, кажется, можно положиться на наше свидѣтельство въ разсказѣ о *Хозѣ Маріа*. Мы въ самомъ дѣлѣ можемъ сказать.

Non meus hic sermo, sed quem praeciperat ipse.

Хозе Марія де Гинохоза (*Jose Marie de Hinojosa*) родился въ Гаухѣ (Науѣ), основанной Маграми деревнѣ около Бенамеги, Испанскаго Монасо, гдѣ, по

мѣстной пословицѣ, люди ѣдятъ, пьютъ и ничего не дѣлаютъ — «Nauja, donda se come, se bebe, y no se trabaja» — *non plus ultra* Испанскаго благополучія въ сей скоропреходящей жизни*. Онъ сначала былъ бѣднымъ арендаторомъ; потомъ разлюбилъ земледѣліе, предпочелъ ему тайный провозъ табаку, по милости таможенныхъ *los sagabineros* лишился три раза своей добычи, и съ отчаянія сдѣлался разбойникомъ въ 1823 году. Счастіе улыбалось ему на новомъ несчастномъ поприщѣ. Вскорѣ послѣ перемѣны его званія, солдаты застали его въ распахъ въ одномъ домѣ около Морона; онъ выскочилъ изъ окна, перелѣзъ черезъ стѣну, встрѣтилъ за нею солдата и коннаго офицера, ранилъ перваго, застрѣлил на повалъ другаго, вскочилъ на офицерскую лошадь, и ускакалъ на холмъ, бывший вѣдъ ружейныхъ выстрѣловъ, посылавшихся ему въ слѣдъ. Здѣсь онъ остановился, спокойно зарядилъ свое оружіе и не торопясь отправился въ Ронду. Онъ добрался туда благополучно, и сумма денегъ, найденная имъ въ седлѣ убитаго офицера, привела его въ возможность избрать небольшую шайку товарищей, которая въ послѣдствіи состояла почти всегда изъ двѣнадцати, а часто доходила до двадцати и болѣе человекъ хорошо вооруженныхъ всадниковъ. Въ продолженіе двадцати лѣтъ владычествовалъ Хозе Марія надъ Андалузіею самодержавнѣе самого Короля. Гражданскія и военныя власти, объявлявшія нѣсколько разъ награду за голову Хозе, были наконецъ принуждены примириться съ нимъ, объявить ему прощеніе и дать ему жалованье и начальство надъ коннымъ патрулемъ, составленнымъ изъ прежнихъ его товарищей,

* Кто не знаетъ Италіанскаго города Монако, о которомъ говорится въ Италіи:

Son Monaco sopra uno scoglio,
Non semino et non ricoglio,
Eppure mangiar voglio?

съ уполномоченіемъ уничтожить всѣхъ другихъ разбойниковъ, слѣдуя здравому правилу, что воръ лучше всякаго другаго умѣетъ поймать вора. Подобныя полюбовныя сдѣлки уже издавна принадлежать къ правиламъ Испанской внутренней политики. Такимъ образомъ, во время Августа Цезаря объявили награду тому, кто поймаетъ и представитъ разбойника Корокоту, живаго или мертваго. Корокота явился самъ къ Императору, который отдалъ ему обшванную сумму и простилъ его, къ большому восторгу и удивленію Иберіянъ (*Dion. Hal. 56.*) — Хозе Марія громко разславлялъ, что союзъ, составленный, имъ съ Испанскимъ Королемъ, былъ основанъ на томъ, что правительство опасалось соединенія его съ Торрихосомъ и Гибралтарскими бунтовщиками, которымъ взялся онъ доставить сто человекъ хорошо вооруженной конницы. Испанская Исторія изобилуетъ примѣрами разбойниковъ, достигавшихъ опасной знаменитости въ качествѣ бандитовъ, потомъ партизановъ и наконецъ патріотовъ. Виріатъ, на примѣръ, началъ свое поприще охотникомъ, потомъ сдѣлался разбойникомъ, а наконецъ вождемъ — *ex venatore latro, ex latrone dux* (*См. Флора, II, 17, 15.*)

Хозе Марія былъ какой-то страшный незримый и певдомый демонъ, нападавшій, когда того никакъ не ожидали, таинственный и причудливый въ своихъ путяхъ и разрушительный въ своемъ гнѣвѣ. Таинственность, быстрота и вездѣсущность, придавали ему какой-то сверхъ-естественный характеръ и окладывали суевѣрное воображеніе его соотечественниковъ; имя его гремѣло въ ухахъ всѣхъ, проходившихъ черезъ его Эдомъ, и когда онъ сдѣлался *честнымъ человекомъ* (какъ обыкновенно изъ *въжливости* величаютъ въ Испаніи тѣхъ, кто оставилъ разбойническое званіе), цѣлые города и области стекались смотреть на него. «На него глядѣли съ такимъ благоговѣніемъ, что казалось, будто отцы хотѣли

говорить детямъ своимъ: *это онъ!*» Даже высшія званія Испанцевъ любопытствовали его видѣть, тогда какъ для иностранцевъ онъ казался столь же интереснымъ, какъ воловь травля, или всякая другая занимательная особенность Испаніи. И дѣйствительно, даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ весьма трудно освободиться отъ впечатлѣній, оставленныхъ въ насъ подвигами героевъ и бандитовъ, обворожавшихъ и пугавшихъ наше юношеское воображеніе. Хозе былъ тогда въ цвѣтъ мужества, 33-хъ лѣтъ, необыкновенно крѣпкаго сложенія, и легко переносилъ усталость и всякія лишенія — качества необходимыя для разбойническаго вождя; ростъ его былъ ниже средняго, но тѣло плотно и плеча необычайно широки, такъ, что туловище его казалось даже слишкомъ широкимъ для его ногъ, слегка выгнутыхъ, мощныхъ и проворныхъ. Левая рука была у него повреждена нечаяннымъ выстрѣломъ его ружья; рану вылечилъ онъ самъ, въ продолженіе двадцати пяти дней, проведенныхъ непрерывно на конѣ; губы его были тонки, сжаты и выражали непреклонную рѣшительность; сѣрые глаза его имѣли выраженіе добродушное, когда онъ былъ въ духъ, но соколиный взглядъ его быстро получалъ свой обыкновенный отблескъ, сверкающій и подозрительный, къ которому приучили его привычка и беспокойное чувство преступленія и недоувѣрчивости. Онъ одѣвался просто, въ сравненіи съ своими товарищами, которые присоединяли къ древне-Иберійскому вкусу Мавританскую любовь блеска, узоровъ и украшеній, отличавшихся пышностію, часто на счетъ изящнаго вкуса. Хозе Марія раздавалъ своимъ сподвижникамъ богатѣйшее платье и оружіе, съ такою же щедростію, или политикою, которая внушала Серторію и Виріату ихъ щедрость и роскошь, тогда, какъ сами они отличались простотою своего одѣванія. Многообразныя струны, приводящія въ движеніе сердце человѣческое, и трудно

вникнуть въ обычаи и побужденія каждаго народа. По мнѣнію Хозе, блестящія платья были тѣмъ снѣго, — признаки *дурнаго вкуса*, хотя между тѣмъ, намъ, скромно одѣвающимся Британцамъ, даже и простой костюмъ Хозе Маріи могъ бы показаться роскошнымъ. Онъ носилъ шелковые, визаные панталоны, плотно обтянутые вокругъ его мускулистыхъ ногъ, съ рядомъ коническихъ серебряныхъ пуговокъ, вмѣсто лампасовъ; штилеты его были богатѣйшіе изъ всѣхъ, когда либо вышитыхъ въ Рондѣ; пурпуровый шелковый кушакъ и платокъ, обернутый одинъ разъ вокругъ его жилистой шеи, концы котораго проходили въ огромный брилліантовый перстень, довершали его нарядъ. Кромѣ того, по странному смѣшенію понятій, широкая грудь его была украшена серебряными образами.

Лошадь Хозе Маріи, *Mohina*, была не лучшихъ статей, но за то неутомима. Сбруя у него была черная съ бѣлымъ шитьемъ; высокое Мавританское сѣдло, *albarda*, было покрыто обыкновенною *zalea*, руномъ, выкрашеннымъ синею краскою, хотя Испанскій Аргонавтъ смѣло могъ бы назваться рыцаремъ *золотаго руна*, по количеству сего металла, вытасканнаго имъ изъ чужихъ кармановъ. Хозе сидѣлъ на конѣ (когда мы его видѣли) съ озабоченнымъ взглядомъ; красный шелковый платокъ былъ повязанъ вокругъ его головы. Видъ его выражалъ всѣ качества, необходимыя для власти надъ другими. Два карабина висѣли у него по бокамъ. На замѣчаніе кого-то изъ насъ, что замокъ одного изъ нихъ грубо сдѣланъ, онъ просто отвѣчалъ: *Pero con ese maté al oficial* — «правда, но имъ я убилъ офицера.» Было что-то страшно характеристическое въ такомъ хладнокровномъ сознаніи убійства, для оправданія стараго ружья, товарища десяти лѣтъ опасностей и преступленій. Такой *argumentum ad hominem* убѣдилъ бы самого Джозе Мантона. Хозе не любилъ шутить

оружіемъ. Кто-то неосторожно взялся за его обоюдоострый кинжалъ, сдѣлавъ притомъ довольно нескромный вопросъ на какое-то обстоятельство его прежней жизни — Хозе быстро оборотился къ нескромному вопрошателю, нахмурилъ брови и отвѣчалъ: *Nombre, burlo yo con mi escopeta!* — «Пріятель! и теперь еще иногда шалю моимъ ружьемъ!»

Хозе Маріа былъ рожденъ начальствовать дикими искателями приключеній; онъ имѣлъ всѣ добродѣтели и всѣ пороки вождя среднихъ вѣковъ; говорилъ всегда мало, но слова его отзывались ужаснымъ, неизученнымъ краснорѣчіемъ тѣхъ минутъ, когда время дорого и длинная рѣчь должна быть сжата въ нѣсколько словъ. Онъ самъ рассказывалъ, что управляя своей шайкою, и не позволяя никогда и никому ни малѣйшей фамильярности съ собою, онъ бросался всегда первый въ опасности, приравнивался съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ ко вкусамъ и нуждамъ сообщниковъ, и раздѣлялъ добычу съ самымъ строгимъ безпристрастіемъ — *entre lobos no se comen* — что составляетъ честь между ворами. Хозе спалъ мало, всегда въ сторонѣ отъ своихъ и въ полномъ вооруженіи. Странно, съ какою точностью поведеніе и привычки Хозе сходствовали съ приемами Виріата, какъ описываетъ ихъ Аппіанъ (*Bell. Hisp. 502*). Хозе Маріа никогда не позволялъ спорить съ собою, требовалъ безпрекословнаго повиновенія, всегда дѣйствовалъ наступательно, никому не сообщалъ своихъ плановъ и не позволялъ объ нихъ спрашивать. Онъ дѣйствовалъ совершенно по тѣмъ же правиламъ, какъ Рокъ Гвинарь Сервантеса и Корсаръ Байрона. Хозе не зналъ ничего объ этихъ двухъ герояхъ, но поступалъ просто по инстинкту; практика его между тѣмъ совершенно подтверждаетъ теоретическую истину идеальныхъ характеровъ Испанскаго романиста и Англійскаго барда, и приноситъ честь вѣрности ихъ соображеній о качествахъ истиннаго разбойника.

Хозе Маріа былъ всегда почитателенъ къ прекрасному полу; иногда онъ отличался даже вѣжливостью и внимательностью, не смотря на замѣчаніе Шекспира, что *beauty provoketh thieves sooner than gold* (красота соблазняетъ вора пуще золота). Такимъ образомъ, онъ развелъ однажды въ хижинѣ огонь, для того, чтобы не простудилась супруга сборщика податей, экипажъ которой между тѣмъ разгружали его товарищи, и въ заключеніе такой учтивости, подарилъ ей одно изъ *ея собственныхъ* ожерельевъ, въ знакъ памяти и уваженія. Сей анекдотъ рассказывалъ онъ всегда съ удовольствіемъ. Сборщики податей считаются всеми Испанцами и нынѣ такими же величайшими ворами, какими были они въ благословенныя старинныя времена, когда Евкліонъ просилъ Аполлона разстрѣлять ихъ своими стрѣлами, какъ будто Богъ солнца и поэзи служилъ исполнителемъ приговоровъ въ Испанской *Santa* Германдадѣ.

*Apollo, quaeso, subveni mihi atque adjuva,
Confige sagittis fures thesaurarios.*

Plaut. Aul. a. ii. s. 8.

Должно отдать справедливость Хозе Маріа, что онъ, подобно прославленному Дантомъ Гино де Такко, рѣдко прибѣгалъ къ насилію; тотъ и другой довольствовались тѣмъ, что обирали путешественниковъ дочиста, самымъ вѣжливымъ образомъ. Но если кто нибудь осмѣливался отказать учтивой просьбѣ о кошелекѣ, они не церемонились защищать свою жизнь въ честномъ бою, какъ выражались, лишая своихъ противниковъ упрека, что они принуждены были сражаться съ разбойниками. Путешественники, у которыхъ пѣть съ собою количества денегъ, какого должно бы было ожидать, вообще не могутъ ожидать большой пріязни отъ Испанскихъ бандитовъ, ибо они вполне убѣждены, что пустой кошелекъ есть самый дурной товарищъ. Люди выс-

нихъ классовъ должны непременно имѣть въ запасъ часы, качество которыхъ не берется въ расчетъ. Разбойники Испанскіе имѣютъ гораздо вѣрнѣйшій инстинктъ въ опредѣленіи лицъ, какія должны носить часы, нежели въ разборъ качества и доброты часовъ. Мы сохраняемъ, какъ драгоценность, дрянные позолоченные часы, которые, путешествуя съ нами благополучно по Испаніи, были нами уступлены за три піастра одному посланнику, отправляемому изъ Мадрита въ Гренаду; послѣ его возвращенія они были опять куплены за два піастра, сумму, превышающую ихъ цѣнность *salvo honore diplomatico*. Хозе и Гино, иногда бывали щедры, и часто дѣлились съ бѣдными тѣмъ, что отнимали у богатыхъ, что въ глазахъ черни совершенно выкупало несправедное пріобрѣтеніе ими сокровищъ. Итальянскій бандитъ хвасталъ, что онъ на своемъ вѣку роздалъ больше милостыни, нежели раздадутъ три монастыря. И Хозе и Гино вели открытую войну съ мѣстными властями, и налагали контрибуціи на жителей, какъ независимые властелины; оба обременяли всю тяжестью своего презрѣнія мелочные воровства и грабежи, приличные какому нибудь ратеро или ратерильо, но недостойныя ладрона. *L'esser gentile uomo, e scacciato de casa sua, e povero, e aver molti e possenti nemici — non malvagità d'animo hanno condottò ad essere rubatore delle strade*, говоритъ Боккаччо о Гино («Онъ былъ дворянинъ, изгнанный изъ своего дома, бѣдный и имѣвшій многихъ и сильныхъ враговъ; только такія обстоятельства, а не злоба души, привели его къ разбою по большимъ дорогамъ»). *I am joined with no foot land rakers, no long schaff sixpenny strikers, none of these mad mustachio purple-hued malt-worms, but with nobility and tranquillity, Burgomasters, and great oneyers — такъ писалъ Шекспиръ и доказывалъ на дѣлѣ Хозе. Испанцы сдѣлали его, какъ и слѣдовало ожидать, великимъ идеа-*

ломъ атамана разбойниковъ. Вся преступленія, все похиженія сваливали на него. Множество рассказовъ о подвигахъ, въ которыхъ онъ никогда не участвовалъ, приписывались ему другими, потому, что самъ онъ не издавалъ своей біографіи, подобно Сервантесову Гинесу де Пазамонте. Истинный удалецъ въ родѣ Делореня, не спутанный оковами грамоты, онъ едва умѣлъ подписать свое имя, хотя и выводилъ свою рубрику* такъ же вычурно, какъ будто какой нибудь Испанскій грандъ. Его прочеркъ былъ спасеніемъ всѣхъ, кто соглашался добровольно платить ему Робъ-Роевскую черную подать. Онъ давалъ родъ паспорта, *символовъ ѣвичов*, испачканнаго такими чудными каракулями, что онъ сдѣлалъ бы честь самому Али-Пашѣ. Одинъ изъ нашихъ пріятелей, садовникъ и гастрономъ Севиллы, отправился на воды въ Каратраку, для поправленія своего желудка послѣ нѣсколькихъ тяжелыхъ *ollas* и *valdepenas*; не имѣя, подобно аббату-подагрику Боккаччи, желанія быть на разбойничьей дѣлѣ, онъ досталъ себѣ отъ Хозе Маріи паспортъ, и взялъ съ собою проводникомъ разбойника изъ его шайки, котораго называлъ онъ своимъ *Santito*. Если бы его запасъ Латини не равнялся запасу Жиль Переца, добраго каноника Овѣдскаго, то онъ могъ бы привести цѣликомъ слова Карогагенянна въ Плавть:

Deum hospitem, ac tesseram mecum fero.

Paen. V.

* Испанскіе Гранды и самый Король рѣдко употребляютъ какую нибудь другую надпись, кромѣ древне-Готскаго *rubrica*, или знака. Такая монограмма нѣсколько походитъ на рунической узелъ. Испанцы весьма изобрѣтательны на расчеркиванья, или парабы, присоединяемыя ими къ своимъ именамъ, какъ дополнительное доказательство подлинности подписи. Тамъ говорятъ, что *rubrica безъ имени* важнѣе, нежели *имя безъ рубрики*. Санчо Панса говорилъ Донъ Кихоту, что одна его *rubrica* стоитъ трехъ сотъ муровъ. Тотъ, кто не умѣетъ писать, придумываетъ свою *rubrica*. *No saber firmar, не уметь подписаться*, считается Испанскими писемщиками одною изъ принадлежностей настоящаго граца.

Хозе Маріа не долго наслаждался почестями и годами своего новаго званія; онъ пересталъ существовать послѣ того, когда существованіе его перестало быть вредомъ обществу. «Человѣкъ кровожадный не проживетъ половины дней своихъ.» Онъ отправился для преслѣдованія четырехъ разбойниковъ, забравшихся отъ него въ корчму; предводитель ихъ, уроженецъ Лохи, одинъ изъ его прежнихъ товарищей, Периквиальо *el del Colegio*, застрѣлилъ его, въ то время, когда онъ отворялъ двери. Надобно знать, что тюрьма, на воровскомъ языкѣ, который извѣстенъ въ Испаніи подъ именемъ *la Germania*, называется *el Colegio* (университетъ), потому, говорятъ Испанскіе воры, что молодые шалуны, засаженные въ тюрьму, попадаютъ въ ней въ ученики къ высокопросвѣщеннымъ негодаямъ, которые оканчиваютъ ихъ воспитаніе. Изъ тюрьмы выходятъ они мастерами ремесла, столь же свѣдущими, какъ ветераны разврата и мошенничества, въ общество которыхъ они были брошены. Если бы Хозе Маріа пожилъ нѣсколько долѣе, онъ сдѣлалъ бы многое для очищенія Андалузій, особливо, если бы дали ему способъ привести въ исполненіе его обширные планы, которые, дѣйствительно, были достойны выполненія для пользы внутренняго спокойствія всей Южной Европы. Во-первыхъ, онъ считалъ необходимымъ задержаніе всѣхъ подозрительныхъ лицъ въ каждой деревнѣ, и предполагалъ отослать ихъ въ военную службу въ отдаленные отъ родины полки; во-вторыхъ, хотѣлъ выжечь всѣ уединенныя *ventas*, корчмы, мѣста, гдѣ производится пьянство и развратъ; въ третьихъ, распорядиться, чтобы мѣстныя начальства были подвергаемы личной, а не денежной отвѣтственности, потому, что деньги всегда будутъ за нихъ выплачены разбойниками; въ четвертыхъ, хотѣлъ, чтобы жители горныхъ ущелій выплачивали ограбленнымъ путешественникамъ всѣ потерпѣнные

ими убытки, а наконецъ предполагалъ разстрѣливать на мѣсть, безъ суда, всѣхъ, кто только будетъ пойманъ съ оружіемъ въ рукахъ, и не можетъ дать о себѣ удовлетворительнаго отчета. Такія мѣры могутъ казаться слишкомъ строгими, но между тѣмъ онъ совершенно согласенъ съ Испанскими правами и съ прежними ихъ постановленіями. *Santa* Германдада и всѣ дѣятельные судьи, получавшіе и не получавшіе жалованье, всегда слѣдовали мудрому правилу Дона Ронквилля, знаменитаго алькальда; правило его состояло въ слѣдующемъ: на «восьмицу всѣхъ воровъ и разбойниковъ, безъ разбора — старыхъ за то, что они уже успѣли наворовать, а молодыхъ за то, что успѣютъ наворовать, если дать имъ состарѣться.» Говелль описываетъ *prudent and vigorous measures*, *благоразумныя и строгія мѣры*, (говоря словами Лорда Пальмерстона, послѣ умерщвленія матери Кабреры) одного Каталонскаго вице-роя въ 1618 году, слѣдующимъ образомъ: «Онъ приложилъ сильное стараніе къ очищенію горъ отъ разбойниковъ, и много ихъ было казнено, такъ, что когда я проѣзжалъ черезъ нѣкоторые лѣса, мнѣ случалось видать деревья, сплошь увѣшанныя мертвыми тѣлами — лучшими плодами, нежели тотъ, который висѣлъ на деревѣ Диогена; тамъ была бѣдная повѣсившаяся женщина, и циникъ провозгласилъ его самымъ драгоценнымъ изъ всѣхъ, когда либо имъ видѣнныхъ.» Рѣшительныя мѣры, предложенныя Хозе Маріею, были дѣйствительно приведены въ исполненіе нѣсколько лѣтъ тому однимъ офицеромъ, по имени Кастро, съ самыми удовлетворительными результатами; онъ исполнялъ свою обязанность съ истиною военною строгостью и неумолимостью. Но въ награду онъ былъ лишенъ своего мѣста стараніями одного значительнаго мѣстнаго начальника, который доказывалъ, что множество «добрыхъ воровъ» было казнено имъ, безъ малѣйшей прибыли правительству.

Что касается до жестокости предложенныхъ эксъ-атаманомъ мъръ, то должно замѣтить, что въ Испаніи жизнь человѣческая рѣдко ставилась во что нибудь. Кровь всегда проливали тамъ въ изобиліи, безъ зазрѣнія совѣсти, и все равно, чья бы она ни была, военнопленныхъ, страдалцовъ суевѣрія или политическихъ преступниковъ. Казни слишкомъ обыкновенны въ Испаніи, и въ прошедшее время и въ настоящее; тамъ они не останавливаютъ ничего вниманія, тогда, какъ одно чтеніе извѣстій объ нихъ приводитъ въ трепеть всякаго другаго Европейца. — Утоливъ жажду крови, Испанцы, съ истинно адскою холодною, возвращаются снова къ своей обычной бездѣйственности, какъ будто ничего не бывало. Мина, Квезада, Мерину, Эгвіа, Конде де Эспанья и Эспартеро, хотя они и различествуютъ между собою въ другихъ отношеніяхъ, все одинаково прилагаютъ къ практикѣ дикій законъ возмездія надъ дворянами и людьми образованными, гораздо чаще и сильнѣе, нежели гражданскія власти надъ простыми ворами и разбойниками, которые, пока у нихъ есть деньги, рѣдко судятся уголовнымъ судомъ, и даже, если и бываютъ приговорены, рѣдко казнятся смертью. Всегда было такъ въ Испаніи. Галерный невольникъ, которому Донъ Кихоть предложилъ тридцать червонцевъ, изъявилъ сожалѣніе, что не имѣлъ столько денегъ прежде — тогда онъ «такъ очинилъ бы и напнталъ перо своего судьи, и такъ наострилъ умъ своего адвоката, что навѣрно остался бы свободнымъ человѣкомъ на Зокодоверъ Толедскомъ.»

Разсказъ о смерти по судебному приговору одного разбойника изъ шайки Хозе Маріи будетъ, по нашему мнѣнію, приличнымъ заключеніемъ нашихъ замѣчаній и дѣломъ справедливости въ отношеніи къ читателю, котораго считаемъ долгомъ вознаграждать за непріятныя и грустныя подробности нашихъ раз-

сказовъ. Хозе де Рожасъ, вообще называемый (потому, что у каждаго разбойника Испанскаго есть свое прозвище) El Veneno, *ядъ*, за его змѣиный качества, былъ захваченъ въ располхъ солдатами; онъ защищался отчаянно, и падая отъ пули, ранившей его въ ногу, успѣлъ еще убить солдата, который бросился вязать его. Сидя въ тюрьмѣ, онъ вызвался выдать своихъ сообщниковъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы жизнь его была пощажена. Предложеніе принял, и онъ былъ посланъ съ довольно сильнымъ отрядомъ. Таковъ былъ ужасъ его имени, что разбойники сдались, но не ему, а потому и получили *прощеніе*. Послѣ сего начали судить Венено за его прежнія преступленія, нашли его виновнымъ и приговорили къ смертной казни. Онъ представлялъ, что хотя и косвенно, но все таки способствовалъ исполненію порученія, за которое была ему обещана жизнь. Все слова остались тщетны. Суды въ Испаніи не иное что, какъ форма, которою стараются придать видъ законнаго порядка принятому уже заранѣе рѣшенію; судьи приложили руки къ смертному приговору.

Kept the word of promise to the ear,
But broke it to the hope....

Венено не имѣлъ ни денегъ, ни друзей. Приговоръ долженъ былъ дѣйствительно исполниться. Судилище и тюрьма расположены въ Севильѣ близъ Plaza San Francisco (площади Св. Франциска), всегдашняго мѣста публичныхъ казней. Наканунъ свершенія казни ничто не возбуждаетъ о сценѣ, которая должна произойти на слѣдующее утро. На все соединенное съ церемоніей казни, Испанцы смотрятъ съ ужасомъ, не отъ внутренняго отвращенія къ кровопролитію, которое у другихъ народовъ дѣлаетъ исполнителя правосудія предметомъ ненавистнымъ, но отъ какихъ-то старинныхъ Восточныхъ предразсудковъ объ оскверненіи, отъ чего въ Испаніи званіе

палача считается постыднымъ, ибо исправляющій сію должность теряетъ чистоту крови, la limpieza de sangre, которой въ Испаніи даютъ почти такую же важность, какъ въ Индіи *. Даже роковыя подмошки воздвигаются ночью невидимыми руками, и вырастаютъ изъ земли, какъ произрастеніе тмы, наводящее ужасъ на тотъ день, первые лучи котораго должны освѣтить эшафотъ и поразить ужасомъ пробуждающееся народонаселеніе.

Естьли преступникъ благороднаго происхожденія, то помость, обыкновенно сколоченный на скорую руку изъ досокъ, обтягивается чернымъ сукномъ. Вышанье у народа, столь мало склоннаго къ механикѣ, какъ Испанцы, производится самымъ тяжелымъ и жестокимъ образомъ. Палачъ тащитъ несчастнаго преступника по ступенямъ лѣстницы на помость; потомъ, садясь къ нему на плечи, бросается вмѣстѣ съ своею жертвою въ сторону, и качался на ней въ воздухъ, шарить руками около шеи страдальца; удостоверившись, что нѣтъ никакихъ признаковъ жизни, онъ спускается по мертвому тѣлу въ низъ и принимается за другихъ преступниковъ. Фердинандъ VІІ отынилъ вислицу; онъ положилъ, чтобы смертная казнь за частныя преступленія производилась помощью удавленія, garrote, что гораздо легче и ближе къ восточному шнуру.

Когда Венено приговорили къ смерти, то, по обыкновенію, помѣстили его, за день до казни, en carilla

* Докторъ Спрай (Spry), въ своей «Новѣйшей Индіи» описываетъ смерть нѣсколькихъ Тугговъ. Когда они входили на эшафотъ, каждый пробовалъ крѣпость веревки, и продвѣвъ свою шею въ петлю, затягивалъ узелъ подъ своимъ правымъ ухомъ, а потомъ соскакивалъ съ эшафота въ вѣчность. Такъ велика была у нихъ привязанность къ чистотѣ касты, даже въ предсмертныя минуты, ибо быть повѣшеннымъ рукою палача (чумара), для Индійца безчестіе, котораго нельзя вынести....

въ капилю, или келью, предназначенную собственно осужденнымъ, для доставленія имъ послѣднихъ утѣшеній религіи. То была маленькая комнатка, и самая печальная изъ всего жилища палача, ибо, дѣйствительно, какъ говорить Сервантесъ, нельзя дать другаго названія Испанской тюрьмѣ *. Железная рѣшетка служила переборкой, отдѣлявшей корридоръ отъ капили. Въ корридорѣ толпились Братья Милосердія, собиравшіе отъ посѣтителей подащеніе на обѣдн и паннихиды о вѣчномъ успокоеніи души преступника; тамъ стояли также группы офицеровъ и дорожныхъ Францисканцевъ, курившихъ свои сигаритосъ. Толпа, собиравшая внѣ капили, составляла безчувственный контрастъ съ мрачностью и ужасомъ, царствовавшими въ печальной внутренности. Маленькая дверь вела въ капилю, надъ которою можно было написать ужасныя слова Данта —

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!

Въ углу комнатки былъ поставленъ столъ, съ Распятиемъ, образомъ Богородицы и двумя восковыми свѣчами; подлѣ стола стоялъ солдатъ съ обнаженнымъ тесакомъ, а у дверей другой съ прикинутымъ штыкомъ. Въ другомъ углу этого темнаго покоя былъ брошенъ пукъ соломы. Венено лежалъ на немъ, завернувшись въ полосатое одеяло (manta), закрывавшее ему ротъ, такъ, что виднѣлась одна только голова, съ включенными кудрями и большими, черными глазами, готовыми, казалось, выпрыгнуть изъ своихъ мѣсть. Когда кто нибудь приближался къ нему, онъ вскакивалъ и садился на стулъ. Преступникъ былъ почти нагой; четки, надѣтые на шею

* Una Carcel—donde toda incomodidad tiene su asiento y donde todo triste ruydo hace su habitacion. Прологъ къ Донъ Кихоту, сочиненный Сервантесомъ въ тюрьмѣ.

го отцомъ въ день рожденія, висѣли на его мохнатой груди и составляли странную противоположность съ желѣзными цѣпями, оковывавшими его члены. Выраженіе его лица, хотя низкое и грубое, было изъ тѣхъ, которыя не скоро забываются каждымъ, кто хоть одинъ разъ его видѣлъ. Мрачный, изъ подлобыя взглядъ, въ которомъ отражались слѣды ужасныхъ преступленій, и блѣдность, казавшаяся еще болѣе мертвенною отъ мерцающаго освѣщенія, и черной бороды, выросшей на его полумертвомъ лицѣ — таковъ былъ страшный Венено. Казалось, что онъ уже примирился съ своею участью; онъ повторялъ по желанію монаховъ нѣсколько выученныхъ наизусть молитвъ; положеніе его, вѣроятно, казалось зрителямъ гораздо ужаснѣе нежели ему самому, или, можетъ быть, это было равнодушіе при видѣ неизбѣжной смерти, порожденное скорѣе незнаніемъ ужасной важности перехода, нежели высокою нравственной бодростью. Какъ говоритъ Шекспиръ, he was a man that apprehends death no more dreadfully than a drunken sleep, careless, reckless, and fearless of what's past, present, and to come, insensible of mortality and desperately mortal (онъ былъ человекъ, который считаетъ смерть ужасною не болѣе безчувственнаго сна послѣ сильнаго опьяненія — беззаботный, равнодушный и безстрашный къ своему прошедшему, настоящему и будущему, нечувствительный къ смерти и отчаянно смертный).

На слѣдующее утро, старинные балконы, крыши и вся поверхность живописной Мавританской площади покрылись любопытною чернью; мужчины собрались завернувшись въ плащи (то было Декабрьское утро), женщины въ своихъ мантильяхъ, и у многихъ были на рукахъ младенцы, принесенные туда, какъ будто для того, чтобы они при началъ своей жизни видѣли ея насильственное заклю-

ченіе. Высшія званія Испанцевъ, не только не охотники до подобныхъ зрѣлищъ, но избѣгаютъ даже всякаго разговора объ нихъ; за то низшіе, мало думающіе о приличіяхъ общества, всегда съ жадностью стекаются смотрѣть на сцены ужаса. Казни обыкновенно сильно дѣйствуютъ на Испанскихъ женщинъ, но, какъ будто какая нибудь непреодолимая сила влечетъ ихъ къ такимъ зрѣлищамъ страданій, отъ которыхъ нѣжная ихъ природа должна бы была отвращать ихъ всего болѣе: онъ и дѣти суть величайшіе любители страшнаго въ сказкахъ и въ ужасной вещественности. Для мужчинъ казнь есть родъ трагедіи, въ которой послѣдняя сцена непременно должна быть смерть — смерть, приковывающая вниманіе всѣхъ, потому, что рано или поздно, такъ или иначе, всякій будетъ разыгрывать ея плачевную ролю. Мужчинамъ, какъ будто любопытно знать, каково поведетъ себя преступникъ; они ему сочувствуютъ, если онъ покажетъ твердость и хладнокровіе, и презируютъ его при малѣйшемъ признакъ слабости. Открытое каре солдатъ было построено вокругъ эшафота; въ середину его допускали только офицеровъ и духовенство. Нетерпѣніе толпы возрастало по мѣрѣ приближенія назначеннаго часа, и разразилось наконецъ жалобами на медленность властей; время для зрителей не имѣло никакой цѣны, тогда, какъ каждая минута его была драгоценна тому, чьи мгновения были уже сочтены.....

Едва колоколъ соборной церкви пробилъ часъ смерти преступника, всѣ поднялись на цѣпочки, и притаивъ дыханіе, старались занять лучшія мѣста. Но прошло еще десять минутъ, потому, что въ такихъ случаяхъ часы судилища нарочно ставятся нѣсколько позднѣе противъ соборныхъ, для того, чтобы дать преступнику всю возможность получить поми-

лованіе — временное, или вѣчное.... Когда и тамъ пробили часы, взоры всѣхъ обратились на дверь тюрьмы, и осужденный вышелъ оттуда въ сопровожденіи нѣсколькихъ Францисканцевъ. Онъ самъ выбралъ сей орденъ для присутствія при послѣднихъ минутахъ—преимущество, всегда предоставляемое преступнику. Венено былъ одѣтъ въ грубый желтый фризовой балахонъ—цвѣтъ убійства и преступленія, видимый на всѣхъ Испанскихъ образахъ въ одеждѣ Иуды Искариотскаго. Тихо шелъ онъ по своему послѣднему пути, поддерживаемый окружавшими его монахами; онъ останавливался часто, для того, чтобы прикладываться къ кресту, который несъ передъ ними монахъ, или можетъ быть, желая еще продлить свое существованіе, хоть на нѣсколько драгоценныхъ мгновеній. Подойдя съ отвращеніемъ къ эшафоту, онъ сталъ на колѣни, на ступеняхъ его—порогъ смерти. Францисканскій братъ накрылъ его полою своей рясы и выслушалъ его предсмертную исповѣдь. Потомъ Венено взошелъ на площадку, въ сопровожденіи одного только монаха, обратился къ толпѣ, и прерывающимся отъ ужаса голосомъ, почти задыхаясь, проговорилъ, что онъ наказанъ справедливо и что онъ прощаетъ палача: *Mi delito me mata, y no ese hombre* (меня умерщвляетъ мое преступленіе, а не *этотъ человекъ*), прибавилъ онъ. *Ese hombre* выраженіе презрительное и даже обидное у Испанцевъ. Коренное чувство Испанца къ палачу выразилось даже въ послѣдніи мгновенія жизни разбойника. Потомъ Венено воскликнулъ: — «*Viva la fe! viva la religion! viva el rey! viva el nombre de Jesus!*» Такіе возгласы не отозвались ни въ чьемъ сердцѣ. Послѣдній крикъ его было: *Viva la Virgen Santissima!* и при сихъ словахъ благочестивое чувство Испанцевъ отозвалось въ общемъ крикѣ толпы: *Viva la Santissima!* Казнь злодѣя совершилась. Чернь потолковала объ его

преступленіяхъ, побранила судей, покритиковала палача, и потихоньку разбрелась по домамъ, къ великому удовольствію хозяевъ сосѣднихъ серебряныхъ лавокъ, которые начали отворять свои, досель закрытыя ставни, имѣя больше довѣренности къ болтамъ и затворами, нежели къ нравственной силѣ страшнаго примѣра, представленнаго зрителямъ....

Изъ Quart. Review, No СХХІІ, Апрель, 1838 г.

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-й ГОДЪ.

134. Исторія Россійской Церкви. Спб. въ тип. III Отд. Е. И. В. Канцеляріи, 1838 года, въ 8, IX и 370 стр.

Рядъ назидательныхъ и духовныхъ сочиненій, которыми ознаменовалъ себя въ отечественной литературѣ почтенный Авторъ «Путешествій» въ Иерусалимъ и къ Святымъ Мѣстамъ Русскимъ,» достойно продолжается въ предлагаемой имъ нынѣ читателямъ *Исторіи Россійской Церкви*, сочиненія достойномъ полнымъ вниманіемъ. Изобразивъ въ краткомъ очеркѣ всѣ важнѣйшія событія Церкви Россійской и Христіанства въ Россіи отъ введенія истинной вѣры, съ эпохи патріаршества авторъ излагаетъ предметъ свой подробно. Онъ заключаетъ свое сочиненіе учрежденіемъ въ Россіи Святѣйшаго Синода, духовнаго правленія, осуществившаго великую мысль Петра Великаго, и которое по граматамъ и благословенію Вселенскихъ Патріарховъ «естъ и нарицается нашимъ (Вселенскихъ Патріарховъ) братомъ, святымъ и священнымъ Синодомъ, отъ всѣхъ благочестивыхъ и православныхъ христіанъ, священныхъ и мірскихъ, начальствующихъ и подначальныхъ, и отъ всякаго лица сановнаго, и имѣетъ власть творити и совершати, елика четыре апостольскіи, святѣйшіи, патріаршіи престоли.» Многія мѣста новаго сочиненія почтеннаго автора ознаменовываются его извѣстнымъ уже читателямъ краснорѣчіемъ; многія особенно любопытны для Ис-

торіи по новости воззрѣнія на предметы и по многимъ неизвѣстнымъ донинѣ подробностямъ. Въ семь послѣднемъ отношеніи, мы укажемъ особенно на учрежденіе патріаршества, и на исторію Никона, донынѣ представленную всіми другими описателями невѣрно и недостаточно. Выписываемъ здѣсь въ заключеніе нѣсколько строкъ изъ предисловія почтеннаго автора, которыя могутъ вполне показать высокую цѣль его книги, истинно-христіанскій, назидательный образъ воззрѣнія на предметъ, а отчасти и образъ выраженія:

«Исторія Православной Церкви нашего отечества, предлагаемая мною,» говоритъ авторъ, «естъ только быстрый очеркъ великихъ событій, ознаменовавшихъ начало и постепенное развитіе сей цвѣтущей отрасли Вселенской Церкви. По мудрому устроенію Промысла Божія, когда мать всѣхъ Церквей, Церковь Иерусалимская, была обуреваема нашествіемъ иноплемениныхъ, тогда ярко просіяла на Востокъ Церковь Константинопольская и пустила отрасли на весь сѣверъ. Когда же, въ свою чреду, сама подверглась она бдѣствіямъ вѣнчаннымъ, сохранивъ внутреннюю чистоту, то внезапно, какъ море, выступившее изъ береговъ, распространилось православіе по необъятнымъ предѣламъ Россіи, и Восточная Каѳолическая Церковь можетъ нынѣ считать сыновъ своихъ отъ береговъ Адриатическихъ до пучинъ Восточнаго океана и Америкапскаго поморія, и отъ льдовъ, затирающихъ Соловецкую обитель на дикомъ островѣ ея, до внутреннихъ пустынь Аравіи и Египта, на рубежѣ коней стоитъ лавра Синайская. Картина сія, утѣшительная каждому христіанину, еще болѣе отрадна сердцу Русскому, по тѣмъ великимъ судьбамъ, какія уже исполнила и какія еще совершитъ, на столь обширномъ поприщѣ, отечественная Церковь наша. Пусть только стѣмленіемъ обратится онъ къ колыбели нашей вѣры, въ древній Кіевъ, или къ сердцу православія, первопрестольной Москвѣ, и мысленно послѣдуетъ за подвигами святителей, подобныхъ Кириллу, Петру, Алексію, Кипріану, Іоанъ, Филиппу, Іову, Гермогену, Филарету, и отшельникамъ, каковы были Антоній и Θεодосій, Сергій, Зосима, Кириллы, и другіе, имена конехъ неисчетны въ инокскомъ мірѣ дремучихъ льсовъ нашихъ, и Князей Владиміровъ, Михайловъ, Невскаго, которыхъ вѣнецъ земный просіялъ вѣнцемъ райскимъ. А сонмъ мучениковъ, а ликъ жепъ и мужей, всякаго возраста

и званія, святою жизнію или страданіями, исповѣдавшихъ имя Христова!... И посреди столь разнообразнаго зрѣнща поразительно единство вѣры, соблюденной въ такой неотступной чистотѣ, что не смотря на все обстоятельство, временно нарушавшія высшее общеніе между Церквами Восточнаго православія, все оны составляютъ одно цѣлое по духу. Когда еще недавно Церковь Грузинская, бывшая самостоятельной отъ четвертаго вѣка по Р. Х., вошла въ составъ Россійской, то не нашлось между ними, черезъ 15 столѣтій, ни малѣйшаго различія, не только въ догматахъ, но и въ обрядахъ, подобно, какъ и съ прочими Вселенскими престолами Константинополя, Александріи, Антиохіи, Иерусалима, и съ зависящими отъ перваго Церквами Молдавіи, Валахіи, Сербіи, Черногоріи, Трансильваніи, Иллиріи и вообще всей Славоніи.»

Не можемъ не изъявить здѣсь желанія, чтобы почтенный авторъ изложилъ намъ исторію Православной Церкви нашей въ сочиненіи болѣе подробномъ, подрывляемомъ приложеніями и цитатами въ подробностяхъ. Столь многое остается еще въ Русской Исторіи неполнымъ, касательно всѣхъ частей Церковной нашей Исторіи, что такая неполнота сравнивается развѣ только съ обиліемъ матеріаловъ, которыми нашъ почтенный авторъ можетъ пользоваться. Смѣемъ также отъ него ожидать и надѣяться Исторіи Россійской Церкви и отъ той эпохи, гдѣ оны остановился теперь, то есть, отъ 1721 года. Исторія послѣднихъ слишкомъ ста лѣтъ существованія православной Церкви Россійской драгоценна и назидательна не менше ея древней Исторіи. Она также представляетъ великое, утѣшительное зрѣнще другу человечества, православному христіанину и истинному сыну отечества, преданному сердцемъ и душою святой вѣрѣ праотцевъ и неизбѣжимымъ уставамъ Православной Церкви. Она также освѣтится для него чудесами, проявившимися въ прославленіи именъ святыхъ угодниковъ — Иннокентія, Димитрія, Феодосія, Митрофана; будетъ также повествовать о распространеніи проповѣди слова Божія апостолическими посланіями между дикарей, невѣдавшихъ свѣта истины; представитъ и великіе примѣры благочестія Царей Русскихъ, создавшихъ великолѣпные храмы — Казанскій, Христа Спасителя, Исакиевскій. Наконецъ, она представитъ дивную картину современнаго состоянія нашей

православной Церкви, утвержденной на чистотѣ вѣры, благочестія народа, мудрости Государей и смиренномудріи іерарховъ нашихъ. Кто же лучше почтенаго автора нашего можетъ взяться за изложеніе предмета, нами означаемого, и какой трудъ литературный можетъ быть полезнѣе, можетъ заслужить болѣе благодарность соотечественниковъ?

135. РАЗСУЖДЕНІЕ О ЕРЕСЯХЪ И РАСКОЛАХЪ, бывшихъ въ Русской Церкви съ времени Владимира Великаго до Іоанна Грознаго. Соч. студентомъ Моск. Дух. Академіи Николаемъ Рудневымъ, по предложенію Кашиера Графа Румянцева. М. въ тип. Синода, 1838 г. въ 8, 292, 69 и VIII стр.

«По предложенію Графа Румянцева,» вѣроятно, значить «на премію, учрежденную Графомъ Румянцовымъ для Духовныхъ Академій нашихъ,» посредствомъ чего желалъ сей ревнитель отечественныхъ Древностей обращать вниманіе учащихъ въ Духовныхъ Академіяхъ на предметы изъ отечественной Исторіи. Такому желанію незабвеннаго Румянцева обязаны уже мы нѣсколькими любопытными диссертациями. Къ числу ихъ принадлежитъ и сочиненіе г-на Руднева, хотя поваго въ немъ ничего нѣтъ, ни по источникамъ, ни по выводамъ. Сочинитель выбираетъ изъ Карамзина, Кеннена, Шацера, и другихъ всѣхъ извѣстныхъ писателей и источниковъ. Исторія ересей, какъ доказательство святости православія нашего, ибо все оны безслыбно разбивались о незыблемыя основанія его, какъ археографическое поясненіе многихъ сторонъ нашего народнаго духа, и наконецъ, какъ матеріалъ для философической исторіи заблужденій человеческого ума, едва начинатъ оны замѣнять вѣру умствованіемъ, исторія ересей, повторяемъ, по всемъ такимъ отношеніямъ могла бы быть для насъ весьма драгоценна и поучительна. Но она ждѣтъ еще опытнаго и любознательнаго историка. Всего недостаточнѣе показалось намъ въ книгѣ г-на Руднева изложеніе первобытныхъ временъ христіанства въ Россіи. Да, мы готовы еще притомъ спросить его: почему борьбу язычества съ истинною вѣрою въ отечествѣ нашемъ относить оны къ расколамъ и ересямъ? Намъ кажется, что все рассказы его о древнихъ волхвахъ и остаткахъ языческихъ суевѣрій въ Россіи вовсе къ предмету книги его не относились.

136. Опись предметов, сохраняющихся при Императорской Академии Наукъ (въ здании Кунсть-Камеры), въ отдѣленіи называемомъ Кабинетъ Петра Великаго, приведенномъ въ новое устройство въ 1837 году (безъ означенія года и мѣста печатанія), въ 8, 51 стр.

Въ числѣ достопамятностей С. Петербурга, всегда увлекавшихъ благоговѣйное вниманіе каждаго Русскаго, былъ, такъ называемый *Кабинетъ Петра Великаго*, особенное отдѣленіе *Палаты Искусствъ*, или *Кунсть-Камеры*, основанной симъ великимъ Монархомъ. Здѣсь собраны были одежда, мебель, оружіе, все что окружало въ частной жизни Петра, къ чему касались руки его — токарныя его вещи, станки, модели, библиотека, рисунки, и проч. Описаніе сего кабинета давно издано бывшимъ некогда надзирателемъ его Биллевымъ (въ 1793 г., и потомъ, съ дополненіями, въ 1800 г.). Къ сожалѣнію, драгоценное собраніе не обращало на себя, по разнымъ обстоятельствамъ, полного вниманія, было расположено безъ порядка и довольно небрежно. Нынѣ, когда въ Музеи Академическіе приведены въ превосходный порядокъ, и Кабинетъ Петра Великаго приведенъ въ надлежащее образованіе. За отдѣленіемъ изъ него части вещей, остальныхъ, съ прибавкою новыхъ *, размѣщены теперь въ трехъ комнатахъ, и для посѣтителей издано печатное исчисленіе всѣхъ находящихся въ нихъ предметовъ. Вотъ, что сказано было о семъ распоряженіи въ Отчетъ Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія: «Отдѣленіе Академіи, извѣстное подъ названіемъ *Кабинета Петра Великаго*, приведено въ новый, наружный и внутренній порядокъ. Приличная назначенію отдѣлка помѣ-

* Въ числѣ коихъ должно замѣтить: детскую розовую рубашечку Петра Великаго, хранившуюся прежде въ фамиліи Нарышкиныхъ; рисунокъ осады Азова, черченный Петромъ Великимъ, въ Амстердамѣ, и сохранившійся въ фамиліи г-дъ Нивертовъ, у предка коихъ жилъ тогда Петръ Великій, и проч. — Любопытно еще замѣтить здѣсь, касательно знаменитой лошади Петра Великаго, малый ростъ которой, судя по чучелью ея, не могъ не удивлять, соображалъ необыкновенный ростъ великаго сѣдока ея, что при починкѣ чучелью, въ 1837 году, задача малаго роста ея объяснилась: чучело была сдѣлана искусно и уменьшена; внутри ея оказалась большой запасъ кожи. Следовательно, лошадь Петра Великаго была гораздо болѣе того, какъ она по чучелью ея казалась.

щенія, полнѣйшее собраніе и удобнѣйшее расположеніе разныхъ вещей и предметовъ, принадлежавшихъ Великому Преобразователю Россіи, или имѣвшихъ къ нему ближайшее отношеніе, безъ сомнѣнія обратятъ нынѣ особенное вниманіе всѣхъ и каждаго на сіи драгоценнѣйшія для Русскаго сердца достопамятности, и справедливое любопытство посѣтителей не останется безъ полного удовольствія.»

137. Воспоминанія о Персіи 1834 — 1835, *Барона Феодора Корфа*. Спб. въ Гуттенберговой тип., 1838 г., въ 8, VI, 290 и IV стр.

Въ Августѣ 1834 года, нашъ путешественникъ выѣхалъ изъ Петербурга; девять мѣсяцевъ пробылъ онъ въ Тавриствѣ, или Тебриствѣ, и Тегеранѣ; какъ чиновникъ посольства Русскаго, имѣлъ случай видѣть вблизи много любопытнаго. И какъ нарочно, при немъ случились важныя событія въ Персіи: умеръ Фетъ-Али-Шахъ (въ Октябрѣ 1834 г.), и на престолѣ Персидскій вступилъ Мугаммедъ-Мирза, сынъ покойнаго Аббасъ-Мирзы (въ Декабрѣ), что на Востокъ рѣдко приходитъ безъ характерическихъ подробностей.

Признаемся: послѣ всего объясненнаго нами, мы ожидали отъ почтеннаго путешественника любопытной и занимательной книги, которая дополнила бы намъ небольшое число хорошихъ книгъ, писанныхъ о Персіи. Мы далеки отъ мнѣнія, что авторъ обязанъ былъ представить публикѣ историко-археологическо-географическія изслѣдованія, повѣрку другихъ описаній и сухое повѣствованіе о своемъ путешествіи. Но никакъ однакожъ не воображали мы, чтобы авторъ подчивалъ читателей книгою въ родѣ несчастныхъ *скиццовъ*, которые, признаваясь, кажутся намъ жалки и до приторности скучны и у Англичанъ и Нѣмцовъ, и отъ расположенія которыхъ къ Русской литературѣ, мы готовы просить защиты у всѣхъ духовъ покровителей Персіи, Индіи, Турціи и всего Востока!

Раумѣется, что наше желаніе автору не указъ, да мы и указывать ему не смѣемъ, а только сказываемъ наше мнѣніе. Вотъ слова автора (Предисловіе, стр. II, III): «Илигъ съухтай посѣтитъ Персію, въ 1834 и 1835 годахъ, я сего дол-

еюль отдать отчет читающей публикѣ Русской о впечатлѣніяхъ, произведенныхъ на меня краемъ, довольно малоизвѣстнымъ въ Европѣ. То, что зналъ я объ отечествѣ Саади и Гафиза до совершеннаго мною путешествія, изъ Русскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ книгъ, показалось мнѣ *на даль* въ иныхъ мѣстахъ недостаточнымъ, въ иныхъ же ложнымъ, и потому рѣшился я прибавить свою *крупицу* къ числу, если не хорошихъ сочиненій о Персіи, то, по крайней мѣрѣ, правдивыхъ. Не смѣю рунуться за то, чтобы *точка зрѣнія*, съ которой я разсматривалъ Персію, была *истинная*, по могу удостовѣрить моихъ читателей, что все замѣченное мною въ моихъ Воспоминаніяхъ списано съ *натуры*, перомъ безпристрастнымъ и не хвастливымъ. Я не *имѣлъ* намѣреній, по примѣру многихъ моихъ путешественниковъ, облекать предметы въ *пріятныя формы*, я не хотѣлъ досаждать читателю этими песносными фразами, которыми многіе путешественники *превращаютъ въ ничто* все, что не (ни?) относится къ описываемой ими странѣ. *Будучи далеко* отъ такихъ *зломысленныхъ замисловъ*, я говорилъ, что самъ видѣлъ, или слышалъ отъ достовѣрныхъ людей. Сужденія мои могутъ показаться ошибочными, поверхностными, дурными, по вѣрно ни кто не скажетъ, чтобы я имѣлъ въ виду *умышленно* вводить въ заблужденіе читателя — *грѣхъ тяжкій*, котораго я *боюсь* страшно и стараюсь избѣгать всегда. Повторяю еще разъ, я никакъ не ставлю себя на ряду тѣхъ (т. е. съ тѣми) путешественниковъ, которые изъ хвастовства, или по какой нибудь другой причинѣ, считаютъ долгомъ и обязанностью *хвалить безъ пощадки* все, ими видѣнное.

Сколько можно поплѣть изъ неопредѣленныхъ словъ автора, онъ предвѣряетъ, что *хвалить Персію* не будетъ. Никто и не требуетъ похвалъ; не всѣ и изъ предшественниковъ его хвалили Персію. Но спрашивается однакожь: справедливо ли и *бранить все* въ той землѣ, которую мы видѣли, особливо если мы видѣли ее мелькомъ, съ предубѣжденіемъ, безъ предварительнаго изученія не только ея самой, но и Востока вообще, что совершенно необходимо? Судя по книгѣ нашего почтеннаго путешественника, можно подумать, что Персія есть самая несчастная въ мірѣ земля, населенная хвастливыми и болтливыми злодѣями и дураками. Намъ кажется, что такая *точка зрѣнія* не *истинная*. И если угодно, мы укажемъ Ав-

тору, отъ чего произошла она — отъ того именно, что онъ вздумалъ писать *стихицы*, и въ слѣдствіе сего долгомъ почелъ *шутить*. Цѣлую книгу — онъ шутить, и шутить надъ всѣмъ. Смѣется описывая ужасы, смѣется описывая смѣшное, жалкое, важное и ничтожное. Ему все въ Персіи кажется смѣшнымъ. Желая избѣжать «песносныхъ фразъ, которыми путешественники превращаютъ въ ничто все, что относится къ описываемой ими странѣ,» между тѣмъ онъ только и занимается такими (или — какъ иныя пишутъ — этими) *фразами*, вставляя небывалыя сцены, рассказы, разговоры, которыхъ не могъ онъ слышать, и тѣмъ отнимаетъ у своихъ Воспоминаній великую цѣну достовѣрности. Не досадно ли, что просвѣщенный, образованный соотечественникъ намъ съѣздивъ въ Персію, и издавъ книгу, которая ничего не прибавляетъ къ свѣдѣніямъ нашимъ, и что вмѣсто занимательныхъ рассказовъ и описаній о столь замѣчательной и малоизвѣстной странѣ, онъ вывезъ намъ рассказы въ родѣ Моріеронскихъ романовъ, и вмѣсто описаній, достойныхъ просвѣщеннаго вниманія, говорить намъ — о заколдованныхъ колонахъ, о лекарь-пивоарѣ, о томъ, какъ ему тошнило въ Эмиадзинѣ отъ кальяна, о *салтыкахъ* конфектахъ, и о томъ, какъ бытъ по пятамъ палками въ Персіи, даже о томъ, какъ онъ въ фазановъ въ Георгіевскѣ, мылся въ Тифлисской банѣ, *догрызъ* кусокъ сыру на второй станціи отъ Тифлиса, и прочее, и прочее — и только!

Не только еще то, что языкъ въ книгѣ нашего путешественника требовалъ рѣшительной, предварительной перечистки. Не говоримъ о словахъ и фразахъ, въ родѣ слѣдующихъ: *чотокорить* палками — *шкочить* коня — *скворное* — мѣсто — *слишкони* любовнытъ, *чтобы* не подѣннлся — *Ариль* не *надуси* — *тлест* лучей солнца — стоило поглядѣть, *чтобы* *убидити* — обернулся назадъ, *чтобы* *спросити* — *изчезаютъ*, *чтобы* *дать* *мисто* — *востыни* барельефы — *бруниги* *остатки* верблюдовъ, ословъ, лошаковъ, лошадей, собакъ, кошекъ — когда пишешь объ этомъ, такъ дѣлается *отдышка*, всякое терпѣніе *лопнетъ*,» и проч. и проч., что отыщется въ такомъ родѣ на каждой страницѣ. Не говоримъ и о разстановкѣ *тосокъ* и *запятыхъ*, которыя корректоръ, кажется, забывалъ, читая корректуру. Приведенныя нами слова не показываютъ ли, что книга почтеннаго нашего путешественни-

ка писана подъ вліяніемъ разрушительнаго для чистоты языка стремленія къ популярности и разговорности, что стараются теперь *нѣкоторые* литераторы ввести въ нашу бѣдную словесность? Жалѣемъ, что почтенный путешественникъ увлекся этими пововодителями! Не они ли даже уговорили его придать *Воспоминаніямъ* несчастную *скиццеобразную* форму? Вліяніе этихъ людей замѣтно по многomu: на стр. 234-й мы встрѣтили даже забавное писанье иностранныхъ именъ Латинскими буквами съ Русскимъ окончаніемъ (*Cиръ Ненгу Ветһун'у*), а на стр. 288-й попался намъ знаменитый «конецъ *котловъ!*» Но если еще остается сомнѣніе, то его разрѣшаютъ эти, это, этихъ, которые разсыпаны на каждой страницѣ *Воспоминаній* съ Восточною роскошью. Маленькіе примѣры:

(Стр. 69) «Нахичевань.... Тутъ опять сомнѣніе: когда и кѣмъ былъ построенъ этотъ городъ? Нѣкоторые писатели видятъ въ немъ древнюю Наксауану. Мальтебрионъ принимаетъ нѣкоторымъ образомъ это предположеніе. Оно, кажется, имѣетъ основаніе, но не смотря на это, конечно, никто не поручится за его достовѣрность, и эта мысль, равно какъ и всѣ другія по этому предмету, останется все таки предположеніемъ. Вообще должно сказать, что мы досель не имѣемъ ничего удовлетворительнаго на счетъ географіи и исторіи Арменіи. Эта страна забыта совершенно. Ученые изысканія не касаются ее почти во все, какъ будто бы всѣ согласились оставить во мракѣ все, что касается до этого занимательнаго края..... Хорошо?»

(Стр. 97) Этого должно было, дѣйствительно, ожидать, по выдавать надежды за сущность, за настоящее, этого отнюдь не слѣдовало, а это сдѣлано.....» Нравится?»

(Стр. 112) «Эти сношенія приносятъ важную пользу образованности; это извѣстно, доказано, стало быть объ этомъ нечего и говорить. Въ этомъ отношеніи, слѣдственно, торговля Персіи такъ же любопытна, какъ и всякой другой земли. Но для подробнаго разсмотрѣнія этого обширнаго предмета должно посвятить гораздо больше мѣста, нежели сколько позволяетъ рамка моихъ воспоминаній. По этой причинѣ, ограничусь однимъ обзоромъ вѣншей торговли Персіи съ Россіею...»

Довольно! Если бы освободить «Воспоминанія о Персіи» отъ девяти десятыхъ долей *это, этихъ*; изгнать изъ нихъ популярныя слова и фразы; разставить правильно знаки препинаній; уничтожить галлицизмы; исключить девять частей шутокъ и гуморическихъ описаній и разговоровъ — изъ нихъ вышла бы очень занимательная брошюрка, писанная живыми и легкими слогами.

138. Очеркъ быта и правленія древней Спарты. Сочиненіе Ксенофонта, разобранное и представленное въ связи съ другими источниками, кандидатомъ Александромъ Рославскимъ. Харьковъ, въ Университетской тип., 1838 г., въ 8, 54 стр.

Между сочиненіями знаменитаго Ксенофонта полагаютъ небольшой трактатъ о Лакедемонѣ — полагаютъ, говоримъ, ибо многіе оспариваютъ подлинность сего сочиненія. По крайней мѣрѣ, оно подвергается не малой критикѣ, и по дѣли, и по сущности. Авторъ его, Ксенофонтъ, или кто другой, создаетъ себя изъ Лакедемона родъ маленькой Утопіи, паходитъ все въ Лакедемонѣ прекраснымъ, умалчиваетъ о злоупотребленіяхъ, извѣстныхъ по другимъ описаніямъ. Что же это такое? Нѣкоторые критики утверждаютъ, что авторъ написалъ отрицательную сатиру на шаловливыхъ Афинявъ; другіе идутъ дальше, и говорятъ, что Ксенофонтъ писалъ панегирикъ въ изъявленіе благодарности Лакедемонянамъ, давшимъ ему пріютъ въ изгнаніи. Всячески достовѣрно выходитъ одно, что сочиненія Ксенофонта о Лакедемонѣ, если и онъ писалъ его, нельзя считать вѣрнымъ изображеніемъ полудикой Спарты. Не говоримъ уже о томъ, что при всѣхъ блестящихъ краскахъ описателя, Спарта является здѣсь весьма далекою отъ идеала счастья и совершенства человѣческихъ обществъ на землѣ. Все это разсматриваетъ сочинитель небольшой диссертации, изданной нынѣ въ Харьковѣ, и если онъ увлекается нѣсколько своимъ предметомъ, если предметъ требовалъ для обработки пособій обширнѣйшихъ и развитія гораздо большаго, тѣмъ не менѣе мы съ удовольствіемъ видимъ ревностное занятіе автора классическою литературою Грековъ и любовь его къ такимъ занятіямъ. То и другое признакъ хорошаго.

139. Мѣсяцословъ на 1839 годъ. Спб. въ тип. Академіи Наукъ, 1838 г. въ 8, 195 стр.

Появленіе календаря, какъ бой часовъ, не есть ли темен-то могъ каждому изъ насъ, и чья голова не склонится на него съ полусчастливою думою? По крайней мѣрѣ, въ пѣтственные годы, наступленіе новыхъ годовъ наводитъ болѣе грусти, нежели радости. Отчетъ за прошедшее съ каждымъ годомъ становится грустнѣе, будущее съ каждымъ годомъ неоправдимо сокращается, и болѣе заставляетъ каждого изъ насъ задумываться... Время не ждетъ, а готовы ли мы?... И напрасно тяжелую думу заливать шампанскимъ и заглушать звукомъ трубъ въ новый годъ; она ляжетъ подъ вашу подушку въ ночь на первое Января, и пары шампанскаго не затмятъ ея тяжелыхъ сновидній. Да и горе тому, кто постарается затмить ихъ....

Но обо всемъ сказанномъ здѣсь можно подумать 1-го Января, а потомъ можно опять забыть все это на годъ. Теперь, когда до Января остается еще цѣлый мѣсяць, что грустить о томъ, либо о другомъ — можетъ быть, кое кто изъ насъ и до Января-то не доживетъ.... Прошу нагруститься! Посмотримъ лучше: нѣтъ ли чего новаго въ календарѣ?

Очень многое! Кромѣ известныхъ уже всемъ и каждому вещей, какъ то, что будущій годъ будетъ 7347-й отъ сюты міра; что онъ *простой*; что весна начнется Марта 9-го, лѣто Юня 10-го, осень Сентября 11-го, а зима Декабря 10-го, въ будущемъ году будутъ разныя необыкновенныя поности: два солнечныя затмѣнія, изъ коихъ мы въ Петербургѣ ни одного не увидимъ; комета Бѣлы (или Бѣллы), которую мы видѣли въ 1832 году, опять пролетитъ по нашему небу; но не бойтесь — она така маленъкал, смиренна, безхвостал, и даже простыми глазами видима не будетъ; весь поперечникъ ея лдра не болѣе 140 верстъ, и она знакомал намъ гостя — являлся къ намъ черезъ каждыя 6 лѣтъ и 270 дней. Гораздо любопытнѣе, что Пасха въ 1839 году будетъ у насъ самал ранняя — на другой день Благовѣщенія, 26-го Марта. Следовательно, Масленица наступитъ съ 29-го Января, а Великій Постъ съ 5-го Февраля, Вознесеніе будетъ Мая 4-го, Троицынъ день Мая 14-го, и т. д. —

140. Басни и сказки Хемницера, съ приложеніемъ его биографіи, написанной Н. А. Ползевымъ. Изданіе тринадцатое. (книгопродавца Фарикова) Спб. въ тип. Военной, 1838 г. въ 32-ю долю, XXXIII и 183 стр., съ портретомъ и картинками.

Недавно говорили мы о плохомъ миниатюрномъ изданіи Хемницера, выпущенномъ въ Москвѣ, и красивомъ изданіи, тоже миниатюрномъ, изданномъ въ Спб. И. П. Сахаровымъ. Вотъ и *третье* миниатюрное изданіе ихъ, также названное *тринадцатымъ*. Оно красивѣе всѣхъ, и къ нему прибавлена весьма дѣльная статья о басняхъ Хемницера, гдѣ сочинитель мало рассказываетъ о жизни Хемницера, но, какъ намъ кажется, оспетательно судитъ объ историческомъ значеніи его въ нашей литературѣ. Съ Хемницеромъ сбывается въ наше время участь столь многихъ: онъ былъ забытъ во время жизни, забытъ потомъ въ теченіе полувѣка послѣ смерти, а теперь потомство узнаетъ и высоко оцѣняетъ его по достоинству.... Но, послѣ такихъ примѣровъ, что же такое ты, *святъ*? Ты, которая бѣжишь отъ насъ, когда мы за нею гонимся, которая бѣжитъ за нами, когда мы не думаемъ объ ней, даже бѣжимъ отъ нея! Едва могъ существовать бѣднѣй Хемницеръ живой, позабытъ былъ всеми мертвый, а теперь.... Послушайте поэта, который при жизни испыталъ всю сладость и всю горечь людскою молвы и славы. Онъ самъ ничего не рѣшалъ объ ней — называлъ ее *яркой заплатой на ветхоломъ рубиши*. И въ минуты грустнаго раздумья, онъ спрашивалъ объ ней у Овидія:

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ снѣгомъ дикой кущи
Цыгана дикаго разказъ?

141. Годъ жизни въ Петербургѣ, или негодный *третий* годъ постиженія. Сочиненіе Александрова. Спб. въ тип. А. Воейкова и К., 1838 г. въ 12, 202 стр.

Едва ли чья пибудь литературная известность создавалась такъ быстро, какъ известность соотечественницы нашей, вообще

знаемой под именем *Дьявицы-Кавалериста*. Иначе и нельзя было. Тут соединился личный интерес и участие в авторствъ съ его сочиненіемъ, и притомъ едва ли какалъ нибудь литература можетъ представить примѣръ подобнаго, столь любопытнаго сочиненія, какъ записки г-жи Дуровой. Удивляемся, какъ до сихъ поръ книга ея не переведена на другіе языки. Тогда, по вниманію другихъ, можетъ быть, и мы умѣли бы лучше оцѣнить сочиненіе соотечественницы нашей по его литературному достоинству. Безъ того, при невнимательности нашей, при малой потребности чтенія, при томъ состояніи нашего образованія, когда всякая книга есть еще для насъ только предметъ роскоши, что-то въ родѣ мебели, какое-то средство убить досугъ, котораго некуда намъ дѣть, не удивительно, что сочиненію Дьявицы-Кавалериста не отдали у насъ полной цѣны. Оно имѣло у насъ только достоинство новости, какъ романъ, какъ разгаданная загадка, которою потѣшилось праздное любопытство, и бросило потомъ, какъ игрушку, для того, чтобы приняться за другую, которую бросить въ свой чередъ. Надобно признаться притомъ, что *повѣсти и рассказы*, помѣщенные въ послѣдствіи Дьявицею-Кавалеристомъ въ одномъ Русскомъ журналѣ, не могли поддержать ея литературной извѣстности — можетъ быть и потому, что онѣ являлись совершенно обезображенные чужою рукою. Впрочемъ, можетъ быть, сей родъ сочиненій и не годится для нашей соотечественницы, или можетъ быть, ей надобно еще угадать, что именно должна она избрать въ семь родѣ. По крайней мѣрѣ, прочитавъ въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ* отрывки изъ новыхъ ея записокъ, мы какъ будто встретились съ старымъ знакомымъ: опять тотъ же огонь, то же мастерство разсказа, та же занимательность, все, что видѣли мы въ прежнихъ запискахъ и чего не видали мы потомъ въ повѣстяхъ. Нетерпѣливо ждемъ полученія изъ Москвы новыхъ записокъ, а между тѣмъ съ удовольствіемъ прочитали мы *Годъ жизни въ Петербургѣ*. Не рассердится ли на насъ сочинительница за слово: съ удовольствіемъ, потому, что небольшая книжка ея есть слѣдствіе досады и неудовольствій, какія причинили ей повѣдка и годовое пребываніе въ Петербургѣ? Но, что дѣлать, если иногда именно такое отношеніе писателя доставляетъ читателямъ наслажденіе и удовольствіе? Видный Руссо извѣдалъ въ своихъ *Confessions* скорбь и досаду, а мы читаемъ его

Confessions съ наслажденіемъ. Впрочемъ, большая разница между книгою Руссо и сочиненіемъ нашей соотечественницы. Она не изображаетъ страданій въ родѣ Руссоовскихъ, но полупнутя, полупечально рассказываетъ самыя обыкновенныя событія. Видите: рѣшась издать свои записки, она отнеслась къ Пушкину. Тотъ принялъ отрывокъ изъ нихъ, какъ поэтъ, съ восторгомъ. Рѣшась послѣ того вѣхать въ Петербургъ, она отнеслась о пособіи для дороги къ друзьямъ, знакомымъ, сосѣдямъ — все *обшались* и никто не *пособилъ*. Путь отъ Казани до Петербурга, знакомство съ Пушкинымъ, процессъ изданія записокъ, книгопродавцы, начавшіе покупать *эже.лит.лрцы*, съ своими обыкновенными ужимочками; впечатлѣніе записокъ на читателей, желаніе многихъ видѣть Дьявицу-Кавалериста, ласковыя встрѣчи, холодность и невниманіе потомъ, когда любопытство было удовлетворено — вотъ все что составляетъ содержаніе *Года жизни въ Петербургѣ*. Если мы прибавимъ, что разсказъ превосходенъ, исполненъ добродушія, искренности, мѣстами оживленъ умною насмѣшкою, въ другихъ отгѣпнѣнъ неинтереснымъ чувствомъ сердца, и живо и ярко изображаетъ *свершинность* нашу въ обществѣ, читатели согласятся съ нами, что новое сочиненіе Дьявицы-Кавалериста можетъ составить чтеніе самое интересное и увлекательное, которое заставитъ улыбнуться, а всего скорѣе вздохнуть о людской участи... Какъ хороши тутъ портреты Пушкина и его яркаго, поэтическая физіогномія; болливала, дружелюбная г-жа С—ва; г-нъ Е—ра съ своею шляпою въ рукахъ; внутренная г-жа Н. Н.; важный генералъ П., и множество другихъ портретовъ, которыми такъ живо и ловко расплатилась за свои досады и *невыгоды третнихъ послѣдній* Дьявица-Кавалериста! Хотите ли трогательнаго? Посмотрите на посѣщеніе Коломны, гдѣ черезъ 15 лѣтъ, сочинительница не шла уже ни знакомыхъ, ни друзей, въбогда столь веселыхъ и счастливыхъ! — Выпишемъ здѣсь немного словъ, въ доказательство того, что говоримъ: «И такъ пѣтъ въ этой сторонѣ ни родныхъ ни друзей моихъ!... Прости, Коломна! Развѣ еще въ глубокой старости приду я сюда, въ послѣдній разъ взглянуть на все то, на что смотрю теперь, и на что смотрѣла — пятнадцать лѣтъ тому... Теперь понимаю еще прежнія ощущенія, понимаю, что за потерю ихъ нельзя заплатить сокровищами всего свѣта.. Теперь могу еще забыть прошедшія пят-

падцать лѣтъ, забыть, и — радостно пройти по дачамъ Р., княгини В., Н., съ восторгомъ прочитать знакомыя надписи — отыскать между ними свои, и многое — многое припомнить... Но тогда — я пойду уже медленно, нога за ногу, опираясь на трость... Можетъ быть, какая нибудь изъ надписей, особенно на деревьяхъ, уцѣлеть; я прочитаю ее сквозь очки, качая съюю головою, и думаю: «Какое безуміе!...» Это прекрасно, и повторяемъ, заставляетъ съ петербургскимъ ожидать новыхъ записокъ г-жи Дуровой...

142. *Фаустъ. Сочиненіе Гете. Переводъ Эдуарда Губера.* Спб. въ тип. А. Плюшара, 1838 года, въ 8, XX, XXI и 248 стр.

Въ отношеніи къ труду г-на Губера, мы до сихъ поръ исполняли нашу обязанность *журналиста* и *читателя*, такъ, какъ многіе понимаютъ сію обязанность. Мы предварили читателей о появленіи перевода, выпросили потомъ у переводчика обращеніе труда его въ С. О., ждали «съ большими надеждами» появленія Фауста вполне, прочитали его, когда онъ явился. Намъ остается теперь воскликнуть: «*Наконецъ, мы дождалась — Фаустъ Гете,*» и проч. и прочее; или заплѣть пьесно на такой манеръ: «*излишне было бы говорить — что не знаетъ*», и прочее; или наконецъ, обѣщать *поговорить подробно*, выписать нѣсколько стиховъ для образца, и — умолкнуть...

Какъ это глупо, какъ это пошло — скажете вы. Однакожь, Мм. Гг. не такова ли исторія появленія весьма многого въ литературѣ и журналистикѣ нашей? Не то ли дѣлалось съ Плиадою Гвидича, Борисомъ Годуновымъ Пушкина, появленіемъ Гамлета, Макбета, Отелло въ Русскихъ переводахъ, и почти со всею тѣмъ, гдѣ наша критика могла бы развернуть и показать силы свои?

Намъ кажется, что появленіе Фауста можетъ почтестель превосходнымъ осязкомъ нашего современнаго образованія, нашего критеріума и нашей журналистики. Сколько тутъ любопытныхъ сторонъ и задач! Главное, великое твореніе Гете передано намъ. Мы можемъ теперь обезживать его, прибавить наше самобытное сужденіе къ тому, что говорили объ

идею Фауста, и о томъ, что сдѣлалъ изъ нея Гете въ своемъ Фаустѣ, Нѣмцы, Французы, Англичане; потомъ ждешь насъ истинное наслажденіе судить о томъ, какъ передано и хорошо ли передано твореніе Гете по Русски, что именно хорошо въ сей передачѣ и какія въ ней слабыя стороны? Съ особеннымъ любопытствомъ будемъ мы теперь прислушиваться къ тому, что стануть говорить Русскіе читатели и Русская критика о Фаустѣ.

Что касается до насъ собственно, то — мы не скажемъ на сей разъ ни одного словечка. Фаустъ знакомъ намъ давно; имѣя уже объ немъ свою, вѣрную или невѣрную, по, по крайней мѣрѣ, удовлетворяющую насъ идею, и хорошо ознакомясь теперь и съ Русскимъ его переводомъ, мы обѣщаемся говорить о трудѣ г-на Губера — черезъ годъ. До тѣхъ поръ, будемъ ждать и наблюдать, что скажутъ другіе, а теперь, при появленіи его, ознакомимъ только читателей, которые не читали еще перевода г-на Губера, съ огромнымъ трудомъ его нѣсколькими выписками. Вотъ *посвященіе* памяти Пушкина — трогательное воспоминаніе о знакомствѣ съ нимъ, и о томъ, что его совѣты побудили г-на Губера къ переводу Фауста, читатели найдутъ въ предисловіи къ Фаусту:

Когда мени на подвигъ трудный
Ты улыбался вызывалъ,
Я вѣрять силъ безразсудной
И трудъ могучій обѣщавъ.
Съ тѣхъ поръ, одинъ, вдали отъ свѣта,
Отъ празднои вѣги бытія,
Благословеніемъ поэта
Въ почныхъ трудахъ крѣпился я.
И грозный образъ исполнил
Явился пламеннымъ мечтамъ,
И вскрылась дивная картина
Монимъ испуганнымъ очамъ.
Тогда невѣдомыя муки
Глубоко въ грудь переплелись,
И думы въ пламенные звуки,
Въ глаголы жизни облеклись.
Ты разбудилъ нѣмыя силы,
Ты завѣщавъ мнѣ новый свѣтъ,
И я — къ дверямъ твоей могилы
Несу изсрѣвльый, блѣдный цвѣтъ

Въ пѣмой тоскѣ, вдали отъ свѣта,
Въ своей незнаемой тиши,
Я приношу на гробъ поэта
Смиренный даръ моей души.

Простой листокъ въ вѣнкѣ лавровомъ,
Простая дань души простой,
Не поразить могучимъ словомъ
И не богата красотой.

Нѣтъ, въ грустный часъ томлящей муки,
Мнѣ громкихъ пѣсень не дано;
Мнѣ облекать въ живые звуки
Моей тоски не суждено!

Но надъ могилкою кровавой
Я брошу блеклый мой листокъ,
Пока сплететь на гробъ славы
Другой пѣвецъ — другой вѣпокъ...

Прелестные стихи — глубокая, свѣтлая мысль! — Любопытно было бы представить еще читателямъ въ параллели переводъ Гетева посвященiя, сдѣланный Жуковскимъ, и переводъ его г-на Губера; не менѣе любопытна могла бы быть параллель пролога въ переводъ г-на Губера и Грибоедова. Но все такія параллели увлекли бы насъ далеко въ выписки. Потому не выписываемъ мы здѣсь и нѣсколькихъ сценъ, могущихъ показать дарованiе и искусство переводчика. Можете повѣрить ихъ, читая, напримеръ, сцену въ соборъ (стр. 190), переводъ Вальпургской ночи, сцену послѣднюю (стр. 226), гдѣ ярко видны то и другое въ полномъ разнообразiи.

Не знаемъ, хорошо ли поступилъ переводчикъ, что былъ очень скупъ на предисловіе и на примѣчанiя. Въ предисловіи, онъ объясняетъ только исторiю легенды Фауста, кратко пересказываетъ переходъ ея въ различныя времена, и еще короче то, какъ развивали идею ея Кальдеронъ и Байронъ — о Гете сказано мимоходомъ нѣсколько словъ. Матерiальное изложенiе Гетева Фауста находимъ въ примѣчанiяхъ.

Теперь — надобно же намъ немного, хоть за что нибудь, обратиться съ переводчикомъ? На то мы критики! И вотъ, откровенно признаемъ, не безъ горя замѣтили мы, что несчастные *это, эти* нашли себѣ убѣжище, не только въ прозѣ г-на Губера, но — даже и въ стихахъ его: какъ рѣпейникъ, они проглядываютъ въ нихъ и безобразяютъ самыя пре-

красныя мѣста! Мы готовы умолять г-на Губера и всѣхъ Русскихъ поэтовъ, готовы сказать имъ —

Васъ молимъ, Русскіе поэты,
Любимцы пламенной мечты,
Вооружитесь вы на эти!
Когда ихъ жалкой пестроты,
Ихъ прозы на страницахъ прозы
Освободится намъ не лѣзя —
Хоть изъ стиховъ ихъ вопль, друзья:
Они крапива, а не розы!

И въ семь случаевъ, всего болѣе должно обращаться къ людямъ съ такимъ несомнѣннымъ дарованiемъ, какъ г-нъ Губеръ, къ людямъ, могущимъ владѣть прозою и стихами ловко, смѣло и искусно. Предоставьте *это* и *эти* прозѣ журпальной, прозѣ приказной, прозѣ разговорной о чепчикахъ и погодѣ, но, ради Бога не допускайте ихъ въ поэзію — закладываемъ васъ тѣню Пушкина, который терпѣть немогъ и гналъ *это* и *эти*, и не безобразилъ ими прекрасныхъ стиховъ своихъ... Впрочемъ, объ этомъ поговоримъ мы подробнѣе послѣ — надѣясь, что любезный переводчикъ Фауста не разсердится на наше обвиненiе безъ доказательствъ — обратится къ другому. Вотъ еще замѣчательное явленiе нашей литературы:

143. БЕСѢДЫ РУССКАГО ИНВАЛИДА, или *новый подарокъ товарищамъ. Сочиненiе Ивана Скобелева*. Двѣ части. Спб. въ тип. Н. Греча, 1838 г. въ 8, XIX, 176 и 143 стр., съ лит. портретомъ генерала Бистрома.

Иногда, для вѣрнаго сужденiя о какой нибудь книгѣ, непременно слѣдуетъ прежде всего условиться въ нашемъ сужденiи.

Различите общiя литературныя формы отъ формъ случайныхъ и особенныхъ. Могутъ быть книги, писанныя съ особенною, извѣстною цѣлюю, и ихъ нельзя судить по общимъ законамъ литературнаго уложенiя; въ нихъ иногда, именно отступленiе отъ общихъ законовъ есть неперемѣнное условiе ихъ самобытнаго достоинства.

Такова книга: *Подарокъ товарищамъ*, нашего отца-командира, Н. Н. Скобелева, которую наизусть выучиваютъ наши Русскіе солдаты, и которою не налюбуется вся Русь православною. Таковъ и изданный нынѣ его *Новый Подарокъ то-*

вариация: форма, подробности, выраженіе, все въ нихъ не спрашивалось уставниковъ кавыкъ синтаксическихъ и орфографическихъ. Самъ отецъ-командиръ создалъ себѣ честь и славу воинскую, заплативъ за нихъ своими молодецкими руками и кровью, пролитую на поляхъ брани. Одинъ изъ тѣхъ людей, кто видѣлъ его въ самую высокую минуту его жизни, подъ Реймсомъ, гдѣ поставленный на вѣрную гибель для спасенія другихъ, онъ говорилъ солдатамъ: «*Товарищи! теперь я не полковникъ вашъ, но только старшій солдатъ между вами! Мы дали присягу жить для Царя православнаго — дали вторую присягу — умереть за него!*» И съ этими словами схватилъ онъ ружье, надѣлъ солдатскую суму и бросился впередъ — самовидецъ сего чуднаго подвига говорилъ намъ: «я увѣренъ, что дайте Скобелеву поговорить съ солдатами — и новобранные рекруты пойдутъ съ нимъ на баттарю!» И вотъ такой-то *говоръ души*, такой солдатскій *языкъ* передаетъ письму *остаткомъ рукъ своихъ* нашъ Скобелевъ, и то, что говоритъ онъ, называетъ онъ *подарками товарищамъ*. Возьмитесь за книгу его съ педантизмомъ грамматикъ и умозрѣнемъ теоріи, она не выдержитъ вашего суда. Но судите книгу его, какъ народную пѣсню, какъ безыскусственныя слова, которыми двигаютъ страсти въ пылу горячѣй жизни — прелесть неизяснимая! Гдѣ взяты такія подробности, такое разнообразіе, такія выраженія? Откуда такой гуморъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такая трогательная прелесть и поражающая сила? Изъ сердца, Русскаго сердца, кипящаго вѣрой въ Бога, любовью къ Царю, дышащаго чистою нравственностью, изъ жизни, испытанной горемъ и радостью, изъ быта Русскаго, который умѣлъ наблюдать нашъ писатель-воинъ во всѣхъ званіяхъ, во всѣхъ обстоятельствахъ! Если вы думаете, что безпорядокъ въ рассказѣ, переходы его, всѣ изгибы языка, игра на всѣ лады Русскаго слова, все, что видите вы у него, доказываютъ легкость работы — попробуйте писать въ его роцѣ! Вы убедитесь, что онъ легокъ тому, кто самъ изобрѣлъ его, кому онъ *природенъ*, такъ сказать, но что искусству подѣ него нельзя поддѣлаться. Изъ всѣхъ Русскихъ писателей, только графъ Ѳ. В. Ростопчинъ зналъ тайну такого языка, которымъ шевелилъ онъ сердца въ своихъ «Мысляхъ въ слухъ», въ своихъ афишкахъ 1812 года.

Выписки изъ книги Н. Н. Скобелева не могутъ показать

всѣхъ ея многообразныхъ достоинствъ. Ее надобно *гипать* *вполнѣ*. Но если уже надобно указать на что нибудь именно болѣе блестящее, болѣе разительное — мы указали бы на рассказъ о подвигѣ Булатова (Ч. I, стр. 18), рассказъ о Петровѣ (стр. 40), рассказъ о Зайцовѣ (стр. 144), рассказъ о томъ, какъ одинъ Русскій удалецъ подшутилъ съ *пикотормъ* Французскимъ бариномъ (Ч. II, стр. 15), мѣста, гдѣ говоритъ о Бистромѣ, о Котляревскомъ... Но однакожъ, мы такимъ образомъ переберемъ обѣ книги... Выпишемъ лучше въ окончаніе нѣсколько словъ, какія попадутся, безъ выбора — вотъ, напримѣръ, слѣдующія: «На лицѣ земли нѣтъ ничего вѣчнаго, и даже прочаго: все обречено тлѣнью и забвенію. Но стократъ счастливъ тотъ герой, чье имя кровью записано въ исторіи царства, и кто въ разлукѣ души съ тѣломъ упрочилъ торжественную, вѣрному сыну святаго Божьяго храма отрадную минуту, въ уилату своей страдальческой жизни»...

144. Юрій Милославскій, или *Русскіе въ 1812 году*. Соч. М. Загоскина. Три части. Изданіе пятое. М. въ тип. Н. Степанова, 1838 г. въ 12, 195, 126, 199 и VI стр., съ 5-мя заглави. гравир. листками.

145. Искуситель. Соч. М. Загоскина. Три части. М. въ тип. Н. Степанова, 1838 г., въ 12, 244, 242 и 253 стр.

Недавно какъ-то публика призываема была въ посредники, по случаю возникшаго спора о *первородствѣ* Русскаго историческаго романа. Не знаемъ, за кѣмъ осталось право старшинства. Сколько намъ извѣстно, Русскій историческій романъ существовалъ весьма издавна, и въ новѣйшее время только женился онъ на новой идее, уроженкѣ Шотландской, отъ котораго благословеннаго брака произошло весьма большое потомство; старшею дочкою при семь супружествъ была историческая сказка: *Романъ и Ольга*, Марлинскаго, а самымъ любимымъ сыномъ Русской земли остался изъ всей многочисленной братіи: *Юрій Милославскій*.

Да, онъ любимое, балованное дитя Русскихъ читателей! Что прикажете дѣлать? На него можно написать сильную критику, можно доказывать, что въ немъ и то несовершенно, и это хорошо, и здѣсь невыдержано, и тамъ слабо. За Т. VI. — Отд. IV.

критиками и не было недостатка. Но, не смотря ни на что, *Юрий Милославский* был и остался любимым Русским чтением. Мы считаемъ безспорною аксіомою, что какъ дѣйствія не бываетъ безъ причины, такъ и подобной благосклонности публики должна быть причина въ какомъ нибудь особенномъ достоинствѣ сочиненія. Имѣвши время думать о томъ, съ перваго появленія *Юрия Милославскаго*, читавши послѣ того всѣ другія сочиненія М. Н. Загоскина, имѣвши большій или меньшій, но всегда успѣхъ, мы находимъ причину такого постояннаго успѣха въ истиннѣ непритворнаго чувства, въ сердечной, такъ сказать, искренности, съ какою создаетъ нашъ романистъ свои романы и повѣсти. Они могутъ быть невѣрны исторіи и кодексу сердца человѣческаго, но они искренно вѣрны тому понятію, какое создаетъ себя авторъ. Тоже самое и въ выраженіи, или языкѣ автора: онъ согрѣтъ какою-то добродушною, самобытною теплотою, которой не замѣнитъ никакая холодная логика ума. Кромѣ того, всѣ творенія М. Н. Загоскина такія *Русскія*, онъ такой мастеръ рассказывать о Русскомъ бытѣ, что его заслушивается невольно, говорить ли онъ объ удаломъ Киршѣ, ведетъ ли повѣсть о Кузьмѣ Рощинѣ, повѣствуетъ ли о домашнемъ театрѣ помѣщика провинціала и псовой его охотѣ...

Вотъ по всѣмъ такимъ причинамъ, мы полагаемъ, судя по себѣ, что и новый романъ М. Н. Загоскина сдѣлается любимымъ чтениемъ Русскихъ читателей. Впрочемъ, тутъ открывается еще странное свойство нашего любезнаго романиста. Уже изъ прежнихъ повѣстей могли мы замѣтить, что онъ очень любить чудесныя бытія и рассказы, гдѣ духи, привидѣнія, инстинцизмъ, тайны невѣдомаго человѣку міра играютъ первую роль. Казалось бы, подобный складъ воображенія совсѣмъ не шель къ положительному, главному основанію нашего романиста, но развѣ В. Скоттъ, самый *положительный* умъ, не любитъ таинственностей, не почиталъ Радклиффъ великою писательницею за неподражаемое искусство ея романтическихъ привидѣній и подземельевъ? Можетъ быть, здѣсь является міръ фантастическаго міра съ положительнымъ отъ самой ихъ противоположности. Такъ, послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ повѣстяхъ, основанныхъ на таинственномъ рассказѣ, М. Н. Загоскинъ создалъ теперь на немъ свой но-

вый романъ. Искуситель рѣшительно дѣлится на двѣ, совершенно разныя части: въ первой представленъ сельскій бытъ Русскихъ помѣщиковъ въ прошломъ столѣтіи; изображаются первыя, невинныя впечатлѣнія любви двухъ милыхъ молодыхъ людей. Но свадьба ихъ отложена; герой романа ѣдетъ въ Москву и попадаетъ въ большой свѣтъ, и еще больше: попадаетъ въ какой-то фантастической свѣтъ, гдѣ окружаютъ его мечтатель, ученикъ Каміостро и *искуситель*, Нѣмецкій баронъ, таинственное лицо, воплощенный Мефистофель. Отсюда рядъ увлекательныхъ картинъ, гдѣ ярко и свободно разыгрывается воображеніе автора. Герой романа готовъ погибнуть, но подлѣ него ангелъ-хранитель его — добрый основанія, которыхъ не исторгаютъ никакія искушенія, и еще таинственное лицо, въ видѣ добродѣтельнаго старца. Развязка совершается быстро; авторъ ничего исполнѣ не объясняетъ, да и кто станетъ требовать объясненій въ романѣ? Идеи и цѣль автора понятны и ощутительны, а романъ не антропологическая диссертация. — Герой романа обращается къ прежнему спокойному быту своему и дѣлается счастливъ. Добро торжествуетъ, зло гибнетъ.

Осуждать ли нашего романиста за двойственную интригу его рассказа? Почитать ли ее недостаткомъ искусства? Но крайней мѣрѣ, мы не беремъ на себя права осуждать: мы были увлечены, читалъ *Искусителя*, и думаемъ, что искусство можетъ быть разнообразно до безконечности. Если главное условіе: интересъ, увлекательность выдержаны — читатель имѣетъ право судить, сказывать свое мнѣніе, но не осуждать, ибо онъ обязанъ поставить себя на ту точку зрѣнія, съ которой смотрѣлъ сочинитель. Вы возразите, что то могло быть лучше, это могло быть совершеннѣе; но идеальное недостижимъ человѣку, и если вы можете вообразить себя что нибудь лучше и совершеннѣе — создавайте его сами, но у сочиненія, судимаго вами, не отнимайте принадлежащаго ему достоинства. Признаемъ, если бы спросили насъ, мы указали бы на многое, что не удовлетворило насъ во второй половинѣ *Искусителя*, когда первую часть находимъ мы рѣшительно превосходною. Какое мастерство въ очеркахъ характеровъ! Какое искусство и знаніе быта сельскихъ чудаковъ и сельской жизни! Сцена театра, сцена бала и ссоры

провинциальных щеголей — вот неподдельный комиссъ въ высокой степени!

Если бы осмѣливались мы совѣтовать почтенному М. Н. Загоскину, мы сказали бы ему: «Вашъ *Искуситель* достоинъ автора Юрія Милославскаго, но напишите намъ еще ромашъ, въ родѣ первой части *Искусителя*, безъ заморской чертовщины. Мы увѣрены, что *лучше васъ*, любезнѣйшій М. Н., *никто* на святой Руси подобнаго романа не напишетъ! Нельзя ли подумать объ этомъ? Нельзя ли, благословясь, приняться за трудъ, который вполнѣ будетъ вознагражденъ во всѣхъ отношеніяхъ?»

Замѣтимъ, что изданіе *Искусителя* весьма красиво; только корректура его весьма небрежна, но кто печаталъ книги, тотъ знаетъ, какое трудное дѣло корректура въ нашихъ типографіяхъ....

146. Современникъ. Томъ XII. Сиб. въ тип. А. Боейкова и К., 1838 года, въ 8, 128, 96 и 94 стр.

Последняя книга Современника на сей 1838 годъ, отдыхъ перу журналиста, отрадная точка, съ которой онъ обозрѣваетъ пройденное имъ поприще, и какъ страшнѣе Жуковскаго, не вступая еще на новое бурное поприще журналиста, глядитъ и думаетъ:

... Тамъ я страдалъ,
Тамъ былъ уныль, тамъ ободрялся,
Тамъ, утомленный, отдыхалъ
И съ новой силою собирался...

Счастливъ журналистъ, если годовой отчетъ подарить его отрадною мыслию: «*трудъ мой былъ не бесполезенъ!*» Почтенный П. А. Плетневъ можетъ утѣшить себя подобною отрадною мыслию. Но прежде всего поговоримъ о 12-й книжкѣ *Современника*.

Въ пей, по обыкновенію другихъ книжекъ Современника, нѣсколько статей поддерживаютъ честь и достоинство изданія, начатаго Пушкинымъ. Такими назовемъ мы: замѣчательную статью г-на Дала о Гомеопатіи (или *Омеопатіи*, какъ пишетъ авторъ), гдѣ онъ, какъ медикъ, торжественно преклоняетъ колѣна передъ Ганцманомъ, отрекается отъ аллопатіи

ческаго певѣрія и признаетъ волшебную силу децильонныхъ гомеопатическихъ частицъ. Какое торжество для гомеопатовъ, какой ударъ аллопатамъ, последователямъ Леруа, приверженцамъ *гладолеченія*, *водолеченія*, и столькихъ другихъ сектъ, на которыя дѣлится теперь Медицина! Какъ люди посторонніе, замѣтимъ, что статья г-на Дала, по содержанію своему, врядъ ли кого убѣдитъ въ Гомеопатіи, а читать ее совѣтуемъ, потому, что она писана очень мило. — Другая статья совѣтъ въ другомъ родѣ; она названа *Путешествіемъ В. А. Жуковскаго*, по въ ней говорится только о запискахъ и альбомѣ рисунковъ нашего поэта, а главное интересенъ въ ней разсказъ о молодомъ человѣкѣ, *поэтѣ-самоучкѣ*, съ произведеніями котораго обѣцаетъ познакомиться насъ Современникъ. Разсказъ весьма трогательный. Третья статья: *Отрывки изъ Житія Поля*, собраніе отдѣльныхъ мыслей, все еще малоизвѣстнаго Русскимъ, Германскаго гениа-чудака. — Статьи: о Греческой эпиграммѣ; повѣсть г-на Гребенки, еще какаля-то повѣсть, краткія уведомленія о книгахъ, стихахъ, извѣстіе о юбилей почтеннаго Клингенберга, нѣсколько строкъ Пушкина въ прозѣ, маленькія три, четыре статьи въ прозѣ, и нѣсколько стихотвореній допояняютъ книжку; въ числѣ послѣднихъ замѣтимъ стихотвореніе: *Къ равнодушной* (подписанное: *Гр—ня Ев. Р—на*), дышащее огнемъ поэзій, и нѣсколько строкъ изъ Евгенія Оньгина, гдѣ, хоть мелькомъ, распознаете ловкій стихъ Пушкина.

Мы откровенно сказывали наше мнѣніе о каждой книжкѣ *Современника*, замѣчали въ немъ хорошее и плохое, золото и лигатуру, и въ заключеніе, взвѣсивъ безпристрастно содержаніе всѣхъ *четырехъ* его книжекъ за 1838 годъ, паходимъ, что пераго больше, а втораго меньше. Можно бы потребовать побольше участія нѣкоторыхъ писателей, которыхъ участіе обѣцано; можно бы пожелать меньше статей счетомъ, по строже выбора въ нихъ; можно бы хотѣть болѣе выразительной физиогноміи въ критикѣ и рецензіяхъ. Всего нечисленнаго нами требовать, желать и хотѣть потому *можно бы*, что Современника выходитъ въ годъ только *четыре небольшихъ книжки*, и арифметически слѣдуетъ, что чѣмъ *меньше*, тѣмъ должно быть *лучше*. Но, *ab posse ad esse non est consequentia*, и потому — «*берите, что дадутъ!*» по словамъ

Княжнина. Поблагодаримъ Издателя за старанье его поддерживать въ Современникѣ чистоту языка (хоть онъ и не все чужды нововведеній и *этиль*), за тонъ критики, вѣжливой и скромной, хоть и *не всегда безпристрастной* (взгляните, для примѣра на 2-ю половини 45 стр. и на стр. 71, 72-ю XII-й книжки), и — пожелаемъ Современнику болѣе совершенства и всякаго добра въ слѣдующемъ году. До свиданія! —

147. Студентъ, Артистъ, Хористъ, Аферистъ. Шуточная оперетка въ двухъ дѣйствіяхъ. Передѣлана съ Нѣмецкаго Ѳеодоромъ Кони. Спб. въ тип. Н. Греча, 1838 г. въ 8-ю, 94 стр.

Водевилъ пывшій годъ отпустилъ двѣ премилыя шутки теоретикамъ и критикамъ. Первою шуткою его была *Ложя 1-го яруса*, второю *Студентъ Артистъ*. Въ силу какой теоріи, Мм. Гг., объ сіи пьески заставляли отъ души хохотать публику и удержались на сценѣ? Отъ игры актеровъ? А почему *хлопотались* другія пьесы, разыгранныя тѣми же актерами, когда и той и другой изъ упомянутыхъ пьесокъ зрители столь усердно *хлопали* при каждомъ представленіи? Для разрѣшенія такой задачи, и г-нъ Каратыгинъ и г-нъ Кони нанеатали свои водевилы — судите и рѣшите, а мы между тѣмъ выпишемъ вамъ окончательный куплетъ *Студента-Артиста*:

Узнайте изъ журнальныхъ строчекъ
Дурны ль они, или хороши;
Вы жъ были веселы часочекъ
И посмѣялись отъ души!
Вы жъ были веселы часочекъ —
Такъ ихъ *простите* отъ души!

Охотно *прощаемъ*, но только съ условіемъ: нельзя ли сдѣлаться еще также *виноватыми*? Просимъ васъ о томъ, почтеннѣйшій Ѳ. А., а на холостые заряды журнальныхъ фейлетоновъ, повѣрьте, за вамъ будетъ отвѣчать баттарей англодисементовъ публики.

148. Военная Библиотека, и проч. Издаваемая подъ руководствомъ генерала барона Н. В. Медема и О. П. Сениковскаго, И. И. Глазуновымъ, на 1838 годъ. Томъ I. Спб., въ тип. И. Глазунова и Комп. 1838 г., въ 8, VIII, XLIX, 386 стр. съ таблицами.

Знаете ли, что мы хотимъ теперь дѣлать? Браниться, и сильно браниться, только не съ издателемъ Библиотеки Военной, или какой бы то ни было, а — съ *Русскими литераторами*, и браниться по поводу *Военной Библиотеки*. Темой спора избираемъ: «что Русскія книги плохи, тому виной не книгопродавцы и не публика, а литераторы Русскіе.» А чтобы рѣчь наша была *логическая*, то мы располагаемъ ее по правиламъ полной хри.

(*Присутств.*) Нѣтъ въ томъ сомнѣній, что литераторы Русскіе не должны жаловаться на публику и книгопродавцевъ.

(*Парафразисъ съ пригиною*) Ибо, что можетъ сдѣлать книгопродавецъ, кромѣ хорошей платы за книгу, а публика, кромѣ раскупленія книгъ?

(*Примѣръ*) Имѣемъ многіе и очевидные примѣры, что Русскимъ литераторамъ книгопродавцы наши скупаютъ щедро палачными, а публика наша книги хорошо раскупаетъ. Свидѣтельствуютъ то многія изданія г-дъ Плюшара, Смирдина, Ширяева, Глазунова, Занкина и другихъ.

(*Противное*) Кто скажетъ послѣ сего, чтобы плохость многихъ Русскихъ книгъ происходила отъ книгопродавцевъ и публики?

(*Подобіе*) Если возразить намъ, что книгопродавецъ, какъ *купецъ*, а публика, какъ *покупщикъ*, должны цѣнить и разсуждать, и что —

(*Примѣръ*) Такъ поступаютъ всѣ купцы, торгующіе, напримеръ, рыбою и мукою, которые захлой муки и гнилой рыбы не покупаютъ, и виноватъ дѣлается продавецъ, что гнилемъ и затхлипой запася.

(*Свидѣтельство*) Но здѣсь является противное, ибо принимается *слабствіе* за *причину*. Кни: а не мука и не рыба, и при поставкѣ книги негодности ея покупщику распознать нельзя.

(*Заключеніе*) А потому, когда книгопродавецъ заплатилъ за книгу хорошо, и издалъ ее хорошо, публика же охотно готова была покупать ее, и книга оказалась потомъ плохою и къ покупкѣ негодною, то виноватъ составитель ея, *литераторъ*, а не виноватъ книгопродавецъ и не виновата публика.

Шутки в сторону. Безъ всякихъ хрипъ, какъ ни судите, а въ наше время, точно литераторы, а не книгопродавцы, и не публика виноваты, что многія обширныя, полезныя, прекрасныя предпріятія литературныя оказываются негодны. Безъ дальнихъ примѣровъ и ссылокъ, взглянемъ на *Военную Библиотеку*, издав. И. И. Глазуновымъ.

Сказавши прежде, что *Военная Библиотека*, издаваемая И. И. Глазуновымъ весьма плоха, мы осуждали ее не за бесполезность цѣли, не за плохое изданіе, не за дороговизну. Напротивъ, издатель имѣлъ цѣль полезную и прекрасную, печаталъ книгу, не только красиво, но даже великолѣпно, и продавалъ ее такъ дешево, что надобно было изумляться дешевизнѣ. Но *Библиотека* по литературному ея достоинству стала ниже вслѣдъ критики; переводы, въ ней помѣщаемые, были варварскіе и нестерпимые. Прѣзжіе изъ Греціи говорятъ, что гробницы Эукидида, Ксенофонта и Арріана содрогались каждый разъ, когда выходила въ Петербургъ тетрадь *Военной Библиотеки*! Издатель самъ видѣлъ, что дѣло идетъ плохо, пригласилъ другихъ литераторовъ — до имени ихъ намъ нѣтъ ни какой надобности. Что же сдѣлали новые редакторы? Разбрали планъ своихъ предшественниковъ, написали новую *прозрачную*, сдѣлали *новый планъ* — точно, какъ лекаръ разбранилъ своего товарища, который прежде лечилъ больного, бросилъ его рецепты и написалъ свои. Да, не въ рецептахъ дѣло: вымечите больнаго-то, Мм. Гг. — Прѣжніе переводы въ *Военной Библиотеки* были плохи — дайте лучше, дайте хорошіе, и — Богъ съ вами — планъ и прѣжній былъ прекрасный!

Нѣтъ! новые редакторы объявили, что станутъ цѣлкомъ *давать* Маккиавели, Лассау, Фридриха Великаго, Наполеона, Бертье, Сень-Сира, Сюше, Сульта, Фуа, Непира, Меморіалъ de St. Hélène, Эрцъ-Герцога Карла, Монтекулли, и проч. — Для чего? — «Мы хотимъ всего полезнаго скоро; Лискепъ и Саванъ издають свою *Bibliothèque militaire* слишкомъ медленно; посчитавшись съ Русскимъ умомъ, мы сами сдѣлаемъ лучше, и проч. (см. Программа). Тутъ можно было сказать Редакторамъ: Нельзя ли *Русскій языкъ* оставить въ сторонѣ, и сказать намъ: по сколько же томовъ хотите вы издавать, и во сколько лѣтъ вы полагаете выдать

всю громаду книгъ, назначенныхъ вами для «Военной Библиотеки?» Кромѣ того, присесть ли пользу ваши переводы цѣлкомъ, если будутъ безъ системы, безъ примѣчаній? Можетъ быть, вы дадите намъ извлеченія, замѣчанія, выписки — приведете все это въ какую нибудь систему... Словомъ: странно было читать программу новыхъ редакторовъ и любопытно ожидать, что будетъ далѣе. Что жъ оказалось далѣе? Открылось, что редакторы издавать будутъ по *шести томовъ* въ годъ; вмѣсто прѣжняго *компактнаго* изданія, въ двѣ колонны, станутъ печатать книги разбитымъ манеромъ, и за шесть первыхъ томовъ, гдѣ помѣстятся Брандова Исторія *воиннаго дѣла* (?), записки Сень-Сира, походы Густава Адольфа, соч. Лассау, Малая война Бранда и Маккиавель, станутъ брать съ читателей по 50 рублей, вмѣсто 20 рублей, хотя въ шести новыхъ томахъ текста будетъ не болѣе, сколько было въ двухъ прѣжнихъ, компактныхъ. Плохое улучшеніе Военной Библиотеки! Но не въ томъ дѣло, а какъ все нечисленное на первый годъ помѣстить въ *шести томахъ*, на 150 какіхъ нибудь листахъ? Невозможно!

Вышла книга — оказалось, что это переводъ (множесловно замѣтимъ, совсѣмъ не важныхъ и не великихъ) записокъ Сень-Сира, предпріятый вполне, со всеми приложениями, томъ I-й, безъ примѣчаній, безъ поясненій. — А главное оказалось тутъ — переведенный съ Французскаго, только *не на Русскій*, а на какой-то странный языкъ, составленный, *изъ это, эти, я, который, чтобы*, съ добавкой галлицизмовъ... Благоволите прочесть страничку, безъ выбора, и послѣ сего, позвольте намъ заключить тѣмъ, чѣмъ мы начали, а именно: если Военная Библиотека, издаваемая И. И. Глазуновымъ, не достигаетъ своей цѣли, и первый томъ ея, по новому плану, изданный въ нынѣшнемъ 1838 году, годится — только для грамматическихъ занятій ученикамъ, которые могутъ по оному брать уроки *эзографіи, топографіи и барбарографіи*, то въ этомъ, какъ видите, виноватъ совсѣмъ не издатель, напечатавшій и сей томъ весьма оприту, не хуже прѣжнихъ. И если *Военная Библиотека*, и послѣ новаго ея преобразования не заслуживаетъ привѣта публики и похвалы критиковъ, повторяемъ — виноватъ не издатель, а кто нибудь другой. Кто именно? А вотъ, не угодно ли прочитать обращеніе изъ В. Б. и подумать.

ОБРАЩЕНІЕ ЯЗЫКА И СЛОГА, КАКИМИ ПЕРЕДАЕТСЯ Военная Библиотека, издаваемая И. И. Глазуновымъ. Выписка безъ всякихъ примѣчаній, ибо они не нужны.

(Стр. 161) Не стану болѣе говорить о Пиннегеро; по Гошъ *сдѣлалъ столько важныхъ ошибки*, что нельзя не напомнить *тѣхъ которыхъ* его *промаховъ* (?). Во первыхъ, нападеніе, произведенное у Кейзерлаутерна, *безъ особенныхъ побудительныхъ причинъ*, стоило жизни многимъ храбрымъ, и не принесло никакой пользы; во вторыхъ, онъ слишкомъ удалился отъ р (Р)ейнской арміи, съ котораго ему надлежало сблизиться, *чтобы* дѣйствовать совокупно. Необходимость этого движенія была очевидна, и онъ совершилъ его *несколько позже*, по предписанію Комитета *Общественной Безопасности* (?), на *который* Карпо имѣлъ тогда сильное вліяніе. *Вслѣдствіе* (т. е. въ слѣдствіе) соединенія армій, всѣ выгоды были на нашей сторонѣ, такъ, что войска *должны были имѣть успѣхъ*, когда дѣйствовали сами собою, безъ дальнѣйшихъ распоряженій главнокомандующаго, *чего даже, можетъ быть и слѣдовало желать*. Какъ *бы то ни было*, мы достигли главной цѣли, хотя и *могли сожалѣть*, что (,) по отступленіи Вурмзера на правый берегъ Рейна, Гошъ не соединилъ всей своей арміи съ частью р (Р)ейнской для нападенія на Герцога Брауншвейгскаго: это онъ *могъ предпринять* съ полною увѣренностію въ успѣхъ. Напротивъ того, послѣ долгаго бездѣйствія лѣваго фланга, которымъ начальствовалъ Моро, главнокомандующій *направилъ его къ слишкомъ отдаленному пункту*, именно, къ г (Г)ундерсрюкскому краю, и такимъ образомъ *подвергалъ насъ опасности частнаго разбитія*, которое могло бы *сдѣлать бесполезнымъ успѣхъ*, пріобрѣтенный въ окрестностяхъ Вейсенбурга. Ошибкамъ, о которыхъ я упоминалъ, можно приписать отчасти всѣ пораженія, претерпѣнные нами въ продолженіи этой кампаніи, но главнымъ виновникомъ ихъ былъ Конвенгъ. Его *мерзкая система внутренняго управленія*, которой опорою служили неслыханныя жестокости, возбудила общую къ нему ненависть въ то время, когда необходимо было содѣйствіе всѣхъ гражданъ. Въмѣсто того, *чтобы* ослабить союзъ *Государей*, онъ усугубилъ опасенія всѣхъ *Правительствъ*, объявляя намѣреніе распространить революціонныя начала во всей Ев-

ропѣ. Этого было не довольно: *какъ бы* желалъ умножить число непріятелей Франціи, онъ объявилъ войну Сардиніи и началъ непріязненные дѣйствія въ Германіи, не только противъ Государей, *подавшихъ къ толпу поводъ*, но даже и противъ тѣхъ членовъ союза (?), которые сохраняли строгій нейтралитетъ, *какъ ни примыръ* противъ города Франкфурта. Удаливъ всѣхъ дворянъ, служившихъ въ арміи, которая и безъ того нуждалась въ офицерахъ и генералахъ, онъ довершилъ ея разстройство установленіемъ *страннаго порядка заимствія должностей и повышенія въ чины*; наши ряды наполнились такими офицерами, которые по *трезвости или излившей* (?) *молодости лютъ*, и по явной неспособности, *предили успѣхамъ* нашего оружія *Завоеваніе Франціи* (?) было бы неминуемымъ слѣдствіемъ этой системы, если бы она (т. е. Франція?) существовала *несколько недѣль дальше* (?). По всѣмъ этимъ причинамъ...

Но болѣе выписывать, истинно, нѣтъ силъ! И этого довольно, *чтобы* показать, что не издатель, *который* печатаетъ, а Редакторы, *которые* составляютъ В. Б., причиной неудачи этого предпріятія, по цѣли весьма полезнаго, но исполняемаго или съ совершенною небрежностію, или съ незнаемъ дѣла.

149. АЛГЕБРА БУРДОНА. Переводъ *Федора Меца*, принятой въ руководство для преподаванія въ Институтъ Корпуса путей сообщенія и въ Горномъ Институтѣ. Часть I, изданіе четвертое, свѣршенное съ 8-мъ Французскимъ изданіемъ. Спб., въ тип. Академіи Наукъ, 1838 года, въ 8, III, 298 и IV стр.

Диковинный случай сдѣлался въ литературу нашей съ Алгеброй Бурдона въ нынѣшнемъ году! Но случай этотъ расскажемъ мы послѣ на досугъ, а теперь порадуемся, что онъ былъ поводомъ къ пользѣнью труда г-на Меца въ новомъ, улучшенномъ видѣ. Если для похвалы книгъ достаточно восьми изданій Французскаго подлинника, *четырехъ* изданій Русскаго перевода и введенія его въ учебныя наши заведенія, должно присовокупить еще къ тому, что Алгебра Бурдона, какъ учебная книга, *отдѣльно* написанная для сей отрасли математики, безспорно должна почестельно превосходиться изъ всѣхъ другихъ. Въ Алгебрѣ Лефобюра де Фюрен, какъ многіе полагаютъ, лучше обработана, напримѣръ, тео-

рѣя уравненій и рѣшеніе численныхъ уравненій, по сличити за то уравненія первой и второй степени и изменение корней, неопредѣленныхъ уравненія и теорію логарифмовъ — здѣсь Бурдонъ беретъ преимущество неоспоримое; изложене его яснѣе, расположеніе легче и понятнѣе, нежели у Л. де Ф. — Г-нъ Мецъ, въ предисловіи своемъ къ новому изданію, обѣщаетъ издать 2-ю часть Бурдоновой Алгебры со всѣми улучшениями, какия въ послѣднее время сдѣланы относительно общей теоріи уравненія высшихъ степеней и рѣшенія численныхъ уравненій. Въ такомъ случаѣ, Русскій переводъ превзойдетъ самый подлинникъ. Скажемъ вообще о новомъ изданіи Бурдоновой Алгебры, что въ немъ видны значительныя улучшения противъ прежнихъ, и нѣкоторыми улучшениями одолжены мы особенной внимательности и любви къ предмету почтеннаго переводчика. Такъ, напримѣръ, онъ сохранилъ измѣненіе кубическихъ корней и отысканіе логарифмовъ, исключенныя изъ послѣдняго Французскаго изданія. Мы посоветовали бы даже г-ну переводчику помѣстить и теорію непрерывныхъ дробей въ I-й части Алгебры — по всѣмъ правамъ, тамъ надлежащее ихъ мѣсто.

Замѣтимъ наконецъ, что изданіе Алгебры Бурдона на сей разъ, не только весьма опрятно, но даже роскошно — велепала бумага, красивыя буквы; слогу перевода также коснулась рука переводчика со всею тщательностью, какой требуетъ добросовѣстное исполненіе принятой на себя обязанности. Благодарность за трудъ полезный! Теперь, о диковинномъ случаѣ съ Алгеброю Бурдона въ Русской литературѣ... Но, нѣтъ! до слѣдующей книжки.... Приготовьтесь помѣяться.....

150. Картина энциклопедическаго и образцоваго хозяйства въ селѣ Красный Кутъ. Издалъ Борисъ Волжинъ. Спб. въ тип. Н. Греча, 1838 года, въ 8, 77 стр.

Въ шой книгѣ непременно надобно различать двѣ вещи (thing, chose) — предметъ книги и самую книгу. Предметъ можетъ быть превосходенъ, а книга плоха.

Такъ и здѣсь: что можетъ быть замѣчательнѣе предмета? Почтенный помѣщикъ Новороссійскій, П. А. Папковъ купилъ въ 1812 году имѣніе, дававшее доходу 7500 рублей; устроилъ его, завелъ въ немъ фабрики, учредилъ обширное

хозяйство, и теперь получаетъ чистаго дохода, даже исключая проценты на затраченный капиталъ, вмѣсто 7500 рублей — болѣе 250,000 рублей! Не только признательность другижъ за такой образцовый гражданскій подвигъ, не только собственное свое благо, но даже Высочайшее благоволеніе монаршее были наградою почтеннаго г-на Папкова.

И вотъ — г-нъ Борисъ Волжинъ взялся изобразить намъ, какъ устроивалъ и какъ устроилъ свое хозяйство г-нъ Папковъ. Но дѣло мастера боится, а кажется, г-нъ Волжинъ о томъ, что взялся онъ описать, едва ли имѣетъ достаточныя свѣденія, при чемъ и грамота Русская ему весьма не далась. Не смотря на громкое заглавіе: «Картина энциклопедическаго (?) хозяйства,» не смотря на громкіе возгласы на каждой страницѣ, г-нъ Волжинъ написалъ свою картину, какъ весьма плохой живописецъ. Въ иныхъ мѣстахъ, кажется, онъ и самъ едва ли понималъ, о чемъ идетъ рѣчь. На стр. 58-й читаемъ, что у г-на Папкова дѣлаются водки на манеръ Французской, ромъ, аракъ и ликеры, такъ хорошо, что нельзя различить отъ иностранныхъ.» Что такое говорится еще на стр. 18: «Черва, или вау, известна преимущественно предъ всѣми растеніями желтѣль цвѣтомъ; собственно для смѣшенія съ прочими цвѣтами, ея требовалось бы весьма много, если бы она не была такъ дорога?» Прочитавши книжечку, скажете, что г-ну Папкову едва ли не легче было устроить превосходное хозяйство его, нежели читателю понять описаніе его, сдѣланное г-мъ Волжиннымъ.

151. Краткая Патологія Скотоврачебной науки. Написанная въ вопросахъ и отвѣтахъ профессоромъ Всеволодовымъ, Спб. въ тип. Штаба отд. Корпуса внутр. стражи, 1838 года, въ 8, 136 стр.

152. Руководство къ Зоотерапіи, для учащихся Ветеринарной Медицины и ветеринарныхъ врачей, также для сельскихъ хозяевъ, экономовъ и владѣльцовъ, занимающихся скотоводствомъ. Сочиненное О. П., и проч., Петромъ Луккинымъ. Спб. въ тип. Штаба отд. Корпуса внутр. стражи, 1837 — 1838 г., въ 8, 412 стр.

153. Скотоврачебные опыты, или наставленіе къ употребленію дѣйствительно специфическихъ, многотысячи

опытими дознанными, гомеопатическими средствами, для лечения часто случающихся болезней у домашних животных. Пер. съ Нѣмецкаго. М. въ Унив. тип., 1838 года въ 8, 100 стр.

Г-нъ Всеволодовъ написалъ свою брошюрку для учениковъ артиллерійской копно-лечебной Школы и для учениковъ Школы земледѣія и горпозаводскихъ наукъ, устроенной графиней С. В. Строгоновою. Съ такою цѣлью, краткое его изложеніе науки можетъ быть весьма полезно тѣмъ, для кого оно назначается. Отдѣльно издана имъ полная Зоохигиена, въ 3-хъ частяхъ, и кромѣ того печатается и издается тетрадами Курсы Скотоводства, достоинства коего уже оценены знатоками.

Между тѣмъ, не угодно ли кому попользоваться книгою г-на Лукина? Въ ней найдете вы, что Зоотерапія «составляетъ важнѣйшій предметъ для ветеринарнаго врача», что она «составляетъ предметъ обширнѣйшій изъ всѣхъ естественныхъ наукъ», что она есть «наука и искусство», что прежде дѣлили болѣзни скотскія на острыя и хроническія, но видя, что *пострѣль* принадлежитъ къ хроническимъ, а оканчивается весьма скоро, рѣшились дѣлить болѣзни по *листопрѣбыванію* ихъ, на *горлегитилъ*, нервныя, худосочныя и мѣстныя; что есть у разной скотины разныя болѣзни, какъ-то: *столбнякъ*, когда «всѣ мышцы биваются растянуты и напряжены, и конечности *видъ столбовъ имѣютъ*», и проч. и проч. Найдете кромѣ того весьма много любопытнаго. Въ концѣ книги есть даже таблица, гдѣ показано *нѣсколько сотъ вопросовъ*, какіе долженъ *сдѣлать и разрѣшить* врачъ, призванный лечить корову или лошада.

Но еще любопытнѣе книги г-на Лукина, «*скотоврачебные*» (?) вопросы», которыми Гомеопатія прилагается къ леченію скотины, ибо «блаженъ, иже и скоты милуетъ.» Презабавнал книжечка и стоитъ романовъ А. А. Орлова! Авторъ, безъ дальнихъ справокъ, называя Ганемана *великимъ*, избѣгаетъ весьма добродушно, что въ Королевской Берлинской Ветеринарной школѣ Гомеопатія была подвергнута испытанію и оказалась совершенно безуспѣшною. Но тамъ не умѣли съ нею ладить, а авторъ клянется, что онъ дѣлалъ чудеса! Однажды (стр. 95) «семь жирныхъ свиной бы-

ли посажены въ большой сарай и сидѣли въ немъ смиренно; вдругъ послышался на свиномъ дворѣ ужасный шумъ; шесть свиной съ бѣшенствомъ преслѣдовали седьмую, какъ будто желая разорвать ее.» Открылось, что седьмая свинья — съ *ула сошла!* Поскорѣй дали ей белладоны, и она опять получила рассудокъ. Еще случай: три поросенка наблись приправленного перцемъ купавылъ. «Они падали на полъ, поврачивались на спину, билась погами и *громко кричали.*» Дали имъ Сіпа $\frac{0}{10}$, и какъ рукой сняло! Даже то ли еще было! Щепкой повредило однажды глазъ лошади; глазъ опухъ, затекъ кровью. Дали бѣдной лошади Агніса $\frac{00}{2}$, и глазъ исцѣлился... По сему судите и о прочемъ...

154. О разпознаваніи и леченіи геморроидальной болѣзни. Соч. Валентина Шклярскаго, надв. сов., и проч. Сиб., въ тип. Росс. Академіи, 1838 года, въ 8, XVII и 257 стр. съ рисункомъ.

Если вы думаете купить книгу г-на Шклярскаго и вылезть изъ ней отъ гемороя — извините: онъ вамъ накрѣпко и прежде всего запретитъ лечить самого себя по книгѣ его. Потомъ, онъ станетъ вамъ рассказывать, что геморой есть неизяснимая тайна. До нынѣ, всѣ великіе врачи — Гиппократъ, Цельсъ, Галенъ, Аэцій, Павелъ Эгинскій, Проксагоръ, Сталь, Грефъ, Гамбергеръ, Трика (Trinka), Дегенъ, Куленъ, Рейль, Масталиръ, Гейкеръ, Монтеръ, Рихтеръ, Гаазе, Гувеландъ, Словарь Россійской Академіи, Уденъ, Бушъ, Виттъ — ни кто не разгадалъ гемороя! Лечение его также тайна — г-нъ Шклярскій на всякій родъ гемороя приводитъ различныя мнѣнія врачей, которыя противорѣчатъ одно другому, а кто правъ? какъ узнать! Одно только неоспоримо: надобно предупредить геморой, а для того надобно жить въ тепломъ, хорошемъ домѣ, не много работать, удаляться сильныхъ душевныхъ движеній — гнѣва, любви, печали и проч., не пить вина, не есть кислаго, соленого, и проч. — Главное дѣло: *Labores, cibi, potus, somni, res venerea, omnia modica*, почему молодые люди не должны даже рапо начинать бритья бороды. Пиво и кофе въ геморой очень вредны, но особенно пагубенъ чай. «Hildebrand приписываетъ чаю, какъ наркотическому веществу, успокоивающее свойство, но Persival, напившись чаю, чувствовалъ стѣс-

неніе въ груди, затруднительное дыханіе, сильное біеніе сердца, бессонницу, частыя перемежки въ пульсѣ и наклонность къ обморокамъ.» Видите, какое зло причиняетъ пегодная Китайская трава! «Достоверно (говоритъ г-нъ Шклярскій), что ежедневное употребленіе чаю производитъ истерическіе припадки у женщинъ и геморой у мужчинъ.» Словомъ: если вы хотите избѣжать геморой, вамъ должно посвятить на то всю жизнь свою, всѣ душевныя и тѣлесныя способности, соблюдать діету физическую и нравственную, и кромѣ всего изучать книгу г-на Шклярскаго, а въ заключеніе совѣтоваться съ опытнымъ и искуснымъ врачомъ. Тогда, мы поздравляемъ васъ: вы совершенно освободитесь отъ геморой. Въ предисловіи, г-нъ Шклярскій изъясняетъ, что онъ 20-ть лѣтъ наблюдалъ геморой: «Для этого читалъ сочиненія древнихъ и новѣйшихъ писателей», и какъ геморой весьма важная болѣзнь, то «для-этого необходимо было изданіе особой книги, гдѣ слѣдовало изъяснить, какава эта болѣзнь, представить способы леченія этой болѣзни, и при этомъ предостеречь отъ вреда самолеченія,» изъ чего и видно, что почтеннаго г-на Шклярскаго руководствовало искреннее желаніе добра «въ этомъ предпріятіи.»

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ.

За Октябрь 1838 года.

Россия.

Октября 16-го открыты въ С. Петербургѣ триумфальныя ворота, воздвигнутыя у Московской заставы. Октября 23, въ Царскомъ Селѣ, послѣдовала по сему случаю слѣдующій Высочайшій приказъ:

«Государь Императоръ, изволивъ присутствовать, 16-го сего Октября, при открытіи триумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ у Московской заставы, въ С. Петербургѣ, въ память подвиговъ Россійскихъ войскъ въ Персіи, Турціи и Польшѣ, въ 1826, 1827, 1828, 1829, 1830 и 1831 годахъ, и изъяснивъ при семъ случаѣ вновь Монаршую благодарность Арміи, возобновляетъ также изъясненіе признательности Своихъ, за вѣрную службу и мужество, Адмираламъ, Штабъ

Т. VI. — Отд. V. 1

и Оберъ-Офицерамъ и нижнимъ чинамъ Флота Его Императорскаго Величества, участвовавшимъ въ послѣдней Турецкой кампаніи, равно какъ тѣмъ, кои были въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Персіянъ, на водахъ Каспійскихъ.

Высочайшимъ Приказомъ отъ 23 Октября, Его Свѣтлость *Герцогъ Лейхтенбергскій*, принимается въ Россійскую службу, генераль-маіоромъ, съ назначеніемъ Шефомъ Кіевскаго гусарскаго полка.

Ноября 11-го, Государь Императоръ изволилъ отправиться изъ С. Петербурга въ Москву, въ сопровожденіи Его Свѣтлости, Герцога Лейхтенбергскаго, и совершивъ благополучно сіе путешествіе, послѣ кратковременнаго пребыванія въ древней столицѣ, возвратился въ С. Петербургъ 18-го Ноября.—Вотъ извѣстіе, изъ Москвы о Высочайшемъ пребываніи Августѣйшаго Гостя въ столицѣ Царей Русскихъ—извѣстіе внушенное пламенною любовью Русскаго сердца къ Монарху и отцу отечества:

«Государь съ нами! О сколь радостны слова сіи для насъ, Москвичей! Мы не всегда наслаждаемся счастіемъ симъ, какъ вы, Петербургскіе жители; но зато, какъ высоко умѣемъ цѣнить его! Различныя причины заставляютъ добрыхъ нашихъ Царей пріѣзжать въ Москву: причины сіи бываютъ всегда важны, торжественны. Когда Государи у насъ коронуются, мы ликуемъ въ празднествахъ. Благословенный Александръ явился въ Москву въ горестномъ и вмѣстѣ славномъ 1812 году: тогда раздѣляли мы заботы Его о любезномъ отечествѣ; мы жертвовали собою, дѣтьми, кровью нашею, достояніемъ: все было повергнуто къ подножію Его Престола, все тогда принадлежало не намъ, а Ему. Провидѣніе испытало насъ холерою. Государь явился въ Москву, какъ ангелъ утѣшитель, и бѣдствіе миновалось. Ни-

когда не изгладится изъ памяти нашей тотъ незабвенный годъ, въ коемъ Россія обрадована была рожденіемъ первороднаго Августѣйшаго Младенца. Москва первая привѣтствовала улыбку Его радостными, душевными восклицаніями; она съ гордостію и восторгомъ повторяла: «Наслѣдникъ родился у насъ, такъ какъ и Петръ Великій.» Однимъ словомъ: всякое Царское здѣсь появленіе ознаменовано было всегда событіемъ для Русскихъ сердець драгоценнымъ, и теперь мы знаемъ, что 17-го Октября Государыня Великая Княжна Марія Николаевна была помолвлена; у всѣхъ было одно пламенное желаніе видѣть нарѣченнаго, избраннаго Ея жениха; мы не смѣли надѣяться счастья пользоваться столь радостнымъ лицезрѣніемъ, и желанія наши исполнились: *Герцогъ Лейхтенбергскій въ Москву!* И кто Ему сопутствуетъ? Нашъ Государь! Онъ хотѣлъ дать Первопрестольной своей столицѣ залогъ любви. Своей къ ней. Едва возвратясь изъ дальняго, труднаго пути, принявъ минутное токмо отдохновеніе, Онъ Самъ является между нами, Самъ представляетъ Его нашимъ вѣрноподаннымъ взорамъ, и говоритъ «Вотъ вамъ, добрые Москвичи, Мой пятый сынъ; любите Его, Онъ вашу любовь заслужитъ.» Кого не трогаетъ до глубины души такое ижжное, отеческое вниманіе? Всѣ сердца къ юному Принцу летятъ, всѣ Русскіе уже причисляютъ Его радостно къ благословенному семейству Романовыхъ. И какъ намъ, Москвичамъ, не любить того, коему обзаны мы будемъ отрадою сохранить въ Россіи всѣмъ намъ драгоценную Великую Княжну? Развѣ мы всѣ не знаемъ, сколь пламенно любить Она и Отечество Свое и Августѣйшихъ Своихъ Родителей? Въ словахъ сихъ заключается залогъ благоденствія сего союза, пріуготовляемаго попечительностію ижжнѣйшаго Отца.

Надобно быть въ Москвѣ, чтобы понять общій, еди-
нодушный восторгъ всѣхъ ея жителей. Мы радуемся
и гордимся, ибо мы понимаемъ, что Государь, при-
бывъ сюда Самъ съ избраннымъ женихомъ, хотѣлъ,
такъ сказать, усвоить Его Россіи. О, какъ Онъ молодъ,
прекрасенъ, строенъ и привѣтливъ! Всѣ взоры обра-
щались на Него, когда Онъ шелъ возлѣ Государя изъ
Дворца въ Успенскій Соборъ; Онъ видѣлъ, кѣмъ охра-
няется Русскій Царь, видѣлъ, какъ народъ толпился
около Него, какими радостными сопровождалъ Его
восклицаніями, видѣлъ общую, непритворную лю-
бовь, вѣрно былъ сию тропуть и нѣжно возлюбилъ
повое свое Отечество, какъ оно возлюбило Его. Чес-
тованіе Имъ Креста Господня, къ коему Онъ при-
ложился вслѣдъ за Помазанникомъ, безъ сомнѣнія,
привлекло свыше благословеніе Господие. Таковы
плоды нынѣшняго появленія Государя нашего въ пер-
вопрестольномъ Его градѣ; возвышенное Его сердце
щедро наградило за оказанную намъ милость.

Второй разъ имѣли мы счастье видѣть Государя
вечеромъ въ театрѣ. Его Величества не было еще въ
Москвѣ, а всѣ ложи и мѣста были уже взяты заранѣе.
Театръ не могъ бы вмѣстить одного лишняго
человѣка. Ложи были наполнены особами высшаго
общества, а первые ряды креселъ были заняты
генералами, сенаторами и главнѣйшими здѣшними
сановниками. Въ половинѣ восьмага часа, началось
представленіе оперы Аскольдова Могилы. Государь
вошелъ въ ложу Свою въ половинѣ перваго акта.
Какъ описать чувства наши при появленіи Высочай-
шаго лица и сопровождавшаго Его прекраснаго юно-
ши? Всѣ встали, и представленіе было прервано раз-
давшимися повсюду громоглашными *ура!* Государь
поклонился, и *ура!* паки повторились. Въ ту мину-
ту пѣли хоры на сценѣ; они были прерваны всеоб-

щими кликами: «*Боже! Царя храни!*» Оркестръ за-
игралъ любимый народный гимнъ; всѣ зрители съ
умиленіемъ слушали, обращая взоры свои на Импе-
раторскую ложу, и когда вторично пропѣтъ былъ
народный гимнъ, то Его Императорское Величество
изволилъ опять встать, и принять съ видимымъ удо-
вольствіемъ изъявленіе преданности къ Нему Мос-
ковскихъ жителей.

Вечеръ сей не изгладится никогда изъ памяти
нашей. Онъ соответствовалъ совершенно тому, что
происходило поутру во дворцѣ, на площади и въ
соборѣ. Тотъ же былъ Государь, тѣ же подданные.

Въ Воскресенье, 23 Октября, Баронъ *Фаненбергъ*,
Повѣренный въ дѣлахъ Е. В. Короля Баварскаго
имѣлъ честь представляться Ихъ Величествамъ Го-
сударю Императору и Государынѣ Императрицѣ, въ
Царскосельскомъ Дворцѣ.

Въ Воскресенье, 6-го Ноября, Графъ Бломъ, Чрез-
вычайный Посланникъ и Полномочный Министръ
Е. В. Короля Датскаго при Императорскомъ Дворѣ,
возвратившись къ своему посту, имѣлъ честь пред-
ставляться Ихъ Величествамъ Государю Императору
и Государынѣ Императрицѣ, въ Царскосельскомъ
Дворцѣ.

Въ Воскресенье, 13-го Ноября, Баронесса Барантъ,
супруга Чрезвычайнаго и Полномочнаго Посла Ко-
роля Французова, съ дочерью, дѣвицею Констан-
ціею Барантъ, имѣла честь представляться Ея Импе-
раторскому Величеству Государынѣ Императрицѣ,
и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ
Князямъ Маріи Николаевнѣ и Ольгѣ Николаевнѣ,
въ Собственномъ Дворцѣ Его Императорскаго Ве-
личества.

О путешествіи Его Императорскаго Высочества,

Государя Цесаревича получены изъ Италіи слѣдующія извѣстія :

Комо, 19-го Октября. Государь Цесаревичъ пользуется совершеннымъ здоровьемъ. Погода стоитъ здѣсь теплая и ясная, которая даетъ возможность Его Высочеству дѣлать ежедневно пріятныя прогулки по живописнымъ берегамъ Комскаго Озера.

10-го Октября, Его Императорское Высочество, въ сопровожденіи Посла нашего при Австрійскомъ Дворѣ, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Татищева, и свиты, ѣздили въ г. Варезу, а слѣдующаго утра на озеро Маджоре, гдѣ извоили быть на Борромейскихъ Островахъ, славящихся прелестными своими садами и богатствомъ произрастеній южной природы. На одномъ изъ сихъ острововъ (Isola Bella), Государь Цесаревичъ посѣтилъ владѣтеля оныхъ, Графа Борромео, у коего извоили принять приготовленный для него завтракъ.

12-го числа, Государь Наслѣдникъ, посѣтилъ близъ Варезы древній монастырь, на горѣ, называемый Madonna del Monte, возвратился въ Комо.

14-го Октября, Государь Цесаревичъ извоили ѣздить на пароходѣ по озеру Комо до м. Менаджіо, гдѣ встрѣтился съ Герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ Бернардомъ и его сыномъ, ѣхавшими для свиданія съ Его Высочествомъ.

Миланъ, 29-го Октября. 22-го Октября, въ 11 часовъ утра, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ выѣхалъ изъ Комо. Прибывъ въ три часа по полудни въ Миланъ, Его Императорское Высочество извоили остановиться въ одномъ изъ Императорскихъ дворцовъ (villa Reale), гдѣ у подъезда былъ встреченъ фельдмаршаломъ Австрійскихъ войскъ, Графомъ *Радецкиймъ*, съ почетнымъ карауломъ. Вскорѣ по прибытіи Его Высочества во дворецъ, Вице-Ко-

роль, Эрцгерцогъ Рейнеръ, посѣтилъ Государя Цесаревича. Въ четыре часа, Его Высочество въ сопровожденіи свиты своей, ѣздили къ Эрцгерцогу. Вечеромъ, Государь Цесаревичъ, вмѣстѣ съ Эрцгерцогомъ, былъ въ большомъ оперномъ театрѣ la Scala.

23-го числа, въ Воскресенье, былъ церковный парадъ войскамъ, составляющимъ гарнизонъ города Милана. Государь Наслѣдникъ, въ 11 часовъ утра, выѣхалъ на оный, въ сопровожденіи Фельдмаршала, верхомъ. Войска встрѣтили Его Высочество Русскимъ народнымъ гимномъ. Прѣбавъ по фронту, Государь Цесаревичъ присутствовалъ у обѣдни, по окончаніи которой 7 баталіоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ кавалеріи и 4 батареи артиллеріи прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо Его Высочества. По возвращеніи съ парада во дворецъ, представлены были Его Высочеству Фельдмаршаломъ всѣ генералы и штабъ-офицеры. Послѣ сего, Государь Цесаревичъ ѣздили въ картинную галерею (Verga), заключающую въ себѣ значительное количество произведеній отличнѣйшихъ Итальянскихъ художниковъ. Въ пять часовъ, Государь Цесаревичъ былъ на обѣденномъ столѣ у Вице-Короли.

24-го Октября, по утру, Его Императорское Высочество присутствовалъ на ученьи пѣхоты съ ея артиллерією; потомъ посѣтилъ въ Амвросіанскомъ монастырѣ публичную бібліотеку, извѣстную по содержащимся въ ней древнимъ, рѣдкимъ рукописямъ, и нѣкоторыя мастерскія лучшихъ здѣсь художниковъ.

Слѣдующаго числа, Государь Цесаревичъ ѣздили въ г. Монцу, въ разстояніи трехъ миль отъ Милана, гдѣ былъ принятъ Эрцгерцогомъ въ загородномъ дворцѣ. Здѣсь Его Высочество былъ въ ка-

едральной церкви, въ коей хранится древняя, Итальянскаго Королевства, желѣзная корона.

26-го Октября, въ присутствіи Государя Цесаревича, было произведено ученіе гусарскому Королу Сардинскаго полку, съ артиллеріею, а потомъ показаны были Его Высочеству дѣйствія пожарной команды (*sapeurs pompiers*) и разныя средства, употребляемыя ею для спасенія изъ огня людей.

Въ пять часовъ Государь Цесаревичъ былъ на большомъ обѣдѣ у Вице-Короля, а вечеромъ на балѣ у Генераль-Губернатора Графа Гартича.

27-го Октября, Государь Цесаревичъ изволилъ принимать находящихся здѣсь проездомъ Русскихъ подданныхъ, кои имѣли счастье быть приглашенными къ обѣденному столу Его Высочества.

28-го числа, Государь Цесаревичъ изволилъ обозрѣвать слѣдующія достопримѣчательности города Милана: кафедральную церковь (*Dom*), одно изъ огромнѣйшихъ и величественныхъ зданій готической архитектуры; Императорскій Дворецъ, отлично расписанный фресками; триумфальныя ворота, подъ названіемъ *Arco della Pace*; циркъ (*Atena*) и внутреннее устройство знаменитаго театра (*la Scala*). На театрѣ семь, въ продолженіе пребыванія здѣсь Его Высочества были даны, съ отменнымъ успѣхомъ, нѣсколько извѣстныхъ оперъ и новыхъ балетовъ, кои были посѣщаемы Государемъ Цесаревичемъ.

Сего числа Эрцгерцогъ былъ на обѣденномъ столѣ у Его Высочества, на который были приглашены и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ.

29-го Октября, въ 10 часовъ утра, Государь Це-

саревичъ, въ вождѣльномъ здравіи, выѣхалъ изъ Милана, на Кремону и Мантую, въ Венецію.

Выѣхавъ изъ Милана 29-го Октября, Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Венецію 2-го Ноября, въ вождѣльномъ здравіи.

На пути семь Его Высочество изволилъ обозрѣвать всѣ мѣста, ознаменованныя историческими событіями и все заслуживающее вниманія въ городахъ Кремонѣ, Мантуѣ, Веронѣ, Виченцѣ и Падуѣ.

31-го Октября, утро посвящено было Его Высочествомъ для осмотра обширныхъ укрѣпленій города Мантуи. Съ одного изъ бастіоновъ сей важной крѣпости, Государь Цесаревичъ изволилъ обозрѣвать то мѣсто, по коему ведены были подступы при покореніи оной Русскими въ 1799 году, подъ предводительствомъ Князя Суворова-Италійскаго.

2-го Ноября, въ полдень, Государь Цесаревичъ прибылъ въ мѣстечко Фузину, былъ встрѣченъ Адмираломъ, начальникомъ Венеціанскаго порта, и оттуда, въ сопровожденіи его, отправился на катерѣ въ городъ. Провѣхавъ по оному, большимъ каналомъ, Государь Цесаревичъ, въ половинѣ втораго, вышелъ на пристань у Императорскаго Дворца, приготовленнаго для принятія Его Высочества.

На другой день, Государь Цесаревичъ изволилъ принимать здѣшняго Патріарха, Губернатора провинціи и другихъ почетнѣйшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, кои были приглашены къ обѣденному столу Его Высочества.»

Въ Воскресенье, Декабря 4-го, совершилось радостное событіе для Монарха Россіи, Августѣйшаго Его дома, и подданныхъ, вполне разделяющихъ Его радости и усердно возносящихъ молитвы, да благоденствуетъ Онъ, и да благословитъ Богъ священный союзъ, заключенный въ сей день. Мы говоримъ

объ обрученіи Ея Императорскаго Высочества, Великой Княжны Маріи Николаевны съ Его Свѣтлостію, Герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ. Торжество обрученія происходило въ придворной Эрмитажной Церкви. Когда собрались въ Эрмитажъ Члены Синода, Сената, Государственнаго Совѣта, чужестранные Министры, знатное Духовенство, знатныя обою пола особы, Гвардіи и Арміи Штабъ и Оберъ-Офицеры, и всѣ имѣющіе пріѣздъ ко Двору, Государь Императоръ, съ Августѣйшимъ Семействомъ и женихомъ, шествовалъ въ церковь, гдѣ совершилось обрученіе. На эктениіи имена невесты и жениха возглашаемы были: «*О благовѣрной Государынѣ Великой Княжны Маріи Николаевнѣ и обрученномъ ея женихѣ*». Служили молебенъ; съ крѣпости производилась пальба; всѣ присутствовавшіе приносили поздравленіе Ея Императорскому Высочеству въ присутствіи Высокообрученнаго жениха. Толпы народа бѣжали за экипажами Императорскими, съ радостными восклицаніями, когда они возвращались въ Аничковскій Дворецъ. При церквахъ во весь день происходилъ колокольный звонъ, а вечеромъ весь городъ былъ великолѣпно освѣщенъ.

Радостное событіе обрученія возвыщено было слѣдующимъ Высочайшимъ Манифестомъ:

Божіею милостію

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Призвать благословеніе Всевышняго, и съ согласіемъ Вселюбезнѣйшей Супруги Нашей, Государынни

ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, сонзволили Мы на бракъ любезной Дщери Нашей, Великой Княжны Маріи Николаевны, съ Его Свѣтлостію Герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ, и въ 4-й день сего мѣсяца обручили Ихъ по обряду Православной Нашей Грекороссійской Церкви.

Мы удостоверяемъ, что всѣ вѣрные Наши подданные, пріемля участіе въ сему радостномъ для родительскаго сердца Нашего событіи, проліютъ мольбы ихъ ко Всевышнему, да благодатію Своєю пріосвѣтитъ новообрученныя.

Данъ въ С. Петербургѣ, въ 4-й день Декабря, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ тридцать восьмое, царствованія же Нашего въ четьринадцатое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

НИКОЛАЙ.

Передаемъ здѣсь описаніе посѣщенія въ тотъ же день Большаго Театра Государемъ Императоромъ, Августѣйшимъ Семействомъ его, и невестою съ женихомъ:

«Совершился вождельный, торжественный день, въ который, по благословенію Всевышняго, нашъ Государь и Августѣйшая Его Супруга насладились неописанною радостью родительской вѣжности, обручивъ Первородную Дщерь Свою съ избраннымъ Ими и Ею, по внушенію истиннаго уваженія и по влеченію сердца, а не по расчетамъ политики и временныхъ видовъ. Нашему Государю, подавшему при самомъ вступленіи Своемъ на Престоль, примѣръ великодушнаго самоотверженія, первый и единственный во Всемирной Исторіи, Всевышняя Благость даровала возможность въ первомъ бракѣ дѣтей Его

воспользоваться правами, которыя даны всякому изъ Его подданныхъ, и предоставлены немногимъ изъ Вѣнчаннхъ Главъ, внять гласу любви и склонности душевной. Россія велика, богата и могущественна; она не имѣетъ надобности въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ; имѣетъ одно желаніе видѣть счастье своего Монарха и Его Свѣтлаго Семейства, видѣть награду Ему отъ Бога за блага, которыя Онъ ежедневно, ежеминутно изливаетъ на любезныхъ Ему вѣрноподанныхъ, и ся желаніе нынѣ вполне совершается. Юный Герцогъ Лейхтенбергскій получаетъ руку Царственныя Дщери, и съ тѣмъ вмѣстѣ становится сыномъ Русскаго Царя и Россіи, которой Онъ отнынѣ посвящаетъ и жизнь, и сердце, и труды, оставаясь въ ней на службѣ Государя, Своего Отца, и не разлучаясь съ Родителями пѣвней дочери, которая не могла рѣшиться оставить дорогое отечество и возлюбленныхъ своихъ Родителей.

«Громъ пушечныхъ выстрѣловъ съ Петербургской Крѣпости возвѣстилъ намъ о благополучно совершившемся обрученіи. Лишь только смерклося, запылала во всемъ городѣ блистательная иллюминація. Толпы народа весело прогуливались по освѣщеннымъ улицамъ. Государю Императору благоугодно было посѣтить въ сей день Большой Театръ, для того, чтобы Петербургская публика, и кромѣ тѣхъ особъ, которыя имѣютъ пріездъ ко Двору, могла насладиться лицезрѣніемъ Высоко-Обрученной Четы, въ сей день торжества и общей радости. Въ мѣста театра наполнены были великолѣпно и роскошно одѣтыми дамами, и мужчинами въ парадныхъ мундирахъ и лентахъ. Взоры всѣхъ съ нетерпѣніемъ устремлены были на большую Императорскую ложу. Въ восемь часовъ, общее движеніе зрителей возвѣстило о прібытіи Царской Фамиліи. Вступили

въ ложу Государыни Императрица, Государь Императоръ, Великая Княжна Марія Николаевна съ Женихомъ Своимъ, Великая Княгиня Елена Павловна и Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Всѣ зрители встали съ мѣсть своихъ, и громъ радостныхъ рукоплесканій и усердныхъ кликовъ потрясъ своды залы. По общему требованію, оркестръ заигралъ народный гимнъ, въ продолженіе котораго радостныя взоры всѣхъ присутствовавшихъ жадно вперились въ лики дражайшихъ Россіи Царственныхъ Особъ, и въ Ихъ глазахъ читали общее счастье. Всѣ мы торжествовали семейный праздникъ, всѣ раздѣляли благородное, сердечное наслажденіе нашего общаго Отца, и изъ глубины сердець испрашивали Ему благословенія Божія въ счастіи родныхъ Его дѣтей за то счастье, которымъ Онъ осыпаетъ нашихъ. Началось представленіе, но въ нынѣшній день великолѣпное зрѣлище, танцы самой Терпсихоры сдѣлались междудѣйствіемъ. Зрители ждали антрактовъ, чтобы обратиться взорами и сердцами къ Царю и Его Семейству, чтобы собственными глазами увѣриться въ Его счастіи и удовольствіи. Какъ бы по безмолвному условію, понятному для всѣхъ, прекратились въ тотъ день движеніе и безпорядокъ, господствующіе въ междудѣйствіяхъ: тогда именно наступала тишина и вниманіе. По окончаніи спектакля, Августѣйшія Особы осчастливили публику благосклоннымъ привѣтомъ, и оставили театръ при громкихъ изъявленіяхъ единодушнаго восторга.»

Ноября 2-го послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, на имя Намѣстника Царства Польскаго, Генераль-Фельдмаршала, Князя Варшавскаго, Графа Паскевича - Эриванскаго:

«Князь Иванъ Федоровичъ! Отличныя заслуги ваши Мнѣ и Отечеству ознаменовались ны-

нѣ новымъ опытомъ, исполнѣ васъ достойнымъ. Среди разнообразныхъ и многотрудныхъ заботъ вашихъ, и въ качествѣ Намѣстника Моего въ Царствѣ Польскомъ, и по званію Главнокомандующаго Дѣйствующею Арміею, обращалъ попечительное вниманіе на всѣ отрасли управленій, вамъ ввѣренныхъ, вы поставили на степень отличнаго совершенства основную часть Интендантства Дѣйствующей Арміи, — отчетность въ огромныхъ капиталахъ, на содержаніе Арміи употребляемыхъ. Представивъ еще въ минувшемъ году отчетъ за 1835 годъ, Интендантство отдало нынѣ отчетъ за 1837 годъ къ назначенному сроку, а Временная Счетная Комmissія представила полный отчетъ за все время войны въ Царствѣ Польскомъ. Отчеты сіи, по обревизованіи въ Государственномъ Контроль, найдены совершенно удовлетворительными, и въ правильности ихъ выданы надлежащія квитанціи. Симъ положено прочное основаніе своевременной отчетности въ военныхъ расходахъ. Но переходя отъ успѣха въ движеніи отчетности къ существу самыхъ отчетовъ и къ результатамъ, изъ нихъ извлеченнымъ, Я съ живѣйшимъ удовольствіемъ увидѣлъ и здѣсь плоды вашихъ трудовъ, вашей попечительности, вашего неусыпшаго рвенія къ пользамъ государства. Отчетъ за 1831 г. показываетъ, что въ то время, когда обстоятельства военные требовали всего вниманія вашего, вы умѣли присоединить къ доблестямъ знаменитаго полководца славу попечительнаго начальника — своевременнымъ обезпеченіемъ всѣхъ потребностей войскъ, и строгаго блюстителя выгодъ казны — важнымъ сокращеніемъ расходовъ, по сѣтамъ исчисленныхъ. Въ чувствахъ искреннѣйшей признательности къ столь отличными заслугамъ вашимъ, поставляю за особенное удовольствіе изъяснить вамъ Мое полное

и совершенное благоволеніе. Пребывая навсегда къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

Н И К О Л А Й.

Царское Село.
2-го Ноября 1838.

Ноября 15-го поднятіемъ флага на бастіонѣ купеческой гавани въ Кронштадтѣ возвѣщено было о прекращеніи навигаціи въ семь 1838 году.

По извѣстіямъ, полученнымъ изъ разныхъ губерній отъ послѣднихъ чиселъ Сентября и половины Октября, оказывается, что урожай озимаго и яроваго былъ посредственный, въ губерніяхъ: Московской, Новгородской, Олонецкой, Псковской, Смоленской, Рязанской; озимый родился посредственно, а яровой хорошо въ губерніяхъ: Владимірской, Калужской, Тульской, Курской, Орловской и Минской. Въ Костромской губерніи урожай озимаго и яроваго вышелъ большею частью хорошій. Въ Ярославской, урожай озимаго хорошъ и превосходитъ прошлогодняго; яровые родились посредственно, но качествомъ добротны; особенно овесъ и ячмень крупны зерномъ и полнобѣсны; урожай льна хорошъ. — Въ Пензенской губерніи, озимый хлѣбъ родился вообще худо, а яровой хорошо. Въ югозападныхъ губерніяхъ, Кіевской, Волынской и Подольской, озимые хлѣба родились скудно, а яровые посредственно. Напротивъ того, въ Гродненской губерніи, урожай большею частію очень хорошъ. — Въ Бессарабіи урожай озимаго и яроваго хлѣбовъ посредственный, но кукуруза, главный тамошній хлѣбъ, родилась хорошо. Въ Курляндіи урожай озимаго хлѣба вообще очень посредственный, а яроваго изрядный. — Въ Бѣлостокской Области, изъ озимыхъ хлѣбовъ, рожь ро-

дидась хорошо, а пшеница посредственно; изъ про-
выхъ, ячмень и гречиха хорошо, овесъ посредст-
венно.

При выборахъ въ Октябрѣ минувшаго года, дво-
рянство Воронежской губерніи, между прочими по-
становленіями, опредѣлило: 1) пожертвовать на
устройство Благороднаго Пансіона, изъ собственныхъ
доходовъ помѣщиковъ, по числу владѣемыхъ каж-
дымъ крестьяниномъ, по 10 к. съ души, продолжая
сей сборъ въ теченіе 6 лѣтъ; 2) въ изъявленіе чувствъ
благодарности и уваженія къ подвигу генераль-
маіора Черткова, состоящему въ пожертвованіи на
учрежденіе Кадетскаго Корпуса въ Воронежъ, кото-
росъ удостоено уже Высочайшаго вниманія и одоб-
ренія, поднести ему отъ дворянства благодарствен-
ный адресъ, и выгравировать портретъ его съ при-
личною надписью, дабы не только дворяне Воро-
нежской губерніи, но и каждый цѣнитель досто-
хвальныхъ подвиговъ могъ имѣть у себя изображе-
ніе истиннаго Русскаго патріота. По докладу Ми-
нистра Внутреннихъ Дѣлъ, чрезъ Комитетъ Гг. Ми-
нистровъ, Его Императорское Величество удостоилъ
изъявить на сіи постановленія дворянства Воронеж-
ской губерніи Высочайшее соизволеніе.

Изъ Измаила пишутъ, отъ 28-го Октября: Въ
нынѣшнемъ году построено здѣсь первое мореход-
ное судно, въ 90 ластовъ, подъ именемъ Бессарабія,
изъ Молдавскаго дубоваго лѣса, здѣшнимъ масте-
ромъ Николаемъ Теодоро, для Измаильскаго купца
Аванія Диспотоуло. 15 числа Октября, при боль-
шомъ стеченіи народа, оно спущено на воду, вско-
рѣ будетъ оснащено, и должно отправиться въ Кон-
стантинополь съ грузомъ пшеницы. — Судно «Бес-
сарабія» сдѣлано прочно и при томъ имѣетъ кра-
сивую наружность. Постройка его, со всѣми при-

надлежностями, обошлась около 16,000 руб. Долж-
но полагать, что удачный опытъ купца Диспото-
уло, захотитъ и другихъ Измаильскихъ купцовъ
строить суда здѣсь, а не за границу, гдѣ постройка
обходится почти вдвое дороже.

19-го прошлаго Сентября, г. Петропавловскъ (въ
Омской Области) имѣлъ несчастье потерпѣть пожаръ,
который, при вѣхрѣ, немовѣрно сильною, столь
быстро распространился во всѣхъ частяхъ города,
что всѣ усилія мѣстнаго начальства къ утушенію,
не имѣли успѣха. 263 обывательскихъ дома, три
Татарскія мечети, гостинный дворъ, куполь камен-
ной церкви, училище кантонистовъ Военнаго полу-
баталіона и два питьевые дома, сдѣлались жертвою
пламени. Сверхъ того сгорѣли строенія, въ коихъ
помѣщались Полиція и Казначейство, но денежныя
суммы, вмѣстѣ съ дѣлами, спасены, и арестанты
заблаговременно были выведены.

Государь Императоръ, по полученіи о семъ свѣ-
дѣнія, Всемилостивѣйше повелѣть изволилъ отпу-
стить, въ единовременное пособіе, пострадавшимъ
отъ пожара жителямъ 10,000 рублей, изъ Государ-
ственнаго Казначейства, сверхъ особо назначенныхъ
на такое пособіе тоже 10,000 рублей, изъ вспомо-
гательнаго капитала Министерства Внутреннихъ
Дѣлъ.

Франція.

Открытіе Палатъ назначено (Королевскимъ пове-
лѣніемъ отъ 7-го Декабря), Декабря 17-го. — Въ
Парижѣ начались переговоры о перемѣнѣ въ тари-
фахъ, для взаимной пользы Англии и Франціи. Съ
Англійской стороны назначены для сего комисса-
ры: Макъ-Грегоръ и Аштонъ, а съ Французской Ба-
ронъ Фревилль, Давидъ и Гретрениъ. — Королевскимъ
Т. VI. — Отд. V.

повелѣніемъ, 14-го Ноября, назначены: *Герцогъ Монтебелло* посломъ при дворѣ Е. В. Короля Обѣихъ Сицилій; *Баронъ Мортъе* посломъ при Швейцарскомъ Союзѣ; *Баронъ де-Буа-ле-Контъ* посломъ при Е. В. Королѣ Нидерландскомъ; *баронъ Бюриньо де-Варенъ* посломъ при Португальскомъ дворѣ; г-нъ *А. де-Талленай* резидентомъ въ Мекленбургіи и при Ганзеатическихкихъ городахъ. — О Мексикѣ ничего не слышно. Писали, что Ноября 2-го прибылъ въ Парижъ агентъ Мексиканскаго правительства для переговоровъ о вознагражденіи и заключеніи мира. — По поводу разнесшихся слуховъ, что на блокадной Французской эскадрѣ близъ Мексиканскихъ береговъ оказываются жестоки болѣзни и большая смертность, въ *Moniteur parisien* напечатано: «Въ одной газетѣ распространено было извѣстіе, что большая часть экипажа на корабляхъ, назначенныхъ для блокады Мексиканскихъ береговъ, занемогла, и что Министерство тщательно скрываетъ полученныя по сему предмету извѣстія. Для опроверженія такого ложнаго слуха свѣдѣніемъ сообщить слѣдующую выписку изъ донесенія капитана *Вазоша*, отъ 30-го Августа: «Число всѣхъ больныхъ простирается до 236; изъ нихъ умерли: 1 лейтенантъ, 2 кадета, 1 воспитанникъ школы мореплаванія и 2 матроса, всего 6 человекъ. Болѣзни, которыми одержимы больные, принадлежатъ болѣею частию къ легкимъ и неопаснымъ.» — Ноября 11-го прибылъ въ Парижъ Турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, *Решидъ-Паша*. Турецкій министръ при Французскомъ дворѣ, *Ахметъ-Фети-Паша*, представлялъ его Королю, послѣ чего *Решидъ-Паша* отправился въ Лондонъ. — Ноября 11-го, издано Королевское повелѣніе касательно гражданскаго управленія Алжира. Оно должно состоять подъ непосредственнымъ надзоромъ Генераль-

Губернатора, которому будутъ подчинены Директоръ Внутреннихъ дѣлъ, Директоръ Финансовъ и Генераль-Прокуроръ. — Другимъ повелѣніемъ Вице-Интendantъ провинціи Константины *Графъ Евгений Гюо* (Guyot) назначенъ Директоромъ Внутреннихъ дѣлъ, а бывший меръ города Боны г. *Дюссеръ* помощникомъ Директора провинціи Орана. — Октября 22-го, Высшій Коммерческій Совѣтъ имѣлъ четвертое и послѣднее засѣданіе. Совѣтъ выслушалъ Гг. Мони, ла Тюильери и Бюэ, прибывшихъ наканунѣ изъ Мартиники. Они изобразили печальное положеніе колоніи, и просили, именовъ своихъ соотечественниковъ, принять быстрыя и дѣйствительныя мѣры для устраненія опасности. Потомъ Совѣтъ разсматривалъ вопросъ объ уменьшеніи таможенныхъ пошлинъ. Послѣ продолжительныхъ преній приступили къ собиранію голосовъ. Большинство Совѣта было въ пользу уменьшенія пошлины 12 франками на 100 килограммовъ. Мнѣнія раздѣлились на счетъ вопроса, какимъ образомъ произвести уменьшеніе. Нѣкоторые доказывали, что должно издать Королевское повелѣніе; другіе представляли его благоразумію Правительства, но въ то же время изъявляли желаніе, чтобы въ такомъ случаѣ объявлена была законность повелѣнія. Представители колоній прибѣгли къ послѣднему средству и просили дозволить вывозить сахаръ прямо въ иностранныя владѣнія, и привозить иностранныя произведенія подъ всеми флагами. Большинство, нѣсколько слабѣйшее, нежели при предыдущемъ вопросѣ, изъявило желаніе, чтобы колоніямъ былъ дозволенъ непосредственный вывозъ, но только на Французскихъ корабляхъ.

Оппозиціонные журналы жестоко вопіяли о томъ, что Правительство позволило пробжать черезъ Францію Принцессѣ Беирской и сыну Донъ Карлоса, ут-

верждая, что Правительство явно покровительствовало ихъ проваду. Въ J. des Débats напечатанъ отвѣтъ на сіи обвиненія, гдѣ доказывается напротивъ, что Правительство принимало всѣ мѣры воспрепятствовать проваду, и особливо переходу Принцессы и Принца черезъ Испанскую границу. «Извѣстія изъ Байонны (пишутъ въ J. des D.) не позволяютъ сомнѣваться, что проваду Принцессы Беирской въ Испанію старались воспрепятствовать со всевозможною дѣятельностію. На первой и второй таможенныхъ линіяхъ были приняты чрезвычайныя мѣры; многіе посты были удвоены; всѣ бригады стояли подъ ружьемъ; высшія начальства возбуждали усердіе всѣхъ офиціальныхъ и тайныхъ агентовъ общаніемъ значительныхъ суммъ; нѣкоторые младшіе чиновники, чувствовавшіе всю важность сего порученія, общали, сверхъ того, лицамъ, подчиненнымъ имъ, особенныя награды изъ собственныхъ денегъ. Принцесса Беирская и сынъ Дона Карлоса достигли Испанскихъ владѣній только при помощи переодѣваній, послѣ продолжительнаго и тяжкаго переѣзда, совершеннаго ими среди тысячи опасностей. Они принуждены были двадцать разъ перемѣнять направленіе, дабы уйти отъ многочисленныхъ отрядовъ, занимавшихъ всѣ дороги. Толпа шпионовъ покровительствовала ихъ путешествію. Не смотря на то, бригадиръ Гарнавальтъ непременно захватилъ бы молодаго Принца, если бы двое изъ его людей не выказались преждевременно, и тѣмъ не предостерегли Инфанта въ самую критическую для него минуту. Для задержанія Принцессы Беирской и сына Дона Карлоса, употреблено было все, что только во власти человѣка. Но свойства тамошней страны представляютъ столь большія вспомогательныя средства смѣлымъ и искуснымъ контрабандистамъ, что

никогда нельзя полагаться навѣрное на успѣхъ мѣръ, придуманныхъ наилучшимъ образомъ и исполненныхъ съ величайшимъ усердіемъ.»

Несчастный, неожиданный случай произвелъ было сильное впечатлѣніе въ Парижѣ; Ноября 14-го, часовой Белабръ, стоя ночью у рѣшетки Тюльерійскаго сада, увидѣлъ какого-то неизвѣстнаго человѣка, который на окликъ его отвѣчалъ ругательствами и хотѣлъ насильно ворваться въ садъ. Белабръ выстрѣлилъ и убилъ незнакомца. По изслѣдованію оказалось, что то былъ какой-то солдатъ, находившійся въ отпуску, Николай Форъ. Цѣль его поступка не открыта. Белабръ оправданъ по суду. Король пожаловалъ отцу убитаго пенсію.

Въ Камбервеллѣ живетъ какой-то человѣкъ, называющій себя сыномъ Людовика XVI-го, Герцогомъ Нормандскимъ. Одинъ изъ слугъ его, признававшій въ немъ Людовика XVII-го, въ началѣ Ноября хотѣлъ умертвить мнимаго принца, но только ранилъ. Убійца былъ схваченъ и преданъ суду. Но довольно странная теперь стала земля Франція: въ ней есть Король, и между тѣмъ многіе изъ Французовъ признаютъ Королемъ то того, то другаго, и не даютъ ему обѣта въ подданствѣ! Иные полагаютъ, что всѣ исторія о покушеніи на жизнь мнимаго Людовика XVII-го вымышлена. Объ ней станутъ говорить; начнется судъ; есть случай кричать, писать, острить...

Вотъ еще процессъ, которымъ занималось дѣльное любопытство Парижанъ: въ газетѣ la France помѣщены были разныя оскорбительныя статьи противъ Короля, и между прочимъ извѣстіе, будто въ Тюльери найдены брилліанты Маріи Антуанетты, при копаніи рва, и проч. — Издатель подвергнутъ суду, и осужденъ на годъ въ тюрьму и уплату 3000 фр. пени.

Гораздо важнѣе два процесса, начавшіеся въ Парижѣ. При жизни Фердинанда VII-го предположено было возвести Инфанта Дона Франциска де Паула, живущаго нынѣ въ Парижѣ, на Мексиканскій престолъ. Талейранъ принялъ въ дѣль участіе, и агентъ его истратилъ по сему случаю болѣе 300 т. франковъ. Июльская революція и кончина Фердинанда VII-го прекратили замыслы. Теперь агентъ требуетъ заплаты истраченныхъ имъ суммъ, и преслѣдуетъ Дона Франциска судомъ. — Другой процессъ начали Люціанъ и Людовикъ Бонапарте, черезъ своихъ адвокатовъ, о суммахъ, которыя слѣдовали имъ и матерямъ ихъ, до 1815 года, и не были потомъ имъ уплачены, не смотря на многократныя требованія. Требованія ихъ простираются болѣе 8-ми милліоновъ франковъ.

А Н Г Л І Я .

Общее вниманіе обратилось теперь на два обстоятельства: военныя дѣйствія, которыя необходимо должны начаться въ Остѣ-Индіи (см. подробности, подъ статью: Азія), и явное начало новыхъ возмущеній въ Канадѣ. Последнему служить безспорнымъ доказательствомъ то, что Лордъ Дургамъ не могъ примирить враждующихъ партій въ Канадѣ, не могъ также согласиться и съ распоряженіями министровъ касательно Канады. Онъ оставилъ на мѣсто себя С. Джона Кольборна, и возвратился поспѣшно въ Англію. Нолбрѣ 30-го, онъ прибылъ уже въ Плимутъ и отправился въ Лондонъ, чтобы лично вручить обратно Королевѣ данныя ему полномочія, и вступить въ словесныя переговоры съ Министрами. Онъ не соглашается оставаться на мѣстѣ, предвидя безуспѣшность принимаемыхъ нынѣ Англіею мѣръ. Полагаютъ, что мѣсто его будетъ

передано Маркизу Норменби (Лорду Мисльграву). Говорятъ даже о перемѣнѣ въ министерствѣ, и что въ него вступятъ Герцогъ Ричмонтъ и Графъ Спенсеръ. Достоверно ничего еще неизвѣстно. — На мѣсто умершаго Бомбейскаго губернатора опредѣленъ С. Джонъ Карнакъ, бывшій президентъ Остѣ-Индской Компаніи. — На Бермудскіе острова посланъ губернаторомъ полковникъ Рейдъ, посланный туда послѣ ужаснаго урагана въ 1831 г., когда болѣе 1,500 человекъ тамъ погибло въ одну ночь, и заслужившій тогда общее уваженіе и любовь. Онъ извѣстенъ и въ ученомъ свѣтѣ своими послѣдованіями о буряхъ.

Депутація купцовъ имѣла, въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, переговоры съ Лордомъ Пальмерстономъ на счетъ блокады Мексики. Министръ утвердилъ, что Кабинетъ очень хорошо понимаетъ, сколь важно сіе дѣло для Британской торговли. Онъ объявилъ также, что Мексиканское Правительство дѣйствительно предоставляло Британскому Правительству рѣшить споръ, но что Франція на то не согласилась. Но, присовокупилъ Министръ, Британское Правительство продолжало употреблять всѣ средства для окончанія распрей, и онъ надѣется, что онѣ вскорѣ будутъ кончены. Британскому Послапнику, г. Пакенгаму, приказано немедленно возвратиться въ Мексику. Старанія его будутъ, безъ сомнѣнія, способствовать исполненію желаній Правительства. Послапникъ уже отплылъ изъ Плимута. Британское Правительство поручило также Сиру Ч. Педжету отправиться съ эскадрою, изъ рѣки Св. Лаврентія, къ Мексиканскому берегу, и доставить Британскимъ выгодамъ защиту, сообразную съ обстоятельствами. Депутація представила потомъ

Министру, что блокада Буэносъ-Айреса можетъ быть еще менѣе оправдана, нежели блокада Мексики.

Въ одной изъ Лондонскихъ тавернъ было собраніе, 23 Октября, гдѣ предложили письмо Лорда Гленельга о томъ, на какихъ условіяхъ Правительство позволитъ устроить колонію на Фалкландскихъ островахъ. Общество, учредившееся для того, разсуждало о принятіи подлежащихъ по сему мѣру.

Шелковыя фабрики въ Англіи до того пришли въ замѣшательство при разстройствѣ дѣлъ съ Америкой, что въ прошлую зиму число рабочихъ въ Спиталфилдѣ, неимѣвшихъ занятія, простиралось за 20,000. Ихъ горестное положеніе заставляетъ многихъ заботиться о помощи имъ, ибо съ тѣхъ поръ дѣла не улучшились.

Графъ М. С. Воронцовъ теперь въ Англіи. Онъ посетилъ сестру свою, Графиню Пемброкъ, живущую въ помѣсть покойнаго мужа ея, близъ Салисбури.

Можно было почитать пустыми слухами, что нѣкто Лордъ Стирлингъ, потомокъ чловѣка, которому передано было нѣкогда право на владѣніе Канадою, извѣляетъ свои требованія на Правительство. Но слухъ оказывается справедливымъ. Въ Единбургѣ начался о томъ процессъ. — Въ половинѣ Ноября, происходило въ Дублинѣ, въ залѣ Охранительнаго Общества, большое собраніе Оранжеистовъ, подъ председательствомъ г. Кута. Каждое графство и каждый округъ Ирландіи прислали депутатовъ въ собраніе. Комитетъ его намѣренъ просить главнаго судью Ирландіи, созвать къ Ноябрю мѣсяцу общее собраніе Оранжеистовъ, дабы увѣдомить Ирландскихъ протестантовъ объ опасности, угрожающей ихъ правамъ и выгодамъ. Сіе предложеніе было сообщено собранію и утверждено имъ. Донесеніе написано въ

слѣдующихъ выраженіяхъ: 1) Мы, протестанты Ирландіи, по прежнему преданы нашей благородной Королевѣ и тѣмъ постановленіямъ, силою которыхъ Брауншвейгскій Домъ владѣетъ престоломъ трехъ королевствъ. 2) Каждый Британскій подданный безспорно имѣетъ право требовать, чтобы его гражданская и религіозная свобода были совершенно обезпечены. 3) Такъ какъ нынѣшнее Правительство Ирландіи состоитъ изъ лицъ, не имѣющихъ ни какого расположенія къ единству и къ Реформатской Религіи, то протестанты не могутъ ожидать отъ него дѣятельной защиты. 4) Ирландскіе протестанты лишены свободнаго отправленія своей чистой и святой вѣры. 5) Ирландскіе протестанты лишены личной свободы и неприкосновенности ихъ имущества. 6) Недостатокъ всякой защиты, слѣдствіе неисполненія законовъ, заставляетъ Ирландскихъ протестантовъ составить общество для своей безопасности. 7) Опытъ показалъ, что общество Оранжеистовъ болѣе другихъ обществъ соответствуетъ предназначенной цѣли. 8) Мы, Ирландскіе протестанты, считаемъ нужнымъ объявить, что обязанность нашихъ представителей въ Парламентѣ состоитъ въ подкрѣпленіи протестантизма, не обращалъ вниманія ни на какую партію, ни на послѣдствія, которыя могутъ отъ того произойти. 9) Проникнутые сими мыслями, мы убѣждены, что никто не можетъ быть исключенъ изъ протестантскаго общества, потому что онъ членъ Нижней Палаты. Намѣренія наши состоятъ въ поддержаніи нашихъ законовъ, нашей вѣры и нашихъ правъ.

Нидерланды.

Е. В. Король благосклонно отвѣчалъ на адресъ Палатъ, представленный ему, въ отвѣтъ на рѣчь его, что ему пріятно видѣть въ адресъ новое дока-

зательство искренняго участія Штатовъ, во всемъ томъ, что касается его династїи; что съ особеннымъ удовольствіемъ слышитъ онъ увѣренія Штатовъ, готовыхъ подкрѣпить усилія, какія дѣлаетъ онъ для окончанія сложныхъ отношеній государства съ честью и выгодною для Нидерландовъ, и что надѣется благословенія Божїи на союзъ государя и народа для блага отечества.

Правительство предполагаетъ расширить каналъ, протекающій отъ морскаго берега до Гаги, и тѣмъ доставить выгоды приморскаго города Нидерландской столицѣ, такъ, чтобы въ нее свободно приходили большіе купеческіе корабли.

Бельгія.

Король открылъ 14-го Нолбря засѣданія Штатовъ. Президентомъ Сената избранъ г-нъ Ширвель, Вице-Президентами Графы Арскотъ и Виленъ XIV-й, а въ комиссію для сочиненія адреса Графъ Бельетъ, г-нъ Торнъ, Баронъ Пелиши и Графъ Озембургъ. — Палата Депутатовъ избрала вновь Президентомъ г-на Рекема, и также вновь Вице-Президентами гг. Фаллона и Дюбюса. Въ комиссію для сочиненія адреса избраны Феликсъ де-Меродъ, Дюмортье, де Ренессъ, Дешанъ, Фаллонъ Берже. — По бюджету, представленному Министромъ Финансовъ, на 1839 годъ, расходы на военную часть составляютъ 43 милліона фр. — Войско предполагается въ 48,192 человека и 30,000 резерва, при 30-ти артиллерійскихъ баттарейхъ.

Германія.

Е. В. Король Прусскій отмѣнилъ запрещеніе, изданное Мал 20-го 1833 г., и позволеть своимъ подданнымъ учиться въ другихъ Германскихъ университетахъ, уповая, что послѣ принятыхъ Германскимъ Сеймомъ мѣръ, вредное направленіе, какое

принимало въ нѣкоторыхъ изъ нихъ воспитаніе юношества, нынѣ устранено. Тѣмъ не менѣе, каждый Пруссакъ, желающій занять должность какую либо, обязанъ предварительно обучаться въ одномъ изъ Прусскихъ университетовъ.

Баварскій Военный Министръ Баронъ Гертлингъ передалъ свой портфель новому Министру Барону Бестереку.

Е. В. Принцъ Оранскій прибылъ въ Стутгартъ, 3-го Нолбря. — Туда же прибылъ и Принцъ Петръ Ольденбургскій.

Октябръ 25-го, прибылъ въ Мюнхень флигель-адъютантъ Князь Долгорукой, и привезъ Королю образцы оружія всѣхъ родовъ, употребляемыхъ въ Россійской арміи. Сопровождаемый тяжелымъ фургономъ, онъ совершилъ путь изъ Петербурга сюда въ 11 дней. Съ Баварской стороны доставлены Россійскому Посланнику тайному совѣтнику *Сверину*, ментики, каски и шишаки, какіе носятъ Баварское войско.

Австрія.

О прибытіи Императора и Императрицы въ Вѣну, пишутъ слѣдующее:

«Сегодня (Окт. 26-го), въ 5-мъ часу по полудни, Ихъ Величества прибыли обратно въ столицу. Несмѣтная толпа народа встрѣтила Августѣйшихъ путешественниковъ; дворцовая площадь и смѣжныя съ нею улицы были наполнены обрадованными жителями. Городская стража была выстроена шпалеромъ; артиллерія ея занимала бастионы и выстрѣлами изъ орудій возвѣщала городу о благополучномъ возвращеніи Императора. Когда карета Его В-ва вѣхала въ городскія ворота, воздухъ огласился радостными восклицаніями народа. Радость еще увеличилась, когда по свѣжей, цвѣтущей нару-

жности Монарха можно было заключить о поправлении его здоровья. Императрица, сидѣвшая по лѣвую сторону Императора, также казалась совершенно здоровою, и по видимому не чувствовала никакой усталости отъ дороги. По прибытіи во дворецъ, Ихъ В-ва приблизились къ окну, и публика снова встрѣтила ихъ появленіе радостными восклицаніями. — Третьяго дни возвратился сюда чрезъ Триестъ Государственный Канцлеръ Князь *Меттернихъ* съ своимъ семействомъ. — По случаю прибытія Императора, завтра здѣшними гражданами будетъ данъ великолѣпный обѣдъ въ Аугартенѣ. Магистратъ пригласилъ на праздникъ все высшее городское начальство.»

Въ Вьну прибылъ, никогдѣ, подъ именемъ Алексы Саандреса, Господарь Волошскій Князь Гика. Онъ ѣдетъ въ Триестъ, гдѣ ждетъ его невѣста.

Значительныя суммы назначены для вооруженія крѣпостей Ольмюца и Коморна. Ближайшая цѣль состоитъ здѣсь въ защитѣ Вьны, которая обезпечена съ запада Максимилиановскими башнями. Австрія, слѣдуя правилу, что кто хочетъ мира, долженъ быть готовъ къ войнѣ, воспользовалась миромъ для усиленія своихъ крѣпостей. Въ Веронѣ все еще трудятся надъ обширными крѣпостными верками; колоссальное построеніе Айха, въ южномъ Тиролѣ, возникло незамѣтнымъ образомъ; открытая долина при Ливцѣ обращена башнями въ Өермопилы; только сѣверовосточная граница еще слаба. Лембергъ, по стратегическому положенію своему, не можетъ сопротивляться арміи.

— Въ Силезской Газетѣ сообщаютъ слѣдующія извѣстія съ Черногорской границы, отъ 19-го Октября: «Кажется, что распоряженія Гассанъ-Бей, который занялъ всѣ пограничныя проходы, отча-

сти собственными войсками, отчасти присланными къ нему Австрією, побудили Черногорцевъ отсрочить на время свои новыя планы. Неожиданное появленіе Австрійскихъ мундировъ въ Турецкихъ владѣніяхъ имѣло большое вліяніе на быструю перемѣну ихъ мыслей. Они отступили отъ границы, и значительныя сборища ихъ снова разсѣялись. Между тѣмъ, на другомъ пунктѣ, одинъ извѣстный Австрійскій дезертиръ вторгнулся, съ 60 человѣками, изъ Черногоріи въ Австрійскую Албанію, но послѣ жаркаго дѣла былъ отраженъ многочисленными пикетами. Въ Герцеговинѣ и въ Босніи стараются возбудить беспорядки. Если Турецкія начальства не обратятъ надлежащаго вниманія на сіи обстоятельства, то должно опасаться на счетъ спокойствія обѣихъ провинцій. 10-го Октября, двоюродный братъ Владыки былъ убитъ двумя человѣками, принадлежащими къ семейству, изгнанному Владыкою изъ Черногоріи. Разнесся слухъ, что онъ первая жертва заговора, имѣющаго цѣлью совершенно истребить фамилію Владыки. Полагаютъ, что въ заговорѣ участвуетъ семейство Радоничъ, которое некогда пользовалось наслѣдственнымъ правомъ управленія Черногорією, но потомъ было изгнано изъ сей страны. Ожидаютъ съ нетерпѣніемъ новѣйшихъ извѣстій.»

И т а л і я .

Въ Генуѣ занимаютъ приготовленіемъ фрегата *Королева*, на которомъ отправится въ путешествіе кругомъ свѣта Принцъ Савойя-Кариньянскій, съ кузеномъ своимъ, Гонтраидомъ Боффеомомъ, и многими учеными. Самъ Е. В. Король начерталъ планъ сего продолжительнаго и замѣчательнаго путешествія. — Декретомъ 1-го Октября, Король Сардинскій далъ новую судебную организацію своимъ владѣні-

ямъ. Все королевство раздѣлено на судебные округа (mandamenti), имѣющіе каждый одного судью; всюду учреждены коллегіальные суды (collegiali). Частные суды, въ томъ числѣ даже Судъ королевскихъ имуществъ, уничтожены. Нѣкоторыя формы судопроизводства отмѣнены, другія упрощены; достоинство Королевской Аудіенціи увеличено большамя числомъ судей и другими постановленіями.

Французскія войска въ скоромъ времени оставлятъ Анкону. Для перевоза ихъ уже отправлены корабли. По силѣ конвенціи 16-го Апрѣля 1832 года, Папа требовалъ оставленія Анконы, ибо Австрійскія войска также оставляютъ Папскія владѣнія по его предложенію.

Ноября 2-го получено въ Неаполь извѣстіе о благополучномъ прибытіи Короля Сицилійскаго въ Палермо, гдѣ готовятся по сему случаю пиры и праздники. Перевѣздъ изъ Неаполя совершенъ былъ въ 22 часа. Е. В. ревностно занимается устройствомъ острова; положено проложить въ Сициліи четыре большія дороги, укрѣпить порты, усовершенствовать мѣстное управленіе, завести училища, и проч.

Въ слѣдствіе послѣднихъ безпорядковъ въ Сициліи, Король лишилъ Сиракузы званія главнаго города провинціи Ното, и перенесъ мѣстопробываніе интенданта въ городъ Ното, который, въ знакъ своей благодарности, положилъ воздвигнуть статую Его Величества. Король предоставилъ себѣ право назначить въ послѣдствіи главный городъ уѣзда и мѣстопробываніе младшаго интенданта, и Сиракузамъ осталась незавидная честь быть главнымъ городомъ малаго округа. Теперь изданъ Королевскій декретъ, гдѣ сказано, что для смягченія прежней, справедливой строгости милостивымъ актомъ, назначаются Сиракузы главнымъ городомъ уѣзда и мѣстопробы-

ваніемъ младшаго интенданта. Катаніи тоже возвращено расположеніе Королл, когда Е. В. посвятилъ сей городъ въ свое второе путешествіе. — Изъ всѣхъ провинцій получаютъ многочисленныя извѣстія о большихъ празднествахъ, по случаю дня рожденія Наслѣднаго Принца.

Октября 31-го, вдовствующая Королева Англійская прибыла въ Неаполь на линейномъ кораблѣ Гастингсъ. Ея Величество обѣдала на кораблѣ, съ сестрою своею, Герцогинею Саксенъ-Веймарскою и ея семействомъ, и въ пять часовъ вышла на берегъ, при громѣ орудій. Ея ожидали пятнадцать королевскихъ экипажей, въ которыхъ Ея Величество отправилась, со свитою, въ отель дельла Витторія, напротивъ входа въ Вилла-Реале. Королева наняла одинъ этажъ дома; другой приготовленъ для Ротшильда, который вскорѣ пріѣдетъ изъ Парижа. Ея Величество не приняла предложенія занять квартиру въ Королевскомъ дворцѣ на Капо ди Монти. Свита Королевы состоитъ болѣе чѣмъ изъ ста человекъ.

Испанія.

Можно было предвидѣть, что послѣднія событія поведутъ къ новымъ бѣдствіямъ. Такъ и сдѣлалось. Слухи о торжествѣ Карлистовъ возбуждали повсюду фапатическое изступленіе Христиановъ. Чернь рѣшилась рѣзать и умерщвлять плѣнныхъ Карлистовъ. Началось съ Валенціи. Вопилъ, что Кабрера разстрѣливаетъ плѣнныхъ, народъ умертвилъ генераль-капитана Д. Франциска Мендеса Виго (24-го Октября), и волненіе едва успокоилось послѣ убійства нѣсколькихъ плѣнныхъ, но въ слѣдующіе дни чернь снова буйствовала и разстрѣлила ихъ еще болѣе 100 человекъ. Фанъ Галенъ двинулся съ войскомъ къ Валенціи; его отсутствіе взволновало Саррагосу,

гдѣ едва могъ остановить кровопролитіе генераль Санъ-Мигуэль. Также успѣли удержать убійства въ Каррагенѣ, но въ Аликанте и Мурціи перерѣзали множество Карлистовъ. На Балсарскихъ Островахъ также произошли беспорядки. Всего изумительнѣе, что изступленіе противъ Карлистовъ раздѣляютъ самыя полководцы: Эспартеро, свирѣпый Ногерасъ, и даже Нарваезъ, растрѣливаютъ ихъ. Напротивъ, Кабрера объявилъ строжайшее запрещеніе умерщвлять плѣнныхъ Христианосовъ.—Опасались, что смятеніи настанутъ въ Мадридѣ. И дѣйствительно, 28-го Октября чернь собиралась буйными толпами. Немедленно приняты были строгія мѣры; войска Нарваэза подошли къ Мадриду. При возобновленіи безпокойствъ Нолбря 4-го, столица объявлена въ военномъ состояніи, и сіе объявленіе уничтожено только 17-го числа, но оно продолжено въ Каталоніи, Валенсіи, Мурсіи, Аликанте, Арагоніи, Малагѣ, Ламанчѣ и Толедо. Строгія преслѣдованія начались въ Мадридѣ противъ всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ привязанности къ Донъ-Карлосу. Жены и дѣти людей, находящихся въ его службѣ, высланы изъ Мадрита, и отданы подъ надзоръ разныхъ мѣстныхъ начальствъ; подъ смертною казнью запрещена всякая переписка съ Карлистами. Больше 250 человекъ арестовано въ Мадридѣ; въ томъ числѣ много знатныхъ и богатыхъ людей, священниковъ, чиновниковъ, какъ-то: банкиръ Ковіанъ, Графъ Эстелья, Маркизъ Алькантара, Графъ Альба-Реаль, интендантъ Больтри, совѣтникъ Кабанильясъ, зять Графа Торено, братъ Графа Оваліи, и друг.—Важнѣйшимъ слѣдствіемъ всего было мгновенное возвышеніе *Нарваэза*. Его встрѣтили, какъ спасителя Мадрита, наградили орденомъ Св. Фердинанда, и объявили начальникомъ всѣхъ корпусовъ въ южной Испаніи, съ не-

ограниченною властью. Онъ предлагаетъ набрать въ Андалузіи 40,000 войска, стремительно двинуться на Карлистовъ и уничтожить ихъ, не требуя ни какихъ пособій правительства. Говорятъ, что плачь его принятъ, и онъ уже отправился въ Андалузію. Но Эспартеро прислалъ противъ него сильный протестъ.

Между тѣмъ въ Мадридѣ открылись засѣданія Кортесовъ, среди бурныхъ споровъ и несогласій. Депутатія Сенаторовъ просила Королеву не перемѣнять министерства. Долго не соглашались въ выборѣ президента Кортесовъ. Голоса склонялись къ г-ну Истурису, но онъ едва не погибъ, ибо подосланные убійцы вторглись въ домъ его, и не заставши хозяина, разграбили бумаги и серебро. Нолбря 8-го открыты засѣданія рѣчью Королевы, которою остались недовольны всѣ партіи. Королева упомянула о злоупотребленіи журналовъ, о затрудненіи финансовомъ, но ни одного слова даже не было о кровавыхъ явленіяхъ въ Валенціи и другихъ мѣстахъ. Партія умѣренныхъ восторжествовала наконецъ при выборѣ президента и вице-президентовъ. Въ званіе перваго избранъ Истурисъ; въ званіи вторыхъ Рива-Гердера, Герцогъ Горъ, и Армундаразъ, а секретарями Рейонзо, Майансъ, Гиспортъ и Мура. — Сумалакаррегви, Сеоанъ, Блазага, Ф. де Лосъ-Ріосъ и Лаборда, отчаянные радикалы, были отвергнуты. Но Сеоана и Олазага успѣли избрать одинакомъ въ члены комиссіи для составленія адреса Королевы. Въ первыя засѣданія Кортесовъ начались уже буйства: Сеоанъ сильно нападалъ на министровъ и требовалъ контроля финансовъ.

Всѣ сіи событія, кажется, ободрили Карлистовъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Положено было не начинать нападеній на Мадридъ.—Фанъ-Галенъ прогвалъ 16-го Октября Кабреру изъ Касце. Гарціа

захватилъ Катамайю, но принужденъ былъ оставить его. Съ удаленіемъ Фанъ-Галена къ Валенці, Кабрера двинулся къ Сарагоссъ, а наѣздникъ Паллиось захватилъ городокъ Визо, въ шести миляхъ отъ Мадрита. — Донъ-Карлосъ торжественно встрѣтилъ Принцессу Беирекую и сына своего близъ Толосы. Здѣсь было объявлено, что еще Февраля 2-го заключенъ свадебный договоръ о супружествѣ Принцессы съ Д. Карлосомъ, и 20-го Октября, совершилось бракосочетаніе ихъ въ Аскоисн. Обрядъ вѣчанія отправлялъ Епископъ Леонскій. Послѣ того были большіе праздники; солдатамъ выдано за мѣсяцъ жалованье не въ зачетъ, и проч.

Въ Мадритской газетѣ, 17-го Октября, помѣщено донесеніе Министра Финансовъ на имя Королевы, въ которомъ положеніе финансовой части изображено самыми мрачными красками. Министръ совѣтуетъ прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для пополненія огромнаго дефицита, и находитъ нужнымъ составить особую Коммиссію для изысканія означенныхъ мѣръ. Королева согласилась съ мнѣніемъ министра. Членами Коммиссіи назначены: Президентомъ Донъ *Піо-Питта-Пизарро*, Министръ Верховнаго Совѣта Испаніи и Индіи, Членами: Донъ *Юсте Хосе Банкверн*, Начальникъ Финансоваго Департамента, Донъ *Рамонъ Сантильяни*, Секретарь Государственнаго Совѣта, Маркизъ *Касафрайо*, Государственный Казначей, Донъ *Хосе Хигиніо д'Архе*, Донъ Педро *Сурра* и *Руаль* и Донъ *Хосе Васкони*.

Рѣчь Королевы при открытіи засѣданій Кортесовъ сдѣлалась предметомъ споровъ и разглагольствій Французскихъ газетчиковъ. Вотъ что пишутъ они, между прочимъ: «Изъ рѣчи Королевы Маріи Христины видно, что ея правительство совершенно упало духомъ. Оно, по видимому, не имѣетъ надеж-

ды устранить предстоящіа затрудненія. Въ тѣхъ параграфахъ, гдѣ идетъ рѣчь о союзѣ четырехъ Державъ, нельзя не замѣтить неудовольствія. Спрашивается: что въ состояніи сдѣлать Кортесы при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ? Для поддержанія общественнаго кредита и удовлетворенія необходимыхъ расходовъ потребны огромныя суммы, между тѣмъ какъ правительство не въ состояніи было воспользоваться тѣми вспомогательными источниками, которые были предоставлены ему въ прошедшее собраніе. Оно не могло даже заключить займа на самыхъ тягостныхъ условіяхъ. Какими же способами Кортесы положить конецъ бѣдственному положенію? Сверхъ того должно припомнить, что войско Христиносовъ повсюду претерпѣваетъ пораженіе. Съ нѣкотораго времени не говорятъ уже о примиреніи, хотя оно было бы единственнымъ средствомъ къ спасенію. Извѣстно, что нѣкоторое время продолжались переговоры о прекращеніи междоусобія миролюбивымъ образомъ. Мадритское правительство сначала не соглашалось на подобныя предложенія; нынѣ оно изъявляетъ свою готовность, но Донъ Карлосъ отказывается отъ примиренія. Побѣда, одержанная имъ при Морельи и прибытіе его супруги и сына перемѣнили образъ его мыслей. Сверхъ того полагаютъ, что пограничное Французское начальство оказываетъ содѣйствіе Дону Карлосу. Должно надѣяться, что важный вопросъ объ Испаніи будетъ рассмотрѣнъ основательно въ Палатѣ Депутатовъ. Франція должна наконецъ знать: позволить ли наше Правительство Дону Карлосу овладѣть Испанскимъ престоломъ? Вмѣшательство, или содѣйствіе со стороны Франціи будетъ нынѣ несравненно затруднительнѣе, нежели за нѣсколько лѣтъ, но чѣмъ далѣе отлагать посредничество, тѣмъ болѣе будетъ уси-

ваться зло. Мы вполне увѣрены, что Палаты убѣдятъ правительство принять рѣшительныя мѣры въ Испанскихъ дѣлахъ.»

Въ Morning-Chronicle пишутъ слѣдующее о положеніи дѣлъ въ Испаніи: «Говорятъ, что Нарваэсъ согласился отказаться отъ всѣхъ своихъ жалобъ противъ Министерства, съ условіемъ, чтобы ему дозволили увеличить его корпусъ съ 15 на 40,000 чел., и собрать рекрутъ и деньги на ихъ экипировку въ южныхъ провинціяхъ. Чрезвычайно любопытно изучать характеры Испанскихъ генераловъ и слѣдить за ихъ поступками; нѣтъ сомнѣній, что одному изъ нихъ будетъ предоставлено рѣшить участь войны. На однихъ Испанскихъ гражданскихъ чиновниковъ, Министровъ, кандидатовъ въ Министры, депутатовъ, финансовыхъ чиновниковъ, ораторовъ, или предводителей партій, нечего надѣяться. Высшіе либералы, или фанатики, овладѣвъ правленіемъ, не умѣли создать собственной системы и развить своихъ силъ. Партія умѣренныхъ ничего не сдѣлала и передана въ руки бездарнаго генерала и корыстолюбиваго Двора. Теперь, въ Христиносской Испаніи только два важныя лица: Эспартеро и Нарваэсъ. Каждый изъ нихъ желалъ бы присвоить себѣ полную власть и имѣть неограниченное вліяніе на свои войска. Эспартеро, уже давно обладалъ военною властью, сильнѣе другаго. Онъ еще болѣе усилился, со времени назначенія его адъютанта въ главнокомандующіе центральной арміи. Но Графъ Лучана принужденъ бороться и съ искуснымъ, исполненнымъ дарованій соперникомъ, который всегда умѣлъ сдѣлать свой небольшой корпусъ равно страшнымъ для враговъ и для соперниковъ. Оба они возвышены надъ денежнымъ интересомъ; оба принадлежатъ къ партіи умѣренныхъ и преданныхъ дѣлу Королевы. Но Эс-

партеро, охлажденный продолжительнымъ знакомствомъ съ трудностями войны, кажется, отчаивается въ ея окончаніи. Политика его состоитъ въ томъ, чтобы никогда не предпринимать дѣйствій, сопряженныхъ съ опасностью быть разбитымъ. Онъ держитъ армію свою сосредоточенною, ограничивается обороною, и спокойно выжидаетъ времени, когда можно будетъ примириться съ Дономъ Карлосомъ. Нарваэсу еще предстоитъ создать себѣ славу. Онъ не хочетъ и слышать о переговорахъ съ Карлистами, и преслѣдуетъ ихъ съ ожесточеніемъ. Онъ желаетъ окончить войну однимъ ударомъ, о чемъ Эспартеро и не псмышляетъ. Между тѣмъ, Нарваэсъ рѣшился на свое предпріятіе не прежде, какъ создавъ себѣ армію, отличную отъ арміи Эспартеро своими намѣреніями, составомъ и образомъ дѣйствій. Что же касается до личнаго возвышенія Нарваэса, то, кажется, онъ и самъ не имѣетъ на сей счетъ ничего опредѣленнаго. Испанцы говорятъ, что ему нельзя довѣрять, по въ доказательство, они приводятъ одну причину, что онъ Андалузецъ. Можетъ быть, они столь же несправедливо обвиняютъ его въ корыстолюбіи, какъ мы преувеличиваемъ его таланты и намѣренія. Но каковы бы ни были дарованія и планы обоихъ Христиносскихъ генераловъ, во всякомъ случаѣ, въ ихъ лагеряхъ находится судьба партій. Перевороты въ Министерствѣ не имѣютъ ни какого вліянія. Теперь дѣло не въ томъ, кто называетъ себя Президентомъ Совѣта Министровъ, Г. Фріасъ или кто другой. Сѣверъ принадлежитъ Эспартеро, югъ Нарваэсу. Очевидно, что послѣдній желаетъ освободить Министра Финансовъ и Правительство отъ трудовъ и вмѣшательства, принимая на себя вооружить, обмундировать и содержать 40,000 чел. Такимъ образомъ, умѣренные и Французы, своими со-

вѣтами, превратили въ ничто власть и значеніе гражданскаго управленія.»

Заключимъ разнообразныя и горестныя извѣстія изъ Испаніи, слѣдующимъ повелѣніемъ, изданнымъ въ Мадридѣ, Нолбря 8-го:

«Донъ Хозе Маріа Пусегъ, кавалеръ національныхъ и военныхъ орденовъ Св. Фердинанда, Св. Герменегилды, и многихъ другихъ, бригадиръ пѣхоты, полковникъ 4-го гренадерскаго полка Королевской гвардіи и главный гражданскій начальникъ Мадридской провинціи, объявляетъ жителямъ столицы, что въ слѣдствіе рѣшенія Его Превосходительства Генераль-Капитана сей провинціи, тѣ люди, которые, не принадлежа къ арміи или къ національной гвардіи, будутъ носить усы или мундиры, подвергаются арестованію и будутъ отданы подъ военный судъ. Мадридъ, 8-го Нолбря, 1838. Хозе Маріа Пусегъ.

ПОРТУГАЛІЯ.

Провидѣніе избавило Португалію отъ другаго опаснаго возмутителя общественнаго спокойствія, подобнаго Ремешидо—гверильяса Бажоана. Вотъ что пишутъ о погибелѣ его изъ Лиссабона, отъ 13-го Октября:

Предметомъ всеобщаго разговора служить теперь смерть гверильяса *Бажоана*, который, можетъ быть, былъ страшнѣе Ремешидо. Ни соображенія начальствъ, ни храбрость войскъ не были причиною его кончины, но только случай. Три солдата національной гвардіи были посланы изъ Бригеля по дѣламъ, и на дорогѣ повстрѣчали четырехъ всадниковъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, и вѣхавшихъ на лихихъ лошадахъ. Солдаты тотчасъ узнали въ нихъ гверильясовъ. Последніе, желая овладѣть оружіемъ солдатъ, потребовали, чтобы они его выдали. Но солдаты выстрѣлили по гверильясамъ, и удалились въ одинъ домъ. Женщины кричали имъ изъ дома, что они погибнутъ, если будутъ сопротивляться, однако же солдаты укрылись за стѣнами отъ пухъ гверильясовъ. Они отвѣчали на огонь, докозъ не палъ храбрѣйшій изъ нападающихъ; остальные бѣжали. Раненый гверильясъ еще дышалъ

и былъ отведенъ въ ближайшее селеніе, гдѣ онъ скорѣ скончался. Здѣсь узнали въ немъ предводителя гверильясовъ, Бажоана. Такимъ образомъ Правительство, безъ всякихъ жертвовацій, избавилось одного изъ страшныхъ враговъ своихъ. Случай будетъ также благоприятствовать паденію сына Ремешидо и его приверженцевъ. Горные жители, подкрѣплявшіе доселѣ гверильясовъ, и дѣйствовавшіе съ ними за одно, наконецъ утомятся такою жизнью, и захотятъ спокойствія, въ особенности если увидятъ, что выгоды отъ войны очень мало. Если по временамъ случаются еще мѣстами безпорядки и грабежи, то, по крайней мѣрѣ, они не имѣютъ болѣе опаснаго характера, и могутъ быть почитаемы мѣстными, преходящими бѣдствіями.

Между тѣмъ, изъ области Минью пишутъ, что тамошняя страна совершенно предоставлена власти гверильясовъ Конгостаса и Гильяде. Гверильясы безпрепятственно вошли опять въ Мелгасо, грабили тамъ и убивали жителей. Дороги сей провинціи столь мало обезпечены отъ разбойниковъ, что никто не смѣетъ предпринять, безъ большаго вооруженнаго прикрытія, путешествія изъ одного города въ другой. На счетъ нападенія гверильясовъ на Вилла-Висіозу, пишутъ слѣдующее: «Въ самый день ярмарки, четырнадцать конныхъ гверильясовъ вступили въ мѣстечко, между тѣмъ какъ другіе, пѣшіе и конные гверильясы, заняли всѣ его выходы. Они пошли прямо къ окружному сборщику податей, и требовали выдать имъ казну. Ему угрожали смертью, и онъ выдалъ всѣ деньги. въ полученіи которыхъ предводитель гверильясовъ, бывшій нѣкогда квартирмейстеромъ кавалеріи, написалъ квитанцію. Деньги были нагружены на муловъ, въ присутствіи, по крайней мѣрѣ, тысячи человекъ, и увезены. Послѣ того гверильясы отправились въ тюрьму, и освободили всѣхъ политическихъ преступниковъ, которые присоединились къ нимъ, съ десятью другими жи-

теллами мѣстечка. Гверильясы провозгласили на ярмаркѣ здравіе Дона Мигуэля, и вышли изъ села, не тронутые изумленнымъ и устраннымъ народомъ.»

Вниманіе Правительства обращено нынѣ болѣе на Общество распространенія Вѣры (Propaganda da Fé), нежели на гверильясовъ. Общество состоитъ изъ гверильясовъ, дѣйствующихъ тайно, скрывающихся въ пещерахъ, проповѣдывающихъ въ подземныхъ жилищахъ, собирающихся на ночныя совѣщанія и распространяющихъ ученіе, которое страшится дневнаго свѣта. Предлогъ существованія его есть возстановленіе чистой Католической Вѣры. Но къ чему же столько таинственности, когда здѣсь нечего страшиться за религиозныя правила? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что идея основанія общества произошла отъ Мигуэлистской партіи. Въ Diário de Governo объявлено официально, что Правительству извѣстно существованіе Общества, но цѣль его еще не совсѣмъ ясна.

Октября 31-го, пушечными выстрѣлами возѣщено жителямъ Лиссабона о рожденіи Принца. Крещеніе его совершилось 14-го Ноября. Восприемниками были Король Французскій и Герцогиня Саксенъ-Кобургская, лица коихъ представляли генераль Дюронель и Герцогиня Терцерская. Принцу дали титулъ Герцога Оporto, и — *двадцать два* имени! Старшій братъ его, *Принцъ Педро*, родившійся въ прошедшемъ году, имѣетъ, кромѣ того, слѣдующія имена: Марія, Фердинандъ, Мигуэль, Рафаэль, Габріэль, Гонзаго, Ксавіеръ, Іоаннъ, Антошій, Леопольдъ, Викторъ, Францискъ, Юлій, Амелія, и проч.

ГРЕЦІЯ.

Жители Аѣны были обрадованы Ноября 7-го возвращеніемъ Короля и Королевы.

ТУРЦІЯ.

Изъ Царяграда пишутъ отъ 17-го Октябръ: «Сегодня утромъ прибылъ сюда Императорскій Австрійскій Интернунцій, Баронъ Штюрмеръ, съ супругою, на Австрійскомъ пароходѣ Фердинандъ I. — 13-го числа, Султанъ перѣхалъ въ свой зимній, Вешакташскій дворецъ. Во время переправы Его Величества, военныя суда, лежащія въ Босфорѣ, украсились флагами, и вмѣстѣ съ баттарейми Босфора отдали честь залпами изъ орудій. — Въ тотъ же день происходилъ на квартирѣ Мустехара Нури Эфенди, временно управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, обменъ ратификацій торговаго и судоходнаго договора, заключеннаго между Бельгіею и Портою. Два дня спустя, Королевскій Бельгійскій Посланникъ откланивался Султану на отпускной аудіенціи. При семъ случаѣ, Посланникъ и четыре чиновника посольства получили Оттоманскій знакъ отличія. Сегодня Посланникъ увѣжаетъ изъ столицы, на Французскомъ пароходѣ. Онъ возвратится, чрезъ Мальту и Италію, къ своему посту при Австрійскомъ Дворѣ. Г. Ашаръ, бывшій доннынъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ, вскорѣ пріѣдетъ сюда и вступитъ въ управленіе Бельгійскимъ посольствомъ, въ качествѣ Повѣреннаго въ дѣлахъ.»

Французскій Посоль имѣлъ 20-го Октябръ аудіенцію у Султана, и поднесъ ему письмо своего Государя о рожденіи Графа Парижскаго. Султанъ принялъ извѣстіе съ удовольствіемъ, и поручилъ Послу выразить отъ его имени Королю Французовъ участіе, которое онъ беретъ въ такомъ счастливомъ событіи, прежде нежели онъ самъ будетъ отвѣчать на письмо Его Величества сообразно съ этикетомъ, который наблюдается въ подобныхъ обстоятельствахъ.

Въ Турецкой газетѣ (Таквими Вакаи), отъ 2-го Шаабана (20-го Октября), находится слѣдующая статья: «Первое желаніе Его Величества состоитъ въ томъ, чтобы раи пользовались спокойною жизнью и не несли противозаконныхъ тягостей. Хотя чиновники Высокой Порты вообще стремятся исполнить высочайшую волю, но не смотря на неоднократныя запрещенія и увѣщанія, бываютъ еще примѣры притѣсненій раіевъ. Недавно поступили изъ многихъ мѣстъ Румелии жалобы на притѣсненія раіевъ нѣкоторыми помѣщиками. Подобныя поступки противны предписаніямъ религіи и волѣ Султана, и Его Высочество велѣлъ послать ко всѣмъ муширамъ, ферикамъ и другимъ правительственнымъ чиновникамъ въ Румелии фирманы, въ которыхъ имъ повелѣвается смотрѣть, чтобы раіевъ не принуждали къ уплатѣ лишней копѣйки, или къ выдачѣ самого незначащаго произведенія. Преступившіе повелѣніе подвергнутся заслуженному наказанію.

По прибытіи въ Царьградъ курьера изъ главной квартиры Таврской арміи распространился слухъ, что одна дивизія арміи Гафизъ-Паши претерпѣла поражение въ бою съ мятежными племенами Курдовъ, предводимыми братомъ Ревандусъ-Бел, казненнаго за государственную измѣну. Извѣстіе оказалось совершенно ложнымъ. Нѣкоторые Курдскія племена, побуждаемыя Египетскими агентами, дѣйствительно напали на нѣсколько Турецкихъ полковъ, но попытка обошлась имъ дорого, и они были отбиты съ значительною потерею. Гафизъ-Паша принялъ надлежащія мѣры, чтобы воспрепятствовать вторичной атакѣ Курдовъ. Онъ увѣдомилъ также Порту о козняхъ агентовъ Мегмета-Али и Ибрагима-Паши, которые постоянно стараются возмутить жителей противъ Султана,

На островѣ Кандіи произошли безпорядки. Нѣкоторые Кандійскіе офицеры, возвратившіеся на родину, сдѣлали попытку возмутить жителей противъ Мегмета-Али. Замыселъ ихъ не имѣлъ успѣха, хотя многіе Турецкіе жители Кандіи усердно содѣйствовали его исполненію.

Персидскій Посоль, отправляющійся въ Лондонъ для принесенія Королевѣ Викторіи поздравленій Шаха съ восшествіемъ Ея Величества на престолъ, прибылъ въ Царьградъ, и вскорѣ предприметъ дальнѣйшій путь.

Верховный Визирь приказалъ мутеселимамъ обнародовать Султанскій фирманъ, которымъ дозволяется свободное и публичное отправленіе обрядовъ всѣхъ религіозныхъ сектъ. Въ томъ же фирманѣ постановляется выдавать всѣмъ государственнымъ чиновникамъ постоянное жалованье.

Азія.

По письмамъ изъ Бейрута, спокойствіе въ Сиріи не столь твердо, какъ увѣряютъ приверженцы Египетскаго Правительства. Еще въ прошедшемъ мѣсяцѣ случилось въ Дамаскѣ событіе, которое могло имѣть важныя послѣдствія. Черезъ нѣсколько времени послѣ покоренія Гаурана, одинъ изъ главныхъ шеиховъ привезъ въ Дамаскъ оружіе возмущившихся племенъ. Губернаторъ, Шерифъ Паша, найдя, что выданнаго оружія очень мало, назвалъ шейха измѣнникомъ, и приказалъ прибыть его палками по плтамъ до полусмерти. Его отвели потомъ въ тюрьму, гдѣ онъ, черезъ два дня, умеръ. Съ тѣхъ поръ господствуетъ въ городѣ большое волненіе. При малѣйшемъ случаѣ можетъ произойти всеобщее возстаніе. Должно также страшиться,

чтобы жестокое обращеніе Шерифа Паши не произвело дурнаго впечатлѣнія въ горахъ.

Къ Англійскому Послу въ Царьградъ прибылъ изъ Тавриса курьеръ, и привезъ слѣдующія извѣстія: «Татаринъ, отправленный изъ главной квартиры Персидской арміи и прѣбывавшій въ Тебризѣ, объявилъ, что въ слѣдствіе послѣднихъ распоряженій Великобританскаго Посла и формальнаго требованія, сообщеннаго Шаху чрезъ полковника Сгоддарта, о снятіи осады Герата, Шахъ немедленно прекратилъ свои дѣйствія противъ сего города, и сдѣлалъ первое отступательное движеніе 9-го Сентября. 12-го ч., во время отъѣзда Татарина, онъ находился уже въ 52-хъ миляхъ, или на 17-ть часовъ къ Тегерану.

«Г. Макъ-Нель готовится возвратиться въ Тегеранъ, и уже послалъ полковника Шили на встрѣчу Шаху.

«Все это съ удовольствіемъ было принято въ Тебризѣ, особенно купцами, которые надеялись, что произойдетъ счастливый оборотъ въ торговыхъ дѣлахъ.»

Въ Англійскихъ министерскихъ журналахъ сообщаютъ слѣдующія извѣстія изъ Остъ-Индскихъ газетъ, о тамошнихъ дѣлахъ: «Лордъ Ауклендъ, Генераль-Губернаторъ Остъ-Индіи, и Сиръ Генри Фенъ, главнокомандующій войсками въ Индіи, находятся въ Симлегѣ. Они наслаждаются чистымъ воздухомъ сего очаровательнаго мѣста. Между ними двумя важными лицами возникли значительныя споры. Сиръ Г. Фенъ рѣшался требовать увольненія, но измѣнилъ свое намѣреніе, видя, что при печальномъ и критическомъ положеніи Индѣйскихъ дѣлъ, онъ не можетъ удалиться безъ вреда для своего отечества. Лордъ Ауклендъ потребовалъ инструкцій изъ Лондона. — Губернаторъ Мадраса, Лордъ Эльфинстонъ, возвратился въ свое президентство. Та-

мошній начальникъ войскъ, Сиръ Г. Майтлендъ, отказался отъ своей должности. — Въ Авъ новый Король и временный миръ. Нынешній Король умертвилъ своего племянника, и восшелъ на престолъ, съ согласія Генераль-Губернатора. Англійское Правительство утвердило его, полагая сохранить въ Бирманской имперіи спокойствіе. Но Бирманцы вооружаются вдоль всей границы, ни сколько не заботясь о своемъ владыкѣ. Раджа Непанульскій рѣшился немедленно начать войну, ибо въ Бенгаліи нѣтъ войска, и отрядъ, посланный изъ Мадраса, не можетъ прибыть вскорѣ. — Голодъ въ Индіи отчасти прекратился, но дѣлая области опустошены. — Доходы Индіи уменьшились съ 16 милліоновъ ф. ст. до 10 милліоновъ. Страхатся, чтобы съ убылью воды не возвратился голодъ и доходы еще не убавились. — Нѣкоторые Раджи отказываются платить дань. У Правительства столь много другаго дѣла, что оно не въ состояніи принудить ихъ къ платежу. — Посольство, отправленное въ Бутанъ, возвратилось въ Калькутту безъ успѣха. Калькутскія темницы наполнены арестантами. Генераль-Губернаторъ и Ренджитъ Сингъ намѣревались съѣздиться, въ Ноябрь мѣсяцъ, на берегахъ Сутледжа, условиться о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза. — Многіе фрегаты будутъ посланы въ Персидскій заливъ и въ Бирманскую Имперію.

Въ газетѣ Sun (Солнце) пишутъ о любопытной бронноркѣ, изданной капитаномъ Вестъ-Макотомъ, долго служившимъ въ Индіи, и совершенно знающимъ тамошнюю страну. Онъ жестоко вооружается противъ нынѣшняго ошибочнаго управленія Индіею, и утверждаетъ, что если не будутъ приняты строгія мѣры исправленій, власть Англичанъ въ Индіи рѣшительно можетъ поколебаться. Объясняя не-

ненависть туземцовъ къ Англичанамъ, и притѣсненія и монополіи Англійскихъ правителей, онъ порицаетъ, что правительство не устроило по Инду крѣпостей и тѣмъ не укрѣпило власти своей противъ сильныхъ владѣтелей, управляющихъ странами между Гиммалаями и западнымъ берегомъ Инда. Наконецъ, Вестъ-Макошь утверждаетъ, что матеріальныя силы Англичанъ въ Индіи, въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, недостаточны для защиты, когда основныя распоряженія правителей противны притомъ религіознымъ и умственнымъ понятіямъ жителей.

Въ *Oriental Herald* сообщаютъ слѣдующія свѣдѣнія объ арміи Ренджитъ-Синга: «Регулярная пѣхота Ренджитъ-Синга состоитъ изъ 18 баталіоновъ, каждый въ 800 человекъ, которые столь же хорошо одѣты и обушены, какъ и войска Остъ-Индской Компаніи. Оружіе ихъ сдѣлано въ Лагоръ, и ни въ чемъ не уступаетъ Англійскому. У пѣхоты красныя мундиры на манеръ Французскихъ и черныя перчатки. Офицеры — Французы. Сейки прекрасныя, сильныя люди, величественной наружности. Дисциплина наблюдается у нихъ очень строго, однакожь они любятъ военную службу. Иррегулярная пѣхота состоитъ изъ 12,000 человекъ, которые, за исключеніемъ двухъ баталіоновъ, плохіе солдаты. Конная артиллерія состоитъ изъ пятидесяти мѣдныхъ пушекъ, шести и двѣнадцати фунтовыхъ. Лошади невидныя. Пѣшіе артиллеристы употребляютъ только для гарнизонной службы. Сверхъ того есть еще орудія на верблюдахъ. Конница любимое войско Ренджитъ-Синга. Въ ней считается 40,000 человекъ, но изъ нихъ обучены только 4000, именно два полка уланъ и шесть драгунскихъ полковъ. Ими командуетъ отличный Французскій офицеръ Наполеоновской арміи, Г. Алларъ. Драгуны вооружены

длинными карабинами, пистолетами и саблями; уланы пиками, въ двѣнадцать футовъ длиною, съ трехцвѣтными значками. Горечуррасы, или гвардія, состоятъ изъ 2000 человекъ. Они составляютъ лучшую часть кавалеріи, и суть тѣлохранители раджи. Они также хорошо владѣютъ саблею, какъ ружьемъ и пикою. Гвардія носитъ кольчуги, искусно сдѣланныя. Иррегулярная конница разделена на отряды въ 300 человекъ, и страшна только своею многочисленностью. По тѣлосложенію своему, Сейки прекраснѣйшіе люди въ цѣлой Индіи. Они высокаго роста и чрезвычайно сильны. Храбростью своею они далеко превосходятъ Индусовъ, но нравственность ихъ не очень похвальна.»

Въ заграничныхъ газетахъ сообщаютъ слѣдующія извѣстія о положеніи Остъ-Индіи и сосѣдственныхъ съ нею странъ: «*Афганистанъ* подчиненъ теперь пяти владѣтелямъ, если можно такъ назвать предводителей воинственныхъ, но необузданныхъ племенъ, которые едва удерживаютъ за собою власть, и служатъ орудіемъ постороннихъ распрей. Престола пяти владѣтелей находятся въ *Гератъ*, *Кабуль*, *Гизни*, *Пешаверъ* и *Кандагаръ*. Съ Афганистаномъ граничатъ владѣнія Лагорскаго раджи, Ренджитъ-Синга. Западный полуостровъ Индіи, нѣкогда Имперія Великихъ Моголовъ, разделяется нынѣ на три части: Британскія владѣнія, Индѣйскія зависящія отъ Англіи, и независимыя области, болѣе или менѣ преданныя Остъ-Индской Компаніи. Британскія владѣнія, покоренныя съ 1756 года, преимущественно въ пяти войнахъ съ Мисорскимъ раджею Гайдеръ-Аліемъ, и его сыномъ Типпо-Саибомъ, управляются Остъ-Индскимъ Генералъ-Губернаторомъ, Лордомъ Ауклендомъ, пребывающимъ въ Калькуттѣ. Не имѣя времени выжидать отвѣта изъ Лон-

дона, Лордъ Ауклендъ самъ приказалъ двинуть войска въ Кабуль. Онъ уведомилъ о причинахъ сей предостерегательной мѣры Министра Остъ-Индскихъ Дѣлъ, Сира Джона Гобгоуза. Между тѣмъ, сосредоточеніе Англо-Индійскихъ силъ на границахъ Афганистана есть важное политическое событіе. Англія имѣетъ цѣлью прекратить анархію, въ которую ввергнуть Афганистанъ своими пятью владѣтелями, и сдѣлать изъ сей страны сильную союзницу. Вотъ описаніе Герата. *Герать*, лежитъ въ Хорасанѣ. У древнихъ онъ назывался Арія, или Артикоана, и былъ главнымъ городомъ Персидской провинціи Аріаны. Герать построена на обширной равнинѣ, со всѣхъ сторонъ окруженной высокими горами. Страна, въ которой онъ находится, прорываема рѣкою Геръ, плодородна, хорошо обработана и заселена. Городъ окруженъ валомъ со рвомъ и имѣетъ цитадель. Дворецъ владѣтеля очень некрасивъ; на четвероугольной площади, находящейся предъ нимъ, стоитъ висѣлица. Главная мечеть, нѣкогда прекрасное зданіе, лежитъ нынѣ въ развалинахъ. Въ Герать 100,000 жителей, изъ коихъ 10,000 Патановъ и 600 Гиндусовъ; остальные суть Афганъ. Герать важное торговое мѣсто. Онъ славится издавна, потому, что находится на дорогѣ, по которой караваны идутъ въ Кандагаръ, Кабуль и Индію. Доселѣ еще онъ служитъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ Кашемира, Вухарія, Персія и Индіи. Изъ Герата вывозятъ шелкъ, шафранъ, ассафетиду; всѣ сады наполнены туковыми деревьями; равнина производитъ въ изобиліи ячмень и шпеницу.»

Притязанія Принца Удскаго, Экбаль-эдъ-Даулага (находящагося нынѣ въ Англіи), на престолъ сей земли и значительные, просроченные пенсіоны, въ-

роятно, будутъ рассмотрѣны въ предстоящемъ засѣданіи Парламента. Вотъ любопытныя подробности объ его дѣлѣ: «Королевство Удъ (Oude), одно изъ древнѣйшихъ жилищъ челоуѣчества, на Гангѣ, извѣстное, въ отдаленнѣйшихъ временахъ, подъ именемъ Аюдгін, принадлежитъ къ прелестнѣйшимъ частямъ Индостана. Прежде сего оно составляло область обширныхъ владѣній Императоровъ Делійскихъ; въ половинѣ прошедшаго столѣтія, когда власть послѣднихъ начала колебаться, Мугамедъ, потомокъ Аурагзеба, представилъ Удъ въ награду своему визирю, Саадетъ-Хану. Визирь принялъ только титулъ Несаба (изъ котораго Европейцы сдѣлали Набоба, т. е. намѣстника), но послѣдники его вскорѣ приобрѣли независимость. Всѣ, посѣщавшіе Удъ, представляютъ сію страну плодороднѣйшею въ свѣтѣ, но жители ея находятся нынѣ въ бѣдности и въ стѣснительномъ положеніи. Сношенія королевства съ Остъ-Индскою Компаніею не принесли ему выгодъ. Управленіе ни сколько не было исправлено, и самыя области были раздроблены; нѣкоторыя прекраснѣйшія ихъ части были непосредственно подчинены Компаніи; остальные сдѣлались поприщемъ интригъ и грабительства Англійскихъ чиновниковъ. Королевство принуждено было выплатить милліоны, которые употреблены для пользы Англіи, и нынѣ еще Британскія войска занимаютъ всю страну. Странно слышать, что Удъ есть независимое государство, управляемое собственными королями. Дабы понять притязанія Принца Экбаль-эдъ-Даулага на корону, мы должны сказать нѣсколько словъ о прежнихъ владѣтеляхъ. *Саадетъ-Али*, вступившій на престолъ въ 1798 г., и отъ котораго происходятъ всѣ нынѣшніе претенденты, оставилъ трехъ сыновей *Гази-эдъ-динъ-Гай*»

дера, Шемсъ-эдъ-Даулага и Назиръ-эдъ-Даулага. Старшій сынъ, Гази-эдъ-динъ-Гайдеръ наследовалъ ему въ правленіи, въ 1814 г. (Онъ извѣстенъ ученому міру изданіемъ большаго Персидскаго Словаря, называемаго Семь Оксановъ, въ семи томахъ, въ 8 д. л.) Ему наследовалъ, въ 1827 г., единственный сынъ его, Назиръ-эдъ-динъ (издивеніемъ котораго напечатанъ Шахъ-Наме Фирдуси). Въ Юнѣ 1837 года, онъ умеръ безъ наследниковъ, и на престолъ вступилъ его дядя, Назиръ-эдъ-Даулагъ, третій сынъ Саадеть-Али. Противъ Назиръ-эдъ-Даула возсталъ Принцъ Экбаль-эдъ-Даулагъ, старшій изъ сыновей покойнаго Шемсъ-эдъ-Даулага, втораго сына Саадеть-Али. Хотя Назиръ-эдъ-динъ оставилъ двухъ сыновей, но какъ документомъ 1832 г. онъ призналъ ихъ незаконными, то они, по Мугаммеданскимъ обычаямъ, лишены всѣхъ правъ на наследство отца и вовсе не могутъ быть приняты въ уваженіе при семъ вопросѣ. Экбаль-эдъ-Даулагъ упирается на слѣдующихъ доказательствахъ: 1) Что Саадеть-Али умеръ не естественною смертью, но былъ отравленъ. 2) Что его сынъ, Гази-эдъ-динъ, наследовавшій ему, былъ помѣшанъ въ умѣ. 3) Что Гази-эдъ-динъ не оставилъ законныхъ сыновей, а что Назиръ-эдъ-динъ, наследовавшій ему, былъ его побочный сынъ. Изъ сего Экбаль-эдъ-Даулагъ заключаетъ, что не Гази-эдъ-динъ, а отецъ его, Шемсъ-эдъ-Даулагъ, вторій сынъ Саадета-Али, долженъ былъ наследовать послѣднему, и что слѣдовательно, права престолонаследія должны были перейти на него. Сверхъ того онъ увѣрляетъ, что Гази-эдъ-динъ достигъ престола, заплативъ Англійскимъ начальствамъ десять милліоновъ рупій. Къ сожалѣнію, нельзя опровергнуть факта: Компанія приняла сію огромную сумму, подъ видомъ добровольнаго приноше-

нія. Когда Саадеть-Али внезапно заболѣлъ и умеръ, при немъ находился только одинъ изъ придворныхъ, Рамзапъ-Али, который немедленно поспѣшилъ къ Англійскому Резиденту, полковнику Бели, и увѣдомилъ его о неожиданномъ происшествіи. Полковникъ сдѣлалъ распоряженія для спокойнаго вступленія наследника. Но то еще ни сколько не доказываетъ насильственной смерти. Можетъ быть, что второй сынъ Саадеть-Али, Шемсъ-эдъ-Даулагъ пользовался полнымъ довѣріемъ отца, и что послѣдній желалъ оказать ему предпочтеніе предъ старшимъ сыномъ, но точныхъ доказательствъ нѣтъ, и во всякомъ случаѣ они не измѣнили бы вопроса. Предположеніе, что Гази-эдъ-динъ былъ разстроенъ въ умѣ тоже несправедливо. Онъ былъ слабый человекъ, служилъ игрушкою тайнымъ интригантамъ, но ни сколько не былъ помѣшанъ. Участіе его въ литературныхъ предпріятіяхъ, какъ наприкладъ, учрежденіе Персидской типографіи въ своемъ дворцѣ, въ Лукно, доказываютъ противное. Наконецъ, незаконность наследника его, Назиръ-эдъ-дина, тоже не доказана ни однимъ документомъ. Притѣвленіе Принца на счетъ уплаты просроченнаго пенсіона въ 300,000 ф. ст., и продолженія ежегоднаго пенсіона въ 200,000 рупій, имѣютъ болѣе основанія. Когда Гази-эдъ-динъ взомелъ на престолъ, полагали, что второй его братъ, Шемсъ-эдъ-Даулагъ можетъ сдѣлаться для него опаснымъ своими интригами, и замѣтили Принцу, что воздухъ Бенареса болѣе полезенъ для его здоровья. Онъ удалился и умеръ, въ 1827 г. Когда Гази-эдъ-динъ подарилъ Остъ-Индской Компаніи 10 милліоновъ рупій, положено было договоромъ, что проценты съ сего капитала будутъ употреблены Компаніею на уплату пенсіоновъ остальнымъ членамъ королевскаго

семейства. Шемсъ-эдъ-Даулагу и его наследникамъ назначенъ былъ ежегодный пенсіонъ въ 200,000 рублей, но послѣ смерти его совершенно прекратили платежи. По сему пункту притязанія совершенно справедливы. Англійскіе суды въ Индіи отказали однакожь Экбаль-эдъ-Даулагу въ его просьбѣ, и Директоры Компаніи обошлись съ нимъ грубымъ и обиднымъ образомъ. Онъ прибылъ въ Англію, лично просить Королеву.»

По извѣстіямъ изъ Макао, привезеннымъ капитаномъ Эрнандомъ въ Лондонъ, въ половинѣ Ноября, Европейская торговля въ Китаѣ въ такомъ положеніи, что многіе купеческіе дома въ Кантонѣ прекращаютъ свои дѣла, и два резидента готовы уѣхать. Дѣла Американцевъ не въ лучшемъ состояніи; большая часть ихъ предприятий отсрочены. Въ Июль мѣсяцъ объявили о новомъ банкротствѣ между компаніей *Gonges*, или привилегированными Кантонскими купцами. Притѣсенія продавцевъ опіума причиняютъ значительныя потери; многія лица, должники иностранныхъ негодяиговъ, спасаются бѣгствомъ.

Но вотъ неожиданная новость: торговля съ Японією начинаетъ распространяться; уже не одни Голландцы съ острова Явы участвуютъ въ пей. Американское судно, и другое подъ Португальскимъ флагомъ, прибыли изъ Японіи, съ полнымъ грузомъ.

Въ Макао заботится о миссіонерахъ, отправившихся во внутренность Китая, съ несколькими обращенными, ибо объявлено было о казни одного мандарина, приговореннаго къ смерти за кровительство, оказанное имъ водворенію иностранцевъ. Но мѣры, принятыя противъ Христіанъ, не устрашать проповѣдниковъ. Обращенные въ Христіанство Китайцы оставляютъ отечество. Число ихъ

значительно увеличивается во всемъ Индѣйскомъ Архипелагѣ.

Въ письмахъ изъ Остъ-Индіи подтверждаютъ извѣстіе, сообщенное Голландскими журналами, что въ Кантонѣ ожидали прибытія Англійской эскадры. Контръ-Адмиралъ Сиръ Ф. Майтлендъ отплылъ въ Китай, съ однимъ линейнымъ кораблемъ и пятью меньшими военными судами.

Изъ Сингапура пишутъ по сему случаю слѣдующее: «Средство требовать удовлетворенія за вредъ, причиняемый торговлѣ постыдными поступками Китайцевъ, отправленіемъ флота, уже съ успѣхомъ было употреблено Сѣверо-Американцами. Нѣтъ сомнѣній, что появленіе Британскаго фрегата у Китайскаго берега, доставитъ Англійскимъ купцамъ защиту. Адмиралу Майтленду поручено изслѣдовать, какимъ образомъ Голландцы успѣли пріобрѣсти въ Китаѣ привилегіи и права, вредныя для Англійской торговли. Голландскій Консулъ въ Кантонѣ хорошо знаетъ Китайскій языкъ; онъ носитъ одежду и сѣдуетъ обычаемъ Китайцевъ, которые его очень любятъ. По окончаніи порученія, адмиралъ Майтлендъ отправится къ острову Борнео, узнать, до какой степени справедливъ слухъ, что Голландское Правительство не только смотрѣло сквозь пальцы на разграбленіе Англійскихъ купеческихъ судовъ, но даже помогало пиратамъ. Онъ сдѣлаетъ также попытку основать факторію въ Самбасѣ, на островѣ Борнео. Сей пунктъ на половинѣ дороги изъ Сингапура въ Китай, и можетъ служить безопаснымъ убѣжищемъ для Британскихъ кораблей, во время пассатнаго вѣтра.

Океанія.

Въ Англіи получены газеты изъ Сиднея, отъ 8-го Юля. Въ нихъ сообщаютъ первую рѣчь Сира

Джорджа Гипса, губернатора Нового Южного Уэльса, которую он открыл заседание Законодательного Совета. Желание всех жителей провинции было исполнено, и публикъ в первый раз дозволено присутствовать при заседаниях. Из речи Губернатора видно, что благосостояние колонии больше и больше увеличивается. Кроме многих предложений, касающихся до пересмотра уголовных законов, уменьшения продажи крепких напитков и продажи казенных имуществ, в речи преимущественно упоминается о переселении из Англии, и мѣрахъ, которыя должно принять для соуществованія обученію религіи въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ. На счетъ переселенія Губернаторъ сказалъ, что Британское Правительство старается отправить въ колонию какъ можно больше ремесленниковъ и земледѣльцовъ, и что въ теченіе года придутъ въ Новый Южный Уэльсъ пятнадцать большихъ кораблей съ переселенцами, которые избраны агентами Правительства. Къ нимъ должно причислить еще частныхъ лицъ, которыя поселятся въ колонию. Что касается до нравственнаго состоянія колоніи, то Губернаторъ сказалъ, что судя по Сиднею и его окрестностямъ, оно несравненно благопріятнѣе, нежели какъ онъ ожидалъ, по слухамъ, распространеннымъ въ Англии. Большое число церквей всехъ вѣроисповѣданій, строгими добровольными приношеніями, достаточно доказываетъ, что жители помышляютъ объ улучшеніи религіознаго и нравственнаго состоянія колоніи. Однакожь должно совершить еще многое, прежде чѣмъ благоденствіе народонаселенія будетъ совершенно упрочено, и опровергнута дурная слава колоніи преступниковъ. Со 2-го Іюня по 6-е Іюля прибыли въ Сидней 800 переселенцовъ. Въ колонию

возбуждено было нѣкоторое опасеніе непріязненными движеніями туземцовъ. Они собрались въ большомъ числѣ, и произвели беспорядки близь колоніи Портъ-Филипсъ. Нѣсколько человекъ было убито. Губернаторъ усилилъ полицію колоніи и разставилъ до Портъ-Филипса военные посты, для обезпеченія сообщеній. Впрочемъ, онъ объявилъ колонистамъ, чтобы они не распоряжались своевольно, ибо ему приказано считать туземцовъ подданными Королевы.

АФРИКА.

Въ первый разъ послѣ трехлѣтняго перерыва, въ Каиръ пришли торговые караваны изъ Дарфура. Пятдесятъ дней везли товары по степи изъ Дарфура до Сіута. Здѣсь сложили ихъ съ верблюдовъ, и сплавляли по Нилу до самаго Каира. Количество привезенныхъ товаровъ составляло вьюки 18,000 верблюдовъ; въ числѣ другихъ товаровъ привезено 80,000 невольниковъ, выставленныхъ теперь на Каирскомъ базарѣ. Дарфурцы не берутъ золота и серебра, но требуютъ товаровъ, и особенно шелковыхъ издѣлій, табаку, кофе, стали, пороху. Ихъ пріѣздъ оживилъ торговую дѣятельность въ Каирѣ.

Съ Октября мѣсяца чума прекратилась въ Египтѣ, но она опять появилась въ Смирнѣ и Іерусалимѣ.

За нѣсколько дней предъ отъѣздомъ Мегмет-Али изъ Александріи въ Каиръ, случилось событіе, которое подало поводъ ко многимъ толкамъ. Во дворцѣ, занимаемомъ Мегметомъ-Али, явился человекъ, называвшій себя Меккскимъ шерифомъ. Онъ требовалъ, чтобы ему дозволили лично вручить Пашѣ важное письмо. Его впустили. Но едва Паша прочиталъ письмо, какъ пришелъ въ ужасное бѣшенство, началъ рубить несчастнаго посланника саб-

лю, приказавъ зашить его въ мѣшокъ и бросить въ Ниль. Онъ самъ присутствовалъ при исполненіи сего повелѣнія. Такой поступокъ произвелъ большое впечатлѣніе. Всѣ теряются въ предположеніяхъ на счетъ содержанія письма.

Не повторимъ невѣрныхъ слуховъ объ Абдъ-эль-Кадерѣ. Нѣсколько разъ писали, что онъ разбитъ, попалъ въ плѣнъ, даже убитъ. Одно достоверно, что онъ не являлся еще изъ внутреннихъ Африканскихъ пустынь, гдѣ, кажется, ему не легко управлѣться съ сильными тамошними племенами.

Французское Правительство опубликовало слѣдующую телеграфическую депешу: *«Маршалъ Валс Военному Министру. Константины, 23 Октября. Армія наша безъ выстрѣла заняла 21 ч. городъ Милагъ (Milah). Во всей провинціи царствуетъ глубочайшее спокойствіе. Войско по приказанію моему занимается устроеніемъ дороги изъ Константины въ Милагъ. Пролагаютъ также дорогу, которая должна вести изъ Милага въ Алжиръ черезъ Сетифъ и Портъ-де-Феръ. Для производства сей важной работы, между Милагомъ и Сетифомъ расположенъ будетъ лагерь.»* — Въ другой депешѣ, отъ 24 числа, Маршалъ говоритъ: *«Я назначилъ Калифатомъ въ Моіану Сиди-Ахмета-Бенъ-Могамеда-Бенъ-Эль-Хаджи-Бонзіо-Эль-Мограи, племянника Султана Боазиса, который въ минувшемъ столѣтіи такъ славился въ Африкѣ. Узнавъ, что мы заняли Милагъ, онъ тотчасъ явился ко мнѣ, утвердивъ сегодня мною въ должности и пришесть присягу въ присутствіи кадіевъ и муфтеевъ. Власть Коррля признана плѣнъ въ Константинопольской провинціи отъ границъ Туниса до Портъ-де-Феръ.»*

АМЕРИКА.

Въ Гаврскомъ журналѣ пишутъ: «Во Франціи

мало извѣстенъ самовольный поступокъ Американскихъ начальствъ, которые заключили въ тюрьму Гг. Делафлешеля и Дрюо, находившихся при Французскомъ консульствѣ въ Нью-Йоркѣ. Они были обвинены въ нарушеніи народнаго права, помѣтивъ на военный корабль, по требованію Генеральнаго Консула, трехъ человекъ, обличенныхъ въ морскомъ грабительствѣ. Между тѣмъ, по трактатамъ нашимъ съ Соединенными Штатами, всѣхъ трехъ преступниковъ надлежало выдать ихъ законному Государю. Не смотря на всѣ протесты г. Дрюо, его содержали въ тюрьмѣ, пока онъ не представилъ поручительства. Г. Альфонсъ Делафлешель избавился отъ заключенія, представивъ 8,000 долларовъ, въ обезпеченіе своего слова. Предъ отплытіемъ Гритъ-Вестерна, Нью-Йоркскій Судъ присяжныхъ издалъ обвинительный билль противъ Гг. Делафлешеля и Дрюо. Процессъ долженъ былъ немедленно начаться.»

Въ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ Нью-Йорка, упоминается о перепискѣ, происходившей между тамошнею Коммерческою Палатою и Вашингтонскимъ правительствомъ, на счетъ блокады Мексики и Буэнос-Айреса. Изъ отвѣта Статсъ-Секретаря *Велл* выводится заключеніе, что о блокадѣ, предпринятой Франціею, Президентъ невыгоднаго мнѣнія, и думаетъ, что ее невозможно оправдать народнымъ правомъ. Нью-Йоркская Коммерческая Палата въ особомъ адресѣ спрашивала: сколько времени можетъ продолжиться означенная блокада, и приняты ли правительствомъ нужныя мѣры для уменьшенія зла, которое можетъ отъ того произойти? — Отвѣтъ Статсъ-Секретаря состоялъ въ слѣдующемъ:

«Мм. Гг. Ваше письмо, отъ 5 числа пр. мѣс., получено въ Департаментъ въ надлежащее время, но за отсутствіемъ Президента до нынѣ оставалось безъ отвѣта. Мнѣ поручено обл-

лвить вѣтъ, что Президентъ, принимая въ уваженіе вредъ, который можетъ быть нанесенъ нашей торговлѣ поудительными мѣрами, принятыми Французскимъ Правительствомъ въ Мексиканскомъ заливѣ и въ Рио-Ла-Платѣ, предписалъ сдѣлать нужныя распоряженія къ защитѣ пользы нашихъ гражданъ и уменьшенію зла, которое можетъ возникнуть изъ невыпняго положенія дѣлъ. О распространеніи блокады на Мексиканскія гавани въ Тихомъ морѣ намъ еще не сдѣлано никакого объявленія. Равноотрно о продолженіи настоящей блокады Департаменту ничего неизвѣстно; впечатлѣніе, произведенное симъ событіемъ на купечество, и старанія окончить дѣло миролюбивымъ образомъ, заставляютъ надѣяться, что блокада будетъ непродолжительна. Имѣю честь быть и проч.
Подп. А. Вель.

Въ Чарльз-Таунѣ свирѣпствуетъ желтая лихорадка. Въ Сентябрѣ умерло отъ нея 38, а въ началѣ Октября въ одну недѣлю 49 человекъ. Особенно подвергаются ей пріѣзжіе.

Славный паратъ Джонсонъ поселился въ Бостонѣ.

Мы говорили уже выше о неблагопріятныхъ извѣстіяхъ изъ Канады. Опасаются, чтобы зимою опять не возникла въ Канадѣ междоусобная война. По сей причинѣ, Лордъ Дургамъ спѣшилъ въ Европу. Вашингтонское Правительство открыло обширный заговоръ, цѣль котораго состояла въ вспоможеніи Канадскимъ инсургентамъ съ границы, и обо всемъ увѣдомило Лорда Дургама. Говорятъ, что 40,000 жителей Соединенныхъ Штатовъ согласились, вопреки приказаніямъ своего Правительства, вторгнуться въ Канаду и подкрѣпить недовольныхъ. Г. Фанъ-Буренъ объявилъ, что при всемъ своемъ желаніи, онъ не въ состояніи сохранить нейтралитета. Сиръ Джонъ Кольборнъ рѣшился дѣйствовать, при малѣйшей непріязни, со всею строгостью, и немедленно объявить колонію состоящую въ осадномъ положеніи. Онъ отдалъ приказаніе отправить въ Ка-

наду войска изъ Новой Шотландіи и Новаго Брауншвейга. Говорятъ, что онъ намѣренъ также немедленно собрать волонтеровъ. Многие сверхъ-комплектные штабъ-офицеры, намѣревавшіеся возвратиться въ Англію, получили приказаніе остаться въ Канадѣ, такъ какъ они нужны для службы. Сиръ Джонъ Кольборнъ ѣздилъ въ Квебекъ, переговорить съ Лордомъ Дургамомъ передъ отъѣздомъ его. Съ сею же цѣлью пріѣзжалъ туда полковникъ Артуръ. Ежедневно ожидали изъ Англіи 30,000 ружей. Британская партія въ Нижней Канадѣ была въ большомъ волненіи. Она увѣрена, что если Парламентъ не приметъ немедленно самыхъ строжайшихъ мѣръ, то колонія отпадетъ отъ Англіи. Въ частныхъ письмахъ изъ Нью-Йорка, отъ 11-го Октября, увѣдомили, что сей городъ есть центральный пунктъ, изъ котораго управляютъ людьми, набранными для вспоможенія Канадскимъ инсургентамъ. Въ Quebec Mercury увѣдомили, что во многихъ газетахъ искажили отвѣтъ Лорда Дургама на адресъ жителей Нижней Канады, и что Графъ никогда не употреблялъ такихъ выраженій на счетъ своихъ друзей въ Англіи, какія ему приписываютъ. Въ томъ же журналѣ сообщаютъ, что многія лица, арестованныя за участіе въ мятежѣ, бѣжали изъ Квебекской цитадели, именно генераль Теллеръ, полковникъ Доджъ, Партриджъ, Паркеръ и Кульверъ. Трое послѣднихъ были немедленно опять схвачены, но остальные скрылись.

Непріятныя извѣстія о Канадскихъ дѣлахъ, подтвердились письмами изъ Квебека, и уже имѣли вредное вліяніе на Англійскіе фонды. Однакожь досель еще ничего не произошло важнаго въ Канадѣ; рѣчь идетъ только о приготовленіяхъ и вооруженіяхъ. Въ Courier замѣчаютъ, что не Канадскіе, а болѣе Сѣверо-Американскіе жители собрались, въ значи-

тельномъ числѣ, на границы, чтобы вторгнуться въ Канаду. Американское Правительство не въ состояніи удержать ихъ отъ исполненія замысла, и по мнѣнію сего журнала, нельзя сомнѣваться, что Британскимъ войскамъ придется съ ними сражаться. Въ частныхъ письмахъ изъ Квебека изображаютъ тамошній дѣла черными красками. Въ одномъ коммерческомъ письмѣ пишутъ: «Заговоръ столь быстро распространяется, что за три мѣсяца предъ симъ намъ о томъ и не снилось. Многие замышляютъ глаза, чтобы только не видать того, что происходитъ. Центральный пунктъ всѣхъ козней есть Нью-Йоркъ. Нѣсколько дѣятельныхъ заговорщиковъ занимаются тамъ наборомъ охотниковъ для зимней кампаніи. Говорятъ, что уже 60,000 гражданъ Соединенныхъ Штатовъ обязались подпискою участвовать въ экспедиціи. Конечно, число ихъ преувеличено, но если только десятая часть вооруженныхъ гражданъ соберется на границы и составитъ начало Американскаго вспомогательнаго легіона, то и тогда уже опасенія вовсе не напрасны.» Въ Morning Herald увѣряютъ даже, что непріятельскія дѣйствія уже начались на границѣ между Канадою и владѣніями союза. Въ Quebec Mercury, отъ 20-го Октября, увѣдомляютъ, что Графъ Дургамъ далъ главнокомандующему войскамъ, Сирю Джону Кольборну, который будетъ временно управлять колоніею послѣ отъѣзда Генераль-Губернатора, самое обширное полномочіе, и поручилъ ему собрать столько силъ, сколько ему покажется нужнымъ для защиты границы и сохраненія тишины и спокойствія внутри.

Въ Spectator увѣдомляютъ, что въ Верхней Канадѣ было опять произнесено нѣсколько строгихъ приговоровъ надъ политическими преступниками. Два брата Скоттъ, сыновья одного квакера, освобо-

дившіе доктора Вильсона, захваченнаго въ плѣнъ долистами, и взявшіе у него, при семь случаевъ, пару пистолетовъ, были приговорены, за грабежъ, къ висѣлицѣ. Казнь ихъ должна была исполниться 29-го Октября. Дж. Барклай, сынъ одного духовнаго секты Баптистовъ, былъ приговоренъ къ тяжелой работѣ въ смиренномъ домѣ, хотя многие, болѣе виновные, остались безнаказанными. Въ оппозиціонномъ журналѣ полагаютъ, что сей молодой человекъ былъ наказанъ только потому, что отецъ его въ ссорѣ съ начальниками господствующей церкви. 12-го Октября открытъ въ Монреаль театръ. Но какъ въ ложахъ, въ партерѣ и галлерейхъ не было ни одной души, то актеры принуждены были разойтись. «Въ Канадѣ,» замѣчаютъ въ Spectator, «теперь слишкомъ много дѣйствительной жизни, и подражаніе ей на сценѣ не можетъ возбуждать вниманія.»

Изъ Нью-Йорка увѣдомляютъ, что въ Перу произошла повалъ революціи. Въ концѣ Іюля мѣсяца, сѣверныя провинціи возстали противъ Перу-Боливійскаго Союза. Генералы Нела и Сіема прибыли, съ 2,500 человекъ, въ Чанси, въ четырехъ часахъ отъ Лимы. Къ нимъ присоединился въ Ванси генераль Орбегосо, Президентъ Сѣвернаго Перу, съ 600 чел. кошицы. Главная цѣль инсургентовъ — свергнуть Протектора Союза, генерала Санта-Круца. Онъ стоялъ, съ значительными силами, въ Боливии. Гарнизоны Лимы и Каллао были также ему преданы. Полагали, что Чили, рѣшаясь высадить 4,000 чел. на Перуанскій берегъ, и тѣмъ погубить своего врага, генерала Санта-Круца, употребить весь свои средства, извлечь пользу изъ беспорядковъ въ Перу.

Августа 10-го, къ начальнику блокадной эскадры передъ Буэносъ-Айресомъ, на бригъ Vadine привезе-

ны окончательныя условія, на которыхъ Франція соглашается на миръ. Въ случаѣ отказа, блокаду вѣдно усилить.

30-го Августа получили въ Рио-Жанейро извѣстія изъ Бахи, отъ 23-го, и изъ Рио-Гранде отъ 21-го того же мѣсяца. Они очень неблагопріятны, какъ въ политическомъ, такъ и въ коммерческомъ отношеніяхъ. Въ самой столицѣ Бразиліи торговля была въ упадкѣ; полагали, что цѣны на кофе еще понизятся. Съ фондами было мало оборотовъ; продажи совершались только съ большою потерей. Причина заключалась въ томъ, что Министръ Финансовъ, какъ говорили, хотѣлъ предложить Палатамъ, при открытіи ихъ, 10-го Сентября, новый заемъ отъ 6 до 10,000 контовъ.

Опять носится слухи о смерти доктора Франціи. Утверждаютъ, что онъ умеръ, именно — 5-го *Ноября*, 1837 года, и что какой-то маркизъ Дель-Гуараміи ему наследовалъ. Впрочемъ, такое новое извѣстіе помѣщено въ Journal de Francfort, и откуда взялъ онъ его — тайна журналиста!

Некрологъ.

Сиръ Чарль Праггъ, Англійскій генераль, отличившійся во время Пиринсской войны, умеръ въ Лондонѣ, на 70 году.

Кириллъ Александровичъ Нарышкинъ, Оберъ-Гофмаршалъ, дѣйств. камергеръ, членъ Гос. Совѣта, Президентъ Придв. Конторы, и разныхъ орденовъ кавалеръ, скончался въ Крыму 26-го Октября.

Амори-Дюваль, извѣстный Французскій писатель, членъ Института, сконч. въ Парижѣ, на 79 году.

Генрихъ Де-ла-Ривьеръ, бывший членомъ за-

конодательнаго Совѣта и Конвента, а потомъ членомъ Уголовнаго Суда, при Бурбонахъ, сконч. въ Парижѣ на 78 году. Въ ужасный день осужденія Лудовика XVI-го, онъ не только не согласился на гибельный приговоръ его, но смѣло и краснорѣчиво защищалъ Короля.

Герцогъ Фитцъ-Джемсъ, сконч. въ помѣстьѣ своемъ, на 62 году.

Робертъ Кутларъ Фергюссонъ, членъ Англійскаго Парламента, скончался въ Парижѣ, 16-го *Ноября*.

Знаменитый докторъ Бруссе (Broussais), сконч. въ помѣстьѣ своемъ, близъ Витри, 17 *Ноября*, на 65 году.

Послѣдній потомокъ Денарта умеръ въ Парижѣ. Въ память славнаго предка своего, онъ постоянно получалъ пенсію отъ Лудовика XVI, Республики, Наполеона, Лудовика XVIII-го и Карла X-го. Съ Юльскою революціею пенсія прекратилась. Семейство умершаго осталось въ бѣдности.

Черный Соколъ, нѣкогда столь знаменитый предводитель Американскихъ дикарей, умеръ *Октября* 3-го, на 73 году.

Иосифъ Ланкастеръ, именемъ котораго названы изобрѣтенныя имъ школы взаимнаго обученія, сконч. въ Нью-Йоркѣ, 24 *Октября*, на 61-мъ году.

Никифоръ Федоровичъ Покровскій, бывшій директоръ Ярославской Гимназіи (до 1817 г.) и Попечитель Одесскаго учебнаго Округа (съ 1830-го по 1836 г.), сконч. въ Крыму, на 61 году.

Дѣйств. Ст. Сов. Баронъ Дю-Пюже, бывшій при воспитаніи нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора и Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича, сконч. въ Лозаннѣ, въ началѣ *Ноября*, на 74 году.

Малоръ Твѣймеръ, Баронъ Вильтау, товарищъ славнаго Андреа Гофера, воинъ - земледѣлецъ, щедро награжденный и возведенный въ почети послѣ Тирольской войны 1809 года, сконч. 26-го Октября, близъ Греца.

Иванъ Петровичъ Котляревскій, Малороссійскій поэтъ, извѣстный сочинитель *перелицованной Энеиды*, сконч. въ Полтавѣ, Октября 30-го.

Докторъ Людовикъ Вахлеръ, сочинитель Исторіи литературъ (переводимой на Русскій языкъ г-мъ Успенскимъ), профессоръ Исторіи въ Бреславлѣ, сконч. тамъ на 70 году.

Иванъ Яковлевичъ Кронебергъ, докторъ Философій, статск. сов., профессоръ (и бывший ректоръ) Харьковскаго Университета, сконч. въ Харьковѣ. Глубокія познанія въ классическихъ языкахъ и словесности, и обширныя свѣдѣнія философическія, дѣлають потерю сего почтеннаго мужа невознаградиמוю для Русской литературы.

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

ПИСЬМО ДЕРЖАВИНА

ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ *

Государыня!

Нѣтъ уже болѣе возможности спосить великости Твоей. Царствованіе Твое лучезарное осіяваетъ, восхищаетъ и устремляетъ на славословіе Твое. Сколько разъ, въ безмолвномъ благоговѣніи, удивленный свѣтлыми прозвѣніями души Твоей, воспламенялся я начертывать мои чувствованія въ разсужденіи Тебя, столько разъ терялся я въ моемъ намѣреніи. Ревность о тебѣ съѣдала мое сердце, но Величество Твое

* Нечаянно попала въ намѣ весьма рѣдкая нынѣ брошюрка: «Письмо Императрицѣ Екатерицѣ II-й, въ которомъ приносится благодарность отъ получившаго Ея милости Коллежскаго Советника Державина» (см. Сопикова, т. IV, No 8221-й). Годъ не означенъ. Какъ любопытное дополнение къ характеристикѣ великаго поэта и вѣка его, мы печатаемъ здѣсь это письмо, вѣроятно, весьма немногимъ извѣстное. Р. С. О.

подавляло его гласы. Я хотѣлъ и молчалъ. Наконецъ правосудіе Твое и щедрота, собственно до меня коснулись, разверзаютъ уста мои, обращаютъ языкъ мой; жаръ мой меня предупреждаетъ; перо пишетъ и изображаетъ огненные струи души моей, которая Тебя благодаритъ. Монархиня! ежели кто не имѣетъ великаго духа, равнаго въ краснорѣчій дѣламъ Твоимъ, чтобъ вмѣстить въ себя все пространство нашего отечества, Тобою благоденствующаго, и достойно восхвалять Тебя за него едиными своими устами на мѣсто устъ его, то однако никто уже изъ Твоихъ подданныхъ съ толь неблагородною душою не существуетъ, чтобъ Тебѣ быть благодарному. Подданыи и вѣстцы суть твари тирановъ, но мы, которые признаемъ божественное назиданіе власти Твоея надъ нами, мы изъ любви тебѣ служимъ, служа ублажаемъ, и сіе есть Твое, отъ Твоихъ Тебѣ приносимое.

Владычица міровъ, составляющихъ Европу, Азію и Америку, зеркало и утвержденіе благочестія, образъ смиренномудрія, Ты, которал даешь законы, творишь побѣды, прощаешь, исправляешь, просвѣщаешь и торжествуешь, съ высоты окруженнаго добродѣтели Твоего престола, съ присоединеніями немалыхъ славы Твоея, изъ толкихъ миліоновъ подвластнаго Тебѣ народа, Тебя благословляющаго, къ Тебѣ воздвѣающаго свои руки, мать отечества! воззри на едину изъ нихъ жертву, на одно непорочное приношеніе чувствительности моея, Тобою къ Тебѣ вожденной. И Богъ зрѣтъ на сердца. Душа свѣтозарная, уподобляющаяся уму своему, Ты, которал похвалами своими накучила, но не накучила своими добродѣтелями! прими сіе ничтожное приношеніе моея искренности, миро сердца моего, съ такимъ же ослабленіемъ взора Твоего, каковою ты являлся въ тотъ часъ, когда оскорбленіе Величества Твоего забываешь. Но въ самомъ дѣлѣ, на всякое время, въ чемъ Ты упражняешься? Либо правду наблюдаешь; либо вины отпускаешь; либо слабостямъ снисходишь; либо дѣлаешь неблагодарныхъ. По множеству щедротъ Твоихъ, мы не можемъ Тебѣ быть равно благодарными. Такъ точно прими сіе приношеніе, съ такимъ же благоволеніемъ, какъ Ты милуешь все человечество, какъ ты непрестанно въ великихъ дѣлахъ успѣваешь.

Кто можетъ, тотъ пусть исчисляетъ чудеса Твои и Тебя прославляетъ, а я вѣдаю мою немощь, и для того только бла-

годарю Тебя. Благодарность, совершенное добра чувствованіе, лучъ душевный, отражающійся и возвращающійся къ своему свѣтлу, о ангель, провозвѣстникъ удовольствія блага, ты, которую почитали вѣдъ за первую добродѣтель, которую вливали съ млекою въ младенцевъ, и паказывали точно какъ за преступленіе за незнаніе оной, одушевляя меня, сладкое ощущеніе, непостыдное и среди позора цѣлаго міра! Ежели тамъ, гдѣ тебѣ строили училища, была ты, то я тебѣ посвящаю храмъ: онъ внутри сердца моего. Пребывая въ немъ, и внушай меня изъ него вдохновеніями своими, какъ лучше расказать тебя, какъ пристойнѣе изъяснить тебя божеству, щедротой меня озарившему. Кто тебѣ не имѣетъ, тотъ извергъ. Кто меня за тебѣ похвалитъ, тотъ тебѣ не имѣетъ. Я лучше хочу показатся неискуснымъ въ словѣ, нежели твои умолчать впереніи.

Общественная польза никакой склонности Государю не дозволяетъ. Владѣтель просвѣщенный, правосудный и мудрый все устрояетъ на благополучіе народа. Правда души его не исключается ни для кого. Нѣтъ у него столь хитраго, кто бы утѣснилъ добродѣтель. Нѣтъ у него столь любимаго, кто бы порокъ осчастливилъ. Исполненіе должностей есть у него единю средствомъ получать награжденіи, или раскалять не заслуживъ оныхъ. Далекое его провидѣніе предваряетъ его ршенія. Судъ и милость вѣнчаютъ дѣла его.

Великая Императрица! симъ точно удивлена великость Твоя и па мнѣ. Ни время, ни степеніе сомнительныхъ случаевъ, и никакал препона не могли угасить лучи правосудія Твоего, и луча щедроты Твоея мнѣ. Я прославлю твое опредѣленіе. Я лобызаю Твою руку, и оправданіе мое и благополучіе подписавшую. Сокровища цѣлаго свѣта, вы менѣ для меня тѣхъ награжденій, которыя получилъ я отъ моей Императрицы; они дѣлаютъ мнѣ честь, они славу жизни моея составляютъ: они слѣдствіе правосудія Великой Екатерины. А сею уже много! Въ радостномъ изступленіи души моея, я самъ себя не вѣрю, сколько я счастливъ. Слезы умиленія текутъ по ланитамъ моимъ и омочаютъ строки сіи. Желалъ бы я, чтобъ они силою усердія моего сдѣлались обелисками, возвышающимися до небесъ. О радость, какъ чувствіе твое свѣтозарно! О благодарность, какъ лучи твои пронзительны! Каждое вдохновеніе ваше есть восторгъ мой, а каждый восторгъ есть

свѣтъ бездна борющихся помысловъ, которыми я объемлюсь, въ которыхъ я пишу, однако ихъ изяснить не въ силахъ. Я хочу ихъ умолчать, однако умолчать не въ силахъ.

Но ежели бъ я мысли мои и нарочито изобразить могъ, то мое едино благодареніе удовлетворитъ ли хотя нѣсколько въ Твой милости? Нѣтъ, Государыня! Кажется должны за меня и все мои сограждане благословить Тебя. Мое счастье счастье ихъ. Ежели одному показываешь Ты щедроту, то и всѣмъ пути разверсты къ ней. Общее благо состоитъ изъ частныхъ. Ежели къ одному Ты милосерда, то и къ прочимъ такова. Всѣхъ очи на тебя уповаютъ. Тартаръ бы и чувствовалъ въ душѣ моей, а неблагодарность, ежели бъ отечество мое Тобою угнетено было, а я бы одинъ былъ только счастливъ. И такъ я думаю конечно справедливо, что цѣлыя области колынопреклоняютъ предъ Тобою за меня. А потому, ежели бъ и оно было въ обыкновеніи, чтобъ всѣмъ получившимъ Твой разныя благодѣянія, юнымъ и старымъ, убогимъ и богатымъ, героямъ и царямъ, изображать ихъ чувствованія, такъ какъ я свое здѣсь изображаю, то бы конечно открылась цѣлая вселенная, отъ зари до зари Тебя благодарщая. Но Ты зри ее всю теперь простертую во мнѣ при стопахъ Твоихъ!

Какое жъ бы однако поле вельрвчія употреблять, ежели бы все здѣсь описывать, за что тебя благодарить должно? Но я все оставлю, для того, что я Тебя не хвалю. Упомяну объ одномъ человѣколюбіи. Ты всѣхъ имъ превзошла смертныхъ. Были Титы, были Траллы, которые назывались увеселеніемъ человѣческаго рода. Они наполняли подсолнечную своимъ милосердіемъ. Но Ты образъ Божества. Для Твоего милосердія тѣсна вселенная. Кроткія Твои законовъ начертанія, которыхъ они не дѣлали, будутъ такъ увеселить потомство, какъ мы Тобою днесъ благополучны. Суднъ земные разумють теперь, что самый гнѣвъ Твой есть милосердіе. Самымъ врагамъ Ты великодушна. Сія слава Твоя будетъ начертана златыми письменами въ храмѣ вѣчности. Имя Твое останется названіемъ всѣхъ добрыхъ Государей. Предъ нимъ поклонятся народы. Какое восхитительное зрѣніще для подданныхъ и паучительное царямъ!

Но должно ли благодарности единственно въ словахъ только изливаться? Нося въ сердцахъ, надлежитъ ее дѣломъ испол-

нить. Россія, дражайшее отечество наше, не будетъ конечно непризнательно божественной своей Цовелительницѣ. Она поставитъ Ей памятникъ, самимъ временемъ неразрушаемый, для того, что онъ будетъ проповѣдывать дѣла Ея. Она будетъ столь высока, сколько Она любить всѣхъ человѣковъ. Но се долгъ общества: что же частный? Не то ли, чтобъ повиноваться Ея волѣ съ усердіемъ; исполнять должности Ея съ раченіемъ; не употреблять во зло Ея милостей; служить Ей день и ночь и поспирать прочихъ любить Ея душою нашею, всѣмъ нашимъ сердцемъ, какъ Божество цесрестано, вамъ благодѣющее? Пусть же я начну съ сей последней должности.

О вы, ежели гдѣ есть въ цѣломъ полусвѣтъ, на краю Америки, въ степяхъ Азии, или въ дебряхъ Европы какъ нибудь несправедливо несчастные, услышите гласъ сердца моего вопиющій. Приклоните ухо ваше къ извѣщаніямъ правды моея. Нѣтъ ли кого утѣшеннаго? Она защититъ. Нѣтъ ли кого алчущаго? Она учинитъ возмездіе. Вдовы и сироты, древность и младенчество, бѣдность и страданіе, усердіе и справедливость, вы имѣете на престолѣ свою Покровительницу. Надобно только, чтобъ услышала Она моленія ваши. Не упеть еще отъ ожиданія вылетѣть въ дохъ у васъ, какъ уже вы будете удовольствованы, награждены, благополучены. Милосердіе Ея какъ свѣтъ сіяетъ, къ которому лишь только прикоснется тѣма, уже и освѣщается. Я вамъ спорунникъ жъ томъ. Я свидѣтельствую вамъ то собою, и отвѣчаю живаго, когда лезть или рабство изторгли изъ меня сіе Ей славолавіе. Непорочная совѣсть, дѣло правое, настоящая нужда, требованіе не прихотливое, держайте утруждать Императрицу вашу, держайте: вы не отойдете отъ Ней тщетными. Но между тѣмъ, какъ сіе мое многорѣчивое начертаніе, надобно когда нибудь окончить, благодарность моя конца не имѣетъ: она обрывается въ устахъ моихъ, изливается во взорахъ, цвѣтетъ на челѣ моемъ, показывается во всѣхъ моихъ движеніяхъ. Тако въ юность года обновляется природа; рѣки возвышаются къ своимъ вершинамъ; благоухаютъ деревья; эхо воспиваетъ. Въ то-то время они болѣе проповѣдуютъ благодѣяніе Господа своего.

ФИЗИОГНОМИКА.

Ныѣшнее лѣто пользовался я грязными ваннами въ Ботеміи, въ Мариенбадѣ, и пилъ изъ Крестоваго источника (Kreitzbrunn). Описание Мариенбада могло бы быть очень занимательно для тѣхъ, которые не знаютъ, что такое жизнь на минеральныхъ водахъ и грязныхъ ванны (Schlammhäder). Но теперь мнѣ хочется говорить не о томъ. Я лечился на водахъ, и какъ обыкновенно дѣлается, гулялъ ежедневно, утромъ и вечеромъ, по аллеѣ, въ которую собираются все страждущіе въ назначенные часы дня.

Ныѣшний годъ тамъ было очень много Русскихъ, что чрезвычайно отрадно на чужой сторонѣ. Встрѣчаешься съ Русскими, какъ съ родными, и знакомишься гораздо легче, нежели на родинѣ.

Я познакомился со многими, и между прочимъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ, докторомъ С. Его привела на воды самая страшная надобность: приготовить себя къ выдержанію глазной операціи. Зрѣніе его потухало уже примѣтно отъ Египетской глазной болѣзни, которою заразился онъ, подавая помощь другимъ. С. вѣшалъ мнѣ и состраданіе и нѣкоторый ужасъ своими разсужденіями о глазныхъ болѣзняхъ, и твердостью духа, съ какою готовился онъ вовсе ослѣпнуть, что было необходимо для совершенія операціи. Таковъ человѣкъ: падежда указываетъ ему свѣтъ, даже за рубежемъ мрака!

Я часто ходилъ съ нимъ по аллеѣ, и всегда отклонялъ разговоръ отъ грустныхъ и мрачныхъ предметовъ, не желая испытывать его твердости.

Гулянье на водахъ весьма поучительно въ отношеніи физиогномики, ибо туда явлются лица, какъ будто на показъ со всѣхъ угловъ свѣта, отъ болѣзней, изъ любопытства, мимовздомъ, отъ нечего дѣлать, и проч. Отъ того аллея на водахъ похожа на подвижное стекло въ волшебномъ фонарѣ.

Если бы мнѣ вздумалось стать на мѣсто странствующаго съ подобнымъ фонаремъ Итальянца, и пачать передвигать стекло, иривоаривая и толкая каждую фигуру, то я не-хотя впалъ

бы въ огромную бѣду — личность, ибо, посмотрѣвшись въ шесть недѣль курса на Мариенбадскихъ посѣтителей, по неволѣ сталъ бы описывать ихъ, и почему знать, когонибудь и разсердилъ бы портретомъ? Избави Боже отъ личностей! Лучше пожертвовать занимательностью цѣлой статьи.

Не смотря однакожъ на осторожность и скромность свою, предметъ, о которомъ хочу говорить, заставляетъ меня коснуться, въ двухъ словахъ, одного изъ посѣтителей воды. Но вы увидите, что это простительно.

По обыкновению, прохаживался по аллеѣ съ докторомъ С., сынъ шла публика, и въ числѣ вновь пріѣхавшихъ, прошелъ молодой человѣкъ, чрезвычайно занимательной наружности. Онъ былъ довольно высокъ ростомъ, нѣсколько худощавъ, съ прекраснымъ Римскимъ носомъ и въ черныхъ глянцовыхъ кудряхъ. Вообще въ чертахъ его лица было нечто особенное, возвышенное и благородное. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на его открытую физиогномию, и очень радъ былъ, что мой полусѣпной сосѣдъ могъ назвать мнѣ его по фамилии, и даже нѣсколько объяснить его исторію. — Молодой человѣкъ былъ Русскій, служилъ прежде въ гвардіи, вышелъ въ отставку, и слѣдуя влеченію души, объѣхалъ оба полушарія. Докторъ С. отзывался объ его способностяхъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Радуюсь, что на сей разъ наружность не обманула меня, съ удовольствіемъ вглядывался я въ черты лица занимательнаго путешественника. Между тѣмъ, разговоръ, которому почти никогда нельзя опредѣлить направленія, пошелъ очень кстаті о физиогноміяхъ вообще. Мы стали перебирать всѣхъ гуляющихъ, и дѣлать заключенія о каждомъ, какъ намъ казалось — я, сколько позволяло мнѣ умозрѣніе, а товарищъ мой — сколько позволяло ему зрѣніе съ умомъ.

«Говоря о физиогноміяхъ — сказалъ мнѣ докторъ С. — вспомнилъ я теперь одинъ анекдотъ, который давно уже слышалъ отъ покойнаго моего отца. Я разскажу его вамъ, сколько помню, но какъ онъ довольно долготъ, то не лучше ли прежде выпить еще по стакану воды, и потомъ говорить, гуляя?»

Я согласился. Мы подошли къ источнику, выпили по стакану гвнящейся цѣлебной влаги и пошли по аллеѣ.

Вот анекдот доктора:

Около Веймара, столицы герцогства, были некогда дремучие леса, подобные Шварцвальдским и Муромским. Толков и преданий объ нихъ въ простомъ народѣ было множество, и все рассказы тѣмъ болѣе казались достоверными, что никто не рѣшался повѣрить изъ любопытства: справедливы ли они, или ложны? Въ лѣсъ близъ Веймара люди не ходили; развѣ только по опушкѣ его жители ближнихъ деревень рубили деревья на дрова и собирали валежникъ.

Въ одномъ изъ небольшихъ селеній, лежащихъ близъ лѣса, жилъ дровосѣкъ. — Чтобы какъ нибудь называть его, назовемъ Ганомъ, въ честь Гана Исландскаго. Онъ былъ точно похожъ на героевъ Гюго: всегда мраченъ, задумчивъ, суровъ и необыкновенно статенъ. — Въ деревнѣ почти никто не говорилъ съ нимъ, потому, что Ганъ ни съ кѣмъ не хотѣлъ заводить рѣчи, чуждался всѣхъ и все чуждался его. Двѣ быгали что есть силы и прѣтались въ воротахъ, едва завидя угрюмаго дровосѣка; крестьяне кланялись ему, молча, и пройди нѣсколько шаговъ, оглядывались съ какою-то робостью на его плечистую фигуру.

Особенно Ганъ сдѣлался подозрителенъ и страшенъ робкимъ поселенцамъ, когда много изъ нихъ замѣтили, что часто возвращался онъ въ свою хижину поздно вечеромъ, прямо изъ Чернаго лѣса. — И въ самомъ дѣлѣ, мрачный дровосѣкъ скоро сталъ пропадать въ лѣсу по нѣскольку дней сряду. Что онъ тамъ видѣлъ и дѣлалъ, о томъ никто не смѣлъ его спрашивать. — Ганъ между тѣмъ посѣщалъ лѣсъ чаще и чаще, и возвращался домой, казался всегда угрюмѣе и страшнѣе. Кончилось тѣмъ, что онъ пропалъ совсѣмъ въ глуши недоступныхъ для честныхъ людей лѣсовъ.

Прошелъ годъ — о немъ не было ни слуху, ни духу. Сказывали только, будто бы послѣ того въ другихъ деревняхъ, время отъ времени, стали пропадать также въ таинственномъ лѣсу, то крестьянницъ, то крестьяника, которые по неосторожности входили въ страшные предѣлы дремучаго бора.

Деревенскіе жители рѣшили, что тамъ вѣдьмы разрывали людей на клочки; многие были увѣрены, что Ганъ свелъ съ ними дружбу; самые основательные думали, что бѣглый дровосѣкъ собираетъ тамъ шайку разбойниковъ. Все однакожь

ошибались въ заключеніяхъ, пока наконецъ одинъ ужасный случай не открылъ истины.

Въ деревнѣ пропала десятилѣтняя дѣвушка. Родные искали ее повсюду напрасно, какъ вдругъ нашли на берегу ручья, вытекающаго изъ лѣса, ее башмакъ и сорочку. Въ тотъ разъ горе о потерѣ превозмогло привычный страхъ. Напало челоуѣкъ пятнадцать удалыхъ, которые рѣшились вооруженною рукою вступить въ лѣсъ и отыскать, если возможно, Гана, ибо на него падали все подозрѣнія. Они точно пропикли въ глубину лѣса, и къ необыкновенному наумленію, нашли тамъ ни кѣмъ невѣдомую хижину. Окружили ее и дружно бросились въ двери. Гана тамъ не было. Но какой ужасъ представился глазамъ пораженныхъ искателей! Они увидѣли голову несчастной десятилѣтней дѣвушки! — Сомнѣнія исчезли, Ганъ убійца, разбойникъ. Но гдѣ отыскать его? — Благоразуміе заставило оставить хижину, чтобы подстеречь его возвращенія за кустами. Такъ и сдѣлано. Засѣвъ въ разныхъ мѣстахъ, увидѣли, какъ возвратился домой ужасный житель, и тотчасъ, по условленному знаку, бросились все разомъ въ двери. Удивленный неожиданнымъ нападеніемъ, хозяинъ не успѣлъ даже схватиться за оружіе. Его связали и привезли въ тюрьму, въ городъ Веймаръ.

Въ хижинѣ его, полиція нашла боченки съ соевыми челоуѣчскимъ мясомъ.

Дѣло обьяснилось. Ганъ былъ одержимъ отвратительною страстью — пожирать себя подобныхъ. Примеры антропофаговъ прежде бывали не рѣдки, да и теперь, говорятъ, есть цѣлый народъ, которому пищею служатъ челоуѣчье мясо, если вѣрнѣ Андерсонову путешествію, Mission to the coast of Sumatra.

Судъ надъ извергомъ былъ коротокъ. Его приговорили къ смерти.

Это происшествіе отнести можно къ семь сотъ семидесятымъ годамъ, когда Герцогъ Веймарскій, Карлъ Августъ, возвелъ знаменитаго Гёте на высокую степень въ правительствѣ, и облекъ геніи и ученость въ блескъ и почести знаменитаго сановника.

Весьма естественно, что необыкновенный случай появленія антропофага сдѣлался въ то же время извѣстенъ Гёте. —

Онъ пожелалъ увидѣть такого выродка, и посѣтилъ его въ заточеніи.

Удивительное выраженіе лица преступника изумило Гёте. Онъ нашелъ въ его взглядѣ какую-то чудную важность, самонадеянность и необыкновенное спокойствіе духа. Черты его не были искажены ни какою сильною страстью; напротивъ, казались исполненными тишины, смѣшанной съ легкимъ отблнкомъ сарказма и безпечности.

Пораженный необыкновенною наружностью людоѣда, Гёте вздумалъ приказать обрить ему бороду, причесать прилично волосы, и велѣть лучшему живописцу, какой тогда случился въ Веймарѣ, сѣсть съ него портретъ. — Все было исполнено. Живописецъ успѣлъ удивительно. Сходство портрета было разительное, и по приказанію Гёте, людоѣда написанъ былъ въ шитомъ золотомъ мундирѣ, на которомъ видна была звезда.

Въ то время возростала слава Лафатера. — Творецъ новопридуманной науки — узнавать свойства людей по чертамъ лица — углублялся въ свои чудесныя наблюденія, и готовилъ свѣту знаменитое твореніе свое: Physiognomische Fragmente, etc. — Ученость Лафатера доставила ему уваженіе и даже дружбу многихъ знатныхъ людей его времени, и между прочими Гёте, который, хотя и не зналъ его лично, но былъ съ нимъ въ перепискѣ, и какъ Кастальскаго собрата, называлъ его Du и Bruder.

Лафатеръ жилъ тогда въ Цюрихѣ, не ожидая шутки Гёте, но надѣясь получить давно обещанный ему портретъ знаменитаго пріятеля, какъ вдругъ приносятъ ему съ почты письмо, съ посылкою изъ Веймара. Опытный физиогномикъ съ нетерпѣніемъ распечатываетъ конвертъ и читаетъ дружеское посланіе Гёте. — Въ немъ говорено было о постороннихъ вещахъ, и только Postscriptum заключалъ въ себя нѣсколько словъ о приложенномъ портретѣ: «Посмотри со вниманіемъ, Bruder, на черты лица и профиль этого господина — писалъ Гёте — и подпиши внизу свой приговоръ.»

Обрадованный полученнымъ портретомъ, Лафатеръ всматривается въ прекрасное изображеніе пышно одѣтаго челоѣка, и увѣренный, что наконецъ можетъ украсить кабинетъ свой портретомъ своего друга, знаменитаго Гёте, беретъ перо, и съ восторгомъ пишетъ подѣ изображеніемъ людоѣда:

«Счастливъ тотъ край, гдѣ родится много подобныхъ людоѣдъ!»

— Это безподобно! — воскликнулъ я отъ души, дослушавъ анекдотъ Доктора. — Досадно, если этотъ случай уже напечатанъ!

«Не думаю — отвѣчалъ С. — и вы можете смѣло имъ воспользоваться, тѣмъ болѣе, что не бѣда и повторить повѣсть, отчасти поучительную. Если самъ Лафатеръ могъ впасть въ подобный просакъ, то мудрено ли намъ, грѣшнымъ, ошибаться на каждомъ шагѣ? Лучше судить о людяхъ по ихъ дѣламъ и поступкамъ, нежели, суда по наружности, вводить себя въ ошибочныя заключенія.»

Я. ОЗЕРЕЦКОВСКІЙ.

ЖУРНАЛЬНАЯ ЗАМѢТКА.

Въ Февральской книжкѣ Б. для Ч., при разборѣ Геозезіи Г. подполковника Болотова, сдѣлавъ автору упрекъ за то, что онъ ссылался во многихъ мѣстахъ своей книги на *Полный Курсъ Чистой Математики Франкера*. «Правда,» горитъ Референтъ Б. для Ч., «что самъ Г. Болотовъ перевелъ его, но Франкеръ, между нами будь сказано, *вообще не думалъ жить такъ долго съ своимъ Курсомъ Математики; онъ давно уже и у самихъ Французовъ попалъ въ число математическихъ древностей и любопытныхъ памятниковъ, слишкомъ часто встрѣчающейся между сочинителями книгъ бездарности*....»

Сказано рѣзко, но не въ томъ дѣло: рассмотримъ опрометчивость подобныхъ сужденій.

При изложеніи такой науки, какъ Геозезія, которая, по обширности своего предмета, требуетъ предуготовительныхъ свѣдѣній, не только въ началахъ математики, но и въ высшихъ ея частяхъ, не слѣдовало бы, собственно говоря, ссылаться ни на какой курсъ, ибо читатель, принимающійся за Геозезію, долженъ имѣть уже хорошія пріуготовительныя ма-

тематическія свѣдѣнія. Но какъ Г. Болотовъ, при составленіи своей Геодезіи, желалъ, по видимому, доставить пользу и офицеру Генеральнаго Штаба, и офицеру Корпуса Топографовъ, и уѣздному землемеру, и помѣщику, давно кинувшему математику, то и встрѣчалась ему надобность дѣлать ссылки на книгу ручную, по мѣрѣ возможности полную, и которая наиболѣе была бы распространена у насъ въ Россіи. Послѣ сего просимъ почтеннѣйшаго Референта Б. для Ч. вразумить насъ грѣшныхъ: какой же Курсъ Математики, по его мнѣнію, слѣдовало Г. Болотову принять себѣ за основаніе? Сколько намъ извѣстно, изъ новѣйшихъ математическихъ курсовъ, кромѣ сочиненія Франкера, извѣстныхъ въ Россіи только курсъ Лакроа, курсъ Беллавеия и Математическая Энциклопедія Перевощикова. Но курсъ Лакроа теперь уже слишкомъ устарѣлъ. Курсъ Беллавеия есть книга, имѣющая цѣль одностороннюю, лишняя высшихъ частей Математики, и потому недостаточная для такой науки, какъ Геодезія. Наконецъ Математическая Энциклопедія Перевощикова, не взиралъ на все уваженіе, которое мы питаемъ къ ученому ея автору, осмѣливаемся сказать, имѣетъ тотъ недостатокъ, что изложеніе ея чрезвычайно сжато, и потому дѣлается доступнымъ, или только тѣмъ, кто учился по сему творенію подъ руководствомъ хорошаго наставника, или тѣмъ, кто довольно силенъ въ Математикѣ. Слѣдственно, оставалось Г. Болотову сослаться, или на Курсъ Франкера, или на сочиненія отдѣльныя, какъ наприм., по части Геометріи на Лежандра, по части Алгебры на Бурдона, или Лезебюръ-де-Фурси, по части Аналитической Геометріи на Біота, или Брашнапа, по части Дифференціальнаго Ичисленія на Коши, Бушарля, и другихъ. Въ такомъ случаѣ, очевидно, надлежало бы читателю его имѣть полную Математическую Библіотеку, что не для всякаго возможно.

Г. Болотовъ избралъ Курсъ Франкера не по тому, что онъ его перевѣдывалъ, какъ говорить Б. для Ч., но потому, что сей Курсъ, действительно, лучше и полезнѣе другихъ. Само собою разумѣется, что никто не назоветъ Франкера великимъ геометромъ, двинувшимъ науку впередъ, подобно Эйлерамъ, Лагранжамъ, Остроградскимъ, но надобно вовсе не знать Математики, чтобы осмѣлиться назвать Франкера писателемъ *бездарнѣйшимъ*! Достаточно прочесть только его *Уранографію*, чтобы убѣдиться въ высокіихъ дарованіяхъ автора, какъ литера-

тора и какъ ученаго, умѣвшаго живымъ, увлекательнымъ языкомъ объяснить чудное устройство мірозданія, и доказать тѣсную связь Мнѣніи съ Астрономіею Древнихъ. Одна Уранографія поставяетъ уже Франкера въ ряду тѣхъ писателей, о которыхъ должно говорить съ уваженіемъ. Его Механика теперь точно устарѣла, но тѣмъ не менѣе заслуживаетъ вниманіе, доказательствомъ чему служитъ то, что въ продолженіе почти 20-ти лѣтъ, она употреблялась здѣшнимъ, достойно всеми уважаемымъ профессоромъ Д. С. Чижевскимъ, какъ руководство при преподаваніи лекцій въ С. Петербургскомъ Университетѣ и Главномъ Инженерномъ Училищѣ. Касательно же Курса Математики Франкера можемъ рѣшительно сказать, что онъ никогда не имѣлъ себѣ соперника. Пусть намъ покажутъ какое либо другое элементарное твореніе по Математикѣ, гдѣ бы сія наука была изложена въ столь сжатомъ объемѣ, и съ такою притомъ ясностію и полнотою, и гдѣ бы все частности были выведены съ такимъ искусствомъ изъ предложеній общихъ; наконецъ, гдѣ бы Математика, начиная отъ первыхъ правилъ нумераціи до варіаціоннаго исчисленія являлась въ столь современномъ видѣ. Согласны, что во многихъ мѣстахъ книги найдутся статьи, которые болѣе развиты у другихъ писателей, или объяснены съ большими подробностями, но все таковыя мелочныя недостатки ни сколько не уменьшаютъ достоинство цѣлаго творенія.

Что же значитъ рѣзкій приговоръ почтеннѣйшаго критика Б. для Ч.? Неужели, просто, журнальная выходка, чтобы блеснуть предъ нѣкоторыми изъ своихъ читателей?

Впрочемъ, несправедливость выходки Б. для Ч. противъ Франкера не ускользнула отъ нашихъ журналистовъ. Въ Сентябрьской книжкѣ Сына Отечества сказано, что одни только *пристрастнѣе* люди могутъ писать такіа критика, а въ № 247 Свѣ. Пчелы напечатана была Г. Булгариннымъ даже цѣлая статья, въ которой онъ доказалъ, что подобныя опрѣметчивыя приговоры неприличны истинно ученому человеку.

Мы съ своей стороны не припались бы за перо, если бы, къ удивленію нашему, не увидѣли въ Ноябрьской книжкѣ Б. для Ч. новой забавной выходки, но случаю вышедшей 1-й части Курса Франкера, переведеннаго съ четвертаго изданія. «Мы, помнитса,» говоритъ Рецензентъ, «однажды не одобрили книги Франкера. И въ доказательство того, что мы *огнемъ*

справедливо ея не одобрили, можем привести признаніе самаго автора, который, въ предисловіи къ новому изданію своего курса, обобщаетъ многія весьма важныя улучшения, заимствованныя имъ, какъ онъ говоритъ, изъ сочиненій Фурье, Коши, Штурма, и другихъ, многія существенныя дополненія и распространенія, и даже *передѣлку всего втораго тома*. Будемъ и мы надѣяться,* продолжаетъ Г. Рецензентъ, «что это новое изданіе позволитъ намъ отдать всю справедливость искусству автора и выбору переводчика. Послѣ того, что авторъ сказалъ въ предисловіи, это будетъ почти новая книга. Что касается до прежняго изданія, о которомъ мы и говорили, то это было *рѣшительно бездарная коллилляція*, и если бы она имѣла какое нибудь ученое достоинство, конечно, ни авторъ не рѣшился бы на такія обширныя передѣлки, ни Русскіе переводчики не предпринимали бы новаго перевода по передѣланному изданію.»*

Теперь понимаемъ, чѣмъ Франкеръ не угодилъ Б. для Ч. *предпоследнимъ* изданіемъ своего Курса Мат. Онъ не угодилъ именно тѣмъ, что онъ не заимствовалъ ничего изъ сочиненій Коши, Штурма и Фурье. Но извѣстно ли почтеннѣйшему критику Б. для Ч., что предпоследнее изданіе книги Франкера вышло въ 1827 году, а теорема Штурма явилась въ 1829; знаменитое же сочиненіе Фурье: *Analyse des équations déterminées*, которое сдѣлало важнѣйшій переворотъ въ высшей Алгебрѣ, издано только въ 1831 году? Одного только теперь не достаетъ, чтобы Б. для Ч. назвала бездарною книгою Алгебру Эйлера, за то, что въ ней не помѣщенъ способъ Лагранжа рѣшенія уравненій, или физіку Біота за то, что въ ней не говорится ни поль-слова о явленіяхъ электро-магнитныхъ! Касательно же причинъ, заставившихъ Франкера передѣлать почти весь второй томъ, мы долгомъ почитаемъ довести до свѣдѣнія почтеннѣйшаго критика Б. для

* Странно, что Б. для Ч., сдѣлавъ выписку изъ предисловія новаго перевода К. М. Фр., гдѣ упоминается о *Лефевюрѣ де Фурси*, называетъ его *Лефевуромъ*, и потомъ поправляетъ переводчиковъ, утверждая, что его должно называть *Лефевромъ де Фурси*. Вотъ, по истинѣ, для насъ новость! Мы совсѣмъ не знали, что *Лефевюра* можно переименовывать въ *Лефевры*. Впрочемъ, не ошибается ли самъ почтеннѣйшій критикъ, и не слышиваетъ ли онъ сего ученаго съ тѣмъ *Лефевромъ*, который, лѣтъ 20 тому, написалъ *Traité de l'arpentage* — книгу, довольно плохую?

Чтенія, что такъ какъ Фурье разсматриваетъ рѣшеніе уравненій высшихъ степеней съ совершенно новой точки зрѣнія, то Франкеръ, желая ввести способъ сего геометра въ составъ новаго изданія своего курса, увидѣлъ надобность передѣлать почти всю высшую Алгебру, занимающую у него половину 2-го тома, и кромѣ способа Фурье, заимствовать все заслуживающее вниманіе изъ повѣннѣйшихъ сочиненій, поименованныхъ имъ въ предисловіи, и которыя всѣ явились въ свѣтъ *послѣ 1827 года*. Вышедшій въ Русскомъ переводѣ *первый томъ*, уже ясно показываетъ дарованія автора, и то, съ какимъ искусствомъ онъ сдѣлалъ перемѣны и дополненія въ начальныхъ частяхъ Математики, доказывая вопреки мнѣнію Б. для Ч., что и предпоследнее изданіе К. Ф. была книга, имѣвшая неотъемлемое достоинство. Если же была бы она *бездарною коллилляціею*, то какъ бы ее ни дополнял и не исправлялъ, все таки она оставалась бы уродливѣмъ созданіемъ.

Заключимъ, что если почтеннѣйшій критикъ Б. для Ч. называетъ Франкера писателемъ *бездарнымъ*, а сочиненія его *коллилляціею*, то весьма желательно слышать, какое именно названіе дастъ онъ, на примѣръ, такому писателю, который, не зная ни правилъ, ни духа языка, выдаетъ себя за преобразователя его, или, на примѣръ, такому писателю, который не зная различія между *синусомъ* и *тангенсомъ*, не слыхавъ о невозможности означить на поверхности земнаго шара положеніе эклиптики*, утверждалъ, что Уранъ обращается около солнца въ кратчайшее время, чѣмъ Луна около Земли, а Марсъ въ кратчайшее время чѣмъ Земля, рѣшается судить и ридить о Математикѣ, Физикѣ, Астрономіи, и не шутя увѣрять, что онъ только одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ развнваетъ познанія о точныхъ наукахъ?

И. ИПОПОИТОВЪ.

=

* Дѣйствительно, мы знаемъ одного писателя, который желая обяснить популярно, что такое *эклиптика*, говоритъ, что если мы покатымъ шаръ по полу, то точки соприкосновенія означать на его поверхности кривую линію, которая и называется эклипτικοю!...

СЦЕНЫ ИЗЪ РОМАНА: ХРИССО.

Опишите море мирному жителю равнины — краспорѣчие ваше будетъ безплодно: онъ не увидитъ моря. Намѣкните моряку о бурѣ — онъ тотчасъ увидитъ вокругъ себя переливающиеся громады; онъ услышитъ ихъ злобщее шипѣніе; онъ почувствуетъ свѣжія брызги пѣны и напоръ вѣтра! Кто не глядѣлъ съ высокой горы на пылающее море, при закатѣ солнца, въ южномъ климатѣ, тотъ не можетъ представить себѣ такой картины.

Слушай, посѣтитель южныхъ краевъ!

Солнце заходитъ — солнце закатилось. Море кажется продолженіемъ неба, и только мутная полоса земель, сипѣющихъ вдали небосклона, отдѣляетъ эфиръ отъ бурной стихіи. Ни одно облако не разнообразитъ пурпуроваго зарева. За то безчисленные острова, усѣявшіе Архипелагъ, кажутся, блуждаютъ надъ яркою бездною.

Взгляни на эти острова, посѣтитель Греціи! взгляни на ихъ плодоносныя рощи, на ихъ ароматныя луга. — Забудь, что здѣсь рѣзались нимфы — забудь — взгляни на эти острова, и ты убѣдишься, что они предназначены самою природою быть жилищемъ людей мирныхъ, свободныхъ, счастливыхъ! Но ты съ ужасомъ отворачиваешься; ты указываешь мнѣ на укрѣпленные въ видѣ башенъ дома, погорѣвшія нивы, разрушенные города, и берега, покрытые кровавыми трупами... Взгляни — какія суда пристають къ берегамъ, и перестань удивляться, Филленингъ!

Вотъ трехъ-бортная громада — смотри: надъ нею вѣется флагъ съ золотою луною. Смотри далѣе! Вотъ трехъ-угольный парусъ, а подъ нимъ алыи торбашъ Алжирца.... А тамъ, среди лабиринта скалъ, въ глубинѣ неприступнаго залива, гнѣздится *каикъ* грознаго Майнота!

Солнечныя лучи не играютъ уже на горныхъ хребтахъ; зарево гаснетъ на небѣ и на морѣ; отдаленныя горы сливаются, и исчезаютъ отъ взора, какъ мечты отъ утомленнаго воображенія. Все темнѣетъ — звѣзды начинаютъ сверкать.

Вдоль морскихъ береговъ острова *** появляются огни; они размножаются, легче начинаютъ пылать. Слышны ружейныя выстрѣлы.... Успокойся, любитель Элады! то не знаки тревоги — то Греки празднуютъ Иванову ночь. Вгля-

дись въ огонекъ, который ярче горитъ, около котораго чаще раздаются выстрѣлы; вслушайся въ пѣсни *паликаровъ*, и ты узнаешь, какъ Греки празднуютъ Иванову ночь.

— Какъ? — восклицаешь ты — Греки веселятся! Греки — въ рабствѣ, въ оковахъ?

Нѣтъ оковъ для сердца!

Молодець за молодцомъ перескакиваютъ черезъ Большое пламя, разведенное нарочно для забавы юношества; толпа ободряетъ паликаровъ веселыми кликами; старикъ любитъся, вспоминаетъ свою удалую молодость; женщины гадаютъ, шепчутся, смѣются. На террасѣ соседственнаго одно-этажнаго дома пестрится въ тоже время толпа друзей и родственниковъ старшины *Барба-Михали*.

«Веселитесь, друзья!» кричалъ звучнымъ голосомъ престарѣлый Барба-Михали — веселитесь! Стыдѣ и проклятіи нарушителю нашихъ забавъ! Ай, Кицо! ты славно скакнулъ! — Стефано! душно, душно — ты рано распахнулся. — Что съ тобою, Федори? ты ногами задѣлъ за огонь! — Стойте, ребята! не такъ — стойте — вотъ я покажу!

Мигъ — и старшина спрыгнулъ бы съ террасы, но онъ былъ, задержавъ братомъ своимъ, докторомъ Пичуни.

— Стыдись, старикъ! — говорилъ докторъ — стыдись съдыхъ волосовъ своихъ!

«Оставь меня, старый чортъ!» вскричалъ Барба-Михали, вырываясь изъ костлявыхъ рукъ семидесяти-лѣтняго своего брата, который былъ моложе его двадцатью годами. — «Пусти меня! Дай мнѣ потѣшиться»....

— Не нарушай приличій — прибавилъ докторъ, задыхаясь отъ усилій, которыя употребилъ, стараясь остановить удалаго старика. — Опомнись, братъ! Что скажутъ, когда увидятъ тебя въ толпѣ ребятшекъ....

«Что скажутъ? что скажутъ? Оставь меня! Скажутъ, что я не старая баба, что я молодець, что....

— Ты былъ молодцомъ, другъ мой — сказала пожилая жена старшины Христино, приблизивъ къ нему — все знаютъ, все говорить о твоихъ подвигахъ, не, послушай, другъ мой — прибавила она ему на ухо — ты старъ.... Ну, какъ ты худо скакнешь, споткнешься, упадешь.... Тебѣ ли съ молодыми равняться въ скачкахъ.... Самъ ты рассуди....

Старшина взглянулъ вокругъ себя, опасаясь, не подслушалъ

ли кто нибудь словъ жены его, и призадумался. — Правда твоа, жена — сказала онъ ей. — Проклѣтая старость!... Эй, слушай, братъ — я не буду скакать... Да, смотри, не подумай, что ты убѣдилъ мепя!

Пѣсни и клики раздавались между тѣмъ; гибкіе хороводы извивались вокругъ огней; всѣ веселились, всѣ любовались... Вдругъ толпа раздвинулась — показалось нѣсколько воору- женныхъ удалцовъ. Они кинули въ огонь свитки сухихъ вѣтвей и пламя взвилось высокими столбомъ. Кто-то разбѣжался, скакнулъ, мелькнулъ надъ огнемъ и очутился неподви- женъ на ногахъ. Небольшой ростъ его стройно рисовался на огневомъ полѣ.

— Хриссо! — закричали окружавшіе. — Это Хриссо морякъ! Хриссо удалецъ! Хриссо разбойникъ!...

Пѣсни прекратились; хороводы разстроились; всѣ спѣшныи къ одной точкѣ — кто лѣзъ на дерево, кто карабкался на скалу — вслѣдъ хотѣлъ взглянуть на молодца.

— Здравствуй, Барба-Михаил! — вскричалъ Хриссо, подбѣ- гая къ дому старшины.

Старикъ благосклонно протянулъ къ нему руку и пригласилъ его къ себѣ. Пламя, вылавшее во тьмѣ ночью, отрыви- сто озаряло лица любопытныхъ, тѣпившихся на террасѣ. Хриссо взглянулъ на нихъ; онъ увидѣлъ черные глаза... бо- лѣе ничего не искалъ онъ взорами, — онъ увидѣлъ то, что жаждалъ увидѣть. Между тѣмъ, пока старшина шелъ встрѣ- чать гостя, докторъ косо поглядывалъ на молодого удалца, упрямо застегивая широкой фракъ свой. Онъ примѣтилъ, что всѣ смотрѣли на Хриссо съ какою-то недовѣрчивостью, съ какимъ-то отвращеніемъ даже, но не переставали удивлять- ся его скачку.

— Ну, какъ не сказать, что народъ глупъ! — думалъ док- торъ — есть чему удивляться? Скачку!... А молодецъ, чай, вѣдь себя отъ радости!... Суета суеть!... Эхъ! прѣтель! какъ ты глупъ, какъ ты жалокъ! — Докторъ имѣлъ несчаст- ную привычку шептать сквозь зубы свои мысли. На сей разъ онъ такъ забылся, что въ слухъ продолжалъ свои фи- лософическія замѣчанія: «Мальчишка ты, мальчишка... Какъ ничтожна твоа важность!

Паякаръ свирѣпо взглянулъ на доктора; усы его зашеве- лились; онъ грозно сказалъ:

— Старикъ! замолчи!

Оскорбленный докторъ погрозилъ ему палкой. Тутъ глаза Хриссо засверкали досадою. Хриссо присѣлъ, вскочилъ, и по- равнявшись съ террасой, выхватилъ палку изъ рукъ доктора. Толпа ахнула отъ удивленія; невидимая сила, казалось, под- няла его на воздухъ. Онъ ударилъ тростью объ стѣну и трость разлетѣлась щепками. Пищунъ затрепеталъ.

— Хочешь ли? Я еще разъ скакну, старичишка! — возопилъ удалецъ. — Хочешь — схвачу тебя за ногу и кину тебя въ огонь? Хочешь — быстрее меня полетишь ты черезъ пламя и очутишься въ морь? Вотъ отломокъ трости твоей!... Онъ не покинетъ меня — я заплачу тебѣ за свой позоръ...

Хриссо отвернулся и скрылся въ толпѣ.

— Онъ не человекъ — онъ зверь! — вскричала одна жен- щина, сидѣвшая на террасѣ. — Онъ разбойникъ, онъ бѣсъ! — прибавили другіе.

— Онъ несчастный человекъ — произнесъ тихій, но важ- ный голосъ — не ругайте его, христiane, а пожалуйте объ немъ.

Всѣ оглянулись. Явился престарѣлый священникъ. Стоя за широкою спиною Барба-Михаил, онъ видѣлъ все, что про- исходило. Появленіе пастыря возстановило нарушенныя ра- дость и миръ. Съдал, какъ лѣнь, борода его свидѣтельствова- ла его старость, а ясный взоръ изобличалъ возвышенный духъ и сердце непорочное. Всѣ толпились около него; всѣ жаждали его благословенія.

— Зачѣмъ ты раньше не пришелъ, Михаилъ? — говорилъ докторъ своему брату, еще дрожа всѣми членами — ты пу- гнулъ бы негодля...

«Ты не знаешь его, братъ,» отвѣчалъ старшина — мнѣ ли испугать чорта?... Ахъ! прости, отецъ святой!... Да, въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ты не пускалъ меня? Я пристыдилъ бы его, и онъ уважилъ бы меня.

— Угрозы и упреки — возразилъ старецъ — безсильны противъ него — только кротостью можно дѣйствовать на буйнаго Хриссо.

Михаилъ съ благоговѣніемъ слушалъ старца, но не всегда соглашался съ нимъ. Силу только силою должно уничтожать — то была одна изъ законныхъ его идей, одно изъ непре-

ложныхъ его правилъ. Замѣтимъ притомъ, что для Варбы-Михали всякое убѣжденіе было правиломъ.

— Пусть такъ, святой отецъ — сказалъ онъ — но за чѣмъ ты самъ не показалося ему? Я замѣтилъ, что слова твои имѣютъ на него сильное вліяніе.

— Когда страсти не приводятъ его въ изступленіе — замѣтилъ отецъ Якинъ, Постоянное противорѣчіе и насиліе, какія претерпѣвалъ онъ во время дѣтства своего, раздражили его пылкій характеръ; дурные примѣры развратили его по томъ; пагубныя внушенія потушили его вѣру и искра добродѣтели подернулась пепломъ въ груди его. Но, она не потухла еще и часто проблескиваетъ.

— Я помню отца его — сказалъ старшина — онъ былъ человекъ ученый и честный, но упорный и своенравный. Хриссо съ малолѣтства оказывалъ страсть къ морю, мечтала только о буряхъ и корабляхъ. Но какъ ни уговаривала я отца его, чтобы онъ позволилъ ему быть морскомъ — «Нѣтъ» — кричалъ онъ — «хочу, чтобы сынъ мой былъ *логіотатосъ* (ученый). И что же? Онъ морила ребенка за книгами. Не разъ Хриссо убѣгалъ изъ училища; по цѣлымъ суткамъ искали его по острову, и гдѣ-жъ находили? У моря, на одинокой скалѣ какой нибудь — сидѣть бывало, и любителю брызгами морской пѣны. Строгій наказанія ожидали его послѣ такихъ прогулокъ, и только слезы матери могли смягчать ихъ, если не отклонить совершенно...

«Несчастная женщина!» сказала Христино — «сколько она перенесла горестей на вѣку своемъ! Прости, Боже, душу ея! Зачѣмъ родилась она?»

— Не ропщи на участь ея, дочь моя — возразилъ священникъ — она счастливей насъ. Если бы не кроткій характеръ ея, Хриссо погибъ бы навѣки. Ласками и наставленіями она умилала его, смягчала его злобу противъ отца и противъ всего міра. Примѣромъ своимъ, она руководила его и побуждала къ добру...

«Такъ, отецъ Якинъ, но ты ничего не говоришь о томъ Франкѣ, о томъ проклятомъ Франкѣ, который чуть было съ ума не свелъ всю нашу молодежь, и уча Французской грамоты, Богъ въсть пашу училище»

— Я помню его. Онъ много повредилъ Хриссу — онъ погубилъ его вѣру...

«А Майноты — сказала Христино — и всѣ разбойники, съ которыми онъ потомъ водился...

— Повѣрь мнѣ, дочь моя, что если бы не пагубныя навѣты того Франка, сердце Хрисса осталось бы неприступно кознямъ нечестивыхъ. Прости его, Господи! Онъ долго, слишкомъ долго жилъ на нашемъ островѣ, и вдругъ потомъ исчезъ и слѣду его не осталось. Куда онъ дѣвался?

«Не знаю,» нетерпѣливо отвѣчалъ Михали, какъ будто вопросъ священника былъ обращенъ къ нему одному. Онъ значительно взглянулъ на жену свою, и та не могла удержаться отъ улыбки.

— О, это останется на вѣки тайною — замѣтила болтливая парамона (кормилица) — но мнѣ кажется, что его унесла нечисть. — Тутъ парамона встрѣтила взоръ священника, покраснѣла и не договорила начатыхъ словъ.

Христино продолжала говорить о буйномъ молодомъ человекѣ. «Вѣднй Хриссо! Жаль мнѣ его душевно, по, право, сердце мое бьется, когда онъ бываетъ у насъ. Вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ родители его умерли, онъ отлучается съ острова на цѣлые мѣсяцы, и Богъ въсть, гдѣ онъ блуждаетъ! Говорятъ, будто онъ грабитъ мелкія суда!

— Не вѣрю — сказалъ старшина — онъ молодецъ. — Я думаю, что онъ грабитъ враговъ нашихъ, а грабитъ враговъ похвально.

«Напрасно заступаешься за него, Варба-Михали,» прошепталъ кто-то изъ гостей — «онъ не добрый человекъ. Онъ въ церковь Божію не кажется.

— Онъ бѣгаетъ отъ добрыхъ людей — прибавили другіе голоса. — Онъ ни кого не уважаетъ — онъ только съ разбойниками ладить... Вѣдь мы его знаемъ...

— Только тотъ его знаетъ — прервалъ священникъ — кто умѣетъ читать въ его сердце. Вы собственныхъ сердецъ вашихъ не знаете, такъ вамъ ли знать Хрисса и судить его?

Всѣ замолчали, кромѣ доктора — *Siguro, Siguro*, заговорилъ онъ, *de internis non judicat praetor* — однакожь, позволите замѣтить, батюшка, что поступки обнаруживаютъ качества сердца, а послѣдній его поступокъ...

«Моли, докторъ!» закричалъ Михали. «Вѣдь мы не учились у Франковъ пошмать твою болтовню. Ты еще смѣешь говорить о поступкахъ Хрисса?... Ты обидѣлся за то, что

онъ запретилъ тебѣ въ слухъ ругать его, и удивляешься, что онъ выхватилъ у тебя палку, которою ты грозилъ ему, какъ дворовой собацѣ.... То ли сдѣлать бы я съ тобой, если бы я былъ на его мѣстѣ!..

Между тѣмъ женщины обступили священника и закидали его вопросами о Хриссо.

«Онъ прежде часто хаживалъ ко мнѣ,» говорилъ имъ старецъ, «по вотъ два мѣсяца, какъ я его не вижу. Слышала я будто какой-то разбойникъ морской, родомъ Итальянецъ, совершенно завладелъ его умомъ.... Да, пѣть.... вѣрно это ложный слухъ! Ахъ, дѣти, дѣти! не ругайтесь надъ утопающимъ.... Если бы взглянули вы въ глубину его души, вы содрогнулись бы, пожалели объ немъ, помолились объ немъ и постарались исцѣлить его сердечныя раны. Онъ бываетъ съ разбойниками, онъ бѣгаетъ отъ людей, онъ проливаетъ кровь человѣческую.... Разумъ его отуманенъ — страсти его кипятъ, но сердце его чисто и высоко. Жалуйте, что на сердцѣ его лежитъ тяжкое бремя. Сила Сампсона не свергнетъ такого бремени, но Хриссо еще не погибъ и совѣсть его еще не погасла. Если бы знали вы, какъ онъ страдаетъ, когда сердце его рвется къ Богу, а цѣпи страстей и заблужденій удерживаютъ его порывы, когда пылокъ воображеніе желеть внушенію природы и совѣсти, а страсти и лжеумудріе накидываютъ мрачное покрывало на такіе свѣтые порывы! Братья! хотите ли счастья его? Любите его!..»

Старецъ прослезился. Сочувствіе его разгроило сердца присутствующихъ.

— Любите его, друзья!—повторилъ Барба-Михали.... Ахъ, святой отецъ! ты всегда правду говоришь, но, признаюсь — я не совѣтъ понялъ то, что ты сказалъ о душѣ Хрисса....

Звонкій, пѣжный голосъ внезапно прервалъ слова старшины.

— Я понимаю тебя, отецъ Якинѣвъ!

То была Зоя, дочь Барба-Михали. Молодая Сафо, дочь доктора, съ досадой схватила ее за руку, какъ будто желалъ прекратить дальнѣйшее изліяніе ея мыслей. Михали грозно взглянулъ на Зою.

— Ты понимаешь?— сказалъ онъ, вставая съ своего мѣста.— Ты понимаешь Хрисса? Ты смѣешь понимать? Ты смѣешь слушать?—Вонъ отсюда!

Голосъ старика трепеталъ отъ гнѣва. Присутствующіе хранили глубокое молчаніе, какъ странники передъ грозой. Старшина, озираясь кругомъ, увидѣлъ блѣдное лицо жены своей и взоръ священника, выражавшій кроткую укоризну. Онъ кинулъ еще одинъ взглядъ въ ту сторону, куда вышла дочь его, и гнѣвъ его началъ угасать. Онъ подошелъ къ престарѣлому священнику и съ пѣмою благодарностью пожалъ ему руку. Отецъ Якинѣвъ умильно улыбнулся.

— Теперь ты можешь понять Хрисса — сказалъ онъ ему на ухо.

Сквозь природныя завѣсы густыхъ виноградныхъ лозъ, мѣсячные лучи пробирались, какъ будто украдкой. Одинъ изъ нихъ сверкалъ на открытомъ челѣ прекрасной Зои. Сафо, дочь доктора, неподвижно сидѣла противъ нея; она внимательно вслушивалась въ слова своей двоюродной сестры и повѣряла ихъ на ея лицѣ. Вдали слышны были невнятные клики веселищейся толпы. Они тяжело отзывались въ разстроенныхъ сердцахъ двухъ черноокихъ красавицъ, и какъ будто ругались надъ ними.

— Ты не бережешь себя, Зоя — важно сказала Сафо — какъ ты проста, какъ ты неосторожна!..»

«Ахъ, Сафо! какъ отецъ мой страшень!... прервала Зоя. «Смотри: сердце мое такъ и бьется. Я только сказала, что понимаю то, что отецъ Якинѣвъ говорилъ.... и то вырвалось у меня почти противъ воли.... Ну, право.... мнѣ кажется, что я ничего не сказала. Да, впрочемъ, если я и сказала? Что тутъ дураго.... Бѣдный Хриссо.... какъ мнѣ его жаль!... какъ я его...»

— Что ты говоришь, Зоя?

«Я говорю, что мнѣ его жаль....»

— Очень естественно — и я его жалью.

«И ты его любишь, Сафо?»

— Какъ ты проста!... Мнѣ ли любить буйнаго богоотступника, отверженца, варвара....»

«Вѣдь онъ можетъ исправиться! Священникъ сказалъ....»

— И вѣрно ты думаешь исправить его?....»

«О! когда бы я могла.... Послушай, Сафо.... Разъ, Хриссо и отецъ Якинѣвъ сидѣли у насъ въ саду, недалеко отъ моего окна. Они долго говорили, но такъ тихо, что я почти

ничего не слыхала. Наконецъ Хриссо возвысилъ голосъ и до меня дошли слова его: «Отецъ мой любилъ меня, по мучилъ; мать моя любила меня, лелѣла, но... какъ мать; ты меня любишь, по убѣжденію, что исполняешь обязанность пастыря... Ваша любовь не любовь, а... необходимость... Кроме васъ трехъ и Барба-Михали, который еще тернитъ меня, пусть кто нибудь полюбитъ меня — для меня... и я перемирюсь!»

— Онъ такъ сказалъ?....

«Сказалъ. Ужели ты не вѣришь ему? Бѣдный Хриссо!.... Съ тѣхъ поръ, какъ мать его умерла, ни кто его не утѣшить, ни кто не приласкаетъ... все отвергаютъ его.... Какъ онъ будетъ благодаренъ тому, кто его полюбитъ.... Какъ страстно будетъ онъ любить.... Сафо!.... Какое блаженство исцѣлить его сердце!... Но, зачѣмъ я тебѣ гогорю объ немъ? Вѣдь ты не знаешь его. Однакожь, признаюсь... я иногда боюсь его.... Боже!.... какъ вспомню все то, что говорятъ объ немъ? Боюсь, боюсь....»

Зоя заплакала.

— Если бы ты знала Хрисса — съ жаромъ сказала Сафо — ты не боллась бы его. Онъ страшенъ только врагамъ, и тѣмъ, кто презираетъ его.... Но... Зоя—онъ преступный: ты не должна любить его! Вспомни притомъ, что родители твои хотятъ выдать тебя за Хортаки.... Зачѣмъ ты отворачиваешься, сестрица? Хортаки молодъ, хорошъ собою, богаты, доброй души и любить тебя до безумія....

«Ты разсуждаешь, какъ логітатосъ. Говори мнѣ сердцемъ!»

Сафо не обратила вниманіе на слова сестры своей и продолжала:

— Какъ могла ты передъ Хортаки такъ рѣзко выказать свое состраданіе къ Хриссу? Вѣдь ты глазъ не сводила со священника, когда онъ говорилъ объ немъ! Что подумаетъ Хортаки....

«Онъ подумаетъ,» безпечно отвѣчала Зоя, «то, что я ему уже десять разъ повторила мимоходомъ, что я его не люблю и любить не буду. Помилуй! Какой онъ молодой человекъ—онъ дѣвушка! Можно ли сравнить владо Хюсса съ тѣмъ паликаркомъ? Можно ли сравнить ворону съ соколомъ, лужу съ

потопомъ? О Хриссо, Хриссо! ловкій, смѣлый, отважный... Сафо! ты молчишь?... Покажи мнѣ лицо свое....»

Женщины всегда предпочитали воинствъ. Простительно, особенно Зою, которая въ Хриссо прельщалась не блескомъ, но сердцемъ мужескимъ.

— Если бы кто подслушалъ тебя — сказала Сафо— вѣрно подумалъ бы, что ты только что отчитала Эротокрита.... Оставь свои бредни, сестрица....

«Сафо! ты что-то слишкомъ разсуждаешь... Ужь не любишь ли и ты? Скажи мнѣ — кого ты любишь?....»

— Мнѣ нечего сказать, и тебѣ не совѣтую говорить другимъ того, что у тебя на сердцѣ таится.

«Какъ же онъ узнаетъ, что я его... Хриссо, кажется, и безъ того, не примѣчаетъ меня.... Досада.... Нѣтъ! я ему скажу....»

— Стыдись, Зоя, стыдись: ты дѣвушка! Никто не долженъ проникать въ твоё сердце, даже тотъ, кому ты рѣшилась отдать его.

Вдали раздался кликъ ужаса. Дѣвцы робко взглянули одна на другую, и поторопились домой.

Между тѣмъ какъ двоюродныя сестры разговаривали въ глубинѣ виноградника, далеко отъ шума толпы и безконечныхъ наставленій параманъ, посмотримъ, что происходило на террасѣ. Буйная выходка старости оскорбила большую часть изъ присутствовавшихъ. Дѣвцы, сиди неподвижно, съ потупленными глазами, чуть переводили дыханіе. Онъ жалѣли о своей подругѣ и стыдились за нее. Старики и старухи, значительно покачивая головою, негодовали на Барба-Михали. А молодые люди? — Кто знаетъ, какъ злобна ревность въ юномъ сердцѣ, тотъ не удивится, что нѣкоторые изъ нихъ были почти довольны! Отецъ Якинъ вспомнилъ обхожденіе Хриссова отца съ сыномъ своимъ и ужаснулся. Онъ рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ поговорить о томъ со старшиною, не оскорбляя его самолюбія, не возбуждая его буйства. Докторъ угрюмо понохивалъ табакъ, нашептывая себѣ подъ носъ планъ диссертации о пагубныхъ слѣдствіяхъ необразованности. Вообще веселость, казалось, безвозвратно погасла на террасѣ. Гости разсѣянно вслушивались въ пѣсни простолюдиновъ, или смотрѣли на опасные скачки удалцовъ по молодого Хюсса уже не было между ними.

Новая тревога!

— Онъ погибъ! — прокричалъ зловѣщій голосъ.

Сердца женщинъ сжались отъ ужаса.

«Кто погибъ?»

— Сынъ доктора.

Надъ моремъ возвышалась скала отвѣсною стѣною. На вершинѣ ея была гладкая поверхность. Тутъ толпились народъ, тутъ былъ домъ старинны Барба-Михали. Сынъ доктора, мальчикъ пятнадцати лѣтъ, любовался скачками молодцовъ, и чтобы лучше видѣть, онъ сталъ на камень, на самомъ краю стремнины, въ глубинѣ которой жужжала морская вода — оступился и упалъ въ пропасть.

Всѣ бросились къ лодкамъ; всѣ призывали Божию помощь; иные падъались — другіе молились за упокой погибшаго.

Изъ кипучей толпы кто-то вырывается держа надъ головой своей мальчика.

— Сюда, докторъ! — кричалъ онъ — сюда скорѣй — твой сынъ еще живъ!

«Хриссо, Хриссо проклятый!» раздается въ толпѣ.

Хриссо сажаетъ мальчика возлѣ догорающаго костра, расталкиваетъ окружающую чернь, бросается въ пропасть — и вода раздается отъ его паденія.

— Туда и дорога ему! — сказала Парамона. — Спасайте Хрисса! Спасайте его! — закричала Зол.

«Успокойся, красавица!» произнесъ страшной наружности незнакомецъ, въ матросскомъ одѣяніи — «Хриссу ли погибнуть въ волнахъ?»

— Добрый мой Хриссо — говорила отрывисто Зол — несчастный молодой человекъ!.... Ахъ! когда бы спасли его.... Да, ты не погибнешь! Мы исправимъ тебя! Не правда ли, Сафо? Ты молчишь! Сафо? И глаза твои молчатъ.... Ахъ! Хриссо мой, Хриссо мой! — Сафо! если въ тебѣ сердце? Да, да, мы исправимъ его.... Онъ будетъ нашъ — отецъ Яклиевъ намъ поможетъ!

«Посмотримъ!» произнесъ ироническій голосъ, отъ котораго обѣ дѣвочки вздрогнули. Зол съ робостью прижалась къ двоюродной сестрѣ своей. Сафо оглянулась, и увидѣла исполннаго незнакомца, удалявшагося поспѣшнымъ шагомъ...

д.

==

Ученые извѣстія.

Кромѣ лекцій г-дѣ Остроградскаго и Усова, въ теченіе нынѣшней зимы, въ С. Петербургѣ читаются еще слѣдующія публичныя лекціи:

По распоряженію Минералогическаго Общества, Академикъ Гессъ (въ залѣ Общества, на Сынной, по Большой Садовой, въ домъ Неплюева, принадлежащемъ Цыркуву, № 47) читаетъ *Органическую Химию*, по субботамъ, съ 8-ми до 10-ти часовъ. Билеты можно получать, *безденежно*, въ означенномъ домѣ у Секретаря Общества.

Въ домѣ Вольнаго Экономическаго Общества, профессоръ С. Я. Нечаевъ читаетъ *Физику*.

Въ домѣ Технологическаго Института читаются лекціи *Прикладной Механики* и *Физики*, по вторникамъ и средамъ, отъ 6½ до 8 часовъ. Предметъ сихъ чтеній о Механикѣ состоитъ въ приложеніи *общихъ началъ Механики къ теоріи и устроению разныхъ фабричныхъ машинъ*. Желая сдѣлать чтенія доступными наибольшей части слушателей, преподаватель будетъ излагать свой предметъ безъ помощи высшихъ вычисленій. Но онъ предполагаетъ въ своихъ слушателяхъ знаніе первыхъ началъ Математики и общихъ законовъ равновѣсія и движенія твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Курсъ Физики ограничится разсмотрѣніемъ *общихъ свойствъ тѣлъ и изслѣдованіемъ дѣйствій теплорода и электричества*. Къ слушанію чтеній въ Технологическомъ Институтѣ приглашаются всѣ желающіе, безъ различія пола и званія.

Комптонитъ (comptonite) принадлежалъ донынѣ къ неопредѣленнымъ минераламъ, которые извѣстны въ Минералогіи подъ именемъ *incertae sedis*. Онъ находится въ Везувійской лавѣ, смѣшанный съ *гиссондиномъ*, и въ базальтѣ, близъ Эйзенпахъ въ Саксоніи и въ Богеміи. Г-нъ Мелли разлагалъ Богемскую его породу и вывелъ слѣдующій результатъ: Silice 37,00, Alumine 31,07, Chaux 12,60, Soude 6,25, Eau 12,24, Traces de fer et perte 0,84. Въ слѣдствіе сего, онъ опредѣляетъ комптонитъ, какъ соединенный *hydro-silicate d'alumine, de chaux et de soude*, и находитъ его однороднымъ съ *Толмсонитомъ*, по анализу Гмелина.

Во Франціи, въ Дромскомъ департаментѣ, открыли богатый слой *каолина* (cornick-clay), донынѣ находимаго только въ Корнуаль, въ Англии. Изъ него дѣлается драгоценный Английскій фарфоръ на манеръ Японскаго, котораго на нѣсколько милліоновъ франковъ ввозится ежегодно во Францію, не смотря на огромную пошлину.

Въ Руанѣ, въ одномъ частномъ домѣ, отыскали надгробный камень, покрывавшій некогда гробницу славною *Агнессы Сорель*, въ Жюмьезскомъ Аббатствѣ. Вотъ надпись на немъ находящаяся: *Cy gyst noble damoiselle Agnès Seurelle, en son vivant dame de Beaulté de Roquesure. d'Issoudun et de Vernon-sur-Seine, piteuse entre toutes gens, et qui largement donnait de ses biens aux églises et aux pauvres, la quelle trépassa le IX-e jour de fevrier de l'an de grâce 1449. Priez Dieu pour l'ame d'elle. Amen.*

Въ Закатекасѣ, въ Мексикѣ, найдены пещеры съ множествомъ мумій, сидящихъ и обвернутыхъ въ тонкія ткани. Многія изъ нихъ украшены ожерельями, и тутъ же отысканы разныя оружія, утвари, и проч. — Ученый Мексиканецъ, Донъ Хозе Рамирецъ, подробно описываетъ сіе неожиданное открытіе въ Мексиканскомъ журналѣ *Cosmopolita* (4 Юля, 1838 г.).

Г-нъ Шенардъ открылъ новый минералъ, въ известковомъ слое, близъ Шигари, въ Нью-Йоркской области. Его смѣшивали донынѣ съ углекислымъ стронціаномъ (*strontiane carbonatée*). По анализу оказывается составъ его слѣдующій: *sulfate de barite 65,22, Carb. de strontiane 20,61, Carb. de chaux 14,27*. Г-нъ Шенардъ назвалъ сей новый минералъ *калостронбаритомъ* (*calstronbarite*).

Художественныя извѣстія.

Въ *Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ* помѣщены любопытныя извѣстія о началѣ созиданія великолѣпной и достопамятной церкви Христа Спасителя въ Москвѣ, памятника благочестія Александра Благословеннаго, Единому Богу воздаващаго славу побѣдъ и спасенія отечества! Послѣ Высочайшаго соизволенія на новый проектъ храма, составленный К. А. Топомъ, лично самимъ Государемъ Императоромъ избрано бы-

ло для сооруженія храма мѣсто, гдѣ находился Алексѣевскій монастырь, вблизи Кремля, и гдѣ некогда молился о побѣдѣ Авраміи Палицынъ, въ виду битвы, кипѣвшей на Замоскворѣчьи, между Хоткевичемъ и Пожарскимъ. Въ Мартѣ и Апрель сего года производилась сломка Алексѣевскаго монастыря, и до половины Юля рыли потомъ землю подъ фундаментъ, въ глубину на 15 и 18 аршинъ. Кладка его затѣмъ началась дѣлательно, но по причинѣ прочности устройства и обширности дѣла, работа можетъ кончиться не прежде, какъ въ два года, хотя для рытья фундамента употреблена была въ нынѣшнемъ году тысяча работниковъ (они вынули болѣе 10,000 куб. саж. земли), а для кладки буда болѣе 400 человекъ рабочихъ. Полагаютъ, что въ *десять лѣтъ* весь храмъ будетъ оконченъ ввернѣ. Да благословитъ Богъ начинаніе святое, и дастъ славу и честь нашему возлюбленному Монарху — украсить первопрестольный градъ знаменіемъ побѣднаго 1812 года! — При рытіи фундаментовъ найдено старое монастырское кладбище, на глубинѣ 3-хъ аршинъ, а ниже его другое, болѣе древнее, 3-мя аршинами глубже. Наконецъ на глубинѣ 9 аршинъ найдены *кости мамонта* — допотопнаго жителя страны, гдѣ нынѣ красуется древняя Русская столица! — Замѣчательныхъ надгробныхъ памятниковъ и камней не найдено; самыя древнія, уцѣлѣвшія въ землѣ надписи не старѣе XVI-го вѣка. — Изъ монетъ, вырытыхъ здѣсь, нѣсколько было Восточныхъ; одна оказалась битою въ Арменіи въ IX вѣкѣ, а другая *весьма редкая*, и до нынѣ бывшая *неизвестнаго* оріенталистамъ (бита въ 862 г. въ Хорассанѣ, при Халифѣ Мустаниѣ).

Въ Парижѣ пріѣхалъ знаменитый Баварскій живописецъ *Петръ Корнелиусъ*, одинъ изъ основателей новой Германской школы живописи. Французскіе художники встрѣтили его съ почестью и радушіемъ. Корнелиусъ родился въ 1787 году. Великое произведеніе его, огромное фреско, находящееся въ Мюнхенѣ, и представляющее *взятіе Трои*, должно называться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній нашего вѣка.

Въ Лондонѣ показываютъ *модель Ватерлооской битвы*. Она сдѣлана капитаномъ Сиборномъ, стояла ему *семь лѣтъ* труда, изумляетъ своею вѣрностью, и можетъ быть почтена чудомъ терпѣнія и рѣзнаго искусства. Величина ея 420

кварт. футовъ; каждая мелочь отдѣлана тщательно съ натуръ; 190,000 фигуръ представляютъ сражающихся, и даже дымъ изображенъ какимъ-то особымъ составомъ! — Жители Петербурга любятъ теперь мастерскимъ произведеніемъ, также напоминающимъ послѣднюю битву Наполеонову, съ той разницей, что въ немъ видятъ не рабскій кукольный сьемокъ съ дѣйствительности — любопытный, правда, но, между тѣмъ, и смѣшной — мелочную работу ремесленной копотливости! — Жителямъ Петербурга представлень, напротивъ, поэтическій образъ, въ какой облекъ великое событіе великій художникъ современный, Штейбень: мы говоримъ о картинѣ его — *Ватерлооская битва*, которую показываютъ теперь въ Петербургѣ, и о которой поговоримъ въ послѣдствіи подробнѣе.

Промышленность и торговля.

Восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ учреждено пароходство по Дунаю, и теперь оно уже производится отъ истока сей величественной рѣки до Леванта, посредствомъ 13 пароходовъ, которыхъ машины составляють вмѣстѣ силу 1,082 лошадей; изъ нихъ восемь пароходовъ ходятъ по Дунаю, а именно: между Вьною и Лищемъ пароходъ *Марія-Анна* (въ 76 силъ); между Вьною и Пестомъ *Надоръ* (въ 42 силы) и *Арпадъ* (въ 80 силъ); между Пестомъ и Дренковою *Прини* (80 силъ), *Францъ* (60 силъ); у береговъ Валахій, отъ Скепа-Кладовы до Гацаца, *Арео* (50 силъ); у Турецкихъ береговъ, отъ Гладосницы до Браилова, *Панниа* (36 силъ), и на случай пужды по всему Дунаю до Дренковы, для перевозки товаровъ и для буксирования судовъ съ грузами, *Эросъ* (140 силъ). Моремъ ходятъ слѣдующіе пароходы: отъ Браилова до Константинополя *Фердинандъ* (100 силъ); между Константинополемъ и Требизондомъ *Клеменсъ-Фюрстъ-Метернихъ* (140 силъ); *Кресцентъ* (120 силъ); отъ Константинополя до Смирны *Сталибулъ* (160 силъ); наконецъ, въ соединеніи съ послѣднимъ пароходомъ *Марія-Дорогелъ* (70 силъ), отъ Дарданеллъ до Салоникъ. Сверхъ того нынѣ строятся и будутъ готовы къ исходу осени пароходы: *Софія*, въ 60 силъ, и *Габсбургъ*, съ машиною равной силы, который будетъ желѣзный, для перваго опыта употребленія такихъ пароходовъ по Дунаю; равнымъ образомъ въ Триз-

сть стронется большой пароходъ *Эрзерумъ*, въ 120 силъ, для плаванія по морю. Пароходы отходятъ: изъ Вьны въ Лицъ черезъ каждыя 6 дней, въ Пестъ черезъ каждыя 3 дня; изъ Песта въ Дренкову каждую недѣлю; изъ Кладовы въ Гацацъ, также изъ Гладосница въ Браиловъ и изъ Браилова въ Константинополь черезъ двѣ недѣли; наконецъ изъ Константинополя можно одинъ разъ въ недѣлю отправляться въ Требизондъ, Смирну или въ Салоники на пароходахъ Дунайской Компаніи. Отправленія пароходовъ распределены такъ, что каждыя двѣ недѣли можно ѣздить изъ Вьны прямо въ Константинополь, и путь продолжается отъ 12 до 14 дней, со включеніемъ остановокъ. Путешественникъ можетъ поспѣть изъ Вьны въ Константинополь въ 10 дней, посредствомъ четырехъ пароходовъ, а именно: *Надоръ*, или *Арпадъ*, ходитъ изъ Вьны до Песта одинъ день, *Францъ*, или *Прини*, изъ Песта до Дренковы три дня, *Панниа* изъ Гладосницы до Браилова три дня, *Фердинандъ* изъ Браилова черезъ Черное море до Константинополя также три дня. Между Дренковою и Гладосницею, черезъ такъ называемыя *Желѣзные Ворота*, гдѣ не могутъ ходить пароходы, товары и пассажиры перевозятся, смотря по обстоятельствамъ, сухимъ путемъ, или водою, на меньшихъ судахъ; переправа пассажировъ продолжается 1 и 1½ дня; на всемъ остальномъ пути до Константинополя останавливаются только въ Пестъ на одинъ день, и то не всегда, и въ Браиловъ столько же времени, для перемѣщенія товаровъ и пассажировъ на морской пароходъ *Фердинандъ*. Устройство пароходовъ вообще изящно, роскошно и удобно; кровати хотя находятся только на тѣхъ пароходахъ, гдѣ есть отдѣльные, за особую плату, каюты, но вездѣ поставлены широкіе и спокойные диваны, для отдохновенія и ночлега; обѣдь хороша и недорога; за общимъ столомъ (table d'hote) платятъ съ человека въ первомъ мѣстѣ 48 крейцъ, во второмъ 56 крейцъ; можно также брать кушанья по картѣ. Плата за мѣста на морскихъ пароходахъ полагается по 1 піастру въ сутки съ каждаго пассажира, не считая расходовъ; за перевѣзъ изъ Вьны въ Константинополь въ первомъ мѣстѣ 135 флор., во второмъ 94½ флор., а обратно въ Вьну 129 и 90½ фл.; плаваніе изъ Константинополя въ Вьну продолжается отъ 18 до 20 дней, не считая карантинныхъ терминовъ, которые продолжаются болѣе или менѣе, смотря потому, сильнѣе или слабѣе чума на Востокъ. Нынѣ пасса-

жиры, слѣдующіе изъ Турціи, подвергаются десяти, а изъ Валахій пятидневному карантину. Такимъ образомъ, теперь можно со всеми удобствами совершить путешествіе изъ центра Германіи къ самымъ отдаленнымъ пунктамъ Востока, которое прежде было сопряжено съ большими опасностями и безпокойствомъ. Выгоды, доставляемыя Австрійскимъ пароходствомъ по Дунаю, должны еще увеличиться отъ присоединенія пароходовъ Баварско-Виртембергской привилегированной компаніи, которые, какъ слышно, въ скоромъ времени начнутъ свои рейсы до Ульма.

Въ Journal des Débats помѣщено слѣдующее исчисленіе пароходовъ, которые содержатъ сообщеніе въ Средиземномъ и въ Черномъ Моряхъ: 1) 17 пароходовъ Королевскаго Французскаго флота, между Тулономъ и Алжиромъ; отходятъ разъ въ недѣлю. Они принимаютъ также разныя порученія въ Левантъ. 2) 10 пароходовъ Королевскаго Французскаго управленія почтами, въ Левантъ; отходятъ каждые десять дней разъ. 3) 2 Французскіе парохода общества Базена, изъ Марсели въ Италійскія гавани; отходятъ каждые пять дней. 4) 3 Французскіе парохода общества Жерара, изъ Тулона въ Бастию (на Корсику); отходятъ два раза въ недѣлю. 5) 3 Французскіе парохода изъ Марсели въ Сеть и Агде; отходятъ два раза въ недѣлю. 6) Три Французскіе парохода изъ Марсели въ Испанскія гавани; отходятъ каждые десять дней. 7) Одинъ Французскій пароходъ изъ Корсики въ Ливорно. 8) Пять пароходовъ Королевскаго Англійскаго флота, частью изъ Гибралтара, чрезъ Мальту, въ Корфу, отходятъ въ мѣсяць два раза; частью, чрезъ Мальту въ Александрію и Бейрутъ, отходятъ разъ въ мѣсяць. 9) 6 пароходовъ Австрійскаго Общества Ллойда, частью изъ Триеста въ Константинополь, отходятъ въ двѣ недѣли разъ; частью изъ Константинополя въ Александрію. 10) 2 парохода Дунайскаго Общества, изъ Константинополя въ Салонки и Смирну; отходятъ въ недѣлю разъ. 11) 2 Греческіе парохода изъ Аѳинъ въ Сирю. 12) 2 Египетскіе парохода изъ Александріи въ Константинополь; сообщеніе еще не совсемъ устроено. 13) 2 Сардинскіе парохода, изъ гаваней Сардинскаго материка во Французскія гавани. 14) 2 Тосканскіе парохода, изъ Италійскихъ гаваней въ Марсель. 15) 2 другіе Тосканскіе парохода. 16) 2 Неа-

политанскіе парохода, изъ Неаполя въ Марсель. 17) 4 Неаполитанскіе парохода, изъ Неаполя въ Сицилію и Мальту, и изъ Неаполя въ Марсель. 18) 2 Испанскіе парохода, изъ Марсели въ Барселону. — На Черномъ Морѣ: 19) 3 Русскіе парохода изъ Одессы въ Константинополь. 20) 1 пароходъ Австрійскаго общества, изъ Константинополя, чрезъ Синопъ и Самсутъ, въ Трапезондъ. 21) 1 пароходъ Англійскаго Общества, также изъ Константинополя въ Трапезондъ. 22) 1 пароходъ Дунайскаго Общества, изъ Галаца въ Константинополь. Съ нимъ связаны пароходы, плавающіе между Галацомъ и Ввною. Французское пароходство въ Средиземномъ Морѣ есть самое обширное. — Что сказали бы герои Греціи, которые, послѣ продолжительнаго и опаснаго плаванія, достигли Троійскаго берега? чтобы подумалъ мудрый Одиссей, который употребилъ десять лѣтъ для возвращенія на Итакскую скалу, послѣ раззоренія Трои, если бы они увидѣли пароходы, которые, отплывая изъ Марсели, заходятъ десять разъ въ Италію, Мальту, Грецію и Малую Азію, и приходятъ въ тринадцатый день, въ назначенный часъ, въ Константинополь, или Александрію! На хорошемъ пароходѣ, благородный Одиссей оставилъ бы утромъ Троійскій берегъ, и не смотря на Эола и вѣтры, сидѣлъ бы у своей Пенелопы на другой день предъ захожденіемъ солнца, избавив своего сына отъ труднаго путешествія!

Изъ Лондона пишутъ: «Здѣсь образовалось новое Общество, для учрежденія пароходства по Южному Океану. Въ главѣ его находится Г. В. Вильрейтъ, который уже нѣсколько лѣтъ занимался приготовленіями къ сему предпріятію. Онъ издалъ небольшую брошюру, въ которой исчислилъ расходы, потребныя на предпріятіе, и выгоды, которыхъ можно отъ него ожидать. Расходы, состоящіе въ ежегодной уплатѣ процентовъ съ капитала, застрахованія пароходовъ, и проч., простираются до 47,326 ф. ст., а доходы до 93,390 ф. ст. Извѣстнѣйшіе Британскіе купцы въ Ливъ и Вальпараисо подтвердили расчетъ. Общество вступить въ связь съ пароходами, которые Правительство намѣрено учредить для сообщенія съ Вестъ-Индіею. Пассажиры будутъ отправляться въ Вестъ-Индію на пароходахъ Правительства, и перевѣдутъ чрезъ Панамскій Перешеекъ въ 18 и до 24 часовъ. Въ Панамѣ они сядутъ на пароходы Общества, и такимъ образомъ могутъ

достичь Каллао въ тридцать дней, между тѣмъ какъ обыкновеннымъ путемъ, вокругъ мыса Горпа, должно употребить на путешествіе около четырехъ мѣсяцевъ. При увеличивающейся важности торговыхъ сношеній съ западнымъ берегомъ Южной Америки, весьма много значить получить извѣстія оттуда тремя или четырьмя мѣсяцами ранѣе. Притомъ же, предпріятіе столь важно въ политическомъ отношеніи, что Министерство объявило себя готовымъ выдать Обществу привилегію, и вообще доставить ему необходимую защиту и всѣ преимущества. Въ брошюрѣ сказано: «Нѣтъ страны, болѣе удобной для пароходства, какъ Американскій берегъ Южнаго Океана. Расстояніе между Вальпарайсо и Лимою составляетъ около 2,500 Англійскихъ миль. Народонаселеніе береговыхъ странъ простирается до четырехъ милліоновъ. Сухопутное сообщеніе повсюду затруднительно и часто невозможно; плаваніе на парусныхъ судахъ медленно и во всякое время года невѣрно. Не смотря на то, 9,000 человекъ ежегодно совершаютъ перевязь. Берегъ открытый; многочисленныя гавани всегда доступны. Господствующіе тамъ южные вѣтры слабы и часто прерываются штилемъ; по тому, море почти всегда спокойно: обстоятельство, чрезвычайно важное для пароходства.» Предпріятіе принесетъ также большую пользу колоніямъ Австраліи. Перевязь изъ Сиднея въ Англію сократится 60-ю, или 70-ю днями. Ямайка сдѣлается складочнымъ местомъ для сѣверныхъ гаваней Великаго Океана. Юго-Американскія земли, убѣжденные въ важности сего предпріятія, дали Вильрейту десятилѣтнюю привилегію.

Между тѣмъ и во Франціи начали думать о пароходствѣ черезъ Океанъ. Въ Парижѣ составляется компанія по проекту торговаго дома В. Фусса съ братьями и к., которая предполагаетъ постоянно отправлять изъ Бордо въ Нью-Йоркъ пароходы. Каждый изъ нихъ предполагаютъ построить въ 1500 тоннъ, съ двумя машинными въ 400 силъ.

Упомянемъ о замѣчательномъ случаѣ по современному мореплаванію, который доказываетъ, до какой степени совершенства дошла нынѣ сія отрасль человѣческихъ изобрѣтеній: корабль *Томасъ Лаури*, капитанъ Булей, отправился изъ Ливерпуля 17-го Января, отвезъ грузъ въ Сингапуръ, нагружился въ Макао, поплылъ оттуда 6-го Юля, зашелъ въ Зонд-

скій проливъ, и отсюда въ 41 день достигъ острова св. Елены, а потомъ въ 34 дня пришелъ въ Дуврѣ. Все путешествіе было совершено въ 9 мѣс. 12 дней, не смотря на то, что большія препятствія полагали ему противные вѣтры и муссоны.

Къ числу проектовъ, выдуманыхъ въ Англіи, принадлежитъ учрежденіе общества предпримчивыхъ Англійскихъ, Французскихъ и Испанскихъ капиталистовъ, которое хочетъ купить у Испанскаго Правительства Филиппскіе Острова, за сумму отъ 60-ти до 80-ти милліоновъ піастровъ. Если общество будетъ дѣйствительно основано, то оно подчинится главному надзору Англійскаго Правительства, и будетъ состоять къ нему почти въ такомъ же отношеніи, какъ Остъ-Индская Компанія. Планъ кажется нѣсколько неправдоподобнымъ, по достовѣрности, что онъ уже былъ представленъ Испанскому Правительству.

Вотъ еще предпріятіе, которое уже исполнено, и доказываетъ ловкость и предпримчивость Англичанъ въ торговлѣ. В. Беккъ и компанія откупили у Короля Неаполитанскаго исключительное право разрабатывать и вывозить изъ Неаполитанскаго Королевства и Сициліи всѣ минеральныя произведенія, какъ то: земляной уголь, битомъ, квасцы, сѣру, и проч. — Королевскимъ декретомъ 24 Сентября утверждень сего договоръ, обещающій Англичанамъ огромныя выгоды.

СТАТИСТИКА И ГЕОГРАФІА.

По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ 1857 году, въ *С. Петербургѣ* умерло жителей православнаго вѣроисповѣданія 11,711 человекъ (7222 м., 4489 ж. п.). Въ томъ числѣ отъ 1-го до 5 лѣтъ 4499, отъ 20 до 25 — 1174, отъ 30 до 35 — 842, отъ 25 до 25 — 780. Не малое число было достигнувшихъ глубокой старости: отъ 60 до 65 лѣтъ 326, 65 и 70 — 197, 70 и 75 — 196, 75 и 80 — 120, 80 и 85 — 90, 85 и 90 — 24, 90 и 95 — 20, 95 и 100 — 4, и одинъ болѣе 100 лѣтъ. — Болѣзни, причинившія смерть, были главнѣйшія: *чахотка* (1969) и *горячка* (1431). Кромѣ того — *лихорадка* (410), *воспаленія* (323), *полия* (226), *поносъ* (345), *простуда*

(272). Родившихся было 11,120 (въ томъ числѣ незаконно рожденныхъ 2707). Бракомъ сочеталось 1962 пары.

Въ Москвѣ, въ 1837 году, родилось 9152 (4700 м., 4452 ж. п.); бракомъ сочеталось 1420 паръ; умерло 7967. — Замѣчательны нѣсколько человекъ изъ числа умершихъ, по долготѣ: 90 лѣтъ было 6, 91 — 3, 92 — 4, 93 — 1, 94 — 1, 95 — 3, 97 — 1, 99 — 1, и двое достигли — одинъ 110, другой — 117 лѣтъ отъ роду!

Вотъ рассчетъ и изъ него можно судить объ огромныхъ оборотахъ на Парижской Биржѣ: на ней опредѣлено 60 маклеровъ; каждый изъ нихъ платитъ за свое мѣсто и внести въ залогъ 1,200,000 франковъ, такъ, что всѣ они образуютъ капиталъ въ 72 милліона. Барыша достается имъ, по взаимно маклерскихъ денегъ (courtage), не мене 10 проц., слѣдственно 7,200,000 фр. *Шестую часть* сего барыша получаютъ они съ оборота иностранныхъ и торговыхъ фондовъ, а *пять частей* съ Французскихъ облигацій. Изъ послѣднихъ пяти-процентовыя приносятъ кругомъ 2,400,000, а трех-процентныя 3,600,000. Обыкновенно дается 25 фр. куртажа за 2500 фр. 5 проц., и 15,000 фр. 3-хъ проц. И такъ, для 2,400,000 куртажа съ 5-ю проц. облигацій, надобенъ оборотъ въ 240 милліоновъ, а для 3,600,000 съ 3-хъ проц. облигацій оборотъ въ 216 милліоновъ. Послѣдніе, по курсу 80-ти, составляютъ оборотный капиталъ въ 5,760,000,000 а первые, по курсу 110, въ 5,280,000,000. Присовокупите оборотъ 1,200,000 на иностранныя и торговые фонды по $\frac{1}{4}$ проц., для чего надобенъ капиталъ 480,000,000. Полагаютъ, что кромѣ 60-ти маклеровъ присяжныхъ (agent de change), не присяжные маклера (agens non assermentés, известные подъ техническимъ названіемъ la coulisse) приводятъ въ движеніе капиталъ *не мене пяти тысячъ милліоновъ*. Выходитъ, что Парижская Биржа оборачиваетъ ежегодно *больше шестидесяти съ половиною тысячъ милліоновъ франковъ*. Какая бездна обогащенія и раззоренія! Какой океанъ безмерный ажіотажа и спекуляцій! Не даромъ Наполеонъ терпѣть не могъ биржи и ея тонкостей и хитростей. «*Либо ей, либо мнѣ царствовать!*» говорилъ онъ, и — былъ правъ, говоря о Франціи....

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Капитанъ Дюпети-Туаръ, отправившійся изъ Тулона, въ Январѣ 1837 года, доноситъ, что обогнавъ мысъ Горнъ, и пробывши нѣсколько времени въ Калмао, 10 Июня, онъ былъ на Сапдвичевыхъ островахъ, гдѣ успѣлъ уговорить Короля не изгонять Католическихъ миссіонеровъ. Потомъ заходилъ онъ въ Камчатку, осматривалъ островъ Нунивакъ; Октябрь пробылъ въ Монтерее, отправился къ Антильскимъ островамъ, осматривалъ подробно Гваделупу, и отплылъ на зимовку въ Чили. Богатый запасъ свѣдѣній собранъ въ семь путешествій.

Другое любопытное путешествіе совершаетъ теперь капитанъ Ламасъ. Онъ посѣтилъ въ Маѣ 1837 года, островъ Мавриція; въ Августѣ былъ у Цейлана, въ Пондишери, Калькуттѣ и Мадрасѣ; въ Октябрѣ находился у Суматры, и обошелъ потомъ по Малабарскому берегу до Бомбала.

Вотъ открытія, сдѣланныя Дюмонъ-Дюрвилемъ, во время плаванія его къ южному полюсу: обширная земля, подъ 63° широты, вся покрыта льдомъ и снѣгомъ, и другая, мене и восточнѣе ея. Первая названа *землею Лудовика-Филиппа*, другая *землею Принца Жуанвилскаго*. Можно полагать, какъ пишутъ, что онъ объ составляютъ одинъ материкъ съ прежде открытыми землею Троицы и землею Грагама. Множество мелкихъ острововъ и утесовъ не допустили къ нимъ приблизиться и осмотрѣть ихъ. Отъ Шетландскихъ острововъ отдѣляетъ ихъ широкій проливъ, гдѣ видѣли множество китовъ.

Зрѣлища и Музыка.

Наконецъ, Петербургскіе любители балетовъ дождались знаменитой *Хитанъ*. 23-го Ноября данъ былъ сей петербургско-ожидаемый балетъ, гдѣ великолѣпныя декораціи и богатство и вкусъ обстановки превзошли все, что только видали мы доннынъ на Петербургской сценѣ! Билеты на ложи и кресла были задолго прежде всѣ разобраны на нѣсколько представлений. Тальони вызвали въ первое представленіе *пять* разъ.

Другая повость: прїѣздъ Цыганъ изъ Москвы, и пляски и пѣсни ихъ въ залѣ Павловскаго Воксала. Жителямъ Москвы то и другое уже давно знакомо. Но Петербургъ, кажется, дивится только своимъ гостямъ, по не можетъ еще *привкуситься* къ ихъ бышнымъ воплямъ и изступленнымъ движеніямъ. Не удивляемся. Для того, чтобы постигнуть дикую поэзію сыновъ Египта, надобно поставить себя въ особенную точку зрѣнія. Въ Москвѣ на то есть досугъ, а Петербургу нѣкогда. Но все это дѣло *второе*, а *первое* то, что жители Петербурга ѣздятъ однакожь толпами смотрѣть и слушать Цыганъ, и потомъ есть имъ случай потолковать и поговорить. Чего жъ больше?

Наконецъ еще повость: въ Петербургъ прїѣхала г-жа *Плейель*, фортепианистка, и какъ говорятъ — чудо совершенства! Ждемъ отзывовъ газетныхъ и дилеттанскихъ, но предупреждаемъ тѣхъ, кто будетъ писать, что надобно побережь немало громкія восклицанія: въ Петербургъ прїѣдетъ нынѣшнюю зимою, непременно, *Тальбергъ* — полубогъ фортепианъ, Паганини фортепианный, восьмое чудо свѣта, и что же тогда дѣлать фейлетонисту, который разсыпалъ г-жѣ Плейель все, что только въ похвалу можетъ изобрѣсть его воображеніе, и безъ того истощенное частымъ повтореніемъ одного и того же?.. Sat sapienti.

Въ Парижѣ три сценическія повости вдругъ — *три драмы*, и всѣ имѣли необыкновенный успѣхъ: *Рюи-Блазъ*, В. Гюго, *Марія Падилла*, Ансело, *Донъ Себастьянъ*, П. Фуше. Не постигаемъ принципъ успѣха, и не понимаемъ его вовсе, потому, что если отъ Ансело и Фуше, мы и не ждали ничего добраго, но Гюго — великій Гюго! Такой нелѣпости, какую написалъ онъ, ожидать было невозможно. Мы поговоримъ о новой его драмѣ подробнѣе.

Гораздо утѣшительнѣе слѣдующая повость: Анастасъ Андре, капельмейстеръ князя Эстергази, купившій у вдовы Модарта бумаги ея мужа, отыскалъ и разобралъ въ нихъ полную Итальянскую оперу, подъ названіемъ *Заида*. Говорятъ, что она гениальное, великое созданіе. Заида теперь печатается, съ отчетомъ издателя объ его трудѣ и о бумагахъ Модарта.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Спѣшимъ извѣстить о новомъ трудѣ нашего почтеннаго хинезиста, О. Якинова, трудъ огромномъ, въ которомъ принимають участіе и другіе знатоки Китайскаго языка, находящіяся нынѣ въ Петербургѣ. При благотворномъ пособіи и покровительствѣ нашего просвѣщеннаго правительства, О. Якиновъ началъ составленіе *полиго Китайскаго Словаря*. Онъ будетъ состоять изъ нѣсколькихъ огромныхъ томовъ; Китайскій текстъ въ немъ будетъ тщательно литографированъ, а Русскій и Французскій тексты, ибо изъясненіе словъ предполагается на двухъ языкахъ, отпечатаны. Кто не пожелаетъ полнаго успѣха нашему почтенному ученому, который рѣшается посвятить нѣсколько лѣтъ тяжкому труду! Но сей трудъ положить твердыя основанія изученію Китайскаго языка для Европейцовъ, и Европа будетъ одолжена тѣмъ дарованію Русскому и просвѣщенной щедрости нашего Правительства.

Мы имѣли случай видѣть богатое изданіе гравюръ, изображающихъ извѣстныя всѣмъ образованнымъ соотечественникамъ медали графа Ф. П. Толстаго. Гравюры сдѣланы нашимъ Русскимъ художникомъ, который былъ нарочно посланъ въ Англію отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для изученія тамъ *выпуклаго* гравированія. Нельзя было достойнѣе сдѣлать перваго опыта сего рода гравировки въ Россіи, какъ передавая публикѣ посредствомъ его превосходнаго произведенія нашего славнаго медальера. Не вѣрите глазамъ своимъ, что передъ вами *булава* и *гравюра*, а не настоящая *выпуклая медаль*! Мы особенно поговоримъ о книгѣ и самой *выпуклой* гравировкѣ съ нашими читателями, а теперь не можемъ не прибавить, что какъ введеніемъ выпуклаго гравированія въ Россію, такъ и идеею — передать посредствомъ его медали графа Толстаго, обязаны мы знаменитому покровителю всѣхъ начинаній полезныхъ, г-ну Министру Народнаго Просвѣщенія, С. С. Уварову.

Приготовляется богатое изданіе путешествія въ Грецію, В. П. Давыдова. Рисунки къ нему дѣлаются отчасти въ Петербургѣ, отчасти въ Парижѣ. Изданіе будетъ великолѣпно, и станетъ на ряду съ лучшими сего рода живописными иностраннѣйшими изданіями.

Кстати о путешествіяхъ. На дняхъ выйдутъ *Путесвія пис-*

ла изъ Англіи, Германіи и Франціи, Н. И. Греча, въ трехъ частяхъ. Читатели знаютъ уже ихъ по отрывкамъ въ Свѣ. Пчелѣ и С. О. — Предвѣщаемъ имъ чтеніе пріятное, увлекательное по множеству остроумныхъ замѣчаній и прекрасному разсказу. Особенное вниманіе заслуживаетъ также отчетъ о техническихъ и ремесленныхъ училищахъ, который были осмотры г-мъ Гречемъ за границую, по желанію г-на Министра Финансовъ.

Только что получили мы альманахъ г-на Владиславева. Объ излщпомъ внутреннемъ его достоинствѣ будетъ рѣчь въ слѣд. книжкѣ, а теперь скажемъ только о *наружной* прелести его — что за картинки! верхъ совершенства кипсековой гравировки, и особливо гравюра съ картины г-на Брюни (молящійся Спаситель). *Утренняя Заря* не уступитъ лучшимъ Англійскимъ *кипсекамъ*, и образуетъ собою *зарю*, предвѣщающую начало роскошныхъ изданій альманаховъ въ Россіи.

Вотъ въ слѣдъ за нимъ, уже и является *великолюпытный* альманахъ А. Ф. Смирдина — *Сто Русскихъ Литераторовъ*. Издатель обещаетъ выдать его къ новому году. Текстъ готовъ; ждуть только высылки остальныхъ картинокъ изъ Англій.

Не можемъ не упомянуть о новомъ полезномъ предпріятіи А. Ф. Смирдина: онъ печатаетъ, *вновь составленные*, отличные лексикографомъ нашимъ, Е. И. Ольдекопомъ, *Французско-Русскій и Русско-Французскій* Словари. Изданіе будетъ въ небольшую восьмушку, отменно красивое, мелкимъ, по четкимъ шрифтомъ, въ три колонны, и не смотря на *полную фразеологию*, составитъ только два небольшихъ тома, самаго удобнаго формата. Въ Русской литературѣ ничего еще не было по части словарей столь хорошо и добросовѣстно составленнаго, столь красиво напечатаннаго, а при томъ — и столь дешеваго. Оба тома будутъ стоить, если не ошибаеся — *десять рублей!*

А. Ф. Смирдинъ печатаетъ еще новое сочиненіе почтеннаго историка 1812 года, Д. П. Бутурлина, о смутномъ времени въ Россіи 1612 года. Книга выйдетъ къ новому году, и конечно обратитъ на себя вниманіе важностью предмета и достоинствомъ изложенія.

А. А. Плюшаръ обещаетъ нѣсколько новыхъ, превосходныхъ новостей: онъ издаетъ составленное Эйрисомъ *Путешествіе въ Азію и Африку*, и Дорбиньи *Путешествіе въ обѣ*

Америки. Та и другая книги могутъ назваться продолженіемъ путешествія, изданнаго Дюмонъ-Дюрвилемъ, ибо редакторы ихъ приняли вполне планъ Д. Д., и приложили точно такія же, какъ у него, карты и картинки. Описанія составлены мастерски. Г-нъ Плюшаръ выписалъ оттиски картинокъ изъ Парижа, и желалъ, чтобы сочиненія Эйриса и Дорбиньи составили *продолженіе* къ Петербургскому и Московскому переводамъ Дюмонъ-Дюрвилевской книги, столь благосклонно принятой въ Россіи, издаетъ ихъ въ четверку и въ восьмушку. Такимъ образомъ Русскіе читатели будутъ имѣть прекрасную, занимательную, живописную исторію путешествій по Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Океаніи, или Географическо-Историческую Энциклопедію всѣхъ означенныхъ частей свѣта. Цѣна обѣихъ книгъ, не смотря на множество картинокъ и красоту изданія — не постижимо дешева, что для многихъ достоинство не маловажное, да и для многихъ ли читателей услуга *дорогая книга!*

Кромѣ того, г-нъ Плюшаръ продолжаетъ своего роскошнаго *Донъ-Кихота*, и издаетъ еще *Волшебныя Сказки*, съ Французскими, премилыми и презабавными политипажамъ. Текстъ сказокъ при переводѣ исправленъ и передѣланъ. Вотъ, можно сказать, *волшебное* средство заставить дѣтей читать!

Въ Январѣ обещаютъ намъ первый томъ *Библиотеки коллегіальныхъ знаній*. Каждый годъ будутъ издаваться по три и болѣе томовъ (отъ 500 до 700 стр.), и все сочиненіе кончится въ три года. Мы уже говорили о семъ предпріятіи, одномъ изъ полезнѣйшихъ въ настоящее время.

Но вотъ еще новалъ бібліотека, совсемъ другаго рода: не любопытно ли вамъ читать *все, что только новаго является на Петербургскомъ и Московскомъ театрѣ!* Жителю столицы повѣрить свои сценическія впечатлѣнія; жителю провинціи знать, что восхищаетъ, заставляетъ плакать и смѣяться жителей столицы, и все тотчасъ, немедленно послѣ явленія на сцену, по почтѣ? И. П. Песоцкій беретъ на себя всю комиссію для удовольствія вашего, и вотъ какъ: онъ издаетъ съ новаго года *Репертуаръ Русскаго театра* — выборъ всего *новаго и лучшаго*, имѣвшаго успѣхъ на сценѣ; будетъ выдавать ежемесячно по книжкѣ, гдѣ будутъ помѣщаться всѣ новыя, оригинальныя и переводныя трагедіи, комедіи, драмы, водевилы, оперы. Кукольникъ, Ободовскій, Кони, Ленскій, Каратыгинъ, Федоровъ, Коровкинъ, Григорьевъ, Полевой пришли

участіе въ его изданіи. Но кромѣ того — въ *Репертуаръ* будутъ еще отчеты о спектакляхъ, біографіи, портреты антографированные въ Парижѣ, и все это роскошно изданное, въ прелестной оберткѣ, и за все — съ пересылкою въ города и съ доставкою на домъ въ Петербургъ платится *пятнадцать* рублей! — Въ первой книжкѣ *Репертуара* помѣстятся трагедіи: *Заколдованный домъ* (гдѣ такъ чудно хорошо нашъ Каратыгинъ въ роль Людовика XI-го) и въ добавокъ премиленькій водевилъ. Мы предвѣщаемъ предпріятію г-на Песоцкаго большой успѣхъ и нѣсколько тысячъ подписчиковъ.

Не помнимъ *гдѣ-то* было напечатано, будто въ Москвѣ хотѣтъ издавать новый Энциклопедическій Словарь, и что для того составилось какое-то общество ученыхъ. Намъ увѣдомляютъ изъ Москвы, что тамъ никто о подобномъ Словарѣ не думалъ, и ни о какомъ ученномъ обществѣ для изданія Словаря тамъ не слыхивали. Москвичи не понимаютъ, кто передать Петербургу такія извѣстія, и удивляются, что Петербургъ вѣрнѣ незнающему выдумщику подобныхъ вѣстей.

Теперь надобно бы поговорить о *журналахъ* на новый годъ, но — до будущей книжки, Мм. Гг., не все же новости высказать вдругъ!

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Мы виноваты передъ читателями нашими: отдѣленіе, гдѣ мы желали бы передавать имъ краткія извѣстія о важнѣйшихъ явленіяхъ иностранныхъ литературъ, до сихъ поръ не приведено у насъ въ систему и весьма недостаточно. Обѣщаемъ исправиться, и съ поваго года увѣдомлять ихъ постоянно обо всемъ, что только явится замѣчательнаго въ литературахъ иностранныхъ. На сей разъ скажемъ мимоходомъ о книгахъ, которыя мы уже видали въ Петербургскихъ книжныхъ лавкахъ, и можемъ рекомендовать, какъ чтеніе полезное, занимательное, или любопытное.

Théâtre Chinois, изданный въ Парижѣ Базеномъ, весьма любопытенъ, какъ образчикъ Китайской драматической литературы. — Особенно замѣчательна книга: *Les origines du théâtre moderne*, соч. Маньена (Magnin), гдѣ въ повомъ свѣтѣ показываются начало и исторія театра у Грековъ. — Марриета новый романъ: *Ardent Troughton* — рекомендуемъ

для охотниковъ до морскихъ романовъ, но мы, признаемъ, не любимъ, ни Марриета, ни рода его писанья. — За то советуемъ охотникамъ посвятить прочесть Диккенсовъ: *Le club de Pickwistes* — презабавная и преострая насмѣшка надъ современными Англійскими нравами. — Изъ полученныхъ Англійскихъ альманаховъ особенно превосходны по картинкамъ: *The Oriental Portfolio, Landskap Annual, The Oriental annual*, но читать въ нихъ нечего. — Очень мило изданіе Гулливера съ политажными картинками (*Vo-yages de Gulliver, nouv. édition, illustré par Granville*). — Но любителямъ дорогихъ и великолѣпныхъ изданій, порекомендуемъ новую книгу, которая драгоценна для насъ и по самому предмету своему: *Музей рѣдкихъ, древнихъ и Восточныхъ оружій* Е. И. В. Императора *Восроссійскаго* (*Musée des armes rares, anciennes et orientales, de Sa Majesté l'empereur de toutes les Russies*). Она издается въ Карлсруэ, въ малый листъ, выходитъ тетрадами, и содержитъ въ себѣ описаніе драгоценнаго Царскосельскаго оружейнаго Музея. Всего будетъ до 25 тетрадей, и каждая продается по 10 рублей, а на лучшей бумагѣ по 15 рублей. — Въ С. О. помѣстимъ мы подробную статью, какъ о книгѣ, такъ и о самомъ Музее, который составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ достопамятностей Петербурга, а между тѣмъ весьма мало извѣстенъ, и едва ли кѣмъ былъ описанъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Кто-то, на досугъ, исчислилъ, что съ 1830 года, Французскіе журналисты заплатили по суду пенн — 874,000 франковъ. А все еще не отбили у нихъ охоты шалить!

Число всѣхъ публичныхъ библиотекъ во Франціи простирается до 273-хъ, а число томовъ въ нихъ — около *пяти миллионовъ*. Есть что почитать! Писль Парижскихъ, главнѣйшая библиотека въ Лионѣ — 120,000 томовъ. За тѣмъ въ Бордо — 110,000, Э 75,000, Безансонъ 55,000, Манъ 45,000, Труа 50,000, Версали и Амьенъ по 40,000.

Говорятъ, что въ Англии дорого путешествовать. Въ доказательство противнаго, одинъ путешественникъ пишетъ, что онъ очень удобно проѣхалъ изъ Пейслея въ Шотландію до

Лондона, то есть, 400 миль (больше 600 верстѣ), за 12 шилл. 5 ден. (Шиллингъ стоитъ 29 коп. серебромъ), а именно:

Отъ Пейсаея до Глазгова, дилиж.	9 ш.	—
« Глазгова въ Единбургъ, «	6 ш.	—
« Лейта до Гуля, пароходъ.	3 «	—
« Гуля до Лондона «	2 «	6
	12 «	5 «

Можно было бы сберечь еще 2 ш. 9 д., если бы до Глазгова плыть каналомъ, что не медленнѣе дилижанса.

Открытие статуи Рике въ Безе сопровождалось мѣстнымъ праздникомъ, называемымъ *caritach*. Онъ состоялъ въ маскерадномъ торжественномъ поѣздѣ по городу. Послѣ отряда драгуновъ, впереди всѣхъ ѣхалъ, такъ называемый, *верблюдъ* — огромная фигура звѣря, которая шевелится, и напоминаетъ зрителямъ древнее преданіе, будто Св. Аферодитъ, покровитель Безе, прѣѣхалъ туда на верблюдъ. За тѣмъ слѣдовали тѣлги разныхъ цеховъ, и на каждой работницы занимались своимъ ремесломъ: кузнецы ковали, водочные мастера гнали водку, портные шили платье, пирожники пекли пирожки и бросали ихъ въ народъ, типографчики печатали стихи, и также раскидывали ихъ, садовники и огородники собирали плоды и овощи и перекидывались ими, и проч. — Потомъ явились дѣвухи и плясали дорогою національный тапець, называемый *рышетки* (*des treilles*). Шествіе заключалось всадниками и открытыми экипажами. При появленіи ихъ, изъ оконъ по домамъ, гдѣ сидѣли разряженныя дамы, начали кидать конфеты; изъ колясокъ отвѣчали тѣмъ же. Дождь конфетовъ сыпался на народъ, при всеобщемъ крикѣ, шумѣ и хохотѣ. Полагаютъ, что въ день праздника разбросано было такимъ образомъ конфетовъ на 15,000 франковъ. Всѣ городскіе кондитеры заготовили ихъ горы, и все было раскуплено и разбросано.

Октября 26-го, близъ Монса въ Бельгій взорвало пороховой заводъ. Больше 50 человекъ рабочихъ на заводѣ убито. Жители Монса были въ ужасѣ, но вреда имъ не причинило; только улицы засыпало сажеею и наполнило дымомъ. Передъ самымъ взрывомъ, мимо завода успѣлъ проѣхать благополучно дилижансъ!

Пароходъ *Орель*, построенный въ Англій, для плаванія по Эльбѣ, во время жестокой бури, утонулъ близъ Амелаанда 26-го Октября. Экипажъ спасенъ.

Служащій въ Департаментѣ Корабельныхъ Лѣсовъ столоначальникомъ, чиновникъ 9-го класса *Эфировъ*, проходя съ женою на Петербургской сторонѣ, по берегу Большой Невки, близъ Петровскихъ казармъ, увидѣлъ утопавшаго несовершеннолѣтняго сына Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Фурштатской команды офицера Долгова. Не смотря на жестокую простуду, отъ которой *Эфировъ* страдалъ уже нѣсколькими днями, онъ бросился въ воду, на глубинѣ трехъ сажень и съ опасностію собственной жизни, спасъ утопавшаго. Государь Императоръ Высочайше изволилъ наградить 9 класса *Эфирова*, за вышеозначенный подвигъ, золотою медалью, съ надписью: *за спасеніе погубившихъ*, для пощенія въ петлицѣ на Владимирской лентѣ.

Многіе продавцы лошадей въ Парижъ ввели въ употребленіе особаго устройства сѣдла, которыя позволяютъ всаднику не имѣть ни шпоръ, ни хлыста. Посредствомъ легкаго давления на переднюю часть сѣдла, побуждаютъ лошадь къ скорѣйшему бѣгу, или укрощаютъ ее. Изобрѣтатель Англичанинъ, который уже пятьдесятъ лѣтъ ѣздитъ верхомъ въ стиблетахъ и безъ шпоръ. Ему не встрѣчалась ни одна лошадь, которую онъ не могъ бы владѣть помощью изобрѣтеннаго имъ средства.

Въ теченіе прошлаго Октября проѣхало по желѣзной дорогѣ пассажировъ: между С. Петербургомъ и Царскимъ Селомъ 44,901 и между Павловскомъ и Царскимъ Селомъ 4911. Сборъ простирался до 59,887 руб. 30 коп.

Нѣсколько опытовъ, произведенныхъ въ разныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края надъ буреніемъ Артезіанскихъ колодезей, донесли не достигали еще вполне своей цѣли. Наконецъ труды отставнаго инженеръ-маіора, *Гаюи*, управлявшаго работами Артезіанскаго колодца въ Эвпаторіи, увѣщались въ концѣ минуващаго мѣсяца полнымъ и самымъ удовлетворительнымъ успѣхомъ.

Эвпаторійскій Артезіанскій колодезь находится на базар-

ной площади, въ разстояніи 42-хъ сажень, или 294-хъ Русскихъ футовъ, отъ морскаго берега, и на 12-ть футовъ 8 дюймовъ выше поверхности моря. Мѣдная труба, тщательно спаяна, входитъ въ колодезь на 410 футовъ ниже поверхности почвы; внутренний поперечникъ ея равняется $4\frac{1}{2}$ дюймамъ. На глубинѣ 399 футовъ и 8-ми дюймовъ находится твердый известковый слой, и потому мѣдная труба входитъ въ него только на 10-ть футовъ и 4 дюйма. Въ семь грунтовъ найдено три слоя воды: первый, на глубинѣ 418-ти футовъ, имѣетъ 6 дюймовъ въ толщину, второй на глубинѣ 425-ти футовъ, толщиною въ 3 фута, а третій, самый значительный, находится въ 465-ти футахъ ниже поверхности почвы въ кремнистомъ пескѣ. Толща воды, подобная встрѣченной въ третьемъ слой, попадаетъ весьма рѣдко; въ нее вошли было на нѣсколько футовъ, но чрезвычайная подвижность песковъ не дозволила продолжать дальнѣйшаго углубленія бурава; впрочемъ, оно и не принесло бы особенной пользы, потому, что вода, силою собственного стремленія, измѣкаетъ песокъ въ достаточномъ количествѣ. Вода источника замѣчательна своимъ отличнымъ качествомъ; она *бьетъ на 3 фута надъ поверхностью земли*, и доставляетъ 450-ть сорока-ведерныхъ бочекъ въ сутки. Можно надѣяться, что количество воды увеличится еще въ послѣдствіи времени, потому что масса песку, паносимаго потокомъ воды, весьма значительна. Вотъ первый въ Новороссійскомъ краѣ Артезіанскій колодезь, бьющій на такую высоту. Значительное возвышеніе подземнаго потока надъ поверхностью почвы даетъ возможность устроить на Эвиаторійскомъ базарѣ настольщій фонтанъ.

Въ ведомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ работы по устройству Артезіанскихъ колодезевъ производятся: въ Астрахани, Казани, Оренбургѣ, Ростовѣ (Ярославской губерніи), Сарептѣ и Тамбовѣ. Казанскія работы, подъ руководствомъ механика Университета *Нелъ*, открыты еще въ 1832 году, и постоянно продолжались на одномъ и томъ же мѣстѣ, до глубины 64 сажень. При началѣ буренія употреблено было сверло шириною въ $4\frac{1}{2}$ вершка; разныя непредвидимыя препятствія, происходящія отъ расположенія слоевъ земли, затруднительныхъ для производства работъ, требовали опущенія желѣзныхъ трубъ, вставляемыхъ одна въ другую; отъ того отверстіе буровой скважины уменьшилось наконецъ до

$1\frac{1}{2}$ вершка въ діаметръ, и работы отъ тяжести и трепія бурава, при столь маломъ отверстіи и на такой значительной глубинѣ, сдѣланы безуспѣшными. Хотя присутствіе Артезіанскихъ водъ не всегда можно угадать по однимъ геологическимъ признакамъ; однакожъ, судя по описанію встрѣтившихся грунтовъ, и сравненію оныхъ съ известными примѣрами глубокихъ сверленій въ другихъ мѣстахъ, надлежитъ съ достовѣрностію предполагать, что въ такомъ способѣ снабженія водою заключается для Казани источникъ столь необходимого продовольствія, наиболее надежный. Русскіе солонваренные заводы представляютъ многіе примѣры успѣшнаго достиженія цѣли въ предпріятіи, при весьма значительной глубинѣ. Въ послѣднее время, на Ледепскомъ казенномъ солонваренномъ заводѣ (Вологодской губерніи), разсолъ поднимается стремительно, нѣсколькими футами выше буровой скважины, въ одномъ мѣстѣ — при глубинѣ 105 $\frac{1}{2}$, а въ другомъ — при 116 саженьяхъ. Издержки, употребленныя досель въ Казани, простираются до 15,000 руб. Въ постоянномъ попеченіи о благоданнанныхъ, Его Императорскому Величеству благоудно было соизволить на ассигнованіе новой суммы 10,000 руб., для производства подобныхъ же работъ въ Казани на другомъ мѣстѣ.

31-го Октября, въ день празднества Реформаціи, происходило въ Санктпетербургѣ освященіе новой Евангелической Лютеранской церкви Св. Петра. Церковь сія, устроенная въ 1704 году, въ домѣ Адмирала Крюйса, на набережной, неподалеку отъ Зимняго Дворца, выстроена была, въ царствованіе Императора Петра II на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ. Она существовала около ста лѣтъ, и по ветхости своей, сломана была за шесть лѣтъ предъ симъ. Новый великолѣпный храмъ воздвигнутъ попеченіемъ покойнаго генерала Графа Оппермана, по планамъ и подъ распоряженіемъ профессора Архитектуры, Александра Павловича Брюлова, каменнымъ мастеромъ Цоликоферомъ. Снаружи имѣетъ онъ видъ готической церкви; внутри выведены смѣлыми стрѣльчатыми сводами, имѣетъ три ряда галлерей, можетъ помѣстить въ себѣ слишкомъ четыре тысячи человѣкъ, и устроенъ весьма искусно и удачно въ акустическомъ отношеніи, что въ храмѣ Протестантскомъ есть главное. Вообще, едва ли есть въ Европѣ Протестантская церковь, изъ по-

строенныхъ въ новыя времена, которая могла бы сравниться съ симъ храмомъ огромностію, величіемъ и изяществомъ. Главное украшеніе его составляетъ запрестольный образъ Распятія Господа Иисуса Христа — превосходнѣйшее произведеніе Карла Павловича Брюлова. — Къ торжеству освященія храма присбедино было и другое: празднованіе двадцатипятилѣтняго служенія при сей церкви старшаго пастора оной, Вице-Президента Лютеранской Генеральной Консистеріи, доктора Фольборта. День сей ознаменованъ былъ, сверхъ того, положеніемъ основанія учрежденію при церкви Дѣвичьяго Сиротскаго Дома.

Въ Аграмской политической газетѣ помѣщено слѣдующее письмо съ Сербской границы, отъ 1-го Нолбря: «Князь Милошъ оказалъ новую услугу своему народу. Онъ основалъ въ столицѣ своей, Крагуевацѣ, лицей для Сербскаго юношества, и назначилъ на содержаніе его значительныя суммы, а на основаніе 100,000 левовъ. Тѣ изъ студентовъ, которые не имѣютъ состоянія и отличаются своими способностями, будутъ воспитываемы на казенный счетъ. Магнаты послѣдовали примѣру Князя, и еще увеличили сумму, опредѣленную на основаніе сего заведенія. Ректоромъ лицея назначенъ Г. Д. Излсавичъ, членъ Министерства Просвѣщенія, извѣстный Сербскій литераторъ. Надѣются, что сіе заведеніе будетъ процвѣтать подъ управленіемъ столь достойнаго и дѣятельнаго мужа.»

Этна свирѣпствуетъ—изверженія ея продолжаютъ непрерывно и усиливаются. Лава течетъ на южный скатъ горы, хлещетъ огненными каскадами черезъ утесы и обращается къ долинь del Vuc. Иногда камни затмѣваютъ воздухъ, а иногда выкидываются рѣдко; въ первомъ случаѣ волна въ глухо стонетъ, а въ другомъ удары его столь сильны, что слышны въ Мессинѣ. Сентября 29-го было тамъ сильное землетрясеніе. Оношло отъ Этны.—Въ концѣ Октября на берегахъ Шлезвига была страшная буря; волнами отбило и сбросило въ море огромную скалу отъ острова Гелголанда, которую называли *Монихоли*. — Ночью на 8-е Октября была сильная буря въ Ригѣ, причинившая много опустошеній. — Въ Севастополь въ тоже время шли дожди, съ градомъ и

снѣгомъ. Съверналъ Двина въ Архангельскъ стала 9-го Нолбря, а 12-го стали Нарова и Западная Двина.

Императоръ Австрійскій велѣлъ поставить въ Венеціи памятникъ Тициану. — Въ Берлинѣ собираютъ по подпискѣ деньги на памятникъ Юргенсону, изобрѣтателю самопрѣлки, жившему въ XVI-мъ вѣкѣ. — За то въ Италиі хотѣтъ поставить памятникъ — пѣвцу Малибранъ!

Г-нъ Миолнсъ, епископъ Диньскій (*évêque de Digne*), по старости лѣтъ и слабости здоровья, принужденъ былъ оставить свою паству, которою управлялъ 32 года. Вся жизнь его была посвящена добру. Передъ отъѣздомъ въ Э, гдѣ поселился онъ у своей доброй сестры, онъ раздалъ все, что у него было, бѣднымъ. Вся мебель и все вещи, которыя оставилъ онъ себѣ, укалалъ на одной телегѣ. И того казалось ему слишкомъ много. «Что скажутъ, Боже мой!» говорилъ онъ, «жители Э, когда увидятъ столько мебели» (*Mon Dieu! que vont dire les habitans d'Aix en voyant arriver tant de meubles!*). — Но и у самаго бѣднаго священника бываетъ больше, при переводѣ изъ прихода въ приходъ — сказали ему. — «То у священника, по епископъ долженъ подавать другимъ примѣръ (*Sans doute, je comprends cela pour un vicaire, mais un évêque doit donner le bon exemple*)» — возразилъ добродѣтельный архипастырь. — Въ Лиссабонскомъ архивѣ нашли росписки Камозиса, изъ которыхъ видно, что поэту давали пенсію по 1500 реаловъ (около 375 рублей) въ годъ. «Слѣдственно, Камозисъ не могъ жаловаться, что умираетъ съ голода,» замѣчаютъ въ одномъ журналѣ. Онъ и не жаловался на то. Пенсіи доставало ему откупать уголокъ въ больницѣ, и можетъ быть, платитъ даже за лекарства, но кромѣ того, вѣроятно не было уже у Камозиса остатковъ на какія нибудь прихоти. — Въ Вѣнѣ умерла старушка Елисавета Эрнестина Талеръ, на 116 году. Она была служанкою въ одномъ домѣ, и служила въ немъ съ 1733 года, то есть, *сто пять лѣтъ*, тремъ поколѣніямъ хозяевъ. До самой смерти сохраняла она разсудокъ и веселость. — Странный обычай продавать женъ сохраняется Англійскими обычаями, и недавно въ Гуль, мужъ продалъ жену свою какому-то покупателю за 2 ф. ст. (50 рублей); послѣ чего купившій обвиняетъ.

чался съ нею. Надобно знать, что такая продажа сопровождается самымъ униженнымъ обрядомъ: мужъ ведетъ жену на рынокъ, привязавъ ей на шею веревку, и при всемъ народѣ кричитъ объ ея продажѣ. Впрочемъ, можетъ быть, и не въ одной Англiи нашлись бы охотницы быть даже и такъ проданными, и охотники продавать, а другіе покупать такимъ образомъ женъ. — Въ Парижѣ начался теперь странный процессъ: какой-то шалунъ безпрестанно писалъ письма къ какому-то скупцу, о сущемъ вздорѣ; скупецъ принужденъ былъ платить за письма, приходилъ въ отчаяніе, и рѣшился жаловаться въ раззореніи и убыткахъ, какія причиняетъ ему злая шалость насмѣшника. — Но вотъ процессъ еще забавнѣе: извѣстный писатель Французскій, Павелъ Мюссе, вздумалъ тягаться за покражу у него — чего бы вы думали? — *мыслей!* Да, именно, и вотъ какъ дѣло происходитъ: при непрерывной потребности въ водевиляхъ, Парижскіе водевилисты все передѣлываютъ въ водевили. Они передѣлывали въ водевили повѣсти г-на Павла Мюссе, какъ повѣсти всѣхъ другихъ. Въ *Revue de Paris* была напечатана повѣсть Мюссе: *Monsieur de Caulin*. Два водевилящика скропали изъ нея водевилячка, который весьма удался, и Мюссе неожиданно потребовалъ себѣ части барышей, какъ сотрудникъ въ водевилѣ. Водевиляшки ссылались, что они воспользовались правомъ, предоставленнымъ всякому — передѣлывать повѣсти въ водевили. Мюссе подалъ на нихъ жалобу... Признаемся: отвратительно даже слышать о такой подлой литературной меркантильности... И это *литераторы!* И отъ нихъ ждать добра?.. Любопытно знать теперь рѣшеніе суда. Ему принадлежитъ важное дѣло: опредѣлить мѣру вліянія сюжета на успѣхъ водевиля и мѣру платежа за такое вліяніе. — Догадуются ли другіе водевилисты сочинить изъ процесса г-на Мюссе водевилъ; его требованіе достойно выставки на смѣхъ и хохотъ нѣсколькихъ тысячъ зрителей. Эпиграмма — самая лучшая расплата въ такихъ дѣлахъ, а иногда бываетъ она тяжелѣе нощечины, которой нной негоднѣй не стоитъ. Клеймите его насмѣшкой...

T. 6.

1.2Kq.

XX 438
1

802-11
225

СТИХОТВОРЕНІЯ.

~~235~~
64

ЛУЦІО.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ОТРЫВОКЪ.

СЦЕНА I.

Мастерская. Около стѣны нѣсколько неконченныхъ картинъ; на право работаетъ Луціо; возлѣ него разложены краски и кисти.

Луціо.

Зачѣмъ нашъ духъ всегда въ борьбѣ ужасной
Съ тѣломъ? Зачѣмъ, изъ міра темнаго, всегда
Умомъ паримъ мы къ небесамъ далекимъ?
Какъ намъ постичь законовъ Божьихъ
Чудесное значенье?....
Нашъ черепъ малъ; въ груди нѣтъ воли чувству;
Мысль рвется къ облакамъ, а мы грыземъ окопы,
Не разгадавъ творенья дивный смыслъ!
О море! такъ и ты, въ утробѣ затанувъ
Мысль черную, до времени молчишь,
Но вотъ глаголь небесъ — раскатъ громовъ,
Вотъ Божій перстъ чертитъ алой узоръ
На горахъ тучъ — трепещетъ цѣлый міръ!
Еще ударъ и буйный вѣтръ завылъ,
Проснулась хлябь, шатромъ нависла мгла,
Волна тѣснить волну, клубится пѣна,
Гордится валъ одинъ передъ другимъ

Кейт
Нячине

И берега скорвей достигнуть хочеть,
 Чтобь первому взойти на приступ грозный
 И первому надеть впець побѣдный;
 Вотъ двѣ волны сошлись, начался бой,
 Кипяць, ревуць и рвутся къ облакамъ —
 Но вдругъ ударъ! Межь грозныхъ тучъ сверкнулъ
 Огонь, обильнъ змѣей измученныхъ бойцовъ,
 И водянымъ столбомъ помчалъ въ чертогъ эирный!
 Помчалъ — но не домчать до свода голубаго —
 Таковъ завѣтъ Творца, и съ воплемъ грозный столбъ
 Въ пучину низпадетъ!
 Все кончено! Такъ намъ пельзл у неба,
 Какъ нищимъ вымоинть его высокихъ тайнъ!...
 Зачьмъ же жизнь? Зачьмъ гублю я время,
 И краски мертвыя кладу на полотно?
 Зачьмъ? А Рафаэль — моя святыня,
 Ты высказалъ въ Мадонѣ все! А мы,
 Безумные, прочесть не можемъ....
 Вотъ двадцать лѣтъ — ужасно и подумать —
 Ползу, какъ червь, искусства не подвинувъ
 И тайнъ его не разгадавъ.
 Вся наша жизнь — простая драма,
 А мы — не больше, какъ актеры;
 Тотъ Моцартъ, тотъ Наполеонъ,
 Тотъ Гильдебрандъ, тотъ глупый шутъ придворный;
 Иной постигъ, иной не понялъ роли...
 А все живутъ. Другой бѣднякъ ошибся
 И не свою взялъ роль...
 Смѣшно и больно!..

СЦЕНА II.

Луцио и Джаково.

Джаково.

Ну, полно, Луцио, пора вѣдь перестать!
 Чуть свѣтъ, а ты за кисть, и до сихъ поръ,
 Какъ вкопанный, сидишь. Пойдемъ въ соборъ.

Луцио.

Въ соборъ?

Джаково.

Пойдемъ! Сегодня праздникъ.

Луцио.

Я не могу.

Сегодня графъ Алфери
 Хотѣлъ ко мнѣ здѣхать,
 И взять портретъ, а онъ еще не конченъ.
 Притомъ, ты знаешь вѣдь, Джаково,
 Я не изъ тѣхъ, которые съ утра
 До вечера твердятъ: «Господь помилуй!»
 А думаютъ о Богѣ меньше всѣхъ.
 Пожалуй, можно, сколько хочешь
 Устами бормотать, креститься,
 Безъ мысли, вѣры и безъ чувства,
 Но это ли молитва?

Нѣтъ! Люди слишкомъ суетливы,
 Они къ молитвѣ не всегда готовы.

Поэта стихъ гармонiей звучитъ
 И блещетъ мыслью лишь тогда,
 Когда пѣвецъ въ порывѣ вдохновенья —
 Молитва тоже вдохновенъ,
 Святой восторгъ души. Онъ труденъ,
 И никогда иному недоступенъ!

Я въ жизнь свою молился только дважды:
 Когда увидѣлъ въ первый разъ
 Мадону Рафаэла —
 Я палъ предъ ней и плакалъ, какъ ребенокъ;
 Я утопалъ тогда въ слезахъ восторга,
 Я изнемогъ отъ упоенья —
 О, вотъ тогда моя душа
 Была настроена къ молитвѣ!...
 Я умолялъ Творца подать мнѣ силы,
 Языкъ и память сохранить...
 Благодарилъ его за жизнь, за все,
 И въ умиленiи оставилъ храмъ, тогда,
 Когда ключарь церковный
 Его ужъ запирашь собирался...
 Потомъ молился я надъ гробомъ Вероники.
 Какъ я желалъ, чтобы земля разверзлась
 И бѣднаго страдальца поглотила —

Я слезь не лицъ и не просилъ участя;
Прижалъ къ груди безмолвный, хладный трупъ
И сжечь его хотѣлъ огнемъ лобзаній,
Чтобъ не отдать землѣ моей отрады...

Д ж а к о в о.

Ты плачешь, Луціо?

Луціо.

Да, слезы — благодаренья слезы...
Джакобо! вотъ тебѣ урокъ: ты молодъ —
Еще не испыталъ ни радостей, ни горя,
А впереди ихъ будетъ много...
Но не ропщи на благость Провидѣнья.
Въ рукахъ Творца развѣла дивной драмы;
Испей до дна страданій чашу,
А тамъ и оглянись, повѣрь разсудкомъ
Всѣ радости и горе. Свѣсь ихъ, свѣсь,
Хоть на вѣсахъ разсудка.
Потомъ скажи, что перевѣсить?

Д ж а к о в о.

Ты мой учитель, Луціо,

Люблю твои я рѣчи.

Въ нихъ видны умъ и опытъ. Трудно
Ихъ приобрести, проживъ на свѣтѣ мало.
Скажи: любя такъ пламенно искусство,
Зачѣмъ меня не хочешь посвятить
Въ его святые тайны?

Луціо.

Зачѣмъ, что я въ тебѣ, какъ въ зеркалѣ, все вижу —
Ты можешь понимать и уважать искусство,
Но быть жрецомъ его не можешь.
Въ тебѣ нѣтъ силъ себя пересоздать;
Не достасть терпѣнья,
А безъ него художникъ жалокъ.
Въ твоихъ глазахъ не блещетъ вдохновенье,
Ты не кипишь безумной жаждой славы,
Ты не дрожишь, не чувствуешь восторга
При видѣ полотна и красокъ.

Художникъ и поэтъ не люди —

Посланники небесъ, скитальцы на землѣ!

Достигнуть совершенства трудно,
А цѣлый вѣкъ корить надъ полотномъ,
Губить и полотно и время,
Божусь тебѣ, не стоить —

Посредственность легка, легка, но и смѣшна!

Взгляни кругомъ — вотъ три мои картины:
Гора Синай... здѣсь Моисей даетъ законы;
Онъ подилъ жезлъ и смотритъ къ небесамъ;
Какъ ясная заря свѣтла его одежда.
По гранямъ тучъ, изломанной чертой,
Сверкаетъ молнія. Горитъ чело Синай,
Смутилась твердь и стонетъ море!
Потомъ взгляни сюда: ребенокъ умираетъ;
Не можетъ высказать своихъ страданій, плачетъ,
И къ матери протягиваетъ руки,
А мать, въ отчаяньи, себѣ ломаетъ руки
И взоромъ небо упрекаетъ!
Картина третья — Альфieri...
Смотри — но слышишь ли ты грома грохотанье?
Пошата ли тебѣ торжественность природы,
И святость на чело святаго Моисея?
Смѣешь ли прочесть во взорахъ
Матери упрекъ и тайную надежду?
Ты не прочесть? Тому виной я самъ —
Я не рождепъ быть тенемъ искусства,
Въ моей душѣ нѣтъ Божьяго призыванья,
Я управлялъ не вдохновенной кистью,
Я не умѣлъ похитить блескъ у неба
И передать на полотно весь пылъ
Моихъ страстей... Такъ вотъ плоды ученья!
Ребенкомъ будучи я полюбилъ искусство.
«Вотъ», думалъ, «философскій камень,
Источникъ славы и богатства!»
Теперь я вижу, что ошибся...
Ребенокъ глушь. — Ему наставникъ нуженъ,
А безъ него легко съ дороги сбиться.
Я испыталъ превратности судьбы —
Люблю искусство больше жизни,
Но славы не ищу — я сдѣлалъ все, что могъ!..

Д ж а к о в о.

Ты правъ, но слишкомъ скромнѣн.

Ужели мать не торжество искусства?
 Неужли облака и молнии, вокруг
 Чела пророка, здѣсь не стоятъ удивленья?
 А Графъ — онь самъ на полотнѣ,
 Съ его улыбкой ядовитой
 И съ глухой чванностью въ лицѣ...
 А колоритъ, а вѣрность тѣней?
 Помилуй, Луціо, и ты не хочешь славы?

Луціо.

Не говори. И какъ ее сыскать?
 На долго ли?... Пока проснется зависть?
 Повѣрь, мой другъ, что честь и слава,
 Непродолжительны — какъ женская любовь!...
 Здѣсь на землѣ одно прямое благо —
 Святая истина — ее боготвори,
 Люби, какъ своего мать и ей не измѣняй.
 А прочее — все вздоръ, мечта, слова пустыл!

Джакво.

Но мнѣ пора — съ тобой заговорился...
 Прощай! —

СЦЕНА III.

Луціо (*подходитъ къ портрету*).

Онь правъ — разительное сходство!
 Альфери — какъ живой!.. Тѣмъ лучше,
 Авось еще работа будетъ...

(*убираетъ краски, и потомъ ставитъ
портретъ къ стѣнѣ*)

Да, Графъ, вы сдѣланы не дурно,
 И Луціо поздравите — вотъ и онь!

СЦЕНА IV.

Луціо, Графъ Альфери и синьоръ Марчинни.

Графъ.

День добрый, Луціо. Готовъ ли мой портретъ?
 Пора вѣдь, кажется, окончить.

Луціо.

Портретъ готовъ. Я сожалею, Графъ,
 Что васъ заставилъ ждать. За то я сдѣлалъ все,
 Что только могъ. Вотъ онь!

Графъ.

Взгляни, синьоръ. Какъ ты находишь?
 Мнѣ кажется — немного сходства...

Марчинни.

Да, Графъ. — Я думаю... вы сдѣланы такъ стары,
 Однакожь есть...

Графъ.

Старъ? Вотъ забавно!
 Да, кто его просилъ мудрить?
 Старъ! Что ты? мало —
 На полотнѣ уродъ — совсѣмъ не я.
 Да, что же ты молчишь, синьоръ?
 Я взялъ тебя, чтобы сказать
 Годится ли портретъ?...

Марчинни.

Кто я? Портретъ?... Онь просто дурень,
 Ни капли не похоже.
 У васъ въ глазахъ просвѣчиваютъ умъ,
 И доброта, и благородство —
 А тутъ — помилуй Луціо, помилуй!
 Таковъ ли Графъ Альфери?

Луціо.

Великій Боже! вотъ цѣнители моего таланта!..

Графъ.

Могу ль такую дрянь послать я Ангеликѣ?
 Синьоръ! ты знаешь — все зависитъ отъ портрета.

Луціо.

Позвольте, Графъ, когда я дѣлалъ вашъ портретъ,
 Моей рукою лезть не управляла.
 Вы не довольны имъ?
 Красавца вамъ хотѣлось?
 Смѣшно — зачѣмъ же не велѣли
 Вы мнѣ писать съ стариннаго портрета,
 Когда вы красотой извѣстны были!

Графъ.

А сто цехиновъ? Деньги — Ну положимъ,
 Положимъ, что ты правъ,
 И что портретъ похожъ —

Да, то ли пужно?
Художник долженъ видѣть,
Что, какъ и гдѣ исправить...
Глуна природа, будь умнѣй искусство —
Вѣдь подражанье лишь *излицому* оно?

М а л ч и н н и.

Нѣтъ, Графъ, да чѣмъ ему, портретъ
Вамъ лучше-бъ заказать
Джакову Чинто... Онъ кардинала
Писалъ прошедшій годъ —
И многіе находятъ сходство...

Л у ц и о.

Безъ подписи нельзя и угадать....

Г р а ф ъ.

Соперничество, зависть!...
Синьоръ, и въ самомъ дѣлѣ —
Теперь же Чинто въ модѣ.
Вотъ истинный художникъ!
Чего природа не сумѣла,
То сдѣлаетъ искусство —
Онъ твердо дѣло знаетъ.
И посмотри, онъ въ, славъ,
Любимъ, богатъ, какъ Крезъ;
А ты — здѣсь негдѣ състь...
Какалъ бѣдность!

Л у ц и о.

Я бѣдностью горжусь, Графъ Альери!

Г р а ф ъ.

Онъ гений!..

Л у ц и о.

Въ глазахъ невѣждъ!..

Г р а ф ъ.

Смотри, синьоръ, какалъ дерзость?
Но мнѣ смѣшно сердиться —
Я очень понимаю...
Художникъ Луціо,
Поборникъ глупой правды —
Бѣдлжкка! заблудился,
Какъ юноша, когда онъ вѣрится

Въ смѣшную, чистую любовь.
Все правда, да старо
И нынѣ понстерлось...
Вопросъ: далеко ль онъ уйдетъ?

Л у ц и о.

Не намъ его рѣшать —
Я сбился съ толку, ваша правда,
Пошелъ не той дорогой,
Какой идетъ синьоръ вашъ Чинто!

Г р а ф ъ.

Но, кажется, рассчитать нашъ конченъ?
Портретъ мой остается здѣсь —
Мнѣ не за что платить...

Л у ц и о.

Синьоръ! мое почтение....

СЦЕНА V.

Луціо (*подходитъ къ портрету*).

Онъ правъ: портретъ не годенъ.
Тутъ слишкомъ много сходства —
Я выразилъ въ немъ все:
Характеръ, умъ и душу,
А онъ ихъ причетъ — да портретъ
Негоденъ точно...
Есть въ жизни, есть минуты
Ужасныя могилы —
Минуты горести...
Но есть еще минуты,
Когда нашъ умъ такъ изсушенъ,
Когда прошедшее такъ горько,
Когда намъ будущаго нѣтъ,
А настоящее такъ явственно и странно,
Что мы ужъ не живемъ,
А движемся — безъ цѣли, безъ желанья...
Минуты страшныя,
Когда мечты, надежды цѣлой жизни
Разрушены, убиты...
Негодный лстецъ богатъ, какъ Крезъ...
А ты — «тутъ негдѣ състь» —
•Художникъ Луціо, поборникъ глупой правды,

«Бднѣжка! заблудился!...»

(задумывается)

Великій Рафаэль погибъ до цвѣтъ лѣтъ....

За то оны создалъ мѣръ, прекрасный мѣръ,

А я?...

Теперь я разгадалъ всю тайну —

Съ людьми природа въ заговоръ.

Прочь, кисть! я больше не художникъ...

(Хватаетъ ножъ и рѣжетъ портретъ)

Я не художникъ — нѣтъ!

Презрѣнный крокъ, подавленный землей,

Нѣтъ! Я палецъ, простой пясучъ,

Палецъ... Но не Манчини — и не Чинго!

ВИКТОРЪ ДЬЯЧЕНКО.

ПЕЧАЛЬ.

Есть печаль: ея названья
Здѣсь различныя. Она
Грузомъ ѣдкаго страданья
Въ глубь души положена.
Ей людей заботы чужды,
Все ей мракъ — ни дочего,
Безпріютной, пѣтъ ей нужды,
Кромъ горя своего.
Все въ ней слито: и безумье,
И пылливый хладный умъ;
Въ ней бессмысленно разумье,
Высоки полеты думъ!
Ни любовь, ни упованья,
Ни порывъ младыхъ страстей,
Ни мечты воспоминанья,
Не даютъ отрады ей.
Все ей страхъ и все волненье,
И вездѣ одна мечта
Скорбною тяжкою сомнѣнья

Въ цѣломъ мѣръ разлита...
Гдѣ предѣлъ ея? гдѣ цѣли?
Страшныхъ, тяжкихъ мукъ и думъ,
Не постигъ еще досель
Человѣка зоркій умъ.
Но порою вспыхнутъ грезы,
Взоръ туманный прояснитъ,
И восторженныя слезы
На ланитахъ заблестятъ.
Сонъ прервется чудотворной,
Пробужденная встаетъ,
И мечтою благотворной —
Новой жизнью живетъ,
И представетъ повосельемъ
Божій мѣръ ей — и она
Недоступнымъ ей весельемъ,
Горемычная, полна.

Н. ГРЕКОВЪ.

НЕ ВСПОМИНАЙ! НЕ ГОВОРИ!

Не вспоминай мнѣ прежнихъ дней,
Монхъ прошедшихъ заблуждений,
Весны обманчивой моей,
Давно минувшихъ обольщеній,
Не вспоминай, не вспоминай!

Не говори — твоя любовь,
Безъ счета данная лобзанья,
Теперь къ тебѣ не придутъ вновь,
Чтобъ воскресить твои желанья —
Не говори, не говори!

Не вспоминай, что мой разсвѣтъ
Роскошнѣй былъ, чѣмъ блескъ денницы,
И жизни счастливой привѣтъ
Былъ сладкозвучивъ пѣнья птицы —
Не вспоминай, не вспоминай!

Не говори — твоя звѣзда
Теперь навѣки закатилась,
И радость дѣтства навсегда,
Скользи, безъ звуковъ прокатилась —
Не говори, не говори!

С. СТРОМИЛОВЪ.

МОИМЪ ПЕНАТАМЪ.

Я съ просьбой къ вамъ, мои Пенаты,
Мои любезные друзья —
Храните кровь пустынной хаты,
Гдѣ юность протекла мол,
И гдѣ одинъ, вдали отъ свѣта,
Вдали отъ бурь его, суетъ,
Провелъ младенческія лѣта
Въ знакомствѣ съ Музою поэтъ.
Куда перѣдко, какъ видѣнье,
Она являлася ко мнѣ,
Гдѣ пировало вдохновенье
И пѣлись пѣсни въ тишинѣ.
Храните вы мои дубравы,
Мои поля, тѣнистый садъ —
Въ немъ дубъ столѣтній, величавый,
И стѣны дѣдовскихъ палатъ.

С. СТРОМИЛОВЪ.

ЛЮБОВЬ.

Любовь, любовь! передъ тобой
Какъ слабы разума вельмиа,
Какъ бѣденъ нашъ языкъ земной,
Въ немъ для тебя нѣтъ выраженья!

Твоя надежды и мечты,
Душѣ тоскующей отрада;
О какъ волнуешь сердце ты
Волшебной прелестію взгляда!
Твой огонь святой въ туманной мглѣ
Путь скорбной жизни озаряетъ,
И наше небо на землѣ,
Лишь при тебѣ оно сіяетъ.
Съ тобою сладко намъ страдать,
Дѣлить и радость и мученье,
Тебѣ все въ жертву отдавать,
За мигъ восторга, наслажденья;
Одинъ очей языкъ нѣмой
Намъ чувства сердца выражаетъ,
И только избранный тобой
Твое блаженство постигаетъ.
Съ тобою, спутникъ нашихъ дней,
Вся жизнь полна очарованья —
И для тебя, въ душѣ моей,
Нѣтъ словъ, нѣтъ мысли, нѣтъ названья!

.....А.....А.

ВЕСНА И СИРОТА.

Опять посланница небесъ,
Животворщій геній міра,
На крыльяхъ свѣтлыхъ, изъ зенра
Летитъ весна.

Дуга и лѣсъ

Ее привѣтствуютъ цвѣтами,
Она опять, какъ радость, съ нами,
И ароматный эфиръ намъ
Изъ чащъ цвѣтовъ, изъ сердца былій,
Изъ сладкихъ устъ и розъ и лизій
Къ блестящимъ вѣтся небесамъ.
Гордись сознаниемъ свободы,

Предъ пѣжнымъ первенцомъ природы
 Межъ звонкихъ, зыбкихъ камышей
 Запѣлъ задумчивый ручей,
 И льются радостныя воды,
 Какъ слезы страсти изъ очей.
 Слились съ алмазами росы,
 Какъ жемчугъ съ прядями косы;
 И океанъ широкогрудый,
 Дыша отвагой удалой,
 Сребристой блещетъ чешуей,
 И землю съ юными дарами
 Лобзаютъ влажными устами,
 Обильяни берегъ молодой.
 А солнце на пѣвъ ширококъ,
 Возставъ надъ пурпурнымъ востокомъ,
 На все — своимъ огнистымъ окомъ
 Глядитъ заботливымъ врачемъ,
 И благодѣтельнымъ лучемъ
 Струить съ небесъ въ земныя жилы
 Потоки пламени и силы.
 Но вотъ, подъ сумракомъ вѣтвей,
 Запѣлъ влюбленный соловей...
 И пробудилися октавы!
 Звучать, какъ пѣснь любви и славы
 И точно взоры Южныхъ дѣвъ —
 То вдругъ прिवѣтны, то упримы
 Слились плѣнительныя гаммы
 Въ одинъ восторженный напѣвъ!
 Къ творцу *весны* течетъ рѣкою
 Творений радостный привѣтъ!
 Куетъ кузничекъ подъ травою
 Свой металлическій куплетъ.
 А жавропокъ, къ селеньямъ рая
 Отъ птицъ отправленный посломъ,
 То оживясь, то замирая,
 Поетъ, въ зорьѣ утопая,
 Свой благодарственный псаломъ.
 И всюду гимны упоеня,
 И въ человѣческой крови
 Зажглося томленіе любви...

И всюду слезы умиленя!
 И какъ женихъ нардепъ мѣръ,
 А жизнь кипитъ, какъ брачный пиръ,
 Толпяся къ празднику природы,
 Животворимыя мечтой,
 Чета тѣснится за четой,
 Вплетаюсь цѣпью въ хороводы.
 Какъ съ горъ низринутыя воды,
 Рокочуть смѣхъ и суета,
 И настѣжъ пышныя врата
 Для всѣхъ!... Для всѣхъ?

А сирота,
 Я всѣмъ чужой. Въ толпѣ народной
 Мнѣ нѣтъ привѣтнаго лица,
 И безпріютный и безродный
 Брожу, какъ призракъ мертвеца.
 Ни кто, какъ братъ, открывъ объятъ,
 Любовью грудь не осыплетъ;
 Какъ будто Божіе проклятье
 Главу страдальца бременитъ!
 Но люди правы. Безъ призванья
 Пришелъ онъ къ мѣсту ликованья,
 Подъ сѣни лавровъ и оливокъ,
 Когда свѣтъ нѣмъ для состраданья,
 А для страстей краснорѣчивъ.
 Онъ у воротъ, какъ Ювъ поный,
 Возлѣтъ, и мрачный и суровый,
 Всѣ язвы сердца обнаживъ,
 И злобно свой вѣпецъ терпovýй
 Повѣсилъ, дерзостный педантъ,
 Къ душистымъ розамъ ихъ гирилицъ!
 Весна дары имъ расточила:
 Однимъ надежды, тѣмъ мечты,
 А сердце сираго — могила:
 Она надъ ней простерла крыла,
 Но въ глубь не падали цвѣты.
 Другой весны, другой отчизны
 Надежда смутная одна
 Въ отраду скорбному дана...
 И рѣжутъ сердце укоризны. —

Но, да простить страдальца Богъ!
 Кого любить онъ въ жизни могъ?
 Какъ въ человѣческія кости,
 Ему земные бьютъ часы,
 И ждетъ онъ общей, поздней гостыи
 И взмаха вѣрнаго косы.
 Для злобы — страшная, какъ мститель,
 Для нѣтъ — какъ тайный разрушитель,
 Она — въ ужасной наготѣ,
 Небесной вѣстникъ сиротъ!
 Приди жь мудреная разгадка
 Всѣхъ оболъщенныхъ бытій!
 Тебя, какъ друга, встрѣчу я,
 И взоръ на вѣкъ смыкая сладко,
 Вдали отъ козней и пировъ,
 Усну на пажити гробовъ,
 Какъ шелестъ въ сумракъ лѣсовъ,
 Какъ бой полуночныхъ часовъ!
 Умолю, чуждый гость природы,
 Какъ льдомъ окованныя воды,
 Иль пѣсня поздняя жнецовъ.
 Истлѣю одинокъ, печаленъ,
 Какъ мохъ въ ущелинѣ развалитъ,
 Какъ въ зимній холодъ лѣтній зной.
 Меня забудутъ, какъ мечтанья
 Давно остывшаго желанья,
 Какъ слово честное порой...

БЕДОРЪ КОНИ.

П Р О З А.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.

(Бѣль).

Какъ-то пашло на меня странное расположеніе,
 въ которомъ и голова и сердце, безъ всякой видимой
 причины, при совершенномъ здоровьи тѣла, замол-
 каютъ, почти совершенно отказываются дѣйстви-
 вать. Человѣкъ въ такомъ состояніи уподобляется
 машинѣ безъ воли, безъ желаній; сторона физиче-
 ская совершаетъ въ немъ свои отправленія безо-
 знательно; пустоту въ головѣ и сердцѣ наполняетъ
 одна томительная скука; нѣтъ ни какой возможно-
 сти чѣмъ нибудь заняться — самъ чувствуешь, и не
 имѣешь силы даже досадовать. Съ лѣвотораго пре-
 мени, такіе припадки стали случаться со мною до-
 вольно часто. Промучившись цѣлый день, на дру-

гое утро я рѣшился сходить къ нашему уѣздному врачу и посоветоваться съ нимъ серьезно.

Уѣздные врачи люди бѣдовыя, но нашъ еще не успѣлъ погляднуть въ столчей, тинистой жизни провинцій, жизни вращающейся въ кругѣ силетней, водки, картъ и толковъ о службѣ, взяткахъ, собакахъ и посявахъ. Съ нимъ можно было подъ часъ поговорить, не только о физическомъ, но и нравственномъ чловѣкѣ, не только о медицинѣ, но и литературѣ и прочемъ, очень рѣдко въ провинціяхъ. Одно только было въ немъ очень не выгодно для собесѣдниковъ: онъ любилъ поспорить, а въ спорѣ голосъ его гремѣлъ, все тѣло приходило въ сильныя судорожныя движенія. Отъ одного страдали уши, а отъ другаго стулья, столы, не рѣдко и самыя противники. Къ тому жъ жаркіе споры оканчиваются обыкновенно безъ убѣжденія, ни чѣмъ, хотя онъ и оканчивалъ обыкновенно рѣшительнымъ возгласомъ: «Вотъ и вся исторія!»

Зная его слабость, или лучше, силу его груди и голоса, я, какъ обыкновенно, тотчасъ по входѣ, предупредилъ, что пришелъ не спорить, а советоваться.

— Очень радъ. Что съ вами?—спросилъ онъ смѣясь и подавъ руку.

«Боленъ.»

— Прекрасно.

«Вотъ мило! Что жъ тутъ прекраснаго.»

— Придирки къ словамъ. Какъ будто не понимаете, что это приглашеніе продолжать.

Тутъ я разсказалъ ему о своей хандрѣ.

— Только? — спросилъ онъ меня засмѣявшись.

«А развѣ этого мало?»

— Да это вздоръ.

«Для доктора, но не для больнаго. Какъ будто вы не знаете, что болѣзнь нравственная часто тяжелѣе физической!»

— Очень знаю. Состояніе, въ которомъ вы теперь находитесь, бываетъ писцилмо, ужасно, но только у людей, которые пренебрегли духовною стороною, жили однимъ тѣломъ, и живши шибко, одряхлѣли еще въ молодости. Подавивъ духъ, разрушивъ тѣло, онъ пресмыкается по чудному Божьему міру, тяжкими лъвами, пасквилами на чловѣчество, въ тягость самимъ себѣ, въ тягость всему, что окружаетъ ихъ. Но вы, вы не могли дойти до того. Въ васъ болѣзнь эта проявилась отъ причины противоположной. Причина въ васъ самихъ, въ васъ самихъ и лекарство. Напрягалъ безпрестанно умъ, вы обѣтнли тѣло, изнѣжили его, предавъ совершенному комфорту, которымъ почему жъ и не пользоваться, но за чѣмъ же дѣлать его всегдашнимъ, перушимымъ условіемъ своего существованія? Не только духъ, но и тѣло требуетъ упражненія. Лишалъ одно изъ нихъ дѣятельности, вы уничтожаете гармоническое единство обоихъ, а въ слѣдствіе того они убиваютъ взаимно другъ друга. Развивать мою теорію теперь мнѣ нѣкогда, потому что надобно сей часъ ѣхать на слѣдствіе. Но вотъ вамъ самое дѣйствительное средство: понапрягите волю и рѣшитесь пожертвовать на нѣкоторое время своимъ комфортомъ, привести въ дѣйствіе вашу физическую сторону, потопущую въ усыпительномъ *dolce farniente*. Знаете ли что? — Зачѣмъ откладывать? Подемте со мною. Двадцать верстъ въ тележкѣ вытрясутъ вашу хандру. Ну, что жъ вы задумались? Неужели у васъ такъ мало воли? Рысайте! Слѣдствіе самое романтическое. Если я не разо-

патимирую души судей и подсудимыхъ, какъ Гюго, то ужъ навѣрное вскрою тѣло не хуже его.

Весь тотъ день я былъ свободенъ, и къ тому жь не способенъ ни на какое дѣло. Я согласился.

День былъ жаркій, солнце пекло, пыль лѣзла въ глаза, въ ротъ, въ носъ. Не проѣхали мы и пяти верстъ, какъ у меня пересохло въ горлѣ, закололо въ бокахъ; я началъ охать, жалѣть, что согласился. Уздный врачъ хохоталъ, подтрунивалъ. Веселость его бѣсила меня.

— Помилуйте, что жъ тутъ смѣшнаго?—сказалъ л, вышедъ изъ терпѣнія. Вамъ хорошо — вы привыкли!

«Ничего, ничего! Вы сердитесь. Прекрасно!»

— Опять проклятое «прекрасно!» Извините, но я отъ души желаю, чтобы и вамъ было также прекрасно.

«Для меня покаместъ не нужно. Но вотъ новое доказательство, какъ неблагодарны больные къ врачамъ. Вы упрекаете, сердитесь — что жъ это значить? Что лекарство дѣйствуетъ. Дѣло только въ томъ, что я прописалъ средство простое, не прикрашенное ни сиропами, ни благовонными водами, средство нѣсколько неприятное, но тѣмъ не менѣе полезное. Маленькое физическое безпокойство и потрѣсеніе уничтожаютъ нравственную апатію. Пріѣдемъ; вы отдохнете, боль пройдетъ и вы здоровы.»

Завязался споръ; я горячился; онъ также, кричалъ, махалъ руками....

Мы пріѣхали.

Въ деревнѣ былъ праздникъ. Посреди улицы стояла палатка съ разными сладостями, пряниками, пряничными орѣхами, изюмомъ, черносливомъ, изобойною, морковью, рѣпкою, баранками, и тому по-

добнымъ. Рядомъ съ нею красовалась питейная выставка, съ нѣсколькими бочками вина и ржавыми седедками для закуски. Вокругъ послѣдней толпилось множество мужиковъ, и такъ какъ тогда былъ третій день праздника, то почти всѣ, державшіеся еще на ногахъ, находились въ ужасной борьбѣ съ силой тяготѣнія, старались устоять перпендикулярно, и не смотря на всѣ усилія, наклонялись безпрестанно къ землѣ и составляли съ нею острые и тупые углы безчисленно разбросанныхъ измѣреній. Разноголосный, нестройный пѣсни, крики, браши, дикіе, бессмысленные взгляды вырывались изъ волновавшейся толпы. Около домовъ сидѣли рдками, или бродили, дѣвки и бабы, набѣленные, нарумяненные до вельзя, перешептывались, пересмѣхались, грызли, жевали, а иногда, отойдя къ сторонкѣ, попивали вино и пиво, приносимое подъ фартуками съ выставки. Ребятишки суетились, бѣгали, кричали, дрались. Молодые шари бились на кулачкахъ, боролись, или шутливи очень откровенно, не столько языкомъ, сколько руками съ бабами и дѣвками. «Здорово, Аксюха!» закричалъ съ хохотомъ молодой малой, ударивъ что есть духу по поясницѣ толстую дѣвку, покупавшую что-то у палатки. «Экой пострѣль!» воскликнула красавица, ударивъ его въ отвѣтъ, такъ, что тотъ перегнулся. Они любезничали.

— Гдѣ староста? спросилъ лекаръ.

«Повѣхалъ съ судейскими къ тѣлу.»

— А далеко ли оно?

«Версты съ полторы, Ваше Благородіе.»

— Проводите же насъ — сказалъ лекаръ — вѣзъал на телѣгу, но л удержалъ его, уговаривая избавить меня отъ дальнѣйшаго пользованія, и идти пѣшкомъ.

Мы пошли, а лошади повязали за нами. Насъ провозжали два полупьяные мужика.

— А что, послушайте, не знаете ли, какъ попалъ покойный въ болото? нѣтъ ли подозрѣнія, что онъ убитъ — спросилъ лекарь у провожатыхъ.

«А Богъ въстаетъ, Ваше Благородіе,» сказалъ одинъ.

— Думать надо, что самъ зарвался — сказалъ другой, почесывая затылокъ.

«Вѣстимо что самъ. Кому жъ его рѣзать, да и за что? Парень онъ былъ смирный, не драчливый, хмѣлемъ не зашибался.... А что, Ваше Благородіе, осмѣлюсь вамъ доложить: не пріѣхать ли на лошадей? Идти-то вѣдь еще далеко....»

— Ничего, дойдемъ. Когда же онъ пропалъ и когда нашли его?

«Да, вотъ, видите ли, Ваше Благородіе, Богъ даль лѣто такое жаркое, что болото совсѣмъ высохло и стало можно косить. Право, Ваше Благородіе, утрудитесь, лучше бы вамъ вѣхать.»

— Экъ привязался — перебилъ его другой. — Ну что жъ если его милость не хочетъ вѣхать.

«Да ужъ ты молчи: гдѣ тебѣ знать, какъ обхѣдятся съ ихъ благородіями.»

— Эка важна птица — молчи! Знаемъ-ста и мы съ твоѣ.

«Такъ вотъ, Ваше Благородіе, мы и раздѣлили на міру все болото по семьямъ. Покойному досталось почти на самомъ концѣ, и онъ пошелъ косить свой участокъ ранехонько поутру во вторникъ.»

— Анъ врешь, въ среду.

«Вотъ-те на! Али память у меня пришибло?»

— Да стало пришибло, когда говоришь [что во вторникъ.

«Ей Богу во вторникъ, Ваше Благородіе. Ему

нельзя вѣрить; гдѣ ему помнить. Онъ и въ будни позасибаются, а нынче праздникъ, такъ еще до солнышка пьянъ....»

— Самъ ты пьянъ, свинья этакая....

«Полно, скогива! Развѣ можно ругаться при Его Высочородіе? Извините, Ваше Превосходительство, мужикъ вѣдь онъ, неучъ.... Экое животное!....»

— Мужикъ! Да ты-то что за штука? Неучъ! — да ужъ учливѣ тебя, урлапа....

Тутъ они чуть не вцѣпились другъ другу въ бороды, но лекарь укротилъ ихъ сердце, прекративъ распросы, и увѣривъ, что они оба равно вѣжливы.

Мы шли по болоту, совершенно высохшему, усиленнымъ большими кочками и кустарникомъ.

— Послушайте, да тутъ ли мы идемъ? — спросилъ лекарь черезъ нѣсколько времени.

«Тутъ, Ваше Высокоблагородіе. Пожалуйте сюда, вотъ здѣсь идти покойные, ровные. Какъ же? Ошибаться я не могу; я, изволите видѣть, охотникъ — когда Вашему Благородію вздумается поохотиться, пожалуста пріѣзжайте ко мнѣ; у меня есть и ружье и собака. Не откажите, Ваше Благородіе. Ко мнѣ пріѣзжаютъ многіе изъ города. Я знаю всѣ мѣста.»

— Хорошо, хорошо. Но смотри, туда ли мы идемъ.

«Да ужъ будьте увѣрены, Ваше Благородіе. Зажмура глаза приведу. Къ тому жъ около гѣла поставленъ шесть....»

— Такъ ступай-ка лучше впередъ, и когда увидишь его, закричи намъ.

«Сей часъ, Ваше Благородіе.»

Тутъ другой, ворчавшій во все время что-то про себя, подошелъ къ намъ поближе.

— Баринъ — сказалъ онъ, обратившись ко мнѣ —

позвольте намъ съ его милостью сказать нѣсколько словъ.

Я хотѣлъ было отойти въ сторону, но лекаръ остановилъ меня.

— Что за вздоръ! — сказалъ онъ ему — ты можешь говорить при немъ все, что хочешь.

«Я собственно хочу сказать въ вашу пользу, Ваше Благородіе. Мужики у насъ разбойники, а особливо тотъ, что вы послали, да староста; на міру ни кому слова не дадутъ вымолвить, всѣмъ у насъ заправляютъ, да свои карманы набиваютъ. Оно, вѣстимо, на міръ по этому дѣлу и подозрѣнья шѣтъ покойный можетъ статья самъ зарѣзался — но вы, Ваше Благородіе, понажмите ихъ, пожалуста, хорошенько: того, другаго въ рыло, такъ и дадутъ! Чегожь, Ваше Благородіе, вы вѣдь трудитесь же — мужикъ благодарности не знаетъ..... Пожалуста, Ваше Благородіе..... Я вѣдь это для васъ же прошу. Скажите имъ, что не вѣду безъ золотаго, безъ Русскаго золотаго..... Вѣдь это такіе разбойники. Вотъ, было слѣдствіе у меня на дому, такъ чтожь мошенники? Возьми, да всѣ расходы и наложили на меня. Ограбили — да вѣдь ужъ нешто если бы это пошло вашей чести, или суду, а то чай больше половины взяли себѣ. Ужь, пожалуста, Ваше Благородіе, хорошенько распеките ихъ; вѣдь вы тутъ главное дѣло; приказные сами собой, а вы сами собой. Вѣдь это я все говорю для вашей же пользы — право.

— Здѣсь! — раздавался голосъ другаго крестьянина.

Лекаръ чуть не плюнулъ въ глаза радушливому ходоцату (чудаку!) и пошелъ почти бѣгомъ на голось. Въ недалекъ, между кустами, мы увидѣли высокій шестъ и на немъ шляпу. Дворянскій застѣдатель, двое приказныхъ и нѣсколько понятыхъ стоя-

ли у тѣла. Убитый былъ молодой человекъ лѣтъ 20-ти. Онъ лежалъ подъ маленькою сосною, лицомъ вверхъ; тусклые, оловянные, выпучившіеся глаза глядѣли страшно; зубы оскалены и стиснуты; шея — одна кровавая, ужасно зиявшая рана; въ правой рукѣ была коса, мѣстами окровавленная; лѣвая судорожно сжата въ кулакъ. Возлѣ валялись кувшинъ и крагоха чернаго хлѣба.

Полупьяные мужики съ хохотомъ толкали другъ друга къ тѣлу; полупьяный писарь ругался съ ними. Дворянскій застѣдатель посмѣивался и подшучивалъ надъ крестьянами; лекаръ осматривалъ положеніе мертваго. Солнце величественно катилось по безоблачной лазури; ни одинъ листокъ не шевелился. Какъ покойна, какъ прекрасна была природа и какъ гадки были люди! Наконецъ, покойника велѣли везти въ деревню для окончательнаго осмотра. Мужики, сторожившіе ночью тѣло, разложили въ нѣсколькихъ шагахъ огонь; оставшіеся головни покрылись пепломъ; дотронувшіеся до нихъ, я увидѣлъ, что онѣ еще не потухли, и сказалъ о томъ застѣдателю, который велѣлъ тотчасъ залить все это мѣсто водою.

Мы возвратились въ деревню. Лекаръ съ застѣдателемъ и понятыми пошли вскрывать тѣло. Я отказался быть зрителемъ такой операціи, хотя пріятель мой и увѣрялъ меня, что тутъ есть поэзія, поэзія, конечно, разрушенія, могилы, но не смотря на то, не менѣе сильная, глубокая.

— И прекрасно сдѣлано, что не пошли — сказалъ писарь, хлопотавшій въ то время около двухъ шгофовъ, столбныхъ на окнѣ. Что за охота нюхать мертвлячину! Не прикажете ли простаго, или композиціи, то есть, ерофенчу?

«Спасибо.»

— Неужели вы не покупаете?—спросил онъ съ какимъ-то сожалѣніемъ.

«Нѣтъ.»

— Напрасно, сударь. Оно очень полезно. Я самъ сначала въ ротъ не бралъ этого благодѣтельнаго напитка. Чтожь вышло? Весь свѣтъ, да и жизнь, показали мнѣ чернѣе воть этой чернилицы. Я вамъ скажу, что я жизнию обязанъ этому напитку.

«Чудо.»

— Совсѣмъ не чудо, сударь, а самое простое дѣло. Если позволите, я расскажу вамъ, какъ это было.

«Рассказывай.»

— Позвольте прежде промочить горлышко. Ваше здоровье, сударь. Отецъ мой, такой же бѣдный приказный, какъ и я, выучивши меня грамоту на мѣдныя деньги, записалъ въ судъ. Я началъ службу ни хорошо, ни худо; впрочемъ мени всѣ любили за мой тихій нравъ и услужливость; въ одномъ только упрекали меня мои товарищи, и именно, что предпочиталъ, по своей глупости, чай вину: и въ самомъ дѣлѣ я былъ дуракъ! Сколькихъ горестей изъбавился бы я въ послѣдствіи! На двадцать восьмомъ году меня произвели въ канцеляристы; тутъ я ринулся ума и женился. Ужь куда и зачѣмъ жениться приказному! Съ этого казуснаго случая начались всѣ мои несчастія. Пошли дѣти. Жалованье получалъ я самое малое; акциденціи годъ отъ году уменьшались, а семья увеличивалась. Говорятъ, что жена и дѣти радость — врутъ! Развѣ для судей, для исправниковъ, для страпчихъ, но только не для приказныхъ. Чортъ знаетъ, какъ горько бывало мнѣ—придешь домой; дѣти пицать съ холоду, съ голоду; жена, съ горя закахшая, канючить, и вотъ я и самъ иссохъ, какъ спичка, и наконецъ совсѣмъ было свихнулъ съ ума. Однажды—хошь зарваться, но за-

рваться страшно, потому, что съ малолѣтства болялся крови. Вотъ я и положилъ лучше утопиться, побѣжалъ на рѣку, да на дорогѣ и встрѣтилъ благопріятеля Ивана Прохорыча. «Куда братъ, какъ полумумный?» спросилъ онъ меня, останавливая.—«Куда? Топиться — жить не въ мочь! — «Эку ахинею порешь; зайдемка лучше въ питейный, да тамъ ума, да разума поищемъ.» — Спасибо Ивану Прохорычу, дай ему Богъ царствіе небесное! онъ былъ добрый человекъ; онъ спасъ меня отъ самоубійства. Пусть говорятъ, что онъ умеръ у питейнаго, какъ собака, скоропостижно. Чтожь такое? Ужь таковъ, вѣрно, былъ предѣлъ, поставленный самимъ Господомъ, а все таки онъ былъ добрый человекъ, вѣчна я ему память!

Тутъ слеза, нависшая на рѣсницѣ, сорвалась и покатила по фиолетовой, бугорковатой щекѣ; онъ стеръ ее запачканною тряпицею, служившею вмѣсто платка, налилъ стаканъ, выпилъ его, и продолжалъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

— Не помню, какъ уговорилъ, какъ затаяилъ онъ меня въ питейный, какъ убѣдилъ пить; только напившись и раздумавъ топиться, и мнѣ стало легче. Притащившись домой, я встрѣтилъ то же самое, что и прежде: дѣти плакали, жена канючила, но у меня сердце ужъ не надрывалось; мнѣ было смѣшно, глядя на ихъ сморщенные, кислыя рожи. Тутъ и Господь сжалился надо мною: вскорѣ прибралъ къ себѣ и малютокъ и жену. Въ первые дни мнѣ было и сгрустнулось; стало жаль ихъ, да какъ пораздумалъ хорошенько, такъ и увидалъ, что имъ нечего было дѣлать въ этомъ мѣрѣ, и что Господь знаетъ что дѣлаетъ. Я сталъ пить еще болѣе; теперь я былъ одинъ одинокоекъ въ цѣломъ свѣтѣ; о комъ

заботиться, гуляй да и только! Иногда, правда, Богъ знаетъ, какъ упадетъ на умъ все горькое и зашевелится что-то вотъ тутъ (продолжалъ онъ, показывая на грудь), да стукнешь красаулю, такъ много какъ ничего и не бывало! Меня выгнали изъ службы; жалвъ было не объ чемъ: что за важность служба приказнаго? Сиди, работай цѣлый день изъ гроша, да еще и не выпей! Малой съ головой и безъ службы найдеть хлѣбъ. Вотъ теперь я пописываю просьбы, нанимаюсь въ свидѣтели; иногда, какъ вотъ теперь, засѣдатели берутъ на свидѣствіе; добываю еще болѣе, а работаю, когда хочу. Такъ вотъ видите ли, теперь кажется ясно, что я и жизнию и счастьемъ обязанъ зеленому. Чудо, сударь, что это за вещь такая! Какъ забереть, такъ что тебѣ судья, да что я говорю, судья! — что самъ губернаторъ! Вздоръ, плевое дѣло! Знать ни кого не хочу. Но лучше всего употреблять простое, Русское, національное, чистое, а то вотъ выдумали, чортъ знаетъ что такое, ерофеичъ, травникъ! Такой длинной, такая мерзость! Навалтъ въ благодатное всякой травинки, испортить совершенно. — Ваше здоровье!

Тутъ онъ глотнулъ разомъ третій стаканъ и не поморщился.

«Боже!» подумалъ я, «какъ ужасны нищета и невѣжество. Что стало изъ этого человѣка, который, при другихъ благоприятнѣйшихъ обстоятельствахъ, могъ бы быть и полезнымъ гражданиномъ и хорошимъ семьяниномъ! Съ умомъ неразвитымъ, неукрѣпленнымъ ни религіей, ни нравственнымъ образованіемъ, могъ ли онъ устоять противъ бѣдствій, могъ ли не искать самозабвенія, и нашедши его однажды, могъ ли не забыться совершенно, не подавить въ себѣ всего человѣческаго? И какъ много по-

добныхъ несчастливцевъ и можно ли винить ихъ! Не въ недостаткѣ ли нравственнаго воспитанія нищихъ классовъ вина такихъ ужасныхъ, безвозвратныхъ отпаденій людей отъ челоѣчества!»

Тутъ вошли дворянскій засѣдатель съ лекаремъ.

— Что? — спросилъ я у послѣдняго.

«Убить. Черепъ проломленъ.

— Болото горить! закричалъ въѣжавшій пьяный мужикъ, и зацѣпившись за порогъ, грянулся на полъ.

Мы выбѣжали на улицу; огромный столбъ бѣлаго дыма поднимался изъ дальняго кустарника. Пока дворянскій засѣдатель собиралъ народъ, мы бросились съ лекаремъ къ мѣсту пожара. По мѣрѣ нашего приближенія, столбъ все росъ, и въ высь и въ ширину, и наконецъ изогнулся и нависъ надъ болотомъ. Мы бѣжали подъ дымомъ, какъ подъ шатромъ. Вдали шипѣло, трещало. Наконецъ мы подлѣ. Будто вода льется по землѣ огонь, съ свистомъ и шумомъ, всплескиваетъ, словно волнами, по кустарнику и сосняку, и зажегши ихъ бѣжитъ далѣе, оставляя на черной обгорѣвшей почвѣ тысячи свѣтильниковъ. И вотъ, съ шумомъ и гамомъ, несутся отъ деревни толпы пьяныхъ мужиковъ, съ красными лицами, въ красныхъ рубашкахъ. Они срубаютъ молодые березы, и наступая стѣною, бьютъ ими огонь, топчутъ его ногами, и душаемые увеличивающимся отъ того дымомъ, отбѣгаютъ назадъ, но отдохнувъ немного, не слушая увѣщаній засѣдателя, принимаютъ за то же. Какая картина! Подъ густымъ дымчатымъ сводомъ, какъ въ аду, въ огненномъ морѣ, бѣспуются, режутъ какіе-то красные дьяволы! Но вотъ другая: подулъ вѣтеръ, дымъ свисъ и понесся далѣе; открылась черная, ужасная, кочковатая равнина утыканная черными оставами горящихъ, или обго-

рввшихъ кустовъ, искривившихся, какъ бы живые; и между ними вдали огромный шестъ, полуобвитый саваномъ изъ дыма, съ шляпою убитаго на вершукѣ, качается, и какъ будто смѣется надъ тщетными усиліями пьяной толпы; вокругъ огонь и дымъ, и надъ всѣмъ этимъ ясное безоблачное небо и яркое палящее солнце! Вѣтеръ дулъ на деревню; болото примыкало къ хлѣбной нивѣ, созрѣвшей, почти совершенно высохшей, и доходившей почти вплоть до деревни. Опасность была очевидная. Измученный засѣдатель оборотился, чтобы отдать новыя приказанія, но мужиковъ не было ни одного. Что дѣлать? Бѣжать опять въ деревню. Въ недалекомъ разстояніи отъ пожара, мы увидали голый, изрѣзанный трупъ убитаго, оставленный нами въ деревнѣ.

Тамъ все уже было уложено на возы. Увидѣвъ старосту, засѣдатель бросился къ нему.

— Мошенникъ! какъ смѣлъ ты уйти съ пожара?

«Да что жь дѣлать, ваше благородіе. Ужь такъ вѣрно воля Божія — не утужишь! Православные закричали, что лучше спасать пожитки, и я побѣжалъ за ними.

— Кто-жь вывезъ на поле тѣло?

«Православные, ваше благородіе. Говорятъ, что кровь убитаго зажгла землю и идетъ за нимъ въ деревню. Такъ ужь мы подумали, что лучше его отдать огню, чѣмъ деревню.»

Тутъ громкій шумъ, поднявшійся около выставки съ виномъ, обратилъ наше вниманіе. Писарь дрался съ цѣловальникомъ.

— Чулошниковъ! что это значить? — закричалъ засѣдатель.

«Чего, Иванъ Ивановичъ?» лепеталъ писарь, приближаясь къ засѣдателю по всѣмъ направленіямъ, кромѣ

прямаго. «Неповиновеніе властямъ, бунтъ! Мерзавецъ вздумалъ закрыть выставку. Подкрѣпленіе въ такихъ смутныхъ обстоятельствахъ необходимо для каждаго. Православные ропщутъ, и въ самомъ дѣлѣ они выбились изъ силъ. Извините, здѣсь такъ жарко, что голова кружится!»... И тутъ, не удержавъ равновѣсія, растянулся онъ у ногъ засѣдателя.

Между тѣмъ, по странному случаю, вѣтеръ перемѣнился; вѣрно, сама судьба хотѣла укрѣпить мужиковъ въ ихъ предрасудкѣ. Все успокоилось. Желаніе писаря исполнено; выставка раскрылась снова. Засѣдатель собралъ опять мужиковъ и отправился на пожаръ. Вечеромъ мнѣ надобно было ѣхать въ городъ, и я простился со врачомъ моимъ и уѣхалъ.

Между тѣмъ, сильныя физическія и нравственныя потрясенія, испытанныя мною въ тотъ день, въ самомъ дѣлѣ, разогнали мою хандру совершенно.

Черезъ день уѣздный лекаръ навѣстилъ меня.

— Что болѣзнь ваша?

«Благодарю, прошла, но скажите, чѣмъ же кончилось ваше слѣдствіе? открыли ли убійцу?»

— Онъ открылся самъ.

«Эго какъ?»

— Да, почтеннѣйшій, вотъ вамъ чудная психологическая задача. Послѣ васъ, укротивъ немного пожаръ, принялись тотчасъ за слѣдствіе; узнали, что покойный былъ смиренный человекъ, самаго тихаго нрава, ни съ кѣмъ никакой вражды не имѣлъ. Тридцатаго числа, чѣмъ свѣтъ, пошелъ онъ косить свой участокъ въ болотѣ, а къ вечеру найденъ тамъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Говорили, что съ тѣхъ поръ, какъ мать его вышла за другаго мужа, онъ сталъ какъ то грустенъ, задумчивъ. Родились подозрѣнія на вотчина, но

крестьяне одобрили его обхождение съ своимъ пасыш-комъ. Къ тому жъ, въ день его смерти, и мать и вочимъ не отлучались изъ деревни. Цѣлый вечеръ думали мы, гадали, но ничего не пригадавъ рѣшили, что утро вечера мудренѣе, и легли спать. На другой день ранехонько является молодой крестьянинъ, довольно обыкновенной паружности.

«Что тебѣ надобно?» спросилъ засѣдатель.

— Я убилъ крестьянина въ болотѣ.

Я остолбенѣлъ. Засѣдатель вскочилъ съ мѣста и съ какою-то радостью закричалъ: «Связать его. Ну, поворачивайтесь же!»

— Я не уйду—сказалъ тихо преступникъ.—Я еще убилъ жену мою.

Это простое, невынужденное признаніе оцѣпнило не только меня, но и засѣдателя, довольно загроубѣшаго по слѣдственной части. Собравшись съ духомъ, я началъ разсматривать убійцу. Онъ былъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати четырехъ, средняго роста, сутуловатый, блѣлокурый; лицо его было чрезвычайно блѣдно, глаза мутны, но въ чертахъ ни малѣйшаго слѣда злости, не только злѣрства; напротивъ, въ нихъ было замѣтно какое-то добродушное простосердечіе.

Его связали и начали допрашивать. Онъ говорилъ просто, непринужденно; ни движенія, ни разговоръ, ни лицо не проявляли наглости закорѣлаго злодѣя.

Разсказъ его запечатлѣлся въ моей памяти.

Онъ былъ изъ сосѣдней деревни. На двадцатомъ году, отецъ съ матерью вздумали женить его на дѣвушкѣ однихъ съ нимъ лѣтъ. Къ женитбѣ онъ не чувствовалъ ни охоты, ни отвращенія. Отецъ и мать состарѣлись, въ домъ надобно было молодую хозяйку; невѣста, которую ему сватали, была дѣвка добрая, не дурная собою, и хотя онъ не чувствовалъ къ

ней любви, но за то она не была ему противна, и онъ согласился. Сначала все шло хорошо, но мѣсяцевъ черезъ пять, безъ всякой видимой причины, жена стала ему ненавистна. Не бывши и прежде съ нею очень нѣженъ, теперь онъ сталъ убѣгать ея. Бѣдная женщина, съ возрастаніемъ его холодности, удвоивала свои ласки, свою нѣжность, но и то, и другое, вмѣсто того, чтобы смягчить, ожесточало его еще болѣе. Со всѣми ласковымъ, кроткій, только съ нею былъ онъ грубъ, даже жестокъ. Три года боролся онъ съ своимъ ужаснымъ чувствомъ, но оно усиливалось, окрѣвало въ борьбѣ, и наконецъ овладѣло всѣмъ существомъ его. Онъ почти не жилъ дома. Одинъ взглядъ на жену приводилъ его въ какое-то бѣшенство. Вдругъ мысль объ убійствѣ мелькнула въ головѣ несчастнаго. Въ ужасѣ выбѣжалъ онъ изъ дому въ лѣсъ, прошатался тамъ до полуночи, стараясь изгнать ее, но тщетно; съ той минуты, она не оставляла его; напрасно изнурялъ онъ себя работою: она впиалась въ мозгъ его. Вездѣ, все шептало ему: «убей! убей ее! Одно средство оторвать змѣю, впишающуюся въ твое сердце; она высосетъ его!» — Мысль алая отбила его отъ ѣды, лишила сна. Онъ сдѣлался еще угрюмѣе; онъ страшился самого себя, избѣгалъ всякаго случая остаться съ женою наединѣ. Какъ часто, удалившись въ лѣсъ, онъ плакалъ, какъ ребенокъ, но и слезы не облегчали ужасной тягости, его гнетущей! Мѣсяца за три, его выбрали въ лѣсники. Ему надобно было жить въ сторожкѣ, вереть за пять отъ деревни; жена не могла оставить дома и хозяйства. Ужасная тяжесть спала съ груди его; онъ началъ дышать свободнѣе. Жена не можетъ приходить къ нему часто, не можетъ оставлять дома на долго; онъ не будетъ съ нею подъ одною крышею, въ одной избѣ. Онъ

разстались, жена со слезами, онъ съ радостью, давно съ нимъ раззнакомившеюся. Ему стало легче: съ какимъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ бродилъ онъ по лѣсу цѣлые дни, приходилъ въ сторожку, утомленный, но веселый; сонъ возвратился снова. Онъ успокоился, но на долго ли? Дней черезъ семь приходитъ жена. Онъ задрожалъ, какъ преступникъ. Бѣдная подошла къ нему, чтобы поздороваться. Онъ оттолкнулъ ее съ яростію, и вмѣсто ласки началъ бранить, зачѣмъ оставила домъ; наконецъ вытолкнулъ ее за дверь и заперся въ сторожкѣ; несчастная долго стояла у двери, и умоляла сказать причину такого жестокаго поступка. Отвѣта не было, и залившись слезами, ночью побрела она въ деревню. Послѣдніе ея не прекращались; онъ началъ бить ее, угрожать ея не прекращались; онъ началъ бить ее, угрожать ея не уменьшало ея привязанности. Положеніе мужа было ужасно; совѣсть упрекала его за дурное обхожденіе съ существомъ совершенно ему преданнымъ; ничто не оправдывало его ненависти, и не смотря на то, онъ не могъ преодолѣть ее. Мысль объ убійствѣ пробудилась снова, и еще съ большею силою. Однажды, истощивъ всѣ средства отвратить ее отъ себя, онъ сравнялся въ жестокости съ кровожаднымъ животнымъ. Измученная, истерзанная, жена валялась у ногъ его, молила простить, если въ чемъ виновата, мучить, терзать ее, но только не прогнать отъ себя. Такая преданность, такое терпѣніе привели его въ бѣшенство. Не помня ничего, онъ схватилъ ее обѣими руками за шею; стиснулъ и—не развелъ рукъ до тѣхъ поръ, пока несчастной не стало. Долго стоялъ онъ надъ трупомъ, и съ какою-то бѣшеною радостью смотрѣлъ на безжизненный, искаженный насильственной смертію черты страдальцы. Когда укротилось волненіе чувствъ, пробудились, не сожалѣніе, но мысли о

личной безопасности. Онъ взявъ лопатку, взваливъ трупъ на плеча, отнесъ въ глубину лѣса и закопалъ въ землю. Будто гора свалилась съ груди его; теперь онъ дышалъ свободно; тяжело, свинцовая ненависть исчезла. День погасъ. Собиралась гроза. Онъ легъ, въ надеждѣ уснуть спокойно, и въ самомъ дѣлѣ заснулъ скоро, но на долго ли? Вотъ ему видится что тѣло, нашли, что пріѣхалъ Земскій Судъ, что стучать въ дверь, что ее выламываютъ и съ ужаснымъ стукомъ рухнулась она на полъ. Онъ вскочилъ въ ужасъ; послѣдніе раскаты грома рокотали въ лѣсу; деревья трещали, стучали въ окно сучьями, вѣтеръ вылъ въ трубы. Онъ перекрестился, легъ и закрылъ снова глаза, но сонъ не приходилъ опять; сильно билось его сердце, холодный трепетъ пробѣгалъ по членамъ; вдругъ все тѣло его ежалося судорожно, ему показалось, будто что-то ледяное прикоснулось къ его рукѣ; онъ открылъ глаза въ половину—волосы стали дыбомъ: передъ нимъ стояла жена его, съ блѣдно-синимъ лицомъ, съ багровыми пятнами на шеѣ; тусклые оловянные глаза смотрѣли на него неподвижно; на посинѣвшихъ устахъ видѣлось какъ бы состраданіе. Онъ стиснулъ вѣки, дыханіе замерло, холодный потъ проступилъ по всему тѣлу. Но вотъ ему послышалось, что призракъ говоритъ: «еще тутъ найдутъ—зарой дальше, глубже!»—Какъ сумасшедшій вскочилъ онъ съ постели; въ сторожкѣ ни кого не было; онъ схватилъ заступъ и бросился въ лѣсъ. И вой вѣтра, и шелестъ листьевъ, и скрипъ деревьевъ, все, казалось, говорило ему: «скорѣй, скорѣй! найдутъ, найдутъ!» И онъ бѣжитъ еще скорѣе; наконецъ онъ на мѣстѣ; съ какимъ-то бѣшенствомъ разрываетъ землю, выхватываетъ трупъ, тащитъ его dalje въ лѣсъ, зарываетъ глубже, и падаетъ безъ чувствъ на могилѣ. Ярко и высоко блистало солнце

на небосклонѣ, когда онъ очнулся; засыпавъ могилу листьями, дотачился онъ кое какъ до сторожки. Всѣ члены его были какъ разбитые. Цѣлый день проспидѣлъ онъ въ какомъ-то оцѣненіи. Настала ночь. Малѣйшій шелестъ, малѣйшій шорохъ бросалъ его въ дрожь. Ночь тлуплась, какъ вѣчность. Онъ бросился на колѣни, началъ молиться, но волненіе не укрощалось; наконецъ силы его оставили, онъ упалъ на полъ, и вотъ снова ледное прикосновеніе, снова передъ нимъ призракъ жены, снова слова: «зарой меня дальше, глубже — здѣсь найдутъ!» Снова бѣжитъ онъ въ лѣсъ, вырываетъ трупъ, взваливаетъ на плеча и тащитъ далѣе; холодная голова все шепчетъ ему: «дальше—дальше, здѣсь найдутъ!» И онъ бѣжитъ, ничего не видя, все дальше и дальше. Разсвѣло. Онъ на опушкѣ лѣса. «Дальше, дальше!» шепчетъ голова. Онъ въ кустарникъ болота, и вдругъ,—передъ нимъ крестьянинъ, косить траву. Все открыто; погибель неизбежна. Трупъ рухнулъ на землю. Одно средство спасенія—оно мелькнуло въ его головѣ быстрые молніи, заступъ взвился, и несчастный крестьянинъ упалъ на землю съ проломленной головой! Но онъ еще можетъ ожить; злодѣяніе еще можетъ открытись. Онъ перерѣзалъ убитому горло косою, вложилъ ее въ руку несчастнаго, и схвативъ трупъ жены, бросился снова въ лѣсъ и закопалъ его снова.

Весь день провелъ онъ въ какомъ-то безумномъ состояніи; ночью припадки усилились; ему безпрестанно видѣлись, то жена, которал шептала: «пропалъ, пропалъ!» то крестьянинъ съ перерѣзаннымъ горломъ, и искривленный ротъ его, и разверзтая кровавая рана на шеѣ хригли ему: «пропалъ! завтра меня найдутъ, пропалъ, пропалъ..!» На третью, четвертую, пятую ночь тоже. Мученіе стало не выносимо; онъ хотѣлъ прекратить свое существованіе, но руки

насебя не поднимались. Наконецъ доведенный до отчаянія, онъ рѣшился объявить о своемъ преступленіи.
«Ужасно!

— Надобно было слышать, видѣть, какъ онъ рассказывалъ. Когда говорилъ о привизанности жены во всѣхъ чертахъ его видѣлась какал-то тихая грусть при описаніи мгновенія убійства лицо его приняло выраженіе какой-то спокойной рѣшительности; когда же дошелъ до видѣній, волосы поднимались, голова трепетала, лицо, то краснѣло, то блѣднѣло, глаза блестя и дико бродили по сторонамъ, какъ будто онъ боялся увидѣть снова всѣ ужасы, доведшіе его почти до сумасшествія. Когда же онъ кончилъ, по всему существу его разлилась какал-то спокойная преданность судьбѣ.

«И вы не могли открыть причины его ужасной ненависти?»

— Нѣтъ. Всѣ крестьяне засвидѣтельствовали, что и онъ и она были поведенія примѣрнаго. Самъ онъ отзывался объ ней, какъ нельзя лучше. Не ревновалъ ли ты ее, еще въ дѣвкахъ или въ замужствѣ, къ кому нибудь? спросилъ я его.

«Нѣтъ! она никогда, никого не любила, кромѣ меня.

— Не полюбилъ ли ты другой?

«Нѣтъ. Я не любилъ никого.

— Не было ли у ней какого нибудь тѣлеснаго недостатка, который могъ бы поселить въ тебѣ отвращеніе?

«Нѣтъ.

— Не принадлежалъ ли ты къ какому нибудь расколу, который не допускаетъ брака?

«Нѣтъ.

— Но, послушай: безъ причины нельзя же ненавидѣть?
«Не знаю — можетъ быть, все это отъ того, что

она любила меня. Чѣмъ больше она ласкалась ко мнѣ, тѣмъ тяжелѣе мнѣ становилось.

— Ну, что еслибъ она ожила?

«Я... убилъ бы ее опять!»

Страшное преступленіе было наказано судомъ, тяжкимъ, но справедливымъ. Причина преступленія не могла оправдать убійцы: добродѣтель не была бы истинною добродѣтелью, если бы оставляла пастъ при борьбѣ съ сильными побужденіями на злодѣйство. Здѣсь-то и должно льяться ея величіе. Подвигъ безъ труда еще не полный подвигъ...

И. В. В. Г.

=

ЗАМѢТКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА *

Благодарю, стократъ благодарю за всѣ отзывы, жалобы, вызовы, просьбы, которыми меня удостоили знакомые и незнакомые въ отвѣтъ на мою *первую* статью. Слушая и читая все это, я совсѣмъ не скучаю, а потому-то и не хочу переходить къ Италіи, какъ самъ обѣщаль, а останусь, какъ того желаютъ многіе, при земляхъ, о которыхъ уже говорилъ. Сверхъ того, поставляю пріятнѣйшимъ долгомъ отвѣтить на нѣкоторые сдѣланные мнѣ вопросы, воспользоваться наставленіями однихъ, отклонить заблужденія другихъ.

Мнѣніе мое о Парижѣ, какъ я и ожидалъ, встрѣтило много противорѣчій и тронуло самую чувствительную струну приверженцевъ всего Французскаго.

«Можно ли,» кричатъ мнѣ, «видѣть въ Парижѣ одну грязь, и изъ грязи на улицахъ заключать о «грязи умовъ и сердець?» Заключеніе не такъ должно, какъ полагаютъ многіе. Не одно лицо, вся внѣшность есть зеркало внутренняго. По бѣдному платью

* См. статья первая, Сына Отечества, Сентябрь.

нельзя заключить о бѣдности души, но одна грязная душа терпитъ и носитъ грязное платье.

Перейду молчаніемъ доказательства испортности Французовъ, не потому чтобы ихъ не было, но потому, что они несприятны. Сравните съ сей стороны Францію съ Германиєю, Англією, и наконецъ Голландією, и если сравненіе ваше будетъ, не смотря на все, въ пользу Франціи, оно докажетъ только, что мы не замѣчаемъ дурной стороны намъ милыхъ, любезныхъ, и до того близкихъ къ намъ самимъ, что мы слыши къ ихъ недостаткамъ, какъ къ собственнымъ своимъ. Въ Голландіи омываютъ верхнія стѣны домовъ; водосточныя трубы Париза едва достаточны для одной ихъ цѣли.

Не полагаю занимательнымъ входить въ подробности Французской безнравственности. Дѣла, творенія, слава Франціи носятъ на себѣ ея отпечатокъ. Страшный, отвратительный духъ своеволія широко воцарился во Французской литературѣ. Велико ли число книгъ, которыя добрый и благоразумный отецъ дозволитъ читать своей дочери? Болтается, убѣгать, какъ чумы, надобно дѣвцы, которая была бы напитана твореніями Жоржъ Зандъ, или возлюбленнаго Поль де-Кока, который, кажется, наконецъ уснулъ на пуховомъ своемъ престолѣ, или господствуетъ только въ однихъ мансардахъ и лакейскихъ, достойныхъ предметахъ его рѣзвато пера. Но между тѣмъ Бельгійскіе тиннографіки готовятъ создать ему памятникъ, какъ виновнику ихъ обогащенія. Бельгійскія книги не входятъ во Францію; Германія богата своими Поль де-Коками, равно дерзкими и несправедливыми (Laube, Clauser, и проч.). Кто же раскушаетъ Поль де-Кока?

Приверженцы, а потому и защитники грязнаго романиста, кричатъ въ одинъ голосъ, что нѣтъ пи-

сателя нравственнаго Поль де-Кока, среди самой его безнравственности. Согласенъ вполне, что конецъ великаго зла есть добро, и можетъ ли быть иначе возможно торжество добра на земли? Таково назначеніе всевышнее. Но здѣсь г. Поль де-Кокъ не виновать ни сколько. Зло ведетъ къ добру, но неужели одинъ путь къ добру — зло? Зло неизбежно, почти необходимо; безъ него нѣтъ и не можетъ быть добра. Но все ли смотреть на зло съ доброй точки, видя его, рисуютъ себѣ картину его противника — добра? Все ли, читая злое, думаютъ о добромъ и тѣмъ болѣе любятъ его? Картины зла отвратительны ли для всехъ? не соблазнительны ли для многихъ, тѣ особенно, которыя исходятъ изъ подъ пера Французскихъ писателей?

Впрочемъ, безнравственность отличаетъ не нѣкоторыхъ писателей, а всю Французскую литературу. Творенія Среднихъ Вѣковъ не суть плоды таланта, а вышесей страсти. Времена богатыхъ наставленіями настроили въ Италіи звучныя струны Данта и Петрарки, а во Франціи только минутно дали перо рукъ, обреченной мечу. Монастыри часто служили съ одной стороны убѣжищемъ истощившихъ жизнь среди пороковыхъ ликованій, но хранили въ то же время науку и просвѣщеніе, и сдѣлались республиканскія мысли въ свѣтъ варварства — мысли, служившей одному міру древнему и выразившей себя въ формѣ и на языкъ древнемъ. По литературѣ Романскал, свѣтскал, la gaye science, была занятіемъ однихъ Трубадуровъ, которые мало различались отъ Фиглярровъ. «Время доброе, какъ зовутъ его, вѣкъ «нашихъ добрыхъ отцовъ», говорилъ г-нь Виллемъ, «никогда не было временемъ нравственной чистоты. Люди, которые оплакиваютъ начало постепеннаго разврата съ XIV вѣка, и, такъ сказать,

«неопредѣленное развитіе дурныхъ правилъ, устрашили бы, если бы имъ открыли и передали про-
«изведенія тѣхъ временъ, которыя охотно представ-
«ляютъ невинными, потому, что они были грубы и
«феодалны. *Наглость и негестіе сливаются въ нихъ*
«*съ наивною живостію и остроуміемъ писателей.*

Не это ли хорошая и дурная сторона всей Французской литературы?

Французскій духъ, умъ и геній обязаны своимъ образованіемъ особенно XVIII столѣтію.

Литература сего вѣка разрушала одной рукой, чтобы созидать другою, и съ большимъ успѣхомъ исполнила она первое, нежели второе. Если не произвела она Французской революціи, то способствовала ей, а посему плодъ ея есть одно разрушеніе въ политикѣ, которая сдѣлалась особеннымъ предметомъ ея наблюденій. Нападая на зло, она нанесла не одну глубокую рану и добру; малое, если почти не было для ней священо и неприкосновенно. Съ Боссюэтомъ и Бурдалу исчезли величіе слова, возвышенность предметовъ самаго церковнаго краснорѣчія. Массильонъ и Фенелонъ замѣнили догматы историческія наставленіями политическими.

Исключительнымъ предметомъ вниманія писателей XVIII-го вѣка сдѣлалась критика отношеній общихъ и частныхъ, произведеній искусства и ума. И какъ источникъ ея не производитъ ничего собственнаго, то литература XVIII-го вѣка создала одну критику, насмѣшливую и бранчивую.

Монтескье и Бернарденъ де С. Пьерръ остались единственными оригинальными писателями.

Монтескье, какъ и всякій великій человекъ, не связывалъ своего генія интересами преходящими, возсился отъ частей къ целому, высоко парилъ онъ въ сферѣ умственной, а по сему-то и не осквернилъ

пера своего лдомъ, которымъ напитаны творенія его современниковъ. Если онъ и слишкомъ высоко цѣнилъ все Англійское, то не Франціи же могла занять его воплію. Его геній былъ такъ оригиналенъ, что мы съ трудомъ вѣримъ, что онъ Французъ.

Между тѣмъ Вольтеръ разрушалъ одною рукою славу, которую онъ созидалъ себѣ другою, упалъ чувствомъ съ высоты, на которую возносилъ его умъ.

Бурная жизнь Руссо наложила на его творенія печать оригинальности, но отвергнутый свѣтомъ, и ставъ на рубежѣ міра дѣйствительнаго и отвлеченнаго, онъ невольно упалъ въ пропасть послѣдняго. Принимая себя самого за точку зрѣнія, онъ перенесъ на свѣтъ тѣни, которыми самъ былъ омраченъ. Его мечты, его отчаянныя, мизантропическія заблужденія хуже самаго зла, которое онъ преувеличивалъ, и которое, не смотря на то, было довольно велико и могло внушать отвращеніе.

Въ вѣкъ общаго заблужденія, нельзя не почитать Бернарденъ-де-Сенъ-Пьерра, который съ негодованіемъ убѣгаетъ свѣта, и спасается въ роскошной тѣни природы, въ источникъ утѣшеній и не ложныхъ наслажденій.

Между тѣмъ поэзія пышною мантиею возвышеннаго приличія одѣваетъ геросвъ древнихъ, и влагаетъ въ нихъ страсти своего времени.

Бомарше, и съ нимъ цѣлый рой писателей, привлекаютъ сътыю остроумія къ пропасти безирравственности.

Безспорно, есть геніи, о которые расшиблась волна порока; на мрачной мантии ночной богини есть свѣтлыя звезды, есть Шатобрианъ, Ботенъ и Ламартинъ. Но не они путеводители заблуждашаго Французскаго народа, не передъ ними курится олимпъ

признательности и обожанія! Они доступны не всѣмъ; не подъ ихъ знаменемъ стекается толпа, которая всегда расположена болѣе къ злу, нежели къ добру.

Драматическіе писатели заслуживаютъ еще въ большей мѣрѣ упрекъ въ безправственности. Пороки людей могутъ быть забавны, но прелестна одна картина добродѣтели. Понятіе зла можетъ внушить намъ одно отрицательное правило. Французскія произведенія не всегда вселяютъ въ читателя ненависть къ злу, когда творенія Германскія раждаютъ любовь добродѣтели. Забавенъ Молиеръ, но великъ Шиллеръ! Насмѣшка можетъ исправить слабую сторону, недостатокъ, но не создаетъ достоинства. Нѣтъ оружія страшнѣе смѣха, особенно для Французовъ, которые, какъ Ансильонъ справедливо замѣчаетъ въ своей характеристикѣ Мазарина, легче прощаютъ преступленіе, нежели странность. Для совершеннаго творенія нуженъ идеаль, но возможенъ ли идеаль зла?

Литература тѣсно соединена съ исторіею; иногда идутъ онѣ къ общей цѣли, по одному пути, вмѣстѣ и ровно, хотя независимо. Иногда одна предшествуетъ другой, болѣе или менѣе производа на нее вліяніе. Слово воодушевляеть къ дѣлу, вызываетъ, образуетъ его; дѣянія раждаютъ преданія; народъ безъ исторіи, безъ независимаго дѣйствія, обреченъ остаться и безъ литературы. Величіе мысли встрѣчается тамъ только, гдѣ есть величіе силы и дѣла. Великіе мужи государственные найдутъ и писателей достойныхъ передать дѣла ихъ потомству; побѣдныя клики солдатовъ съ хвалебными звуками. Великія дѣла раждаютъ великія мысли и чувства; великія мысли воодушевляють къ великимъ дѣламъ.

Исторія всѣхъ народовъ покрыта мрачными, страш-

ными пятнами пороковъ и преступленій. Трудно рѣшить, что иногда на свѣтъ первенствуетъ: добро или зло? Но исторія Франціи далеко идетъ передъ другими въ пороки.

Въ Средніе Вѣки, пороки Франціи были общіе цѣлому свѣту, но Варроломеевская ночь, единственная въ лѣтописяхъ, далеко превосходитъ Сицилійскую Вечерню.

Позорныя преданія Трипона, и даже Сень-Клу, съ трудомъ найдутъ себѣ подобное. Но, скажутъ мнѣ, такіе пороки не доказательство безнравственности народа. Чтожь они доказывали? Не варварство же, ибо Франція шла тогда впереди всѣхъ просвѣщеніемъ. Многочисленный Французскій Дворъ распиралъ свои вѣтви далеко въ нѣдра всей аристократіи, и не гнушался смѣшеніемъ съ толпою. Народъ рѣдко невиненъ въ преступленіяхъ своихъ высшихъ. Неронъ и Калигула могли существовать только въ извѣстное время упадка нравственныхъ силъ народа.

Исторія народа Французскаго не лучше исторіи его правителей. Революція ли изгладитъ пороки времени, ей предшествовавшихъ? Въ ней ли пойдемъ мы достойные примѣры? Добродѣтель и невинность на эшафотъ, злодѣйство на повергнутомъ имъ престолѣ, и кровожадная, неистовая чернь, покорная его преступной волѣ, — вотъ картины Французской Революціи!

Марать, Робеспьерръ, Сень-Жюсть, и самый Дантонъ, изверги человѣческаго рода—владыки народа, достойные представители его величія и славы, и самый Наполеонъ не въ силахъ былъ громомъ побѣды возратить блеска коронѣ.

Преступленія, слышу я, во Франціи случаются не чаще, какъ во всякой другой странѣ, а если объ нихъ скорѣе и подробнѣе узнаемъ, то это благодѣяніе, а не вредъ. Публичное судопроизводство, безъ сомнѣнія, благотвельно для справедливости, еще болѣе для пустаго любопытства читателей, по не вредно ли оно для обвиняемаго, у котораго отнимаетъ возможность скрыть первую, слабую свою вину, предавалъ имъ его безславію, разосилъ по всѣмъ мѣстамъ, и тѣмъ подавивъ послѣднее чувство стыда, заграждаетъ ему путь къ исправленію?

Число преступниковъ одной земли, сравненное съ числомъ ихъ въ другой землѣ, дастъ ли намъ отношеніе нравственности обоихъ народовъ? Весьма неосновательно, ибо число преступленій зависитъ отъ положенія законовъ. Просвѣщеніе увеличиваетъ богатство въ меньшей мѣрѣ, нежели нищету народную, которая увеличиваетъ число преступниковъ, ибо отъ нищеты къ преступленію одинъ шагъ. Если преступленія противъ личности чаще въ земляхъ непросвѣщенныхъ, то преступленія противъ собственности чаще въ земляхъ благоденствующихъ.

Слѣдуетъ ли изъ того, что просвѣщеніе ведетъ за собою безнравственность и преступность? Ничего! Увеличивающееся число преступниковъ жертва просвѣщенія, но не доказательство пагубнаго его вліянія. Солнце просвѣщенія сіяетъ не для всѣхъ, и чѣмъ больше имъ озарены, тѣмъ виднѣе ничтожество тѣхъ, которые остаются во мракѣ. Трение вредно въ движеніи міра вещественнаго, но гдѣ нѣтъ трения, тамъ нѣтъ и движенія. Гдѣ нѣтъ имущества, тамъ нѣтъ и воровъ; съ умноженіемъ перваго умножаются вторые. Правильнѣе было бы заключить, что съ увеличеніемъ преступленій увеличивается просвѣщеніе. Напрас-

но статистики указываютъ мнѣ на нити чисель. Въ числа вещь случайная; они не въ силахъ опровергнуть результата справедливой мысли. Въ бѣдномъ народѣ нѣтъ нищихъ, ибо всѣ суть нищіе; въ народѣ промышленномъ число ихъ чрезвычайно. Но должно ли изъ того заключить, что богатство народное ведетъ къ народной нищетѣ? И такъ, если мы и встрѣчаемъ больше преступниковъ въ одной землѣ, нежели въ другой, то не имѣемъ права заключить, что тамъ же и больше безнравственности. Для того нужны другія сравненія.

Не бесполезно познакомиться съ положеніемъ просвѣщенія народнаго во Франціи *. Изъ пяти милліоновъ дѣтей, отъ 5 до 12 лѣтъ, половина не посѣщаетъ школъ и не получаетъ ни малѣйшаго просвѣщенія. Половина второй половины ходитъ въ школу непостоянно. Воспитаніе домашнее отчасти можетъ замѣнять публичное, но крайней мѣрѣ, его дополнить или хотъ приготовить къ нему, но оно во Франціи очень ограничено, нерѣдко приноситъ болѣе вреда, нежели пользы, вкореняетъ въ дѣтяхъ предразсудки, дурныя и часто опасныя привычки. Отецъ семейства занятъ работою и заботами жизни; попеченіе о дѣтяхъ исключительно предоставляется матерямъ, которыя рѣдко способны исполнить такую обязанность, будучи необразованные своихъ мужей. Въ то время, когда 34,000 начальныхъ школъ во Франціи опредѣлены дѣтямъ мужескаго пола, только 11,000 посвящены женскому, котораго вліяніе на нравственное развитіе народное чрезвычайно!

Въ высшихъ школахъ считается 70,000 учениковъ, изъ которыхъ и треть не получаетъ позна-

* См. рапортъ депутата Дюбуа въ 1836 г.

пий, полезных для нихъ въ жизни, ибо едва ли 20,000 нуждается въ древнихъ языкахъ, исключительныхъ предметахъ ихъ ученія. Не Латышь образуетъ добраго семьянина, фабриканта, или торговца, между тѣмъ, какъ большее число ихъ, волею или неволею, посвящающихъ себя части ученой, лекарской, или судебной, съ большою бы пользою записались промышленностію, или тому подобнымъ.

Развратъ капиталъ во Франціи всѣ вѣтви жизни частной и публичной. Независимость, самостоятельность женщинъ возвысила, облагородила отношенія общественныя и семейныя, но переродилась во Франціи въ порошное самовольство, отравила жизнь семейную, глубоко вложила въ нее пагубное сѣмя уничтоженія всѣхъ милыхъ и святыхъ связей. Развратъ Франціи есть общій со всѣми южными странами, гдѣ часто пламенное чувство перераждается въ преступную страсть, но въ Италіи, классической странѣ стилетовъ, измѣла и вслокитство не встрѣчаются, какъ во Франціи, съ однимъ равнодушіемъ, а возбуждаютъ месть и кару. И можетъ ли быть иначе, если одинъ расчетъ, или минутная страсть, заключаютъ браки, гдѣ любовь и вѣрность не законъ долга, добродѣтели и приверженности, а обязательство по контракту, не передъ алтаремъ, а передъ нотаріусомъ? Развратъ Французовъ выше всякаго другаго разврата потому, что ихъ цивилизація дала ему необыкновенную утонченность. Когда Сень-Маркъ-Жирарденъ полагалъ причиною общаго Французскаго разврата то, что во Франціи, не какъ въ Германіи, женятся слишкомъ поздно, то онъ принималъ слѣдствіе за причину: поздній бракъ слѣдствіе, а не причина разврата. Но и самое отвращеніе отъ брака, эгоизмъ, чувство не нравственное.

Мнѣніе мое о Французской Палатѣ Депутатовъ встрѣтило много противорѣчій. Мнѣ напомнили имена Тьера, Гизо, Дюпена. Но съ трудомъ можно назвать 10 человекъ изъ 459, такихъ, которые постигаютъ свое назначеніе и способны его исполнить! Большая часть обречены на молчаніе, бездѣйствіе, или разыгрываютъ роль нанятыхъ клакеровъ. Хорошо еще, если они умѣютъ хлопотать и свистать ксатати, или молчать и слушать своихъ учителей, не злоупотребляя вниманія и терпѣнія собранія писанными, длинными, скучными, и часто даже чужими рѣчами. Депутаты совсѣмъ не представители народа, ибо избираются самою малою его частію; не представители способностей умственныхъ и сердечныхъ, а средствъ и интересовъ матеріальныхъ, которые не порука за любовь къ отечеству и знаніе его общественныхъ выгодъ. Малое число одушевлено желаніемъ быть полезными другимъ, но довольно ли для того одной доброй воли? Другу вѣраемъ мы охотно кошелекъ, но вѣрно не больное наше тѣло, если онъ не лекаръ; одной приверженности не достаточно — нужно знаніе. Организмъ государственной многосложнѣе и мудренѣе состава тѣла человѣческаго.

Большинство голосовъ вещь случайная. Истина всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ міра постигается не большимъ, а самымъ малымъ числомъ людей. Познанія останутся долго, если не вѣчно, достояніемъ весьма не многихъ. Цифры, которыя такъ много рѣшаютъ, суть ничтожный авторитетъ и плохая порука за полезность рѣшеній.

Обратимся къ тѣмъ лицамъ, которые владѣютъ Палатою, укрощаютъ или ускоряютъ ея движеніе.

Дюпенъ устарѣлъ въ преніяхъ; его стихія, его слава — публичное краснорѣчіе. Независимое положеніе.

не сохраняет онъ тѣмъ, что никого и ничего не щадить, исключая истину и право. Что за органъ! что за увѣренность! Съ гордымъ, властительнымъ взглядомъ слѣдуетъ онъ за внезапными волненіями собранія. Черты его лица въ вѣчномъ движеніи, жесты живы и скоры, и онъ легко увлечается, повелеваетъ президентомъ, ораторомъ, убеждаетъ и увлечаетъ. Онъ буквально придерживается законовъ, но объѣмлетъ всю ихъ мысль, и выражаетъ ее съ жаромъ и диктаторскою важностію.

Гизо ученъ, строгій логикъ, разсуждаетъ глубоко, выводитъ мало; лучше опредѣляетъ, поясняетъ, нежели рѣшаетъ вопросы. Онъ слишкомъ ученъ и глубокъ, и потому не можетъ пользоваться ходячею монетою Французовъ, острою и фактовою. Такимъ оружіемъ успѣшно владѣетъ его сподвижникъ *Графъ Жоверъ*, но откровенностью онъ часто вредитъ своей партіи. Ученость *Гизо* не всегда полезна и часто препятствіе дѣлу. Какъ обширенъ въ теоріи, такъ слабъ онъ въ практикѣ.

Тьерс обвиняютъ въ томъ, что у него нѣтъ системы, но въ томъ то часто и состоитъ самая лучшая система. Доктрины должны образоваться по людямъ и обстоятельствамъ, а не люди и обстоятельства по доктринамъ. Доктрина производитъ одиѣ бланстательныя рѣчи; онѣ составляютъ ее счастье, но для счастья народа нужно болѣе того. Тьеръ олицетворенный умъ; его слушаешь по цѣлымъ часамъ съ немовѣрною пріятностію, и когда только возвращаешься онъ на свое мѣсто, замѣчаешь, что онъ ни на шагъ не подвинулъ вопроса.

Лавитъ, котораго девизъ: *заслуживать и не полагать*, съ трудомъ удержался на депутатскомъ своемъ мѣстѣ, и съ отчаяніемъ схватился за старое, грозное свое оружіе — золото, зная изъ опыта, что

оно главная пружина не только частной, но и общественной жизни. Рѣдко всходитъ онъ на кафедру; всендневныя пренія для него безъ интереса. Рѣшитель не одного важнаго вопроса въка, съ презрительною улыбкою смотритъ онъ на борьбу мнѣній, страстей и мелочныхъ интересовъ. Не передъ нимъ скрываются финансовыя тайны и хитрости; при всѣхъ дѣлахъ такого рода его страшатся; всѣ взоры устремляются на него, но онъ недвижимъ и молчаливъ. Какая тайна зрѣетъ подъ его стѣдинами? *Одильонъ Барро* уважаемъ за правоту сердца, свѣтлый умъ и силу слова.

Могенъ живетъ еще славою борьбы съ *Казимиромъ Перрье* о наследственности перовъ.

Политика *Дамартина* слишкомъ близка къ поэзіи, и потому не можетъ быть практическою.

Беррье, единственный, неумолимый и краснорѣчивый поборникъ легитимистовъ, заключаетъ число первоклассныхъ ораторовъ.

Гарнье-Паже, *Сепъ-Маркъ-Жирарденъ*, *Шескатори*, *Фюльширонъ*, *Кормененъ* могутъ быть причислены ко второму классу, и заключаютъ число прінимающихъ живое участіе въ преніяхъ.

Садъ растений (*Jardin des plantes*), *Перъ-Лашезъ* и *Палтеонъ* — единственныя убежища отъ шума, пыли и грязи Парижской.

Галерей естественной исторіи въ *Королевскомъ Саду* — лабиринтъ богатства и красоты. Порядокъ и изысканность удивительны; сближеніе и наблюденіе представляются неволью самому незнающему. Польза подобныхъ заведеній неоспорима, даже для массы народа. Мысль величественная — на маломъ пространстве соединить всѣ произведенія природы, которая, кажется, прельщалась ихъ разнообразіемъ; такъ

велики, оригинальны, часто уродливы формы ея творения! Какое множество мыслей родится на каждом шагу, передъ самою малою былинкою! Для натуралиста, минуты въ галереяхъ райскія и незабвенныя! Изъ оконъ галереи видъ въ садъ очаровательный; причудливо разбитыя аллеи извиаются вокругъ возвышеній, усвященныхъ самыми рѣдкими деревьями и растеніями. Многочисленная колонія животныхъ, со всего міра, привлекаетъ любопытныхъ изо всѣхъ краевъ свѣта. Хлѣва ихъ превосходятъ въ чистотѣ и удобности всѣ крестьянскія избы. Что тутъ удивительнаго? Мало ли собачекъ, птичекъ и обезьянъ, которыхъ судьбѣ завидуетъ не одинъ влюбленный, и ревнуетъ не одинъ мужъ въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ?

Пантеонъ — исторія Франціи въ великихъ чертахъ, которыя напоминаютъ не одни дѣянія, но и геніевъ, ихъ дѣятелей, и мысли, господствовавшія въ разные эпохи. Пантеонъ зданіе патріотическое, но патріотизмъ становился подъ различными знаменами, а посему-то и дѣла, удостоившіяся чести Пантеона, суть дѣла всѣхъ родовъ и всѣхъ партій, по мѣрѣ ихъ успѣховъ и первенствъ. Гробы Руссо и Вольтера, задѣланные въ стѣну во время возстановленія Бурбоновъ (*restauration*), возвращены свѣту революціей, которая, на мѣстѣ Вольтерова заключенія, поставила ему статую.

Подземные ходы обширны, и свободныхъ мѣстъ много. Заслуги, награждаемыя во время Имперіи почестями Пантеона, были другія, нежели во время Республики: тогда всякой сенаторъ, по смерти своей, находилъ мѣсто въ Пантеонѣ. Многие оставили одни сердца свои въ урнахъ. Вольтерово сердце осталось въ Швейцаріи; его сила скрывалась въ его

геніи, который наследовала Франція, испытывъ отъ него не одно потрясеніе.

Суфло, строитель Пантеона, умеръ въ 1780 году, и похороненъ тутъ же. Восемь лѣстницъ ведутъ къ ротондѣ; на потолокъ, на высоту 209 ф. видна картина *Гро*, представляющая пять эпохъ Французской Исторіи. Св. Женевьева, покровительница Франціи, Клодовигъ, прикрытый ея одеждою, Карломанъ, Лудовикъ IX, Лудовикъ XVI, съ обнаженнымъ Дофиномъ, въ голубой лентѣ, Лудовикъ XVIII съ Ангулемской Герцогиней. 3256 ф. составляютъ поверхность картины. Сводъ купола отдѣленъ отъ двухъ другихъ, чего не представляетъ ни одно Европейское зданіе. Четыре картины *Жерара* доказываютъ, что Пантеонъ неозвратно перешелъ къ властямъ свѣтскимъ. Стекла остались нерасписанными; художникъ увесъ въ гробъ свою тайну. Четыре доски въ центрѣ зданія покрыты именами падшихъ гражданъ въ Июльское трехдневіе.

Сенъ-Дени представляетъ интересъ, подобный Пантеону. Архитектура собора оригинальна; одинъ изъ шпировъ оканчивается горизонтальною поверхностію, на которой висятъ колоколы на наружѣ. Крышка чешуйчатая, внутренности готически регулярны. Надъво, при входѣ, два памятника, Лудовика XII и Катерины Медичи; на правой сторонѣ Франциска I. Всѣ памятники носятъ слѣды варварскаго бѣшенства революціонной толпы. Даже статуя, поставленная на лѣстницѣ, изображающая мудрость въ восхитительномъ выраженіи, не была пощажена, и теперь дополнена рукою изъ алебастра. Памятникъ Генриха III послѣдній и простѣе всѣхъ — колонна изъ краснаго мрамора, съ небольшимъ на верху ангеломъ.

Взойдя на лѣстницу, видите алтарь Лудовика

XVIII. Гробъ послѣдняго усопшаго Короля становится посреди церкви, въ ожиданіи смерти наследника, котораго портретъ уже занялъ свое мѣсто на стеклѣ окна. Подъ другимъ алтаремъ, украшеннымъ золотымъ крестомъ, произведеніемъ XIII столѣтія, видно подражаніе гробу Св. Діонисія. Вниманіе посетителя привлекается еще двумя престолами: одинъ изъ мозаика, удивительной красоты, въ своемъ родѣ; другой изъ зеленого мрамора, и служилъ при вѣнчаніи Императора.

Въ нижнихъ ходахъ покоятся многочисленныя Короли Франціи. Памятники Клодовика и Клотильды самыя древніе; статуя Карломана стоитъ впереди своей династіи; другія лежатъ на гробахъ; ноги ихъ покоятся на животныхъ, символахъ добродѣтелей, отличавшихъ каждаго изъ монарховъ: то левъ, то собака напоминаютъ ихъ силу, или вѣрность. Страшное чувство овладѣваетъ вами при видѣ безчисленныхъ гробовъ! Каждый изъ королей наполняетъ своимъ именемъ вселенную — все они вмѣстѣ внушаютъ посетителю одну мысль о суетѣ всего человеческого!

Любитель Исторіи посѣтитъ съ удовольствіемъ *Версаль* и *Историческій Музеумъ*. Къ нему ведетъ обширный дворъ, по которому ходили во дворецъ все великіе люди, которыхъ статуи поставлены на дворѣ, въ двухъ длинныхъ рядахъ. Мысль Музеума величественна — соединитъ въ произведеніяхъ національной кисти все славныя воспоминанія національной исторіи. Но исполненіе не такъ удачно, какъ самая мысль; бѣльшее число картинъ ниже посредственности. Оставимъ нижній этажъ, взбѣжимъ по лѣстницѣ въ залу великихъ дѣлъ *маленькаго кап-рала*, изображенныхъ достойною кистию *Горация*

Вернета. Герой при *Ваграмѣ*, на бѣломъ конѣ; въ одной рукѣ зрительная трубка, другою отдаетъ онъ плачь. Конь весь нетерпѣливъ, всадникъ весь спокойное размышленіе. Вдали упорная сѣча; вблизи проводятъ раненаго, который оживаетъ при видѣ своего вождя. Въ битвѣ *Иенской*, Наполеонъ, въ томъ же сѣромъ сюртукѣ, съ восторженнымъ взоромъ, подъ которымъ таится грозный планъ боя, скачетъ передъ рядами гвардіи, этой неподвижной и побѣдоносной массы. Картина *Аустерлицкой* битвы мѣнѣе выразительна. Наполеона встрѣтите вы на каждомъ шагѣ; ни малѣйшая его черта не забыта. Онъ изображенъ консуломъ, генераломъ, императоромъ; вы видите его помазаніе, бракосочетаніе, переходъ черезъ Бернадъ; встрѣтите передъ пирамидами, съ высоты которыхъ *сорокъ вѣковъ* были зрителями его подвиговъ. *Яффа*, *Капръ*, *Маренго*, *Эйлау*, *Москва*, *Тильзитъ*, однимъ словомъ, все Наполеономъ прославленные мѣста живы въ картинахъ, которыя однако же не все одинаково хорошей кисти.

1830-й годъ занимаетъ цѣлую залу.

Оставивъ Музеумъ, утомленный глазъ съ удовольствіемъ разсѣется видомъ рѣзвыхъ группъ, гуляющихъ въ саду. Въ тѣ дни, когда бьютъ воды, стеченіе народа немовѣрно. Невольно проведешь въ Версали цѣлый день, когда лавки, игры, зрѣлища, подвижныя рѣдкости разобьютъ тамъ свой лагерь. Въ обществѣ Альбиносовъ провелъ я нѣсколько пріятныхъ минутъ. Я ожидалъ найтти въ Альбиносахъ челоѣка-чудовище, послушнаго мановеніямъ его сторожа-снегуланга. Каково же было мое удивленіе, когда увидѣлъ въ немъ фашіонабла, мужчину высокаго, сильнаго и красиваго вида, котораго кожа превосходитъ нашу бѣлизною и нежностію. Но изум-

леніе мое увеличилось, когда Альбиносъ привѣтствовалъ насъ ученою рѣчью на чистомъ Французскомъ языкѣ. Очень умно отвѣчалъ онъ на всѣ вопросы, какими осыпали его со всѣхъ сторонъ. Онъ былъ похищенъ какимъ-то Англійскимъ капитаномъ, на пятомъ году своего возраста, со многими другими соотечественниками. Волею и неволею путешествовалъ онъ очень много, испыталъ и перенесъ немало. Знакомство его можетъ доставить пользу и удовольствіе. Въ какомъ видѣ представлялись его краснымъ глазамъ не всегда красившія наши отношенія? Господинъ Альбиносъ пользуется всѣми выгодами образованнаго, свѣтскаго человѣка, соединяя съ тѣмъ интересъ оригинальности. Онъ человѣкъ-сова, видитъ только въ темнотѣ, и говоритъ о томъ, какъ объ какой нибудь личной, частной особенностях. Трудно объяснить такое явленіе. Какъ огненное солнце Африки, дѣлая все чернымъ, производитъ малочисленное поколѣніе, но распространенное по большому пространству, и которое превосходитъ бѣлизною Европейцовъ? Или оно произведеніе ночи, которая, по странному противорѣчію, даетъ наружность свѣтлую и бѣлую, между тѣмъ какъ день налагаетъ мрачный видъ на свои творенія? Мои размышленія были прерваны появленіемъ сестры Альбиноса, маленькой и не столь красивой дѣвочки, у которой произношеніе не такъ уже чисто. Свѣтъ имъ вреденъ, но они очень хорошо различали въ темнотѣ деньги, которыя клали имъ въ кружку, что было замѣтно по различному роду извѣленія благодарности.

Недалеко надобно отѣхать отъ Парижа, если хотите убѣдиться въ томъ, что самыя лучшія Французскія дороги хуже самыхъ дурныхъ Англійскихъ

и Голландскихъ. Какъ онѣ ни крѣпки, но не долго держатся подъ грузомъ колоссальныхъ телегъ, съ трудомъ двигаемыхъ длинною нитью лошадей, которыхъ часто насчитывалъ я до одиннадцати. Спускъ съ горы не мало затруднителенъ для такихъ огромныхъ телегъ, почему часто прирпагаютъ сзади ихъ нѣсколько лошадей, которыя тянуть назадъ и удерживаютъ отъ паденія. Чудо, да и только!

Дорога отъ Сень-Жермена въ *Гриньонъ* узка, дурна, но довольно живописна. Съ веселою готовностію показали мнѣ всѣ подробности образцовой фермы. Десять лѣтъ, какъ она во владѣніи частнаго общества. У ней 1100 десятинъ, изъ которыхъ обрабатывается 800. Искусственнаго навоза не употребляется; простаго добывается до 2000 возовъ. Рогатаго скота числомъ 80, породы Швейцарской и Норманской; первая изъ кантона Швицъ, цѣною отъ 400 до 500 фр. каждая штука. Унавоживаютъ ежегодно. Хозяйство семипольное; восьмое поле назначено для опытовъ и пробъ. Плуги Гриньонскаго изобрѣтенія. Коровы даютъ по 6 и 7 литровъ въ день молока; ихъ кормятъ горохомъ, свеклою и картофелемъ (по 20 ф. въ день). Учениковъ на фермѣ 60; свиней 40, породы Англійской. Шелководствомъ занимаются только третій годъ; въ первый добыли 1½ унціи шелку; для одной унціи нужно 40,000 червей.

Фарфоровая фабрика въ *Сверт* превосходитъ Берлинскую и Мейссенскую пышностію, красотою и изысканнымъ вкусомъ живописи. Не продажа, а составленіе образцовъ цѣль заведенія; для совершенства не щадятъ издержекъ. Выгода практическая весьма мала; частныя фабрики не могутъ подражать Королевской, ибо цѣны ея произведеній ни для ко-

го не доступны. Миниатюрные портреты Короля и Королевы стоятъ 1800 фр., маленькая чашка съ портретомъ Монтеस्कьё 100 фр., простая бѣлая 50, рюмочка для лица 15 фр. Первые живописцы получаютъ по 600 фр. жалованья въ мѣсяць. Въ Севрѣ полное собраніе моделей фарфора всѣхъ иностранныхъ земель, отъ самаго грубаго до самаго совершеннаго вида. Китайцы долго еще останутся нашими учителями; мы еще не дошли до искусства подражать ихъ краскамъ, особенно красной. Основатель фабрики былъ Лудовикъ XV. Число работниковъ 150.

—
Пріятно перенестись изъ среды публичной, шумной жизни къ мѣстамъ тишины и вѣчнаго покоя. Переходъ къ противоположностямъ вызываетъ глубокія впечатлѣнія, потрясаетъ душу, даетъ ей силу, крѣпость, хотя иногда и вредную чувствительности.

Къ кладбищу *Перь-Лашезъ* (О. Лашеза) должно пройти черезъ предмѣстіе St. Antoine, мимо Бастильской площади. Огромный слонъ напоминаетъ ужасное происшествіе, которое долго будутъ оплакивать друзья человечества, за кровь и жертвы, принесенныя кумиру свободы. Тамъ, гдѣ жизнь такъ бурна, видъ смерти долженъ наводить уныніе и страхъ. Но Перь-Лашезъ не располагаетъ ни къ грусти, ни къ жалости. Вы не увидите тамъ мрачныхъ и грустныхъ лицъ, не услышите воплей и стоновъ: туда ходятъ не плакать надъ могилами, а гулять и любоваться надгробными камнями. Украшенія гробовъ милы и утѣшительны; только слабыя черты напоминаютъ различіе между покойниками; земля возвращается въ свои нѣдра, какъ и производитъ на свѣтъ, только равныхъ. Кладбище представляетъ мно-

жество предметовъ важнымъ размышленіямъ. Смерть страшна тому только, кто объ ней рѣдко думаетъ. Составивъ себѣ объ ней идею и убѣжденіе, достигнувъ послѣднюю цѣль и конецъ жизни, мы живемъ, действуемъ иначе, и не теряемъ силы и времени на ничтожныя стремленія.

Исчислить всѣ надгробные камни, достойные вниманія, почти невозможно. Статуя маршала Гувіонъ-Сень-Сира стоитъ на могилѣ, такъ, какъ онъ изображается на Полоцкомъ бивакѣ. Далѣе, скромный камень съ именемъ, краснорѣчивѣе всѣхъ надписей и украшеній: «Адмиралъ Виньи». Въ другомъ мѣстѣ, надъ гробомъ капитана, убитаго при осадѣ Антверпена, возвышается пышная палатка съ надписью: «Decorum est pro patria mori.» Памятникъ Казимира Перрье при мѣѣ еще не былъ оконченъ.

—
Живой памятникъ Исторіи *Домъ Инвалидовъ*. Это пространный дворъ, окруженный двухъ-этажными галереями; посерединѣ простояла, но красавал церковь. Въ ней гробы Вобана и Тюрена, одинъ противъ другаго. Послѣдній изъ мрамора — богиня держитъ вѣнецъ надъ его головою; вдали орелъ, внизу видъ битвы. Гробница Вобана проще: колонна съ урной, окруженная трофеями. Домъ заключалъ во время моего посѣщенія 3500 инвалидовъ и 800 офицеровъ. Въ комнаты входить нельзя, но вы видите инвалидовъ, гуляющихъ по корридорамъ; поговорите съ ними и не будете жалѣть о минутахъ, съ ними проведенныхъ. У нихъ есть библіотека, очень хорошо припороченная къ ихъ вкусу; въ двухъ сосѣднихъ съ нею комнатахъ портреты маршаловъ; особенно обратили мое вниманіе изображенія Нел, Даву, Сень-Сира, Журдана. Я полюбилъ поглядѣть на кухню, но ничего не на-

шелъ интереснаго, кромѣ того, что посуда офицеровъ изъ серебра. Во второй галерей стоитъ надъ часами статуя Наполеона. Когда увидите вы его пляпу, рука невольно берется за вашу, чтобы поклониться первому гренадеру Европы!

Зданія Парижскихъ театровъ далеки отъ величія и пышности, что очень похвально. Если народъ долженъ увѣковѣчиваться зданіями, то цѣль должна соответствовать издержкамъ, предметъ долженъ быть общій времени настоящему и будущему, націи или цѣлому свѣту — патриотизмъ или человеколюбіе. Издержки, которыхъ требуетъ великолѣпіе внѣшности театровъ, съ большою пользою посвящаются труппѣ и постановкѣ піесъ. Вкусъ въ украшеніяхъ внутреннихъ вполне вознаграждаетъ за отсутствіе пышности. Слѣдуя такому примѣру, можно построить большее число театровъ, надѣлать ими различныя, самыя отдаленныя части города, распределить ихъ по различію требованій, классовъ, вкусовъ и умовъ. Парижскіе театры предпріятія частныя (но малое число ихъ обходится безъ вспомоствованія правительства, которое особенно поддерживаетъ отечественную, большую и малую оперу); все ихъ собственность, и самыя піесы, въ которыхъ число хорошихъ весьма ограничено; выборъ труденъ, а потому-то и представляется почти одно и то же, въ ожиданіи какого нибудь новаго произведенія и его пріобрѣтенія. Частое повтореніе піесъ причина совершенства игры актеровъ. Напрасно напрягается умъ самаго злобнаго критика, чтобы прибавить или убавить что нибудь изъ игры лучшихъ Нѣмецкихъ актеровъ; трудно вообразить себѣ что нибудь ихъ совершеннѣе, пока не увидишь Французскихъ актеровъ, которые превосхо-

дятъ Нѣмецкихъ пышностью, роскошью игры, и представляютъ болѣе нежели точно и вѣрно. Имъ недовольно и рѣдко бываетъ трудно постигнуть мыслей автора; игрой своей покрываютъ они ея недостатки, выставляютъ ея прелести, превосходятъ самого сочинителя, и не разъ таланты Марсъ, Фирмень, Буффэ, Ашиль, и другихъ, доставляли успѣхъ не одной піесѣ, обреченной на смерть при самомъ рожденіи. Превосходство Французскихъ актеровъ зависитъ не отъ нихъ однихъ, но и отъ публики; роли распределяются по достоинству личному; не одинъ и тотъ же играетъ королей и цырюльниковъ: для роли первыхъ нужны ученіе и знаніе, что дано не всѣмъ актерамъ. Съ образованіемъ соединяютъ они самолюбіе и гордость въ высшей степени. Они чувствуютъ и требуютъ, чтобы публика признавала въ нихъ не актеровъ, а артистовъ.

Если не частное ихъ поведеніе, то ихъ искусство заслуживаетъ имъ почтеніе. Достоинство актеровъ зависитъ, какъ уже сказала я, отъ публики, ея требованій, сужденій, изъявленій удовольствія и негодованія. Всякій человекъ, а въ особенности актеръ, требуетъ поощренія; возможно ли оно, если публика не отличаетъ посредственности отъ совершенства, рукоплещаетъ и одобряетъ равно обоимъ? Нѣтъ публики строже и справедливѣе Французской. Я сказала, что Французскіе актеры превосходятъ Нѣмецкихъ, но надобно исключить трагедію, столь мало сродную съ умомъ и духомъ Французовъ. Одинъ только разъ видѣлъ я Цинну, и съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ смотрѣлъ на нелпыя и отвратительныя гримасы и рукомаханье актеровъ. Въ театрѣ Porte St. Marinъ видѣлъ я нѣсколько трагедій, въ которыхъ ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не осталось въ живыхъ.

Любовь Французовъ къ зрѣлищамъ всѣхъ родовъ превосходить всякое описаніе: стоитъ остановиться на улицѣ и устремить на что нибудь глаза, чтобы увидѣть себя въ одну минуту окруженнымъ толпою любопытныхъ, бездѣльныхъ эвакъ и незвѣвающихъ бездѣльниковъ. Вотъ извѣстный и характерическій анекдотъ: иностранецъ подаетъ нищему милостыню, и вечеромъ видитъ его въ театрѣ; на другой день встрѣчаетъ то же лицо, съ новою просьбою о подавни. «Вамъ нечего ѣсть, а вы ходите въ театръ,» съ удивленіемъ сказалъ иностранецъ. — «Буду съѣсть личкомъ,» отвѣчалъ нищій, «но пойду въ театръ.»

Мѣста въ оркестрѣ и стульяхъ мало; любопытные осуждены на партеръ и истинное мученіе *faire la queue* (дѣлать хвостъ), т. е. ожидать у дверей открытія театра цѣлые полдня. На свѣтъ пѣтъ препровожденія времени скучнѣе и тягостнѣе. Толкаются, ругаются, чуть не дерутся; одному дурно, другому смѣшно. Пришельцовъ привѣтствуютъ звѣрскимъ крикомъ: «А la queue, à la queue!» — Нетерпѣніе сообщается всѣмъ внезапно, дѣлается общимъ; тогда-то подымается адскій шумъ, требуютъ открытія дверей, швыряютъ су и камни въ окна, чтобы привлечь полицію, которая отгоняетъ зрителей этого особеннаго и забавнаго представленія, и съ триумфомъ выталкиваетъ безчисленныхъ продавцовъ билетовъ и мѣстъ. Они составляютъ цѣлый классъ промышленниковъ (*chevaliers d'industrie*); иногда до заката солнца занимаютъ первыя мѣста въ хвостѣ, чтобы продать ихъ послѣ публикъ, которал, будучи не въ силахъ прекратить такое злоупотребленіе, изъясняютъ свой гнѣвъ на нихъ благодарными криками къ полиціи: «Bravo les gendarmes, boutrah! vive la justice! vive la municipalité!» Наконецъ отворяются двери и начинается ужаснѣйшій

суматоха: толкалъ впередъ, сбиваютъ другъ друга съ ногъ; слабѣйшій отброшенъ къ стѣнѣ, неловкій сдавленъ въ дверяхъ. Шумъ и безпорядокъ, стѣсненный въ загородкахъ, утихаетъ не скоро, и утомленная толпа снова приговорена къ долгому терпѣнію до открытія кассы. Часто приходится нѣмымъ испытать всѣ эти маневры, для того только, чтобы не достать билета даже и въ партеръ; остальные же, ворвавшись на мѣста, подвергаются новой попыткѣ терпѣнія до начала пьесы. Часто, не доставъ билета въ стали, я утѣшался, смотря на горькое веселье несчастныхъ, обреченныхъ страданіямъ быть въ хвостѣ. Едва ли заслуживаютъ продавцы билетовъ и мѣсть преслѣдованіе публики и полиціи. Всякій разъ, когда ихъ голодная стая слеталась у входа какого нибудь публичнаго зданія, возбуждалась во мнѣ жалость, а не злоба. Ихъ ремесло не что другое, какъ неучтивый образъ просить милостыню, неприятный, но справедливый, и ни мало не заслуживающій презрѣнія. Публичныя мѣста принадлежатъ цѣлому народу; отъ чего же запрещать ими пользоваться болѣе другихъ тѣмъ, у кого нѣтъ другаго жилища, кромѣ улицы? Не одни билеты и мѣста въ хвостѣ, марки и контрамарки, суть предметы спекуляціи этихъ несчастныхъ: вы можете имъ продать и отъ нихъ купить билеты на отдѣльныя дѣйствія, и, благодаря имъ, объѣхать и посѣтить въ одинъ вечеръ всѣ Парижскіе театры за весьма сходную цѣну.

Одинъ Théâtre français отличается отъ всѣхъ прочихъ разнообразіемъ представленій. Вы въ немъ увидите произведенія древнія и новыя. Корнель, Расинъ, Мольеръ, Гюго, Скрибъ, попеременно занимаютъ зрителей. Число новыхъ и хорошихъ произведеній весьма не велико. Классики, какъ и всѣ

величія, сдѣлались въ нашемъ вѣкѣ удивительно рѣдки: масса народа ворвалась въ храмъ мысли, открыла ея тайники и низринула своевластіе великихъ умовъ. Величіе, какъ и всѣ понятія человѣческія, относительно; оно было часто во времена древнія, ибо малѣйшее превосходство надъ массою варварства и звѣрства составляло уже величіе. Въ наши вѣки необыкновенно одно сверхъестественное; достоинства признаются съ трудомъ, а удивленіе чувство неслыханное! «*Nil mirari!*» девизъ XIX столѣтія. Кандидатовъ и претендентовъ на величіе слишкомъ много; свѣтъ заваленъ произведеніями фабрикъ и умовъ. Путь открывается теперь посредствомъ уничтоженія и ведетъ среди развалинъ. Многіе, для того, чтобы составить себѣ имя, начинаютъ омраченіемъ славы другаго, и часто, очень часто принуждены тѣмъ ограничиться. Изреченіе Соломона великая истина нашего вѣка, но и она не избавитъ отъ ничтожныхъ попытокъ. «Ничего нѣтъ новаго подъ солнцемъ!» сказала древній царь-мудрецъ.

Но не одно соревнованіе уничтожило величіе: зависть играть и тутъ важную роль, и противится признанію достоинства. Мы не всегда въ состояніи судить о современныхъ произведеніяхъ: мы къ нимъ слишкомъ близки. Желая оцѣнить картину, надобно отступить, и чтобы судить о происшествіи, надобно обождать, пока время положитъ довольно большое пространство между нами и событіемъ. Тоже самое и въ отношеніи къ произведеніямъ ума: не легко и охотно сознаются въ преимуществѣ намъ равнаго, близкаго во времени и отношеніяхъ.

Предметы для наблюденія и размышленія въ Парижѣ неисчислимы. На каждомъ шагѣ новое зрѣ-

лище, комическое или трагическое. Парижъ — обширный, никогда не умолкающій, шумный театръ. Только въ Парижѣ можно бродить съ пользою, дѣлать дѣло, даже звалъ. Черты и движенія Французовъ и Француженокъ дышатъ страстью. Малѣйшую бездѣлку принимаютъ они къ сердцу, которое, находясь отъ того въ вѣчномъ волненіи, составляетъ причину ихъ легкомысленности и вѣтренности. Хладнокровіе тайна почти всякаго успѣха; отъ того-то Сѣверъ со временемъ восторжествуетъ надъ Югомъ. Побѣда часто благоприятствовала Французамъ, но не всегда умѣли они ею пользоваться, еще рѣже завоевывать и сохранять пріобрѣтенное. Не хочу преувеличивать моего патриотизма, но когда я сравниваю двѣ націи, Французскую и Нѣмецкую, то нахожу ихъ различными, даже противоположными, какъ въ недостаткахъ, такъ и въ преимуществахъ. Зачѣмъ же не будутъ Русскіе тою націею, которая соединитъ въ себѣ преимущества, отличающія оба народа? Намъ дана сила дѣятельности. Какъ законъ облызываетъ насъ она самымъ климатомъ, и я глубоко вѣрую въ сѣмя энтузіазма Русскихъ къ возвышеннымъ чувствамъ и великимъ дѣламъ. Положитесь на время, великаго направителя мыслей и учредителя дѣлній. У насъ не мало вкуса и любви къ блеску и живости Французской дѣятельности; займемъ же у Нѣмцовъ основательность ихъ мысли и глубину ихъ чувства. Тогда-то нашъ собственный источникъ, полагаемый мною богатымъ, раскроетъ затаянныя въ немъ, самобитныя сокровища.

Всѣ произведенія Французовъ, умственные и матеріальныя, облечены въ формы сладострастныхъ. Геній національный выражается въ большемъ и маломъ, въ произведеніяхъ ума и промышленности, отъ драмы и картины до самой мелочи туалетной.

Отъ того-то любопытный съ удовольствіемъ оставался передъ окнами лавки, и любитъ раскладкою товаровъ, замысловатостью формъ каждой вещи. Зрительныя и приближительныя трубы не въ силахъ открыть вамъ несовершенство вамъ видимаго: вы пожелаете можетъ быть микроскопа? Гдѣ желаніе, котораго нельзя было бы удовлетворить въ Парижѣ? Придумать его — неразрѣшимая задача для самаго изобрѣтательнаго ума. Нѣскольکو шаговъ отъ Пале-Рояля, въ Passage-Colbert, найдете вы газовый микроскопъ, величины необыкновенной: онъ увеличиваетъ въ 80,000 разъ. Вотъ вещи, обыкновенно показываемыя публикѣ: капля Сенской воды наполнена отвратительными насѣкомыми, столь быстрыми и испоконными, что глазъ не въ состояніи слѣдить за ихъ движеніями. Каждая другаго рода вода заключаетъ въ себѣ особенныхъ тварей, и когда смѣшиваютъ различныя воды, то животныя уничтожаютъ себя съ неимовѣрною скоростью; ничто не можетъ сравниться съ быстротою ихъ нападеній. Сырналъ пылинка, величиною съ булавочную головку, привлекаетъ особенное вниманіе: въ ней видны два большихъ насѣкомыхъ, съ дюжиною дѣтокъ, на такомъ просторѣ, что остается очень мало мѣста для стѣнъ ихъ жилищъ. Мы едва успѣвали наблюдать за всѣмъ ихъ житьемъ-бытьемъ и удостоились быть зрителями разрѣшенія отъ бремени одного изъ насѣкомыхъ: новый нашъ знакомый самъ собою освободился изъ скорлупы; самыя тонкіе волосы дѣтяти кажутся толстыми чубуками. Вода даетъ жизнь мулкѣ: когда она намочена, показываются желтоватыя гады, наподобіе пиявокъ; они безпрестанно извиваются, какъ будто назначеніе ихъ существованія борьба со смертію, которая почти непосредственно

слѣдуетъ за ихъ появленіемъ. Самое любопытное наблюденіе посредствомъ микроскопа есть кристаллизація. Засыхающая жидкость распространяется съ большою быстротою, въ формахъ удивительной красоты и правильности. Эти качества свойственны всѣмъ, самымъ малымъ произведеніямъ природы; они ведутъ къ заключенію о красотѣ и величіи, царствующихъ въ цѣлости ея твореній. Какъ ничтоженъ и безсиленъ человекъ въ своихъ опытахъ, которыми онъ такъ гордится и превозносятся! Самый тонкій батистъ кажется сѣтью отвратительной грубости и толстоты; его нити, въ большихъ и неравныхъ разстояніяхъ, похожи на мочалки простой рогожи: вогъ что прикасается къ миленькому носенку *деликатныхъ* нашихъ дамъ! Возьмите же крыло мухи, и вы увидите его украшеннымъ бахромою, которой глазъ не находитъ въ самыхъ лучшихъ и модныхъ издѣліяхъ.

Выгоды микроскопа, открывающаго намъ сокровенныя тайны природы, должны быть неизмѣримы для Естествознанія и самой Медицины. Съ помощію его, мы ясно отличаемъ кровь отъ другихъ жидкостей, и можемъ наблюдать за ихъ движеніемъ въ маленькихъ тваряхъ, какъ-то, въ клопѣ, паукѣ, и прочихъ, еще болѣе отвратительныхъ. Зачѣмъ же не воспользоваться микроскопомъ въ пользу частицъ, входящихъ въ составъ человѣческаго тѣла, крови въ здоровомъ и болѣзненномъ состояніи, ядовъ различнаго состава, и пр. и пр.? О, если бы можно было положить въ микроскопъ страсти и мысли человѣческія — Французовъ особеннo! Какаѣ главнѣя пружина ихъ дѣйствій? Вишнній ли шумъ и блескъ славы погружалъ Францію въ вихрь бранной славы, громы которой потрясли Европу отъ Тага до Москвы, и замолкли только въ

горахъ Испанскихъ и среди морозовъ Русскихъ? Франція была тогда велика, среди своего пагубнаго заблужденія, и имѣла доблесть воинскую! Ея безнравственность — пятно, но всякое великое тѣло влечетъ за собою большую тѣнь! Но что ее двигало? Что двигаетъ ея въ настоящее время? Микроскопъ мой мнѣ ничего не отвѣчалъ, и я пошелъ на лекцію Арраго въ надеждѣ на его труды... а зашелъ къ Мажанди, который веселитъ свою публику мученіемъ кроликовъ и собачекъ.

Страсти человѣческія — пружина и цѣль дѣяній частныхъ, но всѣ онѣ безотчетно выполняютъ цѣль общую, высшую, законъ судьбы. Какал же судьба, какал будущность, назначеніе человѣчества? Неужели одно круговратное движеніе, скучное повтореніе давно минувшаго? Лучше соскочить съ земнаго шара, нежели вѣрить такому парадоксу!

ИВ. ГОЛОВИНЪ.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПОХОЖДЕНІЯ ПИКВИКА И ДРУЗЕЙ ЕГО.*

Утро было прекрасное, небо чистое, воздухъ благорастворенный, и г-нъ Пиквикъ, опершись на перилы моста, молчаливо созерцалъ природу, въ ожиданіи завтрака. По лѣвую его сторону была старая стѣна, грозившая свалиться въ воду, а за нею старинный замокъ, о которомъ мы уже говорили. Стѣны древняго феодальнаго жилища сохраняли еще нѣкоторые остатки своего прошедшаго великолѣпія. За семь сотъ лѣтъ прежде, онѣ дрожали отъ кликовъ радости и звука оружія, а теперь оставались отъ нихъ только почтенные обломки. По берегамъ Медвея, какъ только могло обнять зрѣніе, открывались богатые пажити, хорошо обработанныя поля; за ними вѣтряная мельница, а за нею церковь. Прелестный былъ ландшафтъ; и солнце, возвышаясь на горизонтъ, разрисовывало его тысячами разныхъ цвѣтовъ. Прозрачныя воды Медвея отражали лазурь небесъ, а весла лодочниковъ, правильными ударами, тревожили поверхность ихъ и оживляли веселую картину природы.

* Желая ознакомить читателей съ забавнымъ романомъ, который имѣетъ въ Англіи необыкновенный, давно слышанный успѣхъ, предлагаемъ здѣсь отрывокъ изъ него, въ вольномъ переводѣ, ибо *точный переводъ его не возможенъ; главная прелесть романа заключается въ его народности и удивительной живости, чего нельзя передать на иностранный языкъ.* Однакожъ читатели могутъ видѣть отчасти современнѣе *юморъ* Англійскій, и нѣсколько чертъ сатиры, которою Диккенсъ заставлялъ смѣяться всю Англію. *Пер.*

Пиквикъ былъ погруженъ въ созерцательный восторгъ, изъ котораго извлекъ его легкій ударъ по плечу. Онъ оборотился и увидѣлъ передъ собою комедіянта Джингля.

— Вы, сударь, смотрите на пейзажъ?

«Разумѣется.

— И вы рады, что встали сегодня рано?

«Очень.

— Не правда ли, что для того, чтобы видѣть восхожденіе солнца, стоитъ встать пораньше? Утро дня, какъ утро жизни — не долго тянется.....

«Вы сказали великую истину.

— Отъ всеобщаго употребленія, она немножко истерлась. Утро такъ прекрасно, что нельзя ему продолжаться — общее присловье! Охъ! чего не далъ бы я, если бы воротить радости моего дѣтства!

«И такъ вы много страдали въ жизни вашей?

— Больше, нежели вы думаете!

Молчаніе. — «Въ такое прекрасное утро — началъ опять Джингль — не приходитъ ли вамъ въ голову, что утопиться было бы всего усладительнѣе?

— О, нѣтъ! — отвѣчалъ Пиквикъ, невольно удаляясь отъ перилъ моста, и думая, чтобы въ самомъ дѣлѣ, краснорѣчивый собесѣдникъ не заставилъ его сдѣлать такого опыта.

«А мнѣ такъ не рѣдко думалось, именно такъ разсчитаться съ людьми и свѣтомъ. Свѣтлая, чистая вода приглашаетъ васъ къ покою — скачекъ, нѣсколько движеній и — все кончено! На нѣсколько мгновеній всплываетъ рѣка — потомъ пойдутъ по ней кружки; потомъ она сольется зеркаломъ надъ вашею головою и всѣ заботы ваши подѣ водой!.... Но, извините, я было пришелъ говорить совсѣмъ о

другомъ. Вы путешествуете для вашего наученія. Если я сообщу вамъ рукопись, любопытную, не по невѣроятностямъ, какія она въ себѣ содержитъ, но по немногимъ истинамъ жизни, сообщите ли вы ее вашему клубу?

— Разумѣется, и изъявимъ вамъ благодарность въ нашихъ запискахъ.

«Пожалуйте мнѣ вашъ адресъ, и я пришлю къ вамъ рукопись.

Пиквикъ передалъ Джинглю роспись мѣсть, гдѣ найдти его. Джингль спряталъ записку въ старый бумажникъ, и простился съ ученымъ мужемъ у дверей гостиницы Вола.

Всѣ подробности не даромъ разсказаны нами, какъ вы потомъ изволите увидѣть.

Позавтракавши съ своими друзьями, Пиквикъ позвалъ мальчика, и потребовалъ отъ него изъясненій о дорогѣ на мызу Динглей-Дель.

«Это, сударь, направо, миляхъ въ 15-ти отсюда. Не угодно ли вамъ колясочку? У насъ есть прелестная, для трехъ особъ; четвертый господинъ можетъ ѣхать верхомъ.

— Славная мысль! — Винкль! вы поѣдете верхомъ?

Винкль очень сомнѣвался въ своемъ искусствѣ верховой ѣзды, но ни за что въ мірѣ не захотѣлъ бы онъ заставить другихъ въ томъ сомнѣваться, и потому отвѣчалъ, что поѣдетъ охотно.

— Ну, такъ, приготовь и лошадь и коляску къ 11-ти часамъ, мальчикъ!

«Будьте, сударь, спокойны. Наша гостиница славитъ исправностью услуги.

Мальчикъ вышелъ, и каждый изъ путешественниковъ отправился въ свою комнату, запастись, что ему надобно было для пути. Ровно въ 11 часовъ,

экипажъ былъ готовъ — маленькая телѣжка, окрашенная зеленью, и внутри съ какимъ то ящичкомъ, который называли скамейкою, и гдѣ могли усѣсться двое. Кучерское мѣсто торчало высоко спереди, и надобно прибавить, что въ знаменитую колясочку впряжена была лошадь — кожа да кости, за живое предметъ для изученія скелета лошадиного. Невдалекѣ стоялъ конюхъ мальчикъ, и держалъ за узду верховую лошадь, которал, по сходству съ заприженной, вѣроятно, была ей съ родни.

— Ну! кто же будетъ править? — спросилъ Пиквикъ — вѣдь я о томъ и не подумалъ!

«Вы, г-нъ Пиквикъ!» вскричали въ одинъ голосъ Тунманъ и Снодграссъ.

— Чортъ побери! досадно..... Ну, да, послушай, мальчикъ: лошадь-то не пуглива?

«Будьте, сударь, спокойны! Если бы вамъ встрѣтилась цѣлая фура съ безхвостыми обезьянами, и тутъ она не испугается!

Двѣять было нечего. Пиквикъ взлѣзъ на мѣсто возницы; Тунманъ и Снодграссъ залѣзли въ ящичекъ.

«Ну!» возгласилъ ученый мужъ, отвѣсивъ ударъ бичемъ по лошадакъ, которал, казалось, имѣла болѣе охоты питаться, нежели двигаться впередъ.

— Вилліамъ! — закричалъ мальчикъ — поведико ее подъ уздцы, пока я помогу господину сѣсть верхомъ. Лошадка немного шаловлива съ мѣста, а тамъ, какъ пустится, такъ только держись!

Винкль приблизился.

«Нѣтъ, сударь — съ той, съ той стороны! Ну, вотъ вы и въ сѣдлѣ — ступай!

Коляска и наѣздникъ двинулись, пока народъ, собравшійся около нихъ, глазѣлъ и хохоталъ.

«Да, что это лошадь ваша все идетъ бокомъ, г-нъ Винкль?» спросилъ Снодграссъ.

— Право, не знаю. Видно такая ужъ натура!

Натура или нѣтъ, но только несчастная лошадъшла бокомъ, да бокомъ, словно хотѣла итти не вдоль, а поперекъ дороги.

У Пиквиковой лошади оказались свои странности. Она махала головой и дергала вожжи, такъ, что Пиквикъ вывертѣлъ себѣ всѣ руки. То вдругъ шла она по краинку дороги, то вдругъ опять останавливалась, то опять скакала во всю прыть.

Когда разъ дюжину повторились такія проказы — «Что же это такое значить?» важно спросилъ Снодграссъ.

— Право, не понимаю — возразилъ Пиквикъ, и воскликнулъ: «Ахъ! я уронилъ мой бичъ!

«Винкль!» закричалъ Снодграссъ наѣзднику, который мчался рысью, и трясся на сѣдлѣ, какъ въ лихорадакъ — «Подымите бичъ нашего почтеннаго друга!»

Винкль потянулъ узду своей лошади, желая удержатъ ее, но лошадка была крѣпкоузда, и едва могъ онъ остановить быстрый бѣгъ ея. Вотъ послѣ того слѣзъ онъ, подалъ бичъ Пиквику, но когда хотѣлъ сѣсть опять, отъ того ли, что лошадь была шалунья, или ей больше нравилось идти порожнякомъ, только что всадникъ думалъ схватить поводья, она наклонила голову и перекинула ихъ черезъ себя, а потомъ отскочила на всю длину своего тѣла.

«Прру, прру! Лошадка, лошадка!» говорилъ Винкль, поглаживая ее, но — тщетныя ласки: чѣмъ ближе подходилъ онъ, тѣмъ далѣе пятилась лошадъ. Вдругъ хитрое животное вздумало вертѣться на одномъ мѣстѣ, и тѣмъ заставило и спѣшеннаго всадника бѣгать вокругъ. И она и онъ съ четверть часа играли въ такую веселую игру, а по прошествіи такого времени были точнехонько на преж-

немъ и томъ же мѣстѣ. «Что мнѣ дѣлать съ этой упряницей!» воскликнулъ Винклъ.

— Веди ее за поводья, пока встрѣтится ктонибудь и поможетъ тебѣ съѣсть — отвѣчалъ Пиквикъ.

«Да, она нейдетъ! Пособите, пожалуста!

Больше всѣхъ сострадательный, Пиквикъ бросилъ вожжи, отвелъ колясочку свою къ сторонкѣ, что бы не мѣшала она проѣзжимъ, и отправился на помощь къ своему другу. Но лошадь Винклева только что замѣтила приближеніе ученаго мужа съ бичемъ, какъ и стала пятиться, увлекая съ собою бѣднаго Винклъ. Пиквикъ удвоилъ шаги — лошадь запяталась сильнѣе, и такъ сильно, что боясь какъ бы не вывихнуть руки, Винклъ принужденъ былъ бросить поводья. Тутъ лошадь остановилась, посмотрѣла прѣмехонько на Пиквика и Винклъ, фыркнула, и поворотила по дорогѣ къ Рочестеру, оставя обонихъ друзей нашихъ въ страшномъ недоумѣніи.

И въ то же время, трескъ, похожій на то, что какъ будто что нибудь ломается, заставилъ ихъ оборотиться. О ужась! Лошадь, запряженная въ колясочку, почувствовавъ себя свободною отъ вожжей, пустилась галопомъ, увлекая Тупмана и Снодграсса; оба они спѣшили выскочить, и упали на плетень подлѣ дороги. Бодрая лошадь помчалась далѣе, ударила о перила мостика — колясочка въ дребезги, и гордый конь остановился, какъ будто желая разсмотрѣть весь вредъ, причиненный его удалью.

Первалъ забота Пиквика и Винклъ состояла въ томъ, какъ стащить двухъ друзей съ терновника, которымъ былъ прикрытъ плетень. Радость была чрезвычайная, когда разсмотрѣли, что вся бѣда кончилась нѣсколькими царапинами. Кончивъ осмотръ упавшихъ, отпрягли лошадь, и учтиво повели ее за узду до корчмы, которая стояла на дорогѣ, съ часъ

взды разстояніемъ, а колясочку, за негодностью къ употребленію, бросили у мостика.

Передъ корчмою, которую издалека завидѣли наши друзья, находилась вывѣска, расли два вяза, и врыта была колода для поила лошадей. Нѣсколько клочковъ сѣна, привязанныхъ къ жердямъ, показывали, что въ корчмѣ находятъ прибѣжище и пѣшеходы и конники. Кухня, выходившая въ небольшой садикъ, и нѣсколько развалившихся навѣсовъ, дополняли общность заведеній для отдыха и успокоенія странствующихъ. Какой-то рыжеволосый мужикъ работалъ что-то въ саду. Пиквикъ позвалъ его, сначала такъ, какъ обыкновенно зовутъ всѣхъ, а потомъ закричалъ во все горло: «Эй, ты, рыжакъ! глухъ что ли ты?»

Услышавъ понятное для него названіе, трудолюбивый работникъ поднялъ голову, закрылъ глаза рукою отъ солнца и выпучилъ ихъ на Пиквика.

«Далеко ли отсюда Динглей-Дель?»

— Семь миль.

«А какова дорога?»

— Такъ и сякъ. — И рыжеволосый снова принялся за работу.

«Можемъ ли мы оставить здѣсь лошадь?»

— А вотъ, постойте, узнаю. Миссусъ, эй, Миссусъ! Высокая, тощяя баба явилась на такой призывъ.

— Милая! — сказалъ Тупманъ, самымъ ласковымъ голосомъ — ты не откажешься побережь у себя лошадику?»

Миссусъ внимательно оглядѣла съ головы до ногъ всѣхъ друзей нашихъ, и когда рыжеволосый сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо, она грубо отвѣчала: «Нѣтъ! ужь и въ прошлый разъ эта чертовка надѣлала намъ хлопотъ! Что связываться съ ней опять!»

— Да, чтожь ты, развѣ думаешь, что она краденая? — воскликнулъ Пиквикъ.

«Не думаю, а знаю навѣрное!» отвѣчала рыжеволосый, и дверь захлопнулась.

Путешественники наши печально пустились въ путь. Уже очень не рано было, когда они прибыли къ дорожкѣ, ведущей въ Динглей-Дель. Въмѣсто радости, ихъ взяло сильное горе. Грустно думали они, въ какомъ странномъ видѣ явятся. Платье рорвано, лица тощія и исцарапанныя — и того довольно опечалить порядочныхъ людей, если бы и не надобно было еще вести за собою привидѣнія лошадиного. Проклятая, ты, лошадка! Двадцать разъ Пиквикъ хотѣлъ бросить ее на дорогѣ, и къ концу пути желаніе его усилилось до нетерпѣнія, какъ вдругъ на поворотѣ попались друзьямъ нашимъ г-нъ Вардль и вѣрный слуга его Джое.

— Откуда, господа, откуда? — воскликнулъ ласковый владѣлецъ Динглей-Деля. — А я васъ ждалъ, ждалъ! Да, вы, кажется, устали? Ба, что это? Вы исцарапаны? Не случилось ли съ вами чегонибудь, или пѣтъ? Видно, вывалились? Ну, это въ нашей сторонѣ не рѣдкость — дороги прескверныя! — Джое! Ахъ! ты, проклятый мальчишка! Посмотрите, вѣдь только остано­вишься, а онъ ужъ и спитъ! Возьми лошадь и отведи въ конюшню!

Джое исполнилъ повелѣніе своего господина, и всѣ пустились къ дому г-на Вардля.

Когда пришли во дворъ, Вардль остановился передъ кухней и сказалъ гостямъ своимъ: «Знаете ли что? Не войтти ли вамъ сперва сюда, поправить немножко туалетъ? А потомъ пойдемъ въ залу.

Предложеніе принято; гости вошли въ кухню и всѣ служанки бросились имъ услуживать. Эмма принесла кувшинъ, бутылокъ въ десять, съ водой; Джап-

на иголку и нитки; Марья полотенцы. Развели большой огонь, и все принялось мыться, зашивать, чиститься. Слуга съ щеткой ухватилъ Пиквика за ногу, когда тотъ вовсе не ожидалъ такого нападенія, и чуть не повалялъ его, принявшисъ чистить его башмаки. Другой слуга во всю силу хлесталъ метелкой по кафтану Винкля. Снодграссъ, слабѣйшій изъ всѣхъ друзей, усѣлся къ огоньку и услаждался стаканомъ грога. Съ удовольствіемъ разсматривалъ онъ окорока и цѣпи луковицъ, развѣшенные по потолку, и сѣдла, бичи, узды и прочее, развѣшенное по стѣнамъ. Ружье, котораго лѣтъ двадцать уже не трогали съ его мѣста, находилось немного подале въ углу, съ надписью на бумажкѣ: «Заряжено». — Старинные часы висѣли на гвоздѣ надъ неизбѣжнымъ въ каждой кухнѣ шкапомъ.

— Ну! что, господа, готовы ли? — спросилъ у гостей своихъ Вардль, когда ихъ вычистили, вымыли и подкѣрпили имъ желудки.

«Со всѣмъ готовы», отвѣчалъ Пиквикъ.

— Благоволите же пожаловать!

Всѣ отправились за хозяиномъ, кромѣ Тупмана, который не утерпѣлъ, чтобы не пошалить съ толстою Эммою, и за тѣмъ присоединился къ друзьямъ своимъ, когда хозяинъ, отворяя дверь въ залу, провозгласилъ:

«Добро пожаловать, господа, въ замокъ Динглей-Дель!»

Пока пересказывали имена и титулы каждаго изъ гостей, глубокомысленный Пиквикъ, для котораго все было предметомъ изученія, старался угадать характеры, общественное отношеніе и обыкновенныя занятія лицъ, которыхъ видѣлъ онъ здѣсь въ первый разъ.

Г-жа Вардль, мать хозяйина, занимала направо у камина почетное мѣсто. Все семейство казалось сосредоточеннымъ около нея.

Съ другой стороны камина находился тутошній пасторъ, старичекъ, всѣ черты котораго выражали доброту. Потомъ слѣдовала супруга его, толстая женщина, съ свѣжими, круглыми щеками. Далѣе торчалъ человѣчикъ, цвѣтъ лица котораго сбивался на цвѣтъ картофеля. Онъ разговаривалъ съ особою толстою и огромною. Три или четыре старые господина, и столько же старыхъ дамъ, заключали собою кружокъ Динглей-Дельскій. Когда вступили въ него наши друзья, взоры всѣхъ обратились на нихъ съ любопытствомъ.

«Представляю вамъ, матушка, друга моего, г-на Пиквика» провозгласилъ Вардль, возвышая голосъ.

— Очень хорошо, да я не разслушала.

«Моего друга, г-на Пиквика!»

— А, а! Очень рада, хоть думаю, что онъ не слишкомъ-то заботится обо мнѣ старухѣ.

«Напротивъ, сударыня», отвѣчалъ ученый мужъ — я въ восторгѣ, что вижу особу вашихъ лѣтъ, председающую столь благородному семейству.

— Вы, сударь, я думаю, хорошо говорите, да вѣдь я не слышу ни словечка изъ вашихъ рѣчей.

А между тѣмъ Пиквикъ кричалъ такъ громко, что покраснѣлъ, какъ ракъ. Онъ обратился къ Вардлю....

— У васъ прелестное мѣстоположеніе.

«Кажется» — отвѣчалъ тотъ.

Всѣ согласились съ его мнѣніемъ.

— О чемъ говорить? — спросила старуха Вардль.

«О нашей мызѣ», отвѣчалъ Вардль.

— А что такое? Что сдѣлалось?

«Ничего, ничего, но что вы думаете о партіи въ вистъ, любезный Пиквикъ? Угодно ли?»

— Очень, только для чего жъ, для меня нарочно, ставить карточный столъ?

«О, матушка радехонька вистовать вамъ!»

Вардль позвонилъ. Вошелъ Джекъ, доканчивая зѣвокъ, и поставилъ два столика.

Старуха Вардль, Пиквикъ, красный г-нъ Миллеръ и толстякъ заняли мѣста за однимъ столомъ; другіе обѣли другой столъ.

За вистомъ старуха Вардль сердилась, г-нъ Миллеръ хвасталъ своимъ искусствомъ, Пиквикъ былъ недоволенъ, толстякъ критиковалъ всѣхъ, и, какъ при великой игрѣ, одни выиграли, другіе проиграли.

За другимъ столомъ, Винкль очутился подлѣ Изабеллы Вардль, Снодграссъ подлѣ Эмили, а Тупманъ подлѣ миссъ Рахили. За тѣмъ помѣстились всѣ другія особы, какъ кому удалось. Говорили тутъ много. Старыя дамы сердились, молодыя любезничали, Вардль смѣялся, Тупманъ пожималъ нѣжно руку сосѣдки, пока Снодграссъ напѣвалъ потихоньку свое поэтическое удивленіе на ухо молодой Эмили. Что касается до Винкля, онъ громко острился и поминутно бросался въ игру словъ, обѣтшалаю въ городъ, но свѣжую въ деревнѣ.

При такихъ невинныхъ увеселеніяхъ вечеръ проведенъ былъ всѣми очень пріятно. Когда игра кончилась, поужинали, а потомъ составили кружокъ около камина, и Вардль умильно вспоминалъ о своей юности.

— Вы, конечно, многое имѣли случай наблюдать? — спросилъ Пиквикъ у пастора.

«Не безъ того», отвѣчалъ тотъ. «Но сфера моя такъ ограничена, что въ ней нѣтъ ничего необыкновеннаго.»

— А исторія Джона Эдмонда, кажется, заняла бы все общество — сказалъ Вардъ. — Что еслибы вы ее рассказали намъ, пасторъ?

«Охотно.

Все сдвинулись поближе къ камину, и пасторъ началъ такъ:

«Когда я призванъ былъ, тому двадцать пять лѣтъ, въ здѣшнія мѣста, самымъ богатымъ изъ обитателей здѣсь былъ нѣкто Джонъ Эдмондъ, имѣвшій небольшую мызу, не далеко отсюда. Онъ былъ человѣкъ съ большими недостатками и маленькими достоинствами, грубый, лѣнивый, дерзкій; друзьями его считались участники его забавъ, а честные люди тщательно избѣгали встрѣчи съ нимъ. Былъ онъ женатъ и имѣлъ сына, лѣтъ двѣнадцати. Трудно пересказать все, что бѣдная жена Эдмонда перенесла отъ дурнаго обращенія мужа, и съ какою кроткою рѣшимостью терпѣла она все, въ надеждѣ, что сынъ будетъ честнымъ человѣкомъ.

«Отъ поведенія главы семейства зависялъ счастье и несчастье дѣтей. Способный прожить, не умѣя наживать, богатый мызникъ скоро сдѣлался бѣднякомъ, и вскорѣ у него не стало другаго жилища, кромѣ кабака. Жена его, при дѣятельности, которой ничто не могло остановить, находила между тѣмъ средства поддерживать хозяйство, но рѣдко по вечерамъ не была она бита, когда мужъ возвращался изъ кабака, ругая ее, вмѣсто благословенія.

«Несмотря ни на что ею переносимое, бѣдная женщина не жаловалась, и находила время приходить въ церковь съ сыномъ. И она и онъ были такъ опрятно одѣты, что могли устыдить людей гораздо побогаче своею одеждою. Г-жу Эдмондъ всѣ уважали, и когда она выходила изъ церкви,

каждый на перерывъ старался поговорить съ нею, сказать ей ласковое слово.

«Прошло лѣтъ шесть или семь. Молодой Эдмондъ росъ и годами и силами, когда несчастная мать его старѣла и слабѣла. Два пути были передъ нимъ, при вступленіи его въ свѣтъ: одинъ, ведущій къ добру пожертваніями — путь матери; другой, легчайшій, проложенный къ удовольствію забвеніемъ долга — путь отцовскій; онъ избралъ послѣдній.

«Слабая, удрученная горестью, добродѣтельная мать все еще ходила въ церковь, но сильная рука сына не поддерживала ее болѣе, и когда утомленные глаза ее не могли уже читать Библии, не кому было уладить ее чтеніемъ. Дитя, вся надежда ее, столь любимый ею, для кого съ такою бодростію переносила она бѣдственные дни, бросившійся въ жизнь расточительную и развратную, забылъ свою добрую мать и ее уроки добра. Напрасно старалась она возратить его къ обязанностямъ. Ничего не слушалъ онъ, и со всею силою своего возраста предавался безпорядкамъ жизни, которая должна была ускорить смерть его матери, а его самого довести до гибели.

«Съ нѣкотораго времени, шайка негодяевъ опустошала нашу сторону, такъ, что нигдѣ немогли найти слѣдовъ ея. Сдѣлавшись дерзче при безнаказанности, они учинили значительное воровство, съ такими важными слѣдствіями, что начальство усилило дѣятельность, отыскало слѣды и успѣло захватить злодѣевъ. Между ними находился и молодой Эдмондъ, сынъ столь почтенной, доброй матери. Судъ не заставлялъ себя дожидаться; доказательствъ было слишкомъ много; преступниковъ осудили на смерть. Въ то мгновеніе, когда произносили приговоръ — раздался вопль..... Эдмондъ затрепеталъ..... Онъ увидѣлъ

свою добрую мать! — Его лицо, до того времени спокойное, покрылось смертною блѣдностью; члены его задержало судорогами; онъ едва могъ устоять.... Сложивъ руки, на колѣняхъ, несчастная мать просила Бога взять жизнь ея, но спасти жизнь ея дитяти. Все собраніе обливалось слезами; мысли всѣхъ совокупились въ одно желаніе — мать выиграла тяжбу за сына. Для нея каждый изъ судей готовъ былъ пощадить Эдмонда, но преступленіе его вызвало казнь.....

«Приговоръ не былъ немедленно исполненъ — просили милости, и между тѣмъ, каждый день, несчастная мать приходила въ тюрьму, старался возвратить сына къ чувствамъ добродѣтели. Молодой преступникъ оставался глухъ ко всѣмъ мольбамъ ея, и когда онъ узналъ, что казнь его перемѣнили на четырнадцати-лѣтнее изгнаніе, казалось, такая милость его не тронула. Въ одинъ день однакожь, мать его не пришла по обыкновенію и печаль тронула его сердце. На другой день не было также матери, и три дня прошло такимъ образомъ, что несчастный не имѣлъ ни какой вѣсти о своей матери. Онъ былъ въ отчаяніи, призывалъ ее съ рыданіями, грызъ себѣ руки, дѣлалъ тщетныя усилія расторгнуть свои кандалы и упалъ на свою соломенную постелью, удрученный горестью.

«Увы! Бѣдная мать немогла уже никогда съ нимъ видѣться: печаль стубила дни ея, и она лежала на смертномъ одрѣ.....

«Мнѣ поручено было передать печальную вѣсть сыльному. Онъ долженъ былъ отправиться въ тотъ самый день въ Ботани-Бей, и я понималъ, сколько силъ и бодрости надобно было ему перенести свое несчастіе. Сердце мое сжалось, когда я вошелъ къ

нему; онъ говорилъ о своей матери и обливался слезами.....

— Несмотря на свои страданія, она тебя прощаетъ и благословляетъ — говорилъ я — припомни ея добродѣтели, и память объ нихъ, да сохранить тебя отъ новыхъ бѣдствій! — «Ахъ! М. Г. увѣрьте ее въ моемъ раскаяніи — вскричалъ онъ — пусть она знаетъ, что сынъ можетъ еще сдѣлать ее счастливою — пусть она живетъ для меня! Мать моя, добрая мать моя! я тебя увижу, я тебя найду снова, и надежда на то подкрѣпитъ меня въ бѣдствіи и ссылкѣ. Я возвращусь сюда, буду жить только для тебя. Скажите ей о томъ, М. Г., и тѣмъ возвратите мнѣ мои силы — она столько страдала за меня!

«Многое еще говорилъ онъ, что все было пересказано мною бѣдной его матери, не для того, чтобы оживить бѣдную больную, ибо на выздоровленіе ея не было ни какой надежды, но чтобы дать ей умереть съ миромъ.

«Эдмонда отправили въ тотъ же вечеръ. Черезъ нѣсколько часовъ мать его умерла, и на другой день похоронили ее на нашемъ кладбищѣ. Никакая надпись не означила ея могилы, но ея печали и добродѣтели вѣдомы Богу!

«Прежде отбытія своего, Эдмондъ общался мнѣ писать, и черезъ меня увѣдомлять о себѣ мать его. Объ отцѣ своемъ не говорилъ онъ ни слова. Несчастный развратникъ, съ тѣхъ поръ, какъ узналъ объ осужденіи сына, изъявлялъ къ нему свое совершенное презрѣніе, и рѣшительно отказался видѣть его.... Сынъ платилъ ему тѣмъ же.....

«Семь лѣтъ прошло, и я не получалъ отъ него никакихъ извѣстій, даже почиталъ его уже умершимъ, и — радовался за него. Къ чему жизнь, если

мы потеряли доброе имя? Но вдруг принесли мнѣ письмо отъ него, гдѣ увѣдомлялъ онъ, что его отравили во внутреннія колоніи съ самаго прибытія въ Ботани-Бей, и что онъ посылалъ ко мнѣ послѣ того много писемъ, для передачи матери.

»Время ссылки его кончилось, и вѣрный своему слову, онъ возвратился на родину, надѣясь найти еще въ живыхъ единственнаго человѣка, для котораго жизнь была ему драгоценна — мать свою! Въ прекрасный лѣтній вечеръ явился онъ сюда, и чтобы сократить дорогу, пошелъ черезъ кладбище, по вязовой аллѣ, гдѣ въ дѣтствѣ своемъ столько разъ хаживалъ онъ въ церковь съ своею доброю матерью. Воспоминанія дѣтства представились его воображенію, и печально припоминалъ онъ всѣ кроткіе уроки добродѣтели, которые внушала ему мать его съ такою любовію. Слезы текли изъ глазъ его; тяжелая грусть смѣшивалась съ воспоминаніями, и чтобы найти хоть немного спокойствія, вошелъ онъ въ церковь. Служилъ вечерню. Церковь была пуста, и грустный Эдмондъ почувствовалъ всю тяжесть своего одиночества. Между тѣмъ ничто не перемѣнилось вокругъ него — та же каедрa, та же пасторская подушка; онъ узналъ даже лавку, гдѣ саживалъ съ своею матерью, и глубоко разстроганный, говорилъ онъ самъ себѣ: «А ты, мать моя? Какъ пайду я тебя? Та ли ты, прежняя, или годы и печали тебя сокрушили и я увижу тебя больную и дряхлую?» Онъ никакъ не могъ себя представить, чтобы мать его уже умерла — четырнадцать лѣтъ жилъ онъ мыслью, что нѣкогда увидитъ ее, и эта мысль укрѣпила его въ страданіяхъ ссылки, вела его черезъ отдаленныя моря....

«Страхъ и робкое предчувствіе однакожь тревожили его. Невольно трепеталъ онъ и не смѣлъ

спросить. Поспѣшно вышелъ онъ изъ церкви. Въ дверяхъ встрѣтился ему могильщикъ, и заставилъ стетупить его на шагъ, изъ опасенія, что встрѣча съ нимъ не предвѣщаетъ добра. Но старый могильщикъ не узналъ его и прошелъ мимо съ поклономъ.

«Эдмондъ прошелъ по селенію; видѣлъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ товарищей, которыхъ оставилъ дѣтьми, и которые были теперь отцами многочисленныхъ семействъ; другіе, что во время отъѣзда его находились въ полной силѣ, теперь ходили сгорблѣнны и казались стариками. Между всѣми шель онъ, какъ совершенно чуждый, и говорилъ самъ себѣ: «Что мнѣ до нихъ — только бы узнала меня мать моя!» Когда онъ подошелъ къ родимому жилищу, чувствовалъ, что волненіе его усиливается, остановился онъ, и смотрѣлъ черезъ плетень въ садъ. Прежнія деревья и ничто не измѣнилось! Сдѣлавшись внимательнѣе, разслушалъ онъ вдали радостные голоса и смѣхъ, но голоса были ему чужіе. Вышли дѣти и съ ними отецъ ихъ; всѣ они казались такими счастливыми, но онъ не узналъ ихъ — то были чужіе! Вышла и мать, по видимому, добрая и нѣжная, но — не его мать....

Такая семейная картина напомнила ему несчастнаго отца его и скорби его матери. Сомнѣнія не оставалось: матери его здѣсь нѣтъ, но гдѣ она и у кого спросить, и куда приклонить голову? «Пойдемъ отсюда,» говорилъ онъ — у ссыльнаго нѣтъ друга, нѣтъ руки, которую могъ бы онъ пожать; нѣтъ убожища, гдѣ бы могъ онъ отдохнуть! И вотъ возвращеніе на родину, котораго и такъ желалъ, вотъ кровь родимый, о которомъ грустилъ за морями.... Тамъ, въ пустыняхъ, я былъ не такъ одинокъ!....»

Исполненный печальными мыслями, Эдмондъ удался отъ убѣжища, гдѣ столько разъ мать его расточала ему нѣжныя ласки и заботы: По привычкѣ ли, по случаю ли, пошелъ онъ на лугъ, гдѣ въ дѣтствѣ часто бѣгивалъ въ густой травѣ; удрученный усталостію, прилегъ онъ на траву, но легкій шумъ вблизи заставилъ его приподнять голову, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣлъ онъ старика, покрытаго лохмотьями. При видѣ Эдмонда, старый нищій поблѣднѣлъ, и, казалось, какъ будто испугался какого привидѣнія....

«Послушай, старичекъ,» сказалъ Эдмондъ, «если ты здѣшній — не знавалъ ли ты мызника Эдмонда и жены его?»

— Его голось! Я не ошибаюсь! — закричалъ нищій. — Ты долженъ быть....

«Ссылный, сынъ мызника Эдмонда. Я только что воротился на родину. Если ты знаешь что нибудь о моей матери, скажи мнѣ поскорѣ!»

Эдмондъ подошелъ къ нищему. «Прочь!» закричалъ тотъ отчаяннымъ голосомъ — ты долженъ быть демонъ, принявшій его видъ!» И въ бѣшенствѣ схватилъ онъ обѣими руками палку свою, поднявъ ее на Эдмонда.... Проворно увернувшись отъ удара, Эдмондъ ухватилъ нищаго за горло и хотѣлъ бросить его на землю. Несчастный сталъ требовать пощады. Эдмондъ отпустилъ его, но ужасъ объялъ нищаго. «Бѣги!» вскричалъ онъ задыхался — «бѣги опять, несчастная жертва дурныхъ примѣровъ отца! Смерть мою припишутъ тебѣ.... Я отецъ твой!» И онъ не могъ болѣе говорить....

«Черезъ мѣсяцъ услышалъ я, что ссылный Эдмондъ возвратился, убилъ отца своего, былъ найденъ погребаящимъ трупъ его и осужденъ на смерть. Законъ являлся неумолимъ; мертвый молчалъ;

оправдаться было невозможно. Осужденный и не оправдывался. Онъ желалъ смерти. Только передъ наступленіемъ роковаго часа, онъ потребовалъ утѣшенія религіи и написалъ ко мнѣ письмо. Вотъ оно:

«Милостивый государь, почтенный пасторъ и другъ человечества!

«За преступленія, въ какія увлекъ меня несчастный при- мѣръ другихъ, страдалъ я 14-ть лѣтъ въ ссылкѣ. За убійство, въ которомъ невиненъ, иду на казнь. Придите благословить меня. Умираю безъ сожалѣнія о жизни, и съ вѣрою, что за гробомъ простятъ и помиауютъ меня. Тамъ за меня молится мать моя.

«Вашъ покорный слуга Эдмондъ.»

Пасторъ остановился, и какъ было уже довольно поздно, то каждый помышлялъ только объ успокоеніи, унося съ собою грусть о трогательной участи несчастнаго Эдмонда.

Приключенія минувшаго дня и исторія ссылнаго такъ растрогали, или утомили ученаго Пиквика, что едва легъ онъ въ постелью, какъ заснулъ глубокимъ сномъ. На завтра всталъ онъ позднѣе обыкновеннаго, и то надобно было солнечнымъ лучамъ ударить прямо въ его глаза, отъ чего они раскрылись. Пробудясь, онъ спѣшилъ одѣться, открыть окно, и полюбовавшись прелестію сельской природы, спрашивалъ самъ себя: какъ могутъ люди рѣшиться жить въ городѣ? Призывный голось вызвалъ его изъ мечтаній. Онъ посмотрѣлъ на право, на лѣво, къ верху — нѣтъ никого; вдругъ пришла ему идея, ускользнувшая отъ его генія — онъ посмотрѣлъ подъ окно и увидѣлъ г-на Вардла въ саду.

«Здоровы ли?» спрашивалъ хозяинъ. «Что скажете о прекрасной погодѣ? Сходите-ка сюда!

Пиквикъ повиновался.

— Что вы располагаете дѣлать съ этими двумя ружьями?

«Г-нъ Винкль и я думаемъ поохотиться, пока до завтрака. Кажется, вашъ пріятель большой стрѣлокъ! Эй, Джое, Джое! скажи тому господину, что все готово, и что я жду его въ большой аллеѣ.

Джое только что всталъ, и потому быстро исполнилъ препорученіе.

Вардль взялъ оба ружья на плечо, и послѣдующій ученый Пиквикомъ, направился по большой аллеѣ. Къ нимъ не замедлили присовокупиться трое друзей, ибо Джое, не зная, кого хозяинъ его означилъ неопредѣленнымъ названіемъ «господина», позовалъ всѣхъ трехъ Пиквиковыхъ спутниковъ.

— Скорѣй, господа! — кричалъ Вардль Винклю, едва замѣтивъ ихъ. — Такой славный охотникъ, какъ вы, и встаетъ такъ поздно — это непростительно.

Винкль отвѣчалъ принужденною улыбкою и печально взялся за ружье.

Вардль принялся свистать; двое мальчишекъ въ лоскуткахъ ползали по такому сигналу на деревья.

«Для чего лѣзутъ туда мальчики ваши?» спросилъ Пиквикъ.

— Гнать дичь. Начинайте, г-нъ Винкль!

«Не угодно ли?»

— Пожалуй! Прочь, господа!

Мальчишки начали шевелить деревья и кричать, для выгона дичи. Вардль выстрѣлилъ; что-то свалилось. «Джое! ступай, ниц!» Джое повиновался.

— Вашъ чередъ, г-нъ Винкль!

Стрѣлокъ вышелъ впередъ, поднялъ ружье свое. Пиквикъ и друзья его отошли, чтобы на головы ихъ не попадала дичь, какую свалить ловкій охотникъ.

Минута безмолвія.

Мальчишки удвоили крикъ и шумъ. Стая птицъ летитъ. «Ну!» кричитъ Вардль — «стрѣляйте!»

— Ружье осклосъ!

«Э, мой милый! что нибудь, да не такъ! Оно никогда не освѣкаетъ. Дайте-ка его мнѣ! Э, э! да какъ же вы хотите стрѣлять, когда забыли капсулю?»

— Ахъ! да, правда! Какая разсѣянность!

Винкль поправилъ свою небольшую ошибку, выстрѣлилъ... Раздается крикъ, бѣгутъ, и находятъ на травѣ, не дичь, не птицу, а бѣднаго Тупмана, у котораго убійственная дробь сидитъ въ рукѣ!

Невозможно передать мгновенія, за тѣмъ послѣдовавшаго — такъ всеобще и велико было изумленіе. Пиквикъ назвалъ Винкля тетерей, а тотъ, окаменѣлый, изумленный, уничтоженный, стоялъ на колѣняхъ передъ Тупманомъ, котораго, сидя на травѣ, произнесъ какое-то женское имя, открывъ лѣвый глазъ, потомъ правый, закрылъ ихъ оба и повалился на спину...

Но по немногу пришелъ онъ въ себя, и поддерживаемый друзьями, пошелъ къ дому.

Дамы находились у садовыхъ дверей, оживая охотниковъ и ничего не подозревая. Миссъ Рахель была особенно весела. Несчастливая! она не знала, что произошло... Бывають минуты въ жизни, когда незнаніе составляетъ наше счастье...

«Что случилось съ старымъ господиномъ?» спросила Изабелла, но миссъ Рахель думала, что племянница говоритъ о Пиквикѣ. Тупманъ казался ей очень молодымъ. Любовь ея смотрѣла на него сквозь стекло и сглаживала годы и морщины.

— Не пугайтесь, дѣти мои! — отвѣчалъ Вардль, съ заботливымъ видомъ, который всегда пугаетъ — маленькое несчастіе съ г-мъ Тупманомъ. $\frac{8}{8}$.

Громовым ударомъ были сіи слова для миссъ Рахили. Она вскрикнула, и упала въ руки одной изъ племянницъ... О Боже мой! нервическій припадокъ...

— Воды, воды! Лей на нее воду! — кричалъ Вардль.

«Нѣтъ, нѣтъ! что вы? Измочите платье! Мнѣ лучше» — говорила миссъ Рахель. «Но онъ... что онъ?... Проклятая охота — ранень? умерь?... Изабелла, милая Изабелла! лекаря...

Новый припадокъ!

— Успокойтесь, милая миссъ — говорилъ Тупманъ, растроганный до слезъ.

«Это онъ! Его голосъ!

Третій припадокъ!

— Не тревожьтесь! Увѣрю васъ, что я не чувствую боли, и... мнѣ теперь такъ хорошо!...

«Вы не умерли? Охъ! говорите: вы не умерли?

— Да, что же ему увѣрять тебя, что онъ не умеръ! — сказалъ сердито Вардль. — Ты дуришь, сестра!

«Миссъ! не откажите мнѣ руки вашей!

Растроганная Рахель дала ему руку, и они вмѣстѣ вошли въ столовую. Еще не садясь на софу, Тупманъ почтительно поцѣловалъ руку той, которая показала ему столько любви...

Но усѣвшись хорошенько, Тупманъ закрылъ глаза.

— Милый, безцѣнный г-нъ Тупманъ! — говорила Рахель, думая, что онъ дремлетъ.

Счастливецъ затрепеталъ.

«О, повтори слова твои!» воскликнулъ онъ, открывая глаза.

— Какъ? Ты ихъ слышалъ!

«О, повтори! Они исцѣляютъ меня!

Миссъ Вардль хотѣла отвѣчать, когда вошелъ братъ ея съ лекаремъ. Врачъ осмотрѣлъ руку, и сказалъ, что все вздоръ. Тупманъ немножко надулся, но за то объявленіе лекаря всѣхъ успокоило. Всѣ стали по прежнему веселы. Только Пиквикъ былъ задумчивъ: онъ потерялъ довѣренность къ двумъ способностямъ своего друга Винкля, какими тотъ хвасталъ — верховой ѣздъ и стрѣльбъ.

«Не умѣете ли играть въ кулочки?» спросилъ его Вардль.

— Нѣтъ, а вы?

«Прежде славно игрывалъ, да теперь отсталъ, хоть все еще считаюсь мастеромъ. Сегодня у насъ будетъ на лугу большая игра — хотите посмотрѣть?

— Только не пробилъ бы намъ головы какойнибудь неловкій игрокъ!...

Значительный взглядъ. Винкль покраснѣлъ и потупилъ глаза.

«Большаго оставимъ мы на рукахъ нашихъ дамъ», сказалъ Вардль. «Моя сестра така заботливая»...

И они пошли, но какъ изумился ученый Пиквикъ, когда среди луга, гдѣ собралась вся деревня, и гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ, онъ увидѣлъ своего стариннаго, дорожнаго товарища, человѣка въ зеленомъ кафтанѣ, злѣтѣ покойнаго Болоро Фицгига, словомъ — комедіанта Джингля, который казался тутъ, какъ будто дома, всѣмъ распоряжалъ, бѣгалъ, шумѣлъ!

Джингль оказалъ всѣ учтивости Пиквику и его сопутникамъ, и потому, когда всѣхъ пригласили къ обѣду, Джингль присталъ къ Пиквику, а тотъ не могъ отказать отъ него. И вотъ, благодаря покровительству ученаго мужа, Джингль за столомъ, и играетъ важную роль. Каждый изъ собесѣдниковъ ѣсть за двухъ и пьетъ за четырехъ. Множество

гостовъ провозглашается со всѣхъ сторонъ. Джингль говоритъ рѣчь. . .

По своему обыкновению, Снодграссъ записалъ множество любопытныхъ вещей для доставленія въ свой клубъ, и безъ сомнѣнія, онъ были бы полезны, если бы, отъ множества гостовъ, рукопись его не сдѣлалась такою связною, что онъ ничего не могъ въ ней разобрать.

Пиръ кончился. Гости Динглей-Дельскіе думали о возвратѣ, и Вардль, изъ уваженія къ Пиквику, пригласилъ къ себѣ Джингля, а Пиквикъ посовѣтился отказать отъ такого товарища. Джингль не заставилъ себя просить; онъ шелъ впереди всѣхъ и говорилъ всѣхъ громче.

Заботы, оказанныя миссъ Рахилью Тупману, воспламенили его сердце, и онъ рѣшился отважиться на объясненіе. Случай представился скоро. Былъ вечеръ. Обѣ дѣвицы Вардль вышли куда-то бабушка храпѣла въ креслахъ; слуги наслаждались досугомъ передъ кухнею; съ пира ждали хозяина не скоро; миссъ Рахиль и Тупманъ были одни въ садовой бесѣдкѣ. . . и кого не увлечетъ любовь въ саду, въ бесѣдкѣ, при наступленіи ночи!

«Вы ангель!» воскликнулъ Тупманъ, обращаясь къ предмету любви своей.

— Всѣ мужчины говорятъ такъ всѣмъ женщинамъ, но всегда ли они такъ думаютъ!

«Охъ! не сомнѣвайтесь въ моей искренности! Отънынѣ жизнь моя у ногъ вашихъ; располагайте моимъ жребіемъ; вамъ принадлежу я! Скажите: жду моего рѣшенія на колѣняхъ!»

— Прошу васъ — встаньте, г-нъ Тупманъ. . . Вы меня стыдите. . .

«Скажите, что вы меня любите!»

— Не смѣю сдѣлать такого признанія, но я не равнодушна къ вамъ. . .

Тупманъ не далъ ей времени докончить словъ, прижалъ ее къ сердцу, и называлъ ее нѣжными именами, запечатлѣвъ уста ея поцѣлуемъ. . .

Миссъ Рахиль противопоставила сначала сопротивленіе, соразмѣрное восторгамъ ея любовника, но потомъ, уступая его страсти, сама подарила его поцѣлуемъ. Вдругъ чувствительная миссъ закричала отъ страха, Тупманъ оборотился — Джое стоялъ передъ ними!

— Ужинъ готовъ! — воскликнулъ Джое.

«А ты. . . ты давно здѣсь?»

— Только что пришелъ, сударь.

«Ну, хорошо! Мы идемъ за тобою. Не безпокойтесь, милая Рахиль! этотъ соня ничего не видалъ и не слыхалъ.»

Нѣжная чета явилась къ ужину.

Хозяинъ и другіе гости не возвращались; начинали безпокойться объ нихъ, и уже около полуночи услышали шумъ въ кухнѣ. Только Джингль сохранилъ здравый смыслъ. Четверо другихъ не знали что говорятъ, и ихъ принуждены были нести въ постели. Что касается до ловкаго проидохи, онъ остался съ дамами и показалъ себя чудесно ловкимъ человекомъ. Тупманъ ощутилъ мученіе ревности, и ложась въ свою постелью, думалъ: «Зачѣмъ до сихъ поръ не свернулъ себѣ шеи, этотъ негодяй!»

Бабушка имѣла обыкновение каждое утро подышать свѣжимъ воздухомъ въ садовой бесѣдкѣ, и Джое обыкновенно водилъ ее туда. На другой день, хозяинъ и гости отдыхали еще послѣ пирушки, бабушка отправилась въ бесѣдку, и испугалась, когда Джое подошелъ къ ней съ таинственнымъ видомъ, и закричалъ ей на ухо: «Сударыня!»

— Что ты, Джое?

«Я хочу вас испугать.

— Что ты, мой друг! я всегда тебя такъ любилъ, какъ добраго парня?

«Знаю, да, что вы думаете видѣль я здѣсь, вчера, въ этой бесѣдкѣ?»

Джингль былъ подлѣ, и непримѣтно подошелъ подслушать тайну Джое. А подслушать было не трудно, потому, что онъ и бабушка кричали во все горло.

«Да, что такое? Что такое, Джое?»

Тутъ соня разсказалъ всю любовную сцену, которой былъ свидѣтелемъ. Бабушка не могла опомниться отъ удивленія, а Джингль рѣшился воспользоваться открытіемъ и не проронилъ ни словечка. Пяти минутъ не пробывъ онъ въ Динглей-Делѣ, а уже составилъ планъ овладѣть сердцемъ миссъ Рахили. Старыя дѣвушки съ приданымъ большая приманка для плутовъ. Вообразите радость нашего плута, когда онъ узналъ объ интригѣ, которою могъ запутать миссъ Рахиль! Размышляя о средствахъ, подошелъ онъ къ дому, вошелъ въ столовую. Миссъ Рахиль была тамъ одна. Джингль заперъ двери, и съ жаромъ обратился къ ней: «Миссъ Вардль!» сказалъ онъ — недавно имѣлъ я честь узнать васъ, и простите, что оставлю всѣ церемоніи: честь ваша мнѣ дорога — все открыто!»

— Я васъ, сударь, не понимаю.

«Соня Джое все видѣль, что было въ бесѣдкѣ, все разсказалъ вашей маменькѣ... Вы понимаете теперь? Какъ Тупманъ цѣловалъ васъ, обнималъ...»

— Вы, сударь, оскорблите меня!

«Помилуйте! Я все подслушалъ, и снѣшилъ предупредить васъ объ опасности.

— Что дѣлать теперь! Братъ взбѣсится!... Посоветуйте мнѣ...»

«Всего легче сказать, что Джое бредитъ, видѣль все во снѣ, и его вытолкаютъ изъ дома!

Рахиль улыбнулась. Джингль вздохнулъ и молчалъ. И вдругъ бросился онъ въ двери...

— Г-нѣ Джингль! вы что-то разсѣяны. Участіе, какое вы приняли во мнѣ, не даетъ ли мнѣ права спросить о причинѣ вашего смущенія?

«Какъ смѣть, когда вы...»

— Изъяснитесь!

«Хорошо, миссъ. Вы, вы — любите неблагодарнаго! Но... простите! Онъ другъ мнѣ...»

— Вы сказали уже такъ много, что должны кончить!

«Дружба... честь...»

— Заклинаю васъ!

«Правда, правда... ваше спасеніе...»

— О, говорите, говорите!

«Знайте же, что Тупманъ хочетъ только вашего приданнаго!

— Несчастная!

«Сомнѣваться нечего: дѣвка должна быть богата»

— думалъ Джингль, и онъ продолжалъ: «Онъ любить другую, молодую, черноглазую...»

— Племянницу мою Эмилию?

«Разумѣется. Замѣчайте за ними сегодня за столомъ. Увѣренъ, что онъ сядетъ подлѣ нея, станетъ шептаться съ нею, оставитъ васъ... Это не въ первыя ему, вѣтреннику, челоуѣку безъ сердца...»

— Злодѣй!

«Да, еще какой! Помните, что вамъ надобно быть твердою, не говорить ничего, и разорвать съ нимъ связь, когда вы убѣдитесь въ его измѣнѣ.»

— Все сдѣлаю.

«Общаетесь?»

— Клянусь!

«О, вы самая любимая, и самая милая изъ всѣхъ въ мірѣ дѣвушекъ!»

Джингль упалъ къ ногамъ Рахили, и поднялся на ноги уже съ признаніемъ въ любви. — Тотчасъ побѣжалъ онъ въ комнату Тупмана. «Ваши шалости, г-нъ Тупманъ... ваши побѣды... все открыто!» — Слѣдовалъ рассказъ. Тупманъ остолбенѣлъ. «Что дѣлать?» — Миссъ Рахиль проситъ васъ сѣсть за столъ подлѣ Эмили, заниматься только ею, говорить только съ нею, и тѣмъ отвлечь всѣ подозрѣнія... — Тупманъ обѣщалъ, сдержалъ слово, и миссъ Рахиль, убѣжденная въ его измѣнѣ, поклялась отомстить ему.

Вечеромъ мелькали въ саду двѣ тѣни, одна длинная и тонкая, другая короткая и толстая. То были Джингль и Тупманъ. «Ну, какъ вы думаете? Всѣхъ ли я обманулъ?» спрашивалъ толстякъ. — «Чудо, какъ обманули!» говорилъ Джингль. — «Такъ и ведите, пока я васъ увѣдомлю!»

— Но, по крайней мѣрѣ, отнесите же миссъ Рахили увѣреніе въ моей пѣжной любви, и пусть она знаетъ, какъ дорого стоитъ мнѣ притворство...

«Все, все ей перескажу, только вы-то сами ничего съ ней не говорите!»

— Ея спокойствіе мнѣ дороже самой жизни моей! Пусть вѣрится она моей покорности. А вы, о другъ мой! примите тысячу благодареній за ваше благородное поведеніе, и вѣрьте, что я желалъ бы имѣть случай доказать вамъ мою признательность...

«Ни слова, ради Бога! Прощайте! Да, мимоходомъ: не сеудите ли вы меня дни на три бездѣлкой? Гиней деслятокъ...

— Сдѣлайте милость — вотъ онъ!

«Надобно ли благодарить? — Смотрите же: ни слова, ни взгляда, ни движенія!»

— Окаменѣю!

Вечеромъ въ тотъ же день, когда всѣ за ужиномъ заняли мѣста свои, ни Джингль, ни миссъ Рахиль не являлись. «Гдѣ сестра?» спрашивалъ Вардль. «Гдѣ Джингль?» спрашивалъ Пиквикъ — я его цѣлый день не вижу!»

Начали ужинать, и ученый мужъ поднесъ къ устамъ первый кусокъ ростбифа, когда всѣ служители вошли въ столовую толпой. «Что такое?» спрашивалъ Вардль — «не пожаръ ли въ домѣ?»

— М. Г., миссъ Рахиль и господинъ въ зеленомъ кафтанѣ отправились въ почтовой коляскѣ изъ Синого Льва.

«Я обмануть!» говорилъ Тупманъ, ходя по комнатамъ большими шагами — плуть на мои деньги увезъ мою Рахиль!

— Эй! поскорѣ лошадь въ коляску! Я слѣдую за ними — говорилъ Вардль. — Только бы догнать... Какая страсть давать себя увозить! Ужъ въ который разъ... Любезный г-нъ Пиквикъ! вы поѣдете со мною?

«Охотно. Позвольте только взять мой портфель...»

Черезъ пять минутъ, Пиквикъ возвратился съ длиннымъ лицомъ.

— Что съ вами? — спрашивалъ хозяинъ.

«Меня обокрали, почтеннѣйшій, безсовѣстно обокрали... Этого мошенника... Я позволялъ ему входить въ мою комнату... Не кому другому!»

— Да, онъ, онъ!

«Мы поймемъ его!»

— Поведемъ его!

«Въ дорогу!»

Подвезли коляску; двое друзей сѣли въ нее и по-

катились. Провѣхавши большую часть ночи, претерпѣвши бурю, получивши сотни двѣ толчковъ, они увидѣли почтовую коляску, ѣхавшую въ галопѣ. «Двѣ гиней, если ты догонишь, почтальонъ!» кричалъ Вардль, краснѣя отъ гнѣва. И вотъ вскорѣ — коляски рядомъ. Да! въ той сидятъ бѣглецы! Джингль погоняетъ своего возничаго кулаками и голосомъ; братъ миссъ Рахиль грозитъ ему и ругается отборными словами. Въмѣсто отвѣта, Джингль хохочетъ.

Вардль хотѣлъ выскочить, когда отъ жестокаго толчка, коляска его опрокинулась. Нѣсколько секундъ слышны были только трескъ, дребезжанье, глухой шумъ. Наши друзья вылѣзли изъ развалинъ, какъ могли. Пиквикъ поправлялъ свои очки; Вардль искалъ свою шляпу. Коляска разбилась въ дребезги.

«Что, господа?» кричалъ имъ Джингль. «Цѣлы ли головы? Такъ ли пусты, какъ прежде?»

«Если вамъ угодно знать о миссъ Рахили, она здорова и весела. До свиданія!»

Почтальонъ захопалъ бичемъ и коляска умчалась — по крайней мѣрѣ, удалась. Пиквикъ бѣсился и клялся, что накажетъ дерзкаго. «А онъ воспользуется временемъ, придетъ прежде насъ въ Лондонъ, и тогда, тогда... Отправимся пѣшкомъ... Что дѣлать!»

Двое друзей пустились пѣшеходствовать. Дождь лилъ ручьемъ.

На другой день, рано утромъ, въ одной изъ плохихъ Лондонскихъ гостиницъ, во дворѣ, какой-то худо одѣтый человѣкъ чистилъ сапоги и башмаки.

«№ 22-й требуетъ сапоги свои!» кричала служанка.

— Не его чередъ! — отвѣчалъ чистильщикъ.

«Ему нужно. Развѣ ты не знаешь, Самуель,

что онъ пріѣхалъ поутру, съ дамой, которая заняла особо № 5-й.

— Что жъ ты не скажешь! Въдѣ я думалъ, что это грошевой постоллецъ! Отдѣльные два номера. Тутъ дѣло другое!

Самуель поспѣшилъ, и черезъ минуту сапоги № 22-го устыдили бы блескомъ своимъ любое зеркало. Онъ понесъ ихъ въ № 5-й, и постучался у дверей. «Войди!» закричалъ мужской голосъ. Самуель повиновался, вошелъ, поклонился, отдалъ сапоги и готовился выгнать, но постоллецъ оставилъ свой завтракъ и обратился къ нему съ вопросомъ: «Послушай, не знаешь ли ты: гдѣ здѣсь берутъ свидѣтельства на вѣнчанье?»

— Берутъ, сударь, ихъ тамъ, подлѣ Павловскаго; тутъ дворикъ, на право книжная лавка, на лѣво гостиница; да тамъ вамъ скажутъ! О, да тамъ всегда такіе плуты — ужъ такъ уместятъ...

«Что жъ такое?»

— Да, ужъ уговорятъ хоть кого жениться! Мой отецъ, извощикъ, былъ вдовѣй, толстякъ этакой! Послѣ матери моей осталось ему 400 фунтовъ — славное наследство! А его уговорили, такъ, да сякъ, возьми свидѣтельство, да и навязали ему бабу, а онъ и женись... Извините! ужъ если дойдетъ до этого рѣчь, я не вытерплю... Мошенники!.. Вамъ ничего не угодно?

«Ничего. Спасибо!»

Самуель вышелъ.

— Ну, моя безцѣнная — сказала тогда Джингль (вы догадались, что постоллецъ былъ онъ) — я пойду за свидѣтельствомъ; тамъ ужъ все готово, и свидѣтели, и пасторъ, и — завтра вы мои на вѣки!

«Такъ скоро!»

— Часы, дни, недѣли, мѣсяцы, годы помчатся

еще быстрее, когда вы будете моею супругою! Па-
роходъ въ тысячу силъ — ничто противъ быстро-
ты счастья!

«А если братъ мой придетъ?»

— Не бойтесь. Они повалились тамъ на дорогѣ!
А впрочемъ, вѣдь мы вышли изъ почтовой коляс-
ки, и сюда прѣехали въ фіакръ. Ну, кто насъ здѣсь
отыщетъ!

— Да, не замедлите...

«Лечу, моя безцѣнная!» Онъ поцѣловалъ свою со-
бесѣдницу и отправился.

Едва онъ за ворота, какъ Пиквикъ и Вардль во-
шли во дворъ, въ сопровожденіи адвоката, маленька-
го, толстаго, курносаго челоуѣчка. Онъ былъ весь
въ черномъ; сапоги его блистали, какъ его глаза;
голова погружалась въ огромное жабо, а изъ кар-
мана висѣли часовыя цѣпочки. Онъ обратился къ
Самуелю. «Ты, кажется, очень занятъ?» спросилъ онъ.

— Охъ, сударь, таки занятъ, да за то ѣдимъ мы
хлѣбъ трудовой, и насъ не поведутъ къ вашей ми-
лости за то, что мы живемъ на счетъ другаго!

«Ты весельчакъ!»

— Наслѣдственная болѣзнь. Отецъ мой прошу-
тилъ цѣлый вѣкъ.

«Этакое воронье гнѣздо ваша гостиница!»

— Да, вотъ хозяинъ собирается починить, только
все некогда. Вѣдь это не на кафтанъ заплатку по-
ставить!.. Но что вамъ угодно?

«Вотъ первое — возьми поль-гиней, а потомъ ска-
жи: кто тебѣ у васъ въ гостиницѣ изъ прѣѣз-
жихъ?»

— За поль-гиней покорнѣйше благодарю, а прѣ-
взѣже... Вотъ, позвольте!

И Самуель, для котораго всѣхъ людей въ мірѣ

представляла ихъ обувь, началъ считать по паль-
цамъ:

«Деревянная нога, № 6; старые башмаки, № 13;
полусапоги, № 20; пять паръ сапоговъ въ столо-
вой; женскіе башмаки, да старые сапоги, № 5...

— Стой! Какіе башмаки? — вскричалъ Вардль.

«Женскіе — плохи — мастеръ Броунъ.»

— Это нашъ башмачникъ — это она!

«Старые сапоги пошли за свидѣтельствомъ на
взичанье.»

— Гдѣ № 5-й? говори скорѣе!

Поль-гинси сдѣлали Самуеля услужливымъ. Онъ
повелъ посѣтителей, и они вошли въ номеръ, ког-
да Джингль воротился, и показывалъ миссъ Рахи-
ли взятое имъ свидѣтельство.

«Вы, сударь, плуть!» вскричалъ Вардль, съ гнѣ-
вомъ приближался къ нему.

«Какъ осмѣлились вы похитить мою сестру? Пар-
керъ! начинайте ваше дѣло, допрашивайте, путайте
его! А ты, Рахиль, въ твои годы, убѣжать съ него-
дяемъ, бродягой, обезславить наше семейство!..
Эй, мальчикъ! счетъ, что забрала эта госпожа и фі-
акръ! Надѣвай свою шляпу, Рахиль!»

— Несмѣйте такъ распоряжаться, М. Г. — вскри-
чалъ Джингль.

«Какъ? Ты осмѣливаешься!»

— И очень — она моя жена. Она была свобод-
на въ выборъ; въ ея лѣта можно быть два раза со-
вершеннолѣтнею.

«Какъ, безсовѣстный?» вскричала Рахиль.

— Я ошибся, мой ангель! Я хотѣлъ только ска-
зать, что вамъ лѣтъ подъ сорокъ...

«Сорокъ!» И чувствительная миссъ упала въ об-
морокъ.

Т. VI. — Отд. II.

— Теперь легче унести ее отсюда — говорил Вардль.

«Я не допущу — она моя жена!»

— «И я ничего не могу сдѣлать!» сказалъ адвокатъ. — Если тутъ было добровольное согласіе, судъ не имѣетъ права вступаться. Развѣ вы пойдете на денежную сдѣлку съ господиномъ...

«Денежную! Онъ и то укралъ у г-на Тупмана десять гиней.

— А у меня портфель съ бумагами...

«Да, есть ли у васъ доказательство на все это? Добровольное согласіе — повторю я...

— Ну, да, чортъ съ нимъ! Пусть онъ только откажется отъ сестры моей — я заплачу ему.

«Такъ мы уладимъ дѣло. Г-нъ Джингль, не угодно ли вамъ пожаловать въ ближнюю комнату?»

— Охотно.

Они вышли.

«Видите,» сказалъ плуту адвокатъ — вы полагали миссъ Рахиль съ богатымъ приданымъ, а у ней ничего нѣтъ, и только послѣ смерти матери достанется нѣсколько сотъ фунтовъ, и тѣ можетъ она отнять за бѣгство и неповиновеніе... Но, положимъ, что вы будете ждать...

— Да, я буду ждать...

«Фамилія г-на Вардля отличается долговѣчіемъ. Вы сыщете партію лучше... Двадцать пять гиней, думаю, стоятъ дѣвцы Вардль? Братъ согласенъ дать ихъ.

— Какъ возможно! И на пятидесяти не помирись. Считите сами расходы: путешествіе до Лондона 9 гиней; свидѣтельство на вѣнчанье 3 гиней — согню за хлопоты, да хоть восемь на водку. Давай-те 120 гиней и дѣло кончимъ!

Адвокатъ спорилъ. Помирились на семидесяти.

«Сто двадцать!» сказалъ адвокатъ, подходя къ Вардлю — не береть менѣе!

— Киньте ему 120 гиней, и велите убраться къ чорту! вскричалъ Вардель.

Деньги отсчитаны. Адвокатъ выдалъ Джинглю семидесять, положилъ въ свой карманъ пятьдесятъ, и Джингль отправился гулять вольной птичкой.

Когда миссъ Рахиль увидѣла себя оставленною, она была въ отчаяніи, и только могла выговорить: «Безсовѣстный! Сорокъ лѣтъ, и онъ меня оставилъ!..»

На другой день, двое нашихъ друзей отправились съ прекрасною бѣглинкою въ Динглей-Дель, куда и прибыли благополучно вечеромъ.

Ночь, проведенная спокойно, и сельскій воздухъ, скоро возвратили Пиквику его душевные и тѣлесныя силы. Два дня былъ онъ разлученъ съ своими друзьями, и съ величайшею радостью встрѣтили они его, при возвращеніи съ утренней прогулки. Но Тупмана не было между ними. Пиквикъ понялъ молчаніе на вопросъ его... «О страсти!» проворчалъ онъ — «сильныя страсти! Вы всегда бѣдственныя человѣку!»

— Гдѣ Тупманъ? — спрашивалъ Пиквикъ.

«Уѣхалъ, не знаемъ куда,» отвѣчалъ Снодграссъ. «Не говорить ли онъ чего нибудь въ письмѣ, которое оставилъ на ваше имя.»

Пиквикъ взялъ письмо, и прочелъ въ немъ слѣдующее:

«Мой почтенный другъ!

«Высокій характеръ вашъ и ученіе ставятъ васъ прѣвыше слабостей человѣческихъ, но вы поймете, какъ грустно, когда у васъ занимаетъ деньги и обманываетъ васъ человѣкъ, пользовавшійся вашимъ другомъ, и когда измѣнитъ вамъ любовь. Жизнь моя была отдана милой, любезной дѣвушкѣ, и теперь мнѣ непременно надобно умереть. Продайте, почтенный Пик-

визъ! Если вздумаете писать, то адресуйте письма ваши въ Кобгамъ, въ гостиницу Коженной Бутылки. Скажите Рахили... Нѣтъ! ничего не говорите, и при ея воспоминаніи, едва имѣю силы подписать, что я есмь

вашъ грустный *Тупманъ*.

«Его надобно спасти — вѣду немедленно!» воскликнулъ Пиквикъ. Тотчасъ отправился онъ къ Вардлю и объявилъ о своемъ намѣреніи. Тщетно хотѣли удержать его. «Проклятая любовь!» ворчалъ Вардль.

Нѣсколько разъ звавши друга своего Снодграсса, Пиквикъ увидѣлъ его выходящаго изъ корридора съ заплаканными глазами: онъ прощался тамъ съ Эмилиєю Вардль. Пиквикъ задумался и повторилъ раза два: «Еще!.. О юность! о страсти!»

Трое друзей нашихъ прѣехали въ Рочестеръ вечеромъ, и, не смотря на грусть свою, славно пообѣдали. Потомъ, пѣшкомъ пустились они въ Кобгамъ. Былъ тогда Іюнь и день прекрасный. Птички, мирныя обитательницы деревень по дорогѣ, пѣли согласный концертъ любви; земля покрывалась зеленымъ ковромъ и душа увлекалась весельемъ. Друзья наши прошли по парку временъ Елисаветинскихъ; стада оленей прыгали тамъ и здѣсь; кролики прыгали въ траву.

«Для человѣка наскучившаго жизнью, не слишкомъ печальное жилище!» сказалъ Пиквикъ. — «Но поспѣшимъ... Кто знаетъ?..»

Снодграссъ и Винклъ повторили: «Кто знаетъ!» — Скоро прибыли все въ гостиницу Коженной Бутылки, и были введены въ комнату, гдѣ находился отчаянный Тупманъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ готовился умереть, но только избралъ странный родъ смерти, рѣшился объѣсться. Такъ можно было, по крайней мѣрѣ, полагать, судя по обѣду, который стоялъ передъ нимъ, и гдѣ ужасный окорокъ былъ окруженъ

жареною дичью и дюжиною бутылокъ вина и портера. Въ то мгновеніе, когда вошли друзья, Тупманъ подносилъ ко рту огромный кусокъ ветчины. Вилка упала изъ рукъ его. Сказать онъ ничего не могъ — потому, что ротъ его былъ набитъ.

«Оканчивайте вашъ обѣдъ, г-нъ Тупманъ,» сказалъ Пиквикъ, садясь, «а потомъ мы поговоримъ на досугѣ.»

Обѣдъ кончился. Все вышли и около получаса прогуливались по кладбищу. Пиквикъ ходилъ отдѣльно съ Тупманомъ, говорилъ краснорѣчиво, и потому ли, что ученикъ не могъ ничего противоположить сильнымъ доказательствамъ учителя, или и самъ онъ имѣлъ время подумать, но только Тупманъ согласился жить, и раздѣлять по прежнему труды и приключенія своего почтеннаго друга, ибо, «потерявъ все милое, ему все равно, что ни дѣлать и гдѣ ни влечить печальное бытіе» — говорилъ онъ. Пиквикъ съ чувствомъ пожалъ руку чувствительнаго Тупмана, и оба присоединились къ товарищамъ. «Онъ спасенъ!» шепнулъ имъ Пиквикъ.

За то, возвращаясь въ гостиницу Коженной Бутылки, ученый мужъ произвелъ открытіе, которое обезсмертило его имя и возбудило зависть всѣхъ антикваріевъ. Передъ порогомъ бѣдной хижины, онъ увидѣлъ камень, до половины вросшій въ землю. Онъ остановился и сталъ смотрѣть.

— Что такое? — спрашивалъ Тупманъ.

«Надпись. Она не погибнетъ для науки — я соберу свѣдѣнія.»

Пиквикъ постучался у дверей хижины. Вышелъ какой-то человѣкъ.

— Не можешь ли, мой милый, сказать, какъ попался сюда этотъ камень?

«Да, такъ — валяется себѣ. Какъ запомню, такъ онъ все тутъ.»

— Не продашь ли ты его мнѣ?

«Да, на что вамъ такую дрянь?

— Вотъ тебѣ шесть шиллинговъ.

«Давайте!»

Камень вырвали и перетасили въ Коженную Бутылку. Тутъ Пиквикъ принялся за него, и судите о восторгѣ четырехъ друзей, когда на камень ясно прочитали они слѣдующія буквы?

BILST

UM

PSHI

S. M.

ARK.

Пиквикъ не зналъ, что дѣлать отъ восхищенія. Достигнута цѣль, о которой грустило его честолюбіе, сбылись мечты!... Въ области, славной ея древностями, въ деревнѣ, сохранившей слѣды древняго образованія, онъ, Пиквикъ, глава знаменитаго клуба, нашелъ камень, до сихъ поръ неизвѣстный ученымъ!

«Завтра же ѣду въ Лондонъ» говорилъ онъ. «Во первыхъ, мое сокровище надобно поскорѣ передать въ руки знатоковъ, а во вторыхъ въ Итансвилѣ будутъ выборы, и мой почтенный другъ, адвокатъ, г-нъ Паркеръ, оказавшій намъ съ г-мъ Вардлемъ такую услугу, будетъ агентомъ одного изъ кандидатовъ. Онъ просилъ меня быть на выборахъ».

Трое учениковъ согласились съ учителемъ, и учитель, довольный такимъ довѣрчивымъ послушаніемъ, изъявилъ имъ признательность. Онъ помѣстилъ свой драгоценный камень въ ящикъ, нарочно сдѣланный, и вечеръ весело заключился пуншемъ.

Одиннадцать часовъ пробило, когда друзья разошлись по своимъ комнатамъ, но Пиквикъ, взволнованный событіями дня, не могъ уснуть. Онъ отво-

рилъ окно и предался мечтамъ и размышленію. Ударило полночь, когда ученый мужъ раздѣлся и легъ въ постелю.

На завтра, послѣ добраго завтрака, четверо друзей и камень отправились въ Лондонъ, куда прибыли послѣ полудня.

Надобно ли говорить читателю, что ученый Пиквикъ постыдился представить своимъ сочленамъ драгоценную находку Кобгамскую? Онъ произнесъ длинную рѣчь, изъясняя неизъяснимую надпись, и потомъ напечаталъ брошюрку въ 99 страницъ о такомъ любопытномъ предметѣ. Нѣсколько дней, всѣ ученые только о томъ и говорили. Три антикварія поссорились за объясненіе буквъ и смыслъ ихъ; одинъ чуть не утопился съ досады, что ничего въ нихъ понять не можетъ, и Пиквикъ былъ сдѣланъ въ одинъ годъ, за свое великое отккрытіе, членомъ семнадцати ученыхъ обществъ. Надобно прибавить, всѣ семнадцать обществъ объявили, что ни чего не понимаютъ, ни въ надписи, ни въ изъясненіяхъ ея, но всѣ признали находку весьма драгоценною.

Все это бѣсило злаго Больтона, грознаго противника нашему знаменитому ученому. При ограниченности своихъ знаній, онъ безстыдно объявилъ, что сомнѣвается въ томъ, чему повѣрили семнадцать ученыхъ обществъ. Вредъ всячески Пиквику, онъ ѣздилъ въ Кобгамъ, и по возвращеніи привезъ свѣдѣніе, отобранное имъ отъ прежняго хозяина камня, гдѣ говорилось, что камень точно былъ старинный, но хозяинъ камня объявилъ надпись новою, и именно, будто онъ самъ вырѣзалъ ее отъ нечего дѣлать, и что дѣлая надпись, онъ не придавалъ ей никакого смысла, а чертилъ, что ему вздумалось.

Злобная клевета Больтона была принята съ та-

кямъ справедливымъ негодованіемъ, что Болтона немедленно исключили изъ клуба. Пиквику, въ вознагражденіе поднесли золотыя очки, и единогласно опредѣлили поставить портретъ его въ залъ собранія.

Раздраженный Болтонъ написалъ памфлетъ, гдѣ обсмѣялъ всѣ семнадцать ученыхъ обществъ. Они отвѣчали ему замѣчательными брошюрками, которыя были переведены на всѣ Европейскіе языки. Таково было начало знаменитаго пренія, которымъ долго оглашались журналы. Многіе не понимали въ чемъ состоитъ дѣло, но тѣмъ не менѣе, споръ прославилъ имя Пиквика и обезсмертилъ Кобгамскій камень его.

Надобно вамъ сказать, что жилище Пиквика соотвѣствовало славѣ и отношеніямъ его въ свѣтѣ. Кабинетъ и спальня его выходили окнами на Госвелл-Стричь, и изъ оконъ своихъ могъ онъ ежедневно изучать челоуѣчество. Съѣдомъ у него былъ старикъ, а хозяйка квартиры пѣкто г-жа Бурдель, вдова отставнаго таможеннаго чиновника, и мать маленькаго шалуна, сына, который почти весь день бѣгалъ по улицѣ, и отъ того въ домѣ было тихо.

Наканувъ отъѣзда нашего ученаго въ Итансвилъ, онъ ходилъ по своей комнатѣ съ озабоченнымъ видомъ, и безпрестанно поглядывалъ, то на часы, то въ окно, ожидая маленькаго Бурделя, котораго послалъ куда-то. Явно было, что дѣло шло не о бездѣлицѣ.

— Сударыня — сказала онъ хозяйкѣ, которая въ ту минуту убирала его комнату. — Вашъ сынокъ долго заходилъ.

«Можетъ быть, далеко посланъ».

— Да, правда.

Пиквикъ замолчалъ, а г-жа Бурдель продолжала сметать пыль.

— Какъ вы думаете: много ли мнѣ надобно прибавить, если, вмѣсто одного, насъ будетъ двое?

«Что за вопросъ!» отвѣчала г-жа Бурдель.

— Но какъ вы думаете?

«Да, право, не знаю.... Все зависитъ отъ того, какова будетъ другая особа: экономка или расточительна....»

— О, та особа, которую я имѣю въ виду, одарена превосходными качествами! Совершенное знаніе свѣта и замѣчательный умъ....

Г-жа Бурдель покраснѣла.

«Вы, сударь, слишкомъ поспѣшны».

— Я все обдумалъ, и говоря откровенно — рѣшился. Вы удивитесь, что я вамъ ничего не говорю, пока не послалъ вашего сына, но мое рѣшеніе было еще не твердо, и я надѣялся, что вы спорить не станете....

«Могу ли спорить!»

— И вамъ будетъ тогда легче.

«Это бы ничего, но я хотѣла бы только вамъ угодить, и чувствую всю признательность, что вы тронулись моимъ уединеніемъ и одиночествомъ».

— Какъ? Да, правда, и вамъ будетъ въ жизни добрый товарищъ.

«Какое благополучіе!»

— Товарищъ и сыну вашему, который въ одинъ день научить его столькимъ играмъ, станетъ съ нимъ бѣгать, прыгать....

«Въ такія дѣла.... О, драгоценный г-нъ Пиквикъ!» И г-жа Бурдель бросилась на шею ученаго мужа.

— Но, г-жа Бурдель.... вы слишкомъ живо принимаете мое извѣстіе.... Подумайте, если кто войдетъ....

«Что мнѣ до цѣлаго міра! Я не оставляю васъ никогда...»

— Вы помѣшались...

«Отъ радости!»

— Да, отъ какой?

«Да, развѣ не сказали вы мнѣ сей часъ, что вы рѣшились...»

— Взять служителя?

«Да, развѣ только о томъ вы толковали цѣлый часъ?»

— Только о томъ.

«А не о свадьбѣ нашей?»

— Что вы, госпожа Бурдель?

«Охъ! это ужасно.... Въ ваши лѣта, увлечь надеждами бѣдное сердце...»

— Увѣрю васъ, что я и не думалъ жениться!

«Чудовище! Эхъ, охъ, ахъ!»

— Успокойтесь, ради Бога.... Кто-то идетъ....»

«Идутъ? А! вотъ я же васъ!» И г-жа Бурдель крѣпко обхватила Пиквика, а потомъ лишилась чувствъ.

Тутъ вошли его ученики.

«Что сдѣлалось съ этою дамою?» заботливо спрашивалъ Тупманъ.

— Чортъ ее знаетъ! Я сталъ говорить, а она лишилась чувствъ. Помогите мнѣ утащить ее въ ея комнату.

«Въ ея комнату!» — Ученики значительно поглядѣли другъ на друга, и потащили, вмѣстѣ съ Пиквикомъ, г-жу Бурдель.

Минутъ черезъ пять, кто-то постучался въ двери; то былъ Самуель Валлеръ, за которымъ ходилъ сынъ г-жи Бурдель.

— Войди! — сказалъ Пиквикъ.

Самуель вошелъ.

— Ну, ты, конечно, узналъ меня? — спросилъ ученый мужъ.

«Разумѣется, сударь.

— Садись. Мнѣ надобно съ тобой поговорить.

«Извольте, сударь, да, извините, что я не привѣтствовала васъ, и оставилъ шляпу за дверью; у нея оборвались поля, и хоть она стала отъ того легче, но — совѣстно входить съ ней въ комнату, и извольте видѣть...»

— Ну, оставь твою шляпу за дверью, и скажи мнѣ: доволенъ ли ты своимъ мѣстомъ?

«А развѣ у васъ есть лучше?»

— Кажется. Я хочу взять тебя.

«Право? А что вы мнѣ дадите?»

— Двѣнадцать гиней.

«А одежда?»

— Двѣ полныя пары въ годъ.

«А что дѣлать у васъ?»

— Служить мнѣ, ѣздить со мной.

«Снимаю билетъ со лба: я нанять!»

— Ты согласенъ?

«Еще бы! Да если платье будетъ стоить половины жалованья — чудо мѣсто!»

Можешь ли ты сегодня поступить ко мнѣ?

«Хоть сей часъ, если угодно.»

Итъ, я поразвѣдаю объ тебѣ; приходи въ 8-мь часовъ, и если о тебѣ худа не скажутъ — ты мой.

«Извольте сударь. Слуга вашъ!»

Въ назначенный часъ явился Самуель. Пиквикъ повелъ его къ ветошнику и одѣлъ съ головы до ногъ.

«Хотѣлъ бы я знать,» говорилъ Самуель, смотрявъ въ зеркало, «что я такое: каммердинеръ, егеръ, конюшій, или садовникъ? Отъ всего есть по маленьку въ моемъ нарядѣ, да все равно! Работать мало, видѣть много!»

Пиквикъ собрался между тѣмъ въ Итансвилъ, и мы должны сознаться, что города съ такимъ именемъ не нашли мы въ цѣлой Англии. Надобно полагать, что щекотливая скромность ученаго мужа замѣнила, въ запискахъ, изъ которыхъ выбираемъ мы его похождения, настоящее имя мѣстечка вымышленнымъ, чтобы не оскорбить ни чьей личности.

Положивъ такъ, скажемъ, что четверо друзей нашихъ, оставивъ Лондонъ, прибыли прямо, на другой день, въ Итансвилъ, и остановились въ гостиницѣ Тоунъ-Армсъ. Два знамя, вѣявшія на балконѣ ея, показывали проходящимъ, что кандидатъ желтыхъ, почтенный Самуель Слумкей, собиралъ здѣсь друзей своихъ. Ораторъ, очевидно его партіи, бѣсновался и кричалъ на балконѣ между знаменами, и, конечно, говорилъ въ пользу г-на Слумкея, но невозможно было ничего разслушать, ибо въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, четыре барабанщика били изъ всѣхъ силъ въ честь другаго кандидата, краснаго, г-на Фискина.

Желтый и красный были два цвѣта, выбранные двумя партіями, и каждая партія имѣла свое оружіе, своихъ защитниковъ и свою манеру тактики.

Ораторъ на балконѣ гостиницы, какъ мы уже говорили, кричалъ во все горло. Подлѣ него, другой кто-то махалъ изъ всѣхъ силъ шляпой. Толпа народа внизу шумѣла и хлопала въ ладоши.

Ораторъ продолжалъ свою рѣчь, а другой свое маханье, пока оба выбились изъ силъ, и хотя никто не могъ разслушать ни одного слова, но всѣ остались довольны рѣчью и мимикою.

Только что Пиквикъ успѣлъ вылѣзть изъ кареты, какъ его окружили. Желтые овладѣли имъ, и кричали такъ, что онъ ничего не могъ понять. Толпа

вразумила его, въ чемъ состоитъ дѣло. «Да здравствуетъ Слумкей!» ревла она.

— Да здравствуетъ Слумкей!—закричалъ Пиквикъ, махая шляпою.

«Долой Фискина!»— «Долой Фискина!» повторилъ ученый мужъ.

Новые крики, новый ревъ, какъ въ стадѣ быковъ, которое взбѣсило.

— Да, что это за Слумкей? — спрашивалъ Снодграссъ, видя, что другъ его принадлежитъ къ партіи Слумкея.

«А кто его знаетъ!» отвѣчалъ Пиквикъ. «Я всегда слѣдую примѣру другихъ. Это безопасно».

— А если два мѣнія?

«Такъ тому, которое сильнѣе».

Друзья приблизились къ гостиницѣ; толпа пропустила ихъ. Первое дѣло, о чемъ заботился Пиквикъ, было то: есть ли постели? Вопросъ сдѣланъ слугѣ гостиницы.

«Богъ знаетъ, сударь, а врядъ ли! Однакожь, я узнаю».

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ воротился. «Вы, сударь, желтый?»

Отвѣчать было трудно, ибо Пиквикъ и друзья его равно не знали ни того, ни другаго кандидата. Но Пиквикъ искусно выпутался изъ хлопотъ. «Знаешь ли ты адвоката Паркера?» спросилъ онъ.

— Разумѣется. Онъ агентъ г-на Самуеля Слумкея.

«И какой онъ? Желтый?»

— Нельзя желтѣе!

«Ну, такъ и мы желтые. Однакожь, говори-ка, что у васъ вѣдять?»

— Вы, сударь, желтый — пожалуйста!

И онъ ввелъ друзей нашихъ въ большую комнату, гдѣ находился Паркеръ. Почтенный агентъ си-

дѣлать за столомъ, заваленнымъ книгами и бумагами. Онъ всталъ встрѣтить гостей. «Какое счастье! какалъ честь! Мой почтеннѣйшій г-нъ Пиквикъ!»

— Мы явились къ вамъ на выборы.

«О, дѣло идетъ горячо!»

— Тѣмъ лучше. Истина выигрываетъ при упорномъ преніи.

«О, мы выиграемъ! Видите, во-первыхъ, мы наняли всѣ гостинницы, такъ, что ни въ одной тавернѣ нельзя собираться нашимъ противникамъ.»

— А съ какой стороны вѣроятность?

«Еще неизвѣстно. Наши противники взяли также свои мѣры. Вотъ, напримѣръ, у нихъ тридцать три избирателя въ запасъ, сидятъ въ погребу Бъ-лага Льва.»

— Избиратели въ погребу?

«Да, ихъ нарочно тамъ заперли, чтобы мы не могли дѣйствовать на нихъ. Впрочемъ, какъ на нихъ и дѣйствовать? Ихъ ловили тотчасъ по пріѣздѣ, и каждаго поили на мертво, а потомъ, едва кто просыпался, поили снова, и они пьянехоньки безъ просыпа! Мой соперникъ ловкая штука.....»

— Вы меня удивляете.....

«Но, вѣдь и мы не олухи! Каково, напримѣръ, что мы собрали сорокъ пять дамъ, и на поваль перепоили ихъ чаемъ? Этого мало: каждая получила потомъ зеленый зонтикъ.»

Что жъ это такое?

«Последней моды Парижскіе зонтики. Конечно, 45-ть зонтиковъ, по 7 шиллинговъ и 7 пенсовъ каждый, не шутка, но изъ ничего ничего и не будетъ! Наши дамы съ ума сходятъ отъ Парижскихъ зонтиковъ, и у всякой есть папенька, дядюшка, братецъ, сыночекъ... хе, хе! 45 зонтиковъ, все равно, что 45 голосовъ!»

Паркеръ захотѣлъ, но прибытіе г-на Потта редактора газеты, сдѣлало его важнымъ. Г-нъ Поттъ былъ высокій, худощавый человекъ; нѣсколько съдыхъ волосовъ прикрывали его лысину и придавали ему важный видъ. Пошли учтивости. — «Что, М. Г.,» сказала Поттъ, послѣ рекомендацій взаимныхъ, обратился къ Пиквику — «думаю, наши выборы не безъ молвы и въ Лондонѣ? А?»

— Весьма.

«Я убѣжденъ, что мой субботній листокъ много тому способствовалъ. Не худо написано!» — Искоса взглянулъ Поттъ на г-на Паркера, и продолжалъ, потирая руки: «Какал, сударь, сила книгопечатаніе!»

— О, разумеется!

«Я убѣжденъ, что никогда не должно обращать этой силы на лицо, и потому, я всегда устремляю ее на развитіе началъ и мнѣній... то есть, изволите ли видѣть, мнѣній... то есть... понимаете?»

— Совершенно.

«Скажите, какое мнѣніе вообще въ Лондонѣ о племянникѣ моей съ Независимымъ?»

— Оно... оно...

«Да, да, знаю, что всѣ умы обращены на него, и я не уступлю!»

— Благородно и смѣло!

«О, сударь! Вижу, что имѣю честь говорить съ просвѣщеннымъ человекомъ, и за честь почитаю знакомство...»

— Я долженъ за честь почитать...

«О, о!.. Но здѣсь вамъ будетъ весьма тѣсненько, а въ гостинницѣ Пикокъ есть еще кровать, и если вы сдѣлаете мнѣ честь жить подъ одною кровлею, я убѣжденъ, что и жена моя за честь почтетъ...»

— Но я боюсь...

«Дѣло кончено, сударь — ни слова!»

Друзья наши славно пообѣдали съ новыми знакомыми, и потомъ отправились, двое въ гостинницу Пикокъ, а двое на квартиру къ г-ну Потту.

— Мой другъ! — говорилъ г-нъ Поттъ женѣ своей — представляю тебѣ г-на Пиквика и друга его, г-на Винкля.....

«Мы боимся, сударыня, что васъ потревожимъ...»

— Напротивъ, сударь, я очень рада увидѣть порядочнаго человека. Это для меня явленіе пріятное, потому, что я, кромѣ мужа, почти никого не вижу.

Журналистъ поморщился, а жена спросила его: «Что съ тобой, душа моя?»

— Ничего, мой другъ, но мнѣ хотѣлось бы занять почтенныхъ гостей чѣмънибудь интереснымъ... Я убѣжденъ, что если прочитаю субботній листокъ мой...

«Ахъ! подите вы съ вашимъ листкомъ... Г-нъ Винкль! не угодно ли вамъ партію въ экарте?»

— И превосходная идея, душа моя! Вы играйте, а я прочту г-ну Пиквику!

Раскрыли столикъ, а журналистъ усадилъ Пиквика въ кресла и началъ чтеніе. Вѣроятно, Пиквикъ былъ внимателенъ, потому, что все время просидѣлъ закрывши глаза. Винкль полагалъ, что онъ спитъ, но журналистъ былъ убѣжденъ, что онъ размышляетъ и думаетъ о томъ, что ему читаютъ.

На другой день, по утру, когда Пиквикъ одѣвался, вошелъ слуга его Самуель. «Ну, сударь,» сказалъ онъ — вотъ будетъ потѣха—наши ужъ собираются въ Тоунъ-Армсъ, и ужъ такъ кричать, что почти и теперь охрипли!

— Какая привязанность къ тому, въ правотѣ чего убѣдила ихъ совѣсть!

«Да, ужъ какъ же они ѣдятъ и пьютъ! Ахъ! чортъ

ихъ побери—какъ они не треснуть! Посмотрите — вотъ они...

— Какъ радуется истиннаго Британца веселый и свѣжій видъ ихъ!

«Какъ имъ не быть свѣжими! Да, мы вспрыснули ихъ такъ порядочно — лили, лили на нихъ воды...»

— Лили воду?

«Что жъ было дѣлать! Перепились, мошенники, такъ, что все свалились подѣ столы. Мы сегодня поутру таскали ихъ къ колодезю и отпивали водой. Теперь они годятся въ избиратели, а то вѣдь куда бы ихъ!»

— Но тебѣ-то что за дѣло?

«Какъ же, сударь: вѣдь намъ за работу даютъ по шиллингу съ головы, за каждаго избирателя, котораго мы отольемъ. Да, то ли дѣлается! На выборахъ можно заработать деньгу. Въ прошломъ году славно заплатили служанкѣ въ Тоунъ-Армсъ, за то, что она въ водку примѣшала опиуму.»

— Что за вздоръ!

«Нѣтъ, сударь—славная штука: избиратели проспани выборы, и проснулись черезъ сутки послѣ нихъ.»

— Удивительная выдумка...

«Все еще не такова штука, какова была въ прошломъ году съ моимъ отцомъ, здѣсь же.»

— Что же такое?

«А вотъ видите: вѣдь онъ извощикъ. Его и отправили за избирателями, отсюда въ Лондонъ. Когда ему надобно было ѣхать, другая партія призвала его къ себѣ. Честь такая! Говорятъ: «Здравствуйте, г-нъ Веллеръ! Садитесь.» Онъ и сѣлъ. «Вы,» говорятъ, независимый Британецъ, и вы не будете орудіемъ... Радикаловъ, что ли—не знаю... — «Ну, да!» отвѣчалъ мой отецъ. — Ему поднесли водки, и еще, и еще — «Вы,» говорятъ, «независимы, свободны»... И дали ему

двадцать гиней, и говорятъ: «Дорога изъ Лондона такая неровная, а особливо тамъ, подлѣ канала — такъ ваша повозка можетъ тамъ опрокинуться, и если бы избиратели попали въ каналъ, такъ, на всякій случай, за убытки вамъ»... И опять подали водки...

— Но что же потомъ?

— Ничего. Подлѣ канала повозка моего отца повалилась, и всѣ избиратели выкупались въ каналъ...

— Но ихъ спасли?

«Спасли, да на выборы-то они не поспѣли, пока ихъ таскали, сушили, отогрѣвали, поили...

Тутъ Пиквика позвали завтракать. Наскоро подаѣтъ былъ завтракъ, и онъ отправился потомъ съ другими въ Тоунъ-Армсъ. У каждаго на шляпѣ была огромная желтая кокарда.

Въ гостинницѣ напли они все вверхъ дномъ — преставленіе свѣта! Тутъ тѣснились лошади, кареты, коляски, кричали люди, ѣли, пили, били, стучали въ барабаны, трубили въ трубы, говорили рѣчи, и ревъ и шумъ были такіе, что оглохнуть съ непривычки могло быть дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

— Ну, все ли у васъ? Не забыли ль чего? — говорилъ кандидатъ Слумкей агенту своему Паркеру.

«Все, все—идите, идите! У дверей встрѣтятъ васъ человекъ двадцать, которымъ велѣлъ я вымыть хорошенько руки, такъ вы можете пожать лапицы этихъ уродовъ. А далѣе поставлено съ полдюжины ребятъ — вы ихъ подласкайте — это будетъ эффектно для народа.

— Да, они такія запачканныя...

«Ихъ переумыли. Если бы вы рѣшились когонибудь обнять, поцѣловать — вотъ ужъ это увлечетъ къ вамъ рѣшительно всѣ сердца?

— Нечего дѣлать!

Паркеръ побѣждалъ на балконѣ, а Слумкей по-

шелъ садиться въ карету, запряженную въ четыре лошади. Толпа народа заперла улицу.

«Идетъ!» кричалъ Паркеръ съ балкона — «идетъ! Посторонитесь! (*Громятъ рукоплесканія*)

«Смотрите: онъ говорить со всѣми, жметъ руки!» (*Рукоплесканія усиливаются*)

«Онъ ласкаетъ дѣтей!» (*Ревъ, такъ, что стѣны дрожатъ.*)

«Онъ всѣхъ обнимаетъ, цѣлуетъ!» (*Продолжительный крикъ, шапки вверхъ, топотъ, etc. etc. etc.*

Процессія двинулась къ мѣсту выборовъ. Противная партія ѣхала и шла съ другой стороны. Какъ онъ обѣ сошлись, разошлись, какъ давились, бились, дрались, и какъ очутился Пиквикъ на мѣстѣ избранія, въ запискахъ его не отмѣчено, да онъ и самъ не зналъ, какъ это сдѣлалось. Опомнившись, онъ увидѣлъ кругомъ толпы народа, въ срединѣ мѣстное начальство, и подлѣ него Итансвильскаго крикуна. Голоса у него не доставало — какъ жужжаніе мухи, тонулъ онъ въ бурѣ, и потому крикунъ замѣнилъ голосъ свой огромнымъ колоколомъ, въ который звонилъ изъ всей силы.

Одинъ изъ кандидатовъ кланяется — кричатъ: «*Браво!*» — «*Долой!*» — Другой кланяется — крикъ: «*Долой!*» «*Браво!*» — «*Нѣтъ! Нѣтъ!*» «*Долой!*» — «*Браво!*» Разобрать было ничего невозможно...

Вдругъ, поднявни глаза къверху, Пиквикъ увидѣлъ друга своего Винкля. Очень спокойно сидѣлъ онъ на кровлѣ одного дома съ г-жею Поттъ. Въ знакъ того, что онъ и она замѣтили нашего знаменитаго ученаго, они махали ему платками. Пиквикъ послалъ поцѣлуй г-жѣ Поттъ. Выборы еще не начинались, и, отъ нечего дѣлать, толпа искала надъ кѣмъ бы посмѣяться. Възлivity Пиквика попала ей теперь очень кстати.

— Эй, вы, ребята! Смотрите-ка, какъ старая-то лисица посылаетъ поцѣлуйчики дамамъ!

«Видно, разглядѣть то ихъ получше, онъ надѣлъ очки.

— Онъ дѣдаетъ глазки!.. Ахъ! старый хрычъ!

«Ахъ! ты, толстякъ!». Ахъ! ха, ха, ха!»

Разсерженный Пиквикъ хотѣлъ было браниться. Смѣхъ усилился. Въ это самое время звонъ колокола покрылъ весь шумъ.

«Да здравствуетъ нашъ меръ! Да цвѣтетъ его торговля гвоздями, отъ которой онъ нажилъ столько денегъ!

— Что тамъ такое?

«Меръ говорилъ рѣчь — благодарилъ за тишину и порядокъ, какіе соблюдаютъ избиратели, приступая къ важному дѣлу своему!

— Ха, ха, ха!

Тутъ длинный, худой человекъ вzmостился говорить рѣчь народу, въ пользу Фискина. Сообщники его кричали во все горло, и еще громче ругали его противники. Началась рѣчь за Слумкея — та же исторія!

Возсталъ самъ Фискинъ, и музыканты Слумкея заиграли маршъ. Фискинъ взбѣсился — а только того и надобно было! Соперники обмѣнялись крупными словами. Слумкей отвѣчалъ кулакомъ. Кругомъ новыхъ Атрида и Ахилла началась драка. Меръ едва могъ унять ее, и кандидаты проговорили свои рѣчи, которыхъ никто не понималъ. Потомъ пошелъ сборъ голосовъ, и тутъ-то было чего поглядѣть и послушать....

Но оставимъ разговоръ, живой, но однообразный — гдѣ же не такъ бываетъ въ Британніи, землѣ свободы и конституціи? Довольно, что Итансвилъ волновался еще нѣсколько дней; споры были жаркіе, но,

благодаря ловкости Паркера, городъ получилъ наконецъ достойнаго представителя въ Нижнемъ Парламентѣ, въ особъ почтеннаго сира Самуеля Слумкея, который надѣется со временемъ попасть въ министры, а до тѣхъ поръ сидитъ и безмолвно слушаетъ, какъ бранятся между собою другіе.

—

Пиквикъ такъ былъ увлеченъ выборами, а Винкль волокитствомъ за г-жею Поттъ, что совсѣмъ забыли о Снодграссѣ и Тупманѣ. Мало принимая участія въ политикѣ, двое забытыхъ друзей старались придумывать средства, какъ занять повеселѣе время въ гостинницѣ Пикокъ, гдѣ жили они, отдѣльно отъ Виакля и Пиквика. Вотъ почему съ особеннымъ удовольствіемъ ходили они въ общую залу гостинницы, и тамъ Тупманъ дѣлалъ свои замѣчанія о нравахъ, а Снодграссъ ихъ записывалъ.

Однажды вечеромъ, когда, по своему обыкновенію, сидѣли они съ трубками за пуншемъ, изъ толпы другихъ посѣтителей выказался очень рѣзко какой-то кривой гость. Высоко поднялъ онъ свой стаканъ и провозгласилъ:

«Мм. Гг., общае здоровье всѣхъ!»

Всѣ подняли стаканы.

«А я вынью особо за здоровье прекрасной Мери!» продолжалъ кривой. «Мери! твое здоровье!»

— Что вы, сударь, одурѣли! — спрашивала Мери, толстая служанка гостинницы.

«Да, отъ твоихъ прелестныхъ глазъ!»

— Они не замѣняютъ вамъ вашего.

Общій хохотъ. «Странный созданіи женщины,» заговорилъ старикъ, курившій въ углу — рады доброду слову, а все будто сердител...

— Женщины — воскликнулъ Снодграссъ — женщины — подпора нашего младенчества, мечта на-

шей юности, счастье нашего зрѣлаго возраста, утѣшеніе нашей старости! — Онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, что наконецъ закашлялся...

«Ваше здоровье!» сказала ему кривой.

— Радуюсь, что слышу такую умную рѣчь о прекрасномъ полѣ. Я, сударь, вотъ какъ вы меня видите, я, сударь, обожаю прекрасный полъ, и очень понимаю, что искра, вылетѣвшая изъ прелестныхъ глазъ, въ одно мгновеніе можетъ зажечь неугасимую страсть въ сердцѣ самаго благоразумнаго человѣка.

«Неугасимую страсть!... Охъ!...» проворчалъ печально Тупманъ.

— Я, сударь, тому вѣрю, я, вотъ, какъ вы меня видите, и въ доказательство готовъ рассказать вамъ исторію, которая, если и не нова, тѣмъ не менѣе интересна. Я слышалъ ее отъ моего дяди...

«Расскажите, расскажите!» проговорилъ Тупманъ, который всегда готовъ былъ радоваться, если есть случай приобрести новылъ свѣдѣнія.

— Извольте. Сядемъ здѣсь къ столу. Исторія совершенно правдивая. — Не слышали ль вы чегонибудь о знаменитомъ торговомъ домѣ Билсонъ и Слумъ?

«Кажется, нѣтъ.

— А можетъ быть, потому, что они давно уже прекратили торговлю дѣла. Исторія случилась съ ихъ прикащикомъ, тому лѣтъ восемьдесятъ, или — около того.... Видите —

— Въ одинъ зимній день, при наступленіи ночи, можно было видѣть на дорогѣ только лошадь, которая съ трудомъ тащила кабриолетъ, гдѣ сидѣлъ человѣкъ, усердно награждавшій усталую лошадь свою ударами бича. Можно было видѣть *только*, говорю я, ибо въ такое время ни кого не было на дорогѣ, кромѣ непогоды, человѣка, кабриолета, да

лошади. Путешественникъ нашъ былъ ни кто другой, какъ безстрашный Томъ Смартъ, комиссіонеръ дома Билсонъ и Слумъ, совершавшій свою обыкновенную поѣздку по Англіи, а лошадь въ его кабриолетѣ мистриссъ Дженни, довольно старое и заслуженное животное.

Дождь лилъ ручьями; холодъ былъ преужасный, и колеса кабриолета прорѣзывали глубокія колени по грязной дорогѣ. По временамъ непогодъ будто затихала, и Томъ начиналъ радоваться, но не надолго: отдаленное завыванье вѣтра показывало новое его приближеніе, и черезъ горы и долины летѣлъ онъ, и нападалъ на утлую повозочку Тома, которая скрыпѣла, трещала отъ него, какъ разбивающійся корабль. И потомъ вѣтеръ опять улеталъ, и вой его походилъ на далекій хохотъ демона.

Мистриссъ Дженни мѣрно шагала по грязи, опустивъ уши и потряхивая головою, какъ весьма недовольное жребіемъ своимъ созданіе.

«Чертовская погодка!» вскричалъ наконецъ Томъ, позволившій себѣ брань тогда только, когда ему очень было нехорошо. «Да, что же въ аду будетъ, если и здѣсь надобно терпѣть такія муки! Эхъ, мое жите горемычное.... Иной сидитъ теперь въ теплѣ.... Ну, ну, Дженни, старуха! ступай, ступай! въ первой корчмѣ остановимся!»

Дженни фыркнула и ускорила шаги, какъ будто угадывая, что вдали по дорогѣ зачернѣлась крыша гостинницы. Томъ закричалъ отъ радости, и изъвилъ ее нѣсколькими ударами бича по спиѣ Дженни. Оживленная, и радостью, и бичемъ, Дженни скоро пошла и скоро остановилась подлѣ дверей небольшой гостинницы, стоявшей на дорогѣ, при въѣздѣ въ какое-то селеніе.

Странное было строеніе гостинницы, что-то въ

родъ голубятни, и въ нее входили по ветхой лѣстницѣ, ступеней пять внизъ. Томъ покачалъ головой, какъ будто попавшись изъ огня въ поломъ. Но онъ отворилъ дверь и былъ пріятно изумленъ: взорамъ его представилась низкая, но большая, чистая, красивая зала, съ пылающимъ каминомъ. — Приказавши отпречь Дженни, онъ сѣлъ къ огню, раздвинулъ ноги, положилъ ихъ на оба края камина, и произнесъ сладостное, продолжительное: «У...ф.ф.ф!» — И вотъ, вскорѣ кровь его сладостно потекла по жиламъ, согрѣтая, и глаза начали разбѣгаться во всѣ стороны съ наслажденіемъ. Сначала остановились они на буфетъ, убранномъ бутылками, жаркимъ, ветчиною, и прочее, и прочее, а потомъ на хорошенькой служанкѣ, которая готовила ему ужинъ.

«Ну!» подумалъ онъ — «эта гостинница похожа на орѣхъ въ скорлупѣ: съ виду не красива, а внутри чудо! Что, если бы она была моя?»

И глаза Тома обратились къ конторкѣ, гдѣ хозяйка, вдовушка, лѣтъ такъ сорокъ, но свѣжая и краснощекая, пила чай, и — не одна: компаньёномъ ея былъ красивый брюнетъ, который, казалось, очень за нею ухаживалъ. Мысль: «если бы гостинница мнѣ принадлежала,» была мысль мгновенная, внезапная въ головѣ Тома, но она принадлежала къ тѣмъ мыслямъ, которыя рѣшаютъ жребій человѣка, и какъ мигъ смерти, дѣлаются вѣчною. Таковы минуты, когда страсть, таившаяся въ душѣ, сверкаетъ и сжигаетъ бытіе наше. При видѣ буфета, бутылочъ, ветчины, жаркаго, вдовушки и служанки, Томъ вдругъ постигъ цѣль своего бытія — быть хозяиномъ гостинницы, жить, наживать, богатѣть; счастливѣть! Онъ узналъ, что здѣсь ему надобно разпречь свой комиссіонерскій кабриолетъ, и изъ бродячаго Жиды торговли

сдѣлаться толстякомъ, домохозяиномъ, фермеромъ, констаблемъ, меромъ... Вдовушка показала ему его геніемъ спасителемъ!

Но легко понять послѣ сего, что видъ красиваго брюнета услужника, страхъ какъ не понравился Тому. Никогда не бывалъ онъ ни завистникомъ, ни забиякой, а теперь вдругъ началъ ревновать, и чувствовалъ сильную охоту поколотить молодца. Но, какъ опытный человѣкъ, онъ хотѣлъ обдумать свое намѣреніе, и — попросилъ ужинать. Тщетный усилія! Напрасно вѣлъ онъ за четверыхъ — все исчезло, что было на столѣ, но дурное расположеніе Тома усилилось. Онъ хотѣлъ залить страсти стаканомъ пунша... Надобно вамъ знать, что Томъ вообще любилъ пуншъ, а теперь подали ему такого превосходнаго, что онъ попросилъ другой, третій, четвертый стаканъ. Страсти, гнѣвъ, ревность, усилились, и....

«Чортъ побери этого негодя!» начиналъ уже ворчать Томъ. «Занятая имъ, вдовушка и не оглянется на меня — вливаетъ въ меня пуншъ, какъ въ бутылку... Ахъ! для чего я не пріѣхалъ сюда прежде... я могъ бы сдѣлаться хозяиномъ... Какое блаженство — сидѣть тутъ, за конторкой, въ зеленой курткѣ, нанковыхъ панталонахъ, сапогахъ съ отворотами, угощать, записывать, смѣяться... И безъ этого негодя — мое, мое было бы такое блаженство!...

При сихъ словахъ, Томъ такъ взглянулъ на брюнета, какъ глядитъ окритикованный поэтъ на злого журналиста! Даже... даже онъ подумалъ: не пойти ли поссориться съ нимъ и поколотить его? Но благоразуміе взяло верхъ, и Томъ рѣшился идти спать...

Служанка провожала его въ назначенную ему ком-

нату, по открытой во дворъ галлерей. Не смотря на предосторожности, вѣтеръ, или случай, погасили у нея въ рукахъ свѣчу, и право, не знаю, что могло бы быть далѣе — вспомните, какъ опасны бываютъ иногда потушенные свѣчи и служанки въ гостинницахъ, но тутъ ничего не было, увѣрю васъ: хозяйка сама вышла съ фонаремъ, и проводила Тома.

И такъ, безъ всякихъ приключеній достигъ онъ своей комнаты. То была превеликая зала, кругомъ обставленная такими шкапами, что въ Лондонѣ, въ каждомъ изъ нихъ помѣстился бы одинъ постолецъ. По срединѣ находилась такая кровать, что на ней улеглось бы все войско инаго Нѣмецкаго князя. Но всего болѣе показались странными Тому какія-то старинныя кресла — ну, самыя странныя кресла! Спинка высокая, обитая кожей, пребогшая подушка, четыре ноги, опутанныя какими-то войлоками, будто у стараго подагрика.... Словомъ: фигура кресель была такая, что Томъ сѣлъ противъ нихъ и долго, долго смотрѣлъ на нихъ и дивился....

— Да, чортъ ихъ поberi! — вскричалъ онъ наконецъ — мнѣ кажется, они заколдовали меня — въ жизнь мою не видалъ я такихъ кресель! — И говоря сии слова, онъ легъ на кровать и хотѣлъ заснуть. Но, не тутъ-то было и все его усилія оказались тщетны. Тысяча смѣшанныхъ образовъ: брюнетъ, окорока, хозяйка, бутылки, служанка, жаркое, все вертѣлось около него въ тысячѣ разнообразныхъ видовъ, будто въ калейдоскопѣ. И едва заснулъ онъ, еще страннѣе появились видѣнія: ему казалось, что все стулья въ домѣ идутъ на верхъ, по лѣстницѣ, въ его комнату, становятся въ кружокъ, около старыхъ кресель, какъ ученики кру-

гомъ учителя, а потомъ начинаютъ смѣяться, плясать, кувыркатъся....

Утомленный такими видѣніями во снѣ и на лву, Томъ поднялся, протеръ глаза, сѣлъ на кровати, и пристально сталъ смотрѣть на старыя кресла. Угасавшій огонь камина освѣщалъ ихъ по временамъ, и Тому казалось, что они шевелятся. Но что же это такое? Тому мерещится, будто спинка кресель принимаетъ видъ старой какой-то рожи; подушка превращается въ жилетъ, ножки дѣлаются человѣческими ногами, окутанными сукномъ и войлоками, а красныя шишки на концахъ ножекъ, преобразуются въ туфли. Однимъ словомъ — все представило Тому какого-то старика, подагрика, который въ добавокъ поднялъ еще кулаки и оскалилъ зубы. Томъ прикрылъ глаза правою рукою, чтобы хорошенько разглядѣть: точно — старикъ, оскалилъ зубы и смѣется....

О! такая наглость взбѣсила Тома. — «Что ты скалзубишь, старый чортъ?» вскричалъ онъ — «кто ты такой? что тебѣ надобно?»

— Я — л. Что мнѣ надобно, то я и дѣлаю, Томъ Смартъ! — отвѣчали кресла.

«А почему ты знаешь мое имя, орѣшная щелкушка?»

— Охъ! Томъ! это неучтиво! Можно ли такъ говорить съ почтенными креслами? Ты неблаговоспитанный человекъ, выходитъ на повѣрку!

«Ахъ! милордъ! извините!» вскричалъ Томъ, снявъ свой ночной колпакъ. «Право, я не думалъ оскорбить васъ.

— Ну, ну, ладно — я вѣдь тебя знаю. Ты малый добрый, да только любишь пуншъ....

«Милордъ!

— Нечего милордъ! А какъ ты думаешь о вдовушкѣ хозяйкѣ? А?

«Прелестная дама, милордъ! Словно груша въ сахарѣ...»

Старикъ прищурилъ глаза, захохоталъ, поставилъ ноги на перекрестъ, и такъ насмѣшливо поглядѣлъ, что Томъ оскорбился.

— Я духъ хранитель вдовушки — сказалъ онъ. Я берегъ весь родъ ихъ. Мать ея сшила мнѣ жилетъ, а бабушка подарила мнѣ красные туфли. О! я былъ дамскій любимецъ...

И старыя кресла вздохнули.

— Томъ! — сказали они вдругъ, какъ будто выходя изъ грустнаго забвенія — я женю тебя на вдовушкѣ!

«О! какъ я вамъ буду благодаренъ — я сошью вамъ панталоны... Да, та бѣда, что я, кажется, поздно прѣвхалъ! Тутъ ужъ есть молодецъ...»

— Дѣло еще не проиграно — слушай! Насъ было двѣнадцать братьевъ, всѣ красавцы и молодцы... Жизнь наша была исполнена приключеній — былъ и я въ чести и славу... Всею своей чередъ! Братья мои изломались, сгнили, погибли, и — такова неблагодарность человѣческая — остатки ихъ сожжены тѣми, кому они такъ прилежно и вѣрно служили... Уцѣлѣлъ я одинъ, но и мнѣ грозитъ гибель, если я не удалю твоего соперника...

«Я худо понимаю...»

— Онъ мотъ и негодяй; въ мѣсяцъ проѣстъ и пропьстъ все, что ты видишь здѣсь, и я на старости лѣтъ буду выброшенъ, сожженъ. Ты, напротивъ, человѣкъ порядочный, экономъ, бережливый. Такъ сужу я потому, что вотъ сапоги поставилъ ты къ мѣсту, панталоны сложилъ хорошенько. Если гостинница будетъ принадлежать тебѣ, ты все сохра-

нишь, сбережешь и меня полелѣешь. Потому хочу я женить тебя на г-жѣ Вилльямъ.

«Какъ же это?»

— Какъ? Вотъ въ этомъ шкапѣ, на право, лежитъ старый бумажникъ, забытый тѣмъ негодлемъ, когда онъ ночевалъ здѣсь... Да, ты не подумай чегонибудь худаго о г-жѣ Вилльямъ — ты вѣдь и самъ любишь, когда вѣтеръ задуваетъ свѣчки на лѣстницѣ... Воспользуйся моимъ указаніемъ... Прощай!..

При сихъ словахъ, видъ старика началъ темнѣть, дѣлаться неяснымъ, и когда Томъ протеръ себѣ глаза, — старика не было, а на мѣстѣ его — стояли старыя кресла. Томъ хотѣлъ обо всемъ поразмыслить, прилечь на кровать и заснуть крепко...

Поздно уже проснулся онъ, и нѣсколько минутъ старался вспомнить все, что было въ прошедшую ночь. Наконецъ, воспоминанія его пришли въ порядокъ. Онъ сѣлъ на кровати и обратилъ глаза къ старымъ кресламъ. На сей разъ, конечно, кресла показали ему чудной какой-то фигуры, но на старика ни сколько они не походили.

— Какъ ваше здоровье, милордъ? — спросилъ Томъ, кланяясь кресламъ.

Отвѣта не было.

— Погода, кажется, хороша?

Нѣтъ отвѣта.

— Который шкапъ указывали вы мнѣ, милордъ? Не эготъ ли на право? Посмотримъ!

Томъ всталъ, отворилъ шкапъ и увидѣлъ въ немъ бутылку. Она была пустая и изъ нея не пахло ромомъ, что заставило Тома покраснѣть; но вотъ какой-то истасканный бумажникъ. Онъ пустой, да въ немъ письмо...

Едва прочиталъ Томъ письмо, какъ вспрыгнувъ отъ радости, и оборотясь къ кресламъ, сказалъ:

«Покорнѣйше благодарю, милордъ!» Слова сопровождались низкимъ поклономъ. «Теперь я почти женатъ, и повѣрьте, что когда точно женюсь, то обобью васъ снова, поставлю за конторку и стану сидѣть на васъ... Вы у меня будете въ такой почести...»

Томъ одѣлся наскоро и сошелъ внизъ. Гордо и внимательно глядѣлъ онъ теперь на все, какъ будто все уже принадлежало ему, думалъ даже, что вотъ тутъ надобно починить, тамъ передѣлать, здѣсь поправить... Но едва подошелъ онъ къ конторкѣ, какъ чуть не остолбенѣлъ: ранній гость, брѣнетъ, былъ ужъ тутъ, веселый, разодѣтый, разговаривалъ со вдовушкой и игралъ ея перчаткой!—Томъ опомнился, подошелъ ко вдовушкѣ, и сказалъ ей тихо: «Гжа Вилліамъ! мнѣ надобно бы сказать вамъ нѣсколько словъ.»

Вдовушка вышла съ нимъ въ ближнюю комнату. Томъ тщательно затворилъ двери.

— Вы, сударыня, хотите отдать руку вашу, вотъ тому человѣку, что стоитъ тамъ, подлѣ конторки и называется Джинкинсъ?

«Какъ, сударь!

— Вы хотите выдти за него — я знаю!

«Да, еслибы и такъ?

— Ну, такъ, читайте-же!

Томъ подалъ письмо, найденное имъ въ бумажникѣ, и вдовушка прочитала слѣдующія ужасныя слова:

«Г-нъ Джинкинсъ, вы плутъ и мошенникъ. Вы увѣрили меня, что скоро женитесь на г-жѣ Вилліамъ, что все тотчасъ продадите и заплатите мнѣ картонный долгъ, и то, что вы у меня зашли. А теперь ужъ другое поете — подождать, и что

вамъ надобно сперва пріучить къ себѣ корову, а потомъ донти ея. Даю вамъ сроку на двѣ недѣли: если въ это время вы не женитесь на г-жѣ Вилліамъ, и не будете хозяиномъ гостиницы *Чернаго Быка*, такъ готовьтесь въ тюрьму.

Джозефъ Петерсъ.

— Что скажете, сударыня — спросилъ Томъ, когда вдовушка кончила чтеніе.

Вдовушка хотѣла отвѣчать, но не могла, и почла за лучшее упасть въ обморокъ. Пока была она въ обморокъ, Томъ высморкался, прокашлялся, и приготовился говорить.

— Что скажете, сударыня?—заговорилъ онъ, едва вдовушка опомнилась.

«Ахъ! я несчастнѣйшая женщина!.. Джинкинсъ!.. Злодѣй!.. Какъ осмѣлится онъ показаться мнѣ на глаза...»

— И не надобно! Прочь его...

«Ахъ! да, какъ же отъ него отвязаться!

— Просто, вытолкать.

«Да, какъ вытолкать!

— Препоручите мнѣ.

«Сдѣлайте милость! Возьмите на себя такой трудъ... Томъ взялъ бичъ и вышелъ къ Джинкинсу.

— Вотъ, сударь, письмецо, которое вы нечаянно потеряли, и которое г-жа Вилліамъ приказала вамъ отдать.

Джинкинсъ взглянулъ на письмо и поблѣднѣлъ.

— Я не знаю, сударь, какъ вы смѣете...

Томъ хлопнулъ бичемъ.

«Г-жа Вилліамъ препоручила сказать вамъ, чтобы вы убирались отсюда, и никогда не смѣли появиться...»

— Какъ вы смѣете...

Томъ опять хлопнулъ бичемъ.

«Благоволите же убираться къ чорту!

— Это слишкомъ! Я хочу ее видѣть самъ!

И онъ бросился къ комнатѣ, гдѣ была г-жа Вил-

ліамъ. Томъ захлопалъ бичемъ, и Джинкинсъ, бѣгалъ отъ него, добѣжалъ до выхода. Томъ отворилъ двери, хлопнулъ бичемъ еще, и Джинкинсъ выпрыгнуть на улицу.

— Теперь, м. г., счастливый вамъ путь! Прошу на свадьбу!

Низко поклонился Томъ, затворилъ дверь, и пошелъ ко вдовушкѣ.

— Все кончено, сударыня. Онъ уже не явится болѣе!

«Ахъ! какъ я вамъ благодарна... Но, все кончилось и для меня... Сердце мое навсегда отказывается отъ любви!...»

Да, всякое ли слово сдерживается? Женщинѣ отказываться отъ любви, и когда Томъ оказалъ такую важную услугу, и потомъ былъ такъ нѣженъ, скроменъ, почтителенъ...

Вы угадываєте заключеніе повѣсти и не ошибаетесь. Черезъ мѣсяцъ, за копторкою въ гостинницѣ Чернаго Быка важно и весело сидѣлъ нашъ знакомый Томъ Смартъ, въ зеленой курткѣ, напковыхъ панталонахъ и сапогахъ съ отворотами, а г-жа Вилліамъ перемѣнила названіе вдовушки на имя его супруги.... *

* Полагаемъ достаточнымъ для образчика того, что здѣсь передали мы читателямъ изъ походовъ Пиквика и друзей его. Приключенія ихъ съ ними, самымъ разнообразнымъ, счета не было, но желающимъ знать все подробно и вполнѣ, отсылаемъ къ Англійскому подлиннику, или къ переводамъ Нѣмецкому и Французскому, которые оба очень хороши, и даютъ достаточное понятіе о подлинникѣ. *Пер.*

III.

НАУКИ И ИСКУССТВА.

ПРЕСБУРГЪ И ВЕНГЕРСКАЯ ВОЕННАЯ ГРАНИЦА.

(Отрывокъ изъ Путешествія Герцога Рагузскаго, маршала Мармона, въ 1834 г.)*

Пресбургъ первый городъ въ Венгріи, на границѣ Австріи. Онъ важенъ близостью своею къ Вѣнѣ,

* Помыщаемъ сей, присланный къ намъ отрывокъ изъ любознательной книги, которая вскорѣ выдана будетъ вполнѣ въ Русскомъ переводѣ. Онъ можетъ ознакомить публику отчасти съ самымъ сочиненіемъ, и съ переводомъ, тѣмъ болѣе, что отрывокъ изъ перевода, помѣщенный въ Б. для Ч. (Ноябрь, 1836 года, кн. XI, отд. III, стр. 1 — 49), былъ совершенно передѣланъ редакторомъ *этого* журнала, сдѣлавшимъ изъ присланнаго къ нему отрывка что-то въ родѣ критики, или какихъ-то выписокъ и *скиццовъ*. Справедливость требуетъ также сказать, что редакторъ Б. для Ч. приписалъ переводъ К. А. Полевому, но г-нъ Полевой только *издатель*, а совсѣмъ не *переводчикъ* Путешествія Герцога Рагузскаго. *Р. С. О.*

что и заставило избрать его мѣстомъ коронованія Венгерскихъ Королей и обыкновенною резиденціею сейма. Въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго; онъ довольно красивъ, но похожъ на всѣ города здѣшной страны: ничего оконченнаго и съ перваго взгляда видишь все, чего не достаетъ ему. Огромный замокъ находится на горѣ и повѣлываетъ городомъ. Прежде тамъ была резиденція Королей, но Юсифъ II отдалъ его обширное зданіе подъ семинарію; потомъ Императоръ Францъ помѣстилъ въ немъ войска, но вскорѣ замокъ сгорѣлъ, и съ тѣхъ поръ уже не былъ возстановленъ.

Нынѣшній Императоръ Фердинандъ, въ 1830 году, короновался въ Пресбургъ въ качествѣ Короля Венгерскаго. Великолѣпная церемонія, теперь единственная въ Европѣ, напоминаетъ нравы Среднихъ Вѣковъ и сохраняетъ свой первобытный характеръ. Въ ней все происходитъ на коняхъ и на открытомъ воздухѣ. Даже епископы, въ церковныхъ одеждахъ, съ митрою на головѣ и съ жезломъ въ рукѣ, ѣдутъ въ своемъ ряду на лошадахъ, великолѣпно убранныхъ и провожаемыхъ стремляными, богато одѣтыми.

Ясно видна пышность народа кочующаго, политическое и религіозное дѣйствіе людей, которыхъ вся жизнь проходила въ военныхъ трудахъ, а назначеніемъ было завоевывать земли, находившіяся передъ ними. Тутъ во всемъ характеръ законный и религіозный. Король клянется передъ народомъ, то есть, передъ дворянствомъ и духовенствомъ, единственными званіями, имѣющими политическія права, исполнять законы и соблюдать преимущества cadaго, защищать государство отъ всѣхъ его непріятелей, и въ знакъ обязанности, которую принимаетъ на себя и обѣщаетъ выполнять, онъ вы-

нимаетъ саблю и всходитъ на возвышеніе, нарочно для того построенное: тамъ разсѣкаетъ онъ своимъ оружіемъ воздухъ, на всѣ четыре стороны свѣта, показывая тѣмъ, что будетъ умѣть защищать отечество и побѣдить враговъ его, въ какомъ бы направленіи ни показались они. Духовенство освящаетъ Короля, помазуетъ его и коронуетъ, но обязанности, признаваемые монархомъ во всей силѣ ихъ и обширности, утверждены уже напередъ, и только давши клятву исполнить ихъ, онъ дѣлается обладателемъ короны. Вся церемонія, совершенно народная, исполненная великолѣпія, столько-же феодалнаго, сколько религіознаго, и величія истинно царскаго по понятіямъ прежнихъ временъ, представляетъ, какъ увѣряли меня, зрѣлище самое прекрасное, какое только можно видѣть.

Всѣ мѣста, о которыхъ я говорилъ выше, начиная отъ Эденбурга, видѣлъ я во время перваго моего путешествія, въ 1831 году, когда могъ судить также и о Венгерскомъ гостепрѣимствѣ, знаменитомъ очень справедливо. Здѣсь оно добродѣтель общая, и нигдѣ въ мірѣ не выполняютъ его съ такою пріятностію. При захожденія солнца, путешественникъ останавливается передъ замкомъ, или передъ домомъ, который лучше другихъ, стучится въ дверь, проситъ ночлега, и его встрѣчаютъ радушно, едва спрашивая кто онъ. Правда, что такой общій обычай сообразенъ съ потребностями всѣхъ, потому что въ Венгріи нѣтъ гостинницъ, и кто хочетъ путешествовать, хочетъ быть принятъ другими, долженъ оказывать въ свою очередь гостепрѣимство тѣмъ, кто проситъ его. Общество вездѣ живетъ обмѣномъ взаимныхъ услугъ. Впрочемъ, ни сколько не думаю я унижать добродѣтели, когда отыскиваю источникъ ея въ порядкѣ дѣлъ. Сверхъ того, ока-

зывать гостеприимство особенно приятно человеку, удаленному в свой замок, живущему далеко от движения дѣлъ и новостей. Прибытіе чужаго развлекает на минуту однообразіе жизни и даетъ семейнымъ разговорамъ пищу на мѣсяцъ послѣ его проѣзда. Наконецъ, въ такой плодотворной странѣ, гдѣ произведенія земли обыкновенно очень дешевы, издержки гостеприимства почти незамѣтны, и за недорогую цѣну можно приобрести удовольствіе быть полезнымъ, и право получить въ такомъ же случаѣ не меньше радушный пріемъ.

Въ Апрѣль 1834 г. не долго оставался я въ Пестъ, и продолжалъ свой путь въ Трансильванію. Здѣсь вступилъ я въ настоящую Венгрію, и проѣзжалъ по неизмѣримымъ равнинамъ, извѣстнымъ подъ именемъ *Пусты*. Тутъ нѣтъ ни жителей, ни земледѣлія; дороги проложены безъ плана, по прихоти путешественниковъ. Истинно варварская страна, потому, что между Вѣной и Будой еще есть отблескъ образованности Австріи, есть семейное сходство съ Германіею и собственное богатство, которое необходимо должно было развиться отъ близости столицы имперіи. Въ сей части Венгрии, новой для меня, я замѣтилъ странную противоположность пустынныхъ равнинъ и рѣдкихъ, но огромныхъ деревьевъ, которыя населены больше нежели каждый изъ Французскихъ городовъ третьяго разряда. Отъ 30-ти до 38-ми тысячъ земледѣльцевъ, сближенныхъ въ одной общинѣ, кажутся нѣлпюстью и явнымъ безразсудствомъ, и, въ самомъ дѣлѣ, теперь это величайшая несообразность. Но не всегда такъ было: измѣненія общественнаго порядка еще не совсѣмъ истребили произведенное необходимою въ прежнія времена.

Вообще наблюдатель просвѣщенный и прямо-

душный часто встрѣчаетъ въ своихъ путешествіяхъ предметы, которые поражаютъ его; если онъ хочетъ забыть воспоминанія о своей странѣ, хочетъ отыскать причины изумляющихъ его явленій, онъ всегда найдетъ основательный и не исчезнувшій еще поводъ къ настоящему порядку дѣлъ, или отыщетъ древнюю причину, которая была поводомъ къ нему. Умъ и разсудительность не принадлежать исключительно какой нибудь эпохѣ, или странѣ. Общества хотѣтъ жить; въ нихъ есть инстинктъ ко всему, что прилично имъ, и часто безъ предварительныхъ расчетовъ, безъ опредѣленныхъ соображеній, они дѣлаютъ все, что способствуетъ ихъ сохраненію.

Размышляя такимъ образомъ, я хотѣлъ отыскать причину столпленія земледѣльцовъ въ однихъ и тѣхъ же деревняхъ, гдѣ многочисленность жителей такъ мало согласна съ выгодами земледѣлія. Я нашелъ причину въ неурядицахъ, которыхъ театромъ была Венгрія за полтора столѣтія, когда ее занимали Турки, и послѣ, уже изгнанные изъ нея, дѣлали набѣги. Народъ, покинутый, оставленный безъ покровительства, былъ безпрерывно жертвою прихоти и зѣрства варваровъ. Онъ не могъ свергнуть иго, но старался найти средство уменьшить зло, и понималъ, что ему выгоднѣе соединиться въ самыя огромныя массы, и тѣмъ дѣйствительнѣе приобрести защиту власти. Въ самомъ дѣлѣ, можно принять мѣры для сохраненія небольшого числа городовъ, и главный начальникъ можетъ достигнуть такой цѣли; но сохранить порядокъ на большомъ пространствѣ плоской земли, и сильною рукою защищать земледѣльцовъ, разбросанныхъ на обширныхъ земляхъ, не могла Турція, у которой никогда не было могущества, дисциплины и благоустройства, да и

арміи образованной Европы не всегда достигают сей цѣли. Конечно, образованность оказала бы величайшее благодѣяніе, если бы могла сдѣлать войну только дуэлемъ между арміями, и такимъ образомъ уменьшить бѣдствія, какія слѣдуютъ за нею и тяготѣть народы.

Въ Испаніи и въ Венгріи одинакія причины произвели одинакія дѣйствія. Продолжительныя войны опустошали полуостровъ, и заставили жителей столпиться въ городахъ, тысячъ по пяти и по шести душъ, а не разсѣваться въ беззащитныхъ деревняхъ, хижинахъ, или мызахъ. Но въ Испаніи никогда и ничто не измѣняется, и порядокъ вещей остался тотъ же, хотя его и давно могли бы перемѣнить. Венгерцы имѣли причину соединиться въ большія общества, но теперь, подъ защитой благодѣтельнаго правительства, они должны будутъ оставить обычай, уже не имѣющій цѣли, и раздѣлить народонаселеніе по правиламъ, принятымъ во всѣхъ образованныхъ странахъ.

Таково нынѣшнее состояніе большей части Венгріи. Страна кажется пустынею, гдѣ совсѣмъ нѣтъ людей. Проѣзжать надобно по неизмѣримымъ равнинамъ, и сборища земледѣльцовъ, какъ я уже сказалъ, иногда тысячъ по тридцати и по сороку душъ, находятся въ большомъ разстояніи одинъ отъ другихъ. Весною каждый выходитъ изъ своей зимней квартиры, и переселяется на земли, которыя надобно ему пахать. Цѣлую недѣлю занять онъ своимъ трудомъ, и во всемъ городѣ остаются только женщины, малолѣтнія дѣти и нѣсколько слугъ. Въ субботу вечеромъ, начальникъ каждаго семейства возвращается домой, оставляя на полѣ всѣ свои рабочія принадлежности. Но въ понедѣльникъ утромъ, онъ снова идетъ продолжать свою работу.

Когда кончены полевыя работы, всѣ возвращаются въ городъ. Временныя шалаши уже замѣнились теперь хижинами, вокругъ которыхъ садятъ деревья, и хижины скоро превратятся въ дома. Тогда останутся въ нихъ жители, страна покроеся фермами, домиками, и въ Венгріи будутъ жить, какъ во всей остальной Европѣ. Города, лишенные большей части своего народонаселенія, перемѣнятъ физіогномію; они будутъ населены только тѣми, кто не занимается земледѣліемъ и живетъ своими доходами, или торговлей, какъ это существуетъ во всѣхъ другихъ странахъ.

—

26-го Апрѣля отправился я изъ Песта черезъ Шрокшаръ, Очу, Оркени и Кечкеметъ. Почти цѣлый длинный день, проѣхавши тридцать льё, и встрѣтилъ жителей только въ названныхъ мною мѣстахъ. Въ *Кечкеметѣ* я ночевалъ. Городъ земледѣльческій, гдѣ тридцать восемь тысячъ жителей. Онъ составилъ точно такъ, какъ я описывалъ, изъясняя нравы и обычай жителей. Пріѣздъ мой знали напередъ, и городское начальство встрѣтило меня съ почестями и отличіемъ. Отрядъ дворянъ выѣзжалъ на встрѣчу мнѣ и провожалъ меня на другой день. Здѣсь гостепріимство оказывалъ мнѣ городъ, и потому квартира и все было приготовлено въ ратушѣ.

Физическій составъ равнинъ, по которымъ я проѣхалъ, слѣдующій: слой песку на глиняномъ грунтѣ, который поддерживаетъ въ песокъ свѣжесть; выше ихъ слой растительной, плодоносной земли. Такое смѣшеніе почвъ чрезвычайно хорошо для земледѣлія, и почти вездѣ, въ шести футахъ подъ слоемъ глины, находится вода. Но бѣдствіе здѣшней страны жестокіе вѣтры, часто дующіе постоянно и упорно. Нагія и ничѣмъ не защищенныя рав-

нины высыхаютъ гибельнымъ образомъ, если дожди не возвратятъ имъ во время влажности, необходимой для произрастанія.

Можно было бы отвратить бѣдствіе большими и систематически сдѣланными насаждениями, которыя закрыли бы обработанныя поля. Деревья привлекали бы дождь, поддерживали свѣжесть въ землѣ, защищали ее отъ вѣтра, сберегали жатву, и наконецъ сами дали бы такое произведеніе, котораго нѣтъ въ сей части Венгріи. Сверхъ того, надобно бы было прорыть каналъ, проектированный между Тейссою и Дунаемъ; онъ проходилъ бы по равнинамъ и не могъ бы затруднить работою. Такимъ средствомъ осушились бы болотистыя равнины, а болѣе возвышенныя можно бы было орошать; для произведеній открылось бы экономическое средство вывоза. Тогда часть страны, теперь бѣдная и пустынная, могла бы продовольствовать многочисленное народонаселеніе и породить большія богатства.

Около Кечкемета земледѣліе довольно усовершенствовано; земли превосходнаго качества; есть сады, виноградники и плодовые деревья. Кечкеметъ славится и далеко извѣстенъ качествомъ и величиною своихъ яблоковъ.

На другой день, 27-го Апрѣля, я проѣзжалъ черезъ *Чонградъ*. Въ немъ живутъ 30,000 земледѣльцовъ, и страна точно такова же природой, и въ такихъ же отношеніяхъ, какъ проѣханная мною накануне.

Въ *Сентешъ* 6,000 жителей, и вездѣ въ сей части Венгріи народонаселеніе раздѣлено по той же системѣ. Сентешъ на берегу *Тейссы*, одной изъ четырехъ большихъ рѣкъ Венгерскихъ, включенныхъ

и въ гербъ королей. Три другія рѣки: *Дунай*, *Сава* и *Драва*. Тейсса катитъ огромную массу воды; она судоходна, хотя судоходство по немъ довольно затруднительно. Русло ея во многихъ мѣстахъ завалено наносами; сверхъ того протекалъ по плоской равнинѣ, часто выходитъ она изъ береговъ, образуетъ болота и раздѣляется на множество рукавовъ, которыми окружены многочисленные острова. Всего нужнѣе было бы исправить теченіе ея, но это потребовало бы большихъ издержекъ, а до сихъ поръ здѣшнее управленіе въ дѣтствѣ и ни что не приготовлено для того, чтобы имѣть средства исполненія.

На лѣвомъ берегу Тейссы начинаются самыя плодородныя земли въ Венгріи. Онѣ всѣ наносныя, не требуютъ никакого удобренія, годятся для всѣхъ насаженій, приличныхъ умѣренному климату, хорошо обработаны, но низки и нездоровы. Здѣсь больше насаженныхъ деревьевъ, нежели въ другихъ мѣстахъ, и встрѣчаются земледѣльческія заведенія. Съ этой-то части, гдѣ народонаселеніе слишкомъ многочисленно, начнеть оно раздѣляться и распространяться въ стороны. Тогда украсится и страна. Свойство почвы вездѣ одинаково здѣсь, начиналъ отъ Тейссы до Мароша, и во всемъ Баннатъ и Темешварѣ, но особенно на лѣвомъ берегу Тейссы плодородіе изумительно. Нильская дельта представляетъ зрѣлище не больше прекрасное. Поля здѣшнія свободны для посѣва конопли и растеній, требующихъ самой богатой и глубокой почвы, которая не истощается никогда.

Я остановился обѣдать въ *Дере-Кегизаитъ*, у Графа Людовика Кароли, управляющаго Чонградскимъ комитатомъ. Онъ былъ тамъ для предсѣдательства на выборахъ. Я обѣдалъ со всѣми сосѣдними дво-

рянами, которые собрались у него и съ стаканомъ въ рукѣ говорили о политикѣ. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я на это зрѣлище, и хотя не могъ понимать ихъ рѣчей, но по живости выраженія могъ судить, что они съ необыкновеннымъ участіемъ разсуждали о вопросахъ, которые занимали ихъ. Разсужденія отличались обыкновеннымъ ихъ характеромъ въ здѣшней странѣ. За столомъ, на хорошей попойкѣ, сдѣлался краснорѣчивъ каждый. Безконечныя здоровья придали характеръ искренности предшествовавшимъ спорамъ. Мужиковатыя пріемы господъ дворянъ облагороживались чувствомъ ихъ независимости и внимательностью начальника, который щадилъ ихъ самолюбіе и старался заслужить у нихъ благосклонность. Такой родъ сближенія напоминаетъ обычаи Польши за пятьдесятъ лѣтъ, когда знатные господа располагали народомъ дворянъ, а тѣ шли къ нимъ въ слуги, но съ условіемъ сидѣть за однимъ столомъ, въ видѣ собесѣдниковъ и равныхъ. Неоспоримо, что объѣды играютъ величайшую роль въ политическихъ дѣлахъ Венгріи, и служить средствомъ даже для самаго правительства.

Изъ Дера-Кегигаша я пріѣхалъ ночевать въ *Мезогегіесъ* (или *Мезогедіешъ*). Здѣсь въ Австрійской монархіи лучшее заведеніе для улучшенія и распространенія породныхъ лошадей. Я осмотрѣлъ его тщательно и дамъ въ немъ подробный отчетъ.

Мезогегіескій заводъ занимаетъ 40,000 іоховъ земли, лучшаго качества и безъ всякой чрезполосности. Все обширное пространство окружено широкимъ, глубокимъ ровомъ, который дѣлаетъ его совершенно отдѣльнымъ. Превосходныя, насажденныя деревья, на десять клафтеровъ въ ширину, окружаютъ его по всему развитію границы, на пятнадцать лѣтъ. Тысяча іоховъ посрединѣ засажены въ

разныхъ мѣстахъ деревьями, и отъ того страна кажется не однообразна. Вся земля обработана тщательно, и произведенія ея употребляются единственно для заведенія. Здѣсь 360 сохъ, и въ полонину ихъ впрягаются волю, а въ другую лошади. Прежде изъ здѣшняго завода шли ремонтныя лошади, и ихъ воспитывалось до двадцати тысячъ; всѣ питались подножнымъ кормомъ, но за то и лошади выходили плохія. Болѣзни уничтожили дурную систему. Теперь правительство имѣетъ въ виду здѣсь, такъ же какъ и въ Баболнѣ, только воспитаніе жеребцовъ хорошей породы, которые посылаются въ запасныя конюшни по областямъ, для частныхъ людей, и для поддержанія полного числа 2,000, признаннаго необходимымъ. Въ число 400, отправляемыхъ ежегодно, Мезогегіесъ обязанъ давать полтараста: для того содержится тысяча приплодныхъ кобылицъ и 48 жеребцовъ. 200 кобылицъ и 600 волювъ употребляются для земледѣлія. Поля раздѣлены на четыре равныя части, гдѣ и находятся средоточія управленія земледѣліемъ. Каждая изъ четырехъ частей подраздѣляется на участки, почти то же, что фермы. Каждымъ изъ главныхъ отдѣловъ управляютъ офицеръ и два унтеръ-офицера.

Въ сихъ мѣстахъ соединены всѣ служащія, вса матеріальная часть, и упряжка, необходимая для земледѣлія. Жеребята раздѣляются здѣсь по лѣтамъ и полу. Четырехъ-лѣтнихъ собираютъ въ главное мѣсто заведенія, находящееся въ срединѣ, гдѣ построено достаточное число всякихъ помѣщеній. Лучшихъ берутъ для замѣны, необходимой въ заведеніи, которое поддерживается всегда въ одной силѣ; выбираютъ также для другихъ заводовъ что нужно; потому, когда жеребцы достигли пяти лѣтъ, ихъ посылаютъ, отъ 140 до 150-ти, въ областныя конюш-

ни. Остальное продается съ аукціона, или посылает-ся въ армію, въ видѣ ремонта. Теперь здѣсь всѣхъ лошадей, то есть жеребцовъ, кобылицъ и жеребятъ, 3000. Число служащихъ по управленію и занимающихся земледѣіемъ и воспитаніемъ лошадей, рас-предѣлено слѣдующимъ образомъ: главный дирек-торъ, маіоръ, двѣнадцать оберъ-офицеровъ и 1170 солдатъ, сторожей, земледѣльцевъ, и проч. Никогда столь обширное предпріятіе не было ведено съ большимъ порядкомъ и экономіею. Нынѣшній на-чальникъ его, маіоръ Блокбергъ, показался мнѣ чрез-вычайно способнымъ для своего мѣста и достой-нымъ занимать его.

Императорская казна выдаетъ каждый годъ здѣш-нему заведенію 118,000 флориновъ въ годъ, и полу-часть ихъ обратно изъ продажи 150 жеребцовъ (еже-годно посылаемыхъ изъ завода въ области), по 10 ты-сячъ за cadaго; сверхъ того получается сумма за ре-монтныхъ лошадей. Всѣ другія издержки выплачи-ваются заведеніе произведеніями своими, которыхъ должно доставать и достаетъ на все. Здѣсь потреб-ляютъ овса до 72,000 метсеновъ. Обработка пшеницы представляетъ большія выгоды на здѣш-ней землѣ, и имъ занимаются, продавая пшеницу для выручки денегъ на другіе расходы. Сѣна выхо-дитъ въ расходъ 150,000 квинталовъ, кромѣ соломы.

Слѣдствія такого экономическаго управленія изу-мительны, и представляютъ выводъ необыкновен-ный, особенно для Француза, который не знаетъ въ землѣ своей ничего подобнаго. Тутъ огромная землѣ, колоссальное заведеніе и соразмѣрный ему кон-скій заводъ, управляемый на счетъ государя; все даетъ значительные доходы, кромѣ того, что глав-ная цѣль достигнута, состоя въ распросграненіи хорошихъ породъ и умноженіи лошадей. Благодаря

такой системѣ, награжденной полнымъ успѣхомъ, Им-ператоръ Австрійскій можетъ всегда покупать ло-шадей въ достаточномъ числѣ для всѣхъ потребно-стей арміи. Онъ платитъ за легкую кавалерійскую лошадь 110 флориновъ, за драгунскую 120, за ки-расирскую 140, за экипажную 160, и за артил-лерійскую 180. Важный элементъ могущества, если можно имѣть дома и всегда въ распоряженіи великое средство войны, издерживая для него го-раздо меньше, нежели всѣ другія державы запада и юга Европы. Если бы во Франціи приняли сис-тему, хорошо примѣненную для тамошнихъ кон-скихъ заводовъ, можетъ быть, могли бы прибли-зиться къ такому порядку дѣлъ.

Вотъ различныя породы лошадей, выходящихъ изъ здѣшнихъ заводовъ: самая многочисленная и са-мая прекрасная изъ нихъ *Нормандская*. Родоначаль-никъ ея жеребецъ Гоніусъ, который живъ еще и теперь. Этотъ жеребецъ вышелъ изъ Розьерскаго завода. Въ 1814 году Австрійцы увели его и при-слали въ Мезогегіесъ; отъ него расплодилось мно-жество породныхъ и рослыхъ лошадей, а отъ дѣтей его, слученныхъ съ кобылицами Арабскаго проис-хожденія, вышли истинно удивительныя лошади. Вторая порода получается отъ Арабскихъ жеребцовъ и кобылицъ разнаго происхожденія. Третья проис-ходитъ отъ лошадей, взятыхъ изъ Липицы. Четвер-тая *Англійская*: родоначальникъ ея жеребецъ Оте-ло. Пятая порода, гигантскаго роста, происходитъ изъ Ломбардіи и носить имя *Сакрамора*. Наконецъ шестая, называемая *Генеральскою*, также чрезвычай-но высокаго роста, происходитъ изъ Неаполитан-скаго королевства. Двѣ послѣднія породы до-вольно нескладны и отъ того не стараются очень распложать ихъ. Лучшая въ здѣшнемъ заводѣ пер-

вая; видно, что мѣстные обстоятельства и свойство пищи пришлись совершенно хорошо для Нормандской породы. Нельзя не удивляться мысли, которую имѣли при основаніи Мезогегіеса, правиламъ управленія тамошняго и безчисленнымъ выгодамъ, которыя пріобрѣтаеть Австрійская монархія отъ такого заведенія.

Осмотрѣвши со всѣмъ должнымъ вниманіемъ заведеніе въ Мезогегіесѣ, я отправился 29-го Апрѣля дальше. Черезъ Марошъ переѣхалъ я въ Арадъ. *Марошъ* рѣка, вытекающая изъ верхняго хребта Карпатскихъ горъ, проходитъ черезъ Трансильванію въ самомъ большемъ протяженіи ея. Здѣсь, въ Арадѣ, она прекрасна и ее можно сравнить съ Марною подлѣ Парижа. Она судоходна въ большей части своего теченія, и служитъ для перевозки соли и лѣса, идущихъ изъ Трансильваніи. Въ Арадѣ есть деревянный мостъ черезъ рѣку, и для защиты его укрѣпленіе, съ пятью бастіонами, выстроено на берегу; оно, какъ мнѣ показалось, находится въ хорошемъ состояніи.

За Марошемъ страна принимаетъ совершенно новую физиогномію, и земли становятся еще лучше: все черноземъ, способный для садовъ. Но особенно поражаетъ путешественника тщательная обработка земли. Здѣсь уже нѣтъ больше огромныхъ деревень; деревни населены обыкновеннымъ числомъ жителей. Фермы, хижины и множество пасаженій придаютъ странѣ характеръ образованности. Не худо если бы народонаселеніе увеличилось, но и при нынѣшнемъ довольно жизни по деревнямъ. Подумаете, что вы находитесь въ какойнибудь прелестной Нѣмецкой области. Такъ продолжается до Темешвара. И вотъ разгадка всего: народонаселеніе составляютъ Нѣмец-

кіе колонисты, принесшіе съ собой свои нравы, обычаи, привычки и промышленность. Водвореніе ихъ относится не дальше, какъ за 60 лѣтъ. Прелестная страна холмиста въ иныхъ мѣстахъ, и отъ того еще красивѣе, не представляя однообразія, котораго не могло бы уничтожить богатства ея.

Въ тотъ же вечеръ пріѣхалъ я въ *Темешваръ*, крѣпость съ десятью бастіонами; она построена правильно, и при ней есть множество вышнихъ верковъ. Находясь на Темешѣ, вытекающемъ изъ западнаго склона Бразилизійскихъ горъ, которыя отдѣляютъ Валлахію отъ Трансильваніи, и вмѣстѣ на судоходномъ каналѣ, соединяющемъ Марошъ съ Тейссою, крѣпость составляетъ центръ хорошей пограничной защиты, гдѣ соединены естественныя и искусственныя препятствія. Но такаа защита излишня теперь, когда могущество Турецкое не можетъ представить ничего страшнаго для Венгріи. А если бы пограничныя страны перешли къ Россіи, и между сею державою и Австріею завязалась борьба, то, вѣрно, не здѣсь было бы мѣсто ихъ битвы, а на границахъ Польши и Силезіи.

30-го числа отправился я изъ Темешвара въ Лугошъ, и ѣхалъ подлѣ канала до самаго города. Я персправился черезъ него для перевѣзда въ Караншебешъ, по правому берегу Темеша.

Караншебешъ главное мѣсто пограничнаго полка Волошской Иллиріи. Мѣста здѣсь прекрасныя и народонаселеніе большое. Въ двадцать лѣтъ непрерывнаго мира и общаго благосостоянія, всѣ пограничныя полки чрезвычайно обогатились людьми. Я съ неизъяснимымъ наслажденіемъ увидѣлъ себя посреди сихъ заведеній, которыя оцѣню лучше всяка-

го другого, потому, что знаю ихъ механизмъ и уже очень давно сообразилъ безчисленные ихъ выгоды.

Послѣ Вѣнскаго мира, въ 1809 году, когда меня назначили Генераль-Губернаторомъ Иллирійскихъ областей, съ самою обширною властію, я имѣлъ въ своемъ распоряженіи шесть первыхъ полковъ, которые составляли часть страны, тогда уступленной намъ. Парижскіе умники ни сколько не понимали устройства, которое было противно тому, что называли они правилами, то есть, своими предразсудками. Покорные вкусу и страсти къ безусловному единообразію, болѣзни нашего времени, слѣдствію отвлеченныхъ правилъ, которыя почти всегда пагубны въ примѣненіи къ народамъ, они не знали, что для порядка дѣлъ и благосостоянія народовъ необходимо измѣнять общественную организацію по времени и мѣсту, сообразно большей или меньшей образованности, и тысячъ другихъ обстоятельствъ, которыхъ нельзя предвидѣть, но которыя умный законодатель оцѣниваетъ въ то самое время, когда ему должно основывать общество. Они не подозрѣвали, что первое условіе для образованія варваровъ дать имъ твердое устройство, и тѣмъ водворить между ними постоянный порядокъ, а потомъ избрать просвѣщенныхъ начальниковъ. Всякая другая система производитъ слѣдствія противоположныя тѣмъ, какія имѣютъ въ виду.

Убѣжденный, что переменна въ устройствѣ должна была имѣть важныя послѣдствія для народовъ, счастливыхъ своимъ жребіемъ, такъ же какъ и для правительства, я защищалъ у Наполеона существовавшій здѣсь порядокъ. Онъ былъ пораженъ моими замѣчаніями, согласился со мной и извлекъ большія выгоды изъ такой страны, которая иначе была бы не столько полезна, сколько тягостна. Раз-

мѣщенныя между нашими войсками, полки оправдали на войнѣ все надежды, какія полагалъ я на нихъ, и выполнили все обѣщанія, какія давалъ я за нихъ напередъ. Сн-то полки охраняютъ Австрійскую монархію со стороны Турціи, и даютъ Австрійской имперіи семидесяти-тысячную армию, всегда готовую къ войнѣ, и которая не стоитъ ей почти ничего во время мира.

Устройство ихъ управленія обдуманно глубоко-мысленно и дѣйствительно гениально; тутъ столько предосторожностей, искусно помѣщенныхъ, что главный начальникъ, всемогущій для добра, встрѣтитъ непреодолимое препятствіе, если вздумаетъ употребить во зло свою власть.

Представляю здѣсь отчетъ объ учрежденіяхъ, вообще мало извѣстныхъ; но немъ можно будетъ сравнивать другія такія же учрежденія, но совершенно различныя по своему основанію и цѣли, существующія въ Россіи подъ именемъ военныхъ поселеній кавалеріи. Читатели увидятъ, что каждое изъ учрежденій удивительно примѣнено къ частнымъ обстоятельствамъ, въ какихъ оно находится, и къ цѣли, которую предполагали себѣ.

Продолжительныя войны между Венгріею и Турціею наконецъ опустошили страну, и привели въ самую жалкую нищету пограничное народонаселеніе. Часто лишеныя своихъ земель, кидаемые въ разныя стороны по прихоти жребія, принужденные вести жизнь бродячую и несчастную, жители невольно подали наконецъ мысль: дать имъ такое образованіе, которое покровительствовало бы имъ и упрочивало бы ихъ существованіе.

Съ такою цѣлью, земли были раздѣлены на полки и роты, и все жители подвергнуты военной дисциплинѣ. За ними утвердили земли и дали имъ избранныя.

ныхъ начальниковъ. Отъ нихъ потребовали солдатъ въ большомъ числѣ, но съ условіемъ, чтобы они выходили изъ границъ своихъ только во время войны, а въ мирное время экирицировались и несли пограничную службу.

Депежные налоги установили небольшіе, но потребовали податей натурою, и весь сборъ назначили на содержаніе войскъ и на управленіе старою. Что сверхъ того было признано необходимымъ, то ссудило правительство. Словомъ, отъ пограничныхъ жителей потребовали, въ вознагражденіе за сдѣланныя имъ уступки и пособія, чтобы они всегда сами охраняли свою границу, а въ военное время доставляли солдатъ, необходимыхъ для защиты государства.

Такимъ образомъ, страна, извѣстная подъ именемъ Военной Границы, должна быть разсматриваема не какъ область, а какъ обширный лагерь, и народонаселеніе ея надобно почитать арміею, которая сама въ себѣ заключаетъ средство пополненія людьми. Она осѣдлая орда, которая живетъ въ хижинахъ, а не подъ шатрами, и соединяетъ съ произведеніями своихъ стадъ произведенія обрабатываемыхъ ею полей, но орда устроенная и образованная, которой благосостояніе и пользы были тщательно обдуманы. Это воинственное народонаселеніе, гдѣ нравы смягчены стеческими попеченіями правительства, а естественное непостоянство и неподчиненность жителей удерживаются строгими и твердыми законами, которыхъ дѣйствіе умѣряется однакожь всѣмъ, что можетъ предупредить самовольное ихъ примѣненіе.

Земли были разданы семействамъ сообразно силѣ и потребностямъ каждого. Когда семейство приобретаетъ благосостояніе и увеличивается, правительство даетъ ему нужныя земли, остающіяся послѣ вымершихъ семействъ, или покупаетъ ихъ отъ тѣхъ, у

кого ихъ больше, нежели сколько могутъ они обработать. Ни одно семейство не можетъ отдать необходимаго для его существованія: оно вправдѣ продать только излишнее, и то лишь такому лицу, или семейству, которое подвергаетъ себя военной службѣ, первому условію владѣнія. Семейства здѣсь многочисленны, и право владѣнія у нихъ общее; лица не имѣютъ никакого владѣнія, потому, что все принадлежитъ обществу. Семейство состоитъ изъ многихъ хозяйствъ, и простирается иногда за 60 человекъ.

Глава его, по дѣламъ, или по выбору членовъ семейства, имѣетъ право полного управленія; онъ патріархъ, имѣющій полномочіе, по обязанной дачѣ отчетъ каждаго года. Правительство обходится съ нимъ всегда уважительно, и можетъ наказать его тѣлесно не иначе, какъ по суду, лишивши должностей, за самыя важныя вины. Онъ заботится о нуждахъ всякаго, заставляетъ обрабатывать земли, одѣваетъ набираемыхъ вновь солдатъ и доставляетъ ихъ въ свою роту. Въ исполненіи обязанностей помогаетъ ему жена. Если же она неспособна къ тому, или онъ вдовъ, то другая женщина, по выбору, дѣлаетъ хозяйкою дома.

Въ концѣ каждаго года, чистый доходъ раздѣляется, и каждое лицо, въ службѣ ли оно или нѣтъ, дома или въ отсутствіи, мужчина ли то или женщина, получаетъ равную часть, за исключеніемъ главы семейства и хозяйки дома, которыя получаютъ по двѣ части.

Таково краткое изображеніе гражданскихъ законовъ военной границы. Легко понять, сколько выгодъ приноситъ ся общественная жизнь въ такой бѣдной землѣ, и какъ необходима она для поддержанія семействъ, въ которыхъ лучшіе люди, молодые и работящіе, находятъ по многу дѣлъ въ отлучкѣ,

на службу, и какъ наконецъ полезна она для порядка въ работѣ, у народа отъ природы лѣниваго, похожаго въ томъ на всѣ отсталые въ образованности народы.

Обращаясь къ порядку въ управленіи и правосудіи.

Прежде всего надобно было подчинить дисциплинѣ все народонаселеніе, и извлечь изъ него какъ можно больше солдатъ. Все и было разсчитано съ цѣлью, а управленіе, относясь къ предметамъ неважнымъ, сдѣлалось побочнымъ и второстепеннымъ. Его должно было сдѣлать такимъ потому, что иначе его распорядили, по обыкновенному порядку дѣят, или по причинѣ страстей человеческихъ, безпрестанно затрудняли бы другія мѣры для образованія солдатъ. Раздѣливши власти, ослабили бы повиновеніе, а здѣсь оно важнѣе всего. Ослабьте связи повиновенія, и въ такомъ народѣ не будетъ ни порядка, ни подчиненности. Пусть онъ потеряетъ свой военный духъ (а онъ испременио потерялъ бы его, если бы не былъ подвергнутъ неуклоннымъ правиламъ, которыя рождаютъ сей духъ) и солдаты, находясь всегда дома, будутъ гораздо хуже.

Благодаря заведенному порядку, солдаты, живя въ своихъ семействахъ, и разсѣянные на большомъ пространствѣ земли, всегда сохраняютъ свой воинственный духъ, уваженіе къ офицерамъ и столько подчиненности, какъ будто сей часъ вышли изъ казармъ. Они такъ же храбры въ первый день войны, какъ и въ послѣдній. Чему же приписать все, какъ не впечатлѣніямъ ихъ дѣтства, не рѣчамъ и примѣру ихъ родственниковъ, не мнѣнію всего народа?

Земли каждаго полка были разбиты на участки, по съ большимъ тщаніемъ, и что замѣчательно, такое важное дѣло выполнено давно на военной гра-

ницѣ. Ему способствовало значительное число образованныхъ и способныхъ офицеровъ въ полкахъ, которыхъ можно было употребить для такого труда въ мирное время. Подробная опись и классификація всѣхъ земель находилась въ каждомъ полку. Пахатныя земли раздѣлены на три класса; налогъ на каждый классъ утвержденъ и опредѣленъ. При недостаткѣ сбора съ жителей, и потому, что поддержаніе чрезвычайно важныхъ общественныхъ заведеній, покрывающихъ земли, требуетъ большихъ работъ, на земли также положены рабочіе дни, для чего приписаны къ нимъ люди и лошади. Впрочемъ, дни можно выкупать, за самую малую цѣну, по волѣ крестьянъ, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда люди необходимы для общественныхъ работъ, надобно являться лично. Крестьяне рѣдко пользуются способомъ выкупа, потому, что у нихъ рѣдко есть для того средства, и существующія постановленія входятъ во всѣ подробности, необходимыя для предупрежденія злоупотребленій.

Налогъ, который должно заплатить дѣлми работъ, вносится въ поземельную полковую книгу, такъ, что съ одного взгляда можно видѣть, сколько полкъ долженъ заплатить Государю деньгами и дѣлами, и какъ велико участіе въ томъ каждаго семейства, котораго имя выставлено противъ номера земель, находящихся въ его владѣніи. Сверхъ того, изъ поземельной книги дѣлаются выписки, и каждый начальникъ семейства получаетъ печатную книжечку, гдѣ означено число десятинъ, отданныхъ ему, классъ каждой изъ нихъ, число флоринновъ и дней разныхъ родовъ, которыми онъ обязанъ государству, наконецъ число солдатъ, имъ содержимыхъ, и число скота, принадлежащаго семейству.

Въ книжечку должны вписываться каждая вы-

плачиваемая сумма и дни отправленной работы. Въ концѣ года сводится балансъ и утверждаются счета.

Что касается подробностей управленія, то въ каждой ротѣ капитанъ называется начальникомъ, но управляетъ только черезъ посредство особаго, опредѣленнаго для того лица. Это лицо, поручикъ или подпоручикъ, занимается только управленіемъ, и не состоитъ уже на однихъ правахъ съ военными офицерами; его называютъ офицеромъ экономіи. Онъ есть настоящій правитель роты, ведетъ счета со всеми семействами, вписываетъ все полученныя суммы, располагаетъ и рассчитываетъ употребленіе работъ, назначенныхъ и внесенныхъ въ поземельную книгу. Работы могутъ быть выполнены только по приказанію полковаго штаба, который также не можетъ располагать ни однимъ днемъ, безъ уполномоченія начальствующаго генерала, по донесенію инженеровъ. Капитанъ экономіи, находящійся при полковникѣ, надзираетъ надъ управленіемъ всехъ ротъ. Получая отъ всехъ ротныхъ поручиковъ экономіи счета, онъ составляетъ изъ нихъ донесеніе къ полковнику, между тѣмъ какъ тотъ имѣетъ счета и прямо отъ капитана роты. Такъ повѣряется каждое дѣйствіе капитана. Офицеры экономіи имѣютъ подъ своею командою, въ каждой ротѣ, одиннадцать унтеръ-офицеровъ, или капраловъ экономіи. Черезъ нихъ-то доставляютъ и посредствомъ ихъ выполняютъ они все свои приказанія въ разныхъ деревняхъ; другіе ротные офицеры ни сколько не входятъ въ управленіе, и наблюдаютъ только за полицейскою частію своего округа.

Вотъ какъ просто и правильно устроена вся машина, и какъ легко при этомъ контроль всякаго рода! Инспекторъ можетъ повѣрить въ одинъ день управленіе цѣлой роты: ему стоитъ только собрать

въ главное мѣсто семейныхъ старшинъ, удостовѣриться, что книжечки согласны съ поземельною книгою и что все доставленное вписано туда.

Я уже сказалъ, что работа натурой составляетъ большую часть того, что крестьяне обязаны выполнить Императору. Работы ихъ служатъ къ поддержанію великаго числа прекрасныхъ шоссе, пересѣкающихъ страну во всехъ направленіяхъ, множества запасныхъ магазиновъ, устроенныхъ на случай голода, пограничныхъ гауптвахтъ, необходимыхъ для безопасности; наконецъ, надобно также поправлять дома офицеровъ и общественныхъ чиновниковъ, входящіе въ систему и столиціе многихъ милліоновъ.

Каждый полкъ обязанъ доставлять въ военное время четыре батальона, по тысячѣ двѣсти человекъ въ каждомъ. Въ мирное время, два дѣйствующіе батальона, вооруженные, одѣтые, составленные изъ людей самыхъ способныхъ, всегда готовы въ походъ. Офицеры и унтеръ-офицеры полка, такъ же какъ и офицеры экономіи, управляющіе землями, составляютъ кадры. Люди остаются въ семействахъ, но состоятъ подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, которые командуютъ ими во время кордонной и земской полицейской службы, или собираютъ ихъ въ опредѣленное время для обученія.

Выборъ людей дѣлается по строгимъ правиламъ, въ самыхъ многочисленныхъ семействахъ, и съ цѣлью поддержанія ихъ. Все мужчины могутъ жениться и болѣею частію женаты. Срокъ дѣйствительной ихъ службы двенадцать лѣтъ; послѣ того они поступаютъ въ резервы.

Управленіе полковъ соединено съ земскимъ управленіемъ, и вотъ какимъ образомъ: одежда солдатъ состоитъ на отчетъ ихъ семействъ, и для того Императоръ выдаетъ всемъ начальникамъ семействъ

определенную сумму, которая причисляется къ налогамъ. Въ полковомъ штабѣ ведется всему счетъ, гдѣ означено число солдатъ, доставленныхъ каждымъ семействомъ, и дѣлается вычетъ, какъ скоро солдаты одѣты по установленію. Одежда, на которую употребляются ткани, приготовленные въ семействѣ изъ домашней шерсти, служить для него легкимъ средствомъ платежа податей.

Уплаты и платежи не наличными деньгами, а вознагражденіемъ, касательно одежды, или жалованья унтеръ-офицерамъ, и пособія хлѣбомъ требуютъ также въ полковомъ штабѣ быть заведенъ счетъ съ семействомъ. Такимъ образомъ, офицеры экономинъ настоящіе правители, или администраторы, хотя и подчиненные; они способны къ своей должности, потому, что избираются изъ самыхъ смѣлвыхъ офицеровъ, которые назначаютъ себя къ такому поприщу. Для нихъ необходимо прежде быть въ военной службѣ, для того, чтобы знать правила ея, и въ отсутствіе дѣйствующихъ батальоновъ предводительствовать народомъ. Но совсемъ иной видъ принимаютъ ихъ роли, если разсматривать се въ отношеніи къ благосостоянію семействъ. Въ семъ случаѣ нельзя составить себѣ понятія, какъ она важна, если не знаемъ характера поселенъ военной границы.

Офицерамъ экономинъ особенно поручено наблюдать за обработываніемъ земли, назначать родъ хлѣба къ посѣву и количество засеваемыхъ полей; они нечисляютъ продовольствіе стада и опредѣляютъ количество собраннаго хлѣба, какое должно доставить каждое семейство въ обширный запасный магазинъ, построенный въ ротѣ, и который можно назвать памятникомъ предусмотрительности и благоразумія. Офицеръ экономинъ то же, что начальникъ мануфактуры: онъ все приводитъ въ движеніе ме-

тодически, предусмотрительно, стараясь получить какъ можно болѣе произведеній. Онъ хозяинъ земледѣлія, который управляетъ рождающеюся промышленностью. Словомъ, онъ начальникъ трудолюбивый, который заставляетъ беззаботныхъ людей работать. Безъ него половина земля осталась бы необработанною, а другая дала бы едва половину своихъ произведеній. Сверхъ того, каждыя двѣ недѣли онъ посѣщаетъ все семейства, и даетъ отчетъ объ ихъ состояніи и потребностяхъ своему капитану. Капитанъ, съ своими офицерами, самъ видитъ ихъ разъ въ мѣсяць. Каждый штабъ-офицеръ осматриваетъ шесть ротъ съ тою же цѣлью, черезъ три мѣсяца, и каждый годъ полковникъ объѣзжаетъ и осматриваетъ все семейства полка.

Законы дисциплины, примененные къ обработыванію земель, когда сія обязанность лежитъ на особыхъ начальникахъ — вотъ лучшее средство воспитать народъ, отсталый въ образованности, и обогатить его. Порядокъ при томъ устанавливается такъ: надобно собрать и устроить людей, сдѣлать ихъ послушными, и дать имъ просвѣщенныхъ начальниковъ; усѣхи будутъ быстры, и когда привычка къ труду и время образуютъ людей, тогда можно предоставить ихъ самимъ себѣ. Но до тѣхъ поръ покровительная рука отеческаго правительства, болѣтвующаго надъ ними и ведущая ихъ шагъ за шагомъ, полезна для нихъ.

Надобно только удивляться благотворнымъ дѣйствіямъ такого управленія, когда видишь, до какой степени общественнаго блага и обилія возвысился народъ, подвергнутый ему.

Дополню картину, прибавивши, что каждый полкъ управляется отвѣтственнымъ совѣтомъ, къ которому капитанъ экономинъ относится со всеми

предложеніями и донесеніями объ управленіи вообще; что денежная казна вездѣ хранится, за тремя ключами, въ сундукѣ, который отпирается только въ присутствіи членовъ совѣта, и что офицеры экономіи, собирающіе доходы въ ротяхъ, сдаютъ полученные суммы разъ въ недѣлю; что старшіе и младшіе бухгалтеры обязаны вести всѣ записки и вносить въ книгу всѣ доходы и платежи, которые могутъ производиться только по совѣщанію; что военный комиссаръ въ каждой бригадѣ наблюдаетъ за отчетностію и отмѣчаетъ всякаго рода издержки.

Перехожу къ управленію юстиціи. Юстиція или правосудіе, быстрое, безпристрастное, не требующее издержекъ, сообразное понятіямъ подсудимыхъ, вотъ, безъ всякаго сомнѣнія, первая потребность всѣхъ народовъ, но она гораздо необходимѣе у народа бѣднаго и простаго. И за то ничего не можетъ быть разумнѣе, вѣрнѣе и сообразнѣе съ цѣлью и основными началами, какъ система, принятая на военной границѣ. Тяжбы здѣсь всего чаще не превосходятъ цѣнности нѣсколькихъ флориновъ. Если бы для такихъ дѣлъ должно было ѣздить куда нибудь далеко, лучше было бы имъ отказаться отъ своихъ правъ, нежели поддерживать ихъ. Но въ столь обширной странѣ не могли назначить всюду судей съ жалованьемъ, что вовлекло бы въ расходы, а здѣсь экономія первое правило во всемъ. Съ другой стороны можно было опасаться, что судья, не получающій жалованья и удаленный отъ властей, не всегда будетъ строго справедливъ. Желая согласить всѣ различныя выгоды, употребили вотъ какія средства:

Въ каждой ротѣ есть судъ, называемый Засѣда-

ніе. Въ немъ предсѣдательствуетъ поручикъ экономіи, больше другихъ опытный въ дѣлахъ. Фельдфебель, два сержанта, два капрала экономіи и два начальника семействъ въ ротѣ, избранные полковникомъ, составляютъ Засѣданіе, которое собирается разъ въ недѣлю. Каждый можетъ являться туда, требовать правосудія и получить его.

Судилище, учрежденное больше всего для соглашенія тяжущихся, не можетъ быть продажнымъ, потому, что оно слишкомъ многочисленно, а дѣла въ немъ, большого частію, ничтожны. Сверхъ того, для приговора необходимо утвержденіе капитана. Капитанъ, котораго власть весьма ограничена въ такомъ случаѣ, получаетъ однакожь новый характеръ отъ своей почтенной должности. Вообще суды здѣшніе удивительно безпристрастны.

Но если въ такомъ судилищѣ есть справедливость, то можетъ случиться, что оно не довольно просвѣщено, и законодательство, не могло предоставить ему запутанныхъ, или важныхъ дѣлъ. Для того въ каждомъ полку есть судилище, составленное по другимъ началамъ, для апелляцій и денежныхъ тяжбъ, сколько нибудь значительныхъ. Три аудитора, опытные въ юриспруденціи, но военные по званію и костюму (что необходимо для уваженія въ здѣшней странѣ), занимаются сужденіемъ гражданскихъ дѣлъ и уголовными слѣдствіями. Одинъ аудиторъ, въ присутствіи двухъ офицеровъ, судить, и мнѣніе его рѣшаетъ все. Военные офицеры назначаются для подписанія изложенія дѣла и протокола, гдѣ означены вопросы, отвѣты и возраженія. Дѣйствительно, въ такой странѣ, гдѣ все производится на словахъ, гдѣ почти нѣтъ документовъ писанныхъ, какой слѣдъ могло бы оставить важное дѣло, если бы не была предписана благоразум-

ная осторожность? Какое средство имѣла бы власть уплатить поступки вѣроломнаго судьи? Но при нынѣшнемъ порядкѣ, черезъ много лѣтъ послѣ суда, можно повѣрить была ли соблюдена въ немъ справедливость.

Таково правосудіе гражданское. Оно, кажется, удовлетворяетъ всему и выполняетъ все желаемыя условія. Оно безъ всякихъ издержекъ доставляетъ бѣдному немедленное удовлетвореніе, а для чело­вѣка достаточнаго, котораго дѣла важнѣе и права требуютъ большаго разсмотрѣнія, есть посвященныя судьи, подвергнутыя неукоснительному надзору.

Неправильное правосудіе отправляется иначе, смотря потому, въ службѣ или нѣтъ виновникъ. Солдатъ подвергнуть суду своихъ офицеровъ, какъ всякій солдатъ въ арміи. Не служащіе, а также и женщины, подлежатъ Засѣданію, о которомъ я говорилъ выше. Оно семейное судилище, если такъ могу назвать его, составленное изъ людей разныхъ классовъ, и конечно лучше всѣхъ другихъ для исполненія такой обязанности. Тутъ не льзя опасаться ни страстей, ни произвольности: оно составлено такъ, что каждое званіе имѣетъ своего представителя.

Всякое уголовное дѣло представляется въ полкъ, передъ судилище, составленное изъ батальоннаго командира, президента, одного аудитора, двухъ капитановъ, двухъ фельдфебелей, двухъ сержантовъ, двухъ капраловъ и двухъ солдатъ. Аудиторъ составляетъ донесеніе; преступленіе судится. Но чтобы еще болѣе обезпечить обвиняемаго, приговоръ исполняется не иначе, какъ по утвержденію полковника, который самъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ председательствовать въ судилищѣ.

Таковы основанія здѣшняго замѣчательнаго учрежденія. Совершенный успѣхъ его даетъ право сдѣлать слѣдующій выводъ:

Устройство Военной Границы рѣшаетъ трудную задачу, какимъ образомъ народъ можетъ доставить величайшую пользу для государственной службы, при такихъ условіяхъ, которыя способствовали бы его благосостоянію, успѣхамъ образованности, и удовлетворяли бы его склонностямъ.

Управленіе основано на такихъ правлахъ, что они могутъ предохранить отъ всякаго злоупотребленія, сколько то возможно для чело­вѣка. Правосудіе отправляется честно и безъ издержекъ, а устройство быта народнаго удивительно примѣнено къ его духу, правамъ, бѣдному состоянію и географическому положенію.

Для безопасности народа и общественнаго здоровья необходимо было бы охранять обширную границу войсками, то есть, посылать ихъ туда нарочно и содержать тамъ. Напротивъ, теперь она занята и защищена естественно. Настоица силъ областей состоитъ изъ солдатъ и денегъ, и страна даетъ солдатъ въ семеро и восьмеро больше, нежели другія области, а содержитъ ихъ въ мирное время за самую малую цѣну. Слѣдовательно, для службы Государя своего, она представляетъ область самую населенную и богатую, и устройство ея придаетъ необычайную цѣну области бѣдной, которая, при другомъ управленіи, была бы скорѣе тягостна, нежели полезна.

Дознаю, что для содержанія одного пограничнаго полка необходимо народонаселеніе изъ пятидесяти, или шестидесяти тысячъ душъ; теперь, оно почти вездѣ доходитъ до ста тысячъ. Такимъ образомъ, полки могли бы дать двойное число

войскъ, и въ продолженіе многихъ лѣтъ доставлять большое военное продовольствіе. Увеличенное народонаселеніе способствуетъ также и богатству; земли обрабатываются лучше, и количество скота увеличивается въ такой же прогрессіи. Благополучіе уже велико, и сравнительная тягость рекрутства, лежащая на областяхъ, очень уменьшилась. Въ Австріи полагають, что для набора полка надобно почти вездѣ четыреста тысячъ душъ народонаселенія. Въ пограничныхъ полкахъ было по 50,000 душъ, и, слѣдовательно, они доставляли солдатъ въ восемь разъ больше, нежели другія области. Теперь, когда народонаселеніе удвоилось, они даютъ вчетверо больше.

Первое основаніе сей замѣчательной системы положилъ Принцъ Евгений Савойскій. Фельдмаршалъ Ласси довелъ ее до нынѣшняго усовершенствованія.

Я нашелъ въ Караншебешѣ многихъ офицеровъ, служившихъ подъ моимъ начальствомъ. Такія встрѣчи возобновлялись часто во время моего путешествія и приносили мнѣ всегда истинное наслажденіе; здѣсь они были трогательны для меня особеннымъ обстоятельствомъ. По моей просьбѣ послали во Францію, въ 1810 году, 200 молодыхъ Кроатовъ, для воспитанія на счетъ правительства въ военныхъ школахъ, въ лицейхъ, и въ школахъ искусствъ и ремеслъ. Я встрѣтилъ здѣсь многихъ изъ нихъ, которые начали тѣмъ свое поприще; они не забыли прежняго, и сохранили признательность ко мнѣ, за то, что я былъ причиною ихъ воспитанія и успѣховъ.

Во время послѣднихъ войнъ между Австріею и Турціею, Караншебешъ былъ свидѣтелемъ ужаснаго несчастія: оно служитъ доказательствомъ, какъ вни-

мательно долженъ обдумать свое намѣреніе Государь, когда онъ рѣшается принять личное начальство надъ своими арміями. Надобно быть прямодушнымъ съ самимъ собою, и сообразить искренно свои способности и природное расположеніе, потому, что не имѣя нужныхъ способностей, не выполнилъ условий, требуемыхъ отъ главнокомандующаго, можно навлечь великія несчастія на себя, на свои народы, на своихъ солдатъ, и пасть подъ тяжестью невыносимую. Иосифъ II представляетъ въ такомъ случаѣ достопамятный примѣръ. Онъ былъ человѣкъ высокій умомъ, одаренный сильною волею, неуклонно занимавшійся заботами правленія, а его политическія и гражданскія дѣйствія были и долго будутъ предметомъ спора. Но осуждалъ ихъ форму, порицалъ употребленные средства, жалѣя о современникахъ Иосифа, нельзя отрицать въ немъ глубины видовъ и похвальной цѣли. Цѣль была достигнута, потому, что Иосифъ II истребилъ въ зародышѣ, уничтожилъ въ самомъ основаніи революціи, угрожавшія Австріи, такъ же какъ всей Европѣ; онъ, хотя насильственно, произвелъ напередъ перемѣны, указанныя благоразуміемъ, и уничтожилъ богатства, которые могли обольщать нововводителей.

Я не могу распространяться въ моемъ сочиненіи, вполне показать Иосифа, какимъ онъ былъ, и оцѣнить вліяніе его, которое производитъ въ Австріи еще теперь многія его дѣла. Но неоспоримо одно, что онъ не имѣлъ никакого военнаго гения; что храбрый лично, онъ терялся посреди опасностей и впечатлѣній войны, не имѣлъ спокойствія ума и правильнаго сужденія, необходимыхъ для правильнаго командованія, словомъ, что онъ былъ, какъ всѣ люди, которымъ природа отказала въ высокой спо-

собности и воспомогъ шпешниктъ, подавленъ тяжестью сомнѣній и призраковъ, которые представляло уму его слишкомъ живое воображеніе. Здѣсь надобно разсказать событіе, пробудившее во мнѣ сіи размышленія.

Въ 1789 году, Иосифъ II собралъ 80,000 войска, располагался дѣйствовать наступательно противъ Турковъ, и лагерь его былъ расположенъ не вдалекѣ отъ Карашебена. Турки стояли въ позиціи напротивъ Австрійской арміи и прикрывали Валахію. Все было расположено для нападенія на нихъ, и успѣхъ казался несомнѣннымъ для Австрійской арміи. Генералы пришли въ палатку Императора, принять отъ него послѣднія приказанія. Онъ мучился безпокойствомъ, страшился за послѣдствія, и обращался къ Фельдмаршалу Ласен, спросилъ: увѣренъ ли онъ въ успѣхѣ? Фельдмаршалъ отвѣчалъ, какъ будетъ отвѣчать великій разсудительный генералъ въ подобномъ случаѣ, что онъ надѣется на успѣхъ, но не можетъ увѣрить въ немъ безусловно. Въ самомъ дѣлѣ, на войнѣ, самыя благоразумныя, самыя вѣрно разсчитанныя мѣры, часто разстроиваются отъ непредвидѣнныхъ случайностей, такъ, что распорядившись какъ можно лучше, необходимо предаться нѣсколько и счастью, тому слѣпому и скрытому вліянію, которое дѣйствуетъ независимо отъ всякой мудрости. Услышавши отвѣтъ Фельдмаршала, Иосифъ II отказался отъ своего намѣренія, отослалъ отъ себя генераловъ, и рѣшился не атаковать, а отступить на другую позицію, позади линіи Темеша.

Когда рѣшено было отступать, параллельныя колонны построились, пѣхотными въ центрѣ, кавалерійскія на флангахъ, а обозы въ интервалахъ между ними. Ночью тронулись съ мѣста, но вдругъ, когда

уже движеніе началось, Фельдмаршалъ замѣтилъ, что приказъ объ отступленіи не посланъ къ пикетамъ лѣваго крыла арміи. Желалъ поправить забывчивость, онъ внезапно остановилъ войска, чтобы сжечь пикеты. Командныя слова: «остановитесь!» были повторены, но колонны съ обозами приняли сіи слова за крикъ: *Аллахъ*, обыкновенный у Турковъ, когда они кидаются на непріятелей. Подумали, что они нападаютъ. Экипажи хотѣли скорѣе ухлѣть, и лошади въ колоннахъ пошли рысью и галопомъ. Ихъ движеніе и стукъ въ темнотѣ ночи заставили пѣхоту вообразить, что то атака непріятеля; началась стрѣльба со всѣхъ сторонъ. Войска съ остервененіемъ стрѣляли другъ въ друга, и только при наступленіи дня увидѣли свою ошибку.

Увѣряютъ, что испуганный Иосифъ, бывшій въ авангардѣ, велѣлъ поставить баттарею изъ десяти пушекъ, и стрѣлять на огонь, который почиталъ онъ непріятельскимъ, что еще больше увеличило потери и безпорядокъ. Десять тысячъ человекъ было убито и ранено въ суматохѣ, и армія отступила на позицію, назначенную ей, между тѣмъ какъ Турки спокойно оставались въ своемъ лагерѣ, и могли думать, что Богъ сражается за нихъ и самъ истребляетъ ихъ враговъ. Эрцъ-герцогъ Францъ, тогда наследникъ трона, находился въ арміи. Онъ хладнокровно сталъ посреди одного баталіона и терпѣливо ждалъ объясненія дѣла. Съ того времени показалъ онъ свой характеръ, спокойный и благоразумный во всѣхъ дѣйствіяхъ его жизни.

Еслибы Иосифъ II, вмѣсто того, чтобы удалиться отъ случайностей, которыя необходимы на войнѣ, напалъ на непріятеля, онъ потерялъ бы три, или четыре тысячи человекъ въ сраженіи, и овладѣлъ бы Валахіею. Вмѣсто того, 10,000 человекъ погиб-

ло въ суматохѣ, которую описалъ я, и двадцать тысячъ отъ болѣзней, необходимыхъ во время продолжительной стоянки въ нездоровой странѣ; сверхъ того, онъ оставилъ провинцію, отнялъ у войскъ довѣріе къ самимъ себѣ, и возвысилъ храбрость и увѣренность непріятеля. Ясно, что каждому надобно дѣлать свое дѣло: государю царствовать, министрамъ управлять, генераламъ командовать и сражаться. Государь долженъ итти на войну тогда только, когда небо одарило его военнымъ гениемъ.

Въ Караншебешѣ страна дѣлается неровною; сначала идутъ холмы, потомъ горы. Ъхать надобно по берегамъ Темеша, который несетъ въ волнахъ своихъ искры золота. Цыганы промываютъ песокъ его русла и извлекаютъ смѣшанныя съ нимъ крупинки золота. Промышленность вольная, и каждый можетъ заниматься ею, платя въ казну по три червонца въ годъ съ семейства.

Цыганы должны наконецъ обратить на себя вниманіе путешественниковъ. Они извѣстны подъ различными именами въ разныхъ государствахъ, но ихъ одинакія черты, одинакій цвѣтъ лица, одинакіе обычаи и нравы доказываютъ, что они принадлежать къ одному народу, имѣютъ одно происхожденіе и составляютъ одно поколѣніе, котораго обломки покрываютъ всю Европу. Вездѣ они довольствуются самою ничтожною промышленностью и живутъ почти ничѣмъ. Они сохраняютъ склонности и обычаи бродячихъ народовъ, посреди народовъ земледѣльческихъ и образованныхъ, предпочитаютъ страданія отъ холода и голода правильной и трудолюбивой жизни. Только насиліе заставляеть ихъ перемѣнить образъ существованія, и чтобы избѣгнуть того, они удаляются при первой возможности. Они скрылись изъ всѣхъ частей Европы, гдѣ полиція

запрещаетъ имъ бродячую жизнь, и бѣжали въ тѣ страны, гдѣ она терпима. Униженіе въ ихъ природѣ, и оно какъ будто нравится имъ.

Исторія ихъ неизвѣстна, происхожденіе скрыто во мракѣ времени, и ни одно преданіе не кидаетъ на него ни малѣйшаго свѣта, но начала ихъ нельзя искать нигдѣ, кромѣ глубины Азіи. Какіе же перевороты вырвали ихъ изъ отечества? Какой ударъ разсѣялъ ихъ, такъ сказать, по большей части земнаго шара? Кто унизилъ такъ глубоко нравственный ихъ характеръ и увѣковѣчилъ ихъ униженіе на множество столѣтій? Наконецъ, съ какою цѣлію Провидѣніе поразило ихъ такимъ проклятіемъ, и въ то же время сохраняетъ ихъ и не даетъ погибнуть имъ, среди столькихъ бѣдствій? Всѣ сіи вопросы могутъ занять воображеніе, и, вѣроятно, никогда не будутъ рѣшены.

Изъ Караншебеша поѣхалъ я на берега Дуналъ, въ Орсову. Мнѣ хотѣлось видѣть величественную рѣку въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она приняла въ себя уже почти всѣ побочныя рѣки, и соединила всѣ воды южной Германіи и большей части южныхъ отлогостей Карпатскаго хребта. Я хотѣлъ также судить самъ о работахъ, назначенныхъ для того, чтобы сдѣлать судоходство по Дунаю постояннымъ, вѣрнымъ и обычнымъ.

Поднявшись до самыхъ истоковъ Темеша, я перѣѣхалъ черезъ послѣдніе уступы Трансильванскаго хребта, который составляетъ высокіе берега рѣки въ сей части. Остановясь въ Терреговѣ, провелъ я тамъ ночь, а на другой день рано утромъ пріѣхалъ въ Орсову. Все время путешествовать я по землѣ полка Волошской Иллиріи. Орсова дрянной городокъ, но онъ увеличится со временемъ. Прекрасный лазаретъ, устроенный въ немъ, привле-

каетъ теперь торговля выгоды, довольно важныя. Большая часть сухопутной торговли съ Турціею должна итти по сему направлеію, и товары, привозимые моремъ, будутъ имѣть здѣсь складочное мѣсто. Тутъ первый лазаретъ на Дунаѣ въ Австрійскихъ владѣніяхъ, къ сторонѣ Чернаго моря, и слѣдовательно, тамъ товары должны очищаться, а путешественникъ выдерживать свой карантинъ. Желая придать здѣшнему учрежденію достаточную важность, не щадили ничего, и въ немъ такъ много удобствъ, что его, конечно, будутъ предпочитать другимъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ Орсовы скоро начнется значительная работа для облегченія судоходства. Здѣсь рѣка чрезвычайно величественна, и масса воды ея не можетъ быть сравнена ни съ чѣмъ въ остальной Европѣ. Удерживаемая горами съ обѣихъ береговъ, она катится полнымъ разливомъ, и ширина ея здѣсь вдвое больше Рейна подъ Майнцомъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда, я сѣлъ въ лодку и спустился по рѣкѣ, желая видѣть каменную мель, которая преграждаетъ и останавливаетъ судоходство; я хотѣлъ также видѣть, на правомъ берегу, мѣсто, гдѣ предположено выкопать каналъ для отвращенія сего препятствія, и предпріятіе показалось мнѣ очень исполнимымъ. Отъ берега до параллельныхъ горъ пространство достаточно. Длина канала должна быть не больше 500 туазовъ, и едва ли понадобится два шлюза, въ случаѣ, если бы рытье земли оказалось слишкомъ затруднительно. Если оно будетъ легко, то при избиліи воды можно обойтись безъ шлюзовъ, и все неудобство при проходѣ каналомъ ограничится тѣмъ, что надобно будетъ нѣсколько минутъ спускаться, или всходить по быстрому теченію. Но каналъ должно рыть на Сербской землѣ, то есть, во владѣніяхъ Турціи. Въ существѣ, могли

бы обойтись и безъ фирмана для того, но, по праву, онъ необходимъ для приличія, а Константинопольскій Диванъ, кажется, не расположенъ дать его, не смотря на повторительныя просьбы къ нему. Диванъ упорно отказывается въ томъ, что лучше желаютъ получить отъ него по доброй волѣ. Работа однакожь очень нужна и значительна.

Суда могутъ ходить и теперь, когда рѣка въ среднемъ возвышеніи (пароходъ можетъ тогда переплыть черезъ пороги безъ вреда, и мелководіе опасно лишь въ Августъ и Сентябрь), но судоходство здѣшнее можно будетъ почитать правильнымъ и надежнымъ только послѣ открытія канала. Такая же работа необходима на другомъ пунктѣ Дуная, въ десяти льѣ выше Орсовы, гдѣ также есть пороги. Послѣ сей работы, судоходство отъ Вѣны до моря будетъ быстро, легко и безопасно.

Императоръ Францъ особенно заботился о работахъ на Дунаѣ, и говорилъ мнѣ объ нихъ при самомъ отъѣздѣ моемъ. Онъ ожидалъ отъ нихъ великихъ послѣдствій для торговли, и въ самомъ дѣлѣ, онъ будетъ источникомъ богатства и благосостоянія для Венгріи. Произведенія сей страны теряютъ большую часть своей цѣнности отъ того, что ихъ некуда вывозить. Австрія платитъ огромные налоги, и не можетъ безъ вознагражденія допустить на свои рынки Венгерцовъ, которые не платятъ ничего, а вознагражденіе, вмѣстѣ съ издержками перевозки, не позволяетъ вывозить многого на рынки, особливо въ сосѣднія земли, и не даетъ выгодъ отъ продажи Венгерскихъ произведеній. Можно еще дѣлать вывозъ черезъ Фіумъ, но сухопутная перевозка по Луизиной дорогѣ, черезъ всю цѣпь Юліанскихъ Альповъ, дорога. То же надобно сказать о Триестѣ, да, сверхъ того, пользоваться имъ можетъ

только западная Венгрия, а середина, север, юг и восток ее, не могут принимать участія въ отдаленной торговлѣ. Когда обезпечится судоходство по Дунаю, и сообщеніе съ моремъ сдѣлается легкимъ, тогда съ небольшими издержками можно будетъ посылать всѣ произведенія Венгріи въ Италію и Францію. Они естественно займутъ мѣсто на рынкахъ Европы и будутъ въ настоящей цѣнѣ. То же судоходство принесетъ пользу нѣкоторой части Германіи, и даже облегчитъ сношенія съ Индіею черезъ Египетъ, когда устроится легкое сообщеніе между Средиземнымъ и Чернымъ морями, или черезъ Трѣбизондъ и Персію.

Исчислено, что путешествіе изъ Вены въ Константинополь не будетъ продолжаться больше двѣнадцати дней. Послѣ сего можно ли надивиться великимъ и прекраснымъ примѣненіямъ нынѣшнихъ знаній, которыя сближаютъ всѣ части свѣта, уничтожаютъ пространства и соединяютъ пользы всѣхъ, до безконечности умножая точки соприкосновенія между людьми, измѣняя вліяніе мѣстностей? Не льзя даже предвидѣть, какія слѣдствія произведетъ все на состояніе общества.

Я проѣхалъ мимо Новой Орсовы, Турецкой крепости, построенной на острову Дунайскомъ, которой и занимаетъ весь. Она гряда развалинъ, уничтоженныхъ временемъ и послѣдними войнами. Паша, безъ войскъ, начальствуетъ въ ней. Влады рѣкой, сей постъ въ власти обоихъ береговъ, особенно лѣваго, такъ, что во время нападенія здѣсь можно жить не иначе, какъ подъ сводами и въ казематахъ, построенныхъ при всѣхъ укрѣпленіяхъ. Въ послѣднюю войну, Австрійцы бомбардировали крепость, и теперь, чтобы привести ее въ состояніе защищаться, надобны такія издержки, ка-

кихъ не могутъ сдѣлать Турки. На правомъ берегу есть укрѣпленіе, также въ развалинахъ, называемое Елисаветинскимъ; оно, вмѣстѣ съ Новою Орсовою, должно было обстрѣливать и защищать рѣку.

На лѣвомъ берегу, ниже Новой Орсовы, небольшая рѣка Баша впадаетъ въ Дунай, и служитъ границею Австрійскихъ владѣній, отдѣляя Венгрію отъ Малой Валахіи. Отсюда, съ возвышенія, гдѣ находятся обсерваціонныя посты, видны вся Дунайская долина и рядъ скалъ, проходящихъ черезъ рѣку; ихъ-то должны пробить, или обойти предполагаемыя работы.

Въ сей части Дунайской долины есть неудобство, довольно странное, и простирающееся на большое разстояніе, даже до другой стороны Трансильванскихъ отроговъ, до истоковъ Темеша и до Караншебеша. Весною появляются здѣсь миллионы насѣкомыхъ, родъ мошекъ особеннаго вида, которыя нападаютъ на животныхъ. Ихъ ужасно боятся волы и лошади; иногда случается, что оставаясь жертвами ихъ нападенія, они умираютъ въ немногое часовъ. Можно предохранить отъ нихъ животныхъ, вымывши ихъ отваромъ полыни. Дѣти также страдаютъ отъ сихъ насѣкомыхъ, и очень жестоко.

Осмотрѣвши все любопытное въ Орсовѣ, я поѣхалъ ночевать въ *Мегахидію*, гдѣ есть ключи минеральныхъ водъ, и купальни, дѣйствительныя и знаменитыя. Я былъ тамъ черезъ четыре часа пути, все по берегу Башы. Въѣзжаете въ междугорную тѣснину, ѣдете по самой живописной странѣ, по незамѣтному склону, который идетъ вдоль теченія водъ до самой Мегахидіи. Покрытыя лѣсомъ, по мѣстамъ неплодныя, круглыя горы придаютъ ландшафту выразительную физиогномію. Прекрасныя, пріятной архитектуры дома составляютъ деревушку

Мегахдию, раздѣленную великолѣпною улицею во всю длину ея. Необыкновенное доволство жителей показываетъ, что сюда прїѣзжаетъ много посѣтителей. Они бываютъ изъ сосѣднихъ земель, изъ Трансильваніи, изъ областей Турецкихъ. Множество бояръ прїѣзжаетъ сюда каждый годъ блеснуть роскошью. Слава здѣшнихъ водъ и дознанная ихъ дѣйствительность, часто заставляли Вѣнскихъ врачей посылать сюда больныхъ даже изъ Австріи. Здѣсь девять ключей и всѣ свѣрныя. Температура самага горячаго пятьдесятъ пять градусовъ по Цельсіеву термометру. Расположеніе ваннъ столько же хорошо обдуманно, сколько оно удобно. Значительность и слава ихъ начались только съ 1817 года, когда прїѣзжалъ сюда Императоръ Францъ. На его иждивеніе выстроены здѣсь великолѣпный домъ для купальнъ.

Во времена Римлянъ бывало при здѣшнихъ ключахъ чрезвычайное множество посѣтителей; разныя древности остаются свидѣтельствомъ того въ Мегахди. Правда, что ванны входили въ гигиену древнихъ гораздо больше, нежели у народовъ новыхъ. Дакія была область богатая и населенная, а во всѣхъ странахъ, занятыхъ нѣкогда Римлянами, нѣтъ ни одного ключа минеральной воды, котораго не приспособили бы они къ употребленію частныхъ людей.

Медикъ, живущій нынѣ въ Мегахди, показался мнѣ человѣкомъ превосходныхъ достоинствъ, и его попеченія должны еще больше увеличить извѣстность и благотворныя дѣйствія здѣшнихъ водъ.

Каждый изъ ключей носить какое нибудь свое названіе: есть ключъ Императора, ключъ Каролины, Луизы, Геркулеса, и проч. Послѣдній самый многоводный. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ выходитъ изъ земли, имъ можно было бы двигать мельницу, но качества и температура его бываютъ различны по

временамъ года. Лѣтомъ, въ немъ $48\frac{3}{4}$ градусовъ, весною отъ 22 до 25 градусовъ: доказательство, что онъ течетъ не глубоко въ землѣ, и что воды дождевыя и раставшаго снѣга смѣшиваются съ нимъ и охлаждають его.

Въ недалнемъ разстояніи отъ Мегахди есть гротъ, гдѣ, говорятъ, нѣкогда скрывались разбойники. Въ народѣ сохранилась тысяча сказокъ объ ихъ подвигахъ, которые прекратились уже съ давнихъ лѣтъ.

Купальни въ Мегахди, престестномъ, дикомъ, но лѣгко доступномъ мѣстѣ, посреди богатыхъ и населенныхъ земель, кажется, равно благопріятны для разсѣянія и удовольствія, такъ же какъ для излеченія и здоровья. Увидѣвши все, что представляють онѣ любопытнаго, я возвратился въ Караншебешъ, откуда мнѣ должно было отправиться въ Трансильванію...

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ ВОЛЬТЕРА.

(Изъ Вильменова Курса Французской литературы). *

Пока остроумный Ламоттъ разсуждалъ о Дра­матическомъ искусствѣ, молодой человекъ, выпшедшій изъ училища Іезуитскаго, гдѣ слушалъ духов­ныя лекціи и игралъ маленькія Латинскія драмы О. Поре, нѣкто по имени Аруэтъ, бросился въ свѣтъ съ безразсудствомъ своего возраста, уже бывши извѣстенъ по уму своему, потому, что нѣсколько мѣсяцовъ просидѣлъ въ Бастиліи, и двадцати трехъ лѣтъ нашель трагедію, которой искалъ Ламоттъ.

Для противоположности болѣе разительной, онъ выбралъ, столько разъ перебитый другими, сюжетъ Эдипа, но онъ бросилъ на него свой блестящій ко­лоритъ, и нѣчто изъ щеголеватаго украшенія язы­ка, которое нравится во Франціи, и котораго не

* Если Курсъ Вильмена должно почесть одною изъ замѣчатель­ныхъ книгъ въ повѣйшей литературѣ Французской, то надобно при­бавить къ тому, что изданный въ нынѣшнемъ 1838-мъ году два тома его, кажется, превосходить достоинствомъ всѣ изданныя прежде части Курса. Читатели могутъ судить по представляемому нами сужденію Вильмена о Вольтерѣ, какъ драматическомъ писателѣ, въ сравненіи съ Софокломъ и Шекспиромъ. — Умно и вѣрно! Мы представляемъ въ сзвдующемъ году С. О. отчетъ о книгѣ Вильменовой. Р. С. О.

видали въ ней со времянь Расина. Сколько ни чув­ствовалъ уже молодой Аруэтъ смѣлость ума своего, но у него не было никакой системы, никакой но­вой теоріи для трагедіи. Отъ чистаго сердца вѣриль онъ въ Корнеля и Расина, и удивлялся имъ гораз­до болѣе нежели Грекамъ, которыхъ не столько понималъ, а впрочемъ, о достоинствѣ и примечіяхъ театральныхъ сохранялъ онъ всѣ преданія Двора Людовика XIV-го. Потому не поколебался онъ вста­вить въ Эдипа, если не любовь, то, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе о любви, и тѣмъ занять сцену и разнообразить интересъ. Позднѣе потомъ, онъ самъ насмѣхался надъ такою нелѣпостью и страст­ными словами Принца Филоктета и Царицы Іока­сты. Онъ складывалъ вину на ложный вкусъ публи­ки, но кромѣ того, почиталъ свое твореніе непо­грѣшительнымъ. Лагарпъ былъ такого же мнѣнія, и находилъ, что Вольтеръ усовершенствовалъ драму Софокла. Образъ сужденія его былъ весьма простой: все, что во Французской пьесѣ украшено, блестяще, сходно съ новѣйшимъ вкусомъ, кажется ему выше краснорѣчивой простоты Древнихъ. Онъ не думаетъ, ни о мѣстности, ни о важности, какой требуетъ религіозный ужасъ сюжета. Божественный мраморъ Софокла кажется ему грубымъ камнемъ, который надобно вылощить, и Лагарпъ благодарить Вольте­ра, за то, что онъ принялъ на себя такую работу.

Не такъ думалъ Расинъ, когда въ своихъ удиви­тельныхъ подражаніяхъ удалялся отъ Софоклова те­атра, какъ отъ образца недоступнаго и чистаго. Но въ глазахъ Лагарпа, нѣсколько сценическаго умнѣнія и по мѣстамъ нѣсколько блесковъ кокетли­ваго языка, суть безспорный свидѣтельства успѣ­ховъ драматическаго искусства. Самъ Вольтеръ вѣ­рилъ, что превзошелъ Софокла, и въ предисловіяхъ

своихъ говорилъ объ немъ очень небрежно; юный, блестящій поэтъ, защищавшій потомъ вкусъ Французскій отъ Ламотта, не лучше его понималъ тогда вкусъ Древнихъ.

Сообразимъ, Мм. Гг., въ краткомъ сравненіи: въ самомъ ли дѣлѣ Вольтеръ усовершенствовалъ Греческаго трагика? И прежде всего признаемся, что превосходство подражанія надъ подлинникомъ, усовершенствованіе древней мысли новѣйшими уравненіями, кажется намъ дѣломъ невозможнымъ по существу своему. Если угодно, говорите, что такая переработка, сдѣланная искусною рукою, болѣе близка къ нашимъ понятіямъ, болѣе вамъ нравится, но не утверждайте, что она лучше. Охотнѣе соглашусь, напротивъ, что подобное сличеніе противоположныхъ умовъ, такая двойная работа по одному основанію, могутъ произвести самую несовершенную, самую нечистую вещь. Возьмемъ для примѣра самаго удивительнаго, самаго вдохновеннаго изъ подражателей Греческому генію, Расина. Въ его ли Греко-Французскихъ трагедіяхъ надобно искать его лучшихъ созданій? Все, что онъ прибавляетъ къ своимъ образцамъ въ *Ифигеніи* и *Федртъ*, что измѣняетъ въ нихъ, что смѣшиваетъ съ ними, успѣхъ ли искусства, или только пустая переработка? Нѣкоторыя изъ уловокъ, какія употреблялъ Расинъ, приближалъ къ нашимъ нравамъ баснословные сюжеты, не портили ль, не ослабляли ль ихъ относительной страсти и истины? Для эффекта трагическаго, извѣщеніе и счастливое супружество Ифигеніи, введенныя Расиномъ, стоятъ ли ужасающей простоты Греческой легенды? Для истины лицъ, гордая рѣшительность юной принцессы Расиновой, стоитъ ли трогательныхъ жалобъ, добродушной скорби и страха юной княжны, изображенной Эврипидомъ? На-

конецъ, гвардія, Дворъ, величественная встрѣча Клитемнестры, стоятъ ли для занимательности зрѣнія колѣсницы Клитемнестриной, на которой пріѣзжаетъ она одна, съ дочерью, и съ маленькимъ Орестомъ, уснувшимъ на ея колѣняхъ, и сходитъ потомъ среди хора Греческихъ женщинъ, которыя однѣ могли встрѣтить и принять ее? А въ *Федртъ*, разговоръ Терамена съ Ипполитомъ, начало достойное ли сравненія съ началомъ Греческой драмы, гдѣ входитъ юный герой Греческій, свободный, чистый, дикій, съ цвѣточнымъ вѣнкомъ на головѣ, побуждая товарищей къ суровымъ наслажденіямъ охоты, и предавалъ сердце свое цѣломудренной Дианѣ, въ гимнѣ, исполненномъ восхитительной сладости? Что такое любовь Арисіи, похожая на столь многія, въ сравненіи съ идеальною любовью и величественною сценою, гдѣ богиня открывается Ипполиту, и небеснымъ видѣніемъ улаживаетъ скорбное его томленіе?

Все сказанное нами, да не нарушить благоговѣнія нашего къ генію Расина. Но истинное величіе искусства его является особенно въ пьесахъ, извлеченныхъ имъ изъ Исторіи, гдѣ ожидали онъ поэтической жизни. Когда статуя была сдѣлана и оживлена Греческимъ рѣзцомъ, передѣлывать, работать ее вновь, значило измѣнить ея первобытную красоту. Можетъ быть, лучше бы было сдѣлать съ нею простую, вѣрную копію, не вводя никакой новизны, кромѣ выраженія, но вѣкъ хотѣлъ видѣть себя въ переработкѣ Греческаго воображенія. Удивляйтесь Расину въ томъ, что онъ сдѣлалъ, или чѣмъ дополнилъ, но не принимайте его перемѣнъ за успѣхи съ вѣчной точки зрѣнія искусства. Вкусъ XVIII-го столѣтія предписывалъ Вольтеру въ подобной работѣ держаться еще болѣе новѣйшаго ума. Почтеніе къ классической древности было чрезвы-

чайно ослаблено, и известныя приличія театра взяли болѣе силы. Такимъ образомъ, когда добрый Дасье, тогда еще жившій, узнавъ, что юный поэтъ занимается *Эдипомъ*, совѣтовалъ ему ничего не забыть въ Софоклѣ, и перевесть прекрасные хоры Греческой трагедіи, Вольтеръ расхохотался. Между тѣмъ, у Герцогини дю-Менъ былъ тогда ученый человекъ — кажется, ея секретарь, какой-то Малезье, который производилъ самое живое впечатлѣніе на ея блестящее и остроумное общество, переводя иногда передъ нимъ, съ удивительною вѣрностью, по Греческой книгѣ, которую держалъ въ рукахъ, пьесу Софокла или Эврипида.

Вспомните случай, бывшій въ Отѣйлѣ. Тамъ, когда разговоръ зашелъ о Софокловомъ Эдипѣ, въ обществѣ Буало, Николи и другихъ, Расинъ взялъ Греческій подлинникъ и началъ переводить его словесно. «Онъ такъ увлекся — писалъ черезъ много лѣтъ послѣ смерти Расина, одинъ изъ очевидцевъ сего событія — «что всѣ мы, слушатели, поняли чувства ужаса и состраданія, на которыхъ движется Греческая трагедія. Я видалъ лучшихъ нашихъ актеровъ на сценѣ, я слышалъ лучшихъ наши пьесы театральныя, но никогда и ничто не сравнялось съ смятеніемъ, въ какое повергло меня чтеніе Расиново. И теперь еще, когда я вамъ говорю объ немъ, мнѣ кажется, я вижу Расина, съ книгою въ рукахъ, и насъ всѣхъ, изумленныхъ вокругъ него.»

Вотъ живое свидѣтельство, и Вольтеръ говорилъ не съ меньшимъ восторгомъ о переводной импровизаціи Малезье, но никому не приходило въ голову просто передать на сценѣ, что восхищало въ чтеніи. И вотъ Вольтеръ принялся за работу, стараясь приноровить Софокла ко вкусу времени. Онъ вставилъ эпизодическое лицо Филоктета, вмѣсто

Креона, естественнаго соперника Эдипова; замѣнилъ Тирезія первосвященникомъ; уничтожилъ дѣтей у Эдипа; съ болѣею ловкостью представилъ открытіе его жребія, усладилъ его отчаяніе, не выставилъ его зрителямъ окровавленнаго и безокаго, и все прикрылъ лакомъ щегольства и философіи.

Но гдѣ же величественное зрѣлище, которымъ открывается Греческая трагедія: дѣти, старцы, жрецы съ повязками и ваиями, молящіеся у алтарей боговъ, подлѣ чертоговъ Эдипа, съ надеждою на своего царя, внимающаго имъ, утѣшающаго ихъ? Какое изложеніе сей благодарственный гимнъ, которыми они привѣтствуютъ его, даже при самой чрезмѣрности золь! Какая противоположность между воззваніемъ къ его помощи и судьбою, которая вскорѣ поразитъ его! Какое возрастающее участіе при внезапномъ приходѣ Креона, прибывшаго изъ Дельфовъ, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ! Какая религіозная важность, какое народное движеніе въ пѣсняхъ хора, слѣдующаго за рассказомъ Креоновоымъ!

Надобно признаться — встрѣча путешественнаго Филоктета съ другомъ его, Фивяниномъ, рассказъ Филоктету обо всемъ, что происходитъ въ Фивахъ, слабо замѣняютъ упомянутыя нами высокія красоты. Во второй сценѣ, правда, Вольтеръ соблюлъ нѣкоторые слѣды хора, но вмѣсто продолжительныхъ и трогательныхъ моленій, онъ влагаетъ въ уста Грека что-то отчаянное, какой-то вызовъ богамъ, во все чуждые генію Древнихъ: «Разите Боги всемогущіе — жертвы ваши готовы! О горы! раздавите насъ! О небеса! падите на наши главы!» и проч.— Потомъ Эдипъ держитъ народный совѣтъ, какъ у Софокла, но только Греки весьма удивились бы, видя подлѣ него въ собраніи Царицу Юкасту. И

Царица говорить рѣчь народу, Иокаста, къ которой Филоктетъ въ первой сценѣ высказалъ намъ свою любовь. — Безспорно, что не говоря уже о нарушении мѣстности, Софоклъ лучше Вольтера показавъ намъ свое искусство, являя Иокасту на сценѣ гораздо послѣ, и то не надолго.

Въ Греческой трагедіи, едва только Эдипъ подорываетъ страшную тайну; Иокаста исчезаетъ, и отъ сцены до сцены, мы слышимъ объ ея уединенномъ отчаяніи, ея ситованіяхъ, ея смерти, но ея самой не видимъ болѣе. Поэтъ, не боявшійся выставить на сценѣ зрѣлище страданія тѣлеснаго, полагалъ ужасъ страданія нравственнаго слишкомъ сильнымъ, и удалилъ его отъ зрителей. Во Французской трагедіи напротивъ: Иокаста является вездѣ — говорить съ народомъ, бесѣдуетъ съ наперсницей, слушаетъ воспоминанія о любви Филоктета, назначаетъ ему свиданіе для вторичнаго изъясненія, когда онъ обвиненъ, и защищаетъ его съ тѣмъ остаткомъ участія, какой остается отъ старинной любви. Когда Первосвященникъ указываетъ на Эдипа, она третья присутствуетъ при совѣщаніи Эдипа и Филоктета; наконецъ, послѣ сценъ довѣренности между супругами, столь хорошо взятыя у Софокла, она появляется еще на сценѣ, она говоритъ о своемъ сынѣ: «Жальѣте о сынѣ моемъ, потому, что онъ еще живъ!» Наконецъ, убивая себя, она произноситъ послѣднія слова драмы: «Среди ужасовъ, которыми обременилъ меня жребій, я заставлю краснѣть боговъ, принудившихъ меня къ преступленію!» — Мысль во вкусѣ Лукана, чрезвычайно далекая отъ простоты Греческаго генія. Безспорно, Мм. Гг., нѣтъ надобности въ моральныхъ успѣхахъ, которыми одолжены мы времени, дабы почувствовать, какъ, съ возвышенной точки зрѣнія искусства, непре-

рѣвное появленіе лица Иокасты на сценѣ ниже строгой скромности Софокла. Скажу даже, что такая погрѣшность ускользнула отъ генія Вольтерова потому только, что сюжетъ драмы не былъ важенъ для него, что онъ не могъ войти въ первобытное, религиозное вдохновеніе Софокла. Тогда, даже новѣйшее приличіе могло бы предувѣдомить его, если бы онъ искалъ чего нибудь другаго, кромѣ текста для хорошихъ стиховъ.

Вотъ, Мм. Гг., невольно становимся мы далеко отъ мнѣнія знаменитаго критика, который увѣрялъ, что Вольтеръ усовершенствовалъ подробности Софокла, «сохранилъ нѣжныя отгѣнки», соблюлъ «приличія отношеній къ лицу и положенію, болѣе чувствуемымъ, болѣе частыя у новѣйшихъ, нежели у древнихъ.»

Нѣтъ, Мм. Гг., искусство и геній остаются на сторонѣ Софокла. Представимъ нѣсколько доказательствъ тому. Въ сценѣ, столь драматической, гдѣ двое супруговъ спрашиваютъ другъ друга о прошедшемъ, Лагарпъ удивляется украшеніямъ, какія присовокупилъ Вольтеръ къ отвѣту Иокасты. Эдипъ, уже смущенный нѣкоторыми намѣтками, восклицаетъ: «Изобрази мнѣ, по крайней мѣрѣ, этого несчастнаго Царя!» И вотъ отвѣтъ Иокасты:

Если ты призываешь столь прискорбное воспоминаніе, не смотря на холодъ лѣтъ, въ его бодрой старости, очи его блистали еще огнемъ юности. Морщиноватое чело его, подъ его бѣлыми волосами, внушало почтеніе смущеннымъ смернымъ, и если я осмѣюсь, Государь, сказать, что я думаю, Лай довольно походилъ на тебя, и я радовалась, находя въ тебѣ и добродѣтели и черты моего супруга.

Стихи, безъ сомнѣнія, щегольскіе и гладкіе, но, Боже великій! къ чему такія супружескія нѣжности и домашніе мадригалы при ужасномъ сюжетѣ драмы? Какъ Эдипу, когда онъ показалъ уже свое

Т. VI. — Отд. III. 11

ужасное сомнѣніе, возможно слушать ихъ и Иокастѣ говорить? Поэтъ и критики не должны ль были понять, что тутъ мѣсто только необходимому слову, слову самому выразительному и краткому, между двумя душами, задыхающимися отъ смутенія, и всякое украшеніе языка, всякая придворная вѣжливость будутъ здѣсь нестерпимымъ противосмысломъ? О, какъ Софокль, въ простотѣ своей, искуснѣе Вольтера! Вотъ онъ, слово въ слово, и безъ импровизированнаго перевода Расинова:

Встревоженный первыми воспоминаніями, о мѣстѣ, гдѣ погибъ Лаій, Эдипъ восклицаетъ:

О Зевесъ! что ты хочешь сдѣлать со мною!

Иокаста.

Но какая мысль твоя, Эдипъ?

Эдипъ.

Еще не спрашивай! Но Лаій, какого роста былъ онъ? Говори, какихъ лѣтъ былъ онъ тогда?

Иокаста.

Онъ былъ высокъ. Голова его начинала сдѣть. Впрочемъ, черты его очень сходны были съ твоими.

Эдипъ.

Увы! несчастный! Мнѣ кажется, что самъ того не зная, ринулся я подъ ужасное проклятіе!

Иокаста.

Что ты говоришь? Не смѣю взглянуть на тебя, Государь!

Эдипъ.

Трепещу, что прорицатель былъ яснѣ видѣвшимъ! Больше еще увѣрюсь въ томъ, если ты присовокупишь хоть одно слово!...

Далѣе, Лагарпъ находить истинное величіе, героическій характеръ, въ свидѣтельствѣ, какое Филактеть отдаетъ дружбѣ. Не споримъ, что тутъ красивая *сентенція* и блестящіе стихи:

«Что былъ бы я безъ него? Только сынъ царя, ничего болѣе, какъ обыкновенный царевичъ, и, можетъ быть, рабъ чувствъ монахъ, которыхъ сдѣлалъ онъ меня властителемъ!»

Вѣримъ, что слова: *только сынъ царя* (*rien que le fils d'un roi*) должны были въ *тогдашнее* время возбуждать сильныя рукоплесканія, но гдѣ же истина древности въ воспоминаніи о Геркулесѣ, превращенномъ въ строгаго наставника, послѣ уроковъ котораго — «просвѣщенная душа чувствуетъ себя укряпившеюся противъ страстей?»

У басни есть свой цвѣтъ, и онъ составляетъ ея истину. Можете отбросить басню, какъ устарѣлую, но измѣнять ее такимъ образомъ не значитъ доставлять успѣхи искусству, да и какъ все тутъ далеко отъ страстей и поэзіи Софокла!...

Былъ однакожь драгоценный, неоцѣнимый даръ въ драматическомъ дебютѣ Вольтера: его составляли первая свѣжесть великаго дарованія, живость, щегольской колоритъ, происходившій отъ юности и ученія. Въ Вольтерѣ родился поэтъ не такой, какими воображеніе по преимуществу ихъ представляетъ, восторженный, добродушный, самобитный... . . . . .

. . . . . Valem

Hunc qualem nequeo monstrare, et sentio tantum
Anxietate carens animus facit, omnis acerbi
Impatiens cupidus sylvarum....

Поэтъ XVIII-го вѣка долженствовалъ быть, напротивъ, городскимъ жителемъ, легкимъ, насмѣшливымъ, льстецомъ знатныхъ, ловкимъ играть на всѣ лады, и выражать собою прелесть и порокъ щегольского общества. Его поэзія не освѣтится образами, взятыми изъ природы; у него не будетъ простаго величія, и часто онъ будетъ величаться въ великолѣпнѣе немного поддѣльномъ. Въ какос бы вре-

мл, въ какое бы мѣсто не перенесъ его вымыселъ, онъ всегда будетъ философическимъ, исполненнымъ новѣйшихъ примѣненій, ибо вымыселъ нашего поэта есть орудіе мысли его, если онъ не самая мысль его. И такъ, онъ будетъ самобытенъ и правдивъ только тамъ, гдѣ онъ можетъ свободно сливаться съ наклонностями и самымъ языкомъ своего вѣка, дѣлаясь, въ сатиру, или посланіи, самымъ живымъ выраженіемъ своего эпикурейскаго и скептическаго міра.

Но время Регентства, мало поэтическое нравами и обычаями, сохраняло уваженіе къ преданіямъ, касательно самыхъ важныхъ формъ искусства. Извѣстность, слава доставались только при соблюденіи ихъ. Такъ Вольтеръ, кончивъ Эдипа, началъ эпическую поэму, не думая, находитъ ли онъ въ привычкахъ своего времени и своего собственнаго генія призваніе на такой подвигъ. Онъ хотѣлъ славы, шума, перваго мѣста въ Словесности. Послѣ появленія Эдипа, онъ искалъ ихъ на театрѣ, испытывая паденія и сомнительные успѣхи въ *Артемидѣ*, *Эрифилѣ*, *Маріаннѣ*. Онъ былъ въ одно время весьма трудолюбивъ и весьма разсѣянъ, развлеченъ въ большомъ свѣтѣ и при Дворѣ; любилъ страстно стихи, наслажденія и даже игру; непрерывно ѣздилъ изъ замка въ замокъ, работалъ въ дорогѣ, занимался всѣмъ, даже наживою денегъ, производя дѣла съ торговцами черезъ кредитъ любовницъ того и другаго принца. Онъ приводилъ уже въ практику искусство льстить, чтобы изъ-за него ненаказанно быть дерзкимъ. Изъ Камбре воздавалъ онъ похвалы недостойному преемнику Фенелона, кардиналу Дюбуа, хотѣ видѣ Гаги и Амстердама, въ тоже время, внушалъ ему другой языкъ. Ici, pas un oisif, pas un pauvre, pas un petit-mâitre, pas un unsolent — писалъ онъ.

On ne voit personne qui ait de cour à faire; on ne se met pas en haie pour voir passer un prince; on ne connaît que le travail et la modestie.

Такъ иногда говорилъ онъ, но тотчасъ возвращался къ знатымъ, придворнымъ, Вилларамъ, Сюлли, Ришелье. Онъ былъ включенъ въ придворную свиту при повѣздкѣ Двора въ Фонтенебло, писалъ стихи г-жѣ Де-При, получалъ отъ нея пенсію, и былъ утѣшенъ милостью молодой Королевы, которая плакала при *Маріаннѣ*, смѣялась надъ *Нескромнымъ*, и называла автора: «мой бѣдняжка Вольтеръ!»

Уже явилось первое изданіе *Ганриады*, скрытно, не полное, но яркое мыслями и исполненное красотъ, тѣмъ болѣе по вкусу публики, чѣмъ менѣе годились онъ въ эпопею. Не смотря на свою ловкость и своихъ друзей, юный поэтъ, подозрѣваемый въ философской смѣлости, не могъ добиться посвященія ея Королю. Высшее Духовенство осуждало нѣкоторыя мѣста поэмы; поговаривали даже о Сорбонской Цензурѣ. Но благосклонность публики была необычайная и покровительствовала поэту, какъ вдругъ, онъ жестоко убѣдился въ чрезмѣрномъ неравенствѣ званія и произволѣ знатныхъ, въ тогдѣшнемъ обществѣ Французскомъ. Одинъ изъ знатныхъ баричей, котораго кольнулъ онъ эпиграммой за столомъ Герцога Сюлли, черезъ нѣсколько дней отмстилъ ему совсѣмъ не поэтическимъ образомъ. Бѣднаго Вольтера вызвали изъ-за обѣда у Герцога Сюлли, и подлѣ воротъ Мецената схватили и поколотили его палками переодѣтые лакеи Шевалье Рогана. Знаменитый другъ поэта отвѣчалъ холодною на такое оскорбленіе, и принялъ болѣе участія въ своемъ товарищѣ обидчикѣ, нежели въ обиженномъ поэтѣ...

И вотъ Вольтеръ исчезъ, заперся у себя, учится фехтованью и Англійскому языку, готовя и мщеніе и убѣжище. Онъ выходитъ, готовый драться и бѣжать, посылаетъ вызовъ Шевалье Рогану. Ему отвѣчаютъ, не словами, которыя остроумная сочинительница *Эдуарда* заставляетъ сказать въ подобномъ случаѣ: «Я не могу съ вами драться, М. Г., хотя мнѣ и очень жаль—вы не дворянинъ!» Нѣтъ—вызовъ его принимаютъ, и въ ту же ночь, по повелѣнію герцога, перваго министра, поэта садятъ на полгода въ Бастилію, а потомъ высылаютъ изъ Парижа. Чуть на свободѣ, онъ тайно возвращается въ Парижъ, ищетъ своего врага, не находитъ его и оставляетъ Францію. Естественнымъ убѣжищемъ его дѣлается Англія, уже знакомая ему по образу мыслей. Въ самой Франціи, съ нѣсколькихъ лѣтъ велъ онъ дружбу съ знаменитымъ Англичаниномъ, лордомъ Болингброкомъ, также изгнаннымъ изъ отечества, но по Парламентскому приговору, послѣ славнаго министерства и послѣ безуспѣшной попытки переимѣнить владычествующую династію. Вольтера удивляли въ Болингброкъ, при его наружности знатнаго вельможи и эпикурейскомъ вкусѣ, что такъ любилъ Вольтеръ, философское ученіе, безмѣрная начитанность и холоднее безвѣріе, столь еще для него новое. Съ наслажденіемъ увлекался онъ бесѣдою вельможи-вольнодумца, въ прелестномъ убѣжищѣ, которое Болингброкъ выбралъ себѣ въ Туренѣ и оставилъ въ 1726 году, возвращаясь, прощенный, на родину. Вольтеръ вышелъ изъ Бастиліи, отправился къ нему въ Англію и оставался у него три года.

Въ то время и юный президентъ Монтескье также путешествовалъ по Англіи, подъ покровительствомъ лорда Честерфильда. Такимъ образомъ, Ан-

глія, съ 1727-го по 1730 годъ, была училищемъ для двухъ первоклассныхъ гениевъ Франціи XVIII-го столѣтія. Позднѣ потомъ, Буффонъ началъ свои великія изслѣдованія природы изученіемъ и передачею Англійскихъ открытій. Самый дѣятельный умъ XVIII вѣка, послѣ Вольтера, Дидеротъ заимствовалъ изъ Англіи свои первыя ученія философическія и свой первый опытъ Энциклопедіи. Руссо изъ Локка извлекъ большую часть идей своихъ о политикѣ и воспитаніи, а Кондильякъ всю свою философію. — Кажется, М. Г., что не переходя еще далѣе въ литературную исторію нашего отечества, здѣсь мѣсто взглянуть на словесность и образованіе Англіи, въ отношеніи ихъ къ Франціи, кратко очертивъ, что заимствовали мы изъ нихъ и какіе были тамъ образцы для нашихъ заимствованій... *

Въ богатомъ альбомѣ Философіи, Поэзіи, Исторіи, который вывезъ Вольтеръ изъ Лондона въ Парижъ, были и замѣтки о Шекспирѣ, замѣтки острья и любопытныя. Онѣ составили содержаніе одного изъ знаменитыхъ *Писемъ объ Англіи*, изданіе коихъ произошло въ свое время столько шума. Вольтеръ первый показалъ въ нихъ Французамъ Шекспира, равно какъ Ньютона, какъ Локка, какъ прививаніе ос-

* Здѣсь Вильгельмъ разсматриваетъ литературу Англійскую, съ конца XVII-го до начала XVIII вѣка. Возстановленіе Стюартовъ, перемѣна 1688 года, поэзія, литература, философія Англичанъ, замѣчательные люди тогдашней Англіи (Драйденъ, Болингброкъ, Аддисонъ, Свифтъ, Конгревъ, Поупъ, и проч.), Вольтерова изученіе словесности и образованія Англичанъ, его эпохи, сличеніе ея съ Фарсалиею Лукановою—таково содержаніе *четырехъ* слѣдующихъ лекцій Вильгельмовыхъ, блестящихъ остроуміемъ, мыслями и знаніемъ дѣла. — Мы должны пропустить ихъ, и начинаемъ опять тамъ, гдѣ снова обращается Французскій критикъ къ Вольтеровымъ драматическимъ произведеніямъ. *Пер.*

пы, какъ столько другаго, обыкновеннаго въ то время по ту сторону Ламанша, но совершенно новаго и смѣлаго для Франціи 1732 года.

Не такъ судилъ о Шекспирѣ, не такъ и употреблялъ Шекспира Вольтеръ, какъ судили бы его и употребили нынѣ, если бы нынѣ сдѣлали открытіе сего великаго поэта, и внезапно передали его нынѣшнимъ нашимъ спорамъ и предпріятіямъ литературнымъ. Нѣтъ! Вольтеръ все таки оставался ученикомъ Расина, изучалъ Англійскій театръ, и не только *единства*, столь благопріятныя строгой красотѣ драмы, но все щегольство, весь общественный этикетъ, приноровленный къ сценѣ подражаніемъ знаменитому Двору, казались ему существеннымъ закономъ искусства. И мысли не приходило ему называть варварствомъ *форму*, колебаться между нею и вкусомъ, предпочесть ее систематически и положить ее закономъ. Гораздо болѣе: онъ даже и не спрашивалъ: могло ли быть такое краснорѣчивое варварство излито на театръ, если ему надлежало представить и осуществить времена и людей варварскихъ, и въ такомъ случаѣ составляло ли оно истину искусства? Тогда и не помышляли о такихъ тонкихъ замѣчаніяхъ, каково замѣчаніе одного чужестраннаго критика, который, противопоставляя слогъ Расина въ *Ифигеніи* сюжету его драмы, вопрошалъ: приличны ли изящная свѣтскость языка и великолѣпныя формы въ такомъ обществѣ, гдѣ приносятъ людей на жертву? Несравненный умъ Вольтера увлекался обычаемъ. Онъ, находившій Корнеля, даже въ самыхъ прекрасныхъ созданіяхъ, слишкомъ грубымъ и небрежнымъ, онъ не могъ даже до излишества не удивляться необработаннымъ красотами Шекспира. Его похвалы Англійскому поэту, о которыхъ онъ такъ раскаявался въ старости, были

справедливою похвалою, перемѣшанною съ насмѣшкой, и по временамъ кликомъ изумленія, вырывающимся изъ души великаго художника.

Надобно согласиться, соображая всѣ переселенія, всѣ смѣшенія, непрерывно дѣйствующія отъ одной литературы на другую, иногда развивающія самобытность въ слѣдъ за подражаніемъ, что нельзя не пожалѣть, почему Шекспиръ не былъ введенъ во Францію не Вольтеромъ, а кѣмънибудь другимъ; почему не сдѣлался онъ намъ извѣстенъ гораздо прежде, въ эпоху меньшаго совершенства языка и вкуса; наконецъ, что онъ не сроднился съ нами, какъ одинъ изъ элементовъ созданія нашего театра, вмѣсто того, что явился въ послѣдствіи, какъ разрушитель его. Кто изъ насъ, читая Шекспира, не сожалѣлъ иногда, что Корнель былъ лишенъ такого наслажденія? кто изъ насъ не скажетъ, что искусство наше могло отъ того выиграть? Подумайте только, Мм. Гг., о томъ чудесномъ движеніи изобрѣтеній и силы театральной, которыя означили собою конецъ XVI столѣтія, и были, какъ будто поэтическимъ равновѣсіемъ жизни того времени, сильной, мятежной, насильственной.

Корнель видѣлъ только одну сторону вѣка: онъ разогрѣвалъ свой могучій геній на пламени Кальдерона, Лопе де Веги, и даже поэтовъ безъ славы, Діаманте, Гиллена де-Кастро, Рохаса — падучихъ звѣздъ Испанскаго неба. Онъ бралъ у нихъ *чудесные подвиги* Сиды, Донъ Санчо, Ираклія. Если бы онъ также приблизился къ Англійскому театру, если бы, когда онъ начиналъ утомляться послѣ своихъ великихъ созданій, коснулся онъ Шекспира, съ какою силою, творецъ Родогуны, могъ бы онъ возсоздать намъ леди Макбетъ? Даже и для своихъ

Римлянъ, развѣ не научился бы онъ чему нибудь изъ *Коріолана* Шекспирова? И какихъ видовъ на трагическую форму новѣйшихъ сюжетовъ не собралъ бы его новый и смѣлый геній въ Ричардъ III-мъ и Генрихъ VIII-мъ? Съ какимъ вдохновительнымъ движеніемъ узналъ бы онъ самого себя, напелъ бы онъ свое величіе въ превосходной сценѣ Талбота съ сыномъ? У Корнели не было предрасудковъ изысканной излциности, которая воцарилась потомъ; онъ не пренебрегъ бы темными временами нашихъ варварскихъ вѣковъ, и грубостью именъ, передъ которою слишкомъ благоговѣютъ нынѣ. Въ-сто того, чтобы истощать остатки своего генія на постановку на сцену, въ плохо избранномъ сюжетѣ, Роделинды и Гримоальда, чего не приобрѣлъ бы онъ отъ займа у Шекспира и отъ борьбы съ нимъ?

Въ то время, когда языкъ былъ еще болѣе ручнымъ, формы театра менѣ окрѣплыми, подражаніе Шекспиру открыло бы новые источники трагическіе. Не таково было время Вольтера. На Лондонскомъ театрѣ схватилъ онъ только нѣкоторые сильные эффекты спектакля и страстей. Съ *восхищеніемъ* слушалъ онъ (его собственныя слова) Брута, съ книжалою въ рукѣ, говорящаго Римскому народу. Его философін нравилел скептическій монологъ Гамлета, безпокойное сомнѣніе о будущей жизни, и переводъ его въ стихахъ былъ одною изъ дерзостей, которыя въ Письмахъ объ Англіи тревожили цензуру. Но впрочемъ Вольтеръ не постигъ идеи перенести на нашъ театръ созданіи Шекспира вполне. Народныя сцены, сильная и низкая естественность, кровавыя ужасы, наполняющіе драмы поэта Англійскаго, казались ему нестерпимыми. Нарушеніе *единствъ*, что такъ горячо защищали онъ противъ Ламотта, поражало его не менѣ. И пото-

му, онъ хотѣлъ, не подражать Шекспиру, но сочинять въ Англійскомъ вкусѣ, какъ самъ онъ выразился. Здѣсь понималъ онъ подъ своими словами нѣкоторую вольность мысли, нѣсколько республиканской дерзости, а не сильное и неправильное воображеніе, не дѣйствіе безъ системъ и границъ, что оживляетъ театръ Шекспира.

Съ такимъ-то взглядомъ написалъ онъ трагедію *Брутъ*, игранную въ самый годъ возвращенія его въ Парижъ изъ Лондона.

Брутъ — слѣдствіе Англійскаго вдохновенія, показался бы нынѣ пьесою слишкомъ робкою и классическою. Въ предисловіи своемъ, гдѣ поэтъ обращается къ лорду Болингброку, разсѣялась въ остроумныхъ замѣчаніяхъ о Французскомъ театрѣ, онъ хвалится, что ввелъ на сцену Сенаторовъ, въ красныхъ епанчахъ, собирающихъ голоса. Но правдѣ сказать, смѣлость была не велика. Въ настоящихъ общественныхъ совѣщаніяхъ можно видѣть живое впечатленіе, и, какъ говорится, *невыразимое ощущеніе* (sensation inexpressible), какія производитъ иногда сборъ голосовъ. Но ничего не можетъ быть холоднѣе на театрѣ такого безмолвнаго сбора, послѣ чего Публикола говорить Бруту: «Вижу весь Сенатъ, переходящій къ твоему мнѣнію.» На театрѣ нѣтъ собранія людей, нѣтъ народа, если вы не одушевляете ихъ страстью и жизнью. — Здѣсь-то великое искусство Шекспира. Посмотрите у него бунтъ, форумъ, поле, и скажите: не живетъ ли у него толпа? не прибавляетъ ли она еще дѣйствующаго лица въ драму, или множество лицъ безъ имени, соединенныхъ страстью, которую они выражаютъ?

Вольтеръ въ своемъ Брутѣ сохранилъ все условное достоинство Французскаго театра: ничего до-

машняго, ничего народнаго — ни домашняго очага Брутова, ни публичной площади; чувства республиканскія, языкъ благородный и твердый, которому можно было научиться въ школѣ Корнелия, и которому не достаётъ только грубой простоты и величія *Горациевъ*.

Изложеніе Брута не менѣе исполнено величія: языкъ возвышенъ, положеніе драматическое, завязка пьесы начинается съ первой сцены. Первыя слова Брута, его гордое выраженіе о приѣмѣ въ Сенатъ пословъ Царя Этрускаго, рѣчь Аронса, отвѣтъ Брута, все меня поражаетъ, все мнѣ нравится, кромѣ безмолвія Сената. Но послѣ столь важнаго вступленія въ патріотическую пьесу, надобно ли намъ падать въ романическую пустошь, столь порицаемую Вольтеромъ, и вдругъ встрѣчаться съ любовною вставкою? Правда, эпизодъ искусно приставленъ къ драмѣ. Посланникъ Порсенны требуетъ дочери Тарквинія, оставшейся въ Римѣ плѣнницею, или заложницею. Она любима сыномъ Брутовымъ и дѣлается злымъ его геніемъ, увлекающимъ его въ заговоръ. Все это по театральному правдиво, и нѣтъ ничего невозможнаго. Но, мнѣ кажется, Титъ-Ливій представлялъ въ своемъ разсказѣ кое что болѣе новое и болѣе истинное, изъясняя заговоръ дѣтей Брута: неудовольствіе, скуку, какія суровость раждающейся республики внушала молодымъ людямъ, близкимъ къ семейству изгнаннаго Царя, привыкшимъ жить роскошно, сожалѣвшимъ о своеволіи и пышности своихъ прежнихъ увеселеній и забавъ. Для живописца Исторіи и Природы, какимъ былъ Шекспиръ, тутъ заключалось, можетъ быть, зерно красотъ великихъ.

Вольтеръ остановился на пошлой мысли о люб-

ви. Юный Титъ любить Туллию, и страсть его, доходящая до обожанія, непреоборимая страсть увлекаетъ его. Но послѣ того, какъ оправдать увлеченіе его брата въ тотъ же заговоръ, безъ подобной, бѣшеной любви, и даже безъ всякаго объясненія причины на сценѣ? Неужели нечего было придумать лучше, въ сюжетѣ, гдѣ могли явиться неопредѣлennыя надежды, раскаянія неудовлетворенныхъ честолюбій, предвѣстія новыхъ смятеній, и наконецъ весь хаосъ дѣлъ и мыслей, кипящій передъ огромнымъ переворотомъ? Нелучше ли было изобразить намъ непоколебимаго Брута, среди неудовольствій волнующихся окрестъ него, среди двухъ его сыновей, увлеченныхъ различными прелестями гордости и наслажденій въ заговоръ противъ независимости Рима, утвержденной отцомъ ихъ?

Но интриги посла Аронса, объясненія, отказы и кокетство Туллины занимаютъ слишкомъ много мѣста въ драмѣ Вольтера, такъ, что ничего уже не осталось даже и для того, что предназначалъ политическаго Вольтеръ «pour ce drame qui doit plaire à un auditoire patriote et républicain (для драмы, которая должна понравиться зрителямъ патріотамъ и республиканцамъ).» ...

Только названіе пьесы и нѣсколько изрѣченій, вставленныхъ въ нее, заставляли почитать ее чѣмъ-то дерзкимъ и республиканскимъ. Фреронъ кричалъ объ ней, какъ о вредной для власти Королевской во Франціи. Въ бурные дни революціи, съ жаромъ ухватились за Вольтерова Брута. Вспомнимъ здѣсь забавный анекдотъ: Брутъ въ одномъ мѣстѣ говорить:

Arrêter un Romain sur de simples soupçons,
C'est agir en tyrans, nous qui les punissons.

Но какимъ же образомъ можно было говорить со сцены подобныя вещи, когда во имя свободы и равенства наполнили темницы по самымъ ничтожнымъ подозрѣніямъ? И желалъ помирить слова Брута съ порядкомъ общественныхъ дѣлъ, цензура Террора перемѣнила второй стихъ, и Брутъ восклицалъ къ зрителямъ:

Arrêter un Romain sur un simple soupçon,
Ne peut être permis qu'en révolution....

Поправка была кстати, но не лучше ли было сдѣлать поправки значительнѣе, и выключить, напримеръ, всю любовь Тулліи, замѣнивъ ее чѣмъ нибудь болѣе естественнымъ? Шутки въ сторону: Брутъ, разуряженный старинными преданіями о необходимости любви романтической, въ чемъ обличалъ Вольтеръ своихъ предшественниковъ, тѣмъ не менѣе являеть великія красоты, тамъ, гдѣ поэтъ касается страстей, столь обильныхъ въ его сюжетѣ. Последнее прощаніе Брута съ сыномъ исполнено краснорѣчія, не искусственного, но взятаго изъ сердца. Англійскій поэтъ, современникъ Драйдена, излагалъ тотъ же самый предметъ, и въ сценѣ, наполненной излишествами, вставилъ нѣсколько трогательныхъ словъ:

«О Титъ! дай мнѣ прижать тебя еще разъ къ моей груди, сказать душѣ твоей вѣчное прощаніе, и вмѣсто слезъ плакать кровью, плакать кровью моего сердца о моемъ сынѣ—ты долженъ умереть, мой милый Титъ — дитя мое! ты долженъ умереть!»

Но читалъ ли его Вольтеръ? Надобно ли было ему читать Англійскаго поэта? Или изъ глубины своего трагическаго гения извлекъ онъ слѣдующія прекрасныя выраженія?

«О Римъ, о моя родина!... Прокулъ! пусть влекутъ на смерть моего сына... Встань, грустный предметъ ужаса и

нѣжности, встань, милая опора, на которую надымалась моя старость! Приди, обними отца твоего — онъ долженъ былъ осудить тебя, но еслибы не былъ онъ Брутъ, онъ простилъ бы тебя! Говорю и — слезы льются.... Иди и мужественно перенеси свою казнь—иди, не увлекайся нѣжностью: будь болѣе меня Римляниномъ, и пусть Римъ, отмщая, удивляется тебѣ!»

Съ такими красотами и недостатками, трагедія Вольтера не давала ни какого понятія о театрѣ Англійскомъ, театрѣ Шекспира. То, что она выражала дѣйствительно, было снимкомъ съ прежняго, при щегольскомъ и отчетистомъ слоgъ Аддиссона, и прѣ гордомъ величіи, которое можно было назвать языкомъ республиканскаго Двора. Сначала опытъ Вольтера не слишкомъ понравился и Брутъ имѣлъ успѣхъ посредственный.

Какъ неутомимый художникъ, Вольтеръ хотѣлъ испытать другое средство. Я увѣренъ, что онъ думалъ о привидѣніяхъ Англійскаго театра, составляя ужасный сюжетъ *Эрифилы*, тоже, что Гамлетъ и Орестъ, но подражаніе было передѣлано, отдалено. Очевидно, что Французскій поэтъ, если и взялъ у Шекспирова Гамлета нѣсколько выражений грусти и ужаса, то почиталъ за необходимое возвысить, облагородить ихъ мнѣологическими чудесами и величіемъ Греческихъ преданій. За такую цѣну, онъ осмѣлился обойтись безъ любви, прося снисхожденія за такую новость въ остроумномъ прологѣ.

Самъ авторъ бросилъ потомъ свою Эрифилу. Онъ полагалъ сію трагедію худо построеннымъ памятникомъ, матеріаллы и украшенія котораго могутъ быть употреблены для постройки новой. Но и въ Эрифилѣ, и въ *Селмира-мидь* любопытно видѣть, какъ классическій авторъ впалъ въ ошибку, которой избѣжалъ Шекспиръ.

Вы помните—такі впечатлѣнія не забываются—помните изложеніе трагедіи *Гамлетъ*: часъ полуночи, пустынное мѣсто, разговаривающихъ часовыхъ, ихъ робость при слухѣ о бродящемъ привидѣніи. Оно является наконецъ, и при видѣ его, обезумѣвшій Гамлетъ произноситъ заклятія :

«Ангелы и служители Божіи! защитите насъ! Духъ ли ты праведнаго или какой осужденный демонъ, приносишь ли съ собою дыханіе неба или адскій смрадъ, благодѣтельна или зла воля твоя, ты приходишь къ намъ въ такомъ странномъ видѣ, что я хочу говсрить съ тобою! Называю тебя именемъ Гамлета, моего короля, моего отца, короля Датскаго... Ахъ! отвѣчай мнѣ! Не дай душѣ моей сокрушиться въ незнаніи; скажи: для чего кости твои, погребенныя въ святыхъ пѣдрахъ земли разрушили гробъ твой? Что значитъ, что ты, трупъ, одѣтый въ броню, ты приходишь вновь видѣть блѣдные лучи мѣсяца, и дѣлая ночь еще страшнѣе, такъ ужасно потрясаешь умы, намъ, блѣднымъ глупцамъ, мыслями выше силъ нашей души? Говори, что такое? Для чего? Что должны мы дѣлать?»

Тогда, вдали отъ всѣхъ взоромъ, на голой вершинѣ утеса, между небомъ и моремъ, начинается страшное открытіе отца сыну:

«Я духъ твоего отца, осужденный нѣсколько времени бродить по почамъ, и заключенный днемъ въ очистительномъ огнѣ, пока преступленія и пятна жизни моей сгорятъ въ немъ!»

Не знаю, по такой лязкъ даетъ всему видѣнію страшную истину. Гамлетъ узнаетъ тайное преступленіе своей матери; дѣло, ему ввѣряемое, не безчеловѣчно, какъ дѣло Ореста:

«Чтобы ты ни сдѣлалъ для отмщенія за такой поступокъ, (говорить тѣнь) не запятнай души твоей, не позволяй уму твоему ничего придумать противъ твоей матери — оставь ее небу и угрызѣніямъ совѣсти!»

Безспорно, Мм. Гг., когда такая драма была играна передъ благочестивыми и суевѣрными зрителе-

лями XVI-го вѣка, очарованіе ужаса должноствовало быть доведено далеко, и даже наши скептическія воображенія чувствуютъ силу его? Что же сдѣлалъ Вольтеръ изъ чудснаго привидѣнія, вспомошествоемаго ужасомъ ночи и уединенія? Театральную сцену! Эрифила, издавна виновная въ убійствѣ супруга своего, торжественно ведетъ къ алтарю сына своего Алкмеона, котораго происхожденія она не знаетъ, и съ которымъ хочетъ вступить въ бракъ. Вдругъ тѣнь Амфіаралъ является передъ народомъ при дверяхъ храма!

Тѣнь.

Остановись, несчастный!

Эрифила.

Самъ Амфіаралъ! Гдѣ онъ?

Алкмеонъ.

Тѣнь роковая! какое божество вывело тебя изъ адской пещи? Какая кровь течетъ по тебѣ, и кто ты?

Тѣнь.

Твой царь! Если ты хочешь царствовать — остановись и повниуйся мнѣ.

Алкмеонъ.

Рука моя готова — говори, что долженъ я дѣлать?

Тѣнь.

Отмстить за меня на моемъ гробѣ!

Алкмеонъ.

Кому?

Тѣнь.

Твоей матери!

Алкмеонъ.

Моей матери! . . . Какое темное провѣщаніе. . . Но адъ увлекаетъ его отъ смущенныхъ очей моихъ! . . .

О Вольтеръ, блестящій гений, чудесный умъ! Какой урокъ вкуса могъ бы ты получить здѣсь отъ грубаго Шекспира!

Есть ли чтонибудь холоднѣе-невѣроятно, какъ это чудесное, передъ толпой народа и въ яркій полдень? Есть ли чтонибудь слабѣе словъ Алкмеона? Гдѣ ужасъ, уединеніе, безуміе Гамлета?

Между тѣмъ, въ Семирамидѣ, Вольтеръ еще разъ показалъ тѣнь, и также въ большомъ обществѣ, сопровождаемую насмѣшками Лессинга.

Далекіе отъ обвиненія за то, что Вольтеръ грабилъ Англійскій театръ, признаемся лучше, что онъ не понималъ богатствъ его. Онъ находилъ въ немъ, то идею, которую можно взять, то искру, которую можно выбить изъ грубаго камня. Искусство болѣе смѣлое, болѣе новое извлекло бы изъ него больше.

Но упрекъ долженъ уничтожиться передъ счастливымъ, восхитительнымъ изобрѣтеніемъ *Заиры*.

Несчастный въ выборѣ Эрифилы, Вольтеръ обратился къ любви, любви бышеной, страстной даже до преступленія. Онъ создалъ Заиру, верхъ своего искусства, болѣе всѣхъ апплодированное его твореніе, пьесу очаровательную, по выраженію Руссо. Не хочу спорить противъ его сужденія, ни списывать щегольскаго разбора, какой сдѣлалъ Заирѣ Лагарпъ. Заиру помнятъ все, и никогда поэзія Вольтера не имѣла столько прелести и столько живости. Никогда, столь нѣрдкая, слабость его выраженій не была лучше скрыта отъ ослѣпленныхъ глазъ. Заира Говодія Вольтерова, самое счастливое вдохновеніе гениа, который не былъ рожденъ для совершенства...

Какъ пришла ему идея трагедіи? — Воображаю Вольтера, читающаго *Отелло* Шекспирова, и негодующаго на преувеличенные образы, на низость лзыка, на звѣрство Отеллово. Какъ можно представить такое варварство вылощеннымъ умамъ XVIII-го столѣтія и прекраснымъ плакуньямъ перваго ряда ложъ, по выраженію Руссо! Между тѣмъ, Вольтеръ

видитъ глубокую страсть сюжета и хочетъ имъ воспользоваться. Но для того надобно все переменить, все облагородить. Пусть Мавръ Венеціанскій, счастливый выскочка, устарѣвшій съ оружіемъ, сдѣлается Азіатскимъ султаномъ, юнымъ, блестящимъ Оросманомъ. Темная гарнизонная интрига, на которой основывается ревность Отелло, замѣнится прекрасными именами и самыми поэтическими воспоминаніями Французской Исторіи, памятью о Крепостныхъ походахъ, Св. Людовикъ, Луизьяннѣ, низверженномъ съ престола и умирающемъ въ оковахъ. Дездемона, столь покорная, столь преданная любви своей, исчезнетъ передъ Заирою, плѣнницею, уважаемою даже въ Султанскомъ сералѣ, дочерью Королей Иерусалимскихъ, гордою даже съ самымъ Оросманомъ, говорящею ему: «Завтра всѣ тайны мои будутъ тебѣ открыты!»

Далеко отъ такого кокетливаго величія до Дездемоны, бѣлганки изъ дома отцовскаго, слѣдующей за супругомъ своимъ передъ судилище Венеціанское и на войну. Но трагическая красота сюжета выиграла ли чтонибудь отъ измѣненій Вольтеровыхъ? Страстное въ Англійской драмѣ не въ томъ ли именно, что бы представить молодую дѣвушку, которая все покинула, все оставила, любила не смотря на всѣ препятствія, любила Венеціанскаго Мавра, и убита имъ, какъ измѣнница? Но говорятъ: ревность Отелло противна здравому смыслу послѣ столькихъ пожертвованій. Какъ? А если она родилась изъ самыхъ жертвованій Дездемоны? Если она питалась самою тревогою, при сравненіи такой красоты, юности, любви и чернаго, морщиноватаго чела Отелло? Съ какимъ впрочемъ искусствомъ, какимъ знаніемъ драматическимъ, Шекспиръ бросилъ сѣмя зла въ серд-

це Отелло, въ самую минуту его торжества, отчаяннымъ проклятіемъ отца Дездемоны!

«Берегись ее, Мавръ, если у тебя есть еще глаза! Она обманула своего отца — она и тебя можетъ обмануть!»

«Жизнь мою доверю ей!» восклицаетъ великодушный Мавръ. — «Приди, Дездемона — у меня только часъ остается говорить съ тобою о любви, о дѣлахъ и моихъ намѣреніяхъ!»

Въ такомъ лзыкѣ нѣтъ прелестнаго кокетства, какое видимъ въ словахъ Оросмана: «Отдамъ часъ за заботы о моей имперіи, и весь остатокъ для Заирѣ», но нѣтъ ли въ немъ побольше знанія страстей и истины?

Не удивлюсь, если какой нибудь Англійскій критикъ станетъ утверждать, что при сличеніи между двумя пьесами, искусство болѣе глубокое, искусство приготовленія, развитія, правдоподобія остается на сторонѣ Шекспира. Гдѣ находите вы — скажетъ онъ — болѣе ловкости: въ желаніи ли показать намъ Оросмана въ торжественномъ объявленіи, какое дѣлаетъ онъ Заирѣ о своей политикѣ, своихъ намѣреніяхъ, подвигахъ султановъ, его предковъ — «Отецъ мой, послѣ его кончины, поработилъ Иорданъ», и проч., или, напротивъ, въ удивительномъ умѣньи, съ какимъ выставлено защищеніе Отелло, повѣствующаго Венеціанскимъ Сенаторамъ, какъ овладѣлъ онъ сердцемъ Дездемоны, рассказывалъ ей о своихъ битвахъ и опасностяхъ? Какое чудное изложеніе драмы рѣчь Отелло!

Лагарпъ съ трудомъ находитъ въ драмѣ Шекспира нѣсколько отдѣльныхъ чертъ, достойныхъ быть взлтыми и исправленными Вольтеромъ. Сомнѣваюсь. Любопытное изученіе составило бы, если бы захотѣли мы преслѣдовать въ обоихъ поэтахъ ходъ страсти, которую хотѣли они изобразить, и потомъ со-

образили, гдѣ болѣе естественности, жара, истины? Оставляю Лузиньяна и удивительный эпизодъ, вставленный въ Французскую трагедію — иду къ самому сюжету: ревности властителя Востока и любовника. Вижу, что она рождается, какъ въ Отелло, отъ нѣсколькихъ слабыхъ замѣтокъ:

«Коразминъ!» чего хочетъ этотъ невѣрный рабъ? Опъ вздыхалъ; глаза его обращались къ пей.... Замѣтилъ ли ты?»

Не похожій на злобнаго Яго, Коразминъ отвѣчаетъ:

«Что говорите вы, Государь! Неужели послушаетеъ вы заблужденія такихъ ревнивыхъ сомнѣній?»

И Оросманъ восклицаетъ въ прелестныхъ стихахъ:

Я ревновать? Чтобы гордость моя до того унизилась? Чтобы я испыталъ ужасъ такого постыднаго наказанія, я, который такъ же можетъ любить, какъ — другіе знаютъ, какъ я умѣю ненавидѣть! Я не ревнивъ, и если бы когда нибудь.... если бы сердце мое.... Ахъ! прочь докучная мысль!.... Чистымъ и сладостнымъ удовольствіемъ обладаетея душа моя...

И въ радостныхъ словахъ его, вы чувствуете, что сердце его уже поражено. Но, спрашиваю: не легко ли, не поверхностно ли, не слабо ли все, если сличить съ глубокимъ началомъ ревности Отелло? Онъ является въ то мгновеніе, когда проситель, пришедшій у него въ немилость, удаляется отъ Дездемоны, изъ почтенія и страха. Яго, злой духъ Отелло, говорить при видѣ уходящаго: «Я этого не люблю!» И Дездемона, которой нечего скрывать, не въ чемъ притворяться, тотчасъ именуется Кассіо, начинаетъ просить за него, и продолжаетъ свои требованія съ упорствомъ добродушнымъ, почти дѣтскимъ. Отелло колеблется, уклоняется — онъ тревоженъ, опъ уступаетъ однакожь, потому, что онъ любитъ. Но червь уязвилъ его сердце, и едва остается онъ одинъ

съ Яго, смятеніе души его является въ словахъ: «Бѣдное дитя!... Да будетъ осуждена душа моя, если не правда, что я люблю тебя!» — Но подлѣ него есть кто-то, будто роковой отголосокъ внутренней его мысли. Яго заставляетъ ее загремѣть значительными словами: «Мой благородный повелитель!» — Смущенный Отелло преслѣдуетъ его вопросами. Онъ повторяетъ слова Яго: «Я этого не люблю!» Онъ хочетъ знать смыслъ таинственныхъ словъ, и мы видимъ, съ какимъ безпокойствомъ перенесъ онъ слова Яго въ душу свою, пока разговаривалъ съ Дездемоною.

Тутъ слѣдуютъ недомолвки и злые намѣтки Яго: «Охъ! бойтесь ревности, мой повелитель!» Отелло отвѣчаетъ, какъ Оросманъ:

«И ты думаешь, что я пожелалъ бы влачить жизнь ревнопца, мѣнять подозрѣнія съ переминами мѣсяца?... Нѣтъ!.. если я усомнился однажды — я рѣшусь! Недостаточно сдѣлать меня ревнивымъ, если мнѣ скажутъ, что моя жена хороша, что она любитъ свѣтъ, что она говоритъ вольно, что она хорошо поетъ и пляшетъ. Тамъ, гдѣ добродѣтель, все бываетъ добродѣтельно, и малыя мои достоинства не дадутъ мнѣ ни малѣйшаго страха, ни малѣйшаго подозрѣнія объ ея невѣрности: вѣдь у нея были глаза, когда она меня выбрала! Нѣтъ, Яго, надобно мнѣ видѣть, прежде сомнѣнія, а сомнѣніе будетъ для меня доказательство, и тогда ничего не останется болѣе, какъ однимъ ударомъ кончить и съ любовью и съ ревностью!»

Рана нанесена. Яго растравляетъ ее, медленно, сомнѣніями, полусловами, измѣническими воспоминаніями.

«Она обманула своего отца, выходила за васъ, и когда казалось, что она бонтелъ, убѣгаетъ вашихъ взоровъ, тогда-то она и любила ихъ болѣе....

И послѣ новыхъ укушеній, новыхъ извивовъ око-

ло сердца Отелло, эхидна удаляется, оставляетъ его ему самому. Слѣдуетъ монологъ, столь истинный:

«Можетъ быть.... потому, что я черепъ, у меня нѣтъ сладкаго языка молодыхъ щеголей!... Можетъ быть, потому, что я на склопѣ жизни моей... не совсѣмъ еще!... Она погибла: я оскорбленъ, и моимъ единственнымъ утѣшеніемъ будетъ ненависть къ пей!... О, проклятіе женитьбы!» и *прог.* — «Но Дездемона идетъ — если она жметъ.... тогда... о, тогда само небо смѣется надъ нами!»

Усладительныя рѣчи Дездемоны, ея заботливость облегчить болѣзнь Отелло, платокъ, которымъ хочетъ она обвязать его больную голову, отброшенный имъ и падающій на сценѣ, все далеко отъ нашей старинной этикетности театральнoй, но для ревности потерянный платокъ стоитъ письма Занры, и какъ люблю я наружные перерывы страданій Отелло, развлеченія ихъ, послѣ чего является онъ намъ еще несчастіемъ!

Вотъ онъ снова является съ своею единственною, пагубною мыслью: — «Ахъ! она измѣнила мнѣ — мнѣ измѣнила!» — Яго ждетъ его и встрѣчаетъ словами: «Какъ? Ейце, генераль! Да не думайте о томъ болѣе!» И Отелло вспыхиваетъ: «Прочь! Бѣги! Ты бросилъ меня на колесо пытки! Клянусь тебѣ: лучше быть совершенно обманутымъ, нежели удосто-вѣряться въ половину!» И въ мукѣ неизвѣстности восклицаетъ онъ:

«О, теперь прости навсегда спокойствіе душевное! Прости довольство! Простите полки съ блестящими пламажами, и горделивая война, превращающая честолюбіе въ добродѣтель! О, простите, ржущій конь мой, звуки трубъ, барабанъ, возбуждающій храбрость, царственное знамя, и вся гордость, величіе зрѣлища знаменитыхъ битвъ!... Отелло кончилъ...

«Возможно ли, повелитель?» спрашиваетъ Яго, съ холодностью совершеннаго злодѣя, столь хорошо

схваченнаго Расиномъ въ роль Нарцисса. Отелло отвѣчаетъ, съ слѣпою яростью, дающего столько власти тому, кому угрожаетъ она:

«Презрѣнный! давай считаться въ доказательствахъ того, что моя подруга развратная женщина!... Разсчитывай, кледи доказательства мнѣ передъ глазами!... Но я кляпуюсь тебѣ моею безсмертною душою — лучше бы тебѣ быть псомъ, нежели удовольствоваться ярость мою!»

Здѣсь начинается разсказъ Яго, надъ которымъ такъ насмѣхался Вольтеръ, разсказъ неблагопрестойный, грубый, по гдѣ съ искусствомъ вводится потерянннй платокъ. Отсюда Отелло является передъ Дездемоной, которая еще проситъ съ невинною настойчивостью милости Кассіо, до того мгновенія, когда, совершенно внѣ себя, съ бѣшенствомъ повторять онъ слово: «*платокъ! платокъ!*» и положеніе его дѣлаетъ ужаснымъ его слова.

Лучше ли понравится вамъ, Мм. Гг., благородныя приличія, нѣжныя тонкости Французской пьесы? Оросманъ, говорящій Заирѣ: «Врачные факелы блещутъ для твоего любовника... Дай мнѣ руку твою, удостой, прекрасная Заира... Какъ люблю я торжествовать надъ такимъ благороднымъ смятеніемъ?» И Заира, когда она колеблется, ищетъ извиненій, говорить о Христіанахъ, и проситъ отерочить союзъ? — Раздраженный Оросманъ произноситъ одно только слово: *Заира!* И когда удаляется она, непуганная, онъ снова вѣрять свою ревность вѣрному Коразмину:

«Но къ чему же ея слезы, ея скорбь, ея бѣгство? Если тотъ Французъ!... Какое подозрѣніе! Какой ужасъ! Какой страшный свѣтъ пролетѣлъ сквозь мое сердце!... Увы! я отвергалъ мою справедливую недовѣрчивость... Варваръ, рабъ осмѣлится на такую дерзость!... Добрый другъ! я увижу сердце, моему подобное, принужденнымъ опасаться раба-христіа-

нина? Но, говори: ты могъ понять языкъ ея взоромъ — не скрывай ничего: измѣнили ль моему пламени любви? Скажи мнѣ о моемъ несчастіи... Ты трепещешь... ты дрожишь.... Довольно!»

Повѣренный Оросмана, столь же ничтожный, сколько повѣренный Отелло походить на демона, возбуждаетъ между тѣмъ гнѣвъ Султана:

«Странусь раздражить твои тревоги. Правда, что изъ ея глазъ выкатилось нѣсколько слезъ... Но, Государь, вообще я ничего не замѣтилъ, что должно бы...»

«И такому позору предоставили бы меня!»

Восклицаетъ Оросманъ. Онъ оправдываетъ Заиру. Онъ хочетъ вѣрить ей. Онъ говоритъ столь драматической стихъ:

Внимай: остерегись подозрѣвать Заиру!

Добрый Коразминъ дѣлаетъ однакожь на второе свиданіе Заиры съ Нерестаномъ разныя замѣчанія, которыя возвращаютъ Султану весь гнѣвъ его:

«Пусть еще придетъ опъ, этотъ злодѣй! Пусть осмѣлится повліять передъ очю моею возлюбленной!... Да, я ей отдамъ его... по мертвого, по наказаннаго, по изливающего изъ себя кровь измѣническую, разтерзаннаго передъ нею, и мою окровавленную руку сольетъ съ его кровью кровь его любовницы!»

Къ такому напоминанію о свирѣпомъ обѣтъ Отелло, Вольтеръ присовокуляетъ:

«Нѣтъ! не на Заирѣ останавливать подозрѣніе! Нѣтъ! сердце ея не создано для измѣны. Но не думай, чтобы и мое сердце унизилося до перенесенія стыда и наказанія упрековъ, чтобы я сталъ жаловаться, и опять помирился, и вновь повѣрилъ: изъясненія недостойны меня!»

Такое утонченіе цекотливой гордости приводитъ къ объясненію Оросмана съ Заирою, столь же благородному, столь же прелестному, столь же украшен-

ному, сколько разговоръ Отелло съ Дездемоною ужасенъ и правдивъ.

Но если созерцать только вѣчную цѣль и различныя формы искусства, созданіе Шекспира не было превзойдено, не было и воссоздано Вольтеромъ. Пусть геній Англійскаго поэта носить на себѣ типъ безконечно менѣ чистый, нежели Греческій геній Софокла, *Отелло* выигралъ не болѣе *Эдипа* отъ украшеній новѣйшаго вкуса. Скажу ли еще? Искусство трагическое и развитіе страстей менѣ изучены въ *Заирѣ*, нежели въ *Отелло*, развязка менѣ правдоподобна, и, слѣдственно, менѣ ужасна. Султанъ, столь вѣжливый, столь нѣжный, такой благотворитель, столь великодушный, въ одно мгновеніе переходитъ къ крайнему изступленію ярости, повѣривши записку, подозрѣнію, котораго онъ не поленяетъ себѣ. Какъ въ Англійской драмѣ глубже страсть и какъ далѣе взята она! Начало ея въ самомъ излишествѣ счастья Отелло, въ слишкомъ забывшейся, слишкомъ легкой любви молодой Дездемоны. Она готовится тайнымъ обращеніемъ на самого себя, печальнымъ, безпокойнымъ чувствомъ, слѣдующимъ послѣ союза не равныхъ лѣтъ. Ее укрѣпляетъ адская хитрость. Она растетъ отъ неосторожности, которая вырывается изъ самой добродушной чистоты Дездемоны. Она переходитъ по всѣмъ степенямъ подозрѣній, безпокойствъ, ярости. Она отравляетъ раны гордостью и честолюбіемъ, когда Отелло видитъ себя лишеннымъ своего воинскаго сана, и замѣненнымъ соперникомъ, котораго подозрѣваетъ. Наконецъ, она не знаетъ болѣе границъ, когда изумленіе при вѣсти о убіеніи Кассіо изторгаетъ у Дездемоны, по одному движенію живаго сожалѣнія, слезы и вопль, что Отелло кажется признаніемъ въ любви. Тогда, ту, которая вся предалась ему, ту, кото-

рая пожертвовала ему честью и отцомъ, ту, которую онъ уже проклиналъ, оскорблялъ, билъ—Отелло можетъ убить: ужасъ трагическій чрезмѣренъ, но онъ не поддланъ, онъ вѣроподобенъ.

Еще слово о внезапной развязкѣ, которую проповолагаетъ Вольтеръ глубокому искусству варвара Шекспира. Что Оросманъ удрученъ невинностью Заирь, едва только Заира погибла, едва сказаны слова: «Ахъ! Заира! Ахъ! сестра моя!»—эффектъ театральнѣй превосходенъ, не смотритъ на довольно холодное восклицаніе: «Его сестра! Что слышу!» Но какъ прекраснѣе въ Англійскомъ подлинникѣ убѣжденіе въ ошибкѣ, заблужденіи Отелло, изъ устъ бѣдной прислужницы Эмилиі, простонародной женщины, которую чрезмѣрность негодованія и скорби, при видѣ убитой, юной госпожи ея, возносить до высокаго, и которая даетъ убить себя, свидѣтельствуя добродѣтель Дездемоны! Истинная поэзія, истинное знаніе сердца, если они умѣютъ такимъ образомъ, характеръ простой и нисшій заставить сверкать страстями, силою нравственнаго чувства, и тѣмъ воплемъ правды, для котораго способна всякая природа человѣческая!

Отелло остается умереть. Его отчаяніе тихо.

«Прошу васъ — говорить онъ окружающимъ его — прошу васъ, когда вы будете въ письмахъ вашихъ рассказывать обо всѣхъ этихъ гибельныхъ событіяхъ, покажите меня такимъ, каковъ я былъ, не скрывайте ничего, не измѣняйте ничего; говорите обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, который не умѣлъ любить благородно, но любилъ слишкомъ, не легко сдѣлался ревнивымъ, но движутый, увлеченный измѣннически, упалъ въ крайнее насиліе. Скажите еще, что однажды въ Алепѣ, поганый Турокъ ударилъ Венеціанина и оскорбилъ республику, а я схватилъ за горло его, обрѣзаннаго пса, и — вотъ такъ поразилъ его!»

Пусть говорить Оросманъ :

« Скажи имъ, что я панесъ смерть самую ужасную, самой достойной, самой добродѣтельной женщицѣ, певичиня преле- сти которой образовало само небо; скажи имъ, что къ ся ко- льнамъ повергалъ я всѣ мои владѣнія....

Признаюсь, я болѣе люблю пламенные выраже- ния и движенія души Отелло.

Но поспѣшимъ же прибавить: если въ самомъ осно- вании, заимствованномъ у Шекспира — ревности и убійствѣ — Вольтеръ ниже, по страсти и по иску- ству, если онъ менѣе могучъ, менѣе естественъ, менѣе правдоподобенъ, между тѣмъ, онъ бросилъ на Заиру очарованіе и интересъ несравненный. То, что создалъ онъ, вознаграждаетъ слабость того, въ чемъ онъ подражалъ, и хотя Вольтеръ, кажется, шутилъ, сравнивалъ свою пьесу съ *Поливектомъ*, но христіанскій эпизодъ именно, Лузиньянъ и Кресто- вые походы, составляютъ безсмертную красоту *Заиры*.

Послѣ упительнаго успѣха новой пьесы, Воль- теръ опять обратился къ идеѣ своей о трагедіи бо- лѣе суровой, и хотѣлъ осуществить въ Парижѣ ce drame patriotique et républicain, какъ говорилъ онъ, которой удивлялся въ Лондонѣ, и которую такъ плохо осуществилъ въ своемъ Брутѣ. Онъ исклю- чилъ изъ нея любовную завязку, женскія роли, и въ Англійскомъ вкусѣ (по словамъ его) составилъ *Смерть Цезаря*. Идея здѣсь возвышенны; языкъ изященъ и силенъ. Вся драма прекрасный *этюдъ* по рисункамъ Корнелия и Шекспира.

Но и здѣсь, усовершенствовалъ ли Вольтеръ то, что занялъ у Шекспира? Показалъ ли и здѣсь бо- лѣе искусства, нежели Шекспиръ, въ обширномъ и полномъ смыслѣ сего слова? Мы сомнѣваемся. Диктаторъ Цезарь, стремящійся къ высшей власти,

аристократія Римская, мстящая ему убійствомъ, роль Брута, его пожертвованіе Цезаремъ — ничего нѣтъ величественнѣе такой трагедіи, цѣликомъ взя- той изъ Исторіи. Можно сказать, что Шекспиръ разрѣзалъ только страницы лѣтописей, и прочи- талъ ихъ съ краснорѣчивымъ своимъ выраженіемъ, и обыкновенными противоположностями высокаго и грубаго.

Особенно драма, такимъ образомъ созданная, при совершенной свободѣ сценическаго искусства, пре- восходно показываетъ причины и бесполезность смерти Диктатора. Праздныя плебеи первой сце- ны готовятъ насъ къ Римскому народу, увле- ченному Антоніемъ, послѣ того, какъ онъ рукопле- скалъ Бруту, и потомъ болѣе шумѣлъ при чте- нии духовной Цезаря, нежели при вѣсти о паде- нии его. Начиная съ юнаго невольника, пробужден- наго отъ его безпечнаго сна бессоннымъ Брутомъ, до поэта Цинны, убитаго на улицѣ по сходству име- ни, каждая подробность, каждое движеніе кипятъ жизнью у Шекспира. Костюмъ и языкъ древнихъ часто искажается имъ по незнанію, но человекъ всегда разгаданъ имъ изумительно.

Вольтеръ поступилъ иначе. Онъ выбиралъ изъ Исторіи, передѣлывалъ, изобрѣталъ. Темное подо- зрѣніе, что Брутъ былъ сынъ Цезаря, сдѣлалось у него завязкою и главнымъ интересомъ драмы. Ве- ликая борьба двухъ властей скрывается у него въ отцеубійствѣ. Вольтеръ утверждаетъ то, что несопре- дѣленно говорилъ Брутъ, въ изумительномъ письмѣ своемъ къ Октавію :

« Пусть все отпнуть у меня боги, кромѣ твердаго рѣше- ния ничего не уступать наслѣднику человека, умерщвленнаго мною, и чего не стерпѣлъ я въ немъ, чего не позволю са- мому отцу моему, если онъ возвратится въ міръ, ничего изъ

правъ нашихъ, не дозволяя ему имѣть, по моему снисхожденію, болѣе власти, нежели имѣютъ законы и Сенатъ Римскій!

Конечно, Фонтенель и г-жа Барбье, сочиняя вмѣстѣ трагедію изъ смерти Цезаря, ошиблись, представивъ Цезаря и Брута влюбленныхъ и ревнующихъ другъ къ другу. Но надлежало ли однакожь, съ другой стороны, все въ этомъ сюжетѣ ограничить только заговорщиками? Исторія не могла ли представить физиогноміи какойнибудь чистой и страстной женщины, которая вмѣшала бы нѣжность свою въ свирѣпыя добродѣтели, и показала внутреннюю жизнь сердца и домашнее спокойствіе, брошенная въ бурю общественныхъ переворотовъ.

Шекспиръ такъ и сдѣлалъ. Подлѣ заговора Брутова, онъ поставилъ супружескую любовь Порціи. Вся сія сцена, вдохновенная Плутархомъ, кажется мнѣ красоты необыкновенной. Брутъ встаетъ ночью, тревожимый своимъ замысломъ. Порція слѣдуетъ за нимъ, преслѣдуетъ его, спрашиваетъ объ его здоровьи, его молчаніи.

«Нѣтъ, любезный мой Брутъ, у тебя есть что-то на душѣ! По моимъ правамъ на тебя, я должна знать, и на колышкахъ прошу тебя, заклинаю мою красою, которую ты хвалилъ нѣкогда, твоими клятвами въ любви, тѣмъ великимъ обѣтомъ, который неразлучно соединилъ насъ на вѣки! Скажи мнѣ, ты, мнѣ, твоей половинѣ, какое смятеніе обременяетъ тебя, и для чего приходишь къ тебѣ сегодня вечеромъ какіе-то люди? Ихъ было шестеро или семеро, и они даже въ темнотѣ закрывали свои лица.

Брутъ.

Встань, благородная Порція!

Порція.

Не надобно бы мнѣ было просить тебя на колышкахъ, если бы ты былъ великодушень! Скажи мнѣ, развѣ въ условіи о бракѣ нашемъ, Брутъ, было оговорено, чтобы я не знала

тайсъ твоихъ? Жребій мой развѣ въ томъ только, чтобы дѣлать съ тобой трапезу, ложе, и иногда говорить? Если такъ, ничего болѣе — Порція наложица, не жена Брута!

Брутъ.

Ты мол истинная, моя почтенная супруга, столь же милая мнѣ, какъ капли крови, восходящей къ моему грустному сердцу!

Порція.

Если такъ, я должна знать твою тайну. Правда, я женщина, но женщина избранная супругою Брутомъ; правда, я женщина, но доброй славы — я дочь Катона! Развѣ не вѣришь, что я выше моего пола, если у меня такой супругъ и такой отецъ? Говори мнѣ о своихъ намѣреніяхъ — я не измѣню! Тяжко испытала я мою твердость, по доброй волѣ панеся себѣ рану. Терпѣливо выдержала я боль ея, и неужели не могу сберечь тайны моего супруга?

Брутъ.

Боги! сдѣлайте меня достойнымъ этой благородной женщины! Слушай! Стучатся!... Порція! настало время: передаю въ грудь твою мою тайну!

Мнѣ кажется, такая любовь не унижитъ историческаго величія сюжета.

Пьесы Вольтера и Шекспира такъ извѣстны, что нѣтъ надобности въ подробномъ разборѣ ихъ. Означимъ только нѣкоторые различія.

Не побоявшись довести до отцеубійства республиканскій фанатизмъ Брута, Вольтеръ уважилъ правило — не окровавлять сцены, и потому, скрывая отъ зрителей все, что дѣлается въ Сенатѣ, онъ высказываетъ убійство Цезаря только отдаленнымъ крикомъ заговорщиковъ и возвращеніемъ Кассія съ окровавленнымъ кинжаломъ. Онъ не смѣлъ, конечно, вывести передъ зрителей Брута, покрытаго отцовскою кровью. Но самая предосторожность сія не показываетъ ли ложнаго поэтическаго разсчета, по которому ясно и безспорно въ драмѣ то, что въ

Исторіи прикрито сомнѣніемъ. Преувеличивъ ужасъ трагедіи, онъ принужденъ былъ скрыть главное лицо ея. Такимъ образомъ исчезла превосходная противоположность Брута и Антонія, поочередно увлекающихъ сердца Римлянъ. Все потеряло тутъ причины и правдоподобіе. Худо понимаемъ, почему Кассій, не бывши другомъ Цезаря, уступаетъ слово Антонію, котораго онъ опасается и обвиняетъ передъ Римскимъ народомъ:

«Онъ хочетъ оправдать своего повелителя и его честолюбіе; онъ такъ презираетъ васъ, что надѣется оболетить. Конечно, онъ можетъ здѣсь говорить — таковъ законъ Римскій, и я повинуюсь закону.... Но опасайтесь Антонія, и особенно его хитростей!»

Великодушная доверчивость Брута, нѣжность сердца его, какъ говоритъ Плутархъ, его уваженіе къ памяти Цезаря, только все это могло изъяснить ошибку его въ то время, и онъ позволилъ говорить Антонію, такъ, какъ оставилъ ему жизнь, вопреки мнѣнію своихъ товарищей.

Тутъ Шекспиръ удивительно сохранилъ истинну Исторіи въ истинѣ драмы. Поразивъ великаго человека, котораго любилъ, Брутъ хочетъ, чтобы останки его были уважены. Онъ обращается сначала къ Римлянамъ, желалъ изъяснить свой прискорбный долгъ, но онъ вводитъ и самаго Антонія, ободряя его, такъ сказать, своими послѣдними словами. Здѣсь величіе ораторской драмы. И потомъ, какая драма въ языкъ, какое сердечное участіе къ соотечественникамъ! И какъ естественно говорить въ свою очередь народъ!

Брутъ.

Если въ собраніи есть кто нибудь изъ вѣрныхъ друзей Цезаря, я скажу ему, что любовь Брута къ Цезарю не уступала его любви. Если этотъ другъ спроситъ: почему Брутъ

возсталъ противъ Цезаря, вотъ отвѣтъ мой: я любилъ его, но еще болѣе любилъ Римъ. Пожелаете ли видѣть его живымъ и—Римъ въ оковахъ, мертвымъ и—Римъ независимъ? Цезарь любилъ меня — плачу объ немъ; онъ былъ храбръ — чту его; онъ былъ счастливъ — радуясь его счастью. Но онъ былъ честолюбивъ и — я убилъ его! Кто изъ васъ пайдется, Римляне, желающій оковы? Пусть говорить — онъ оскорбленъ мною. Кто изъ васъ не хочетъ быть Римляниномъ? Пусть говорить — онъ оскорбленъ мною. Кто изъ васъ не любитъ своей отчизны? Говори — я его оскорбилъ! Останавливаюсь и жду отвѣта.

Всѣ.

Ты правъ, Брутъ! Ты правъ!

Брутъ.

И такъ, я не оскорбилъ никого! Тоже сдѣлалъ я съ Цезаремъ, что сдѣлалъ бы съ самимъ собою. Вотъ трупъ Цезаря, и печальный Антоній, который не былъ участникомъ смерти его, но собереть плоды ея — неравненное благо останется Римляниномъ. И кто изъ васъ назоветъ ее бесполезною? Кончу тѣмъ, что если я умертвилъ лучшаго друга моего для счастья Римлянъ, я храню кинжалъ мой для меня самого — пусть онъ обратится на меня по волѣ Римлянъ!

Вольтеръ перевелъ почти всю рѣчь Брута, но съ меньшею истиною заставилъ Кассія говорить съ ея. И что же заставляетъ онъ отвѣчать Римлянъ?

Aux vengeurs de l'Etat nos coeurs sont assurés!

По неестественности своей, такой отвѣтъ стоить удивительной антитезы, какую Ламоттъ заставляетъ хоромъ повторять все Греческое войско, послѣ примиренія Ахиллеса съ Агамемнономъ: «И въ чрезвычайной радости весь станъ воскликнулъ: «Кого не побѣдитъ онъ, если любилъ самого себя?»

Нѣтъ! не такъ поступаетъ Англійскій поэтъ, когда одушевляетъ онъ толпу, и дополняетъ драму симъ лицомъ безъ имени! Вотъ вамъ Римская сволочь, послѣ рѣчи Брута:

Т. VI. — Отд. III.

Всѣ.

Да здравствуетъ Брутъ!

1-й ПЛЕБЕЙ.

Ведите его съ торжествомъ домой!

2-й ПЛЕБЕЙ.

Статую ему между предками!

3-й ПЛЕБЕЙ.

Въ Цезари его!

Let him be Caesar! Какал глубокая черта идеи, составляемой Римлянами объ ихъ республикѣ!... Теперь вы ихъ видите, понимаете.... Бѣдный Брутъ! Бѣдный безумецъ!

И вотъ, по согласію, по призыву Брута, Антоній идетъ на трибуну, почтить память Цезаря. Вокругъ него кричатъ: «Цезарь былъ злодѣй! Мы счастливы, что отъ него освободились! Ну, да слушаемъ Антоніа!» — И Антоній начинаетъ: «Друзья, Римляне, сограждане! послушайте меня. Не хвалите Цезаря, говорить только объ немъ хочу я. Зло переживаетъ людей, а добро ихъ часто погребается съ ними. Такъ и Цезарь. Благородный Брутъ сказалъ, что Цезарь былъ честолюбивъ. Если было такъ — онъ былъ виноватъ, и тѣмъ наказанъ за то....»

Признаюсь: высокое искусство мнѣ опять кажется на сторонѣ Шекспира. Вотъ какъ у Вольтера начинается Антоній:

«Да, я любилъ его, Римляне, да, я продолжилъ бы моею жизнью его дни. Увы! всѣ вы думали такъ, какъ я, и если бы, снимая съ чела своего діадему, онъ, герой, приносилъ себя въ жертву вашимъ законамъ, кто изъ васъ не умеръ бы за него?»

У Шекспира, Антоній кажется мнѣ при началѣ трогательнѣе и простѣе. Потому онъ оживляется. Онъ исчисляетъ подвиги Цезаря, указываетъ на вѣ-

нецъ, три раза предложенный, три раза отвергнутый. Это ли честолюбецъ (Was this ambition)? И говоря такъ, Антоній смущается, плачетъ, и пока останавливается онъ, народъ разсуждаетъ по своему:

Одинъ.

Methinks, there is much reason in his sayings.

Другой.

If thou consider rightly of the matter,
Caesar has had great wrong.

Третій.

Has he, masters?
I fear, there will a worse come in his place.

Четвертый.

Mark'd ye his words? He would not take the crown;
Therefore, 'tis certain, he was not ambitious.

Превосходная логика! Но Антоній продолжаетъ. Не такъ, какъ Вольтеровъ Антоній, онъ не винитъ Брута въ отцеубійствѣ: «Друзья! трепещу, упадаю... Брутъ его убійца! Онъ, чудовище, онъ сынъ его! Брутъ! où suis-je! ô ciel! ô crime! ô barbarie!» — Римъ могъ оставить Брута, но онъ уважалъ его, и не потерпѣлъ бы такого языка. У Шекспира, Антоній хитрецъ, а не говорунъ. Безпрерывно повторляетъ онъ, что Брутъ и Кассій почтенные люди (an honourable man), и что онъ не хочетъ обижать ихъ. Но вотъ хартія, запечатанная Цезаремъ, послѣдняя воля его, духовная его. Антоній показываетъ ее, но не хочетъ читать, и народъ со всѣхъ сторонъ требуетъ ея чтенія, со всѣхъ сторонъ кричитъ: «Хотимъ слышать волю Цезаря!»

Антоній.

Терпѣніе, любезные друзья! Не хочу вамъ читать. Для чего знать вамъ, какъ любилъ васъ Цезарь? Вѣдь вы не каменные, не деревянные — вы люди, и если вы услышите

духовную Цезаря, это раздражитъ васъ, приведетъ въ ярость! Лучше не знать намъ, что онъ дѣлаетъ васъ наследниками. И если вы должны . . . . Что изъ того будетъ?

ПЛЕБЕЙ.

Читай духовную! Мы должны слышать ее. Антоній! ты долженъ читать намъ духовную!

АНТОНІЙ.

А будете ли вы терпѣливы? Останетесь ли неподвижны на нѣкоторое время? Страхусь причинить вредъ почтеннымъ людямъ, кинжалы которыхъ умертвили Цезаря!

ПЛЕБЕЙ.

Они злодѣи! Вотъ тебѣ твои почтенные люди.

ДРУГОЙ.

Его волю! Духовную!

ТРЕТІЙ.

Они мерзавцы, душегубцы! Духовную, духовную!

АНТОНІЙ.

Вы принуждаете меня читать. Становитесь же въ кружокъ около Цезарева тѣла, и дайте мнѣ показать того, кто писалъ духовную.

Тутъ сбрасываетъ онъ съ Цезаря окровавленный плащъ, исчисляеть и описываетъ раны его, именуетъ убійць его, и народъ реветъ неистово: Revenge — about — seek — burn — fire — kill — slay — let not a traitor live! — Антоній, какъ будто останавливаетъ неистовую толпу, говоритъ ей:

Друзья мои, добрые, милые друзья! не предавайтесь отъ словъ моихъ такимъ движеніямъ! Кто убилъ Цезаря, то люди почтенные. Какія частныя обиды мстили они ему, право, не знаю. Они, конечно, могутъ сказать вамъ свои причины. Я пришелъ, друзья мои, не возмущать сердца ваши: не ораторъ я, какъ Брутъ, но, какъ вамъ извѣстно, человекъ простой и откровенный, который любилъ своего друга, и они это хорошо знаютъ, они, давите мнѣ передъ вами позволе-

ніе говорить объ немъ. У меня нѣтъ ни ума, ни словъ, ни искусства рѣчи, ни силы краснорѣчія, возбуждающей страсти сердецъ. Я только говорю правду, говорю вамъ то, что вы сами знаете. Указываю вамъ на раны вашего возлюбленнаго Цезаря, и — пусть онъ говоритъ вмѣсто меня! Если бы я былъ Брутъ, Брутъ съ сердцемъ Антонія, я увлекъ бы ваши сердца, и изъ каждой раны Цезаря возвысилъ бы голосъ, который въ самыхъ камняхъ Римскихъ возбудилъ бы чувство и тревогу!

Всѣ.

Давай, давай! Жечь домъ Брута! Ступай! Бѣги! Гдѣ они? Гдѣ злодѣи?

И тутъ еще останавливаетъ ихъ хитрый Антоній, читаетъ духовную Цезаря, рассказываетъ о подаркахъ его народу, о деньгахъ каждому Римлянину. Корысть соблюлъ онъ, какъ послѣднее средство возбудить бышенство, и потомъ отпускаетъ онъ толпу, или, лучше сказать, даетъ кинуться ей, какъ лютному звѣрю. *«Теперь пусть работаютъ!»* говоритъ онъ, улыбаясь.

Мм. Гг! не изъ грубаго алмаза въ корѣ (diamond brut) вышлифовалъ Вольтеръ свой брилліантъ, не изъ варварскаго опыта извлекъ онъ свое твореніе! Нѣтъ сомнѣній, что онъ прибавилъ нѣсколько блестящихъ чертъ къ своему образчику, но онъ даже и не сравнился съ нимъ въ этой сценѣ, гдѣ умная и вѣрная постепенность Шекспира, рѣчь оратора, клики толпы представляютъ удивительную картину хитрости, умѣющей управлять смятеніемъ и страстями.

Пусть у Вольтера, послѣ прекраснаго движенія: «Боги! кровь его еще струится,» Антоній восклицаетъ: «Онъ зоветъ на мщеніе — онъ ждетъ его отъ вашихъ рукъ и вашей отваги! Слышите ли голосъ его? Римляне! возстаньте. . . . Вотъ почестъ, какую должно воздать Цезарю. Головнями костра, на которомъ испепелится онъ, зажжемъ дома гор-

дыхъ заговорщиковъ! Возьмемъ руки наши въ тѣла ихъ!» Все это — хорошіе стихи, но какихъ есть тысячи. И какъ оригинальнѣе у Шекспира притворная умѣренность Антонія, которая приводитъ къ кликамъ смерти, не говоря объ нихъ ни слова, стремить на злодѣйство толпу, когда, кажется, удерживаетъ ее.....

Заключимъ: Вольтеръ не исправилъ Шекспира, какъ говорили прежде. Можетъ быть даже, при нетерпѣливости своего щекотливаго и насмѣшливаго вкуса, онъ не почувствовалъ всѣхъ красотъ его, но, по крайней мѣрѣ, онъ не возсоздалъ ихъ. Между тѣмъ изученіе Шекспира укрѣпило его гений. Онъ занялъ у него нѣчто для театральныхъ эффектовъ, занялъ краснорѣчивый и страстный образъ выраженія, который одушевляетъ его драмы, и послѣ Расина дѣлаетъ его великимъ драматическимъ поэтомъ Франціи.....

Съ Франц. И. БЕНИГНА.

IV.

К Р И Т И К А.

КРИТИЧЕСКІЙ ВОПРОСЪ О НОВѢЙШЕЙ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМѢ *.

(Письмо къ Дидероту).

Извините, г-нъ Дидеротъ, что мы осмѣливаемся призвать вашу тѣнь, смѣлую и охотницу до парадоксовъ. Въ видѣ простаго письма дерзаемъ мы адресоваться къ вамъ съ вопросомъ, осмѣливаемся думать, довольно значительнымъ, и, вѣроятно, еще не послѣднимъ, о самомъ избитомъ и самомъ затруднительномъ дѣлѣ во всѣхъ въ мірѣ литературахъ. Рѣчь наша о театрѣ, и о невозможности писать, въ какую поставлены великіе современные писатели, желающіе обогатить театръ хорошими драматическими пьесами.

Еще до васъ, г-нъ Дидеротъ, и послѣ васъ, умные люди не однажды утверждали, будто *театръ умеръ, театръ вышелъ изъ моды, театръ невозможенъ*. Очень хорошо. Но почему же театръ умеръ и невоз-

* Намъ показалось, что сія статья представляетъ любопытный вопросъ о современной Драмѣ совсѣмъ съ *новой стороны*, почему и рѣшились мы передать ее нашимъ читателямъ. Дѣло стоитъ того, чтобы надъ нимъ подумать. *P. C. O.*

можень? Мало утверждать что нибудь — надобно доказать, и пока вы не доказали ваших словъ о театръ, вы всегда увидите людей, съ большими дарованіями, пишущихъ театральныя пьесы, и пьесы ихъ будутъ падать. И напротивъ, увидите людей съ небольшими дарованіями, также пишущихъ театральныя пьесы, и пьесы ихъ будутъ заслуживать рукоплесканія.

Что это такое значить? Надобно ли положить, что публика во всѣ времена ошибается? Нѣтъ, публика, всегда публика, какъ очень хорошо сказали и доказали вы, г-нъ Дидеротъ, въ нашемъ предисловіи къ *Отцу Семейства*, и къ вамъ, М. Г., къ вамъ одному надобно относиться со всею тѣмъ, что сбивается на парадоксъ, къ вамъ, отцу и изобрѣтателю всякихъ парадоксовъ! Помогите намъ рѣшить, если только возможно, нерѣшимую тяжбу. Ссудите намъ также, для оживленія стараго дѣла, т. е. вопроса о театръ, вашей ловкости и вашей снисходительности. Но — къ дѣлу!

Не приступая еще къ открытію причинъ, производящихъ въ наше время паденіе всѣхъ великихъ и прекрасныхъ пьесъ, или, если угодно всѣхъ пьесъ *литературныхъ*, какія представляются отъ времени до времени на нашихъ большихъ и малыхъ театрахъ, мы просимъ только людей добросовѣстныхъ и доброжелательныхъ согласиться съ нами прежде всего въ томъ, что по какой бы то ни было причинѣ, которой мы еще не открыли, большая часть старыхъ Греческихъ литературныхъ родовъ, созданныхъ софистами въка Александрова изъ обломковъ въка Периклова, нынѣ упала, и только исключая провинціи и школы, кажется, нигдѣ уже не думаютъ болѣе объ эпопее, пастораляхъ, диониромбахъ, траги-комедіяхъ, какъ равно о стихахъ ауетическихъ и комическихъ.

Что это значить: худо или хорошо, паденіе или

успѣхъ? Теперь ни слова о томъ; утвердимъ только фактъ и пойдемъ далѣе.

Желая изяснить неудачи всѣхъ нашихъ современныхъ писателей въ театральномъ дѣлѣ, что хотимъ мы сказать? То, что театръ, какъ и литература, до сихъ поръ у насъ родъ произведеній, приведенныхъ въ систему послѣ его произвольнаго созданія, и что отъ системы его должно намъ, рано или поздно, освободиться.

Не странно ли будетъ, даже не покажется ли нелѣпо утвержденіе, что театръ не нынѣ только сдѣлался невозможенъ, но никогда не былъ возможенъ, ибо онъ, какъ родъ литературы, утверждень грамматики, а не поэтами для поэтовъ? Не только не доказываютъ не геніяльности нашихъ писателей ихъ драматическія паденія, или когда угодно, повременныя торжества нашихъ новѣйшихъ писателей, но скорѣе подтверждаютъ великость ихъ генія, ибо геній ихъ побѣждаетъ только невозможностью, и потому при торжествѣ надобно имъ столько генія, что онъ побѣждаетъ самую невозможность.

Не сомнѣвайтесь, М. Г., когда вамъ скажутъ теперь: «устройте драму, дѣйствіемъ, слогомъ, идеями такъ, чтобы она могла приноровиться къ декораціямъ и машинамъ, раздѣлиться фразами на условное число актеровъ, быть примѣнена къ дарованію каждаго, даже къ мимикѣ и привычкамъ каждаго изъ известныхъ актеровъ (все таки актеровъ, замѣтьте, а не системы и не поэта), и вы будете имѣть успѣхъ.» Конечно, вы подумаете, что надъ вами смѣются?.. А если нѣтъ?

Забудемъ, когда только можно, всѣ вѣчныя имена, всѣхъ великихъ геніевъ во всѣхъ временахъ, всѣхъ составляющихъ непереходимую стѣну около театра, забудемъ ихъ на время, чтобы потомъ возвратиться къ нимъ, и припомнимъ только, что театръ не всегда назывался Расиномъ, Мольеромъ, Корнелемъ, Шек-

спиромъ. Поговоримъ о формѣ, независимо отъ авторитетовъ, которые могли облагородить ее, не дѣлая однакожь вѣчною.

Поэзія Драматическая, въ настоящемъ состояніи своемъ, вернется главнѣйше на одномъ основаніи, что «почувствовать и оцѣнить то, что называютъ поэмою, то есть, оцѣнить самое тонкое и самое совершенное изъ созданій ума человѣческаго, лучше могутъ двѣ, три тысячи человѣкъ, вмѣстѣ собранныхъ, нежели одинъ,» что «масса, или толпа имѣетъ свое мнѣніе, свое чувство, свой инстинктъ, которые быстрее и живѣе созерцательнаго, одинокаго мнѣнія, но тѣмъ не менѣе вѣрны.» Другіе думаютъ иначе.

Замѣйте прежде всего, что въ общемъ понятіи о дѣлѣ искусства, аксіома толпы ни сколько не пріемлется. Фонтенель сказалъ: «новая идея никогда не входитъ широкимъ путемъ.» Таково опредѣленіе всѣхъ нашихъ ощущеній. Въ великое созданіе уму нашему нельзя ринуться вдругъ опрومتью; въ него входятъ медленно и постепенно.

Предположите великую поэму, совершенное созданіе, вторую Дантеву *Божественную Комедію*, на примѣръ, предположите, что она нечаянно свалилась съ неба и упала среди насъ, какъ въ Римѣ валились съ облаковъ угри при Нумѣ Помпиліи. Что вы думаете? Такая поэма тотчасъ найдетъ двѣ, три тысячи человѣкъ судей, которые способны поднять ее и громко закричать: «Вотъ что прекрасно? Вотъ что велико?» Нѣтъ, Мн. Гг., вѣроятнѣе, что авторъ диковинной поэмы подымется только мало по малу, слышетъ сперва другаго поэта, ему равнаго, способнаго оцѣнить его, который откроетъ ему дѣрогу и поставитъ алтарь, сперва только подъ домашнимъ кровомъ своимъ. Потомъ отъ втораго поэта узнаетъ о поэмѣ третій, передастъ четвертому и такъ далѣе. Такъ распространяется все великое. Оно медленно всходитъ на горизонтъ. У него есть своя ночь, своя

заря, потомъ полдень: сперва оно розовый отбѣнокъ по облакамъ, потомъ яркіе лучи свѣта и наконецъ — солнце.

Сравните же восходъ Изящнаго въ насъ самихъ при поднятіи театральнаго занавѣса.

Въ извѣстный часъ послѣ полудня, въ семь часовъ вечера, на примѣръ, вы совершенно еще не знаете, что поэтъ хочетъ дѣлать и говорить, чтобы понравиться вамъ, научить васъ, растрогать, очаровать, и черезъ два, три часа потомъ надобно, чтобы вы были научены, разстроганы, очарованы, и не только вы должны быть правы въ своемъ удивленіи, своемъ чувствѣ, но вы должны рѣшить положительно: «это хорошо», или «это дурно!»

Такова-то странная проблема драматической формы: дѣйствовать на умъ путемъ ослѣпленія и внезапнаго очарованія, и кромѣ того, требовать одобренія или отверженія, необходимо непредвидѣннаго. Вотъ двойной рядъ мелей, которые противорѣчатъ закону постепеннаго вліянія на нашу душу и нашу природу, закону, по которому Изящное имѣетъ свои условія, въ слѣдствіе коихъ нельзя вдругъ почувствовать прелести Мадонны Рафаэлевой и Перголезовой *Salva Regina*. И такъ, театральная пѣса, или форма ея, всегда отвергаетъ сужденіе созерцательное и идеальное. А только идеальность производитъ восторгъ, рѣшеніе окончательное въ искусствѣ: съ такимъ восторгомъ — нѣтъ театра; безъ такого восторга — нѣтъ поэзіи!

Но, закричать дѣлатели нынѣшнихъ драмъ, прекрасную сторону нашего искусства составляетъ именно то, что вы исчислили — мели, опасности. Подумайте сами: что лучше, какъ выйдти противъ толпы? Явиться одному противъ нея, биться съ нею, какъ бьется смѣлый пиккадоръ Кастиланскій противъ свирѣпаго вола?

Сравненіе прекрасно, но сравненіе не доказатель-

ство. Толпа въ театрѣ не вошь, не быкъ, но — извините дерзкое сравненіе — *медведь*.

Въ самомъ дѣлѣ, Мм. Гг., что говорите вы намъ о вашей театральной народности, вашей публикѣ, вашихъ партерахъ, всегда предполагая ихъ такими внимательными, такими хорошими судьями? Они восторжены, говорите вы, они гений, пламенное сердце, взятые все вмѣстѣ. Но нѣтъ ли тутъ примѣсовъ льду, глухоты, слѣпоты, паралича въ дѣлѣ искусства?

Въ томъ-то и преимущество нашего искусства, возражаете вы, что оно уравниваетъ некоторымъ образомъ неравенство понятій, устанавливаетъ въ толпѣ, по какому-то закону электричества, родъ чувствительнаго равновѣсія, позволяющій даже умамъ ниже нуля, проникнутыя мгновенно лучами и свѣтлыми изліціями поэтическаго гения!

Нѣтъ, Мм. Гг., еще разъ — нѣтъ! И не желая ни въ чемъ отвергать могущества вашихъ идей, мы скажемъ вамъ только, что никогда дуракъ, или нѣчто похожее на него, человекъ не понимающій сцены соннамбулизма леди Макбетъ, не затрепещетъ и не задрожитъ, потому, что подлѣ него умный зритель дрожитъ и трепещетъ! Понимаемъ, что присутствіе холоднаго человека, или дурака, можетъ расколдовать, или умѣрять человека умнаго, но никогда умный человекъ не передастъ дураку того, чего не достаетъ въ немъ для оцѣнки и чувства красоты Лира и Макбета. Развѣ у цѣлаго свѣта можетъ быть одинъ темпераментъ, одинакое чувство, одинакій родъ идей? Неужели все умы равно могутъ усесться за однимъ столомъ? Ну, что же такое послѣ сего ваша публика? Что же такое вашъ театр?

Много разъ старались опредѣлить цѣль, стихіи и качества произведенія сценическаго. Не позволите ли вы намъ сдѣлать ему покаместъ слѣдующее опредѣленіе: сочиненіе, которое нравится не много всѣмъ,

но вполне не нравится собственно ни кому отдѣльно?

Замѣтите, въ самомъ дѣлѣ, г-да писатели театральные, что во всѣхъ вашихъ пьесахъ принуждены вы, почти всегда, вмѣщать двѣ части: часть для партера и часть для ложъ, и въ томъ-то, по мнѣнію нашему, главная причина вашихъ неудачъ. Дѣйствительно, ложы требуютъ отъ васъ чего нибудь тонкаго, изящнаго, нѣжныхъ намѣсковъ чувства и сердца, а партеръ, напротивъ, хочетъ чего нибудь грубаго, падутыхъ, рѣзкихъ выраженій, громкихъ словъ, которыя иногда на два локтя переходить за предѣлы здраваго смысла, логики и грамматики.

И такъ, если вы хотите успѣха, вамъ надобно найдти среднее нѣчто въ слогѣ, смѣсь партера съ ложами, хорошаго съ худымъ.

Но какъ у васъ есть вкусъ и честолюбіе, то чувствуя, что вмѣсто писателя, вамъ придется быть ремесленникомъ, если не предназначать работы своей только для людей съ умомъ и вкусомъ, къ нимъ вы относитесь. Но несчастію, не находится довольно людей умныхъ для ежедневнаго потребленія вашихъ твореній, и еще болѣе, поелику отъ людей умныхъ требуете вы того, что рѣшительно противоположно качеству умнаго человека, то есть, чувства и суда безъ размышленія — вотъ почему пьесы ваши падаютъ.

Между тѣмъ, вы видите, что тутъ не виноваты ни умные люди, ни вы сами. Виноваты умъ вообще, виноваты гений человека, виноваты ваши пьесы, которыя вдругъ и по очереди тратятъ много вашего ума и вашего гения.

Но, положимъ, что мы сошлись слушать вашу работу и судить только объ ней. Одно изъ условій для театрального писателя не состоятъ ли въ томъ, чтобы прежде всего имѣть въ виду колеса и рычаги, тысячи средствъ вещественныхъ и техническихъ,

что называется *знаніем сцены* въ писателѣ, или иначе *постановкою*?

Что такое: *знать сцену*? Имѣть въ виду входы и выходы актеровъ, думать о декорацияхъ, думать о зрителяхъ, думать о машинистѣ, о кенкетахъ, о подмосткахъ, о кулисахъ. Да, все это дѣло существенное; надобно думать объ немъ: оно составляетъ театръ, а вѣдь вы театр! Прекрасно, да только среди всѣхъ такихъ машинъ, колесъ и рычаговъ, что сдѣлалось съ вашею мыслью, скажите пожалуйста? Гдѣ дѣвалась свобода вашего воображенія и чувства? Что стало изъ поэта?

Странный родъ созданій, въ самомъ дѣлѣ, опасная работа, гдѣ требуется отъ поэта, чтобы онъ шелъ, летѣлъ впередъ, а между тѣмъ онъ опутанъ тысячами препятствій для того и другаго!

Писатели драматическіе! къ вамъ обращаемся мы: будьте искренни и признайтесь, что вы не заставляете представлять себя, но почти всегда терпите только представленіе, осуждаете себя на него. Если хоть немного остается поэтическаго дохновенія въ скелетъ литературномъ, который передали вы въ руки актеровъ, онъ, этотъ скелетъ, сдѣлавшись жертвою ихъ кривляній и завываній, находитъ силы для того только, чтобы возстать противъ васъ самихъ, громко обвинить васъ, показать вамъ идею вашу въ темномъ, запачканномъ образѣ. Сцена не можетъ отразить въ себѣ мысли истиннаго поэта — она только пародируетъ ее.

Пойдемъ далѣе: предположимъ для передачи васъ актеровъ, сколько возможно умныхъ и совершенныхъ. Мы утверждаемъ, что и такіе актеры изменятъ вамъ. Да, будьте вы сами величайшими актерами и играйте — вы сами себя измените, потому, что поэзія можетъ быть передана только поэзін, и что заключено въ идеи и слова, то не можетъ быть вполне выражено физиогноміею и движеніями; во

всѣхъ искусствахъ форма слѣдуетъ основанію, выраженіе идетъ за идеею — *rem verba sequuntur*. Живописи не разыгрываютъ на скрипкѣ, и пѣсни извѣять нельзя.

Но, скажете вы, развѣ не видали иногда всего собранія зрителей движимаго, трепетнаго? Развѣ это не значить, что мы подѣйствовали на толпу, и возбудили ея воображеніе, сочувствіе, удивленіе?

Правда, да въ томъ-то и ошибка ваша, что вы смѣшиваете народность съ народомъ, считаете успѣхъ поголовно, то есть, думаете, что 3000 зрителей представляютъ вамъ 3000 вашихъ поклонниковъ, или 3000 критическихъ способностей, когда въ иномъ случаѣ ваши *три тысячи* изображаютъ едва, едва одного поклонника и одну критическую способность.

Дѣйствовать на нервы толпы, Мм. Гг., надобны совсѣмъ другія средства, нежели ваши сцены, ваши акты, ваши тирады. Надобны тысячи, надобны громы, пространства миль — спектакли великіе, универсальные, подъ открытымъ небомъ — Наполеоновское Марсово Поле, Восточные поѣзды Тамерлановъ. Тогда, правда, толпа движется, кипитъ страстями, но она не подвинется и не закипитъ для нашего литературнаго красноречія. О, повѣрьте, что поэма не народное дѣло! Читайте стихи Омира толпѣ, и убѣдитесь, что они между собою чужіе.

Иногда сравниваютъ публичнаго оратора съ драматическимъ писателемъ, потому, что тотъ и другой говорятъ собранію народа. Находятъ между ними сходство средствъ и дѣйствій, но повѣрьте, что большая разница между ними, въ сущности дѣла и въ слѣдствіяхъ. Ораторъ великъ, когда говоритъ толпѣ объ ея положительныхъ выгодахъ. Онъ Демосеенъ, находящій тему для своихъ созданій въ войнѣ Филиппа противъ Грековъ; онъ Мирабо, гремящій о банкротствѣ. И во всемъ, общественная польза тутъ

главное, а литературный, или ораторский интерес второе, придаточное. Для него необходим пропуск оть первого. И дѣло такъ бесспорно и чисто, что едва только ораторъ оставитъ свою публичную тезу, онъ всегда упадетъ въ декламацию и языкъ его съдѣляется тѣмъ, что Верньо называлъ «оперными бурями и громами.» Ораторъ исчезъ, и вмѣсто его виднѣнъ софистъ: вмѣсто Демосеена Исократъ, вмѣсто Мирабо Фонтанъ. Одинъ умный человекъ говаривалъ: *Une idée politique en littérature, c'est un coup de pistolet dans un concert* (политическая идея въ литературѣ то же, что пистолетный выстрѣлъ въ концертъ). Точно тоже литература въ политикъ: пистолетный выстрѣлъ въ бурь.

А въ театральныхъ пьесахъ, сколько декламаторскихъ выстрѣловъ! Сколько займа у каеэдры, у судилища, у трибуны! Сколько плохихъ проповѣдниковъ, педантовъ, декламаторовъ, адвокатовъ надобно склеить для составленія одной пяти-актовой пьесы!

Вы говорите, что театръ не чуждъ великаго и выскоаго. Да, правда, но въ замѣну того, сколько въ немъ пустаго, звонкаго и надутаго? Все доказываетъ, воле ваша, что драматическая поэзія есть старинный предрасудокъ, заблужденіе, укорененное время, а не свободное развитіе поэзіи и искусства. Нѣкоторое уединеніе всегда будетъ признакомъ излщпаго, и если отъ стыдливой Венеры нельзя требовать, чтобы она была Діаною или Цибеллою, все однакожъ позволено думать, что нельзя ей распустить своего пояса красоты каждыи вечеръ, передъ тремя тысячами человекъ.

По слѣдамъ вашимъ, г-нъ Дидеротъ, старался развить то, о чемъ нѣкогда вы намъкнули, и что старались мы здѣсь изложить, мы, извините, Мм. Гг., мы — оспариваемъ вашу драматическую поэзію. И въ слѣдствіе того, мы объявляемъ, что жалко видѣть гениальныхъ современныхъ людей, когда они ка-

рабаются на драматическій театръ по Англійскимъ, Испанскимъ, Нѣмецкимъ, Романтическимъ, Классическимъ лѣстницамъ, дѣлаются рабами крашеной хюстины, гордыхъ скомороховъ и лѣнливой публики, они, которые могли бы въ своемъ мѣстѣ быть властителями! Да, мы оспариваемъ поэзію драматическую, но — позвольте, Мм. Гг., позвольте еще одно слово: театра мы не отвергаемъ.

Театръ! Да, какъ возможно отвергать такое наслажденіе всѣхъ вѣковъ, всѣхъ возрастовъ, всѣхъ временъ! Не только не споримъ мы противъ него, но, напротивъ, если возможно, хотѣли бы распространить, улучшить его. Но для того хотимъ мы, чтобы театръ былъ театръ, а поэзія была поэзія.

Изъ всѣхъ критиковъ, которые писали о драматическомъ искусствѣ, только одинъ, можетъ быть, указалъ на истинный духъ его и дѣйствительный эффектъ. Этотъ критикъ (вы, конечно, не подозревали, о комъ хотимъ мы сказать?) былъ Аристотель. Онъ утверждалъ въ своей Пѣтикѣ, что мелопея должна быть первымъ достоинствомъ трагедіи, а мысли давалъ онъ только третье мѣсто. Димитрій Циникъ приписывалъ также весь эффектъ театральнаго голоса, пантомимы и декораціямъ. Опираясь на сихъ авторитетовъ, а также и на другихъ, а всего болѣе на томъ забвеніи, въ какое такъ быстро падаютъ наши прекрасныя современныя созданія, мы смѣемъ утверждать, что сцена принадлежитъ исключительно актеру, такъ, какъ звуки музыканту, холстина живописцу, а мраморъ ваятелю.

Въ самомъ дѣлѣ, искусство актера не есть ли искусство драгоценное, очаровательное, и существующее само по себѣ и отдѣльно? Какъ сомнѣваться въ томъ, когда сообразимъ великую власть, какую истинные актеры, Гаррикъ, Тальма, всегда имѣли собственно своимъ дарованіемъ? Между тѣмъ, между другими искусствами, актерское, бесспорно,

меньше другихъ возвышено. Оно прямо говорить съ своими судьями, и судьи открыто, лицомъ къ лицу, передаютъ ему свою похвалу, или осужденіе, что всегда показываетъ какое-то униженіе.

Далѣе, дарованіе актера не требуетъ почти никакого приуготовительнаго изученія. Разумѣется, что умъ и наука и тутъ полезны, даже необходимы, но однакожь главный участокъ принадлежитъ самородной, вещественной матери-природѣ. Она даетъ актеру его веселія, насмѣшливыя, страстныя, величественныя выраженія, внѣшнія пропорціи, которыя дѣлаютъ изъ него орудіе, способное передать ту, или другую роль.

Актеръ преобразуется иногда изъ года въ годъ. Актеръ одной области часто не годится для другой, и кого хвалили въ одну эпоху, тотъ не заслуживаетъ похвалы въ другую. Кажется, что все зависитъ отъ моды, все предается случайности временъ въ искусствѣ, которое долженъствовуетъ быть цѣннымъ по своей сущности, и вообще должно импровизироваться свободно на поприщѣ, ему принадлежащемъ, по крайней мѣрѣ, сосредоточиваться въ своихъ общихъ законахъ, быть увѣреннымъ въ томъ, что Гриммъ говорилъ о Клеронъ: «она почти всегда наизусть знаетъ предвѣстительно всѣ эффекты своей роли.» Но какіе же эффекты хотите вы произвести, соединяя два искусства, столь различныя между собою по ихъ духу и ихъ основанію? Искусство актера столь легко, столь живо, столь изгибисто. Искусство поэта, напротивъ, столь сложно, столь отвлеченно, столь глубоко. А вы мирите ихъ?

Мы готовы сказать поэтамъ: «*прочъ отъ актера!*» Но не скажемъ ли мы также справедливо актеру: «*прочъ отъ поэтовъ!*»

Откуда на театрѣ нашемъ было столько условныхъ ролей (*rôles de convention*), столько амплуа кривлявыхъ, крикливыхъ, слугъ, субретокъ, лив-

рей, плащей, маннекиновъ во всѣхъ родахъ, прямыхъ и поперечныхъ традицій (*traditions*), превращавшихъ нашъ старинный Французскій театръ въ шахматную доску? Откуда особенно явилась *декламация*, странное искусство, поставляющее актера, читающаго грозныя тирады, поэтическія и ораторскія, на необходимость махать руками и качать головою, на подобіе выпускной куклы? Откуда взялось все это, если не отъ принужденнаго соединенія двухъ искусствъ, которыя вредятъ одно другому сталкиваясь вмѣстѣ, вставляясь въ одну раму, когда между ними нѣтъ никакого сродства, кромѣ общихъ отношеній, существующихъ между всеми искусствами? А послѣ котурнъ сценическихъ, надобно еще вспомнить о котурнахъ моральныхъ, какъ умно сказалъ Лессингъ. И какъ надѣяться найти какіе нибудь слѣды естественности и вдохновенія въ актерѣ, осужденномъ читать возгласы въ родъ тѣхъ, гдѣ составляютъ солнце, «отъ пламенной зоны и середины свѣта видѣть его кочевой путь?»

De la zone brûlante, et du milieu du monde,
L'astre du jour a vu ma course vagabonde, etc.

Правда, но не говорите однакожь, что дарованіе актера зависитъ отъ той или другой системы драматической литературы, и что игралъ чужеземную трагедію, Шиллерову, Шекспирову напримѣръ, актеръ будетъ меньше сжать, меньше связанъ, нежели играя пьесу Расина, Корнеля. Мы утверждаемъ, по опыту, что противорѣчіе вездѣ существуетъ.

Что скажете вы намъ, если представляютъ полнаго *Гамлета*, *Фауста*, *Валленштейна*, и сіи образцовыя созданія привлекаютъ въ половину меньше зрителей, нежели какой нибудь мелодрамный фарсъ? Что для постиженія красотъ и самобытнаго величія созданий великихъ поэтовъ надобны публика просвѣщенная, партеръ избранный? Очень хорошо, да

только гдѣ вы найдете вашъ избранный партеръ? Вы уже такъ давно его ждете и еще долго будете дожидаться. Что, не поставитъ ли развѣ подлѣ раздачи билетовъ судью, способнаго рѣшать, кто изъ приходящихъ за билетами можетъ оцѣнить величїе красоты Шекспира? Вы говорите о поэзїи народной, а выходите, что народъ-то вамъ и не надобенъ! Вы зовете толпу и гоните ее прочь. Или вы рѣшитесь сказать вашей публикѣ такъ: «Слушайте, господа: пока я остаюсь низкимъ и посредственнымъ, я принимаю васъ въ судьи, но я отказываюсь отъ васъ, отвергаю ваше рѣшеніе, едва только возвышусь и коснусь величїя и истиннаго изящества, то есть, сдѣлаюсь поэтомъ!» Что же послѣ сего ваша драматическая поэзія?

Другое опредѣленіе театральнаго поэта: «Писатель, который не находить для себя ни театра, ни актеровъ, ни публики.»

Что жъ это такое? Для успѣха, или для подноровки актерамъ, надобно ли, чтобы пьеса непременно была посредственна, или просто дурна? Петь! но прежде всего надобно, чтобы она была *сценическая*. Мы надѣемся доказать, что лучшія созданія Французскаго и иностраннѣхъ театровъ остались образцовыми потому, что вообще они болѣе *поэтическія*, нежели сценическія.

Такимъ образомъ, мы не поколеблемся сказать, что согласны съ мнѣніемъ Гете (котораго, конечно, не обвинять здѣсь въ пристрастїи), что театръ Шекспира, какъ ни великъ онъ, и какъ несовершенъ съ поэтической стороны, почти не переводимъ на сцену. Актеръ хорошо передаетъ земную, чувственную его сторону, но не эфирную, летучую половину, высокія тонкости сердца и характеровъ, идеальныя очерки, внутреннюю мистику театра Шекспирова, которую изслѣдовали такъ подробно Шлегель и Шиллеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь актеръ не метеоръ и не хамелеонъ — онъ маска, а маска не можетъ повиноваться всѣмъ прихотямъ поэтическаго воображенія. Ей необходимо быть неподвижной въ извѣстномъ, ограниченномъ пространствѣ и времени, вѣрной тому или другому, но одному положенію. Намъ говорить о нѣкоторыхъ актерамъ, на примѣръ, о Гаррикѣ, что онъ былъ превосходенъ въ трагическомъ и комическомъ равно. Худо вѣрится, но согласимся однакожъ, что онъ не могъ быть тѣмъ и другимъ въ одной роль и въ одно и то же мгновеніе.

Никогда не найдете вы такого театральнаго Януса, который заключилъ бы въ себя Нерона и Тюрлюпена, Фальстафа и Глостера. Неопредѣленное, но между тѣмъ стройное оправданіе характера возможно въ поэзїи, но оно невозможно въ дѣйствительности и на сценѣ. Вижу возможность романтическаго поэта, но не вижу возможности романтическаго актера. Говорить актерю: «Переводи намъ твоимъ голосомъ, твоими движеніями отвлеченныя и несчетныя очертанія лицъ, каковы Пукъ и Калибанъ», не все ли равно, что говорить поэту: «Переводи намъ словами пѣніе птицъ и благоуханіе цвѣтовъ?»

Такимъ образомъ, каковы бы ни были недостатки нашей старинной трагической системы, не остановимся признать ее гораздо менѣе невыгодною для актера, нежели систему Нѣмецкую, или Англійскую, потому, что бывши гораздо ниже въ отношенїи поэтическомъ, она была между тѣмъ болѣе сценическа, по мѣрѣ силъ человѣческихъ, которыя даетъ сцена. Тальма былъ всегда Тальма въ Отелло и Гамлетъ Дюссонскомъ, но какъ управился бы онъ съ текстомъ Шекспира? Актеръ, которому среди важнаго разговора надобно закричать на сценѣ: «Мышь, мышь!» какой опасности подвергается онъ, въ глазахъ самыхъ жаркихъ приверженцовъ свободы искусства, быть смѣшнымъ или жалкимъ!

Актеры съ дарованіемъ! Что же вамъ за надобность въ великихъ поэтахъ? Они только вяжутъ васъ, вредятъ вамъ. Лучшая часть репертуара Тальмы состояла изъ плохихъ трагедій. Одна изъ первыхъ ролей Моле была въ *Ревнивомъ* Рошонъ де-Шабана. Монвель всего лучше былъ въ *les Victimes cloîtrées*. Весь Парижъ восхищался миссъ Смитсонъ въ Юаннъ Шоръ. Все плакало и трепетало, смотря на нее. Отъ чего? Никто, или почти никто не понималъ языка, и слѣдственно, не могъ чувствовать красоту поэзіи. Но восхищались взорами, голосомъ, положеніями великой артистки. Видите ли, что все это, составляя искусство актера, составляетъ совсѣмъ отдѣльную область и особенное могущество, въ всякой поэзіи? Не словами: «Я люблю тебя!» мы убѣждаемся въ нашей любви, какъ прекрасно говорили вы, г-нъ Дидеротъ, но выраженіемъ голоса, слезами, взглядомъ, тѣмъ, что сопровождаетъ наши слова.

Но здѣсь просимъ мы васъ однакожь, г-нъ Дидеротъ, простить, что мы откажемся на время отъ опоры и пособія вашего имени, призываемого нами, какъ твердая броня, какъ щитъ непробиваемый. Позвольте намъ итти однимъ, ибо, какъ ни велика молва о вашемъ безразсудствѣ и любви къ гиперболамъ, мы боимся увлечь ее на край пропасти, зіяющей передъ нами. Эта пропасть есть сильное возраженіе, и мы представимъ его такимъ, какимъ, вѣроятно, готовили его намъ многіе, съ самаго начала нашего писъма. Вотъ оно:

«Если драматическая поэзія, какъ вы говорите, заблужденіе, или недоразумѣніе, какъ же Софокль, Аристофанъ, Эсхиль, Расинъ, Шекспиръ, Мольеръ писали театральныя пьесы?»

Вы требуете отвѣта, и мы постараемся отвѣчать вамъ.

Отвѣчаемъ прежде всего, что до сихъ поръ мы старались, какъ вѣроятно замѣтили читатели, рѣ-

шить вопросъ предварительно по вѣчнымъ законамъ поэтического разума, не вдаваясь въ историческія приложенія.

Потомъ, въ отношеніи публики, мы будемъ отвѣчать вопросомъ:

«Для чего же, Мм. Гг., вы не ходите въ театръ, когда играютъ пьесы Расина, Корнеля, Мольера?»

Не потому, кажется намъ, что сіи великіе люди устарѣли, или, что ихъ дурно представляютъ, но потому, что почти всѣ они создавали поэмы, а не scenario (сценическія представленія), а для сцены надобно scenario, а не поэма. — Если вы станете утверждать, что надобно посвящать себя театру, потому, что Расинъ, Корнель, Мольеръ, Вольтеръ, Шекспиръ посвящали себя ему, мы скажемъ вамъ, что не менше ихъ великіе, Омиръ, Данте, Мильтонъ, Тассъ не писали для театра, слѣдовательно, не надобно писать для театра. И по крайней мѣрѣ, ваше надобно доказываетъ здѣсь не болѣе нашего слѣдовательно.

Все кончится споромъ объ именахъ собственныхъ, и надобно будетъ повторить еще разъ, что примѣръ великаго генія, образовавшій собою родъ, вмѣсто того, чтобы побудить идти по его слѣдамъ, долженъ скорѣе отвратить всякаго отъ послѣдованія за нимъ.

Вспомните также, говоря о великихъ людяхъ, что законъ подражательности, врожденный человѣку, неизбѣженъ даже и для геніальныхъ людей. Виргилій и Тассъ писали поэмы потому, что Омиръ писалъ поэму. Почему Расину и Мольеру было не писать театральныя пьесы послѣ Эврипида и Теренція? И сіи великіе люди могли также увлечься прелестью сценическаго очарованія, особливо если вспомнимъ, что почти всѣ они были въ непосредственномъ сношеніи со сценою. Эсхиль и Эврипидъ были актеры; Софокль не являлся на сценѣ только за слабостью

своего голоса; Мольеръ былъ актеръ, и Шекспиръ былъ актеръ: выходитъ, что для многихъ изъ образцовыхъ писателей, выборъ драматическихъ сочиненій былъ необходимымъ условіемъ ихъ общественнаго быта.

Наконецъ, въ сторону всѣ умозрѣнія и толки: развѣ преступленіе сказать откровенно (по крайней мѣрѣ, подумать), что всѣ великіе гени театральные болѣе годятся для чтенія, нежели для сцены? Что они велики и прекрасны сами по себѣ, а не по роду ихъ созданій, и что они могутъ быть предметомъ наслажденій и изученій, безъ всякой сценической обстановки и безъ всякихъ актеровъ?

Замѣтьте между тѣмъ, что у всѣхъ народовъ, гдѣ только былъ установленный театръ, почти всегда было два театра, большой и малый, или, говоря иначе, *литтературный* и *народный*, и даже въ XVIII-мъ вѣкѣ у насъ былъ свой народный театръ (*la foire*), и теперь онъ есть у насъ — *водевиль*.

Вообще на большомъ театрѣ всегда бывали великіе поэты и малые актеры; на маломъ великіе актеры и малые поэты. Малый театръ имѣлъ Джиля, Арлекина, Бригело, Полишинелля, Изабеллу, Кассандру, актеровъ, безъ сомнѣнія, превосходныхъ, если они остались, какъ оживотворенныя народомъ преданія. На большомъ театрѣ, можетъ быть, также были великіе актеры, но, по несчастью, они принуждены были называть себя героями, королями, королевами, наперсниками, слугами, влюбленными, и они умерли. Мы едва знаемъ имена ихъ...

Во всѣ времена, малый театръ презирали и ходили въ него толпою. Всегда почитали и уважали большой театръ—и онъ бывалъ пустъ. Съ котораго времени кричать: «Неблагодарная публика! Презирать Расина, Кольера, Морнеля и для чего? Для ярмарочнаго балагана!»

Извините! Публика совсѣмъ не благодарна, а

только она любить то, что приносить ей удовольствіе: безъ актеровъ нѣтъ театра. И весьма естественно, что идутъ въ балаганъ, если тамъ можно видѣть актера превосходнаго. И опять весьма естественно, что кто хочетъ вечеромъ отдохнуть отъ заботъ, онъ можетъ быть лучше поидеть посмѣяться на Арлекина, Панталона и Кассандру, нежели станетъ прислушиваться къ печальной карриатурѣ великихъ твореній Мольера и Расина, которыя перечиталъ поутру и станетъ опять читать завтра.

Еще замѣчаніе: драматическая поэзія не происходитъ самобытно и собственно; она придаточное, условное къ главному.

Театръ Европейскій начинается и образуется подѣ небомъ Греціи. Народъ первобытный, окруженный всѣми очарованіями природы и искусства, обоготворяющей и освящающей все, что коснется искусства, ищетъ лицезображенія своей дѣйствительной жизни. Рождается театръ, свободное дитя береговъ Цефиза и Иллиса. Онъ растетъ, какъ маслина Аттической, но онъ не составляетъ, какъ во времена новѣйшія, выродка какого-то, отдѣльнаго, объединеннаго; онъ развивается, напротивъ, внезапно, и собираетъ окрестъ себя всѣ другія искусства, и всѣ они приносятъ ему дань свою.

Сцена древняя не подмостки театральныя: это Греція, сама Греція, представленная передъ Греціею, подѣ открытымъ небомъ, съ ея играми, плясками, лирами, флейтами, битвами, тремя тысячами статуй, какъ было на театрѣ Скавруса.

Безспорно, что и поэзія содѣйствуетъ также со своей стороны великой общности искусствъ, но не овладевая ею, не требуя первенства, составляя потокъ всегда гармоническій, но незамѣтный почти среди другихъ потоковъ, терпящихся въ недрахъ общей матери Амфитриды.

Вотъ почему, Германскіе критики имѣли причину

сравнивать Греческій театр съ ваяніемъ и барельефомъ, Эсхила съ Фидіемъ, Софокла съ Поликлетомъ, Эврипида съ Лизиппомъ. Все связывается, все соображается одно съ другимъ въ искусствѣ Греческомъ. Можно себя представить эмблему его въ видѣ одного стебля, изъ коего выходятъ вдругъ тысячи цвѣтовъ. Посмотрите такъ же, какъ Греки, отцы нашего театра, были далеки отъ тогс, чтобы подобно новѣйшимъ, дѣлать изъ него пьедесталъ, исключительно предоставленный искусству поэта. Читайте Филоклетта, Электру, Гекубу, Эдипа, созданія великія, безъ сомнѣнія, какъ почти все то, что перешло къ намъ отъ древнихъ, но тѣмъ не менѣе — лоскутки изъ поэзіи Илиады, поэмы, по формѣ неопредѣленныя, какъ будто неконченныя, ибо промежутки въ нихъ должны занимать хоры, музыка, пляски, игры и особенно пантомимы, часть искусства, столь пренебреженная во Франціи, и которая допускала у Грековъ, какъ извѣстно, Ниобею, влекущуюся на сцену по смерти дѣтей ея, и неподвижную въ теченіе нѣсколькихъ сценъ.

Изъ Греціи театръ переносится въ древній Римъ, но онъ уже подвергся пагубному вліянію Александрійскихъ риторовъ. Съ Плавтомъ, Теренціемъ, Сенекою начинается литературный театръ, то есть, комментарий на Греческій театръ, ибо у Грековъ были только рамы сценическія, которыя потомъ подчинили общимъ правиламъ поэзіи Греческой.

Во Франціи наконецъ, если обратиться прямо къ источнику литературнаго театра, къ Людовика XIV-го, онъ овладѣлъ вполне сценою. Явился странный дѣлежъ, ибо и тогда хотѣли однагожь гармоніи сценической, давали часть актеру, другую поэту, но посмотрите, какъ врѣнь бываетъ общій инстинктъ и современемъ всегда находятъ вѣрные законы своей логики. Слѣдуйте за наклоненіемъ театральнымъ, и вы увидите актера и поэта, мало по

малу и естественно входящихъ въ свойственныя имъ границы, и уравновѣшивающихъ искусство.

Такъ, въ слѣдующемъ вѣкѣ, Вольтеръ, не смотря на свою привязанность къ правиламъ вѣка Людовика XIV-го, уже говорить о реформѣ Французской сцены, въ предисловіи къ Семирамидѣ и въ своихъ многочисленныхъ сношеніяхъ съ Лекенемъ, Клеронъ и Госсенъ. После Вольтера гонять со сцены литературу трагическую и комическую. Являются нововводители — Бомарше, Мерсье, въ особенно, г-нъ Дидероть, невольнo разоблачавшій недостатки тогдашней театральнoй конституціи, когда вы писали, и спорили, что драматическій писатель долженъ означать мимику, и когда, присоединяя примѣръ къ ученію, писали въ Отцѣ Семейства и въ Побочномъ Сынѣ, между рѣчами: *ici Dorval se contraint subitement; il s'agit comme un forcené, il s'abîme dans sa rêverie*, и проч.

Какой болѣе разительной и болѣе добродушной критики надобно намъ на форму драматическую вообще, если мало вашей системы, г-нъ Дидероть, въ одно время и не литературной и не сценической? Если вы пишете, какъ играть актеру, на что же актеръ? Если, напротивъ актеру играть вашу поэзію, на что же поэтъ? Честь вамъ, г-нъ Дидероть! Насмѣшливѣе нельзя было напасть на литературный театръ!

Въ началъ нашего вѣка, случай соединилъ на Французской сценѣ актеровъ удивительныхъ, какъ говорить всѣ ихъ современники. Тогда были Превиль, Люгазонъ, Дазенкуръ, Флѣри, Сенваль, Конта. А литература театральная? Что были поэты драматическіе того времени? Для примѣра, великіе актеры играли. Расина и Мольера, но у всякаго изъ нихъ былъ свой карманнй поэтъ, свой Бартъ, Седенъ, Пуассене.

Тальма продолжилъ такой скрытный бой между

литературою и сценою. Силою труда и дарованія, онъ успѣлъ бросить немного сценической жизни въ превосходныя поэмы, называемыя: Гоголія, Цинна, Британникъ, и проч. Но онъ самъ и публика находили за то вознагражденіе въ сценическихъ эффектахъ, разсѣянныхъ въ Фалкландъ, Силль, Карль VI-мъ и другихъ трагедіяхъ, составлявшихъ гадеробъ актера. Наконецъ Тальма умеръ, и испуганный Французскій Театръ увидѣлъ себя въ одно время и безъ актеровъ, и безъ пьесъ — неизбежное слѣдствіе системы сценико-литературной, допускаемой до нынѣ.

Тутъ начались битвы за славу нововведеній Германскихъ и Англійскихъ. Опыты новизны имѣли слѣдствія плохія. Они заставили театры опустѣть, ибо распространяя и увеличивая дѣло поэта, они въ то же время уменьшили и уничтожили участіе актера.

Наконецъ, все усмирилось, все утишилось, и только что начались споры, какъ дѣло приняло свой естественный ходъ.

Что теперь у насъ дѣлается?

Въ Парижѣ есть двѣнадцать, или пятнадцать театровъ, и каждый вечеръ все они открыты. Изъ нихъ только одинъ, Французскій Театръ, предоставленъ литературѣ — собственно, и онъ чахнетъ, разбитъ параличемъ. Принуждены давать ему на содержаніе, какъ будто на поддержку колоніи или болышой дороги. Но на другихъ театрахъ, что такое играютъ? *Водевилли* — водевилъ въ Парижѣ, водевилъ въ провинціи, водевилъ всѣхъ?

А что такое водевилъ? Торжество актера, побѣда его безъ помощи поэтическихъ работниковъ. — Что такое Французскій Театръ? Смѣсь изъ трети поэта, трети актера. Театры поэтовъ всегда будутъ тощи и безжизненны; театры актеровъ всегда будутъ веселы и оживлены.

Что заключить изъ всего говореннаго нами? — Что не надобно писать театральныхъ пьесъ и держать поэтовъ за сценической занавѣсой? Нѣтъ! поэзія вездѣ есть мѣсто. Не только драматическій писатель, пусть и машинистъ будетъ поэтъ, и актеръ будетъ поэтъ — превосходно! Все обратится въ выгоду театральную. Лесаажъ умѣлъ писать и романы и пьесы для театра. Но, повторимъ и подтвердимъ, что бывши поэтомъ, пусть писатель будетъ и театральнымъ челоувѣкомъ.

Почему, иногда, плохія мелодрамы имѣютъ болѣе успѣха, нежели ваши поэтическія созданія? Потому, Мм. Гг., что въ нихъ отдается болѣе сценѣ и актерю. Сценѣ, авторъ Ричарда Львиного Сердца и столькохъ комическихъ оперъ, образцовъ знанія сцены, кажется мнѣ, показываетъ вамъ настоящее назначеніе писателя сценическаго. Далѣе, можетъ быть слогъ, но, кромѣ немногихъ исключеній, нѣтъ театра.

Скрибъ, на котораго можно указать, ибо онъ захватилъ нынѣ сцену во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта, превосходно разрѣшаетъ на практикѣ наши мысли и наши предположенія.

Составляя свои умныя и искусныя рамы, Скрибъ показалъ, что можетъ сдѣлать вѣрное и опытное знаніе сцены. Онъ показалъ, что если хотите актеровъ, то поэтамъ надобно оставаться въ ихъ предѣлахъ. Не только Скрибъ развилъ современное искусство актеровъ, но нашель, создалъ ихъ, тамъ, гдѣ ихъ вовсе не предполагали. Что Скрибъ не поэтъ, кто станетъ въ томъ спорить? Но онъ превосходный сценической тактикъ, художникъ въ театральномъ искусствѣ. У него нѣтъ поэзіи драматической, но есть искусство драматическое.

Оканчиваемъ здѣсь письмо наше къ вамъ, г-нъ Дидеротъ, такъ же не систематически, какъ не систематически его начали. Можно ли противорѣчить всему, что мы говорили? Очень можно, и мы сами го-

товы представить много возражений, но объ нихъ послѣ. Скажемъ только въ заключеніе тѣмъ поэтамъ, которые не хотятъ видѣть паденія пьесъ своихъ при излишкѣ въ нихъ литературнаго участка: «Продолжайте, Мм. Гг., вашу бесполезную работу, но только не жалуйтесь послѣ сего, если не ваши творенія будутъ приводить зрителей въ восторгъ, и что такимъ образомъ вы будете бесплодно сражаться съ публикою, критикою, актерами и — самими собою!»

Если напротивъ, хоть случайно, нѣкоторыя изъ нашихъ мыслей попадутся умнымъ людямъ, которые будутъ умѣть усвоить и переработать ихъ съ пользою, и если они послѣ того, оставивъ мечту о невозможномъ театрѣ, займутся дѣломъ такъ, что будутъ средствомъ для явленія хорошихъ актеровъ и сценическихъ твореній, мы будемъ совершенно довольны, и почтемъ себя вполне награжденными, что слѣдуя по слѣдамъ вашимъ, г-нъ Дидеротъ, могли помѣстить въ парадоксъ нашемъ искру истины полезной....

Съ Франц. И. ВЕНИГНА.

==

ОЧЕРКЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1838-Й ГОДЪ.

155. Часы благоговѣнія, для споспѣшествованія истинному Христіанству и домашнему Богопогнѣнію. Часть VI. Переводъ съ Нѣмецкаго, двадцатаго изданія. Къ третьему Русскому изданію первыхъ частей. Сиб. въ тип. 3-го Деп. Гос. Имуществъ, 1838 г., въ 8, 413 стр.

Рекомендовать книгу, которая имѣла двадцать изданій въ подлинникѣ, и въ пять лѣтъ достигла третьяго изданія въ Русскомъ переводѣ, было бы неумѣстно. Намъ кажется, что даже говорить о цѣли, пользѣ и успѣхѣ *Часовъ благоговѣнія* въ нашемъ отечествѣ будетъ излишне, ибо мы стали бы говорить о предметѣ слишкомъ всемъ извѣстномъ. Мы только, еще разъ, порадуемся одному, что въ наше время, ослептанное холодною ко всему возвышающему душу, равнодушіемъ ко всему, что выходитъ изъ рѣды положительныхъ выгодъ бытія общественаго, чтеніе назидательное находить столь многихъ, жаждущихъ напиться изъ источника, освѣжающаго душу, укрѣпляющаго сердце вѣрою, бесѣдующаго съ нами о чудесахъ творенія и величинъ Творца. Пожелаемъ большихъ и большихъ успѣховъ, какъ *Часамъ благоговѣнія*, такъ и другимъ сего рода книгамъ.

Почтенный Издатель, напечатавши теперь тремя изданіями всѣ переведенныя имъ *иссть томовъ Ч. Б.*, рѣшился въ будущемъ году издавать вновь листками, ежеежегодно, 3-ю и 4-ю части ихъ. Но почему же было части сіи не напечатать вновь вполнѣ, а листками не издавать между тѣмъ новыя, 7-й и 8-й томы? Кромѣ того, имѣя цѣлью доставить публикѣ чтеніе столь полезное и назидательное, почему бы не перепечатывать теперь *Часовъ благоговѣнія* уже въ форматѣ меньшемъ, съ такою при томъ экономіею печатанія, чтобы можно было продавать ихъ вдвое дешевле, и тѣмъ дать имъ наибольшее распространеніе между читающею публикою? Отдавалъ должную справедливость благородной цѣли трудовъ почтеннаго Т. С. Крылова, прибавимъ, что мы съ удовольствіемъ слышали о предпріятіи одного изъ Московскихъ книгопродавцевъ, который намѣренъ издать всѣ Часы благо-

говнія вдругъ, въ новомъ переводѣ съ Нѣмецкаго, и все томы ихъ продавать не дороже тридцати рублей, если еще не дешевле. Намъ кажется, что ни въ какомъ случаѣ литературная конкуренція не можетъ принести болѣе добра читателямъ, ибо основаніемъ ея будетъ польза ихъ, передъ которою должны уничтожаться все другіе разсчеты.

156. Повѣствованіе о Россіи. Два тома. Москва, въ Унив. тип. въ 4, X, 375, VII, 408 и XXVII стр.

Грустно смотреть на два эти огромные фолианта, и думать: «Для чего погублено столько времени на составленіе ихъ, и столько труда на напечатаніе ихъ?» То и другое едва ли не погубло совершенно безъ всякой пользы!

Нашъ приговоръ покажется слишкомъ строгимъ. Спшимъ оправдаться.

Дѣло идетъ объ изданіи историческихъ матеріаловъ для Русской Исторіи.

Извѣстно, что часть сихъ матеріаловъ составляютъ *Русскія лѣтописи*.

Излишне было бы здѣсь говорить о сущности, порядкѣ, числѣ нашихъ лѣтописей. Обратимся къ ихъ изданію.

Разумѣется, что прежде всего надобно издать ихъ. Но какъ? Два главные мапера являются намъ, и оба имѣютъ свои выгоды и свои неудобства.

Одни полагаютъ, что для полнаго удовлетворенія знатоковъ, для доставленія имъ всехъ возможныхъ средствъ пользоваться лѣтописями, надобно каждую лѣтопись издавать, если бы только было возможно, въ *снимкахъ*, а по крайней мѣрѣ, по мѣрѣ силъ и средствъ, ближе представлять полные тексты ихъ въ печати. Нѣкоторые считаютъ такую точность излишнею, и полагаютъ, что довольно, если только означить сомнительныя мѣста и поправки, и самый текстъ очистить отъ нихъ.

Другая метода состоитъ въ изданіи *сводномъ*, то есть, такъ, гдѣ выводится одинъ чистый текстъ изъ нѣсколькихъ списковъ одной лѣтописи, а потомъ изъ нѣсколькихъ лѣтописей, вмѣстѣ взятыхъ.

Последній способъ имѣетъ то преимущество, что представляетъ за одинъ разъ полный объемъ матеріаловъ лѣтописныхъ. Но неудобства его въ томъ, что онъ продолжительнѣе трудъ, какого онъ требуетъ, и въ томъ, что онъ всегда

оставляетъ нѣчто на добросовѣстности и благоусмотрѣніи издателей. Признаемся, что въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, каково изданіе древнихъ памятниковъ, недобвѣрчивость есть благоразуміе, а строгости есть добросовѣстность. При сбивчивости текстовъ, при ветхости лѣтописей, при невѣжествѣ писцовъ, что все представляютъ рукописные матеріалы, присокупите еще опасность системъ, упрямство убѣжденных и предразсудковъ, и неизбежность просмотрѣвъ издательскихъ.

Потому, мы охотнѣе склонились бы къ отдѣльному каждой лѣтописи, а при главныхъ матеріалахъ, даже *факъ-симилитскому*, такъ сказать, изданію лѣтописей, гдѣ ни одного слова, ни одной даже *описки* не отдале мы произволу издателей, а все, какъ что есть, предоставляемъ общему суду изыскателей. Такъ дорожимъ мы передачею текстовъ лѣтописныхъ, *текстовъ*, повторимъ, на которыхъ послѣ изданія ихъ можете созидать какія вамъ угодно диссертации, системы, изслѣдованія, даже, если угодно, самое опроверженіе лѣтописцевъ, отвергая видимое и явное. Мало ли есть людей, которые видя не видятъ и слыша не слышатъ!

Допишъ нѣсколько разъ принимаемся мы издавать наши лѣтописи, и издавали ихъ, какъ пошло, а вообще очень плохо. Важнѣйшія — *Лаврентьевская* и *Волынская* не изданы вовсе; *Киевская* издана варварски. Нѣсколько частныхъ, хуже или лучше, напечатаны отдѣльно. Такъ, на примѣръ, не давно еще, г-нъ Погодинъ изуродовалъ несчастную *Псковскую* лѣтопись, а Князь М. А. Оболенскій превосходно издалъ *Кіевскую*, или *Супрасльскую* краткую лѣтопись. — Взоры наши съ довѣренностью и надеждою обращаются пылъ къ трудамъ Археологической Коммиссіи, которой щедрость Монарха даетъ все средства, а просвѣщенная попечительность Министра Народнаго Просвѣщенія все способы совершить подвигъ замѣчательный. Отъ сего унеплаго собранія ожидаемъ мы разрѣшенія задачи объ изданіи лѣтописей нашихъ, и самаго изданія ихъ, достойнаго памяти предковъ и славы Русской.

Между тѣмъ, лѣтъ сорокъ тому, живущему въ Казани изыскателю Русскихъ древностей, Н. С. Арцыбашеву, пришла въ голову странная мысль: составить изъ Русскихъ лѣтописей *сводъ*, но только не *текстовъ*, а *фактовъ*, то есть, слѣдуя погодно, сводить все лѣтописи, и смыслъ изъ свода ихъ выражать *своими словами*, въ примѣчанія относилъ вы-

писки словъ изъ лѣтописей, и прибавляя къ тому объясненія и изъясненія именъ, и проч. — Надобно ли доказывать слѣдующее?

1. Что имѣя подъ рукою для свода плохо издаанные, печатные тексты, а съ неизданныхъ списки, за которые никто не ручался, г-нъ Арцыбашевъ не имѣлъ вѣрнаго текста лѣтописей.

2. Что онъ не могъ, по малочисленію тѣхъ и другихъ, обнять всего міра Русскаго лѣтописанія.

3. Что онъ не имѣлъ права требовать отъ насъ довѣрія къ *стислу*, какой выводилъ изъ текстовъ, когда безчисленные мѣста лѣтописей требуютъ еще обширнаго, предварительнаго изслѣдованія.

4. Что онъ предпринималъ двойкій, но въ обоихъ отношеніяхъ недостаточный трудъ. Текстъ его не составлялъ исторической послѣдовательной цѣпи, ибо связывался лѣтописями, не представлялъ намъ и полной характеристики лѣтописей, ибо связывался послѣдовательностью. Выписки изъ лѣтописей въ примѣчаніяхъ, будучи произвольны, ни сколько не замѣняли текстовъ ихъ.

5. Наконецъ, примѣчанія и поясненія, при недостаткѣ матеріаловъ для такой работы, не могли быть удовлетворительны. Не говоримъ о томъ, что г-нъ Арцыбашевъ, принадлежа къ старинной школѣ Русскихъ изыскателей, соединялъ еще съ тѣмъ какую-то страсть къ парадоксамъ, что доказатель онъ своими статьями противъ Карамзина, печатанными въ разныхъ Русскихъ журналахъ.

Спрашивается: для чего же былъ предпринятъ тяжкій и обширный трудъ г-на Арцыбашева? И если мы не имѣемъ права спрашивать: *для чего*, то, спросимъ: могъ ли онъ быть *полезенъ*? — На послѣднее отвѣтъ нашъ положительный — *нѣтъ!*

Но «всякій трудъ полезенъ», скажутъ намъ. Во первыхъ, Мм. Гг., не всякій. Что за польза, если кто нибудь взлѣпни въ горсть песка, станетъ считать песчинки, и пересчитавши сто тысячъ горстей, выведетъ среднее число песчинокъ, которое можетъ захватить человѣкъ въ горсть? Если и есть тутъ польза, то, по крайней мѣрѣ — она очень не велика. — Во вторыхъ, трудъ г-на Арцыбашева, не замѣняя свода лѣтописей, произвольностью выписокъ, выводовъ и изъясненій могъ служить источникомъ только къ новымъ ошибкамъ и заблуж-

деніямъ, отъ которыхъ и безъ того, мы не знаемъ, куда дѣваться въ нашей исторіи.

По, г-нъ Арцыбашевъ началъ, продолжалъ и кончилъ свое обширное занятіе по предположенному имъ плану. Тридцать лѣтъ, какъ сказано, въ предисловіи, трудился онъ, и довелъ сводъ лѣтописей по системѣ своей, или *Повѣствованіе о Россіи*, какъ онъ называется, до кончины Иоанна Грознаго.

Никто никому не препятствуетъ дѣлать что угодно. Но если чей трудъ представленъ послѣ того суду публики въ печати, да не оскорбляется же трудолюбецъ откровеннымъ мнѣніемъ объ его трудѣ. Болѣе, мы не прибавимъ ни одного слова.

157. Изложеніе Астрономіи. *Ж. Гершеля. Съ Англ. перевелъ П. Крузенштернъ.* Издано Ученымъ Ком. Морск. Министрства, ч. 2-я. Спб. въ тип. Акад. Наукъ, 1838 г. въ 8, 249 стр. съ рисунками.

Вторая и послѣдняя часть книги, о которой мы уже говорили. Имя Гершеля достаточно ручательство за достоинство книги, а *Англійскій способъ* изложенія, гдѣ ясность и основательность суть признаки удивительной практики Англичанъ въ жизни, дѣлаютъ ее одною изъ книгъ самыхъ полезныхъ для не-астрономовъ, желающихъ знать астрономію. Мы советуемъ познакомиться съ книгою Гершеля каждому образованному человѣку, потому, что стыдно не вѣдать главныхъ истинъ великой науки о небѣ, а Гершель доставитъ свѣдѣнія объ нихъ въ разсказѣ пріятномъ, понятномъ, и удаленномъ отъ учености, которая могла бы затруднить не записныхъ астрономовъ и математиковъ. Переводъ Русскій очень хорошъ.

158. *Исторія царствованія Государыни Императрицы Екатерины II-й. Сошленіе А. А. Лефортова.* Пять частей. Москва, въ тип. С. Селивановскаго, 1838 г. въ 8, XIII, 240, 109, 221, 87, 282, 101, 335, 48, 365 и 43 стр.

Отдѣльной исторіи Екатерины II-й, сколько нибудь удовлетворяющей желаніе знать дѣла Великой Монархини Сѣвера, до нынѣ у насъ не было, хотя матеріаловъ для нея, Русскихъ и иностранныхъ, можемъ мы собрать и указать весьма много. Въ 1811 году, никто г-нъ Колоотовъ издалъ *Долгія Екатерины II-й* — компіляцію, полезную фактами, хотя и сшитую изъ разныхъ лоскутковъ (въ 6-ти частяхъ). Эта старинная

компиляция служила, кажется, основанием труда г-на Лесорта. Къ тому присовокупилъ онъ *толь* введенія, *толь* обзорныя, примѣчанія, гдѣ цѣлкомъ повторяется то, что пишется кратко въ текстѣ (примѣчанія составили такимъ образомъ еще *толь*, страницъ въ 400). Изъ всего составились пять томовъ, напечатанныхъ крупными буквами, изъ числа копѣкъ въ *двухъ томахъ*, высокимъ, или ораторскимъ слогомъ, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ тысячъ *это, эти, этихъ* излагается авторомъ *Исторія Царствованія Императрицы Екатерины II-й*, которую мы и рекомендуемъ любознательнымъ читателямъ.

159. Лексиконъ *Чистой и Прикладной Математики*. Изд. И. А. Н. Экстраода Акад. и Докт. наукъ Парижской Академіи, *В. Я. Буяковскимъ*. Ч. I, отд. II, тетр. IV. Спб. въ тип. Акад. Наукъ, 1838 г., въ 4, листы 41—45, съ рисункомъ.

Истинно, сердце радуется, смотря на трудъ полезный и безкорыстный, каковъ трудъ почтеннаго Академика нашего. Нынѣ изданная тетрадь есть уже *десятая* I-го тома; *десятью* кончится *первый* томъ, гдѣ, вмѣсто обѣщанныхъ *пятидесяти*, будетъ *около шестидесяти* листовъ, и кончится алфавитный порядокъ предметовъ на четыре первыхъ, самыя обильныя буквы (А, В, С, D).

160. Сочиненія *Александра Пушкина*. Томы 4, 5, 6, 7, 8. Спб. въ тип. Эксп. Загот. Гос. Бумагъ, 1838 г., въ 8, 328, 247, 310, 251 и 324 стр.

Въ изданныхъ теперь *восьми томахъ* помещено только то, что *было напечатано при жизни Пушкина*. Все, что помещалось потомъ въ Современникъ, журналахъ и альманахахъ, оставлено до будущихъ томовъ, которыхъ сколько будетъ — неизвестно. Въ заключеніе восьмага тома помещены известная статья В. А. Жуковскаго: *Последнія минуты Пушкина*, и снимокъ съ почерка. *Снимокъ* сдѣланъ очень дурно, и — признаемся, мы вообще недовольны изданіемъ. Усердіе соотечественниковъ къ памяти великаго поэта, и огромныя средства издателей, при совершенствованіи печатаемыхъ нынѣ въ Россіи книгъ со стороны типографической, все общаю намъ изданіе достойное славы Пушкина. Не говоря уже ни о чемъ другомъ, какъ-то: примѣчаніяхъ, поясненіяхъ, варіантахъ, хронологіи твореній Пушкина, предисловія, и проч. и проч.,

чѣмъ должно было и могло ознаменоваться полное собраніе сочиненій нашего единственнаго поэта, неуклюжія форма и сѣрл бумага восьми изданныхъ томовъ рѣшительно не соответствуютъ ожиданіямъ, какія могли имѣть читатели на полное собраніе сочиненій пѣвца Полтавы и Годунова.

161. Путевыя письма изъ *Англіи, Германіи и Франціи, Николая Грега*. Три части. Спб. въ тип. Н. Грега, 1838 года, въ 8, VIII, 252, 286, 198 и 144 стр., съ 3-ми грав. карт. и многими политипажами.

Путешествія кажутся намъ однимъ изъ самыхъ занимательныхъ и увлекательныхъ чтеній. Не говоря о пользѣ, о томъ, что ученіе получается изъ нихъ легко, приятно, незамѣтно, но какъ весело слушать въ нихъ даже просто разсказъ умнаго, *бывалаго* человѣка о заморскихъ и чужеземныхъ сторонахъ, о томъ, какъ живутъ и поживаютъ тамъ люди, что случилось тамъ съ нашимъ бывалымъ человѣкомъ, что ему поправилось, что ему не поправилось! Словомъ: отъ путешествій Робинсона и Синдаба, до прогулокъ Росса и Парри въ сѣверные льды, мы готовы читать всѣ путешествія, и многихъ не отдадимъ за романы — даже расхваленные какимъ нибудь пріятелемъ-журналистомъ.

Не помнимъ, на сколько бишь разрядовъ дѣлилъ всѣхъ путешественниковъ остроумный Стернь — справляться съ его кингой намъ нѣкогда и лѣнь, да и съ того времени столько новыхъ родовъ путешествій появилось на бѣломъ свѣтѣ! Во времена Стерна, напримѣръ, не были известны, столъ знаменитые нынѣ, путешествіенные *Skizz 's* и *Impression 's*, не были известны путешествія фантастическія, путешествія по комнатамъ, путешествія въ карманы, и проч., и проч.

Путешествіе Н. И. Грега принадлежитъ впрочемъ къ стариннымъ родамъ путешествій: это *дорожныйя записки* умнаго, образованнаго, наблюдательнаго человѣка; онъ разсказываетъ, что видѣлъ, слышалъ, что производило на него сильнѣйшее впечатлѣніе, что съ нимъ случилось тамъ и здѣсь, Иногда представляла болѣе подробныя описанія чего либо особенно любопытнаго, онъ нигдѣ не беретъ однакожь на себя ни ученыхъ, ни систематическихъ описаній и изслѣдованій, да ему было и некогда.

Отправясь изъ Кронштадта, въ началѣ Мая 1837 года, нашъ путешественникъ, изъ Травемюнде проѣхалъ въ Гам-

бургъ, переплылъ отсюда въ Лондонъ, потомъ изъ Дувра переправился въ Кале, пожилъ въ Парижъ, посѣтилъ Берлинъ, Дрезденъ, Прагу, Мюнхенъ, и черезъ Броды и Кіевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, въ началѣ Ноября.

Говорятъ, что Европа такъ избита теперь путешественниками, что въ ней нечего поваго замѣтить и нечего объ ней поваго пересказать. Новаго, все вамъ новаго! Весна и лѣто, осень и зима развъ въ нихъ есть что нибудь новое, повторившись 29,384 раза (потому, что мы прожили ровно 7346 лѣтъ, считая по Январю наступающаго года)? Но почему же съ наслажденіемъ встрѣчаемъ мы ихъ каждый годъ и каждый разъ? Потому, что пословица: *Нить нитого новаго подь солнцемъ*, вовсе несправедлива, и мы готовы замѣнить ее поговоркой: *Нить нитого стараго подь солнцемъ*. По крайней мѣрѣ, надобно приложить такую поговорку ко всему, что хорошо и умно. Хорошее и умное всегда будетъ въ мѣрѣ новостью. Только глупость старая пѣся, которую на роду намъ написано всегда запѣвать, и никогда не допѣвать до конца.

Оставя шутки, кромѣ того, что непрерывное измѣненіе жизни, дѣль и лицъ человѣческихъ на лицъ земли, непрерывно обновляетъ для насъ предметы, главное во всемъ образъ возрѣнія на нихъ, который столько же можетъ быть разнообразенъ, сколько люди разнообразны. А поелику нѣтъ двухъ человѣкъ совершенно сходныхъ между собою, въ слѣдствіе того, нѣтъ и двухъ образовъ возрѣнія совершенно сходныхъ.

Какъ смотрѣлъ нашъ путешественникъ на видѣнное имъ? Тяжкая потеря милаго сына заставила его оставить на время родину, и искать забвенія душевной грусти въ прогулкѣ за границую. Отъ того, взглядъ нашего путешественника вообще грустенъ, и притомъ, въ тотъ возрастъ, когда мечты и надежды уже оставляютъ насъ, когда душа утомлена жизнью, мы охотѣе влечемся къ уединенію, къ домашнему уголку, къ отдыху подлѣ роднаго огня, нежели къ наслажденію мимолетными впечатлѣніями путешествій, пестротой представляющихся предметовъ, дѣлательнымъ развлеченіемъ жизни народовъ и обществъ. Мысль: «Дома лучше,» никогда не имѣть для насъ такой силы, какъ съ приближеніемъ старости. — Вотъ почему, среди всемірной биржи Лондона, среди шумнаго Парижа, среди чудесъ искусства въ Мюнхенъ, нашъ путешественникъ безпрестанно съ отрадой вспоминалъ о Россіи,

радовался находя Русскихъ, земляковъ, бесѣдуя съ ними забывалъ о томъ, что его окружало, и, можетъ быть, отъ того — если осмѣлимся сказать — не всегда былъ справедливъ въ своихъ мнѣніяхъ объ иностранцахъ. Намъ кажется, что вездѣ есть добро и зло, умъ и глупость, хорошее и худое, и только одного нигдѣ не найдете: *совершенства*. Взглядъ на самое произведеніе Рафаэля напомнитъ несовершенство человѣческое. Такъ и характеры, нравы, обычаи каждаго народа могутъ намъ показать свѣтлыя и темныя стороны челоѣчества. Впрочемъ, самъ авторъ нашъ согласенъ. «Никому не навязываю *моихъ мнѣній*, никого не убѣждаю смотрѣть на предметы моими глазами — и такъ думалъ, *лишь* такъ казалось — вотъ чѣмъ оправдываюсь во всѣхъ обвиненіяхъ,» говорить онъ. — Въ такомъ случаѣ, и мы не станемъ спорить, что справедливый во многомъ въ отношеніи Французовъ, по нашему мнѣнію, не со всѣмъ былъ справедливъ нашъ путешественникъ, описывая Англичанъ и Нѣмцовъ. Но объ этомъ надобно бы говорить много и долго.

Но, по крайней мѣрѣ все, даже и то, въ чемъ не соглашаетесь, читаете въ запискахъ Н. И. Греча съ особеннымъ любопытствомъ. Не щеголяя фразою, не надвывая парика системъ, онъ рассказываетъ такъ просто, такъ ясно, увлекательно, такимъ правильнымъ языкомъ челоѣка образованнаго. Интересно разсказа его умножается, когда описаніе коснется предмета особенно замѣчательнаго. Такъ мы съ любопытствомъ прочитали описаніе свиданія и знакомства нашего путешественника съ *Тажираниомъ*, котораго посѣщалъ онъ въ Валансѣ, и съ *Меттернихомъ*, который ласковымъ привѣтомъ заставлялъ забывать въ немъ великаго государственнаго и историческаго челоѣка. Не менѣе любопытны показались намъ описанія Вестминстерскаго Аббатства въ Лондонѣ, Версали и Фонтенебло, и художественныхъ рѣдкостей зданій и памятниковъ въ Мюнхенѣ. Не можемъ не выписать здѣсь изъ послѣдняго нѣсколькихъ словъ, ибо въ нихъ говорится о челоѣкѣ, память котораго сдѣлалась намъ вѣнъ драгоценною, послѣ того, когда юный сынъ его сталъ сыномъ нашего отца и нашею радостью: семейную радость Русскаго Царя дѣлать съ нимъ каждый Русскій.

«Въ бывшей Іезуитской церкви св. Михаила, отличающейся смѣлою архитектурою и многими образами первостепенныхъ художниковъ, погребенъ бывший Вице-Король Италіи. VI. — Отд. IV.

льйскій, *Принцъ Евгений Лейхтенбергскій*, имѣвшій въ супружествѣ сестру нынѣшняго Короля. Монументъ надъ могилкою его изваянъ Торвальдсеномъ. На цоколѣ, вышиною около сажени, передъ дверьми портика, представленъ Герцогъ, съ открытою грудью, въ мантии, ниспадающей на спину; за нимъ, у ногъ его, знаки земнаго величія: латы, жезлъ начальства и желѣзная корона. Лѣвую руку кладетъ онъ на сердце; въ правой лавровый вѣнокъ. На правой сторонѣ муза Исторіи, изображающая на скрижали подвиги Герцога; на лѣвой два генія, жизни и смерти. Надъ дѣрью начертанъ золотыми буквами девизъ покойнаго: *Honneur et fidélité* (честь и вѣрность). На цоколѣ надписи: *Heic placide ossa cubant Eugēnii Napoleonis Regis Italiae vices quondam gerentis. Nat. Lutet. Parisiorum D. III. MDCCLXXII. Def. Monachii. D. XXI. Febr. MDCCCXXIV. Monumentum posuit vidua moerens Amalia Augusta Maximil. Jos. Bav. Regis filia.* — Изъ всѣхъ характеровъ, возникшихъ въ по-слѣднее время, въ слѣдствіе необыкновенныхъ происшествій и переворотовъ Европы, самый благородный, чистый рыцарскій, есть характеръ Евгенія Богарне. Когда Наполеонъ, упрямствомъ и вѣроломствомъ своимъ, заставилъ, въ 1813 году, всѣхъ бывшихъ своихъ союзниковъ и вассаловъ помышлять о собственномъ спасеніи, Король Баварскій перешелъ на сторону Союзниковъ, и приглашалъ къ тому Евгенія, командовавшаго Италійскою арміею. Вице-Король отвѣчалъ: «Государь! Я получилъ предложенія В. В. Они блестятельны, но не измѣняютъ моихъ намѣреній. Какъ я несчастливъ, что подалъ вамъ поводъ къ мысли, будто я могу измѣнить правиламъ чести! Надежда на получение герцогства Генуэзскаго, или даже королевства Италійскаго, не побудитъ меня къ вѣроломству. Примѣръ Короля Неаполитанскаго не можетъ увлечь меня. Лучше соглашусь вновь пойти въ солдаты, нежели быть Царемъ безславнымъ. Вы говорите, что Императоръ поступилъ со мною несправедливо: я забылъ о томъ и помню только его благодаренія. Я обязанъ ему всѣмъ: моимъ саномъ, моими титулами, моимъ имуществомъ, и еще болѣе обязанъ тѣмъ, что вы, по благосклонности своей, называете моею славою. Буду служить ему, доколѣ я живъ; особа моя и сердце принадлежать ему. Да сокрушится мой мечъ въ рукахъ моихъ, если опъ когда либо сдѣлается пѣвнрель Императору и Франціи! Ласкаюсь надеждою, что В.

В., отбвнивъ поступокъ мой, не откажете мнѣ въ своемъ уваженіи.» — Благородно, великодушно! — Память Евгенія живеть въ сердцахъ всѣхъ жителей Мюнхена»...

Треть послѣдней части Путевыхъ Писемъ г-на Греча занимаетъ обширная и важная по предмету своему статья: *Обзорніе тешихескихъ учебныхъ заведеній во Франціи и Германіи.* — Мы увѣрены, что половина читателей книги г-на Греча даже и не заглянутъ въ упомянутую статью, и потому желали бы мы обратить на нее особенное вниманіе читателей нашихъ, желали бы поговорить объ ней отдѣльно и подробно. Дѣло стоитъ размышленія каждаго благомыслящаго и просвѣщеннаго челоуька. Вопросъ идетъ о направленіи ученія общественнаго, объ отмыѣ одинакой схоластической рамы, которую до сихъ поръ накладывали повсюду на общественное образованіе. Никто не говоритъ противъ пользы и добра ученія классическаго, но должно ли *для ествъ званій общественныхъ* предполагать ученіе одинакое? Ученіе классическое можетъ ли быть полезно ремесленнику, фабриканту, заводчику, промышленнику, даже купцу вообще? Вотъ основаніе вопроса, изъ котораго произошла мысль объ отдѣльномъ, *реальномъ и индустріальномъ* образованіи. Показавъ столь блестящіе опыты сего отдѣльнаго общественнаго образованія въ Технологическомъ Институтѣ, въ Училищѣ торговаго мореплаванія, г-нъ Министръ Финансовъ препоручилъ г-ну Гречу, при отъѣздѣ его въ чужіе края осмотрѣть *тешихескія*, или *реальныя* училища за границей. Г-нъ Гречъ осмотривалъ ихъ во Франціи, Баваріи, Пруссіи, Богеміи, Саксоніи, Франкфуртѣ. Извлеченіе изъ отчета, представленнаго имъ по возвращеніи, приложено къ его Путевымъ Письмамъ. Здѣсь читатели найдутъ предварительное изъясненіе самого предмета, столь новаго у насъ въ Россіи, и о которомъ едва ли даже что вибудъ писано въ Россіи, а кромѣ того увидятъ множество любопытныхъ подробностей.

Вообще мы причисляемъ новое сочиненіе почтеннаго нашего литератора къ числу явленій самыхъ отрадныхъ, и въ литературномъ и въ другихъ отношеніяхъ, и если правда, что встрѣча съ однимъ умнымъ челоуькомъ, утѣшаетъ за десять встрѣчъ съ дураками, въ литературу нашѣй, кажется, подобный результатъ надобно умножить цѣлою дюжиною.

ский романъ. Сочиненіе Р. Зотова. Четыре части. Спб. въ тип. А. Смирдина, 1838 г., въ 12, XIX, 298, 305, 242 и 251 стр.

Мы полюбовались прекрасными, вырванными на деревѣ картинками, которыя, вмѣсто вышетоковъ, составляютъ *оторы и заглавія* каждой части романа. Ихъ сочинялъ и рѣзалъ извѣстный художникъ нашъ Баронъ Клотъ.

Не менѣе прекрасныя картины выбралъ для своего романа и почтенный авторъ его, Р. М. Зотовъ, хоть онъ и не то въ литературу, что Баронъ Клотъ въ художествахъ. Общее названіе романа: *Последніе годы Венеціи*, показываетъ уже вамъ предварительно, и Царицу Адриатики Венецію, и ея Буцентавра, и ея таинственныя гондолы, и страшныя свинцовыя темницы, и гордыхъ аристократовъ Венеціанскихъ, и любовь, и князья, и радости, и маски, и домины, и ужасы. Отдѣльныя названія каждаго тома: *Венеція, Парижскіе, Бонапарте, Суворовъ*, систематически рисуютъ воображенію нашему каждую часть романа: передъ вами Парижъ въ грозныя минуты начала Революціи, Лафайетъ, Мирабо, Конвентъ, а за тѣмъ грозный побѣдитель и снѣговъ Альпійскихъ и армій Австрійскихъ, разрушающій дряхлую Венеціанскую республику, и наконецъ — нашъ, закаленный въ огнѣхъ и въ снѣгахъ старецъ Суворовъ, съ своими летучими побѣдами. И вообразите притомъ, что герой романа *Чортъвъ братъ* (Фра-Діаволо), отчаянный разбойникъ, добродетельный разбойникъ, великій разбойникъ, напоминающій Абеліно, Ривальдини, Гаргіуло, Глоріозо, пещеры, скалы, грабежъ, любовь, князья, лѣса, пиры, пѣсни, гитары, Итальянское небо, и проч. и проч. — И если по такой капль не вышнѣтъ узоровъ, самыхъ поэтическихъ, самыхъ фантастическихъ, и если вы и послѣ *Фра-Діаволо* останетесь недовольны почтеннымъ Р. М. Зотовымъ, мы не знаемъ, что съ вами и дѣлать! Развѣ за вину заставить васъ прочесть два слѣдующіе романа:

163. Двѣичьи интриги. Романъ изъ частной жизни. Сочиненіе А. М...скаго. Двѣ части. Спб. въ тип. А. Сычева, 1838 г., въ 12, 119, 131 стр.

Замѣтьте мимоходомъ: «Сочиненіе А. М...скаго». — Знаете ли вы, что это такое значить? А то, Мм. Гг., что неопытному провинціалу *Двѣичьи интриги* сбудутъ за новое сочиненіе *Александра Марлинскаго*. Это такъ, ничего — маленька ящучка.

Если ужъ пошло на замѣчанія, то замѣтьте еще на оберткѣ надпись: «Цѣна за двѣ части *пять* рублей.» Опять такъ, ничего, бездѣлка. Когда повезутъ *Двѣичьи интриги* на ярмарки, то какой нибудь

Книжнаго ума брадатый продавецъ,

готовый отдать ихъ за два двугривенныхъ, будетъ клясться и божится, что и въ *Питерѣ* стоятъ онѣ пять рублей, а что слова его не живы — «посмотрите,» скажетъ онъ, «*напечатано!*» Обратимся однакожъ къ *Двѣичьимъ интригамъ*.

Дѣйствіе ихъ начинается на морѣ, между Алжиромъ, Италією и Испанією. Плыветъ въ Италію какой-то бродяга, съ сыномъ, котораго зовутъ Авреліо. Отецъ Авреліо и другіе пассажиры перепились за обѣдомъ, а Авреліо сълъ въ лодку и похалъ гулять по морю, съ дѣвушкой, Лаурой, которая была на кораблѣ. Вдругъ настаетъ буря; корабль разбивается, а Авреліо и Лаура приплываютъ, «въ бурю, въ легкомъ челнокѣ,» въ Алжиръ, гдѣ женятся и живутъ.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, съ описаніями Крестовскаго острова, Невскаго проспекта, баловъ *большаго свѣта* (?), свиданіями, вздохами, объясненіями, пистолетомъ, и проч. и проч. Дѣйствующія лица: какой-то молодой повѣса Нѣжиновъ, Юлія, богатая дѣвушка, кокетка, Вѣра, ея подруга, бѣдная. Нѣжиновъ влюбленъ въ обѣихъ и обѣ влюблены въ него. Ну, тутъ происходили разныя приключенія, и окончились тѣмъ, что Юлія вышла за Нѣжинова.

Развязка: на другой день послѣ свадьбы, яляется къ Нѣжинову Лаура съ его дѣтьми.... Какая Лаура? — спросите вы. — Лаура Алжирская, которая плала съ Нѣжиновымъ въ лодкѣ, когда буря на досугъ разбивала корабль, и топила пьянаго отца его. Вѣдь *Нѣжиновъ* все равно, что *Авреліо*; онъ уплылъ опять въ лодкѣ, и приплылъ въ Петербургъ, гдѣ волочился за Вѣрой и женился на Юліи. Когда Лаура все объяснила, романъ кончится такъ:

«Юлія выпала въ жестокую горячку. Двоеженецъ былъ лишень той и другой жены, и отосланъ въ монастырь на покаяніе. Имѣіе его перешло въ пользу дѣтей его. «*Это самъ Богъ показалъ Юлію,*» говорила *самыя себя* Вѣра — *самыя* Богъ пощадилъ *меня*, отстранивъ отъ *меня* *этой* жребій.» — Сочинитель Двѣичьихъ интригъ выступаетъ послѣ того на сцену, и прибавляетъ къ *тому* слѣдующее:

«Не дай Богъ такой судьбы ни кому.»

Тѣмъ *Двои́ми штрихи* и кончатся.

164. Владимиръ и Юлія, или любовь двѣушки въ шестнадцатъ лѣтъ. Романъ. Сочиненіе Теодора К. с. р. на. Спб. въ тип. Копрада Вингебера, 1838 г., въ 12, 219 и 230 стр.

Здѣсь романъ начинается и до конца идетъ въ Италию, но содержаніе его гораздо разнообразнѣе и страшнѣе, даромъ, что въ *Двои́ми штрихахъ* декорации перемѣняются чаще. Вотъ содержаніе романа. Оставшой капитанъ Павелъ Михайловичъ Дельскій живетъ въ Италию, съ сыномъ, Владиміромъ Михайловичемъ, который учится живописи. Но какъ у него есть досугъ, то на досугъ влюбляется онъ въ дочь Графини Висконти Юлію, а та, разумется, влюбилась въ него. У Графини есть сынъ, въ службѣ, и есть еще родъ медика и управителя, синьоръ Урбино. Графиня сердится на Владиміра, и предлагаетъ дочь свою синьору Урбино. Но онъ отказывается. Что за глупость! Отказаться отъ руки Графини, молодой, прекрасной, богатой! Глупость, но не совсѣмъ. Надобно вамъ знать, что Урбино извергъ. Онъ отравляетъ Графиню, и даетъ опиуму Юлію, распалагаясь поступить съ нею очень не хорошо. Къ счастью, опиумъ выпивается ошибкою служанка, и не хорошо дѣлается съ нею, но и Юлію шутка не прошла даромъ: Юлія сходитъ съ ума, а Урбино забирать все имѣніе Графини, и дѣлается сообщникомъ шайки разбойниковъ. Онъ захватываетъ Юлію, Владиміра, брата Юлію, двѣушку, въ которую братъ Юлію влюбленъ. Тутъ слѣдуетъ цѣлкомъ выписка изъ отвратительнаго разсказа, которымъ замаралъ нѣкогда перо свое Вашингтонъ-Ирвингъ, и который нашъ романистъ выдаетъ за свое сочиненіе. Наконецъ, когда уже все дѣйствующія лица довольно подрались, поругались, подымали мерзостей и глупостей, приходятъ солдаты, бьютъ, забираютъ разбойниковъ; Владиміръ убиваетъ злодѣя Урбино, и романъ кончается счастливо. — Да, мы забыли сказать, что тутъ еще введенъ въ дѣйствіе какой-то Русскій журналистъ, и онъ жестоко споритъ съ Барономъ Брамбеусомъ, который «съѣлъ множество печатной бумаги» по словамъ автора. Далѣе узнаемъ мы, что въ Италию ѣздитъ на тройкахъ, и въ повозкахъ, наши кушцы, пьютъ чай въ ресторацияхъ, и проч. и проч., что можете прочесть въ самой книгѣ.

165. Повѣсти Барона Теодора Корфа. Спб. въ тип. Гуттенберговой, 1838 г., въ 8, 232 стр.

Но кто же и станетъ взыскивать съ авторовъ, или съ автора романовъ, подобныхъ *Двои́ми штрихамъ*, или *Владиміру и Юлію*, ихъ безсвязность, нелѣпость? Больше строгія требованія должно намъ обращать на творенія, принадлежащія къ высшему литературному отдѣлу. Сюда, безъ сомнѣній, принадлежатъ повѣсти, изданныя теперь почтеннымъ Барономъ Корфомъ. Въ предисловіи авторъ жалеть, что въ книгѣ его много опечатокъ. Ему надобно бы пожалѣть совсѣмъ о другомъ — за чѣмъ напечаталъ онъ свои повѣсти!

Если случилось вамъ быть въ благородныхъ, домашнихъ спектакляхъ, не замѣчали ль вы странности? Люди, которые должны представлять самихъ себя, графовъ, князей, маркизовъ, на сценѣ не бываютъ самими собою. Они не естественны, неуклюжи, не въ своей тарелкѣ. Не отъ того ли, что сцени есть область искусства, и человекъ свѣтскій на сценѣ совсѣмъ не на свѣтскомъ паркѣтѣ? Тоже и въ литературномъ отношеніи. Если свѣтскій, небезный, остроумный человекъ, вздумаетъ что ему легко списать что нибудь, даже съ этого свѣта, который такъ хорошо ему извѣстенъ, легко сочинить что нибудь изъ того, что онъ видитъ — ошибка неизбѣжная! Сочинять значить создавать; видѣть вѣщность, не значить еще проникать въ сущность предметовъ, когда именно сущность предметовъ, по не вѣщности составляетъ бытіе и жизни, и свѣта, и искусства, и слѣдственно, сочиненія, какое бы оно ни было, велико или мало. Если же притомъ, авторъ вздумаетъ прибавить искусственную прикрасу, безъ глубокаго внутренняго сознанія дарованій стонхъ для такой прикрасы — его ожидаютъ непременно ошибка и неудача.

Еще въ «Воспоминаніяхъ о Персін» мы замѣтили какую-то странную наклонность автора шутить. Да шутка дѣло не легкое, и шутить едва ли не мудренѣе, нежели философствовать. Теперь авторъ выдалъ три шутки... три повѣсти, хотѣли мы сказать. Одна изъ нихъ называется *Исторія нѣкоей Женн и нѣкоего мужа* (нѣкой человекъ женится на нѣкоей двѣушкѣ богатой, застаётъ съ нею любовника, отказывается ему отъ своего дома и проматываетъ имѣніе жепы своей; любовница убиваютъ на Кавказѣ, а супруги принуждены жить раздѣльно, жепы швейей, а мужъ писаремъ). *Отрывокъ изъ*

жизнеописанія Хомкина — другая повѣсть. Хомкина обыгрываетъ какой-то Шекалкинъ, и онъ совѣтъ было въ чистую обыгралъ его, но въ игру вмѣшивается чортъ, и за живо уносить Шекалкина и товарища его, а Хомкинъ отдаетъ дочь свою за Бонова, молодого человѣка, который уговаривалъ его не играть, и дѣлается счастливымъ). Третья повѣсть: *Мирь-Магелана*... Дѣйствіе въ Персіи; дѣйствующія лица страшно бьются, рѣжутъ, отравляютъ, но не бойтесь! Авторъ шутить, и въ доказательство, именно изъ сей повѣсти хотимъ мы написать вамъ нѣсколько строкъ, которыя могутъ послужить вамъ вмѣсто характеристики слога, и манера, и шутливости автора:

«Куда какъ тяжело мнѣ, если бъ вы знали, писать *серьезныя вещи*, гдѣ нельзя ни улыбнуться, ни даже разгуляться воображенію ни на одну строчку. Попалъ въ бѣду, *выдумалъ разсказывать* происшествіе, гдѣ нѣтъ почти возможности *по-слышите читателя хоть тѣмъ нибудь*. Скука, тоска! Что жизнь безъ смѣха? Ужасная мука! *И пища не сварится*, и голова заболитъ, и *индигестія*, и *мигрень*, а все отъ того, что нельзя посмѣяться. Да здравствуетъ смѣхъ. Гибель наморщеннымъ лбамъ и не улыбающимся ртаамъ, гибель имъ, врагамъ человечества на вѣчныя времена! Недовольно ли мы плачемъ, охаемъ и вздыхаемъ отъ самой колыбели. Съ начала насъ мучитъ *недостатокъ конфетъ и преизбытокъ розогъ*, потомъ грамматика и ариметика (сколькихъ слезъ стоитъ одна табличка умноженія, а предлоги и мѣстоименія); грамматика ташить за собой реторику, а ариметика алгебру и геометрію. Лишь только успѣшь вырваться изъ-подъ оерулы наставника, свѣтъ съ его приллічами, капризами, злословіемъ, корыстолюбіемъ и тщеславіемъ полагаетъ на васъ всю тяжесть своихъ требованій; болѣзни и потери возьмутъ также свое, *нальютъ* вамъ также свою долю горечи *въ сердце*. А если въ добавокъ ко всему этому, вы имѣете несчастіе быть тѣмъ, что называютъ у насъ *литераторомъ*. Боже всемогущій! сколько горести и сокрушенія заключается въ одномъ этомъ словѣ. Публика требуетъ отъ васъ одного, журналы другаго: это не по вкусу тому, сіе не правится другому, а въ это самое время, вамъ безирестанно *докладываютъ*, что мальчикъ изъ типографіи требуетъ оригинала, что наборщики отъ пегеріиціи, грозятъ вамъ напиться пыльными и задавить васъ несчетнымъ множествомъ ошибокъ въ корректурныхъ листахъ.

Отъ васъ требуютъ идей сей часъ, сію минуту, отъ васъ требуютъ веселости, а вамъ грустно... Прочь все, *стопгемъ въ грязь все, забудемъ все* и будемъ смѣяться, и если смѣхъ нашъ иногда будетъ походить на гримасу, все равно, лишь бы глаза не были красны отъ слезъ и въ воздухъ бы *раздавался хохотъ*, хоть Мефистофель, только-бъ хохотъ. Ура! да здравствуютъ хохотъ и смѣхъ!

Мы прибавимъ только, что въ точности соблюли знаки препинанія, какъ они разставлены у автора.

166. Библиотека *избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытнѣйшихъ путешествій, издаваемая книгопродавцемъ Н. Глазуновымъ*. Томы XV и XVI. Москва, въ тип. Н. Степанова, 1838 г., въ 12, 194 и 209 стр.

Издатель обѣщаль 24 части, и не думаетъ отказываться отъ своего обѣщанія. Прибавимъ, что двѣ нынѣ вышедшія книжки «Библиотеки» весьма интересны по содержанію. Въ одной докачивается описаніе путешествія, или, лучше сказать, пребыванія въ Греціи, Сиріи, Палестинѣ и Египтѣ Француза Корниля, который замѣчалъ не глубоко, но остроумно, и видѣлъ много любопытнаго. Новѣйшей характеристикъ Востока можете прибавить изъ его замѣтокъ нѣсколько рѣзкихъ чертъ. Въ другой книжкѣ начатъ переводъ извѣстныхъ записокъ Князя Пюклеръ-Мускау, который многими правится, и нѣкогда даже производилъ довольно шума. Прибавимъ, что Русскій переводъ ихъ, хоть мѣстами *сокращенъ*, но все онъ даетъ достаточное понятіе о подлинникѣ.

167. ДЕРАРЪ. *Восточная повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе Александра Ходзько. Переводъ*. Спб. въ Военной тип., 1838 г. въ 16, 112 стр. съ лит. картинками.

Не смотря на то, что г-нъ Ходзько пишетъ на Польскомъ языкѣ, мы можемъ назвать его нашимъ соотечественникомъ. Его стихотворенія (Poezye Alexandra Chodzki) были изданы въ Петербургѣ (1829 г. in 12, 281 стр.), и доставили юному поэту свидѣтельство на дарованіе, еще юное, но несомнѣнное. Будучи отличнымъ лингвистомъ, г-нъ Ходзько съ особеннымъ жаромъ занимался уже и тогда Восточными языками, потомъ уѣхалъ онъ на Востокъ, и нынѣ находится Россійскимъ консуломъ въ Рѣштѣ и Гилліи, гдѣ, какъ мы слышали, пріобрѣтъ обширныя свѣдѣнія въ своемъ любимомъ предметѣ, и создалъ нѣсколько твореній весьма замѣчатель-

ныхъ. *Дерарь* принадлежить къ произведеніямъ юности г-на Ходзьки, когда онъ увлекался Востокомъ со всею очарованіемъ горячаго молодого воображенія. Ему хотѣлось тогда написать что нибудь какъ можно *Восточнѣе*. «Дерарь» — была рама, гдѣ вставлены и переводы, и подражанія, со всеми странностями, красотами, недостатками и достоинствами ориентализма, и всему приданъ объемъ поэмы, то есть, придумано событіе, которое даетъ случай говорить о Востоку и передавать его пѣсни. Дерарь болѣе произведеніе ума, нежели восторга, умѣнья писать легкіе стихи, нежели истинной поэзіи. Русскій Переводчикъ довольно удачно боролся съ прихотливою рѣчью подлинника.

168. Полина. *Романъ въ стихахъ*. Спб. въ тип. К. Крайя, 1838 года, въ 16, 69 стр.

Къ словамъ: «*Романъ въ стихахъ*,» на оберткѣ прибавлено: «*Первая три главы*.» Всѣхъ главъ будетъ восемь, какъ узнаемъ изъ окончанія первой главы:

Я молоде, но моей Полины
Давно ильню идеалъ,
Для ней различны картины
Въ мечтахъ съ натуры срисовать.
Глава готова; то, что могъ
Пересмотрѣлъ, кой-что исправилъ
И поскорѣ вамъ представилъ,
Какъ остальные семи залогъ.

«*Остальные главы выйдутъ въ непродолжительномъ времени*» — говоритъ поэтъ, опять на оберткѣ, которая по всему этому играетъ важную роль въ его поэмѣ. Подождемъ, а до тѣхъ поръ посоветуемъ автору — поучиться различію мужескихъ ризъ отъ женскихъ. Писавши Русскіе стихи, необходимо знать Русское стопосложеніе. Да, еще кстати: авторъ беретъ эпиграфы къ главамъ своего романа изъ Тасса, Брамбеуса, Монтескье, Пиндара и Поль де-Кока. Изъ первыхъ брать можно, а изъ послѣдняго мы не советуемъ. Вѣдь могутъ подумать, что онъ *читаетъ Поль де-Кока*, но такое чтеніе молодому человѣку вовсе не годится. Можетъ ли онъ не покраснѣть, если скажетъ въ порядочномъ обществѣ, что *читаетъ Поль де-Кока*? А отъ чего краснѣютъ въ порядочномъ обществѣ, какъ же можно въ томъ *сознаться печатно*! Не хорошо.

169. Стихотворенія Веронова. Спб. въ тип. Сахарова, 1838 года, въ 16, 209 стр.

Девять страницъ, испечатанныхъ мельчайшимъ шрифтомъ! Чего тутъ пѣть? И *ванна звѣздъ*, и *туманные призраки*, и *туманныя грѣзы*, и *султанскія зыбы*, и *оснегие поцѣлуи*, и наконецъ неслыханныя диковинки: *дѣва*, которая *соткана изъ тѣги, страстей, чувства, звуковъ, лучей*, и составляетъ собою *небо сладострастія и всемірую идей* (стр. 22); есть тутъ еще *дѣва*, которая

Разметала волны русыя,
Рыки длинная волось.

И поэтъ мечтаетъ, надъ этими волнами и рыками:

Ах! кому-то бѣлымъ лебедемъ
Рыки ты переплываешь,
И въ ихъ тайныхъ, тихихъ заводяхъ,
Полоскается и ныряетъ?...

Не правда ли, что диковинки? Но всѣхъ чудесъ у г-на Веронова исчислить невозможно! На стр. 121, *булятъ любви ступитъ въ кремль разлуки*, и *бьетъ искрами солнышке*, пока не *настанетъ воскресенье*, и тогда, какъ говоритъ поэтъ:

Моей любви полетѣтъ дребедень!

На стр. 123-й, какіе-то *Французята въ Русской кожѣ* просятъ его спѣть пѣсенку; онъ отвѣчаетъ:

Пропѣть не трудно, но къ чему жъ
Хотѣть мнѣ лишняго нарыва? *Eh, bien*, порхайте, *comme les mouches*,
И прозляйте, какъ крапива!

Признаться: не захочется пѣть, когда поэзія достается *нарывами*!

Съ г-мъ Вероповымъ вообще случались чудныя приключенія. На стр. 138-й пришла къ нему *Толпа*, и проситъ стиховъ. Напрасно онъ говорилъ ей:

Я вольный лучъ $\Theta(\Phi)$ еба,
Сило и жезу,
Не нужно мнѣ алѣба,
Я жать не могу...
Тебя (толпу) не станеть пѣть поэтъ,
Твоихъ восторговъ онъ стыдится...
Не видѣть солнечнаго свѣта,
Очамъ безграницной (?) совѣ,

и проч., и проч., — Но пѣть! толпа не отстаеть! Не-

чего дѣлать — поэтъ заплатилъ ей *гривну*, и ужъ кое-какъ отдѣлался отъ толпы, говоря ей:

..... Твои, толпа, хвала
Пивцу, какъ лънь ума, противна;
Ступай на свой базаръ, откуда ты пришла,
А за труды твои возьми себѣ — *вотъ гривна!*

И какъ было пѣть г-ну Веронову? Когда къ нему на стр. 145-й также присталъ кто-то, требуя стиховъ, онъ отвѣчалъ докучному, привязчивому требователю, что не будетъ ихъ писать для него, потому что, изъясняя ему г-нъ Вероновъ:

Въ твоей груди не *клокотала*
Гезни огненныхъ страстей,
И, *изтонаивался* въ ней,
Душа, *варилъ*, не *жохотала*...
Хоть низость ползала твои,
Не трясъ ты цѣпью бытїя....
Горячка *кустѣ* тебѣ смѣшна
И сердцу пылкому *тошна*....

Но тутъ грусть взяла поэта, и онъ горестно воскликнулъ:

И я, *творецъ простой хули*,
Я точно также самъ ничтожень...
Не трогаютъ сердце мон стихотворенья,
Я *мателатикъ*...
Я пристально глядѣлъ на *толчею* головъ
..... Я *слишкомъ силобитень*,
Я *самъ* *есль цѣло*....
Я *лучше* общества....
Я *сталъ космополитъ*.....
Я *ринулся* въ толпу — «Стой! Кто ты?»

Я *тильриликъ*...
Я грудью взялъ *редуть избитыхъ ужъ идей*,
Фортификацію софизмности людей...

Согласитесь, что послѣ того, какъ г-нъ Вероновъ *взялъ грудью редуть избитыхъ идей*, вовсе несправедливо говорить онъ про себя:

«Я *гервь*, а не поэтъ!» (стр. 193)
«Я *гервь*, а не пророкъ!» (стр. 200)

Извините! Мы вамъ не вѣримъ, любезный поэтъ! Это — *фортификація софизмности*... Вѣдь насъ не проведете, старыхъ воробьевъ, на мякинь!... Извольте-ка писать, да печатать, а мы станемъ читать, да... любоваться...

=

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

ЛѢТОПИСЬ СОБЫТІЙ.

За Ноябрь и Декабрь 1838 года.

Россия.

Его Величество Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу Думы Военнаго Ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, изволилъ возложить на Себя, въ 4-й день сего Декабря, *знаки Военнаго Ордена Св. Георгія 4-й степени*, за 25-ти-лѣтнюю службу.

Въ пятницу, 2-го Декабря, *Е. С. Графъ Фикельмонъ*, Посоль Императора Австрійскаго, возвратившійся къ своему посту, имѣлъ честь представляться Его Императорскому Величеству Государю Императору, а вслѣдъ за тѣмъ, Государынѣ Императрицѣ. Во вторникъ, 6-го Декабря, имѣли честь представляться Ихъ Императорскимъ Величествамъ, *Баронъ Мандерстрель*, Повѣренный въ дѣлахъ Е. В. Короля Шведскаго и Норвежскаго, *Г. Эрнестъ де Барантъ*, состоящій при Французскомъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, *Гг. Буканинъ, Эдуардъ и Волбоевъ*, состоящіе при здѣшнемъ Великобританскомъ Посольствѣ, и подполковникъ *Калеронъ*, состоящій при Великобританскомъ Посольствѣ въ Персіи.

Декабря, 6-го, въ высокаторжественный день тезоименитства Его Величества Государя Императора отправлена была въ походной церкви, поставленной въ Императорскомъ Эрмитажѣ, божественная литургія, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, и Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Государя Великаго Князя Константина Николаевича, Государя Великаго Князя Михаила Павловича, Государынь: Великой Княгини Елены Павловны, Великихъ Княженъ: Маріи Николаевны, Ольги Николаевны и Маріи Михайловны и Его Святлости Герцога Лейхтенбергскаго. Члены Государственного Совѣта, Министры, Сенаторы, Придворные Чины и прочія знатныя обоюбого пола особы, Генераль, Штабъ и Оберъ-Офицеры Гвардіи, Арміи и Флота находились при совершеніи службы, по окончаніи коей Ихъ Императорскія Величества изволили принимать въ церкви поздравленія отъ Духовенства. Особы Дипломатическаго Корпуса также имѣли честь приносить Ихъ Величествамъ поздравленія. Потомъ допущены были къ рукъ Государыни Императрицы, въ Итальянскую залъ, дамы и прочія знатныя особы. Вечеромъ были въ Эрмитажъ большой балъ и ужинъ, а городъ иллюминованъ.

Декабря 7-го выѣхалъ изъ С. Петербурга въ Мюнхенъ, Шефъ Кіевскаго гусарскаго полка, Его Святлости, генераль-маіоръ, Герцогъ Лейхтенбергскій.

Декабря 25-го, по случаю праздника Рождества Христова, совершена была въ походной церкви, поставленной въ Императорскомъ Эрмитажѣ, Божественная литургія, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы и Ихъ Императорскихъ Высочествъ: Государя Великаго Князя Константина Николаевича, Государя Великаго Князя Михаила Павловича и Государынь: Великой Княгини Елены Павловны и Великой Княжны Ольги Николаевны. По окончаніи

литургіи отправлено было Высокопреосвященнымъ Серафимомъ, Митрополитомъ С. Петербургскимъ, со всѣми Членами Святѣйшаго Синода, благодарственное молебствіе въ воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійскія въ 1812 г. отъ нашествія непріятельскаго. При семъ находились Члены Государственного Совѣта, Министры, Сенаторы, Придворныя обоюбого пола особы, Генералитетъ, Штабъ и Оберъ-Офицеры Гвардіи, Арміи и Флотовъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ.

Блистательный балъ, данный въ понедѣльникъ, 26-го Декабря, въ Дворянскомъ Собраніи, былъ удостоенъ Высочайшимъ присутствіемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, Великихъ Княженъ: Маріи Николаевны и Ольги Николаевны и Великаго Князя Михаила Павловича. Танцы начались въ десятомъ часу, и продолжались до третьяго. На семъ балѣ было болѣе тысячи посѣтителей, кромѣ постоянныхъ членовъ.

О благополучномъ путешествіи Е. И. В., Государя Цесаревича Наслѣдника получены изъ Италіи слѣдующія извѣстія:

«Венеція, 21-го Ноября (3 Декабря). Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ во все время пребыванія своего въ Венеціи, съ 2-го по 21-е Ноября, пользовался совершеннымъ здоровьемъ. Здѣсь Его Высочество ежедневно утро посвящалъ на обзорніе достопримѣчательностей города, содержащаго въ себѣ много историческихъ памятниковъ и произведеній изящныхъ искусствъ. 16-го Ноября, прибывшій въ Венецію Эрцгерцогъ Фридерикъ, сынъ Эрцгерцога Карла, посѣтилъ Государя Цесаревича, и былъ на обѣденномъ столѣ у Его Высочества. 18-го числа, Его Императорское Высочество изволило осматривать во всей подробности морской Арсеналь (Адмиралтейство), со всѣми его заведеніями и корабель-

ного верфью. Эрцгерцогъ Фридерикъ сопровождалъ Государя Цесаревича при осмотрѣ Арсенала, и при посвященіи столщаго на рейдѣ Фрегата, на которомъ Эрцгерцогъ, въ званіи Капитана корабля, принялъ Его Высочество съ военными почестями.

«20-го Нолбря, въ воскресенье, въ высокаторжественный день восшествія на престолъ Государя Императора, Его Императорское Высочество слушало въ Греческой церкви Божественную литургію, которую совершалъ соборный здѣшній Архіерей, на Славянскомъ языкѣ. Въ сей день Государь Цесаревичъ былъ на обѣдѣ, данномъ Эрцгерцогомъ, на который были приглашены свита Его Императорскаго Высочества и важнѣйшіе изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ.

«Нолбря 22-го, Государь Цесаревичъ оставилъ Венецію, направляя путь свой чрезъ Флоренцію въ Римъ, и благополучно прибылъ 26-го Нолбря (8-го Дек. н. ст.) во Флоренцію, гдѣ былъ встрѣченъ какъ Гросъ-Герцогомъ Тосканскимъ, такъ и всею публикою самымъ радушнымъ образомъ. Посвятивъ четыре дня на осмотръ всего любопытнаго, и принявъ нѣсколько приглашеній ко Двору Гросъ-Герцога, Его Высочество отбылъ $\frac{1}{13}$ Декабря въ Римъ, въ вождельномъ здравіи.— На пути чрезъ Ареццо, Перуджію и Терни, осмотрѣвъ въ сихъ мѣстахъ историческіе памятники, Его Высочество въ вождельномъ здравіи прибылъ, 4-го Декабря, въ Римъ, гдѣ остановился въ домѣ Посланника нашего при Папскомъ Дворѣ, тайнаго совѣтника *Потелкина*.

«На другой день, въ двѣнадцать часовъ утра, Его Императорское Высочество, въ сопровожденіи свиты, ѣздилъ въ Ватиканъ къ Папѣ, а потомъ былъ въ знаменитомъ храмѣ Св. Петра. Послѣ сего, Государь Цесаревичъ посетилъ имѣющихъ пребываніе въ Римѣ, вдовствующую Королеву Сардинскую и Прусскаго Принца Генриха.

«Декабря 6-го, въ высокаторжественный день тезоименитства Государя Императора, Его Императорское Высочество слушало Божественную литургію въ Греко-Россійской церкви, устроенной въ Посольскомъ домѣ. Въ находящійся въ Римѣ Русскіе путешественники обоого пола, и Русскіе художники собрались къ обѣдни, и имѣли счастье принести поздравленій Его Высочеству. Въ сей день, за обѣденнымъ столомъ Государя Наслѣдника находилось около 60 челоуѣкъ Русскихъ подданныхъ.

«Декабря 9-го, Его Императорское Высочество удостоилъ посѣщеніемъ вечернее собраніе у тайнаго совѣтника *Потелкина*, на коемъ находились Дипломатическій Корпусъ и все лучшее общество города.»

Приказомъ Военнаго Министра, Декабря 6-го, возвѣщено о новыхъ знакахъ милостей и благоволенія Монарха къ побѣдоносному Его воинству, изображенныхъ, въ послѣдовавшихъ въ тотъ день, Высочайшихъ указахъ, нижеслѣдующаго содержанія, на имя Военнаго Министра:

I.

Увеличивъ въ 1834 году жалованье Штабъ и Оберъ-Офицерамъ военно-сухопутнаго вѣдомства, по мѣрѣ представлявшихъ къ тому средствъ, Мы тогда же предположили привести оное въ ближайшую соразмѣрность съ дѣйствительными потребностями военно-служазящихъ, такъ, чтобы каждому изъ нихъ доставить способы къ приличному и безвѣдному содержанию.

Нынѣ, къ душевному Нашему удовольствію, Мы находимъ новую возможность исполнить столь близкое сердцу Нашему желаніе. — Назначивъ указомъ, сего числа Министру Финансовъ даннымъ, къ ежегодному отпуску особую сумму на увеличеніе жалованья Генералитету, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ

военно-сухопутнаго вѣдомства, и утвердивъ прилагаемую при семь Табель о новыхъ окладахъ по сему вѣдомству, повелѣваемъ вамъ привести оную въ исполненіе съ 1-го Января наступающаго 1839 года, прекративъ за тѣмъ производство жалованья по окладамъ, нынѣ существующимъ.

II.

Съ постепеннымъ устройствомъ Военно-Учебныхъ заведеній, обращаю особенное вниманіе и на постоянные труды и многосложныя обязанности лицъ, къ служенію въ сихъ заведеніяхъ избранныхъ, и желая справедливо вознаграждать ихъ, вѣщимъ обезпеченіемъ получаемаго ими содержанія, — всемилостивѣйше повелѣваемъ: Директорамъ и всѣмъ Военнымъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ Пажескаго и Кадетскихъ Корпусовъ, Дворянскаго полка, Главнаго Инженернаго Училища, Училища Артиллерійскаго и Школы Гвардейскихъ Подпрапорщикова и Юнкеровъ, прослужившимъ въ сихъ заведеніяхъ пять лѣтъ — производить полоторное, а по прослуженіи десяти лѣтъ — полное двойное, по чинамъ ихъ, жалованье, новою Табелью сего числа утвержденное.

Производство таковаго усиленнаго оклада жалованья начать съ 1-го Января 1839 года, требуя слѣдующую на то сумму, по сметамъ Военнаго Министерства, изъ Государственнаго Казначейства.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

И ИКОЛАЙ.

С. Петербургъ
6 Декабря 1838 г.

— Въ Высочайшемъ Именномъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 21 день истекшаго Нолбра, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: «На основаніи утвержденного Нами, въ 30 день Апрѣля сего года, учрежденія о

управленіи Государственныхъ Имуществъ, повелѣваемъ: 1-е, открыть новое управленіе Государственныхъ Имуществъ съ 1 Января 1839 года въ губерніяхъ Новгородской, Тверской, Казанской, Саратовской, Астраханской, Смоленской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской и Кавказской области. 2-е, Упразднить существующія нынѣ въ сихъ губерніяхъ, для управленія крестьянами, перешедшими изъ Удѣла, Конторы Государственныхъ Имуществъ, съ ихъ отдѣленіями, съ 1 Января, и Главную Хозяйственную Контору надъ Малороссійскими казаками, съ подвѣдомственными ей Попечительными Конторами, съ 1 Марта 1839 года.»

Чрезвычайный Посланникъ и Полномочный Министръ Россійскій при Оттоманской Портѣ, Тайный Совѣтникъ *Бутеневъ*, всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла. Въ Высочайшемъ рескриптѣ, на имя Посланника (отъ 5-го Декабря) сказано:

«Важныя обязанности, къ которымъ вы вновь призваны Нашею къ вамъ довѣренностью, всегда представляли вамъ первымъ долгомъ пецись о поддержаніи существующихъ съ Портою Оттоманскою дружественныхъ сношеній, сколько для пользы Россіи и святости тѣхъ правъ, кои основаны на торжественныхъ договорахъ, столько и для сохраненія общаго спокойствія на Востокѣ. Вы постоянно исполняете сіи обязанности съ истиннымъ усердіемъ и совершеннымъ успѣхомъ. Твердость и безкорыстіе, которыми ознаменованы всѣ Наши усилія къ утверженію мира и тишины въ соседственной Намъ Турціи, внушаютъ Портѣ Оттоманской справедливое къ Намъ довѣріе, и служатъ вѣрнымъ ручательствомъ за сохраненіе обоюдныхъ обязательствъ.»

По извѣстіямъ, полученнымъ изъ губерній Казанской, Симбирской и Астраханской, урожай тамъ ози-

маго хлѣба очень посредственный, а ярового хороша въ Саратовской губерніи озимый и яровой родились вообще довольно хорошо. Въ Пермской губерніи урожай очень хорошъ и удовлетворительнѣе прошлогодняго; хлѣбъ зерномъ чистъ, спѣлъ и полновѣсенъ.

Въ Екатеринославской губерніи урожай озимаго хлѣба посредственный; яровые, хотя терпѣли съ весны отъ засухи, и потомъ отъ сильныхъ вѣтровъ, поправились лѣтомъ отъ теплой погоды и дождей, и дали урожай достаточный, только гречиха не вынесла знойныхъ вѣтровъ, и родилась скудно. — Въ Полтавской и Херсонской губерніяхъ урожай озимыхъ хлѣбовъ посредственный, а яровыхъ хороша; только въ послѣдней яровая пшеница родилась скудно.

Франція.

Декабря 17-го, во 2-мъ часу по полудни, открыты засѣданія обѣихъ Палатъ рѣчью Короля (см. *Прибавленіе I*). Онъ встрѣченъ былъ въ собраніи радостными восклицаніями. Королева съ Принцессами занимала боковую трибуну. Засѣданіе кончилось присягою вновь пожалованныхъ Перовъ. — Декабря 18-го въ Палатѣ Депутатовъ занялись выборомъ Президента, и особенно любопытное засѣданіе открылось 19-го Декабря, при стеченіи множества зрителей, въ присутствіи всѣхъ министровъ, кромѣ генерала Бернара. Временнымъ Президентомъ по старшинству лѣтъ былъ г-нъ Ногаре; кандидатами назначались *Дюпенъ, Пасси и Дюшатель*. Число всѣхъ голосовъ состояло изъ 371, слѣдовательно, избирательное большинство составляло 186. При первой баллотировкѣ Дюпенъ получилъ 161, Пасси 145, Дюшатель 50. При второй Дюпену досталось 180, Пасси 173, Дюшатель 9. Тогда перебаллотировали двухъ первыхъ, Дюпену вышло 183, Пасси 178 голосовъ, и первый провозглашенъ Президентомъ Палаты. Де-

кабря 20-го начались въ Палатѣ выборы Вице-Президентовъ. Кальмонъ, Пасси и Дюшатель избраны были безспорно, но жестокой бой начался за Одильонъ-Барро. Въ два баллотированія, онъ получалъ 169 и 160 голосовъ, Кюенъ-Гриденъ 168 и 137, Жакмино 158 и 129, Тестъ 114 и 9. Рѣшеніе отложили до 21-го Декабря, и на другой день оно получило быструю развязку: изъ 363 голосовъ, Куненъ-Гриденъ имѣлъ 198, Одильонъ-Барро только 162. Побѣда осталась такимъ образомъ на сторонѣ министровъ, и оппозиція потерпѣла ударъ неожиданный. Она думала еще удержаться при избраніи четырехъ секретарей Палаты. Министерскими кандидатами были: Ф. Реаль, Буасси д'Англа, Биньонъ и Ласказъ; оппозиція хотѣла избрать Ф. Реаль, но при немъ Дюбуа, Пискатори и Малльвиля. Ф. Реаль получилъ при первой баллотировкѣ 205 голосовъ изъ 356. Надобно было баллотировать другихъ; голоса дѣлились слѣдующимъ образомъ: Буасси д'Англа 175 и 180, Биньонъ 160 и 171, Ласказъ 148 и 155, Дюбуа 180 и 173, Пискатори 165 и 163, Малльвиль 159, и депутатъ Гавенъ 154. Буасси д'Англа былъ утвержденъ. Депутатовъ оставалось еще въ собраніи 332 человека, и по новой баллотировкѣ Дюбуа имѣлъ 211, Биньонъ 167 голосовъ, Пискатори 167, Гавенъ 118, и двое первыхъ объявлены секретарями. Слѣдовательно, оппозиція снова была побѣждена. — Декабря 22-го, избранные Президентъ, Вице-Президенты и Секретари вступили въ должности. Временный Президентъ сказалъ при семъ случаѣ Палатѣ слѣдующее:

«Ободренный благосклонностью, оказанною мнѣ вами въ прошедшее собраніе, я употребилъ все мои усилія для точнаго исполненія возложенной на меня обязанности. Франція многого ожидаетъ отъ вновь открытаго собранія, и я увѣренъ, что она не ошибется въ своихъ надеждахъ. Палаты, безъ

сомнѣній, окажутъ столько же благоразумія и преданности къ общему благу, какъ и въ послѣднее собраніе. Мы приступаемъ къ занятіямъ подъ самыми счастливыми предзнаменованіями, потому что со времени нашей разлуки престолъ утвердился рожденіемъ наследника. Сей наследникъ принадлежитъ къ семейству, которое соединяетъ въ себѣ всѣ добродѣтели, и онъ пойдетъ въ немъ примѣры, которые содѣлаютъ его достойнымъ занять пѣкогда высокій санъ, къ коему онъ предназначенъ по рожденію. Возвращаясь въ ваши ряды, предоставляю болѣе краснорѣчивому члену изложить причины, по которымъ такое счастливое событіе должно имѣть благотворное вліяніе на процвѣтаніе нашего отечества, и въ заключеніе не могу не присовокупить пламеннаго желанія, чтобы между нами господствовали миръ и спокойствіе.»

За тѣмъ говорилъ Дюпенъ свое привѣтствіе:

«Мм. Гг. и почтенные товарищи! Повинуясь Палатѣ, сннова принимаю на себя трудную и важную обязанность руководить вашими занятіями и преніями. Вступаю въ сіе званіе свободнымъ отъ всякихъ постороннихъ вліяній и обязательствъ. Вполнѣ чувствую всю важность лежащей на мнѣ обязанности, и приложу всевозможное стараніе, чтобы въ точности ее исполнить. Надѣюсь, что общественное мнѣніе, которое слѣдитъ за вашими преніями, отдастъ мнѣ справедливую вѣсть въ томъ отношеніи, что я постоянно и во всехъ случаяхъ старался быть безпристрастнымъ исполнителемъ устава Палаты и бдительнымъ защитникомъ нашихъ парламентскихъ правъ. Предлагаю Палатѣ привести благодарность пражному Президенту.»

Но усилія оппозиціи оказались потомъ, когда депутаты удалились въ отдѣленія для выбора членовъ комиссіи, которая должна составить проектъ отвѣта на тронную рѣчь Короля. Избраны были: Паси, Дебеллеймъ, Гизо, де Жюссье, Этьенъ, Тьеръ, Матье де ла Редортъ, Ла Пенсоньеръ и Дювержье де-Горапъ.

Между тѣмъ, въ Палатѣ Перовъ, Декабря 18-го избраны секретарями засѣданія Лувуа, Дюронель, адмиралъ Галганъ и Тюрго. Декабря 26-го и 27-го

начались пренія объ отвѣтѣ на тронную рѣчь Короля. Нѣкоторые изъ членовъ требовали яснѣйшаго смысла въ словахъ адреса, касательно Бельгіи и удаленія Французовъ изъ Анконы. (графы Монталамберъ и Альтонъ Шее). Кузенъ и Вилльменъ говорили объ излишнемъ усиленіи власти духовенства во Франціи, и проч.—При нерѣшительности споровъ о выборахъ въ Палатѣ Депутатовъ, на Парижской биржѣ свирѣпствовало во все время жестокое движеніе ажіотажа: 3-хъ проц. билеты переходили отъ 78,90 до 79, 25, а 22-го упали до 78,60, а 5-ти процентные остановились на 109, 85. Акціи обанкротившаго Бельгійскаго Банка съ 850-ти упали 19-го до 450, и 22-го остановились на 550. Даже акціи Лафиттова банка съ 5520 падали до 5,345 и остановились только на 5,400. Сколько обогатилось и раззорилось здѣсь людей въ нѣсколько часовъ!

На мѣсто умершаго Маршала Лобау, Король опредѣлилъ начальникомъ Парижской національной гвардіи Маршала Графа Жерара. Вотъ приказъ, отданный имъ по вступленіи въ должность:

«Любезные товарищи! Королю угодно было поручить мнѣ начальство надъ вами. Проникнутый признательностію за новое доказательство довѣренности ко мнѣ нашего Монарха, въ полной мѣрѣ чувствую важность обязанностей, возлагаемыхъ на меня новымъ званіемъ. Потеря, понесенная отечествомъ, всѣми оплакивается. Смерть лишила Францію одного изъ лучшихъ ея гражданъ, армию одного изъ знаменитѣйшихъ ея воиновъ. Маршалъ Лобау, вашъ храбрый начальникъ, пользовался общою любовію и уваженіемъ, но потеря его ни кѣмъ не можетъ быть столь глубоко чувствуема, какъ національною гвардіею. Подобно ему я предаю нынѣшней династіи и постановленіямъ, и увѣренъ, что и вы одушевлены тѣми же чувствами. Национальная гвардія Сепскаго Департамента всегда славилась ревностію и усердіемъ къ службѣ, равно какъ и преданностію къ законному порядку. Потому могу быть увѣреннымъ въ ея содѣйствіи по дѣламъ службы, такъ какъ и она

можетъ положиться на мое попеченіе о сохраненіи въ неприкосновенности существующихъ объ ней постановленій.

Подпис. Гр. *Жераръ*.

Въ Реймсъ произошли смятенія. Одинъ изъ миссіонеровъ католическихъ, говоря въ церкви проповѣдь, сказалъ, что безславный и несчастный конецъ Наполеона былъ ему небеснымъ наказаніемъ за оскорбленіе Папы. Крики и свистки слушателей остановили проповѣдь, а вечеромъ чернь разбила окна, изломала мебель, выломала двери въ жилища миссіонеровъ, такъ, что едва могли силою спасти жизнь несчастныхъ проповѣдниковъ. Касательно распущенія національной гвардіи въ Мецъ, помѣщены слѣдующія подробности въ *Moniteur Parisien*: Мунципальный Совѣтъ Меца занимался недавно составленіемъ бюджета на 1839 годъ. Во время сужденій о полицейскихъ суммахъ, одинъ изъ членовъ Совѣта замѣтилъ Меру, г. *Болпару*, что часть денегъ употребляеть онъ для надзора за лицами, которыя собирають подписчиковъ подъ прошенія о произведеніи реформы въ выборахъ. Меръ отвѣчалъ, что считаеть такое дѣло непременною своею обязанностію, потому, что начальству необходимо имѣть о семъ предметъ подробныя свѣдѣнія, и сверхъ того присовокупилъ, что ему рассказывали, что какой-то штабъ-офицеръ національной гвардіи самъ разносилъ прошенія изъ дома въ домъ, и даже уговаривалъ одну даму, въ отсутствіе ея мужа, расписаться за него. Одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ сказалъ, что то клевета. Меръ отвѣчалъ, что сообщаетъ только дошедшіе до него слухи, не ручаясь за ихъ справедливость. Въ послѣдствіи другой членъ объявилъ, что слухъ точно правда, и что штабъ-офицеръ, о которомъ говоритъ г. *Болпаръ*, былъ полковникъ *Франсуа*. Полковникъ *Франсуа*, узнавъ о такихъ сужденіяхъ, объявилъ въ *Courier de la Mo-*

selle, что все сказанное на его счетъ не имѣеть никакого основанія, но вскорѣ послѣ того въ той же газетѣ помѣщено было письмо, дамы, отъ которой требовали подписи; она вполне подтвердила показаніе Мера. Пока въ журналахъ происходили толки, случилось происшествіе, давшее другой оборотъ дѣлу. Меръ пригласилъ офицеровъ національной гвардіи собраться въ магистратъ, чтобы оттуда отправиться къ вновь назначенному Префекту. Полковникъ *Франсуа* и около 90 офицеровъ исполнили приглашеніе, но когда г. *Болпаръ* вошелъ въ магистратъ, Полковникъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Вы меня оклеветали самымъ гнуснымъ образомъ. Ваши поступки въ отношеніи ко мнѣ неблагородны, и ни я и никто изъ офицеровъ не пойдутъ съ вами къ Префекту.» Меръ отвѣчалъ на обидныя выраженія весьма хладнокровно, и объявилъ, что къ крайнему сожалѣнію онъ отказывается отъ посѣщенія начальника Департамента. Восемь офицеровъ полагали, что одинъ только г. *Болпаръ*, какъ главный начальникъ города, имѣеть право представить офицеровъ новому Префекту; остальные были противнаго мнѣнія, и присоединясь къ полковнику, отправились съ нимъ къ Префекту. Г. *Болпаръ* немедленно донесъ о происшествіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ и подалъ прошеніе объ увольненіи его отъ званія Мера города Меца. Министръ, получивъ донесеніе, представилъ Королю о распущеніи національной гвардіи.

Король и семейство его опечалены извѣстіемъ о болѣзни дочери своей, принцессы Маріи, супруги Герцога Виртембергскаго. Испугъ во время пожара въ Герцогскомъ Дворцѣ, прошедшею зимою, былъ началомъ ея. Принцесса путешествуетъ теперь съ супругомъ своимъ по Италіи, но пишутъ, что на выздоровленіе ея остается мало надежды. Въ Пари-

жѣ разнесли даже слухъ, что она уже скончалась. Герцогъ Немурскій поспѣшно отправился въ Италию. Нельзя безъ отвращенія слышать, что оппозиціонные журналы изъявили неистовую, звѣрскую радость при семь слухѣ! Безстыдство и наглость нѣкоторыхъ Парижскихъ журналовъ доходятъ до такой степени, что возбуждаютъ полное негодованіе при чтеніи ихъ.—Они явно печатаютъ ругательства на Правительство и личные пасквили на частныхъ людей. Недавно издатель *Шаривари* присужденъ къ 18-ти мѣсячному заключенію и 8000 фр. пени за первое, а издатель газеты *Время* присудили на мѣсяць въ тюрьму и 2000 фр. пени за ложное изложеніе процесса сыновей Перье. — Весь Парижъ занимала нѣсколько времени соблазнительная тяжба издателя газеты *Messenger*, который печатно обличалъ въ непозволительныхъ взяткахъ и дѣлахъ бывшаго префекта полиціи Гиске. Издатель осужденъ на 100 фр. пени.

Англія.

Главная новость: возвращеніе въ Англію лорда Дургамъ, извѣстія о новыхъ смятеніяхъ въ Канадѣ, и немилость, съ какою принять Дургамъ. Не думая о скорѣйшемъ открытіи Парламентовъ, засѣданія ихъ отложили, въ тайномъ совѣтѣ, гдѣ присутствовала Королева, пріѣхавшая изъ Виндзора (29-го Ноября), до 5-го Февраля 1839 года. Такимъ образомъ лордъ Дургамъ не будетъ имѣть возможности предложить свои примирительные проекты, касательно Канады. Правительство приняло явно противную его мнѣніямъ систему. На мѣсто лорда Дургамъ опредѣленъ главнымъ начальникомъ Сѣверной Англійской Америки Сиръ Дж. Кольборнъ, и онъ дѣйствуетъ безъ уступокъ, сильною военною рукою. Супруга лорда Дургамъ получила увольненіе отъ

званія штатсъ-дамы. Но радикалы, полагавшіе, что Дургамъ бросится теперь въ ихъ партію, ошиблись; онъ гласно изъявляетъ умѣренность и покорность власти. Жители Девонпорта и Стонгоуза поднесли ему адресы. Въ собраніи находился Сиръ Вилліамъ Молесвортъ, извѣстный защитникъ Канадской партіи въ послѣднемъ засѣданіи Парламента. Онъ объявилъ, что если бы Дургамъ объяснилъ свои планы на счетъ Канады передъ Парламентомъ, то всѣ убѣдились бы, что они одни могутъ сохранить Англіію сію часть владѣній Ея Величества. Сиръ В. Молесвортъ сказалъ, что считаетъ долгомъ каждаго истиннаго приверженца реформы, подкрѣплять сіи планы, такъ, какъ они скорѣе всего могутъ успокоить Канаду. Лордъ Дургамъ отвѣчалъ на адресъ, между прочимъ, слѣдующее: «Вы никогда не будете имѣть причины раскаяваться въ довѣренности вашей ко мнѣ, такъ же какъ въ одобреніи моего управленія Британскою Сѣвальною Америкою. Я считалъ первою необходимостью усмирить опасное волненіе въ Канадѣ и указать умамъ, занятымъ настоящимъ бѣдствіемъ, виды на скорую помощь. На томъ основана вся моя политика, какъ генераль-губернатора. Когда Парламентъ соберется, я готовъ сообщить факты, вовсе здѣсь неизвѣстные, свѣдѣнія открытія, о которыхъ Парламентъ не имѣетъ никакого понятія, и тогда безбоязненно буду требовать отъ законодательнаго собранія справедливости, въ которой ни Парламентъ, ни Англійская нація не откажутъ государственному слугѣ, вѣрно и честно исполнявшему свою обязанность.» Онъ объявилъ еще разъ, что будетъ усердно пекись о выгодахъ Сѣверо-Американскихъ колоній, тѣмъ болѣе, что выгоды ихъ тѣсно связаны съ могуществомъ Великобританіи, съ поддержаніемъ политики, которая можетъ выразиться въ трехъ словахъ: *корабли, колоніи, торговля*

Подъ конецъ, Лордъ Дургамъ объяснилъ, что онъ останется вѣрнѣе своимъ прежнимъ политическимъ мнѣніямъ, которыя считаетъ наиболее способными поддержать честь и достоинство престола, и обезпечить безопасность и благоденствие народа. По приѣздѣ въ Лондонъ, Дургамъ не принялъ адреса Вест-министерскихъ радикаловъ.

Ноября 29-го былъ выходъ при Дворѣ. Ея Величество Королева принимала Чрезвычайнаго Турецкаго Посла, Решидъ-Пашу, который представилъ свои вѣрительныя грамоты, и поднесъ Королеву, въ подарокъ отъ Султана, великолѣпное брилльянтовое ожерелье. Бывшій Турецкій Посланникъ, Саримъ-Эфенди, откланивался Ея Величеству. Королеву представлялись также: возвратившійся изъ отпуска Виртембергскій Посланникъ, Графъ Мандельсло, новый Мексиканскій Посланникъ, Гарро, и Британскій Посланникъ въ Новой Гренадѣ, Торнеръ, прибывшій изъ республики.—Саримъ-Эфенди, назначенный Султаномъ въ члены Государственнаго Совѣта, на дняхъ отправляется въ Константинополь. Его Секретарь Эмиръ-Эфенди займетъ должность секретаря посольства въ Парижѣ.

Въ Сити и въ ближайшихъ къ ней улицахъ всѣ дома покрыты объявленіями, въ которыхъ приглашаютъ матросовъ въ службу на флотъ. Срокъ службы опредѣленъ въ пять лѣтъ. Условія столь выгодны, что вѣроятно лягутся многіе охотники. Жалованья назначено по 34 шиллинговъ въ мѣсяць, не выключая времени болѣзни, отпуска, или пѣвна. Раненыя, или отличившіеся на службѣ будутъ принимаемы въ Гриничскій госпиталь. Въ то же время производится въ военныхъ гаваняхъ, въ особенности въ Портсмутѣ, вооруженіе значительнаго числа военныхъ кораблей всякой величины. Морскіе экипажи комплектуются рекрутами; военные припасы по-

полняются. Сверхъ того, Правительство вызываетъ поставить 100,000 тридцати-двухъ фунговыхъ ядеръ.

Британское Правительство нашлось принужденнымъ воспротивиться противозаконнымъ поступкамъ ультра-радикальной партіи, въ главѣ которой находятся *Фергусъ О'Конноръ*, *Стефенсъ*, *Остлеръ*, и другіе возмутители. Въ послѣднее время, они въ особенности причинили, въ разныхъ мѣстахъ, большіе безпорядки своими многочисленными ночными собраніями при факелахъ. Королевскою прокламаціею, изданною 12-го числа, воспрещаются всѣ подобныя собранія, и приказывается начальствамъ отдавать подъ судъ лица, въ нихъ участвующія. Сообщаемъ прокламацію: «Въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ частяхъ Великобританіи начали собираться, послѣ захожденія солнца, при факелахъ, множество злонамѣренныхъ и жалкихъ людей, съ знаменами, флагами и другими знаками возмущенія. Такія собранія продолжались до глубокой ночи, и во все время, крики, шумъ, выстрѣлы и звукъ оружія наводили страхъ на жителей и нарушали общественное спокойствіе. Желая отвратить вредныя отъ того послѣдствія, и заботясь о жизни и достоинствѣ нашихъ подданныхъ, мы предостерегаемъ каждого, и приказываемъ удалиться отъ сихъ собраній. Въ то же время, мы повелѣваемъ всѣмъ мирнымъ судьямъ, шерифамъ, констаблямъ и другимъ чиновникамъ, употребить всѣ свои усилія для воспрепятствованія подобнымъ противозаконнымъ собраніямъ и отдавать непослушныхъ подъ судъ.» Еще за нѣсколько дней до обнародованія прокламаціи лордъ Джонъ Росселъ поставлялъ на видъ мирнымъ судьямъ, сколь противозаконны народныя собранія при свѣтѣ факеловъ. Мирные суды въ Бури, имѣя въ виду министерское предписаніе, и получивъ извѣщеніе, что въ одну изъ субботъ должно ствало произойти подоб-

Т. VI. — Отд. V.

ное собраніе, старались предостеречь зачинщиковъ, но не смотря на ихъ угрозы, собраніе происходило. Правительство не могло оставить далѣе безъ вниманія ихъ дерзости противъ мирныхъ судей, и для прекращенія всѣхъ подобныхъ беспорядковъ рѣшило въ Тайномъ Совѣтѣ, происходившемъ въ Виндзорскомъ замкѣ, издать означенную прокламацію.

Декабря 19-го числа, двѣ депутаціи Лондонскихъ и Ливерпульскихъ купцевъ поднесли Первому Министру адреса, въ которыхъ приглашаютъ Англійское Правительство положить, изъ челоуѣколюбія, скорый конецъ жестокой междоусобной войны въ Испаніи. Нездоровье воспренятствовало Министру Иностранныхъ Дѣлъ присутствовать при поднесеніи адресовъ. вмѣсто его, отвѣчалъ лордъ Мельбурнъ. Онъ сослался на договоръ лорда Эллиота, который долженъ былъ пресѣчь жестокости обѣихъ воюющихъ сторонъ, и на старанія нынѣшняго Кабинета упрочить власть Королевы Изабеллы. Министръ объявилъ, что хотя онъ сожалѣетъ отъ всего сердца объ ужасахъ междоусобной войны, однакоже не видитъ, чтобы Англій было возможно помочь злу, заключивъ условія съ другими великими Державами Европы. Вообще онъ подавалъ мало надежды на измѣненіе Британской политики въ отношеніи къ Испаніи.

Съ нѣкотораго времени въ Англій являюся жалобы на упадокъ Англійскаго флота. Къ числу лицъ, жалующихся на дурное положеніе Британскихъ морскихъ силъ, присоединился теперь корреспондентъ журнала Times, выдающій себя за адмирала. Онъ изображаетъ многіе Европейскіе и Американскіи, даже Египетскій флоты чрезвычайно сильными. По его мнѣнію, очень легко можетъ статься, что Американскій фрегатъ, при удобномъ случаѣ, увезетъ Королеву изъ Брейгона, между тѣмъ, какъ одинъ Европейскій флотъ,

сожжетъ столицу, другой уничтожитъ Британскіа суда въ Каналѣ, а флотъ Мегмета-Али прогонитъ Британскую эскадру изъ Средиземнаго моря. Въ Morning Chronicle почли за нужное отвѣчать на такіа нелѣпости подробнымъ обзорніемъ Британскихъ морскихъ силъ, въ сравненіи съ иностранными флотами. Въ Naval and Military Gazette также стараются опровергнуть численными показаніями о силѣ Французскаго флота, мнѣніе Times, что Французскій флотъ сильнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ страшнѣе Британскаго. По показанію сего журнала, Французскій флотъ состоитъ изъ 328 кораблей, изъ коихъ 51 линейный корабль и 60 фрегатовъ. Изъ линейныхъ кораблей только 11 на дѣйствительной службѣ, 11 разснащены, 29 починиваются, или строятся. Изъ 60 фрегатовъ только 16 дѣйствительно на службѣ, 20 разснащены и 24 строятся. Въ Британскомъ флотѣ находится на службѣ 21 линейный корабль и 26 фрегатовъ, и могутъ немедленно быть вооружены 13 линейныхъ кораблей и 6 фрегатовъ; сверхъ того, находятся въ хорошемъ состояніи 21 линейный корабль и 37 фрегатовъ. Требуютъ починки и строятся 89 линейныхъ кораблей и 109 фрегатовъ. На объѣдъ, данномъ директорами Остъ-Индской Компаніи новому Губернатору Бомбея, Сиру Джемсу Карнаку, Первый Лордъ Адмиралтейства, Графъ Митто, обрадовалъ все собраніе объясненіями своими на счетъ состоянія Британскихъ морскихъ силъ. Министръ увѣрялъ, что при подробномъ изслѣдованіи окажется, что Англійскій флотъ уже давно не находился въ столь отличномъ состояніи, какъ нынѣ. Полагаютъ, что Морской Министръ устранить оффиціальными свѣдѣніями въ Парламентъ всѣ нарѣканія на Британскій флотъ.

Декабря 18-го, Королева отправилась изъ Виндзора въ Брейтонъ, гдѣ была встрѣчена торжественно.

Ожерелье, подаренное Королевоу Султаномъ, состоитъ изъ драгоценнѣйшихъ брилльянтовъ, какіе когда либо были виданы въ Англіи. Ихъ цѣнать въ 5000 ф. ст. Браслетъ Герцогини Кентской тоже необыкновенной красоты, но брилльянты мельче. Недавно, Ея Величество получила также подарокъ отъ Королевы Бельгійцевъ, состоящій изъ 12-ти паръ бархатныхъ туфель, вышитыхъ отличнѣйшими Брюссельскими швеями, подъ надзоромъ самой Королевы.

НИДЕРЛАНДЫ.

Важный вопросъ объ окончаніи споровъ между Бельгією и Нидерландами рѣшенъ: Лондонская Конференція отдѣлила *Лимбургъ* и *Люксембургъ* отъ Бельгійи, какъ области принадлежащія къ Германскому Союзу, которыми Нидерландскій Король владѣть, какъ членъ сего Союза, и назначила срокомъ очищенія сихъ областей отъ Бельгійской власти 1-е Февраля. Англія формально объявила, что вооруженное сопротивленіе при семъ случаѣ будетъ почтено непризнанными мѣрами противъ Англіи. Изъ рѣчи Французскаго Короля и преній въ Палатѣ Перовъ, по случаю адреса, можно видѣть, что Франція не намѣрена противиться рѣшенію конференціи. Вотъ что было сказано въ *Журналь преній*: «Мы знаемъ, что Министерство стануть порицать за то, что оно не объявило въ тронной рѣчи объ окончательномъ рѣшеніи Бельгійскаго вопроса. Скажутъ, что Кабинетъ на то не отважился, и что онъ хотѣлъ выиграть время. Мы со своей стороны одобремъ Кабинетъ за такое промедленіе, если только оно дѣйствительно отъ него зависѣло. Рѣшеніе Лондонской Конференціи будетъ представлено въ свое время Французскимъ Палатамъ, которымъ надобно будетъ основательно обсудить столь важное дѣло. Министерство рѣшилось на дружелюбное окончаніе спора между

Нидерландами и Бельгією, и постарается объяснить, какія причины его къ тому побуждаютъ.»

Декабря 4-го, въ засѣданіи 2-й Палаты Нидерландскихъ Штатовъ представленъ проектъ объ уравненіи монетной системы и приданіи тѣмъ легкости и удобства монетъ въ обращеніи народномъ. — Другой проектъ касается обложенія двойною пошлиною, противъ внутреннаго акциза, всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ иностранныхъ издѣлій. Декабря 12-го утверждень заемъ 8-ми милліоновъ флориновъ, для осушенія Гарлемскаго озера. Сумма выплатится потомъ продажею осушенной земли. — Декабря 18-го утверждень наборъ милиціи на 1839 годъ, по одному рекруту съ 300 человекъ.

БЕЛЬГІЯ.

Октября 10-го, въ Лондонѣ заключенъ трактатъ между Бельгією и Сардинією, коимъ взаимно уравнены пошлины съ кораблей Бельгійскихъ и Сардинскихъ, въ портахъ обонхъ королевствъ.

Палаты Бельгійскія занимаются дѣятельно, и имъ предстоитъ много работъ: 76 проектовъ для сужденій и рѣшенія оставалось къ началу ихъ засѣданій отъ прежнихъ лѣтъ, начиная съ 1833 года, и въ томъ числѣ 39 представленныхъ отъ правительства. Изъ числа вновь поступившихъ 39-ти проектовъ, только о 12-ти представлены донесенія, а остальные 27-мъ еще разсматриваются предварительно.

Важная новость встревожила умы всѣхъ въ Брюссель, Декабря 18-го: тамошній *Бельгійскій Банкъ*, запутанный въ неудачныхъ промышленныхъ компанійхъ и предпріятіяхъ, при усиленномъ требованіи платежей, объявилъ себя несостоятельнымъ, когда правительство рѣшительно отказало ему притомъ въ пособіи. Акціи Банка съ 1350 фр. упали на 850.

Впрочемъ, Декабря 22-го, Палата Депутатовъ утвердила заемъ 4-хъ миллионъвъ, съ ручательствомъ Правительства, для уплаты банковыхъ билетовъ и устройства дѣль Банка. — Англичане предвидѣли его паденіе, и общество Лондонскихъ негодіантовъ кончило уже теперь съ Бельгійскимъ Правительствомъ переговоры, по которымъ въ Брюссель учреждаетъ оно *Банкъ Англо-Бельгійскій*.

Ш в е ц и я.

Ноября 30-го объявлено было объ отъѣздѣ Е. В. Короля въ Норвегію, черезъ провинціи Зюдерманландъ, Остъ-Готландъ, Нерике, Скараборгъ, Элсборгъ и Богусъ. Декабря 7-го Король предпринялъ свое путешествіе. Предъ тѣмъ были большой прощальный выходъ и засѣданіе государственнаго совѣта, въ которомъ Его Величество председательствовало и сдѣлалъ постановленія, на счетъ управления государственными дѣлами во время своего отсутствія. Вслѣдъ за тѣмъ, Король далъ прокламацію, которою Президентомъ правительственной комиссіи назначенъ Наслѣдный Принцъ, а членами ея Министръ Юстиціи Графъ Розенбладъ, Министръ Иностранныхъ Дѣлъ Баронъ Стирнелъдъ, генералъ Графъ Аксель Левенгельмъ и Президентъ Абельсвердъ. По маршруту, Король пріѣдетъ въ Христианію 21-го числа.

Ш в е й ц а р я.

Мѣсто засѣданій федеральнаго Швейцарскаго Форорта, или сейма, переносится, на основаніи постановленій союза, въ Цирихъ изъ Люцерна. Многіе надѣются большой пользы отъ такой перемѣны, при несогласіяхъ, какія раздражаютъ теперь кантоны Бернскій, Валецскій и Швицскій. Люцернъ можно назвать гнѣздомъ своевольныхъ радикаловъ Швейцаріи, ко-

гда, напротивъ, жители Цириха отличаются умеренностью своихъ правилъ.

— При вторженіи Французской арміи, въ 1797 году, въ Швейцарію, значительныя имѣнія въ Ветлинѣ, принадлежавшія Граубинденскому Кантону, были конфискованы, и въ послѣдствіи присоединены къ Итальянскому Королевству. Хотя въ 1814 году. Вѣнскій Конгрессъ утвердилъ сіи земли за Австрію, однакоже Императоръ Францъ I постановилъ, своимъ ультиматумомъ 1832 года, чтобы Швейцаріи дано было за сіи имѣнія вознагражденіе. Для сей цѣли составлена была комиссія изъ депутатовъ Граубинденскаго Кантона и финансоваго интендантства города Морбеньо. Австрійское Правительство утвердило слѣдующія распоряженія сей комиссіи: 1) Австрія уступаетъ Граубинденскому Кантону всѣ существующія еще имѣнія, конфискованныя въ 1797 г., цѣною въ 1,201,437 Австрійскихъ лировъ, и уплачивать сверхъ того проценты, именно 10,674 лира. Кромѣ сихъ суммъ, она выдаетъ 41,051 лиръ за нѣкоторыя зданія, какъ наприм., за депутатскій домъ въ Сондрію, который Граубинденскій Кантонъ ей предоставляетъ. 2) Австрія выдаетъ Граубинденскому Кантону всѣ доходы съ сихъ имѣній, полученные съ 21-го Апрѣля 1814 г., и простирающіеся до 401,786 лировъ. Изъ сей суммы вычитаются однако 25 процентовъ за управленіе имѣніями. 3) Австрія принимаетъ на себя уплату 47,528 Австрійскихъ лировъ, въ какую сумму сіи имѣнія были заложены во время Итальянскаго Королевства. 4) За выключеніемъ суммы, употребленной для погашенія долговъ, лежавшихъ на имѣніяхъ, конфискованныхъ въ 1797 г., Австрія обязуется выдать 2,128,910 лировъ, полученныхъ съ сихъ имѣній послѣ конфискаціи. Такимъ образомъ Кантонъ Граубинденъ получаетъ около четырехъ миллионъвъ франковъ вознагра-

гражденія, хотя Австрія въ томъ ни сколько не обязалась.

ГЕРМАНІЯ.

Супруга Е. К. В. Принца Вильгельма Прусскаго, Принцесса Марія Луиза благополучно разрѣшилась отъ бремени принцессою, Декабря 3-го.

По случаю празднества, въ память бывшаго нѣкогда возвращенія въ наслѣдственные владѣнія покойнаго великаго Герцога Петра Фридриха Людовика Ольденбургскаго, нынѣ царствующій Герцогъ учредилъ орденъ *дома и достоинствъ Герцога Петра Фридриха Людовика*.

Его Свѣтлость, Принцъ Петръ Ольденбургскій, съ супругою и дочерью, послѣ пребыванія своего въ Висбаденъ, отправился въ Италію, гдѣ проведеть зиму.

Его Свѣтлость, Принцъ Максимилианъ Лейхтенбергскій благополучно прибылъ въ Мюнхенъ, Декабря 27-го.

АВСТРІЯ.

Г. Мильбанкъ, бывший первымъ секретаремъ Англійскаго посольства въ Санктпетербургъ, а послѣ отъѣзда Лорда Дургамъ Повѣреннымъ въ дѣлахъ при Императорскомъ Россійскомъ Дворѣ, прибылъ въ Вѣну. Онъ вступитъ на мѣсто Г. Фрезера въ должность перваго секретаря посольства. Послѣдній назначенъ во Флоренцію. Королевско-Прусскій Министръ-Резидентъ при Греческомъ Дворѣ, Брасье де Симонъ, увхалъ въ Триестъ, откуда отправителъ въ Грецію, на Лойдовомъ пароходѣ, отходящемъ въ Пирей 1-го Декабря. Австрійскій Посланникъ въ Аѳинахъ, полковникъ Прохешъ-фонъ-Остенъ, извѣстный своими путешествіями и сочиненіями, на мѣренъ взять, будущю весною, отпускъ и прѣхать въ Вѣну.

Изъ Рагузы пишутъ, отъ 6-го Нолбря: «Въ Рагузѣ и въ Каттаро всѣ полагаютъ, что теперь еще нельзя ожидать возобновленія непріязни съ Черногорцами. Они узнали и научились уважать храбрость и искусство Австрійскихъ егерей въ управленіи оружіемъ. Короткія винтовки стрѣлковъ возбуждаютъ въ нихъ чрезвычайное почтеніе. Очевидцы увѣряютъ, что въ ту минуту, какъ наши егеря бросились въ штыки на высоту, занятую Черногорцами, они предались паническому ужасу. Привыкнувъ подстерегать непріятеля изъ-за скалъ и кустовъ, Черногорцы неспособны къ бою грудъ съ грудью. Ружья ихъ слишкомъ длинны и дожи такъ скривлены, что стрѣляя обыкновеннымъ образомъ, нельзя сдѣлать вѣрнаго выстрѣла. Черногорцы стрѣляютъ изъ ружей сядя, и положивъ стволъ на камень. Гдѣ мѣстность позволяетъ, Черногорцы втыкаютъ въ землю кинжалъ и на него упираютъ ружье. Такой родъ стрѣльбы можно видѣть во всей Далмаціи, въ церковные праздники. Такъ какъ нападенія Черногорцевъ не ожидали, то у насъ не было ни горныхъ орудій, ни Конгревовыхъ ракетъ. Когда ихъ подвезуть, Черногорцы будутъ приняты иначе. Однакоже, слухъ о ихъ потеряхъ былъ очень преувеличенъ: не 200, но только 40 Черногорцевъ погибли и 15 были ранены. Дѣло ни мало не значительно, въ сравненіи съ сраженіемъ, происшедшимъ, нѣсколько лѣтъ тому, на Турецко-Кроатской границѣ.

Съ Черногорской границы пишутъ, отъ 1-го Декабря: «Между Визирями Босніи и Герцеговины съ одной стороны, и Черногорскимъ Владыкою съ другой, заключена, 4-го Нолбря, слѣдующая конвенція: 1) Потери, понесенныя доселѣ каждою изъ сторонъ, будутъ считаться вознагражденными. 2) Вредъ, причиненный въ послѣдствіи, будетъ вознагражденъ Владыкою, если онъ причиненъ Черногорцами, и

Пашею, если онъ нанесенъ Турками. 3) Жителямъ обихихъ странъ дозволены свободныя сношенія. 4) Спорныя издавна Граевскія земли принадлежать отнынѣ Черногоріи и платятъ Высокой Портѣ только обыкновенную дань. 5) Кромѣ дани, Граевцы не будутъ уплачивать ни податей, ни налоговъ. 6) Турки могутъ получать съ помѣстій Граевского округа, принадлежащихъ имъ, только четверть всѣхъ произведеній, и никакъ не болѣе трети. 7) Трактатъ сей будетъ представленъ на утверженіе Дворовъ Константинопольскаго и Санктпетербургскаго. Впрочемъ, Владыка принялъ на себя, въ договоръ, обязательства, которыя ему невозможно, или, по крайней мѣрѣ, весьма трудно исполнить. Такъ, наприм., онъ обезпечилъ Али-Пашѣ небольшую дань, платимую частью Граевского округа, непосредственно примыкающею къ Герцеговинѣ, общаею не терпѣть нарушенія нейтралитета владѣній Герцеговины, и проч. Между тѣмъ, при многихъ случаяхъ, онъ самъ объявлялъ, что не можетъ вполнѣ распорядитъ дѣйствіями своего народа. Спокойствіе, вѣроятно, сохранится не далѣе зимы. Въ то время, Черногорцы, отдѣленные отъ своихъ Граевскихъ соотечественниковъ непроходимыми глыбами снѣгу, и безъ того не могли бы помогать имъ. Кажется, такое обстоятельство было главною причиною заключенія договора. Съ другой стороны, Ферикъ, Паша Скутарскій, уничтожилъ конвенцію, заключенную между Антиварійскими Турками и Черногорцами. Онъ приказалъ занять одинъ пограничный пунктъ, признаваемый, по сему договору, нейтральнымъ, и заставляетъ ожидать новыхъ кровопролитій въ сей странѣ.»

Съ Августа мѣсяца учреждено въ Далмаціи правильное пароходное сообщеніе. Пароходъ отправляется изъ Тріеста два раза въ мѣсяць, и доходитъ до

Каттаро. Многіе туземцы, во всю свою жизнь сидѣвшіе въ четырехъ стѣнахъ, берутъ мѣста на пароходѣ, чтобы совершить пріятное плаваніе.

Италія.

Французы оставили Анкону, и Декабря 4-го эскадра Французская, съ посаженными на нее войсками, вышла въ море изъ тамошней гавани. Къ началу Декабря, Австрійскія войска также выступили изъ всѣхъ Папскихъ владѣній, и бывший въ Болоніи Австрійскій генераль Баронъ Бухнеръ, выѣхалъ оттуда 30-го Ноября.

— Съ Итальянской границы пишутъ, отъ 13-го Декабря: По удаленіи Австрійскихъ войскъ, спокойствіе, къ сожалѣнію, было нарушено въ Фаэнцѣ. Старинныя распри между жителями города и предмѣстій, которыя, казалось, были забыты во время занятія города чужестранцами, снова возгорѣлись, и были причиною кровавыхъ сценъ. Рѣшительность Папскихъ карабинеровъ отвратила большія бѣдствія. Два, вѣроятно подкупленные, убійцы бросились на одного полицейскаго комиссара и изранили его. Онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ только присутствію духа. Когда убійцы выстрѣлили въ него, онъ упалъ, какъ бы безъ памяти, но лишь только злодѣи къ нему приблизились, чтобы нанести ему послѣдній ударъ, онъ встрѣтилъ ихъ пистолетными выстрѣлами. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ, а другой спасся бѣгствомъ. Производится строгое слѣдствіе. Вѣрно только, что политика не вмѣшана и что все дѣло произошло отъ частнаго спора.

Изъ Сициліи пишутъ, что присутствію Короли обьязаны тамъ возстановленіемъ публичнаго спокойствія и безопасности. Безпорядки во время холеры были причиною образованія въ различныхъ мѣстахъ многочисленныхъ разбойничьихъ шайкъ, которыя вполнѣ

освѣжили воспоминанія о такъ называемыхъ *compagnie d'armi*, ужасъ Итали въ прошедшія столѣтія. По прибытіи Короля, сильное и искусное вмѣшательство жандармовъ быстро прекратило грабежи сихъ шайкъ. Извѣстный предводитель многочисленной и страшной Айдонской шайки, некогда духовный, былъ схваченъ жандармскимъ капраломъ у воротъ Пятцы, въ тотъ самый день, когда Король въѣзжалъ въ городъ. Вся шайка его разбѣжалась, и, конечно, скоро подвергнется справедливому наказанію. Кормонская шайка была захвачена, съ множествомъ награбленныхъ ею вещей, двумя ротами пѣхоты и эскадрономъ кавалеріи, предводимыми майоромъ Дюкарномъ. Небольшая шайка, грабившая страну Санъ-Джузеппе близъ Мартелли, также разбѣжалась; нѣкоторые изъ разбойниковъ пойманы. Толпа Нѣмецкихъ бѣглецовъ и изгнанниковъ другихъ націй, грабившая близъ Кастельветрано, сдалась сильному отряду жандармовъ и просила пощады. Во время пребыванія Короля въ Трапани были схвачены многіе разбойники, избравшіе гору Санъ-Джуліано своимъ сборнымъ пунктомъ и убѣжищемъ. Безопасность совершенно восстановлена, и по острову можно ѣздить во всѣхъ направленіяхъ безъ малѣйшей боязни. Новоучрежденная милиція подаетъ надежду, что пороки въ послѣдствіи не будутъ нарушены.

Недавно выпущенный Королевскій декретъ и циркуляръ Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ интендантамъ провинцій, суть новыя доказательства, сколь много заботится Король о благѣ своего народа, и въ особенности Сицилійцевъ. Принимая въ разсмотрѣніе неурожай нынѣшняго года, Его Величество приказалъ, до дальнѣйшаго распоряженія, воспретить вывозъ волкаго рода хлѣба. Хотя вывозъ весьма выгоденъ для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, однакоже, онъ могъ быть очень вреденъ для цѣлаго наро-

да. Въ циркулярѣ Министра изображено дурное положеніе богоугодныхъ заведеній въ Сициліи. Госпитали и подобныя заведенія были управляемы самымъ постыднымъ образомъ, и капиталы ихъ переходили въ карманы чиновниковъ. Исполнители завѣщаній, повѣренные, и проч., не выдавали суммъ, назначенныхъ для богоугодныхъ цѣлей. Деньги на приданое, пенсіоны, и проч., не были выплачиваемы; чиновники употребляли ихъ въ свою пользу. Отчетовъ не было ни какихъ. Все это напечатано, во всей подробности, въ журналахъ. Въ циркулярѣ повелѣвается интендантамъ и президентамъ госпитальныхъ комиссій смотрѣть за тѣмъ, чтобы по прошествіи мѣсяца отдаваемы были отчеты всѣми директорами и чиновниками богоугодныхъ заведеній. Кто не исполнитъ повелѣнія, будетъ навсегда отрѣшенъ отъ должности.

Въ *Diario* увѣдомляютъ, что 10-го числа, въ тайной консисторіи, Папа произнесъ краткую рѣчь, въ которой изъявилъ желаніе внести въ списокъ святыхъ четырехъ Италянцевъ, скончавшихся въ прошедшемъ столѣтіи. Въ числѣ ихъ находится основатель Лигурійскаго ордена, Альфонсъ Лигури, и монахиня Капуцинскаго ордена, Вероника Джулани, скончавшаяся въ 1727 г. Присутствовавшіе кардиналы согласились единодушно, и Папа объявилъ, что провозглашеніе святыхъ послѣдуетъ въ 1839 г., ибо на то нужно еще собрать согласіе всѣхъ епископовъ.

— Въ письмахъ изъ Италиіи увѣдомляютъ о большемъ числѣ прибывшихъ туда иностранцевъ. Флоренція и Римъ наполнены гостями изъ разныхъ странъ. Неаполь ожидаетъ необыкновенно блистательной зимы. Изъ иностранцевъ, находящихся въ Неаполь, называютъ: Герцога Девонширскаго, Герцогиню Сутерлендъ, Леди Жерзи, Леди Кадогенъ,

Лорда Чельзи, Герцога Манчестера и Князя Горчакова, бывшего Совѣтникомъ Россійскаго посольства въ Вѣнѣ. Сверхъ того ожидаютъ Герцогини Саганъ и Графини Фикельмонъ, которая теперь въ Римѣ. Бельгійскій Посланникъ въ Вѣнѣ, Г. О'Сулливанъ также находится въ Неаполь, на пути изъ Константинополя, но онъ вскорѣ уѣдетъ въ Вѣну. При тамошнемъ Французскомъ посольствѣ состоитъ сынъ генерала Дамремона, убитаго подъ Константиною.

Дочь Французскаго Короля, Герцогиня Виргембергская находится теперь въ Пизѣ съ супругомъ своимъ. — Англійская вдовствующая Королева отправилась изъ Неаполя 15-го Ноября, и посѣтивъ Сиракузы, прибыла въ Мальту 30-го Ноября. Здѣсь она останется на зиму.

Испанія.

Кажется, что послѣднія событія въ Испаніи не только не измѣнили, но еще болѣе утвердили основаніе обстоятельствъ и дѣлъ, въ какихъ находится Испанія съ нѣкотораго времени. Ихъ можно изобразить слѣдующими словами: хитрый Эспартеро успѣлъ захватить всю воинскую власть въ свои руки, и пользуясь слабостью Правительства и несчастнымъ волненіемъ страстей, допускаетъ шумѣть изступленныхъ, а между тѣмъ уничтожаетъ соперниковъ. Въ то же время, онъ ведетъ только оборонительную войну съ Карлистами, доводя ожесточеніе партій до чрезмѣрности; онъ хочетъ, кажется, показать бесполезность варварскаго кровопролитія. Цѣлью его можетъ быть — равное уничтоженіе власти и Христины и Донъ Карлоса, примиреніе партій и самовольное обладаніе властью при новомъ правительствѣ. По крайней мѣрѣ, иначе нельзя объяснить новѣйшихъ событій Испанскихъ быстраго паденія Нарваеза, поступковъ Але и Кордовы, бездѣйствія Карлистовъ и продолженія без-

человѣчныхъ возмездій кровью за кровь. Сообщаемъ здѣсь краткій очеркъ новостей изъ Испаніи.

Мы говорили уже о вліяніи, какое мгновенно приобрѣлъ Нарваезъ, усмиривъ возмущеніе въ Мадридѣ, въ концѣ Октябръ, и предложивъ планъ образованія войскъ въ Андалузіи. Онъ отправился туда, и вскорѣ услышали о возстаніи многихъ городовъ Южной Испаніи. Вездѣ провозглашали имена Кордовы и Нарваеза. Они учредили въ Севильѣ конту, 15-го Ноября, и объявили отдѣльный наборъ войскъ. Слѣдствіемъ было прежде всего разрушеніе Мадридскаго Министерства. Всѣ Министры, кромѣ Президента герцога Фріаса, подали въ отставку. Ноября 20-го, Фріасъ собралъ совѣтъ, гдѣ находились Мартинезъ де ла Роза, Мендизабаль, Истурицъ, Калатрава, Бардази и Офалія. Черезъ недѣлю потомъ объявлено образованіе новаго Министерства: Герцогъ Горъ президентъ, генераль Але Министръ военный, Армендарезъ внутреннихъ дѣлъ, Ковантесъ юстиціи, Сантиллана финансовъ, Примо де Ривера морской. Но Министерство однакожь не могло составиться. Кромѣ Але, почти всѣ другіе отказывались. Але успѣшно прибылъ въ Мадридъ, Декабря 3-го, принялъ временное президентство, изъявилъ полную покорность Эспартеро, который по первому слуху о возстаніи Нарваеза двинулъ было войско на Мадридъ. Миранда, за котораго сеорились прежде Эспартеро и Министры, получилъ мѣсто. Эспартеро остановилъ движеніе войскъ, и Декабря 10-го, подъ руководствомъ Але, составилось новое Министерство: восьмидесятилѣтній старикъ, посланникъ въ Лиссабонѣ, *Эваристъ Перезъ де Кастро*, президентъ, *Але* Министръ военный, и временный президентъ, *Пизарро* финансовъ, *Чаконъ* морской, *Гампанера* внутреннихъ дѣлъ, *Арразола* юстиціи. Странное послѣдствіе имѣли всѣ сіи распоряженія для

Нарваеза и Кордовы. Въ Кадиксѣ встрѣтило уже ихъ съ самаго начала сильное сопротивление Графа Клонарта, генераль-капитана Андалузіи. Онъ послалъ войско, объявилъ юнту Севильскую незаконною, призывалъ всѣхъ Андалузцевъ къ повиновенію правительству, и всѣ мгновенно оставили Кордову и Нарваеза; собравшія ими толпы милиціи разбѣжались. Между тѣмъ Але смѣло заговорилъ въ палатѣ Кортезовъ; ему не смѣли противиться. Онъ назначилъ военную комиссію для сужденія Кордова и Нарваеза. Напрасно хотѣли они оправдаться и спѣшили въ Мадридъ; имъ не вѣльно было вѣзжать въ столицу, не приняты и просьбы ихъ объ отставкѣ. Пишутъ даже, что они уже схвачены и отвезены въ Кадиксѣ. Андалузія совершенно теперь успокоилась, и Клонарту даны полномочія на управленіе, преслѣдованіе возмутителей и судъ Кордовы и Нарваеза.

Во все сіе время, движенія Карлистовъ были все не значительны. Фанъ Галенъ отбилъ Кабреру отъ Валенціи, и Карлисты пользовались только малыми успѣхами. Донъ Карлосъ строжайше воспретилъ разстрѣливаніе плѣнныхъ. Напротивъ Фанъ Галенъ, Эспартеро и Кабрера объявили, что отнынѣ не будетъ у нихъ пощадъ ни одному плѣннику. Донъ Карлосъ 17-го Декабря былъ еще въ Аскоитіа.

Мунагорри опять выходитъ на сцену, и угрожаетъ Донъ Карлосу. Вотъ извѣстія объ его движеніяхъ: «Байонна 2-го Декабря.» Сегодня утромъ Мунагорри выступилъ изъ Бидассоа и отправился въ Сень-Марсъяль, военную позицію, извѣстную сраженіями, происходившими въ 1794 и 1813 годахъ между Французами и Испанцами. Часть оружія и снарядовъ Мунагорри отправлена въ Беговію. Въ то же время прибыли въ Фуэнтарабію Англійскіе артиллеристы и морскіе солдаты. По предписанію Ге-

нерала *О'Доннелла* предпринята была рекогносцировка въ Сень-Марсъяль. Онъ и Коммендантъ Валкарлоса получили отъ *Эспартеро* предписаніе оказывать *Мунагорри* содѣйствіе.

Въ газетѣ *Phare de Bayonne* напечатано слѣдующее. «1-го числа *Мунагорри* вступилъ въ Испанію. Два батальона, отправившіеся изъ Сарры и Сень-Пе, прибыли въ Биріату, въ семь часовъ утра, и въ часъ по полудни. Они переправились чрезъ Бидассоа, не останавливаясь во Французскихъ владѣніяхъ. Переправа совершена, безъ сопротивленія со стороны Карлистовъ, на лодкахъ, прибывшихъ изъ Фуэнтарабіи. Когда войско достигло противоположнаго берега, ему были разданы оружіе и аммуниція, и оно немедленно заняло высоты позади Сень-Марсъяля. Первый батальонъ находился подъ начальствомъ *Брюне*, а второй самаго *Мунагорри*. Всего считалось около 850 солдатъ. При перекличкѣ оказалось однакожь, что не достаетъ слѣшкомъ 400 человекъ, которые остались во Франціи. Генераль *О'Доннелль*, полковники *Колгунъ* и *Котонеръ*, и многіе другіе Британскіе штабъ-офицеры отправились еще за день предъ тѣмъ въ Ирунъ. Въ Сень Марсъяль Карлисты начали дѣлать укрѣпленія. Батальонъ полка Овiedo и батарея легкой артиллеріи прибыли въ Ирунъ, и получили приказаніе не допускать никакого сообщенія между Мунагорристами и линіями Христиносовъ. Генераль *Хаурегви*, приготовившій переправу чрезъ Бидассоа, не послѣдовалъ за войскомъ въ Испанію. Вслѣдствіе не совсѣмъ благопріятныхъ распоряженій со стороны генерала *О'Доннелла*, *Мунагорри* 1 Декабря двинулъ свои войска на Гайсуэту, но удержалъ позицію свою въ Амасень. Въ ночи съ 1 на 2-е Декабря Карлисты сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ по отряду Мунагорри, кото-

рый не отвѣчалъ имъ. 2 числа Карлисты удалились и уступили поле новымъ своимъ противникамъ.»

— 3 Декабря, вечеромъ, отрядъ Карлистовъ старался обозрѣть позицію *Мунагорри*, и полагали, что дойдеть до сраженія. Но какъ въ то же время Французскій гарнизонъ Сень-Жанъ де Люса выступилъ, чтобы расположиться близъ Бріату, то Карлисты отступили. *Мунагорри* получилъ отъ Англичанъ для своихъ солдатъ палатки, и намѣренъ построить укрѣпленіе, подобное находящемуся у Ирунскаго моста.

— Изъ Санъ-Себастіана отъ 2 Декабря пишутъ: *Фуэристы* (название солдатъ *Мунагорри*) по вышнему своему виду ни сколько не уступаютъ лучшимъ Испанскимъ солдатамъ. Они не таковы, какъ войско, стоящее близъ границъ, хорошо и чисто одѣты и отличаются превосходною дисциплиною. Два офицера бывшаго Британскаго легіона, Гг. *Вигъ* и *О'Конноръ*, и два офицера, участвовавшіе въ походѣ Дона Педро въ Португалію, вступили въ службу къ *Фуэристамъ*. Полагаютъ, что черезъ мѣсяць войско *Мунагорри* удвоится, ибо неудовольствіе между поселенцами и неповиновеніе въ войскѣ Дона Карлоса, стоящемъ въ Гвипускоа, постепенно увеличиваются.»

— Изъ Сень-Жанъ-де Люса отъ 8 Декабря пишутъ: «*Мунагорристы* продолжаютъ укрѣплять свою позицію близъ Сень-Мартена. Англійскіе инженеры управляютъ ихъ работами. Генераль *Хаурегви* ежедневно имѣетъ свиданіе съ *Мунагорри*. Карлисты спокойно смотрятъ на дѣйствія своихъ противниковъ. *Мунагорри* утверждаетъ, что если Христиносы нападутъ на Карлистовъ, то многіе изъ послѣднихъ перейдутъ къ нему. У *Мунагорристовъ* есть баталіонъ Англійскихъ морскихъ солдатъ, посредствомъ которыхъ они состоятъ въ сношеніи съ небольшою

Испанскаго эскадрого. Эскадрѣ предписано содѣйствовать предпріятію *Мунагорри*; между тѣмъ генераль *О'Доннелъ* повинуется предписаніямъ *Эспартеро*. Такое странное положеніе не можетъ долго продолжаться, потому, что *Мунагорристы* и ихъ Англійскіе союзники не въ состояніи не въ время зимняго времени обойтись безъ госпиталей, магазиновъ и прямыхъ сношеній съ лордомъ Дж. Ге. Вѣроятно, по составленіи въ Мадридѣ Министерства, положено будетъ какое либо рѣшеніе, при чемъ, разумѣется, вліяніе *Эспартеро* будетъ еще весьма сильно. Надобно полагать, что какое бы ни было мнѣніе *Эспартеро* о *Мунагорри*, участіе, принимаемое въ немъ Англичанами, воспрепятствуетъ распущенію его корпуса. Королева также оказываетъ ему свое покровительство.

Португалія.

Декабря 9-го открыты засѣданія Кортесовъ рѣчью Королевы. Мелкая война Мигуэлистовъ продолжается. Между войсками Правительства и южными гверильясами произошло нѣсколько стычекъ. Въ одной изъ нихъ палъ *Іоаннь Бажоанъ*, послѣдній отрасль сей Мигуэлистской фамиліи. Португальское Правительство находится въ такомъ денежномъ затрудненіи, что Королева уже восемь мѣсяцовъ не получала своихъ доходовъ изъ государственной казны, и была принуждена заложить свои брилліанты, чтобы покрыть издержки Двора.

Ноября 8-го, вечеромъ, сынъ предводителя гверильясовъ Ремешада, разстрѣляннаго въ Августѣ мѣсяцѣ, наткнулся на пути изъ Одемиры въ Алгарвію, съ 49 хорошо вооруженными всадниками, на центральную колонну королевскихъ войскъ, командуемую полковникомъ Фонтурою. Онъ обязанъ сво-

имъ спасеніемъ только тому, что горныя дороги сдѣлались отъ дождя непроходимыми, и потерялъ пять человѣкъ убитыми, двухъ плѣнными и 11 лошадей. Начальникъ военного округа Бежи увѣдомляетъ въ депешѣ своей, что 11-го числа вечеромъ, волонтеры Кастро-Марима, образующіе пятую колонну, подкрѣпленные нѣсколькими вооруженными поселянами, напали на шайку гверильсовъ, состоявшую изъ двадцати человѣкъ, и послѣ непродолжительнаго дѣла, обратили ее въ бѣгство. Безпрепятствннн вторженіи сихъ шаяекъ до того раздражили жителей округа Фаро, что они потребовали отъ начальства оружія и военныхъ припасовъ для своей защиты. Имъ удалось захватить въ плѣнъ одного изъ самыхъ смѣлыхъ гверильсовъ, прозваннаго *Жаворонокъ*. Онъ былъ немедленно разстрѣлянъ въ Кастро-Маримѣ.

Еще новаго рода партія оказалась въ Португаліи: гарнизонъ Алмеидскій объявилъ Королемъ Донъ-Себастьяна, сына супруги Донъ Карлосовой. Говорятъ, что весь гарнизонъ состоитъ только изъ 210 человѣкъ, но вѣроятно, что у заговорщиковъ заведены сношенія съ Испаніею...

ГРЕЦІЯ.

Бюджетъ 1858 года, составленный самимъ Королемъ, показываетъ попеченія, какія прилагаетъ Греческое Правительство объ улучшеніи финансовъ государства. Экономія по вѣсьмъ частямъ государственнаго управленія составила къ 1858-му году 4,780,414 драхмъ (драхма равна 22 $\frac{1}{2}$ коп. сер.), такъ, что излишекъ расходовъ противъ доходовъ простирается только до 3,383,577 драхмъ, считая въ томъ и плату процентовъ и погашенія по вѣншнему займу (3,256,356 драхмъ), которыя должно допол-

нить кредитомъ, или необыкновенными средствами. Въ 1837 году состоялъ онъ изъ 7,363,692 драхмъ.

ТУРЦІЯ.

18-го ч. утромъ, флотъ Турецкій въ отличномъ порядкѣ втѣнулся въ Царяградскую гавань, при благоприятномъ юго-восточномъ вѣтрѣ; впереди шли корабли Великаго-Адмирала и Ріала-Бей. При первомъ появленіи ихъ, Англійскій фрегатъ, стоящій въ Топханѣ, салютовалъ Капитану - Папшѣ, и Ріала-Бей немедленно отвѣчалъ ему на салютъ. Четыре большіе корабля, принадлежащіе къ эскадрѣ Капитана-Паши, будутъ разснащены. Остальные будутъ стоять въ гавани вооруженные. Англійскіе морскіе офицеры, провожавшіе Капитана-Папу, отплыли въ Смирну. Многіе изъ нихъ хотѣли поступить въ Турецкую службу, но Порта ихъ не приняла. Также отказано было восьмерымъ другимъ Англійскимъ морскимъ офицерамъ, прибывшимъ сюда изъ Англій, съ предложеніемъ своихъ услугъ, для лучшаго образованія Турецкихъ матросовъ, какъ говорили они въ своемъ прошеніи. Они тоже уѣхали отсюда. Изъ сего видно, что Порта недовольна Англичанами.

Ноября 30-го былъ празднованъ день рожденія Султана въ Царьградѣ, и произведены обыкновенные залпы изъ орудій. Вечеромъ, наканунѣ, столица и Босфоръ были иллюминированы. Въ особенности отличались дома верховнаго Визиря и другихъ сановниковъ. 1-го Декабря была совершена, въ старомъ сералѣ церемонія выставки *ширкай - шерифа* (плаща пророка). При семъ случаѣ, Министерество и улемы приносили поздравленія Его Величеству, съ днемъ его рожденія. — Состояніе здоровья въ городѣ удовлетворительно.

Въ Константинопольской газетѣ увѣдомляютъ, что нѣкто *Эдгемъ-Эфенди*, бывшій два года назиромъ Фелиба (Филиппополя), обвиненъ въ пренебреженіи своихъ обязанностей и въ поступкахъ самыхъ презрительныхъ. вмѣстѣ съ нимъ отданы подъ судъ главнѣйшіе участники въ его плутняхъ, и нѣкто *Иссеть-Бей*, бывшій душою всѣхъ преступленій. Оба обвиненные сначала ни въ чемъ не признавались, но вскорѣ очныя ставки съ ихъ обвинителями заставили ихъ сдѣлать показанія. *Эдгемъ-Бей* лишенъ чиновъ и сосланъ въ *Таробозанъ* (*Трапезондъ*), а *Иссеть-Бей* въ *Синопу*. Награбленное ими достояніе будетъ отдано прежнимъ владѣльцамъ.

— Въ *Gazzetta di Milano* сообщаютъ, что городъ *Скутари*, въ *Албаніи*, бывшій подъ властью *Румели-Валесси*, отданъ Султаномъ въ непосредственное вѣдѣніе *Дивана*. *Скутари* будетъ главнымъ городомъ *санджака*, простирающагося до озера *Ориды*. Губернаторомъ округа назначенъ *Ферикъ Рифать-Гассанъ-Паша*. Онъ приказалъ построить мостъ чрезъ *Боляну*, который принесетъ большую пользу жителямъ. Въ *Скутари* очень довольны переменами.

— Султанъ пожаловалъ Англійскому Адмиралу *Стонфордъ* превосходную драгоценную табакерку, осыпанную брилліантами.

Въ *Царьградѣ* получили извѣстіе о жестокомъ покушкѣ, которому подвергся одинъ Турецкій голеть, близъ *Патмоса*. Онъ плылъ изъ *Саталіи* и зашелъ въ *Патмосъ*. По выходѣ изъ гавани, на него напало разбойничье судно. Хорошо вооруженные пираты вскочили на голеть, напали на экипажъ, связали пассажировъ, разграбили все, и пробивъ судно, потопили его. Изъ 18-ти человекъ, составлявшихъ экипажъ, спасся въплывъ одинъ только *Турокъ*. Между пассажирами находились одно Американское се-

мейство и одинъ Нѣмецкій врачъ. Извѣстіе получено изъ *Самоса*. Губернаторъ сего острова немедленно послалъ въ погоню за пиратомъ и схватилъ его.

Греческій Патріархъ обязалъ присягою всѣхъ Греческихъ врачей и аптекарей продавать только тѣ лекарства, коихъ составъ имъ извѣстенъ и въ которыхъ нѣтъ подложныхъ веществъ.

Азія.

Изъ *Сиріи* получаютъ извѣстія неблагопріятныя для арміи Султана. Побѣги значительно усиливаются. Многіе офицеры и солдаты изъ *Румелии*, называющіе себя соотечественниками *Мегмета-Али*, переходятъ на его сторону. Недавно 800 человекъ присоединились съ оружіемъ и знаменами, къ арміи *Ибрагима*; онъ немедленно опредѣлилъ ихъ въ иррегулярныя войска, въ которыхъ они всего охотнѣе служатъ. Курды начали дѣйствовать наступательно и связываютъ руки *Гафизъ-Пашѣ*.

Въ половинѣ Октября начались дѣйствія Египтянъ противъ *Аравіи*. *Хуриидъ-Паша* двинулся лѣвымъ флангомъ арміи противъ страны *Негди* (*Неджедъ*). Дорога идетъ чрезъ эль-*Дережехъ* и *Ріадъ*. *Фесаль*, предводитель соединившихся племенъ *Негди*, хотѣлъ задержать здѣсь войска *Паши*. Сопrotивленіе его не имѣло успѣха. Войска его были разбиты при *Абделемѣ*, въ странѣ *Карджъ*, потомъ при *Катифѣ*, городѣ на *Персидскомъ Заливѣ*, которымъ Египтяне овладѣли, наконецъ при *Акѣ*, гдѣ они потеряли 600 верблюдовъ и 300 конниковъ. *Авангардомъ* Египтянъ предводительствуетъ *Могамедъ-эба-Эзиръ*, 416-ти-лѣтній старецъ, личный врагъ *Фесалы*, который нѣкогда изгналъ его изъ владѣній на *Персидскомъ Заливѣ*. Эль-*Дережехъ* и *Ріадъ* уже покорились; одна *Ака* сопротивляется; если она сдѣст-

ся, то южный Негдй останется беззащитенъ, и тогда Намѣстникъ Египта будетъ владѣть всею землею между Чернымъ и Персидскимъ Морями.

— Въ Англійскихъ газетахъ сообщаютъ переписку лорда Пальмерстона съ извѣстною Леди Эстеръ Стангопъ, сестрою Графа Стангопа и племянницею Питта, которая уже съ давняго времени живетъ въ Сиріи, и приобрѣла такое вліяніе на нѣкоторыя тамошнія горскія племена, что они ее уважаютъ, какъ принцессу, и она сама называетъ себя *Королевою Пальмиры*. Леди Стангопъ вошла въ большіе долги. Займодавцы ея непереставали жаловаться Англійскому Консулу въ Египтъ, и Англійское Правительство задержало пенсіонъ, получаемый ею въ Англии, назначивъ его на удовлетвореніе займодавцевъ. Она написала Лорду Пальмерстону письмо, въ которомъ жалуетса на распоряженіе. Министръ отвѣчалъ ей, отъ 25-го Апрѣля нынѣшняго года, что онъ представилъ ея письмо Королевы, и что сдѣланное распоряженіе совершенно согласно съ законами. Леди Стангопъ вышла изъ себя, и написала лорду Пальмерстону, отъ 1-го Юля, изъ своей столицы Джунъ, въ Ливанскихъ горахъ, слѣдующее:

«Милордъ! Если дипломатическія депеши ваши столь же темны, какъ письмо ваше, то неудивительно, что Англія перестаетъ имѣть въ своей вѣншей политикѣ славный перевѣсъ, которымъ всегда гордилась. Ваше Превосходительство пишете мнѣ, что вы почли своимъ долгомъ объяснить все дѣло Королевы. Мнѣ кажется, Милордъ, что вашимъ долгомъ было изслѣдовать дѣло, прежде чѣмъ вы позволили себѣ употребить имя Ея Величества, и прежде чѣмъ вы отчуждили отъ нея и отъ страны подданную, которая (всѣ должны признать то, хотя многимъ очень не по сердцу) возвысила имя Англии на Востокъ болѣе, чѣмъ кто либо до нея, и притомъ безъ малѣйшаго денжнаго пособія со стороны государства. Если меня могутъ обвинить въ преступленіи, и если я заслуживаю наказаніе, пусть меня судятъ перы, или пусть под-

вергнуть меня приговору общаго мнѣнія. Я не люблю Англичавъ, потому, что они уже не Англичавѣ, потому, что они уже не тотъ смѣлый, честный, прямой народъ, какъ прежде. Однакоже еще есть нѣсколько старыхъ Англичавъ, и я охотно положусь, въ разсмотрѣніи моего дѣла, на ихъ честность и безпристрастіе. Объявляю вамъ, Милордъ, что если съ будущимъ пакетботомъ не получу я чего либо рѣшительнаго на счетъ моего дѣла, если меня не оправдаютъ въ глазахъ свѣта, въ умысленныхъ или неумысленныхъ обвиненіяхъ, то я перемѣню мой нынѣшній образъ жизни, замкну двери моей квартиры, и останусь въ ней какъ въ гробу, доколѣ мое доброе имя не будетъ восстановлено, доколѣ клеветники мои не признаются въ своемъ презрительномъ поступкѣ. Тѣ, въ чьихъ жилахъ течетъ кровь Питта, дорожатъ своею честью, и никогда не позволятъ, чтобы Консулъ вмысливался въ ихъ дѣла.»

Въ Лондонѣ получены извѣстія изъ Калькутты отъ 23-го Сентября, изъ Мадраса отъ 26-го того же мѣсяца, а изъ Бомбея отъ 7-го Октября. Вооруженія противъ Кабула быстро подвигаются впередъ. Британскій корпусъ состоитъ изъ 16,000 человекъ, раздѣленныхъ на бригады и готовыхъ къ выступленію. Всѣ войска должны были собраться 15-го Октября въ Карнаутъ и 1-го Ноября открыть походъ. Сиръ Генри Фенъ будетъ начальствовать ими. Войска Шаха Субжаса, которыя къ нему присоединятся, состоятъ изъ 10,000 человекъ. Маршрутъ еще не назначенъ. Ненаульцы, занявшіе проходы въ Гиммалайскихъ горахъ, возбуждали нѣкоторое опасеніе. Противъ нихъ будетъ сформированъ, въ Шикарпурѣ, особый наблюдательный корпусъ. Последнее неуспѣшное нападеніе Персіянъ на Гератъ происходило 26-го Юля. Раджа Юванъ Сингъ, владѣтель Удейпура, скончался 30-го Августа. Восемь вдовъ его сожглись съ его тѣломъ.

Въ Англии полученъ изъ Остъ-Индіи важный документъ, напечатанный въ чрезвычайномъ прибав-

леніи къ Делійской газетѣ, отъ 11-го Октября. Въ немъ секретарь Генераль-Губернатора Индіи, Мекъ-Негтенъ, разбираетъ, по его повелѣнію, причины, по которымъ предпринята экспедиція къ Персидскою границѣ, и изображаетъ отношенія Остъ-Индскаго Правительства къ туземнымъ Индѣйскимъ владѣтелямъ. Когда документъ былъ обнародованъ, въ Бенгаліи знали, что осада Герата снята. Сіе событіе тѣмъ болѣе важно для Англіи, что какъ видно изъ статьи Г. Мекъ-Негтена, властители Кандагара, хотя понимавшіе, сколь много Персидская политика нарушала выгоды Британской націи въ Индіи, не смотря на то явно присоединились къ сей политикѣ, и подкрѣпляли Персидскаго Шаха въ его дѣйствіяхъ противъ Герата. Если бы Шахъ покорилъ сію крѣпость, онъ могъ бы, пользуясь дружбою и содѣйствіемъ сихъ предводителей, немедленно проникнуть далѣе. Потому Остъ-Индское правительство заключило союзъ съ Ренджитъ-Сингомъ, къ которому приступилъ также изгнанный Кабульскій Принцъ, Шахъ Суджахъ. Ренджитъ-Сингъ обязуется трактатомъ, содѣйствовать къ возвращенію Шаху Суджаху престола его предковъ въ Афганистанъ. Онъ долженъ вступить въ Афганистанъ съ собственнымъ войскомъ. Британская армія защититъ его и отъ возстаній жителей. Эмирамъ Синда обезпечить, за выгодными условіями, ихъ независимость, а нынѣшній владѣтель Герата останется спокойно въ своемъ городѣ. Надѣются, что такимъ тройнымъ союзомъ, Индія будетъ совершенно защищена отъ непріятельскаго вторженія. Далѣе въ документѣ слѣдующія назначенія въ Индіи: *Мекъ-Негтенъ* отправится посланникомъ Индѣйскаго Правительства ко Двору Шаха Суджахъ; его сопровождаютъ капитанъ *Александръ Борнесъ*, изъ Бомбея, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ у

предводителя Келета и другихъ владѣній; поручикъ Бенгальской артиллеріи *Тодъ*, въ качествѣ военнаго секретаря Г. Мекъ-Негтена; поручики *Поттингеръ* и *Лижъ* и военный врачъ *Лордъ*, изъ Бомбея, въ качествѣ политическихъ его помощниковъ; поручикъ Бенгальской кавалеріи *Кополей*, командующій прикрытіемъ посланника, и операторъ *Бервикъ*.

Извѣстія изъ Персіи все еще неопредѣленны. Кажется, что тамошнія дѣла очень запутываются. Мало кому извѣстны обстоятельства сей страны. Даже Англичане, которые обращаютъ все свое вниманіе на Персію, не знаютъ, что тамъ происходитъ. После сего нельзя удивляться, если газеты столь часто противорѣчатъ другъ другу, и судятъ о внутреннихъ дѣлахъ и вѣншихъ отношеніяхъ Персіи, вовсе ихъ не зная.

Въ Египтѣ получены извѣстія о непріятностяхъ, какія послѣдовали въ Александреттѣ въ Сиріи: Англійскіе матрозы начали драку съ Египетскими. На шумъ прибѣжали консулы Англійскій и Французскій; ихъ жестоко прибили, и Англійскій флагъ былъ сброшенъ съ шлюпки. Начальство города остановило дальнѣйшія слѣдствія взаимнаго ожесточенія. — По требованію Мегмета-Али, касательно Европейскихъ бродягъ, пріѣзжающихъ въ Египетъ, своей охоты, какую производятъ Европейцы по лѣсамъ и садамъ, и частыхъ дуелей; двѣнадцать Европейскихъ Консуловъ, находящихся въ Александріи, Октября 17-го постановили, что Египетское Правительство имѣетъ право выгонять бродягъ и людей подозрительныхъ, какой бы націи они ни были; что отнынѣ никто не имѣетъ права охотиться безъ письменнаго позволенія Правительства, и что дуели подлежатъ преслѣдованію мѣстныхъ начальствъ, какъ уголовныя преступленія.

Въ Марсельскихъ газетахъ сообщаютъ письмо доктора Клотъ Бея, въ которомъ находятся слѣдующія подробности объ отъѣздѣ Мегмета-Али въ Сеннааръ:

«14-го Октября прибылъ я въ Каиръ, и только что засталъ намѣстника. Онъ принялъ меня съ обыкновеннымъ радушіемъ, и разговаривалъ со мною о путешествіи, которое намѣревался предпринять въ Эіопію, желая удостовѣриться собственными глазами въ пользу, какую можно извлечь изъ тамошнихъ золотыхъ рудниковъ. Знаменитый старецъ показался мнѣ столь же бодрымъ, какъ за пятнадцать лѣтъ предъ симъ, когда я видѣлъ его въ первый разъ, сохранилъ всю силу своего характера, и никто не могъ отклонить его отъ тяжкаго и даже опаснаго путешествія. 17-го числа, онъ уѣхалъ. Трогательное и вмѣстѣ торжественное зрѣлище представилось на берегу Нила, когда онъ сталъ прощаться съ своимъ семействомъ, придворными чиновниками и министрами. Тутъ можно было видѣть все добродушіе, все благородство Паши, которыми онъ всегда отличался. Немногіе изъ присутствовавшихъ могли удержаться отъ слезъ. Онъ сѣлъ на парходъ, сопровождаемый только тремя ижеперами, врачомъ и нѣсколькими слугами. Черезъ нѣсколько минутъ корабль исчезъ изъ виду.»

Вотъ послѣднія извѣстія объ Африканскомъ Наполеонѣ Абдъ-эль-Кадерѣ: Изъ Алжира отъ 18-го Ноября писали, что *Абдель-Кадеръ* все еще находился подъ стѣнами Аинъ-Майдега. Осада города продолжалась уже слишкомъ пять мѣсяцовъ. Слухи, распространенные Арабами о многочисленныхъ пораженіяхъ, претерпѣнныхъ будто бы *Абдель-Кадеромъ*, были неосновательны. Все дѣло въ томъ, что средства осаждающихъ недостаточны. *Абдель-Кадеръ* привезъ съ собою не болѣе четырехъ пушекъ, и только двѣ изъ нихъ, которыя по малому своему калибру не могутъ причинить значительнаго вреда городскому валу, годны къ употребленію. Гарнизонъ состоитъ изъ 500, а осадная армія изъ 4000 человѣкъ. Нѣсколько худо проведенныхъ минъ не могли разрушить городского укрѣпленія и только въ од-

номъ мѣстѣ сдѣлана узкая брешь, которой однакоже недостаточно для успѣшнаго приступа. Потомъ увѣдомляли изъ Алжира отъ 10-го Декабря, что Абдель-Кадеръ снялъ осаду Аинъ-Майдеха, и находился въ обратномъ пути въ Мидію. Теджини Аинъ-Майдеха покорился, призналъ власть Абдель-Кадера, и прислалъ къ нему въ заложники своего сына и двѣнадцать вельможъ. Онъ сохранилъ начальство надъ Аинъ-Майдехомъ, въ который войска Абдель-Кадера не вступали. Изъ Орана писали, отъ 13-го Декабря: «Вчера прибылъ къ Консулу Абдель-Кадера Арабъ, привезшій извѣстіе, что Эмиръ возвратился въ Маскару, и что Аинъ-Майдехъ ему покорился. Абдель-Кадеръ готовился выступить въ Миліану, гдѣ, вѣроятно, проведетъ зиму, съ своею регулярною арміею. Вспомогательныя его войска распущены.»

Герцогъ Георгій Кембриджскій, Ноября 30-го, посѣтилъ Цейту, и осмотрѣвъ тамошнюю крѣпость, возвратился въ Гибралтаръ, намѣреваясь посѣтить послѣ того Тегуанъ.

— Изъ Капа сообщаютъ, отъ 12-го Сентября, что тамъ составилось общество на акціяхъ для заложения безопасной гавани въ Столовомъ Заливѣ. Надѣются, что капиталъ въ 200,000 ф. ст., необходимый для сего важнаго предпріятія, будетъ собранъ въ самой колоніи.

АМЕРИКА.

Опасенія о новыхъ возмущеніяхъ въ Канадѣ, къ несчастію, подтвердились. Вотъ официальные донесенія Сира Джона Кольборна:

1) Главная квартира Монреаль, 5-го Ноября. Милордъ! Извѣстія, доставленныя вамъ лордомъ Дургамомъ, пригостили васъ къ движеніямъ инсургентовъ, происшедшимъ во многихъ графствахъ и въ округѣ Монреала. Поселеніе собираютъ-

ся, въ большомъ числѣ, въ Сентъ-Урсъ, Сентъ-Дени, Сентъ-Шарль, Акадіи, Шатоге и Богарне. Общія движенія инсургентовъ начались 3-го числа. 4-го числа, они падали на дикарей въ деревнѣ Коханавагъ, но были отбиты и потеряли 70 человекъ плѣнными. Готовилось къ выступленію противъ инсургентовъ въ Акадіи. Наши войска занимаютъ Лагрери, Шамбли и Сентъ-Джонсъ.»

2) *Главная квартира Одельтона, въ полѣвѣ Ла-Коля, 11-го Ноября.* Милордъ! Честь имѣю донести, что поселяне оставили, въ ночи на 4-е число, свои деревни, и поднявъ оружіе противъ Ея Величества, собрались въ Сентъ-Урсъ, Сентъ-Шарль, Сентъ-Мишель и Бельвилъ. Около 4,000 инсургентовъ сосредоточились въ Напирвилъ, подъ командою Р. Нельсона, Коте и Ганьона. При такихъ обстоятельствахъ, я приказалъ отряду, находящемуся подъ начальствомъ генералъ-майоровъ Сира Макдонелли и Клитеро, двинуться въ Акадію и Сентъ-Джонсъ, и атаковать, 9-го числа, Напирвилъ. Непогода и дурное состояніе дорогъ замедлили движеніе войскъ; они вступили въ городъ только 10-го числа утромъ. Инсургенты, уведомленные о приближеніи войскъ, разбѣжались въ ночи на 10-е число. Инсургенты, залявъ Напирвилъ, пытались возстановить, чрезъ Рузь-Пуанъ, сообщеніе съ Сосѣдними Штатами, но храбрые волонтеры Ла Коля, Одельтона, Геммингфорда и Шеррингтона, расположившіеся на границѣ при самомъ началѣ возмущенія, атаковали 400 инсургентовъ, и отбили у нихъ одну пушку и 300 ружей. 9-го числа, волонтеры, атакованные 900 инсургентами, подъ предводительствомъ доктора Нельсона, храбро защищались въ церкви Одельтона, и наконецъ прогнали неприятеля. Получивъ извѣстіе о возмущеніи въ Богарне, я немедленно двинулъ туда войска, которыя очистили сей пунктъ отъ инсургентовъ. Британское народонаселеніе выказываетъ, при всякомъ случаѣ, величайшее усердіе и дѣятельность. Теперь уже болѣе нельзя сомнѣваться, что зачинщики сего возмущенія составили заговоръ для введенія *республики* въ Канадѣ, уже въ Юнь мѣсяць, и что большая часть поселянъ дали въ Юль и Августъ мѣсяцахъ клятву не измѣнить тайному обществу. Многіе изъ нихъ принуждены были сражаться въ рядахъ инсургентовъ; послѣдніе угрожали имъ раззореніемъ ихъ имущества и захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Въ числѣ ихъ

находится Французскій офицеръ, командовавшій въ Напирвилъ. Посылаю вамъ двѣ прокламаціи доктора Нельсона. *Джонъ Кольборнъ.*»

— Въ Нью-Йоркскихъ газетахъ сообщаютъ слѣдующую депешу военнаго секретаря Сира Джона Кольборна къ Британскому Консулу въ Нью-Йоркъ, изъ Акадіи, отъ 12-го Ноября:

«Милостивый государь! Его Превосходительство, Сиръ Джонъ Кольборнъ, поручилъ мнѣ уведомить васъ, что инсургенты, поднявшіе оружіе въ округѣ Монреаля, совершенно разсыяны войсками Королевы и волонтерами.»

Изъ Нью-Йоркскихъ и Канадскихъ журналовъ, видно, что Сиръ Джонъ Кольборнъ объявилъ, 8-го Ноября, всю Нижнюю Канаду состоящею въ осадномъ положеніи. Двумя другими прокламаціями, изданными также 8-го числа, законъ о личной неприкосновенности отмѣненъ до 1-го Юня будущаго года, и уничтоженіемъ акта Георга III дозволяется заключеніе въ тюрьму лицъ, подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ. Другая мѣра правителя, вынужденная возстаніемъ, состоитъ въ томъ, что банки, за исключеніемъ народнаго банка, находящагося въ сношеніяхъ съ инсургентами, получили разрѣшеніе прекратить платежъ наличными деньгами, такъ какъ патриоты, между прочимъ, пытались подорвать банки чрезмѣрными требованіями уплаты ассигнацій. 25-го Октября, Губернаторъ Верхней Канады, Сиръ Джоржъ Артуръ, издалъ прокламацію, въ которой извѣщаетъ, что Правительство открыло слѣды общаго заговора, и съываетъ на службу четыре баталіона милиціи. Въ то же время онъ объявилъ всепрощеніе, и дозволилъ всѣмъ изгнаннымъ возвратиться въ отечество, за исключеніемъ 29 человекъ, обвиненныхъ въ государственной измѣнѣ. По донесеніи полковника Тайлора, сраженіе въ Одельтонѣ, 9-го

числа, продолжалось два съ половиною часа. Инсургенты лишились пятнадцати человекъ убитыми и многих ранеными. Послѣднихъ они унесли съ собою. Изъ лоялистовъ убиты одинъ капитанъ и четверо рядовыхъ, ранены одинъ поручикъ и девять рядовыхъ. Потеря лоялистовъ при атакъ Богарне состоитъ, по показанію маіора Кармичелла, изъ одного убитаго и четырехъ раненыхъ. Пльнныхъ лоялистовъ удалось освободить, за исключеніемъ шести человекъ, которые однакожь, по позднѣйшимъ извѣстіямъ, также благополучно достигли Монреаля. Нынѣ, какъ и въ прошедшемъ году, безпорядки могутъ подать поводъ къ спорамъ съ Соединенными Штатами. Въ Нью-Йоркскихъ газетахъ увѣдомляютъ, что вообще жители Соединенныхъ Штатовъ уже несравненно менѣе привержены къ Канадцамъ. Собранія, производимыя во владѣніяхъ Союза изгнанными предводителями ихъ, очень малочисленны. Не смотря на то, трудно избѣжать столкновеній на границѣ. 8-го Ноября уже случилось, что Канадскіе волонтеры, близъ Огденсбори, выстрѣлили въ судно, шлившее по рѣкѣ Св. Лаврентія, и наполненное солдатами Соединенныхъ Штатовъ, которыхъ они приняли за инсургентовъ. Одинъ солдатъ былъ тяжело раненъ. Отмѣненіе Парламентомъ декрета лорда Дургамъ объ изгнаніи приносить новыя, вредныя плоды. 15-го Ноября, прибыла въ Нью-Йоркъ, съ Бермудскихъ острововъ, шхуна, на которой находились многіе изъ инсургентовъ, изгнанныхъ лордомъ Дургамомъ, и между прочими доктора Вольфредъ, Нельсонъ и докторъ Буше. Вышедъ на берегъ, они немедленно поѣхали въ Канаду. Въ Лондонъ пришли на транспортномъ суднѣ Гораціо, денеши Сира Джона Кольборна, къ главнокомандующему арміею, лорду Гиллю, изъ Квебека, отъ 15-го Ноября. Въ нихъ под-

тверждаютъ успѣхи, одержанные войсками и милиціею. Планъ генерала окружить инсургентовъ со всѣхъ сторонъ, не исполнился по причинѣ дурныхъ дорогъ.

На пароходъ Great Western получены были газеты изъ Нью-Йорка отъ 23-го числа Ноября. На томъ же пароходѣ прибылъ въ Лондонъ Г. Майтландъ съ официальными депешами отъ Сира Джона Кольборна. Изъ депешей видно, что показанія Северо-Американскихъ газетъ на счетъ дѣла, происходившаго близъ Прескотта, не только преувеличены, но и во многихъ отношеніяхъ совершенно ложны. Дѣло было совсѣмъ не важно, и Королевское войско ни сколько не потерпѣло отъ инсургентовъ; напротивъ того, 83-й полкъ, состоящій подъ начальствомъ полковника *Дондаса* (Dundas) совершенно разбилъ отрядъ недовольныхъ, и взялъ въ плѣнъ большую часть выходцевъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, которые ихъ поддерживали. Полковникъ *Дондасъ* лишился только одного человека. Маіоръ *Юнгъ*, который, какъ увѣрили, былъ пораженъ семью пулями, не получилъ ни одной раны. Сиръ Джонъ *Кольборнъ* извѣявляетъ полную увѣренность, что безпорядки въ Верхней Канадѣ не имѣютъ почти никакой важности и что спокойствіе будетъ тамъ скоро восстановлено. 41 и 65 полки прибыли изъ Новаго Брауншвейга въ Квебекъ. Прокламація, обнародованная Президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, разсѣяла ложныя опасенія на счетъ разрыва съ Англіею. (См. *Прибавленіе II.*) Въ Монреаль учрежденъ военный судъ для произведенія слѣдствія надъ возмутителями и ихъ соумышленниками, взятыми въ плѣнъ.

Но вотъ и дальнѣйшія Англійскія извѣстія о Прескотскомъ сраженіи: 13 Ноября инсургенты потерпѣли *рѣшительное* пораженіе близъ Прескотта (въ

Верхней Канадѣ); 86 инсургентовъ сдались, 16 раненыхъ взяты въ плѣнъ, и сверхъ того Англичане овладѣли значительнымъ количествомъ снарядовъ, ружей и трехъ орудіями. Подтверждается извѣстіе, что маіоръ *Юнгъ*, 13 числа, предпринималъ нападеніе на позицію инсургентовъ, но не достигнувъ своей цѣли, лишился 45 человекъ, въ числѣ которыхъ находится нѣсколько Офицеровъ. Инсургенты также потерпѣли значительный уронъ и лишились двухъ своихъ предводителей. Въ *Courier* о послѣднихъ депешахъ Сира *Дж. Кольборна* напечатано: «Рѣшительный тонъ, въ которомъ написаны сіи депеши, и доказательства, заключающіяся въ нихъ объ отличныхъ дѣйствіяхъ регулярнаго войска, волонтеровъ и милиціи во всемъ округѣ, который нельзя болѣе называть возмущеннымъ, вѣроятно, доставитъ много удовольствія Британской публикѣ.» Сиръ *Дж. Кольборнъ* пишетъ отъ 17-го Ноября: «Ваше Превосходительство можете быть увѣрены, что если Американское правительство не въ состояніи прекратить безпорядковъ на границѣ, то вскорѣ нельзя будетъ удержать народонаселенія Верхней Канады отъ мщенія.» Депеши, присланныя послѣ того и содержащія въ себѣ извѣстіе о пораженіи инсургентовъ, написаны въ болѣе умѣренномъ тонѣ.» «Я увѣренъ,» говоритъ Сиръ *Дж. Кольборнъ*, «что если Верхняя Канада будетъ постоянно подвержена подобнымъ нападеніямъ, то попытки неблагомыслящей части народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ обезопасивать провинцію, кончатся истребленіемъ неблагонамѣренныхъ людей.» Надобно сожалѣть, что наше войско подвергнуто тягостной службѣ въ Верхней Канадѣ. Полагаемъ, что при нынѣшнемъ положеніи Американскаго правительства, имѣющаго въ своемъ распоряженіи незначительное чи-

сло войска, можно возстановить спокойствіе только строгимъ наказаніемъ участвующихъ въ возмущеніи. Слѣдовало бы ссылать ихъ въ какую либо колонію, и если въ ихъ поведеніи будетъ замѣчено исправленіе, уменьшать наказаніе. Нѣкоторые изъ инсургентовъ, безъ сомнѣнія, вовлечены въ возмущеніе по легкомыслію, но большая часть изъ нихъ люди развратнаго поведенія, искавшіе только случая для обогащенія себя грабежемъ и убійствомъ.»

Дополнительныя частныя извѣстія о началѣ безпокойствъ суть слѣдующія: Въ лоялистскомъ журналѣ *Herald*, выходящемъ въ Монреаль, сообщали, отъ 5-го Ноября, слѣдующія подробности: «Предсказанія наши вполнѣ сбылись. Канадцы опять возстали, и съ новыми силами. Вчера Канада была вторично объявлена состоящею въ осадномъ положеніи. Въ Акадіи умерщвлены многіе лоялисты. Сіи извѣстія въ послѣдствіи подтвердились. Лоялистамъ въ Лапрерѣ даровано было десять минутъ, для очищенія деревни. Они сѣли на пароходъ Британнія, и благополучно прибыли въ Монреаль. Вчера, женщина, изъ деревни Каугнаваго, отыскивавшая бѣжавшую корову, наткнулась, въ сосѣднемъ лѣсѣ, на большое число вооруженныхъ людей. Она извѣстила о томъ жителей, которые, какъ обыкновенно, въ Воскресенье, находились въ церкви. Они немедленно схватились за оружіе и напали на толпы, которыя поспѣшно бѣжали, бросая оружіе; 75 плѣнныхъ привели въ Монреаль. Въ Богарне, инсургенты овладѣли пароходомъ Брумъ, который плылъ съ почтою въ Лашинъ. Здѣсь носится слухъ, что Джонъ Макдональдъ, предводительствовавшій отрядомъ драгуновъ, палъ въ сраженіи съ мятежниками, прозенный пятью пулями.»

Въ Акадіи явился отрядъ инсургентовъ, въ 3,000

человѣкъ. Страшная, междоусобная война снова возгорѣлась. Значительныя силы были немедленно посланы изъ Монреаля въ графство Акадію. Пароходъ Принцесса Викторія, который готовился перевезти въ Лапреру отрядъ артиллеріи, былъ два раза зажженъ инсургентами, но его удалось спасти. 4-го Ноября, 3,000 инсургентовъ атаковали домъ Г. Брона, въ Богарие. Послѣ кратковременнаго сраженія, Бронъ, Элисъ и другіе лоялисты принуждены были сдаться въ плѣнъ. О судьбѣ ихъ ничего неизвѣстно. Въ Монреаль арестовали многихъ значительныхъ людей, подозрѣваемыхъ въ участіи въ новой инсurreкціи, между прочими Президента національнаго Банка Вижера и брата его, бывшаго членомъ законодательнаго совѣта. Въ городѣ и въ предмѣстіяхъ были произведены домовые обыски, и найдено много скрытаго оружія. Ворота Монреаля были заперты и охраняемы сильными караулами. Сиръ Джонъ Кольборнъ объявляетъ, что, въ слѣдствіе явнаго возмущенія въ округѣ Монреаля, такъ называемыхъ, *патриотовъ*, всѣ лица, арестованныя за участіе въ семъ возмущеніи, или захваченныя въ плѣнъ, будутъ судимы военнымъ судомъ. Толпы инсургентовъ вокругъ Монреаля находятся подъ предводительствомъ доктора Нельсона. Увѣряютъ, что въ окрестностяхъ Квебека находятся 25,000 инсургентовъ, но, кажется, число очень преувеличено. Ими командуютъ мятежники Теллеръ и Доджъ. Въ Верхней Канадѣ также, тысяча человѣкъ, пришедшихъ изъ области Огайо, атаковали фортъ Мальденъ. Извѣстный пиратъ Билль Джонстонъ начальствуетъ, на озерѣ Онтарио, нѣсколькими сотнями лодокъ.»

Въ половинѣ Ноября, толпа бродягъ, пришедшая изъ Соединенныхъ Штатовъ, съ береговъ рѣки Св.

Лаврентія, сдѣлала нападеніе на одну Британскую крѣпостцу. При атакѣ былъ убитъ Британскій офицеръ, съ обѣихъ сторонъ пролито много крови, но попытка овладѣть крѣпостцею не имѣла успѣха. Планъ предпріятія былъ составленъ искусно. Около 250 искателей приключеній съѣли на пароходѣ въ Освего, Американскомъ городѣ на озерѣ Онтарио. Въ Сакеттъ-Гербортъ, обширномъ заливѣ близъ впаденія въ озеро рѣки Св. Лаврентія, къ нимъ должны были присоединиться еще 300 человѣкъ. На семь пунктѣ, они получили значительное подкрѣпленіе, и когда прибыли къ Прескотту, эскадра ихъ состояла изъ одного парохода и двухъ шхунъ. По выходѣ на берегъ, къ нимъ присоединилось большое число людей, прибывшихъ съ другаго берега, изъ Американскаго города Огденсбурга, лежащаго прямо противъ Прескотта. Извѣстія изъ Огденсбурга, сообщаемыя Нью-Йоркскими газетами, кажется, очень преувеличены. Если вѣрить имъ, то съ Британской стороны участвовали въ сраженіи, кромѣ милиціи, 600 человѣкъ линійнаго войска. Въ одномъ письмѣ изъ Освего увѣдомляютъ, согласіе съ вѣролпностью, что въ крѣпостцѣ, которою хотѣли овладѣть бродяги, находился гарнизонъ только въ 50 человѣкъ.

— Въ Нью-Йоркскомъ журналѣ Courier and Enquirer, приверженномъ къ оппозиціи, увѣдомляютъ, что по извѣстіямъ изъ области Вермонтъ, Канадскіе инсургенты опять овладѣли частью оружія, отнятаго у нихъ въ прошедшемъ году, и помѣщеннаго въ арсеналахъ Соединенныхъ Штатовъ. Вину слагаютъ на безопасность Правительства.

На пакетботѣ Кембриджъ привезены извѣстія изъ Нью-Йорка отъ 1-го Декабря. Въ Канадѣ занимались исключительно процессомъ плѣнныхъ инсургентовъ. Предсѣдатель военнаго суда, генераль-маіоръ Клите-

рарь. Число лицъ, заключенныхъ въ Монреальскихъ тюрьмахъ за государственную измѣну, простирается до 573. Сверхъ того, 162 преступника находятся въ Генри. Въ Монреальской газетѣ сообщаютъ, отъ 22-го Ноября, повелѣніе Генераль - Губернатора о конфискаціи имѣній особъ, приговоренныхъ къ смерти военнымъ судомъ. Другимъ повелѣніемъ объявлены государственнымъ преступленіемъ требованіе измѣннической клятвы, или участіе въ тайныхъ обществахъ. Сиръ Джонъ Кольборнъ приказалъ считать 7-е Декабря днемъ поста и молитвы, и совершать молитвы для испрошенія помощи Божіей. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, опасеніе на счетъ новаго вторженія не совсѣмъ напрасно. Нельсонъ, Бушетъ и другіе опять набираютъ рекрутъ на границѣ, въ особенности въ Сентъ-Альбансъ. По другимъ извѣстіямъ. Папино и Нельсонъ стараются примириться, чрезъ посредство Британскаго Посланника въ Сѣверной Америкѣ. Въ *Courier* полагаютъ, что пройдетъ еще много времени, прежде чѣмъ волненіе утихнетъ. Англія можетъ потерять колонію, и должна страшиться разрыва съ Союзомъ.

Въ Монреаль, улицы баррикадированы; никого не пропускаютъ безъ пароля, но городъ достаточно снабженъ всѣми припасами, обезпечивая жителей на случай осады, или приступа, на который смѣлые бунтовщики легко могутъ рѣшиться. Изъ окрестныхъ мѣстъ, которыя осуждены быть театромъ продолжительной войны, жители бѣжали въ Монреаль. Сиръ Джонъ Кольборнъ объявилъ наконецъ, что онъ не разстрѣляетъ и не повѣситъ ни одного изъ мятежниковъ, паходившихся подъ судомъ, доколѣ Королева не подпишетъ приговора о каждомъ изъ нихъ. Приверженцы Правительства полагаютъ, что

поступокъ не соответствуетъ силѣ, съ какою должны быть ведены нынѣшнія дѣла.

— Возстаніе въ Канадѣ (пишутъ въ Англійскихъ газетахъ) съ прошлаго года совершенно измѣнило свой характеръ. Въ то время хотѣли силою оружія доставить удовлетвореніе требованіямъ Французской партіи; нынѣ инсургенты провозглашаютъ, что они хотѣтъ уничтожить владычество Великобританіи въ Канадѣ, и намѣрены образовать самостоятельное государство, съ республиканскими формами. Провозглашеніе независимости легко можетъ возбудить между жителями Соединенныхъ Штатовъ еще болѣе симпатіи, нежели возстаніе, начавшееся въ прошломъ году. «Большая часть пограничныхъ жителей, особенно въ Сѣверныхъ Штатахъ,» сказано въ *Colonial Gazette*, издающейся въ Лондонѣ, «состоитъ изъ природныхъ Британцевъ, которые удалились туда частію изъ самой Англіи, а частію изъ ея колоній. Почти всѣ они поступили уже въ число Американскихъ гражданъ и торжественно отреклись отъ Англійскаго подданства. Многіе изъ нихъ желаютъ, чтобы и сосѣднія Британскія колоніи равнымъ образомъ отказались отъ повиновенія. Большая половина жителей цвѣтущаго пограничнаго города *Эгикаго*, въ Иллиноа, состоитъ изъ такихъ людей. Въ милиціи Штата Менъ, состоящей изъ 42,400 человекъ, находится 10,000 Ирландскихъ Католиковъ. Въ милиціи Штата Нью-Йорка (состоящей изъ 184,728 чел.) считается 40,000 Ирландскихъ Католиковъ. Почти такія же отношенія встрѣчаются въ Вермонтѣ, въ Нью-Гампширѣ, въ Мичиганѣ и Пенсильваніи. Если политическимъ выходцамъ, къ которымъ присоединилось теперь множество искателей приключеній, бѣглыхъ Американскихъ и Англійскихъ солдатъ и праздныхъ людей, удастся завладѣть ка-

кимъ нибудь крѣпкимъ пунктомъ въ Канадѣ, то тамошнія дѣла придутъ отъ того въ затруднительнѣйшее положеніе.»

Въ Morning Chronicle напечатано: «Мы нисколько не сомнѣваемся, что въ пограничныхъ Американскихъ Штатахъ вербуются тысячи людей для вторженія въ Канаду при первомъ благопріятномъ случаѣ, но изъ сего еще не слѣдуетъ, что они дѣйствительно перейдутъ границу. Самые отчаянные, которые готовы присоединиться къ Французскимъ Канадцамъ, конечно, не рѣшатся дѣйствовать, пока не удостовѣрятся въ возможности преодолѣть отпоръ вооруженной силы, и не увлекутся предположеніемъ, что возстаніе распространится и будетъ имѣть успѣхъ. Если Правительство, при содѣйствіи Британской части населенія, приметъ рѣшительныя мѣры, чтобы не допустить Французовъ соединяться въ толпы для привлеченія сообщниковъ и содѣйствія выходцамъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, то возстаніе будетъ подавлено въ самомъ началѣ, и мы надѣемся, что не смотря на всѣ планы и приготовленія непріятелей, никакихъ важныхъ безпорядковъ не произойдетъ. Конечно, Французы немедленно рѣшились бы на возстаніе, если бы военныя силы провинціи не были значительны. Имъ извѣстно, что если они теперь не достигнутъ независимости и самостоятельнаго существованія, то должны будутъ навсегда отказаться отъ своихъ надеждъ и видовъ. Имъ извѣстно также, что Англійское Правительство поставлено теперь въ необходимость, или вовсе отказаться отъ колоніи, или прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ для совершеннаго и полнаго обращенія ея въ Британскую провинцію.»

Правительство Англійское, кажется рѣшилось подчинить Бермудскіе острова Генераль-Губернатору

Канады, и причислить ихъ къ прочимъ островамъ Британской Сѣверной Америки. При назначеніи Сира Джона Кольборна въ должность Генераль-Губернатора, прибавлено было: «и всѣхъ владѣній Ея Величества, лежащихъ близъ твердой земли Сѣверной Америки.» Извѣстно, что Графу Дургаму ставили, между прочимъ, въ упрекъ, что онъ сослалъ зачинщиковъ Канадскаго возмущенія на Бермудскіе острова, между тѣмъ, какъ сіи острова вовсе не принадлежали къ владѣніямъ, ему подчиненнымъ.

Британскій Посланникъ въ Мексикѣ, г. Пакенгамъ, уѣхавшій изъ Лондона 20-го Октября, съ полномочіемъ для окончанія спора Франціи съ Мексикою, прибылъ въ Галифаксъ, и привезъ Сиру Чарлсу Педжету приказаніе, отправиться съ достаточными морскими силами, изъ рѣки Св. Лаврентія къ Мексиканскому берегу, для защиты выгодъ Британніи. 7-го Ноября, Британская эскадра, состоящая изъ двухъ линейныхъ кораблей и одного бригаа, прошла на пути въ Вера-Крусъ мимо Гаваны.

Въ прошедшемъ году, Техасскіе крейсера задержали, въ Мексиканскомъ заливѣ, нѣсколько Англійскихъ купеческихъ кораблей, и тѣмъ причинили хозяевамъ сихъ судовъ убытокъ въ 1.500 ф. ст. Техасское правительство признало справедливость требованія, по объявило, что по недостатку денегъ не можетъ выплатить суммы. Владѣльцы кораблей обратились къ Англійскому Правительству, и требуютъ, чтобы Техасскому Правительству были сдѣланы надлежащія представленія, которыя, въ случаѣ нужды, должны быть подкрѣплены военною силою.

Въ Journal des Débats пишутъ слѣдующее на счетъ Американскихъ дѣлъ: «Съ послѣдними кораблями, прибывшими изъ Америки, мы получили изъ

вѣстія о выборахъ, произведенныхъ въ Октябрь мѣсяцѣ въ областяхъ Пенсильваніи, Огайо, Георгіи, Южной Каролинѣ, Вермонтѣ и Нью-Джерси. Надежды противниковъ управленія фанъ Бурена не исполнились. Они ожидали полнаго торжества, но кажется, что новые выборы не измѣнятъ положенія партій и не нарушатъ прежняго равновѣсія. Выборы производятся, въ одно и тоже время, для дополненія Конгресса Союза, мѣстныхъ законодательныхъ собраній и главныхъ управленій областей. Въ Огайо, одной изъ новѣйшихъ, но также одной изъ могущественныхъ областей Союза, фанъ-Буренъ и демократическая партія пріобрѣли въ свою пользу большее число членовъ Конгресса, нежели сколько имѣли прежде. Въ Пенсильваніи, истинной опорѣ союзныхъ областей, оппозиціонный Губернаторъ, Риттнеръ, долженъ былъ уступить Портеру, Губернатору преданному Правительству. Въ Нью-Джерси и Марилендѣ избраны Губернаторы, также приверженные Президенту. Партіи громко обвиняютъ другъ друга въ обманѣ при выборахъ, чему, конечно, подаетъ поводъ неограниченное право избирательства. Въ Пенсильваніи, Статсъ-Секретарь и другіе значительные приверженцы оппозиціи требуютъ, чтобы произведено было судебное слѣдствіе о выборѣ Портера. Взоры всѣхъ обращены теперь на Нью-Йоркъ, первую область по богатству и народонаселенію, приступающую къ избранію своихъ представителей въ Конгрессъ, губернатора и законодательнаго собранія. Если выборы окажутся не въ пользу оппозиціи Конгресса, тогда слѣды торговаго перелома 1837 г. не скоро изгладятся. — Въ концѣ Октября мѣсяца, войска Союза заняли въ пункты на границѣ Канады, чтобы воспрепятствовать, по возможности, столкновенію между жите-

лями Соединенныхъ Штатовъ и Англійскими войсками, ибо первыя употребляютъ всѣ средства произвести въ Канадѣ новое возстаніе. Главнокомандующій арміею Союза, генераль Меркомбъ, находился въ Сакетсъ-Гарбурѣ, на озерѣ Онтарио, близъ границы Верхней Канады.

— Въ Morning Chronicle объявляютъ, что пограничные споры съ Соединенными Штатами будутъ скорѣ оконченны къ удовольствію обоихъ Правительствъ. Съ нѣкотораго времени идутъ переговоры между Американскимъ Посланникомъ Стивенсономъ и Британскимъ Министерствомъ. Рѣшено назначить комиссію для составленія окончательныхъ условій. Оба Правительства согласны признать границею между двумя областями рѣку Сентъ-Джонъ. Та часть области Менъ, на которую Англичане всегда имѣли притязаніе, будетъ уступлена Великобританіи. Въ замѣнъ того Американцы получаютъ берегъ и владѣнія между рѣками Сентъ-Круа и Сентъ-Джонъ, равныя, по величинѣ, уступленному участку. Такимъ образомъ, область Менъ будетъ имѣть границею рѣку, а владѣнія между Канадою и Новою Шотландіею остается въ рукахъ Англичанъ, что чрезвычайно важно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Нельзя сомнѣваться, что построеніе желѣзной дороги между Галифаксомъ и Квебекомъ, уже не разъ предложенное, но всегда отсрочиваемое по случаю пограничныхъ споровъ, скорѣ будетъ исполнено, и придастъ новую жизнь Канадской торговлѣ. Въ Morning Chronicle прибавляютъ, что Американское Правительство готово окончить споръ, и что Министръ Форситъ предложилъ Британскому Посланнику Фокеу назначить комиссію, но сей послѣдній предоставилъ рѣшеніе дѣла своему Правительству. «Не знаемъ, точно ли приступлено къ подобнымъ пе-

реговорамъ, но во всякомъ случаѣ будемъ рады, если они приведутся къ окончанію. Безконечные споры о сѣверо-восточной границѣ въ Америкѣ совершенно кончатся уступкою незначительной полосы земли, что безъ сомнѣнія принесетъ большую пользу нашимъ колоніямъ, обезпечить ихъ безопасность, и Министръ, которому удастся совершить подобное дѣло, заслужитъ вполне благодарность націи. Спорная земля, лежащая между единенными Штатами и Британскими владѣніями, не имѣетъ для первыхъ особенной цѣнности, но даетъ имъ возможность вредить Англіи, а для Англіи обладаніе ея чрезвычайно важно, ибо въ противномъ случаѣ, между Новою Шотландіею и Канадою будетъ прервано сообщеніе. По смыслу трактата 1783, Англія имѣетъ несомнѣнное право на небольшое пространство земли по теченію рѣки Сентъ-Джона, котораго она домогается, но къ сожалѣнію, статья трактата выражена такъ темно и неопредѣлительно, какъ самый договоръ ясенъ и понятенъ. Такимъ обстоятельствомъ Американцы умѣли хорошо воспользоваться, и они едва ли откажутся отъ требованія, которое поддерживаютъ цѣлые 55 лѣтъ. Возрастающее народонаселеніе ежегодно увеличиваетъ цѣну спорныхъ земель; окончательное соглашеніе все болѣе и болѣе затрудняется, а сѣмля будущихъ раздоровъ продолжается между тѣмъ созрѣвать. Вотъ почему пожертвованіе нѣсколькими квадратными милями въ Новомъ Брауншвейгѣ не должно казаться важнымъ, когда дѣло идетъ о восстановленіи согласія, столь полезнаго и необходимаго.»

На пакетботѣ Свѣтъ привезены во Францію извѣстія изъ Вера-Круса отъ 6-го, изъ Тампико отъ 14-го, и изъ Гаваны отъ 27-го Октября. Важнѣйшее извѣстіе то, что Французская эскадра, подъ

командою Контръ-Адмирала Бодена, прибыла, 14-го Октября, въ Гавану. Ожидали извѣстія объ атакѣ Санъ-Жуанъ д'Уллоа, ибо ее хотѣли произвести немедленно по прибытіи эскадры къ Вера-Крусу, и бомбардирскія суда уже находились въ готовности. Эскадра Контръ-Адмирала Бодена состоитъ изъ 3-хъ шестидесяти-пушечныхъ кораблей, 2-хъ корветовъ, 5-ти бриговъ, 2-хъ бомбардирскихъ судовъ, 2-хъ париходовъ и 14-ти транспортныхъ судовъ. Блокада между тѣмъ почти совершенно прекратилась. 1-го Октября, Капитанъ Базонъ оставилъ, съ фрегатами Герминія и Иѳигенія, Сакрифисіосъ, и какъ полагаютъ, отплылъ въ Гавану, возстановить здоровье экипажа, истощеннаго лихорадкою. Два военные брига, потерявшіе въ бурю свои мачты, были также посланы въ Гавану. Въ Мексикѣ приготовлялись къ приближающейся грозѣ. 24-го Сентября, предложили въ Сенатѣ даровать Президенту Бустанте чрезвычайное полномочіе, но предложеніе было отринуту большинствомъ пяти голосовъ. Хотя жалованье береговымъ войскамъ было выплачено, однакоже финансы находились въ бѣдственномъ положеніи. Возмущеніе генерала Гомеса Фарія подавлено; онъ самъ захваченъ въ плѣнъ.

15-го Ноября, получили въ Новомъ Орлеанѣ извѣстіе, что Боденъ прибылъ 26-го Октября, съ двумя фрегатами, въ Сакрифисіосъ, на Мексиканскомъ берегу. Онъ немедленно послалъ въ Мексикку ультиматумъ, изъ чего заключали, что ему не очень хочется атаковать Вера-Крусъ. Въ Тампико все было спокойно; жители строили укрѣпленія, чтобы съ успѣхомъ противиться нападенію войскъ Правительства. Генераль Гость шелъ съ запада на Тампико, съ 1,500 человекъ; Генераль Канализа приближался, съ такою же силою, изъ Матамороса, съ восто-

ка. Генераль Монтенегро могъ выставить, въ Тампико, противъ сихъ двухъ отрядовъ, только отъ 1,000 до 1,200 человекъ.

— Изъ столицы Мексики получены потомъ извѣстія отъ 4-го Ноября. Президентъ Бустаменте намѣревался закрыть засѣданія Конгресса (который не хотѣлъ даровать ему чрезвычайнаго полномочія) силою оружія, и потомъ провозгласить себя Диктаторомъ. Онъ уже собралъ для сей цѣли 1,500 человекъ, подъ командою генерала Аристы. Контръ-Адмиралъ Боденъ, прибывъ къ Мексиканскому берегу, воспретилъ Британскимъ пакетботамъ проходить чрезъ блокадную линію.

Съ фрегата *la Gloire*, отъ 5 Ноября, писали слѣдующее: «Два часа тому, мы бросили якорь въ виду Мексиканскаго берега. Мы встрѣтили здѣсь корабль, готовый отплыть во Францію, и каждый изъ насъ воспользовался случаемъ писать къ своимъ роднымъ и къ друзьямъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ отправился на берегъ съ нотою Адмирала. Онъ, вѣроятно, возвратится завтра, или послѣ завтра, и мы ожидаемъ его съ большаю нетерпѣніемъ. Блокада все еще продолжается. Настоящее время года не совсѣмъ благоприятствуетъ нашимъ дѣйствіямъ. Скоро наступятъ сѣверные вѣтры, и уже теперь фрегаты *Courcier* и *Eclipse* такъ много потерпѣли, что съ трудомъ достигли Гаваны, гдѣ исправляютъ свои поврежденія. Желтая лихорадка и скорбутъ похищаютъ у насъ много матросовъ, и въ особенности оказываютъ гибельное дѣйствіе на молодыхъ людей. — Принцъ Жуанвильскій прибылъ сюда вмѣстѣ съ нами.»

Въ Ново-Орлеанскихъ газетахъ, отъ 21-го Ноября, сообщали письмо лейтенанта Клауэ, командира Французскаго военнаго брига Лорье, что Французская

эскадра начала бомбардировать Сень-Жанъ-д'Уллоа, и высадила 3,000 человекъ для атаки Вера-Круса. Въ Нью-Йоркскихъ журналахъ считаютъ сіе извѣстіе невѣроятнымъ. Корреспондентъ журнала *Morning Chronicle*, въ Филадельфій, полагаетъ, что здѣсь кростся ошибка. Прежде увѣдомляли, что Французскій Адмиралъ послалъ въ столицу Мексики свой ультиматумъ. Посланный не могъ такъ скоро возвратиться, чтобы 21-го Ноября могли уже имѣть въ Новомъ Орлеанѣ извѣстія о томъ, а до прибытія его, военныя дѣйствія, конечно, не начнутся.

Чрезъ Гавръ получены извѣстія изъ Монтевидео, отъ 5-го Октября. Президентъ Гозасъ просилъ Французскаго Адмирала дать ему двѣ недѣли срока, по истеченіи которыхъ онъ обѣщаль представить рѣшительный отвѣтъ. 30-го Сентября, командиръ эскадры, блокирующей Буэносъ-Айресъ, Дагене (Адмиралъ Лебланъ стоитъ предъ Монтевидео), приказалъ сдѣлать всѣ приготовленія къ началію военныхъ дѣйствій. Онъ послалъ экспедицію для овладѣнія островомъ Мартинъ-Гарсія, и поручилъ ей захватить два военные корабли Аргентинской республики, стоящіе предъ Пейзандою.

По извѣстіямъ отъ 15-го Октября, Французскій флотъ открылъ военныя дѣйствія. На ультиматумъ Адмирала Ле-Блана, посланный 28-го Сентября, не послѣдовало отвѣта. Французскій флотъ овладѣлъ островомъ Мартинъ-Гарсія, лежащимъ въ устьѣ Уругвая. Тамошній гарнизонъ храбро защищался; онъ лишился 12 человекъ убитыми и 19 ранеными. Французы потеряли 40 человекъ убитыми и ранеными. Въ сраженіи участвовали три корабля, принадлежащіе къ партіи Дона Фруктуоза Риверы, который, какъ извѣстно, осаждаетъ Монтевидео. Командиръ Французскихъ кораблей передалъ островъ

сей партіи, спустя 24 часа послѣ взятія его. Такимъ образомъ, Французскій Адмиралъ открыто покровительствуетъ партію Дона Фруктуоза Риверы, который вскорѣ овладѣетъ городами Монтевидео и Пейзандою, единственными пунктами, въ которыхъ нынѣшнее Правительство доселѣ еще держалось. Междоусобная война, вѣроятно, вскорѣ прекратится въ Монтевидео, что будетъ имѣть большое вліяніе на дѣла. Губернаторъ Санта-Фе былъ разбитъ братомъ бывшаго губернатора Лопеса, поднявшимъ на него оружіе. Впрочемъ, извѣстіе требуетъ еще подтвержденія. Если Фруктуоза Ривера, что вѣроятно, одержитъ верхъ въ Восточной Бандѣ, то противъ Розаса, безъ сомнѣнія, составитя сильная коалиція, которой онъ не въ состояніи будетъ долго противиться. Восточная Банда, Карриентесъ, Энтре-Ріосъ и Санта-Фе вступятъ въ союзъ. Къ нимъ присоединится множество лицъ, изгнанныхъ и бѣжавшихъ отсюда съ 1829 года, и извѣстныхъ подъ именемъ *унитаріевъ*. Дѣла обвѣихъ республикъ на Ріо-де-ла-Платѣ чрезвычайно запутаны. Трудно сказать, какой будетъ конецъ.

О революціи въ Перу получены нѣкоторыя подробности. Президентъ Орбегоза и генералъ Ниего возстали противъ Санта-Круса, Протектора Перу-Боливійскаго Союза. 28-го Іюля, оба возмутители вступили въ Лиму, очищенную наканунѣ войсками генерала Санта-Круса, подъ командою генерала Морана. По послѣднимъ извѣстіямъ, революція была непродолжительна. 7-го Августа явилась предъ Каллао. Чилийская эскадра, состоящая, со включеніемъ транспортныхъ судовъ, изъ 32-хъ кораблей; 8-го числа, она высадила, при Ауконѣ, 5,000 человекъ, которые были приняты за союзниковъ новаго Правительства. Чилийцы постановили условіемъ заключе-

нія Союза, чтобы имъ выплатили 20 милліоновъ нѣастровъ и очистили Каллао, до подписанія договора. На условія не хотѣли согласиться. Чилийцы двинулись впередъ, и послѣ сраженія, въ которомъ легло 2,000 человекъ, заняли Лиму и Каллао. Генералъ Гамара былъ назначенъ Президентомъ, а Орбегоза бѣжалъ въ горы. Южная часть Перу осталась вѣрною Санта-Крусу, который, съ 8,000 человекъ, идетъ на Лиму. Если извѣстія справедливы, то не легко будетъ изгнать Чилийцевъ изъ цитадели Каллао, неприступной съ сухаго пути. Со стороны моря они будутъ снабжены всѣмъ нужнымъ. Во время войны за независимость, Родиль держался въ сей крѣпости два года, противъ Боливара и всѣхъ силъ Перу.

По извѣстіямъ изъ Белизе, отъ 27-го Октября, Центральная Америка находится опять въ совершенномъ возстаніи. Каррера снова поднялъ оружіе противъ Правительства и занялъ городъ Гватималу. Генералъ Лалаяръ вступилъ съ нимъ въ кровопролитное сраженіе и прогналъ его изъ сего города. Президентъ Морданъ преслѣдовалъ его съ 3,000 человекъ.

Некрологъ.

Жоржъ Мутонъ, Графъ Лобау, о которомъ Наполеонъ говаривалъ: *Mon mouton c'est un lion*, Маршалъ Франціи съ 1830 года, и начальникъ Парижской національной гвардіи, сконч. 26-го Ноября. Онъ род. въ 1770 г., былъ волонтеромъ въ 1792-мъ г., полковникомъ въ 1799 году; подъ Фриландомъ получилъ генеральскій чинъ; находился потомъ въ

Т. VI. — Отд. V. 9%

Испаниі. Подъ Лобау, гдѣ счастье едва не измѣнило Наполеону, гдѣ, спасаясь въ лодкѣ, онъ сказалъ окружающимъ: *«видите ли, какъ теряютъ битвы?»* генераль Мутонъ отличился мужествомъ необыкновеннымъ и получилъ графское достоинство. Онъ раздѣлялъ труды всего бѣдственнаго похода въ Россію, и изгнанъ потомъ изъ Франціи въ 1815 году. Ему позволили однакожъ возвратиться въ 1818-мъ году, но до воцаренія Людовика Филиппа оставался онъ въ числѣ исключенныхъ.

Карль Филиппъ, Князь фонъ Вреде, генераль-фельдмаршалъ Баварскій, сконч. въ замкѣ своемъ Эллингенъ, 12-го Декабря. Уже около двухъ лѣтъ силы престарѣлаго воина ослабѣвали. Онъ род. въ 1764 году. Гогенлинденъ, Абенсбергъ, Ландсгутъ, Ваграмъ, Полоцкъ, Ганау, Бриеннъ напоминаютъ его имя. Онъ имѣлъ нашъ Георгіевскій крестъ 2-й степени. Трехъ-дневный трауръ наложенъ былъ по немъ въ Баварскомъ войскѣ.

Герцогъ Шуазель, перъ Франціи, адъютантъ Короля Французскаго и коммендантъ Лувра, сконч. 30 Нолбръ, на 81-мъ году.

Иоаннъ Фридрихъ Лейгольдт, извѣстный граверъ Вѣнскій, сконч. 13-го Нолбръ на 84-мъ году.

Гете, знаменитый ваятель Шведскій, сконч. въ Стокгольмѣ, въ концѣ Нолбръ.

Великій Канцлеръ и Государственный Министръ Пруссскій Бейме, сконч. въ Берлинѣ, 8 Декабря. Онъ род. въ 1765-мъ году.

Графъ Монлозье, столь извѣстный писатель Франц., сконч. 9 Декабря, въ Клермонъ-Ферранъ.

Карль Федоровичъ Германъ, дѣйств. Статскій Совѣтникъ, членъ Академіи наукъ, почтенный тру-

дами своими по части Статистики, сконч. 19 Декабря, въ С. Петербургѣ, на 72-мъ году.

Шотель, прославившійся своими морскими картинами, сконч. въ Дордрехтѣ, 20 Декабря, на 52-мъ году.

Пужевиль, замѣчательный своими сочиненіями о повѣйшей Греціи, сконч. въ Парижѣ 21 Декабря.

Кардиналь Іоаннъ Антоній Бенвенути, сконч. въ Озимо, на 74-мъ году.

П Р И Б А В Л Е Н І Я.

I.

Речь Короля Французскаго, при открытіи Палаты, Декабря 17-го, 1838 года.

«Господа Перы и Господа Депутаты! Со времени послѣдняго вашего собранія благосостояніе Франціи увеличилось, и спокойствіе, которымъ она наслаждается, упрочилось. — Мнѣ пріятно снова явиться посреди васъ, и снова положиться на ваше содѣйствіе и усердіе еще болѣе улучшить состояніе государства, вообще уже столь благопріятное. — Отношенія мои къ иностраннымъ Державамъ по прежнему удовлетворительны; Франція пользуется уваженіемъ своихъ союзниковъ и занимаетъ между ними приличное ей мѣсто. — Конференція о дѣлахъ Бельгіи и Голландіи возобновилась въ Лондонѣ. Не сомнѣваюсь, что онъ будутъ имѣть скорое и благополучное окончаніе, которое послужитъ новымъ ручательствомъ независимости Бельгіи и спокойствія Европы. — Въ Италіи, Австрійскія войска удалены изъ Римскихъ владѣній. На основаніи договора, заключеннаго съ Папскою областью, наши полки очистили Анкону. Военное занятіе сихъ владѣній, на независимость которыхъ Франція обращала особенное

вниманіе, прекращено. — Испанія страдает и терзается по прежнему. Мы продолжаемъ вмѣстѣ съ союзниками нашими исполнять условія трактата четырехъ Державъ. Правительство Королевы не только пользуется содѣйствіемъ съ нашей стороны, на основаніи договоровъ, но и получаетъ всевозможную помощь, которую мы можемъ оказывать ему, не нарушая выгодъ Франціи. — Надѣюсь, что споры съ Мексикою и съ Аргентинскою республикою приближаются къ окончанію. Новыя военныя суда, недавно отправленныя изъ нашихъ портовъ, находятся теперь въ виду Веракруса, и Мексикапское правительство, конечно, не замедлитъ удовлетворить нашимъ требованіямъ, и окажетъ защиту нашей торговли. — Въ Африкѣ постоянство нашихъ пожертвованій получило достойную награду. Донесеніе, которое будетъ вамъ представлено, убѣдитъ васъ, что вы не ошиблись, оказавъ доверенность видамъ моего правительства. Миръ въ нынѣшнемъ году не былъ нарушенъ, положеніе наше улучшается, и съ каждымъ днемъ дѣлается болѣе прочнымъ. Въ провинціяхъ Константинополь и Алжиръ, искусными и благоразумными мѣрами, земли нашихъ колоній распространены, сколько того требовали ихъ безопасность и благосостояніе. Природные жители всюду уважаютъ власть Франціи, и охотно повинуются кроткому и справедливому управленію. Учрежденіе Алжирскаго Епископства служитъ новымъ залогомъ прочности нашихъ Африкапскихъ владѣній. — Финансы наши приходятъ все болѣе и болѣе въ цвѣтущее состояніе; постепенное пріращеніе государственныхъ доходовъ доказываетъ счастливое развитіе національнаго богатства и благосостояніе, которымъ наслаждаются все классы народа. Не могу однакожь умолчать, что нѣкоторыя части пришли въ упадокъ и требуютъ полного вниманія правительства. При самомъ началѣ вашихъ занятій вамъ будутъ представлены нѣкоторые проекты, касательно нынѣшняго положенія нашихъ колоній и потребностей нашего мореходства. — Вамъ также предстоитъ разсмотрѣть различныя проекты законовъ, имѣющіе цѣлю исполненіе общинной хартіи, усовершенствованіе общаго законодательства и введеніе новаго устройства въ нѣкоторыхъ частяхъ государственнаго управленія. — Сердце мое до сихъ поръ глубоко тронуту доказательствами участія цѣлой Франціи по случаю событія, исполнившаго лучшія мои желанія. Рожденіе

Графа Парижскаго было величайшимъ утѣшеніемъ, какое Небо могло мнѣ доставить. Внукъ мой будетъ воспитанъ такъ же, какъ былъ воспитанъ его отецъ; все семейство мое будетъ постоянно подавать ему примѣры неограниченной преданности къ Франціи и уваженія къ нашимъ законамъ. Желаю, чтобы торжественный случай соединилъ васъ вокругъ его колыбели и религія въ вашемъ присутствіи благословила сына, который весь принадлежитъ отечеству. — Цвѣтущимъ состояніемъ Франціи обязаны мы твердому содѣйствію, которое Палаты оказываютъ мнѣ въ продолженіе восьми лѣтъ, и совершенному согласію между главными государственнымъ властями. Намъ не должно забывать, что здѣсь именно заключается наша сила. Пусть такое согласіе съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ новую прочность, новую непоколебимость.»

II.

Прокламація Президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Нолбря 20-го 1838 года.

«Многіе случаи удостовѣряютъ, что граждане Соединенныхъ Штатовъ, не уважая прокламацій центральнаго Правительства и губернаторовъ нѣкоторыхъ областей, согласились нарушить спокойствіе сосѣдней и дружественной націи. Получивъ офенціальныя и частныя увѣдомленія, что многіе граждане соединились въ разныхъ мѣстахъ Соединенныхъ Штатовъ, и сверхъ того, что едва въ Канадѣ возникли новыя безпорядки, граждане Соединенныхъ Штатовъ, вмѣстѣ съ Канадцами, произвели вторженіе въ сію землю, овладѣли достояніемъ своихъ сосѣдей, и для достиженія своихъ противозаконныхъ намѣреній, подняли оружіе противъ Канадскихъ начальствъ, совершенно забывъ собственныя обязанности Американскихъ гражданъ, и обязанность своего Правительства въ отношеніи къ иностраннымъ націямъ, почелъ я за нужное издать сію прокламацію, и пригласить каждого гражданина Соединенныхъ Штатовъ не оказывать помощи тѣмъ людямъ, которые сдѣлались недостойными защиты своего отечества. Приглашаю соблазненныхъ, или обманутыхъ

людей отказаться отъ замысловъ, которые могутъ сдѣлаться опасными для ихъ отечества, вредными для тѣхъ, кому хотѣть они помочь, и неудобноисполнимыми безъ чужестранной помощи, на которую полагаться невозможно. Предлагаю всѣмъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, которые должны почитать законы своей родины, пешихъ о чести и славы ея, любить порядокъ и уважать святыя права народовъ, употребить всѣ свои усилія для арестованія лицъ, нарушающихъ законъ, коимъ утверждены наши отношенія къ другимъ государствамъ. Объявляю всѣмъ участвующимъ въ преступныхъ предпріятіяхъ, что если они не оставятъ своихъ плановъ, то Правительство не только не войдетъ въ ихъ положеніе, сколь бы оно бѣдственно ни было, но, раздѣляя мнѣніе всѣхъ благомыслящихъ гражданъ, предоставитъ ихъ суду того Правительства, во владѣніи коего они вторглись, вопреки желаніямъ и стараніямъ ихъ собственнаго Правительства, и не имѣя къ тому даже тѣни предлога.

Мартинь фанъ Бурень.

=

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

О ДРЕВНИХЪ МОГИЛАХЪ ВЪ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ И ВЪ ЛИТВѢ.

«Минской губерніи, въ Борисовскомъ уѣздѣ, въ графствѣ Логойскомъ, находилось, съ незапамятныхъ временъ, болѣе тридцати кургановъ, одинъ подъ другаго насыпанныхъ, и которые простой народъ называлъ *Шведскими*.

«Миная разными сказки и повѣрья, о являвшихся тамъ гладахъ и вѣдьмахъ, скажу только, что въ народѣ мѣста сии почитались неприкосновенными, и ни одинъ изъ кургановъ не былъ, даже случайно, раскопанъ.

«Холмы сии, поросшіе вѣковыми деревьями были разной величины; самый большой изъ нихъ въ сажень вышиною по срединѣ; кругомъ опоясывалъ его ровъ, образовавшійся изъ земли, которую брали для насыпи могилы; другіе въ половину его меньше, но были и такіе, которые едва возвышались надъ поверхностію земли.

«Желаніе добратся до истины, на перекоръ попятіямъ простолюдиновъ, подало мнѣ мысль нарушить спокойствіе мѣсть, посвященныхъ вѣчному отдохновенію; здѣсь меня встрѣтили трудности; я долженъ былъ щедро сыпать деньги крестьянамъ, и вмѣстѣ съ ними работать, чтобы только взять на себя грѣхъ. Наконецъ пали вѣковыя деревья, и одинъ изъ болшихъ кургановъ былъ мною разрытъ.

«Состоялъ онъ весь изъ чистаго, желтаго песку; ни малѣйшаго камня не находилось въ его насыпи. Внизу, на самой срединѣ, лежалъ на угляхъ человѣческой остова; въ головахъ

у него стоялъ горшокъ, наполненный пескомъ; пайденныя при немъ украшенія доказывали, что то былъ остова женщины; на рукъ его находилась браслетка, въ видѣ змѣи; на двухъ пальцахъ были два перстня; на шеѣ семь крупныхъ бусинокъ, изъ коихъ двѣ коралловыя, граненыя, прочія стеклянныя; у праваго плеча большое кольцо изъ витаго серебра, нѣжной работы, похожее на Римскія кольца для поддержанія драпировки платья; все было покрыто бирюзовымъ цвѣтомъ (?); кости остова совершенно истлѣли; дерева, или ремней, не найдено ни малѣйшихъ слѣдовъ.

Усталость наша, послѣ нѣсколькихъ часовъ работы, не дозволила намъ заняться разрытіемъ другихъ могилъ, но столь щедро вознагражденный за труды, я положилъ непременно разрыть ихъ все на слѣдующій день; между тѣмъ крестьяне творили молитвы за упокой усопшихъ.

«На другое утро, съ разсвѣтомъ, отправились мы на работу; одиннадцать разрытыхъ нами кургановъ показали, что то было кладбище, ибо въ каждомъ находили мы по одному только трупу, и у каждаго стояло по горшку въ головахъ; одинъ только былъ безъ горшка, не имѣлъ при себѣ никакихъ украшеній, и былъ заваленъ нѣсколькими камнями.

«Самый большой изъ кургановъ заключалъ въ себѣ мужескій остова, у котораго на поясѣ найдена преобладающая пряжка; у головы же поменьше, другаго вида. Подлѣ него лежалъ пукъ стрѣлъ, но древковъ у нихъ не было ни малѣйшаго слѣда.

«Семь другихъ кургановъ тоже заключали остовы мужчинъ; у каждаго было по желѣзному топору въ правой рукѣ; одинъ только изъ нихъ имѣлъ, сверхъ большаго топора въ правой рукѣ, еще желѣзную пику въ лѣвой.

«Когда приступили къ разкапыванію одного изъ самыхъ большихъ кургановъ, то нашли у самаго края остова женщины, имѣвшей на рукѣ простой браслетъ; на маковкѣ головы, гдѣ заплетается коса, была серебрянная проволока, свитая въ нѣсколько большихъ колецъ; подлѣ лежали рассыпанныя бусы, концы подобрали 131 штуку, но неизвѣстно: были ли онѣ съ шеи или же нашты на платье? — Онѣ оказались трехъ родовъ: одинъ стеклянныя темносинія; другія желтыя и голубыя, неизвѣстно изъ какого состава. Позднее время не дозволило мнѣ продолжать работы, а потому неожиданнѣйшій мой отъѣздъ и вовсе не далъ кончить начатаго.

«Въ мужескихъ могилахъ найдено множество кусковъ желѣза, которые отъ давности совершенно потеряли свой видъ; изъ горшковъ же два только можно было достать цѣлыми; прочіе, или заступами при разкопкѣ разбиты, или такъ оказывались хрупки, что при малѣйшемъ прикосновеніи къ нимъ рассыпались въ прахъ; тѣла все были обсыпаны улемъ.

«Положительно и неоспоримо можно сказать, что курганы сіи не были побойщемъ, но надобно полагать, что еще до введенія Христіанской вѣры составляли они могилы какой нибудь знатной фамиліи, ибо найденыя нами драгоценности въ древнія времена чрезвычайно дорого стоили, особенно бусы, которыхъ искусство дѣланія одна только Венеція знала и сохранила въ тайнѣ.

«Впрочемъ, выводитъ отсюда менѣе или болѣе достовѣрныя догадки, предоставляю ученѣйшимъ изслѣдователямъ Литовскихъ древностей, и именемъ науки вызываю владыцѣвъ земель, гдѣ находятся курганы, къ подобнымъ разысканіямъ — это нашъ Геркуланъ, если не подлѣ столь прекраснымъ небомъ, какъ Итальянское, за то драгоценныя и любопытныя должны быть онѣ для насъ. Долгъ каждаго просвѣщеннаго и любящаго свой край челоуѣка стараться объяснить все, что подвержено сомнѣнію и составлять матеріалъ для отечественной Исторіи. Догадываться, искать, открывать, открытое передавать свѣту — значить подавать руку помощи посвятившимъ жизнь свою и здоровье наукамъ для блага общества. И именно, открытія должно передавать свѣту, ибо къ чему поведетъ открытіе Литовскихъ бердышей, если найдя ихъ, мы станемъ изъ нихъ выковывать желѣзо, или лычекимъ молоткомъ разбивать у себя дома орѣхи?»

Въ слѣдъ за сею статьею, помѣщенной въ Польскомъ журналѣ *Tygodnik Petersburski*, мы нашли въ нынѣшнемъ году того же повременнаго изданія слѣдующую любопытную статью, служащую къ ней дополненіемъ, и сообщаемъ ее нашимъ читателямъ.

—Извѣстно, что изъ великаго племени Славянъ, подвигавшихъ свои жилища отъ Дуная и Днѣпра на сѣверъ, *Древляне* поселились въ нынѣшней Вольшской губерніи, *Кривичи* въ Смоленской и Витебской, *Полочане* въ Полоцкѣ, надъ р. Полотою, *Дреговичи* въ Черной Руси, или въ Минской губерніи. Въ сосѣдствѣ сихъ Русскихъ Славянъ, Несгоръ помѣщастъ.

Литовцевъ, Латышей, Семигаловъ, Куровъ, въ Литвѣ, Курляндіи и Ливоніи, или Лифляндіи. Желая удостовѣриться, которому изъ сихъ народовъ принадлежать древнія могилы, разрытыя Минской губ. въ Борисовскомъ уѣздѣ, а также могилы въ древней Польской Лифляндіи, слѣдуетъ нѣсколько остановиться надъ ихъ *святальми* и *обыгальми*, придерживаясь историковъ.

Русскіе Славяне обитали въ мрачныхъ лѣсахъ, въ убогихъ лачугахъ; оружія ихъ были пики и стрѣлы, иногда напнтанныя ядомъ; они употребляли мечи и большіе щиты. Въ VI вѣкѣ выступали они въ бой почти нагіе, въ исподнемъ только платьѣ, прикрывалась звѣринными шкурами. Женщины носили длинную одежду, стекляныя бусы на шеѣ, а также переня металловъ, добываемые у непріятелей, или вымѣняваемые у иноземныхъ купцовъ, на хлѣбъ, шкуры, полотно, медъ и рыбу. Въ VIII вѣкѣ, при Карлѣ Великомъ, Славяне стали уже сами торговать съ пограничными народами. Богемскіе Славяне еще до Карла Великаго знали уже искусство выдѣлыванія металловъ, и имѣли у себя рудокопни. Въ Среднихъ Вѣкахъ торговля даже цѣла во многихъ Славянскихъ городахъ и особенно въ Вишевъ, на р. Пейнѣ, и въ Юлипѣ при впаденіи Одера въ море. Такая торговля, даже до введенія христіанства, состояла въ обмѣнъ произведеній; золото и серебро были въ тѣ времена извѣстны Славянамъ, но только, какъ товаръ.

Частымъ посѣщеніемъ чужихъ краевъ набрались они по немногу вкуса и любви къ изящнымъ искусствамъ, стали вырывать изъ дерева своихъ истукановъ, звѣрей, птицъ, и расписывать ихъ красками; въ ихъ могилахъ находили глиняныя горшки, или пепельники, искусной отдѣлки, покрытыя какимъ-то лакомъ, съ изображеніями львовъ, медвѣдей и орловъ, а также пики, ножи, мечи, кинжалы, даже изъ Дамаской стали. Въ XVII столѣтіи, въ княжествѣ Мекленбургскомъ, нашли бронзовыя изваянія Славянскихъ боговъ, ими самими отлитыя, неуклюжія, конечно, и не изъ одного куска, но большею частью составленныя изъ нѣсколькихъ вмѣстѣ; при нихъ попадались иногда и руннческія надписи. Богъ громовъ (Перунъ) былъ почитаемъ Славянами.

Тѣла умершихъ Славяне обыкновенно сжигали на кострахъ, куда бросались и жены ихъ; пепелъ потомъ собираемъ былъ въ особыя сосуды, и вмѣстѣ съ другими сосудами, за-

ключаящими въ себя слезы плакальщицъ, погребался въ землю, гдѣ выкладывали могилу камнемъ. Кіевскіе и Волынскіе Славяне погребали съ мертвыми тѣлами и любимыхъ покойниками коней, а также дѣлали изъ кожаныхъ ремней лѣстницы, для удобнѣйшаго проложенія покойникамъ пути въ вѣчность.

Литовцы и Латыши въ своихъ языческихъ обрядахъ весьма близко подходили къ Славянамъ, и сверхъ многихъ своихъ истукановъ, преимущественно поклонялись *Перкуну* (Perkunas), богу громовъ; воздавали не меньше также богопочтеніе змѣямъ и огромнымъ, древнимъ деревьямъ. Стриковскій говорить, что въ Руссовъ (въ Пруссіи), въ капищѣ Перкуна находилась змѣя, свитый изъ мѣди, извѣстный подъ именемъ *Патрипепоса* (Patrynepos), или домашняго пената. Съ умершими погребались посуда, домашняя утварь, и нужная для покойника орудія, какъ то: звѣринныя когти, чтобы вскарабкаться ими на высокую гору, жилище нѣкаго бога.

Гермонтъ Свентороговичъ Литовскій Князь, въ позднѣйшія уже времена, около 1272 года, расчистивъ, по желанію отца своего Свенторога Утенесовича, мѣсто, при впаденіи Вилии въ Вильну, освятилъ его по языческому обряду, и снарядивъ тѣло отца въ броню и дорогія одежды, положивъ при томъ мечъ, сайдакъ (конгопъ) и конь, сожегъ все на кострѣ, вмѣстѣ съ вѣрнѣйшимъ его слугою, любимымъ конемъ, сворою борзыхъ собакъ, соколомъ и ястребомъ; во время жженія Литовскіе болре бросали въ огонь рысы и медвѣжьи когти. Кость покойника, уложивъ въ гробъ, зарыли въ высокой могилѣ. Съ той поры до самыхъ временъ Ягайлы, тѣла всѣхъ знатнѣйшихъ Литовцевъ были по смерти сжигаемы на мѣстѣ называемомъ *Свенторога* (Swento-Roha), находившемся въ Вильнѣ, на нынѣшней Замковой Площади (plaz Zamkowy), гдѣ воздвигнуто было Гермонтомъ капище Перкуну. Великій Князь Литовскій Гедеминъ былъ послѣдній похороненъ такимъ образомъ на пепелищѣ Вилевскомъ; въ 1386 году, Ягайло, водворя въ Литвѣ Христіанскую вѣру, повелѣлъ разрушить капище и убить бывшихъ въ немъ змѣй.

Оружіе древнихъ Литовцевъ состояло изъ лука, стрѣлы, копыя, пращи и обожженной дубины. Гетманы имѣли мечи. Конскую сбрую составляли деревянное сѣдло и мундштукъ изъ лыка. Одежда была изъ холста и звѣринныхъ шкуръ.

Изъ сего описанія можно видѣть, что обычай и религіоз-

ные обряды у обоихъ народовъ были почти одинакіе, съ нѣкоторою малою только разницею; сверхъ того, знаа, что древними обитателями Минской губерніи были Славяне, можно съ нѣкоторою точностію утверждать, что и могилы тамошнія, безъ сомнѣнія, принадлежали Славянамъ.

Славяне сожигали также тѣла покойниковъ и пепелъ ихъ зарывали въ землю, вмѣстѣ съ слезниками; въ могилахъ Борисовскихъ лежали остовы на угольныхъ кладяхъ, и въ головвахъ находились сосуды; слѣдовательно, заключать должно, что могилы сіи насыпаны тогда, какъ уже прекращался обычай сожиганія тѣлъ, т. е., въ началѣ введенія Христіанской вѣры; что сосуды въ головвахъ были слезники, а уголья клали подъ тѣла только для сохраненія ихъ. Или можно предположить, что тѣла были сожигаемы и складываемы въ сосуды, а одни только остовы убирались въ доспѣхи, и ихъ клали подъ пепла, а уголья въ могилахъ могли быть остатками пепелища. Послѣднюю мысль подтверждаетъ, кажется, и Стриковский, говоря о погребеніи Князя Свенторога Утенесовича, котораго тѣло было убрано, по его словамъ, въ одежду и броню, и сожжено въ такомъ видѣ на кострь, а кости сложены въ гробъ и зарыты въ могилу.

Находимое въ могилахъ оружіе и стрѣлы принадлежать равнымъ образомъ Славянамъ и Литовцамъ, а также и наплевники, серебряные и бронзовые, для поддержанія одежды, вѣроятно полотняной, которою покрывались оба сіи народа; бусы употреблялись Славянскими женами, по не менѣе того находили ихъ и въ древнихъ могилахъ Латышей. Браслеты, или запястья, въ видѣ змѣй, скорѣе должны, кажется, принадлежать Литовцамъ и Латышамъ. Однимъ словомъ, по всему слѣдуетъ догадываться, что могилы принадлежали Славянамъ, осѣдлымъ на границахъ Литовскаго народа, съ которыми находилась въ непрерывныхъ сношеніяхъ, могли они, конечно, заимствовать и нѣкоторые обычаи, въ особенности касательно почитанія змѣй, изображенія конкъ послали на своихъ одеждахъ.

Обратимъ вниманіе на подобныя памятники древности, находимые въ древней Польской Лиоляндіи, именно, въ Динабургскомъ уѣздѣ и его окрестностяхъ. Древнія бронзы, находимыя въ сихъ мѣстахъ, странѣ, заселенной нѣкогда древними Летами, или Латышами, и находимыя не въ курганахъ, по на холмахъ и равнинахъ, всего чаще по близости древнихъ дубовъ, состоятъ изъ обручей, свитыхъ на подобіе змѣй, которыми

вѣнчали головы покойниковъ; изъ большихъ бронзовыхъ змѣй о двухъ и трехъ головвахъ, которые, вѣроятно, служили къ поддержанію одежды; изъ плоскихъ щитиковъ, или бляшекъ, свитыхъ въ нѣсколько разъ и выдѣланныхъ узорами, которые носили на рукахъ, или которыми поддерживали женскія косы на головѣ; изъ браслетъ, или запястевъ, на подобіе расщепленныхъ по поламъ змѣй, которыя вдвѣвались на руки; наконецъ изъ толстыхъ перстней, или колецъ, свитыхъ изъ проволоки, и разноцвѣтныхъ пряжекъ, служившихъ, вѣроятно, для стягиванія ими одежды.

Нѣсколько лѣтъ тому открыта въ Динабургѣ, при планированіи земли около новой крѣпости, площадка, уложенная кирпичемъ. Подъ нею найдены два остова; одинъ изъ нихъ имѣлъ на черепѣ бронзоваго змѣя, съ рожками на переди; на рукахъ были такого же вида браслеты; оружія ни какого не было. Другой остовъ, вѣроятно, женскій, имѣлъ у себя на головѣ гладкій обручъ, сзади тонкій, спереди плоскій и широкій, съ дырами, въ которыя было прикрѣплено нѣсколько плоскихъ бляшекъ, въ видѣ колокольчиковъ; на шеѣ стеклянныя бусы, на рукахъ запястья и полоски, свитыя въ нѣсколько кружковъ, которыя, должно полагать, служили для поддержки волосовъ. Бронзовые змѣи на головвахъ, находимые обыкновенно во всѣхъ могилахъ, какъ домашнія божества и символъ вѣчности, надѣвались, конечно, по смерти на головы покойниковъ, ибо они такъ крѣпко держались на черепахъ, что едва можно было ихъ отдѣлать. Слѣды угольевъ были ли находимы въ описываемыхъ мною могилахъ, неизвѣстно, ибо до такой степени лѣнны и равнодушны къ древнимъ памятникамъ тамошніе жители, что ни одна еще изъ отрытыхъ могилъ, доселѣ не была надлежащимъ образомъ описана, а по немнѣнно хранилицѣ для подобныхъ древностей, часто находимыя рѣдкости, которыя значительно могли бы содѣйствовать къ объясненію Исторіи древнихъ обитателей края, бывали заброшены, затеряны, либо промѣнены за какую нибудь бездѣлку...

Изъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь замѣчаній, о находимыхъ въ Минской губерніи и въ Польской Лиоляндіи древнихъ могилахъ, можно, кажется, вывести слѣдующее заключеніе, что первыя должны принадлежать Русскимъ Славянамъ, Дряговичамъ, осѣдлымъ въ той губерніи, а послѣднія — Латышамъ, которыя, принадлежа къ одному племени съ Литовцами, почитали змѣй и поклонялись имъ, какъ домашнимъ пе-

натамъ, или божествамъ; далѣе, что могилы сіи были насыпаны въ то время, когда уже Славяне и Латыши доставали себѣ украшенія и оружія отъ завѣжныхъ въ ихъ землю иностранныхъ купцовъ, что могло быть, начиная съ VI столѣтія, до введенія Христіанской вѣры, и наконецъ, что оба народа, хотя и различнаго были между собою происхожденія, имѣли однакожь одинакіе релігіозные обряды и обычаи, по сближавшему ихъ между собою мѣстному сосѣдству.

=

НЫНѢШНЕЕ УСТРОЙСТВО ПОРТУГАЛЬСКАГО ВОЙСКА.

Главное преобразованіе Португальской арміи произошло въ 1806 году, и маршалъ Бересдорфъ принялъ его за основаніе при всѣхъ послѣдующихъ измѣненіяхъ. Въ 1826 году часть Португальскаго войска возмутилась противъ Донъ Педра, и перешла въ Испанію, а до того времени въ арміи было двадцать четыре полка пѣхоты, по два баталіона въ каждомъ, 12 полковъ конницы, по четыре эскадрона въ каждомъ, 4 полка артиллеріи, одинъ баталіонъ саперовъ, принадлежавшій къ инженерному корпусу, одинъ корпусъ обознаго войска, одинъ корпусъ инвалидовъ и 12 баталіоновъ егерей. Послѣднихъ учредилъ Бересфордъ, находя, что изъ Португальцевъ лучше всего можно образовать легкое ополченіе.

Кромѣ регулярнаго войска была еще милиція; къ ней принадлежали всѣ, кто могъ носить оружіе, начиная отъ 16-ти до 60-ти лѣтнихъ. Милиція раздѣлялась на роты, изъ которыхъ каждая имѣла своихъ капитановъ и прапорщиковъ. Нѣсколькими ротами вмѣстѣ командовалъ *капитао-моръ*, или окружный начальникъ. Оружіемъ у нихъ были пикн, и каждый изъ принадлежавшихъ къ милиціи долженъ былъ имѣть свою собственную. Изъ милицейскихъ формировались линейные полки, и капитаны должны были заниматься о выборѣ людей. Надлежащаго закона о наборѣ войска не существовало, а если онъ и существовалъ нѣкогда, то, по причинѣ долговременности, уже былъ забытъ; капитаны поступали при выборѣ изъ милиціи, большею частію, по своему произволу, и иногда оказывали большіе несправедливости. Португальцы вообще имѣютъ отвращеніе отъ службы въ регулярномъ войскѣ, и потому употребляли всѣ средства, какъ нибудь отъ

пелъ избавить. Отъ капитановъ зависѣло однихъ уволить, а другихъ принудить къ ней. Потому, капитао-моресъ были, такъ сказать, маленькими деспотами въ своихъ округахъ; каждый передъ ними скидалъ шапку, каждый рабобѣствовалъ имъ. Званіе ихъ было почетнымъ званіемъ, и многіе изъ нихъ воспользовались своею властію и нажили богатства. Нигдѣ не слышано такого безпорядка при наборѣ войскъ, какъ въ Португаліи. Если армію надобно было дополнять рекрутами, капитао-моресъ получали предписаніе отъ Военнаго Министра выставить известное количество войска; о расчисленіи по душамъ и помини не было; сверхъ того обыкновенно требовали пятьдесятю человекъ на сто больше надлежащаго, зная, что капитао-моресъ никогда не доставляютъ требуемаго числа людей вполнѣ. Получивши предписаніе, капитао-моресъ, обыкновенно, содержали его въ совершенной тайнѣ, ибо едва распространился о томъ слухъ, молодые люди, отъ 18-ти до 30-ти лѣтъ, разсыпались кто куда могъ. Въ военное время обыкновенно забирали всѣхъ отъ 16 ти до 35-ти лѣтъ. Стараясь отыскать людей, посылали сыщиковъ, которые ловили кого попало, не обращая вниманія ни на какія семейственныя отношенія. Иногда пойманыхъ сажали въ тюрьму, и держали ихъ до тѣхъ поръ, пока набиралось полное число рекрутовъ; потомъ привязывали всѣхъ на длинную веревку и отправляли такимъ образомъ въ ближайшій гарнизонъ. Родственникамъ и друзьямъ сыщики давали знать, и всѣ они скрывались на нѣкоторое время. Богатые откупались отъ службы, и иногда дорогою цѣною. Если въ какомъ нибудь семействѣ хотѣли сбѣгъ съ рукъ целюбимаго родственника, то указывали, гдѣ онъ скрывается, и стараясь насильно упрятать его въ солдаты, платили сыщику. Однимъ словомъ, при каждомъ наборѣ войска паживался всякій, отъ начальника до послѣдняго сыщика; за деньги позволяли даже убѣгать тѣмъ, которыхъ уже поймали, съ условіемъ, чтобы они только указывали на другихъ, которые скрываются. Со времени возстанія Дона Мигуэла не было въ Португаліи никакихъ наборовъ, и притомъ прежнее устройство милиціи, Ордонансаъ и Капитао-Моресъ — все было уничтожено. Мѣсто ихъ заступило устройство національной гвардіи, а для набора войска до сихъ поръ не издано еще никакого закона. Желая пополнить армію, которая теперь едва ли состоитъ изъ двѣнадцати тысячъ, года два тому изъ-

дали предварительныя, впрочемъ чрезвычайно поверхностныя и несообразныя съ цѣлю постановленія касательно набора войска, которыми вся тлгость падаетъ только на бѣдпиковъ.

Владычество Дона Мигуэля, вражда противоборствующихъ партій, междоусобная война, и наконецъ побѣда, одержанная Дономъ Педро, произвели чрезвычайный безпорядокъ въ устройствѣ Португальскихъ войскъ. Многіе полки были уничтожены и нѣсколько образовалось вновь. По окончаніи войны съ Дономъ Мигуэлемъ начали думать о возстановленіи между войскомъ какого нибудь порядка, и Донъ Педро, въ 1834 году издалъ постановленіе, съ тѣмъ, чтобы оно имѣло только временную силу, до тѣхъ поръ, пока Кортесы опредѣлятъ что нибудь болѣе положительное. Кортесы еще до сихъ поръ ничего не придумали. Постановленіе Дона Педра было только отчасти приведено въ дѣйствіе, и каждый новый Военный Министръ дѣлалъ измѣненія, какія ему угодно было, до того, что теперь рѣшительно нельзя понять, какъ организовано войско Португальское. Въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ перемѣнилось болѣе десяти Военныхъ Министровъ; каждый уничтожалъ то, что сдѣлалъ его предшественникъ, самъ вводилъ совсѣмъ новос, и такимъ образомъ все идетъ донынѣ.

По изданному Дономъ Педро постановленію, которое, впрочемъ, въ послѣдствіи времени будетъ принято за основаніе, составъ арміи опредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

	Люди.	Лошади.	Мулы.
Главный Штабъ	42.	—	—
Военный Штабъ	40.	—	—
Корпусъ Инженеровъ	594.	3.	—
Два полка артиллеріи	3,390.	120.	192.
Шесть полковъ конницы	3,660.	3,120.	—
Двадцать полковъ пѣхоты	15,720.	96.	—
Четыре полка егерей	2,936.	32.	—
Интендантство	36.	—	—

Всего 26,418. 3,371. 192.

Есть ли теперь столько войска въ Португаліи, и какъ оно устроено, совершенно неизвѣстно; даже въ Военномъ Министерствѣ нельзя получить о томъ надлежащаго свѣдѣнія, даже нельзя съ точностію узнать, какіе полки теперь существуютъ и какіе уничтожились. По уложенію 1806 года, полки отличаются обыкновенно одинъ отъ другаго по нумерамъ, а

не по названіямъ. Сверхъ того, со времени междоусобной войны находится много на время сформированныхъ, отдѣльныхъ, баталіоновъ; всѣ поступавшіе въ нихъ считались волонтерами, а потому и обязывались получать жалованья гораздо меньше, нежели сколько получаютъ регулярныя войска. Отъ того большая часть ихъ одѣты неопрятно, ходятъ въ лохмотьяхъ, и походятъ больше на разбойниковъ, нежели на солдатъ. Впрочемъ, даже и вмѣстѣ съ ними, число Португальскаго войска нынѣ едва ли простирается до 12,000 человекъ.

Въ 1822 году, когда войска, по бумагамъ Военнаго Министерства, насчитывали до 31,010 человекъ, издержки на него составляли 8,918,000 крузадовъ; издержки на работы въ цейггаузахъ 2,000,000 крузадовъ; издержки на военные госпитали 82,000 крузадовъ; всего 11,000,000 крузадовъ (около 7,300,000 талеровъ). Если сравнить такія издержки съ расходами на военную часть Нѣмецкихъ государствъ, то открывается, что содержаніе Португальскаго войска стоитъ вдвое дороже, не смотря на то, что офицеры и штабъ-офицеры получаютъ только половинное жалованье въ сравненіи съ Прусскими, и солдаты содержатся гораздо хуже. Спрашивается: отъ чего же двойные расходы? Рѣшительно, только отъ дурнаго устройства и отъ недостатка экономіи. Въ Португаліи находится множество офицеровъ сверхъ комплекта; въ Коммиссаріатскомъ Департаментѣ крадутъ безъ милосердія, что всего болѣе видно изъ того, что если кто заключить съ Португальскимъ Правительствомъ контрактъ о поставкѣ какихъ нибудь вещей, то по прошествіи трехъ лѣтъ (обыкновенный срокъ контракта) непременно сдѣлается богачемъ. Въ отчетахъ, обыкновенно, выставляется нѣсколько сотъ человекъ, работающихъ въ цейггаузѣ и на литейномъ дворѣ, а въ самомъ дѣлѣ ихъ не бываетъ и половины. Гражданскіе чиновники, служащіе при Интендантствѣ, въ Коммиссаріатѣ, и другихъ мѣстахъ, берутъ себѣ огромныя суммы. Въ госпиталяхъ обыкновенно приписываютъ въ двое или въ трое болѣе надлежащаго, и судя по издержкамъ можно подумать, что цѣлая армія лежитъ въ лазаретѣ...

СОДОВЫЯ ОЗЕРА ВЪ ВЕНГРИИ.

Въ степяхъ Венгрии есть озера, въ которыхъ находится много минеральныхъ солей, особенно соды. Она, въ видѣ кристалловъ, или пепла, покрываетъ большую часть низменной плоскости, отъ лѣваго берега Дуная до самыхъ горъ. Озера находятся въ различномъ разстоянн одно отъ другаго и образуютъ полукругъ, на нѣсколько квадратныхъ миль. Между ними находятся мѣста совершенно сухія, и болота, покрытыя тростникомъ. Вообще называются они *Бѣлыми озерами*, частью потому, что поверхность ихъ, особенно лѣтомъ, покрыта минеральною солью, частью отъ бѣлаго песку. Числа ихъ съ точностію не знаютъ, потому, что многіа изъ нихъ часто высыхаютъ на долгое время и зарастаютъ травою; впрочемъ считаютъ вообще отъ 20-ти до 25-ти — тринадцать въ Бигарерскомъ округѣ, а остальные въ Шабошшерскомъ и Шатморерскомъ. Окружность и глубина ихъ различны; нѣкоторыя можно обойти въ четверть, а другія въ половину, или три четверти часа. Самая большая глубина ихъ простирается отъ 3 до 5 футовъ. Нѣкоторыя имѣютъ такую же глубину близъ самаго берега, по причинѣ разныхъ рытвинъ. Грунтъ состоитъ здѣсь изъ мелкаго песку, въ глубину на нѣсколько футовъ. Песокъ перемѣшанъ съ частицами слюды, желѣза, и съ наносною отъ дождей землею; потому имѣетъ онъ сѣроватый цвѣтъ. Если бросить его въ какую нибудь кислоту, то онъ начинаетъ сильно кипѣть, но не имѣетъ соленаго вкуса. Далѣе слѣдуетъ слой голубаго ила, изъ котораго вытѣкаютъ многіе ключи; вода ихъ крѣпкаго щелочнаго вкуса. Но если копнуть на берегу озеро, не болѣе, какъ на два, или на три фута въ глубину, то можно находить прѣсную воду въ довольно большомъ количествѣ. Вода въ озерахъ очень свѣтла, и въ самую жаркую лѣтнюю пору заключаетъ въ себѣ теплоты отъ 25° до 30° по Реомюру. Отъ того воздухъ близъ нихъ душливъ, и содержитъ въ себѣ щелочныя частицы, такъ же какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣлаютъ поташъ. Зимую температура озеръ равняется съ температурою обыкновенной воды. Съ наступленіемъ весны, они начинаютъ сильно испаряться; если не бываетъ дождя, то самыя большія изъ нихъ высыхаютъ въ продолженіе четырехъ или пяти дней. Тогда песчаный грунтъ трескается, и вездѣ, гдѣ только былъ онъ покрытъ водою, подергивается слоемъ соли, толщиною отъ

1/4 до 1/2 вершка. Слой состоитъ изъ чистой кристаллизованной соды. Пролежавъ нѣсколько дней на солнцѣ, она мало по малу истѣвываетъ и превращается въ пепель. Тогда ее, вмѣстѣ съ землею, сгребаютъ въ большія кучи и приготавливаютъ для дальнѣйшаго употребленія. Такимъ образомъ, на каждомъ высохшемъ озерѣ представляются груды самой лучшей содовой земли, и все онѣ, какъ и сухое дно озера, бывають покрыты истѣвшею содою. Если долго стоитъ сухое время, то сода выступаетъ снова, въ теченіе 3-хъ или 6-ти дней; потому работа здѣсь неутомимо продолжается, до тѣхъ поръ, пока не переменится погода. Собираніе соды продолжается иногда до Октября. Тогда наступаютъ дожди, солнечный жаръ слабѣетъ, работа прекращается, озера наполняются водою, и даже на берегахъ ихъ не бываетъ соды до наступленія новой весны. Самый богатый сборъ отъ Июля до Октября. Тогда озера высыхаютъ все болѣе и болѣе, и вода постепенно стущается. Во время холодныхъ ночей, въ послѣдніе два мѣсяца, сода превращается въ разнообразныя кристаллы. Стущенную воду проводятъ обыкновенно въ близъ лежащія строенія, въ лмы, хорошо укрытыя сверху, и зимою дѣлаютъ изъ нея употребленіе. Мелкія озера высыхаютъ совершенно; въ нихъ не бываетъ густой воды, и если не мѣшается дождь, то сода собирается въ большомъ количествѣ. Полагаютъ, что вообще каждый годъ добывается въ Венгрии отъ 8-ми до 9000 центнеровъ совершенно очищенной соды, которая добротою равняется Аликантской; каждый человекъ могъ бы легко собрать въ одинъ день отъ 30 до 40 Пресбургскихъ метцей, если бы доставало матеріала. Почти каждый день бывають сильныя вѣтры, и разносятъ иногда цѣлыя груды собранной соды, но съ другой стороны такія вѣтры бывають полезны тѣмъ, что взгоняютъ воду на сухіе песчаные берега, которые тотчасъ поглощаютъ ее. Отъ того озера высыхаютъ скорѣе, а на берегахъ выступаетъ сода, которая находилась въ водѣ. Роса и небольшою дождь также весьма много содѣйствуютъ отдѣленію соды. По многократнымъ наблюденіямъ открывается, что содовыя озера занимають полосу земли различнаго свойства, ибо въ иныхъ мѣстахъ, какъ-то при Дерескѣ, находятъ *Глаубероу соль*, которая кристаллизуется прозрачными, кривыми столбами, въ видѣ ромба; далѣе находятъ селитру, а потомъ квасцы въ пещкѣ и водѣ. Вообще здѣсь необыкновенное множество солей,

и повсюду представляются полосы соляной земли. Послѣ росы, предъ восхожденіемъ солнца, изъ нихъ выступаютъ чистые сода и соль. Лишь только появляется солнце, сода тотчасъ исчезаетъ, и земля въ продолженіе дня не имѣетъ почти никакого солянистаго вкуса. Изъ растений видны здѣсь только *Salsola kali*, *Soda gesecea*, *sativa*, и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родится ромашка, вышиною не болѣе трехъ вершковъ, даже во время своего цвѣта. Изъ сочиненій Плинія видно, что Венгерскія озера существовали уже во времена владычества Римлянъ, и что тогда занимались уже здѣсь собираніемъ соды. Въ древнія времена ее употребляли въ лекарства, на окраску разныхъ вещей, и другія потребности общежитія. Нынѣ изъ соды, вмѣстѣ съ деревяннымъ масломъ и саломъ, дѣлаютъ Дебречинское мыло, которое составляетъ значительную отрасль торговли. Въ одномъ Дебречинѣ занимаются приготовленіемъ его болѣе 70-ти фабрикантовъ. Въ большихъ кускахъ, отъ 6 до 25 фунтовъ, его развозятъ не только по всей Венгрии и по другимъ соседственнымъ землямъ, но даже отправляютъ на Востокъ. Это мыло очень прозрачно, бѣло, не имѣетъ никакого запаха и легко растворяется въ водѣ. Смотри по тому, каково оно на взглядъ, за него даютъ различную цѣну, отъ 2 до 3 флор. за десять фунтовъ. Содовую землю покупаютъ мыловары въ сараяхъ, находящихся близъ озеръ, и смотря потому дождливо, или сухо было время, они платятъ за кадку отъ 5-ти до 20-ти грошей. Сарай для собиранія и добыванія соды находится въ Кисъ-Пиртсѣ, Госцъ-Паллинъ, Дерескѣ, Багосѣ, Монастирѣ, Паллинъ-Вергесѣ, Коніарѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Между множествомъ озеръ, лежащихъ по лѣвую сторону Дебречинской дороги, одно отличается своими живописными окрестностями. Сюда, съ незапамятныхъ временъ, прѣзжали купаться, для излеченія наружныхъ болѣзней, и нынѣ каждый годъ толпами собирается здѣсь дворянство изъ соседнихъ округовъ.

=

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ II-го дѣйствія

ШЕКСПИРОВОЙ БУРИ.

(ЯВЛЕНИЕ II-е)

БЕЗПЛОДНАЯ ЧАСТЬ ОСТРОВА. Громъ.

Входитъ Калибанъ, съ связкою дровъ.

КАЛИБАНЪ.

Всѣ заразительныя пары, которые солнце высасываетъ изъ канавъ, болотъ и озеръ, да падаютъ на Просперо, и не оставляютъ на его тѣлѣ верхка безъ страданія! Его духи слышатъ слова мои, но я долженъ проклинать его. Они не станутъ безъ его приказанія щипать меня, пугать своими рожами, погружать въ тину, или биластая ночью, какъ горящія угли, сбивать меня съ дороги, а за всякую бездѣлицу онъ посылаетъ ихъ на меня, иногда въ видѣ обезьянъ, которыя дѣлаютъ мнѣ рожи, болтаютъ со мною, а послѣ кусаютъ меня; иногда ежи катятся на дорогѣ, гдѣ я иду босой, и подымаютъ свои иглы къ моимъ подошвамъ; иногда я бываю весь увлеченъ змѣями, которыя развоенными жалами такъ шипятъ, что доводятъ меня до безумія. — (*Входитъ Трикулло*) О! вотъ (*болзливо*), вотъ идетъ одинъ изъ духовъ, мучить меня за то, что медленно ношу дрова! Лягу на землю — можетъ быть, онъ меня не замѣтитъ... (Калибанъ бросается на землю).

Трикулло (*смотря во все стороны*).

Здѣсь нѣтъ ни деревца, ни кусточка, гдѣ бы укрыться отъ непогоды, а новая буря приближается: слышу вой ея второвъ, и вотъ эта черная, огромная туча похожа на худую бочку, которая хочетъ вылить изъ себя жидкость. Если будетъ громъ, какой былъ недавно, не знаю куда спрятать мнѣ голову! Изъ этой тучи непремѣнно польетъ, какъ изъ ведра. — (*увидя лежащаго Калибана*) Что это такое? Человѣкъ или рыба? Живой или мертвой? Это рыба! (*подходить и шюхаетъ его*) Онъ пахнетъ рыбою, протухлымъ, рыбнымъ запахомъ — видно заплыснѣвела, бѣднjackа! Странная рыба! Если бы я былъ теперь въ Англіи, и показывалъ эту рыбу нарисованную, то каждый праздничный звѣвака далъ бы мнѣ серебряную моне-

ту посмотреть на нее ¹⁾. Вотъ тамъ это чудовище доставило бы человѣку богатство; всякое странное животное дѣлаетъ тамъ человѣка богатымъ: люди тамъ не дадутъ ни полущки помочь науввченному бѣдняку, а кинутъ десять поглядѣть на мертвого Индѣйца. — Ба! Ноги, какъ у человѣка! А плавательныя перья похожи на руки! (*дотрогивался до Калибана*) Да, она еще, право, совсѣмъ теплая! — Я отступаю отъ своего перваго мнѣнія — это не рыба, а дикарь, недавно пораженный громомъ! (*Громъ*) Ахъ! бури опять начинается: одно средство — подползти подъ его одежду — здѣсь пѣть другаго убъжнца. Несчастіе знакомитъ человѣка съ странными товарищами. Укроюсь здѣсь, покаместъ пройдутъ остатки бури. (*Онъ покрывается звероюю кожею, которою покрытъ Калибанъ, такъ что его ноги приходятся къ головамъ чудовища*).

Входитъ Стефано, съ фляжкой изъ древесной коры.

Стефано, поеть.

Я не пойду болѣе въ море,
Уму я здѣсь на берегу; —

Дрянная та пѣсня, которую пѣешь на своихъ похоронахъ!
Но, вотъ мое утѣшеніе! (*Пѣетъ и опять поеть*)

Шкиперъ, и юнга, и боцманъ, и я,
Мы всѣ любили Ипполиту,
И Каролину, и Бригиту,
Но никто изъ насъ, клянуся,
Не могъ полюбить Маргариту:
Языкъ у нее былъ презлой,
Кричалъ моряку: чортъ съ тобой!
Дегтя, смолы она не любила,
Однакожь, плутовка,
На выдумки ловка,
Къ молодому портному ходила:
Такъ въ море, ребята! провалися она!

Это также дрянная пѣсня, но, вотъ моя отрада! (*пѣетъ*).

Калибанъ (*стонетъ глухо, принимая Тринкуло за духа*).
Не мучь меня — охъ!

Стефано (*увидя Калибана*).

Что это значить? Не черти ли здѣсь водятся? ²⁾ или вы наряжаетесь дикими и Индѣйцами пугать насъ? Нѣтъ! я не для того спасся отъ воды, чтобы испугаться вашихъ четырехъ ногъ; обо мнѣ справедливо было сказано, что я не

уступлю ни человѣку, ни чорту, будь онъ четвероногій, и такъ всегда будетъ сказано, покаместъ сердце бьется въ груди Стефано.

Калибанъ.

Духъ мучить меня — охъ!

Стефано (*удивленный*).

Это какое нибудь четвероное чудовище здѣшняго острова; у него, видно, лихорадка. Гдѣ, чортъ его возьми, научился онъ нашему языку? Хоть только за то, я помогу ему. Если я его вылечу, сдѣлаю ручнымъ и привезу въ Неаполь, то-то будетъ славный подарокъ Королю!

Калибанъ.

Не мучь меня, пожалуста — я принесу дровъ поскорѣ!

Стефано.

Онъ теперь въ припадкѣ и говорить безсмыслицу. Пусть отвѣдаетъ изъ моей бутылки, и если онъ никогда не пилъ вина, то оно легко надъ нимъ подѣйствуетъ, а когда я его вылечу, и сдѣлаю ручнымъ, я не возьму за него дешево — онъ хорошо заплатитъ за себя тому, кто будетъ имѣть его.

Калибанъ.

Ты еще не сдѣлалъ мнѣ большой боли, да ты скоро ее сдѣлаешь! (*Тринкуло шевелится*) Чувствую по твоему содроганію ³⁾; теперь Просперо повелѣваетъ тобою!

Стефано (*Калибану*).

Ну, подвигайся, отвори ротъ — вотъ это развяжетъ тебѣ языкъ, кошка ⁴⁾; отвори ротъ — это растрясетъ твое трясеніе, могу сказать, да и чудесно! (*Калибанъ пѣетъ съ жадностью и удовольствіемъ*) Ты не знаешь, кто твой другъ; раскрой еще свои челюсти!

Тринкуло (*дрожитъ*).

Мнѣ кажется, это знакомый голосъ! Можетъ быть, да вѣдь онъ утонулъ, а это видно черти — помогите!

Стефано.

Четыре ноги и два голоса! Превосходное чудовище! Одинъ его голосъ говорить хорошее о своемъ другѣ, а другой дурно и злословить. Если вина въ моей фляжкѣ будетъ достаточно вылечить его, я исцѣлю его отъ лихорадки! Ну, до-
Т. VI. — Отд. VI.

вольно! Теперь я налью въ другой твой ротъ. (*Подходитъ къ Тринкуло*).

Тринкуло (*дрожащими голосомъ*).

Стефано!

Стефано.

Какъ? Другой твой голосъ зоветъ меня? Помогите! Да, это чортъ, а не чудовище — оставимъ его; у меня нѣтъ съ собою длинной ложки ⁵⁾.

Тринкуло.

Стефано — если только ты Стефано, тропь меня и говори со мной — вѣдь я Тринкуло, не бойся, я твой добрый другъ Тринкуло!

Стефано.

Если ты Тринкуло, вѣдь сюда! Постой, я тебя вытащу за самыя короткія ноги. Если здѣсь есть ноги Тринкуло, такъ вотъ онѣ! (*Онъ вытаскиваетъ Тринкуло за ноги*) Точно, ты въ самомъ дѣлѣ Тринкуло! Какъ сдѣлался ты сдѣлицемъ этого морскаго медвѣдя? ⁶⁾ Развѣ онъ производитъ Тринкуловъ?

Тринкуло.

Я думалъ, что онъ убить громовой стрѣлою, а ты, развѣ ты не утонулъ, Стефано? Вижу теперь, что ты не утонулъ. Прошла ли совсѣмъ буря? Я испугался ее и спрятался подъ одежду этого мертваго чудовища. Но точно ли ты живъ Стефано? О, Стефано! вотъ два спасенные Неаполитанца!

Стефано.

Пожалуста, не дергай меня такъ сильно; мой желудокъ еще разстроень.

Каливанъ (*съ глупымъ удивленіемъ*).

Это два славные человека, если они не духи. А вотъ этотъ, видно, могучій богъ — у него небесный напитокъ. Я стану передъ нимъ на колѣни.

Стефано (*Тринкуло*).

Какъ ты спасся? Какъ зашелъ сюда? Клянись надъ моей бутылкой, какъ ты попалъ сюда? Я спасся на бочкѣ вина, которую матросы выбросили въ море — право! А флажку сдѣлалъ я собственными руками, когда былъ выброшенъ на берегъ.

Каливанъ.

Клянись надъ этой бутылкой, быть вѣрнымъ рабомъ твоимъ, потому, что тутъ у тебя не земной напитокъ!

Стефано (*Тринкуло*).

Ну, говори же, какъ ты спасся?

Тринкуло.

Доплылъ до берега, любезный, какъ утка; клянусь, что я могу плавать, какъ утка.

Стефано.

Ну, приложись къ книгѣ, въ знакъ свидѣтельства; хоть ты можешь плавать какъ утка, но ты похожъ на гуся.

Тринкуло (*выпивши изъ бутылки*).

О Стефано! много ли еще у тебя этого осталось?

Стефано.

Цѣлая бочка, братъ! Мой погребъ близъ моря — тамъ, на скалѣ, мое вино спрятано. Ну что чудовище? Какъ твой лихорадка?

Каливанъ.

Не съ неба ли ты сошелъ? ⁷⁾

Стефано.

Изъ луны, увѣрю тебя: я жилъ на лунѣ, когда она была обитаема.

Каливанъ.

Я видѣлъ тебя въ ней и тебя обожаю: моя госпожа ⁸⁾ показала мнѣ тебя, и твою собаку, и твой кустъ.

Стефано.

Ну, клянись въ этомъ — приложись къ книгѣ — я скоро наполню ее свѣжимъ содержаніемъ! (*Каливанъ пьетъ*).

Тринкуло.

Клянусь небеснымъ свѣтиломъ, что это глупое животное! И я могъ его бояться, этого слабого существа? Человекъ изъ луны! — Какое легковѣрное и глупое чудовище! (*Каливанъ отдаетъ Стефано бутылку*). Хорошо опорожнилъ, братъ!

Каливанъ (*Стефано*).

Я тебѣ покажу каждый кусокъ плодородной земли на остро-

въ, и поцѣлую твою ногу — прошу тебя, будь моимъ богомъ!

Тринкуло.

Клянусь небомъ, что это самое коварное чудовище! Когда его богъ ляжетъ спать, оно украдетъ у него бубльку.

Калибанъ.

Я поцѣлую твою ногу — поклянусь быть рабомъ твоимъ!

Тринкуло, *слѣясь*.

Ха! ха! ха! я умру со смѣху надъ этимъ уродомъ! Экое гадкое животное! У меня достало бы духу побить его.

Стефано (*протлгивая Калибану ногу*).

Ну, цѣлуй!

Тринкуло.

Если бь опъ не былъ пьянъ — ужасное чудовище!

Калибанъ.

Я тебя покажу самые лучшие источники, нарву тебя ягодъ, буду тебя удить рыбу и достану дровъ. Прокляте на моего прежняго хозяина! Я не стану ему болѣе служить, но за тобой послѣдую, за тобой, чудный человекъ!

Тринкуло.

Пресмѣшное чудовище! Удивляться бѣдному пьяницѣ...

Калибанъ.

Позволь мнѣ показать тебѣ, гдѣ растутъ дикія яблоки, и я своими длинными ногтями выкопаю тебѣ трюфели; покажу тебѣ гнѣздо сон; научу ловить проворную обезьяну; приведу тебя къ густому оръшнику, а иногда со скаль, буду доставать тебѣ молодыхъ пингвиновъ — пойдешь ли ты со мною?

Стефано.

Хорошо, показывай намъ дорогу, безъ дальнихъ разговоровъ. — Тринкуло! Король и всѣ наши товарищи утонули; мы здѣсь всему наслѣдуемъ (*Калибану*) На, песи мою бубльку! Любезный Тринкуло! мы опять ее скоро наполнимъ.

Калибанъ (*поетъ пьяный*).

Прощай хозяинъ, прощай, прощай!

Тринкуло.

Какъ опъ реветъ! Этакъ опъ напился!

Калибанъ (*поетъ*).

Не стану я больше рыбу удить!

Дрова перестану

Носить я тирану,

Ни скрестъ посуды ни блюда мыть;

Прощай, хозяинъ, прощай, злой тиранъ!

Банъ — банъ — банъ — Калибанъ!

(*привгастъ неужюже*).

Служу другому — а ты безъ раба!^{*)}

Свобода, веселье! Веселье, свобода! Свобода, веселье, свобода!

Стефано.

Храброе чудовище! показывай намъ дорогу.

(*Они уходятъ во внутренность острова*)

Съ Англ. И. Е . . . . ВЪ.

Примѣчанія.

¹⁾ Сатира на страсть тогдашняго Англійскаго народа къ чудовищамъ, и ко всему новому и чудному.

²⁾ Насмѣшка надъ МанDEVILEMъ, который въ своихъ путешествіяхъ уверяетъ, что опъ провѣзжалъ черезъ волшебную долину, населенную дьяволами, которая находилась близъ дверей ада. Опъ упоминаетъ объ дикихъ, Индѣйцахъ, украшая все это баснями Плинія объ одноглазыхъ, одноногихъ и длинноухихъ людяхъ. Варбуртонъ.

³⁾ Это содроганіе всегда, какъ говорили, бывало дѣйствіемъ человека, одержаннаго демономъ.

⁴⁾ Отъ Англійской пословицы: хорошее вино заставитъ говорить кошку. Малонъ.

⁵⁾ Отъ Шотландской пословицы: надо имѣть длинную ложку, чтобы ѣсть съ чортомъ. Грей.

⁶⁾ Въ подлинникъ: moon-calf. Вотъ что говорить объ этомъ словѣ одинъ изъ комментаторовъ Шекспира: moon-calf, слово брачное: *лунный*; было народное мнѣніе, что луна имѣетъ вредное вліяніе на зачатіе ребенка; отъ того дураковъ называли Англичане плодами лунны — moon-calves. Варбуртонъ.

⁷⁾ Новооткрытые Индѣйцы острова Св. Салватора спрашивали, не сошли ли Колумбъ и его товарищи съ неба? Малонъ.

⁸⁾ Легковѣрный Калибанъ повѣрилъ словамъ Стефано; опъ здѣсь говорить о Мирадѣ, дочери Просперо, которая показала ему небесныя созвѣздія.

⁹⁾ Калибанъ поетъ эти послѣднія слова своей пѣсни, обращаясь къ пещерѣ Просперо, которому опъ пересталъ служить. *Ирли. Пер.*

Тѣмъ, которые не читали всей пьесы Англійскаго барда, будетъ не понятенъ предложенный здѣсь отрывокъ. Вотъ ея

краткое очертаніе: Просперо былъ Герцогъ Миланскій. Исполненный правосудія и занимаясь науками, онъ былъ любимъ своими подданными, и его владѣніе процвѣтало въ Италіи. Желая лучше предаться занятіямъ, особенно своей любимой наукѣ магіи, онъ ввѣрилъ свое герцогство брату своему Антоніо. Антоніо давно желалъ того. Своею хитростью, онъ скоро успѣлъ овладѣть умами подданныхъ, и заставилъ Короля Неаполитанскаго, человека слабаго, провозгласить его Герцогомъ Миланскимъ. Неблагодарный, позабывъ доврѣнность и любовь брата, выгналъ его изъ города съ трехлѣтнею дочерью. Но боясь, чтобы народъ не вознегодовалъ на него за такой поступокъ, онъ рѣшился погубить Просперо. По его приказанію, увлекли обѣ жертвы на берегъ моря, посадили въ плохую лодку и оставили на произволъ судьбы и волнъ. Антоніо былъ уврѣенъ, что море поглотитъ ихъ. Надежда его не сбылась. Гонзало, министръ Короля Неаполитанскаго, сжался надъ участію Просперо, далъ ему бѣлья, съѣстныхъ припасовъ, и велѣлъ положить тайно въ лодку магическія книги. Плавая долгое время по океану, Просперо съ дочерью присталъ къ необитаемому острову. Тамъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, занимался онъ изученіемъ магіи и сдѣлался волшебникомъ. На островъ была некогда выброшена матросами злая колдунья; она жила сперва въ Алжиръ, и была выгнана отсюда за колдовство свое, умерла на острову, и оставила сына — Калибана, родъ чудовища. Онъ жилъ одинъ до прибытія Просперо и сдѣлался совершенно дикимъ. Просперо взялъ его себѣ въ рабы. Но злой дикарь, привыкшій къ свободѣ, терпѣть не могъ своего господина. Однажды Просперо узналъ, что Король Неаполитанскій, съ коварнымъ Герцогомъ Миланскимъ и свитою, намѣреваются путешествовать по морю. Съ помощію Аріеля, подвластнаго ему воздушнаго генія, Просперо взволновалъ море и произвелъ ужасную бурю. Корабль Короля былъ разбитъ, а онъ и свита его спаслись и разсѣялись по острову, гдѣ находился Просперо. Никто изъ нихъ не зналъ объ участіи другихъ спутниковъ. Каждый думалъ, что товарищи его погибли. Но буря была только произведеніе волшебства, и ни одного человека не погибло. Здѣсь открываетъ явленіе Калибана, котораго хозяинъ его послалъ за дровами. Онъ не знаетъ, что пассажиры корабля разсѣяны по острову, и увидя матроса Трипкуло, ищущаго убѣжища отъ новой бури,

принимаетъ его за духа, посланнаго Просперомъ. Стефано, ключникъ на королевскомъ кораблѣ, случайно приходитъ, и вида странную группу лежащихъ Калибана и Трипкуло, принимаетъ ихъ за чудовище . . .

ЗАМѢЧАНІЯ НА РЕЦЕНЗИЮ ЧТЕНІЙ О СЛОВЕСНОСТИ Г-па Д.

Ежели есть люди, которые не стыдятся не знать самыхъ старыхъ и, такъ сказать, *повседневныхъ* истинъ, то надобно ли стыдиться, по временамъ, напоминать имъ такую старину? Отвѣтъ самъ собою видѣнъ ясно. И такъ поговоримъ о томъ, что должно быть извѣстно и безграмотнымъ людямъ, и что однакожъ часто забываютъ, такъ называемые, *ученые*. 1-е, Ежели мы говоримъ, или пишемъ для другихъ, то предполагаемъ, что мы, или сообщаемъ новую мысль, или уничтожаемъ какое либо заблужденіе. Въ томъ и другомъ случаѣ нужны ясныя и положительныя доказательства. Кто же требуетъ вѣры въ слова свои безъ доказательствъ, тотъ явно обнаруживаетъ запосинную самопадьнность, если только что нибудь не хуже того, ибо на безусловную доврѣнность имѣютъ право только такіе люди, которые доказали уже многими опытами неизмѣнную добросовѣстность и глубокую ученость. — 2-е, Всякое литературное дѣло имѣетъ свои правила и условія, нарушители которыхъ не достигнутъ цѣли при всемъ своемъ усилии, и, слѣдственно, будутъ трудиться бесполезно. И сіи-то правила и условія требуютъ, что каждый, кто принимаетъ на себя обязанность открыто осуждать недостатки и слабости другаго, во первыхъ долженъ, числится недостатки, удерживаясь отъ излишней строгости въ словахъ, и во вторыхъ долженъ смѣло открыть свое лицо и имя, а не прятаться за стѣну анонимовъ; въ противномъ случаѣ на каждомъ углу надобно будетъ опасаться суда и критики. 3-е, Кто дорожитъ своею литературною извѣстностью, тотъ никогда не будетъ говорить о томъ, чего онъ не понимаетъ, ибо снятъ поддѣлку учености гораздо легче, нежели вслую другую.

Теперь приложимъ сіи общія и старыя правила къ частному случаю. Въ Сѣверной Пчелѣ (*№* 267), подъ рубрикой: *Русская Литература*, напечатана статья, въ которой разби-

раются *Чтенія о Словесности — Курсы третій и четвертый*.... Статья начинается и оканчивается похвалами профессору Давыдову и упреками мнѣ. Если бы кто нибудь спросил, да, какъ же я попалъ подъ перо рецензента въ чужомъ дѣлѣ? то мы, съ позволеніи читателей, такой вопросъ оставимъ пока нерешеннымъ. — Теперь же, по первому нашему условію, будемъ искать доказательствъ, на которыхъ г. Рецензентъ осмѣливаетъ похвалы одному и порицаніе другому. Вотъ слова, которыя рѣшаютъ судьбу *двухъ книгъ*: «Прежде всего сочинитель (г. Дав.) разсматриваетъ начало и успѣхи поэзіи, различныя проявленія духа человеческого въ «поэзіи, по различію мѣста и времени, роды и виды произведеній поэтическихъ, характеръ поэзіи древней и новой, и «потомъ переходить къ лирической поэзіи, въ отношеніи къ отечественному языку. Всѣ поэтическія произведенія подраздѣлены «подъ три рода: *Эпическую, Лирическую, Драму*.... Послѣ того г. Рецензентъ, для вѣрнѣшаго убѣжденія читателей въ томъ, что раздѣленіе и пово и вѣрно, восклицаетъ, что Плакситъ *помѣстилъ различіе между прозаическими сочиненіями*... «Г. Давыдовъ не такъ сдѣлалъ: у него романъ *«въ области поэзіи, а почему именно, потрудитесь взглянуть «въ Чтенія.*» Неужели разсказъ неубѣдительнѣе? Правда, послѣдняя ссылка на *Чтенія* напоминаетъ одинъ старый анекдотъ: Какой-то ученикъ, худо попявшій учительскія записки: вздумалъ, опираясь на нихъ, отвергать какую-то истину. Когда же отъ него потребовали доказательствъ, онъ отвѣчалъ, «Прочтите тетрадки моего учителя.» Но это дѣло поспорнее.

Потомъ г. Рецензентъ, *сказавъ отъ имени всѣхъ большое спасибо автору за статью о лирической поэзіи, наполняетъ полтора столбца наименованіями статей, составляющихъ два послѣдніе курса Чтеній, съ различными упреками г. Давыдову.* Оканчивается вся рецензія длиннымъ рядомъ восклицаній и ничѣмъ неподкрѣпимыхъ похвалъ *Чтеніямъ*, и жаркою молитвою о *скоромъ освобожденіи несчастныхъ юношей труженниковъ, изымающихся надъ должностными, весьма угнетенными курсами.* Для непзбѣжной погибели всѣхъ курсовъ словесности и особенно моего курса, г. Рецензентъ рѣшительно объявляетъ, что онъ уже *смыкалъ отъ опытныхъ наставниковъ, что они съ величайшею пользою руководствуются Чтеніями недоморощенными.*

И такъ, гдѣ же тѣ доказательства, которыя подкрѣпляли бы частіи мнѣнія рецензента? Гдѣ вниманіе къ читающему обществу? Гдѣ тотъ авторитетъ, по которому г. Рецензентъ требуетъ безусловной довѣренности къ его словамъ? Чѣмъ докажетъ онъ, что *несчастные юноши-труженники изымаются надъ должностными курсами, которые сбиваютъ ихъ съ толку?* Да чѣмъ онъ, предостерегалъ блюстителей и воспитателей юношества отъ вреднаго вліянія старыхъ учителей, скрываетъ свое имя? Гдѣ же тѣ высокія достоинства Чтеній, предъ которыми *прежніе курсы смиренно станутъ на подмосткахъ книжныхъ лавокъ?* — Но такіе вопросы оставимъ до времени.

Г. Рецензентъ «удивляется, что» и *скудельная книжница г. Пликсина, съ наборомъ неопредѣленныхъ опредѣленій, каковыми судьбами дополнена также до втораго изданія.* Впрочемъ, она оправдала только собою старинную Русскую пословицу: *на безрыбьи и ракъ рыба*» и т. д. Да! это собственныя слова рецензента. — О *языкѣ* его ни слова, но поговоримъ о *мысляхъ.* Кто не читалъ разбираемой мною статьи, тотъ, конечно, съ увѣренностію думаетъ, что въжливый выраженія рецензента выведены, по крайней мѣрѣ, изъ показаній и разбора многихъ важныхъ недостатковъ моей книги. Нѣтъ! Рецензентъ не удостоиваетъ ни однимъ доказательствомъ ни меня, ни тѣхъ, которые разобрали почти два большія изданія (изъ 4,000 экзempl. осталось у меня немного). Если же онъ почитаетъ доказательствомъ свой мимоходный упрекъ мнѣ, за помѣщеніе романа въ риторикѣ, то сей упрекъ, точно, можетъ многое доказывать, только не скудельность книжницы моей, а что-то другое. Послушаемъ, что говоритъ строгій судія прежнихъ учебныхъ курсовъ: «Безъ системы во всякой «наука плохо; это доказываетъ *оригинальный курс* г. Плакситина, въ которомъ (?) романъ помѣщенъ между прозаическими сочиненіями, *потому-де вѣрно, что романъ пишется «большою прозою!* Такъ какъ же его *упрямать въ поэзіи* (?), «гдѣ все стихи, да *романы!* Вотъ, что значить смотреть на «паружную форму!» — Послѣ того, какъ г. Критикъ приписываетъ мнѣ произвольное его разсужденіе, я имѣю полное право въ свою очередь воскликнуть: «Вотъ что значить смотреть только на оберточку книги!» Въ книгѣ моей, *Краткій курсъ Словесности*, во 2-мъ изд., на стр. 106, § 192, напечатано: «Хотя Риторика ограничивается изложеніемъ законовъ прозы, которая говоритъ о мѣрѣ дѣйствительною, для

«известныхъ видовъ, но какъ часто дѣйствія душевныхъ силъ «бываютъ столь смѣшанны, что самая игра ихъ направляется къ положительнымъ пользамъ, и произведенія, ознаменованные всеми условіями изящества, часто соглашаются съ житейскими видами, но по нимъ причиняетъ *Романы*, *Поэмы*, *Сказки и Анекдоты* могутъ и должны входить въ «кругъ Риторики, ибо они имѣютъ двойственную сущность и «назначеніе: по основной своей идее и по содержанию, они состоятъ въ области поэзіи, а по цѣли и способу изложенія относятся къ прозѣ.....». Потому-то въ послѣдующихъ §§ говорится не о созданіи романа, а только объ изложеніи его и приложеніи къ обществу, и преимущественно для того, чтобы молодые люди пріучались понимать и оцѣнивать сей родъ литературы, столь употребительный въ наше время.

Послѣ сего, самымъ слабымъ и самымъ снисходительнымъ упрекомъ критику будетъ замѣчаніе, что онъ не читалъ осужденной имъ книги, а только передисловалъ ее. Желая имѣть дѣло только съ сочиненіемъ, т. е. съ мнѣніемъ сочинителя, а не лично съ сочинителемъ, я долженъ устранить приложеніе втораго условія, поставленнаго мною въ началѣ моей статьи. *Sat sapienti.*

Впрочемъ, смѣю увѣрить г. Рецензента, что я не чуждаюсь критики, и никогда не болѣлъ ею. Тому можно найти живыя доказательства въ трехъ предисловіяхъ къ моимъ сочиненіямъ, гдѣ прямо просилъ я критиковъ дѣлать мнѣ замѣчанія, и сдѣланными старался по возможности пользоваться. Когда же на второе изданіе моей книги не было почти никакихъ замѣчаній, говорю чистосердечно, это меня нисколько не обрадовало, потому, что я писалъ не для личнаго моего удовольствія. Но критиковать книгу, показывать недостатки ея въ свѣзи, въ порядкѣ, для пользы науки, и сказать объ ней нѣсколько рѣзкихъ словъ мимоходомъ, между похвалами другой книгѣ — это два дѣла совершенно различныя. Читая подобныя критики, кажется, можно повѣрить слѣдующему разсказу: «Слуга какого-то писателя шелъ по улицѣ; занятой мыслями «о своихъ дѣлахъ, онъ не замѣчалъ того, что проходилъ мимо «двухъ весельчаковъ, которые разыгрались, какъ обыкновенно «играетъ простой Русской народъ. Вдругъ, онъ чувствуетъ, «что въ затылокъ ему попалъ большой комъ снѣгу (но другимъ известнымъ, грѣзи — дѣло не рѣшено!). Слуга писателя, разсерженный оскорбленіемъ, вскричалъ: какъ вы сплете

«такъ дерзко меня критиковать?» Но шутки въ сторону. Дѣло въ томъ, что я, во все по пути, убедительно прошу г. Критика объяснить бессистемность моей книги, и прямо показать то: чѣмъ она сбиваетъ съ толку молодыхъ людей? какъ она пугаетъ имъ головы неопредѣленными опредѣленіями? Покорнѣйше прошу вывести меня и читателей моей книги изъ заблужденія. Въ противномъ случаѣ, онъ заставитъ вѣрить .... вовсе невыгоднымъ для него моимъ предположеніямъ.

Кажется, ясно, что два первыя условія пренебрежены въ рецензіи. Посмотримъ, не соблюдено ли, по крайней мѣрѣ, третье? — Судя по заглавію, по началу и по концу статьи, она имѣетъ цѣлью похвалить *тетей* г. Давыдова. Похвалить значить показывать достоинства и совершенства. Но видѣть и оцѣнить совершенства можемъ мы не болѣе, сколько позволяютъ намъ силы и средства наши. Что выше насъ, то не для насъ. Потому-то умъ высокій и просвѣщенный знаніями ясно понимаетъ возвышенныя красоты природы, живо представляетъ себѣ совершенства искусствъ, и вѣрно передаетъ свои понятія другимъ, но для умовъ мелкихъ все это непостижимая тайна; они ахаютъ въ подражаніе другимъ. За то, кто не видитъ чужихъ недостатковъ? Нуженъ ли высокій умъ и образованіе для того, кто хочетъ разсматривать только то, что слѣпо и хромо? Кто ищетъ только пятепъ? А развѣ есть что либо безъ пятепъ? Всякіе вопросы давно уже предупредилъ отвѣтами И. А. Крыловъ. — Выповать, — я удалился отъ предмета. И такъ г. Рецензентъ хотѣлъ намъ показать достоинства *Чтеній* г. Давыдова, но, по непреложному закону природы, нашелъ въ нихъ болѣе недостатковъ, нежели совершенствъ, что доказываютъ жалобы рецензента на разборъ *Державина, Петрова, Хемницера, Дмитриева, Пушкина, Загоскина, Суларова, Килженина, Озерова*, на пропускъ *Фонъ-Визина, Грибова*, и проч. и проч. — Можно ли исчислить всѣ недостатки, даже въ совершеннѣйшихъ твореніяхъ? Весьма естественно — нѣтъ! Что же остается дѣлать? Хвалить, хвалить безъ справокъ, безъ доказа-

* Такъ какъ я предполагаю скоро приступить къ *третьему* изданію *курса Словесности*, который столь поздно вооружилъ противъ себя неизвѣстнаго критика, и ко второму изданію *исторіи Русской литературы*, то съ благодарностію приму всѣ добросовѣстные замѣчанія. *Павловъ.*

тельствъ! Тутъ не пужно запасаться ни силами, ни средствами. Конечно, многіе скажутъ: но, это значить высказать, что хвалимая книга только (слова рецензента) *на безрыбьи рыба?*.. Все равно, говорите что хотите, а мы *отъ друга отогнали муху*.

Наконѣцъ г. Рецензентъ говоритъ: «*Нельзя не признать ея* (книги г. Д.) *лучшимъ курсомъ для учащихся и лучшимъ руководствомъ для наставниковъ. Смѣло давайте его (?) въ «руки (?)» въ полной увѣренности, что онъ не советъ съ толку молодымъ людямъ.....»* Внутреннее достоинство книги есть дѣло спорное. Какъ для утверженія, такъ и для отрицанія его, нужно представить подробный разборъ, и *содержанія и изложенія* книги; мимоходомъ этого сдѣлать нельзя. Вотъ почему я, въ семь отношеній, о *Чтеніяхъ* г. Давыдова, труды котораго нельзя не уважать, теперь не говорю ни худаго, ни хорошаго. Но кто чему либо учился съ пользою для себя, ктс понимаетъ, что значить ученіе, тотъ конечно согласится, что книгу г. Д. нельзя дать въ руки *ученикамъ*. Ученику книга дается для того, чтобы онъ имѣлъ предъ глазами нить мыслей, которая, напоминая ему учительскіе объясненія и выводы, приучаетъ его къ умственной работѣ. Такія припоминанія заставляютъ ученика думать, что онъ самъ участвовалъ въ размышленіи и развитіи науки. Только при сихъ условіяхъ, ученикъ можетъ усвоить себѣ учительскія мысли, можетъ полюбить ихъ и сдружиться съ ними. Следовательно, краткость, разумеется, умеренная послѣ систематической связности, есть одно изъ главнѣйшихъ условій учебной книги, особенно при *хорошемъ преподавателѣ*. Неужели это неизвѣстно критику? — *Дайте же въ руки* пятнадцати, шестнадцати, и даже семнадцати-лѣтнему ученику *курса въ четыре тома* (около 80-ти печатныхъ листовъ), что онъ съ нимъ будетъ дѣлать? Тутъ первое неудобство то, что ученикъ потеряется въ подробностяхъ; второе — излишнее развитіе науки во всѣхъ ея тонкостяхъ и частныхъ приложеніяхъ, не оставляя никакой работы уму, навязываетъ познанія только памяти. Но кому неизвѣстно, что тѣ знанія, въ которыхъ не участвуетъ разумъ, всегда превращаются въ предразсудки? Отъ того-то встрѣчаемъ много такихъ людей, которые имѣютъ всѣ признаки учености, но походятъ только на живую тетрадь. Они думаютъ и говорятъ умомъ и языкомъ своего учителя, даже видятъ его глазами. Третье — при обширномъ

изложеніи науки непременно войдутъ въ нее частныя мнѣнія, которыя выливаются по формѣ личнаго характера писателя и принимаютъ свойства мѣстности. Такія частныя мнѣнія, переходя безъ всякаго измененія къ ученикамъ, дѣлаютъ ихъ смѣшными школярами, которые хотя въ навязать обществу свои мысли и дѣйствительный міръ подчинить книжнымъ правиламъ. Вотъ почему книга г. Д., при всѣхъ достоинствахъ, вопреки грозному суду, не можетъ и не должна вытѣснять, столь поспѣшно осужденные, прежніе *курсы*. Книга г. Д. *учебная*, а не *учебная*. Она можетъ быть полезна многимъ *учителямъ и образованнымъ читателямъ*, по ученикамъ *дать ее смѣло въ руки* нельзя.

Въ заключеніе, прошу позволенія у г. Критика предложить ему нѣсколько вопросовъ, которые неизбѣжны для окончанія нашей бесѣды: 1, какъ, по его мнѣнію, должно называть такого чловека, который безъ доказательствъ, безъ объясненія своего имени, обвиняетъ другихъ въ томъ, что они *обиваютъ съ толку несчастныхъ юношей-тружениковъ, изъязвляющихъ надъ ихъ учение?* 2, можно ли пятью, или шестью рѣзкими выраженіями осудить на вѣчное изгнаніе учебныя книги, основанныя на многолѣтнихъ опытахъ и оправданныя слѣдствіями, которыхъ критику опровергнуть нельзя? 3, имѣетъ ли право судить о руководствахъ тотъ, кто не можетъ, или не хочетъ, отличить учебной книги отъ учебной? 4-е, какъ браться за учебную критику тому, кто не въ силахъ доказать даже *недостатковъ курсовъ?* Наконѣцъ, 5-е, кака была цѣль статьи г. неизвѣстнаго Рецензента? Неужели онъ, полагаясь на приведенную имъ старинную поговорку: *на безрыбьи и ракъ рыба*, думая, что ее примутъ за критику? Нѣтъ! нынѣ народъ ухитрился такъ, что даже отличаетъ *хвастливаго отъ богатаго*. Si tacuisses, philosophus mansisses.

В. ПЛАКСИНЪ.

УЧЕНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Гальваническіе спаряды, изобретенные и устроенные профессоромъ *Аюби*, для приведенія въ движеніе электро-магнитныхъ машинъ, послужили нынѣ поводомъ къ открытію чрезвычайно замѣчательнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ очень простаго

способа: получать посредствомъ гальванизма мѣдныя доски, на которыхъ изображается выпукло то, что на оригиналѣ въгравировано вглубь.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія довелъ о семъ открытіи до Высочайшаго свѣдѣнія Государя Императора, и имѣвъ счастье всеподданнѣйше представить Его Величеству первую доску, которую профессоръ Якоби получилъ такимъ образомъ съ полнымъ успѣхомъ.

Способъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Деревянный лщикъ, раздѣленный на двѣ половины перегородкою изъ слабо пережеванной глины, наполняется въ одной половинѣ водою, съ незначительною примѣсью сѣрной кислоты, а въ другой растворомъ синяго мѣднаго купороса. Въ первую ставится цинковая доска, во вторую мѣдная, обращенная къ цинку своею гравированною стороною. Коль скоро обѣ доски будутъ приведены въ соединеніе посредствомъ длинной винтообразной проволоки, то начинается гальваническое электричество, которое струею переходитъ отъ одной доски къ другой. Съ тѣмъ вмѣстѣ начинается химическій процессъ: цинкъ медленно и мало по малу распускается въ жидкости; напротивъ того, изъ мѣднаго купороса возстановляется въ металлическомъ видѣ мѣдь, въ немъ содержащаяся. Если проволока слишкомъ толста или слишкомъ коротка, то мѣдь получается въ видѣ порошка, или въ грубыхъ шарикахъ, имѣющихъ кристалловидную форму. Если же проволока имѣетъ надлежащую длину, то гравированная мѣдная доска покрывается осадкомъ металлической мѣди, который, наполняя собою всѣ углубленія, граверомъ сдѣланныя, постепенно нарастаетъ и можетъ получить какую угодно толщину. Дѣйствіе спаряда вовсе не требуетъ надзора; нужно только прибавлять по немногу мѣднаго купороса, чрезъ каждые 8, или 12 часовъ. Таинственная сила природы, получивъ такимъ образомъ опредѣленное направленіе, совершаетъ новое образованіе безъ всякихъ дальнѣйшихъ усилій человѣка.

Вся трудность заключается въ отдѣленіи вновь образовавшейся доски отъ гравированной; тутъ нужна величайшая осторожность, чтобы не разломать первой, и не повредить второй. Часто, когда проводящая электричество проволока не имѣетъ надлежащей пропорціи, вновь образовавшійся осадокъ такъ плотно соединяется съ гравированною доскою, что нѣкоторыми частями, или даже всюю поверхностію своею, какъ

бы срастается съ нею, и уже ни чѣмъ отдѣленъ быть не можетъ.

Не подлежитъ, какъ кажется, ни малѣйшему сомнѣнію, что сей способъ, досель ни къ кому не знаемый, со временемъ принесетъ большую пользу въ практическомъ или техническомъ примѣненіи. — На первый случай довольно важно и то, что мы получаемъ теперь возможность дѣлать съ гравированной мѣдной доски, ежели она не слишкомъ велика, столько выпуклыхъ снимковъ, сколько угодно, ибо она не подвергается никакому химическому поврежденію. Очень вѣроятно также, что вмѣсто мѣдныхъ досокъ съ выпуклыми изображеніями, можно ихъ дѣлать и изъ благородныхъ металловъ.

Императоръ Австрійскій повелѣлъ возобновить въ Миланѣ Институтъ, учрежденный Наполеономъ, и потомъ совершенно почти уничтожившійся. Его составятъ сорокъ членовъ, кромѣ почетныхъ и корреспондентовъ. Вотъ имена нѣкоторыхъ членовъ, поступающихъ въ составъ его: Манзони, Литта (историкъ), Карлини (астрономъ), Каттанео (Дир. Нумизмат. Музея), Лондоніо (Презид. Академіи Художествъ), Крамеръ и О. Октавіо Ферраро (химики), профессора: Конфильячи, Белли, Бордони, Паниззи, Бальзамо-Кривелли, Ровида, Бруньятели, Маріаннини, и проч.

Число всѣхъ напечатанныхъ въ Парижѣ, въ 1838 году, книгъ, на Французскомъ, Нѣмецкомъ, Латинскомъ, Англійскомъ, Итальянскомъ, Польскомъ, Испанскомъ, Португальскомъ и другихъ языкахъ, простиралось до 6,603-хъ. — Эстамповъ и литографій отпечатано до 976, плановъ и картъ до 185-хъ, и музыкальныхъ сочиненій до 1,000.

Художественныя извѣстія.

Въ J. de St. Pétersbourg извѣщаютъ о новыхъ распоряженіяхъ, касательно постройки великолѣпнаго нашего современнаго памятника, *Исаіяскаго Собора*. Двадцать четьре бронзовыя изображенія святыхъ, долженствующихъ украшать

гранитную колоннаду купола, уже заказаны извѣстѣйшимъ художникамъ. Одинъ изъ четырехъ барельефовъ, которые будутъ на четырехъ портикахъ Собора, препорученъ Французскому художнику Лемеру, извѣстному произведеніемъ барельефа на портикъ Парижской церкви св. Магдалины. Онъ будетъ возвышенъ отъ земли на 130 футовъ; длина его 112 футовъ; фигуры на немъ — изображеніе Воскресенія Христова — всего числомъ 15, будутъ въ 17 фут. вышиною. Модель барельефа должна кончиться въ 15 мѣсяцевъ, и по ней отольется барельефъ изъ бронзы. Можно представить себѣ величїе мраморныхъ портиковъ Собора нашего, при ихъ гранитныхъ колоннахъ, металлическихъ сводахъ, въ 100 фут. вышиною, и роскоши бронзовыхъ украшеній! И такихъ портиковъ будетъ четыре. У Римскаго Пантеона было только одинъ перистиль, съ 16-ю гранитными колоннами и бронзовымъ барельефомъ на тимпанѣ мраморнаго фронтона.

Декабря 12-го привезли въ Мюнхенъ подарокъ Государя Императора Королю Баварскому — малахитовую вазу, въ 12 футовъ, съ пьедесталомъ. Въ Берлинѣ получены также двѣ малахитовыя, драгоценныя вазы, съ изваянными на нихъ портретами Государя Императора и Государыни Императрицы. Это подарокъ Русскаго Царя Князю Сайнъ-Витгенштейну.

Спѣшимъ увѣдомить о появленіи замѣчательной литографіи, которую, конечно, прїятно будетъ прїобрѣсть многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ: извѣстный прекрасными рисунками своими, художникъ г-нъ Васильевскій издалъ литографированный полной портретъ Государя Императора, съ знаменитой Крюгеровой картины. Сходство необыкновенное, и не смотря на тщательность рисовки и отпечатковъ, цѣна портрета доступна средствами всякаго; онъ продается по рублю серебромъ въ книжныхъ лавкахъ и магазинахъ эстамповъ.

Торговля и промышленность.

Одинъ изъ корреспондентовъ журнала Times полагаетъ, что затрудненїя, встрѣченныя при новыхъ попыткахъ учре-

дить скорое и правильное сообщеніе между Индією и Англією, должны были наконецъ привести къ тому, что стали искать достиженія тѣхъ же выгодъ на старомъ пути, вокругъ Мыса Доброй Надежды. Испытывали пути чрезъ Персидскій Заливъ, по Эвфрату и черезъ Аравію, хотѣли даже посылать письма чрезъ степи на верблюдахъ. Въ Черномъ Морѣ, противные вѣтры останавливаютъ даже сильнѣйшіе пароходы; узкіе проходы между коралловыми банками угрожаютъ опасностью. На сухомъ пути, недостатокъ желѣзныхъ дорогъ и почтовыхъ экипажей причиняютъ остановки; чума въ Египтѣ и карантинныя въ Средиземномъ Морѣ задерживаютъ путешественниковъ, такъ, что письма и пакеты совершаютъ путь въ 40 и 50 дней, а иногда остаются въ дорогѣ нѣсколько мѣсяцевъ. — Корреспондентъ надѣется избѣжать препятствій на пути вокругъ Кана, по сей большой дорогѣ Великобританнїи. Тамъ нѣтъ необходимости унижаться, подкупая дикія Арабскія племена, или оставлять пакеты съ письмами на попеченіе сомнительной честности Египтянъ. По его проекту, должно употреблять для путешествія большіе пароходы въ 1000 тоннъ и въ 350 лошадиныхъ силъ, и учредить три станціи. Первый перевѣздъ изъ Портсмута до острова Вознесенія, составитъ около 4100 морскихъ миль; депо угля будетъ въ Сепъ-Винцентѣ, на Зеленомъ Мысѣ (2450 морскихъ миль); второй перевѣздъ отъ острова Вознесенія до острова Мавриція, 2200 миль; депо угля въ Гоуть-Бей, въ Капъ; третій, отъ острова Мавриція до Калькутты, 2150 миль; депо угля въ Пуанъ де Галь, на Цейлонѣ. На каждой станціи будутъ три запасные парохода. Суда будутъ по порядку возвращаться въ Англію для починки. Такимъ образомъ, перевѣздъ между Калькуттою и Лондономъ будетъ совершаться постоянно въ 60, или 65 дней.

Съ 3 Декабря, въ Спб. открыта подписка на акціи Высочайше утвержденного, въ 22 день Декабря 1837 года, *С. Петербургскаго водопроводнаго Общества*, на слѣдующемъ положенїи, основанномъ на Высочайше утвержденномъ уставѣ:

1) Капиталъ общества имѣетъ состоять изъ 6,750,000 рублей государственнымъ ассигнаціями, для составленія какой суммы назначаются къ выпуску для публички и учреди-

телей всего 27,000 акцій, по 250 руб. государственными асигнаціями кажда. 2) При подпискѣ, деньги за акціи съдующія, взносятся сполна. 3) Подписка будетъ продолжаться шесть мѣсяцовъ, съ 3-го Декабря сего 1838 года по 3 Юня 1839 года. 4) Никто на одно лицо не можетъ подписать болѣе 500 акцій. 5) Требования на акціи, съ представленіемъ денегъ, могутъ быть личныя и черезъ почту, и записываются въ заведенную на сей предметъ шнуровую книгу. 6) По полученіи денегъ за акціи, выдаваться будутъ въ томъ полученіи особыя росписки, за подписью одного изъ учредителей. 7) По мѣрѣ поступленія требованій и взноса за акціи денегъ, согласно Высочайше утвержденному уставу, сопровождаемы будутъ въ Государственный Коммерческій Банкъ, для храненія и приращенія процентами, и потому подписчики, внесшіе свои капиталы въ кассу водопроводнаго Общества, не лишатся ни въ какомъ случаѣ процентовъ на капиталы причитающихся, согласно сказанному уставу, и на основаніи положеній о кредитныхъ установленіяхъ. 8) Учредители С. Петербургскаго водопроводнаго Общества, по Высочайше утвержденному въ 10 день мѣсяца Октября 1838 года Государственнаго Совѣта, суть: генераль-лейтенантъ *Спавицкій*, Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія генераль-лейтенантъ *Дестремъ*, статскій совѣтникъ *Михельсонъ*, инженеръ полковникъ *Лебедевъ* и коллежскій совѣтникъ *Галенковъ*. 9) Правленіе Общества находится въ домѣ аптекаря Карла Штрауха, состоящемъ по Вознесенскому проспекту, 2-й Адмиралтейской части, 3 квартала, № 22.

Изъ Одессы пишутъ: «Недавно начаты здѣсь опыты мощенія троттуаровъ асфальтомъ, одинъ въ Воронцовскомъ переулкѣ г. полковникомъ Бюрно, который употребляетъ для того нефть и асфальтовый камень изъ окрестностей Еникале; другой, на Ришельевской улицѣ, г-мъ Витали, отставнымъ оеинцеромъ Французской службы, употребляющимъ, по образцу Французскаго мощенія асфальтомъ, нефть и асфальтовый камень изъ Валь де Травера, въ Нефшательскомъ кантонѣ. Г. Витали прибылъ сюда по порученію Графа де-Сассене, владѣльца асфальтовыхъ копей Валь де Травера, съ тѣмъ, чтобы ввести въ Россію такого рода производство. Мы присут-

ствовали при выливаніи асфальта, производимомъ г. Бюрно, и опыты его показались намъ совершенно удовлетворительными; остается только ожидать, чтобы время оправдало наши надежды. Г. Витали надѣется окончить начатой имъ асфальтовый троттуаръ, какъ скоро болѣе благоприятная погода дозволитъ ему приступить къ дальнѣйшимъ работамъ.»

По представленію г. Министра Внутреннихъ дѣлъ, основанному на ходатайствѣ г. Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора, Графа *М. С. Воронцова*, о дозволеніи Одесскому 3-й гильдіи купцу Суровцову улучшить, на свой счетъ, прорытый съ давняго времени каналъ между рѣкою Днѣстромъ и рѣчкою Тарапучкомъ, впадающею въ Лиманъ, съ правомъ исключительнаго по сему каналу судоходства въ продолженіе извѣстнаго времени, Государственный Совѣтъ, мнѣніемъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержденія, въ 3-й день текущаго Ноября, положилъ:

1) Дозволить Суровцову существующій нынѣ каналъ, или ерикъ, соединяющій рѣку Днѣстръ съ рѣчкою Тарапучкомъ, привести въ судоходное состояніе на собственный свой счетъ. 2) Въ вознагражденіе потребныхъ для сего издержекъ: а) предоставить ему исключительное, въ продолженіе 10 лѣтъ, считая съ 1 Мая 1839 года, право пользоваться водною перевозкою по сему каналу, чрезъ рѣчку Тарапучку до Днѣтровскаго лимана, всякихъ продуктовъ и матеріаловъ, по добровольнымъ условіямъ съ промышленниками, съ тѣмъ, чтобы устройство канала и продолженнаго плаванія приведено было Суровцовымъ въ полное дѣйствіе непременно въ продолженіе четверти предоставляемаго ему срока на исключительное судоходство, т. е. въ два съ половиною года, считая съ 1 Мая 1839 года, подъ условіемъ уничтоженія въ противномъ случаѣ привилегіи, и предоставленія оной, буде признается нужнымъ, другому лицу, и чтобы, съ окончаніемъ объемлемого привилегіею срока, каналъ поступилъ въ распоряженіе правительства, безъ всякаго за то возмездія Суровцову. б) Не дозволять никому, въ теченіе означеннаго 10 лѣтняго срока, прорывать, безъ согласія его, другихъ, въ окрестности того мѣста на правой сторонѣ Днѣстра, каналовъ

съ тою же цѣлю. в) Предоставитъ въ пользу Суровцова все, что при устроении сего судоходства открыто, или найдено будетъ въ водахъ рѣчки Таранчука и Днѣстровскаго лимана, по направленію предполагаемаго имъ плаванія.

Изъ Видомостей о торговлѣ Франціи въ 1837 году видно, что сей годъ, въ сравненіи съ 1836, былъ вообще не благоприятенъ для Франціи. Въ 1836 году привезено и вывезено товаровъ на 1,867,000,000 фр., въ 1837 только на 1,366,000,000 фр., следовательно, 500 милліонами менше. Такой неблагоприятный результатъ 1837 года должно преимущественно приписать торговому кризису въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки и упадку Французскихъ колоній.

Въ Ригу, по навигаціи 1838 года, число прибывшихъ кораблей простиралось до 1466, а отшедшихъ было 1467. Цѣнность привезенныхъ товаровъ, до 1-го Ноября, составляла 12,907,815 рублей (300,000 рублей болѣе противъ 1837 года), вывезенныхъ 49,635,588 рублей (9½ милліоновъ болѣе противъ 1837 года).

Въ 1837 году, по 1-е Ноября, сумма отпуска изъ Одессы составляла 27,496,234 рубл., привоза 14,089,938 р., вывоза изъ Одессы въ Россію 7,611,319 р. — Кораблей въ приходъ было 703, а отшедшихъ отъ порта 625.

Въ 1838 году, по 1-е Ноября, сумма отпуска составила 29,321,091 рубль, привоза, считая и ввезенную монету, 17,932,892 р., вывоза въ Россію 9,463,778 рублей. Кораблей въ приходъ было 725, а отшедшихъ отъ порта 662.

Въ числѣ отпускныхъ товаровъ нынѣшняго года:

996,071 четв. хлѣба (въ томъ числѣ пшеницы 846,409½ ч. на 16,417,726 р.)	17,872,607 р.
171,666¼ пуд. соли	2,107,787 «
107,895½ четв. сѣмени льнянаго	2,591,480 «
68,878 пуд. шерсти овечьей	4,005,076 «

Въ теченіе 1838 года, пришло въ Оренбургъ восемь каравановъ, всего на 3206 верблюдахъ. Сумма товаровъ составляла до 1,828,954 рублей. Вышло 12 каравановъ, на 887 верблюдахъ, съ товарами и деньгами, на 1,562,890 рублей. Мѣна въ степи съ Киргизцами была значительна и выгодна.

Въ навигацію 1838 года, съ 21-го Апрѣля по 6-е Ноября, въ Архангельскъ пришло 332 корабля (только 16 съ грузомъ, а всѣ другіе съ балластомъ) и 83 каботажныя судна (80 съ грузомъ), всего 415. Вышло 332 корабля и 80 каботажныхъ судовъ, всего 420, всѣ съ грузомъ. Въ 1837 году пришедшихъ кораблей было 353, отшедшихъ 373. Кораблекрушеній въ 1838 году было два: погибли Русскій корабль Марія Брандтъ, шедшій изъ Лондона съ сахаромъ, и Сирь Говардъ Дугласъ, Англійскій, шедшій изъ Архангельска, съ досками. Кромѣ того 19 каботажныхъ судовъ. — Сумма привоза составляла 955,136, вывоза 9,332,505 рублей. Въ 1837 году привозъ 913,634, а вывозъ 7,666,310 рублей.

Иностранная торговля Соединенныхъ Штатовъ занимала въ 1838 году 10,656 кораблей, составлявшихъ въ сложности грузъ 1,663,523 тоннъ; въ томъ числѣ одному Нью-Йоркскому Штату принадлежало 4123 корабля, съ грузомъ 1,003,229 тоннъ.

Французскій министръ торговли циркуляромъ извѣстилъ Бордосскихъ, Гаврскихъ, Руанскихъ, Нантскихъ и Марсельскихъ негодяитовъ, что они могутъ теперь сдѣлать выгодныя отиравки водки, солонины, муки и сухарей въ Индію, гдѣ при неурожаѣ, голодѣ и приготовленіяхъ къ походу Англичанъ на Кабуль, всѣ съѣстные припасы ужасно вздорожали.

Средняя цѣна пшеницы въ Лондонѣ, въ половинѣ Декабря, была 5-ю шиллингами выше той цѣны, при которой позволяется ввозъ иностраннаго хлѣба. Но привозовъ мало, и потому хлѣбъ вздорожалъ. Множество бѣдныхъ кормятъ уже на счетъ благотворительныхъ суммъ.

Построеніе публичныхъ зданій продолжается въ Соединенныхъ Штатахъ обыкновеннымъ порядкомъ. Въ журналахъ Виргиніи извѣщаютъ объ открытіи новой желѣзной дороги между Ричмондомъ (главнымъ городомъ Виргиніи) и Петербургомъ въ Аппоматоксѣ, откуда идетъ желѣзная дорога, къ югу, до Роаноки, и такимъ образомъ служить продолженіемъ большой линіи между Бостономъ и Новымъ Орлеаномъ. Сія желѣзная дорога очень замѣчательна. Ни одна въ свѣтѣ не представляла большихъ затрудненій въ построеніи; тѣмъ большей благодарности заслуживаетъ искусный строитель ея, г. Монкюръ Робинсонъ, который въ короткое время преодолѣлъ все препятствія. Ричмондъ лежитъ при порогахъ большой рѣки (Джемсъ-Риверъ), впадающей въ Чесапикскій Заливъ. Городъ построенъ на плоской возвышенности, простирающейся по одному берегу рѣки. Чтобы провести желѣзную дорогу изъ Ричмонда къ другому берегу рѣки, шириною въ четверть миль, надлежало построить длинный и высочайшій мостъ. Такое трудное предпріятіе начато и окончено въ теченіе года. Длина Ричмондскаго моста составляетъ 2857 футовъ (408 саж.). Сей прекрасный мостъ лежитъ на каменныхъ столбахъ и на 19-ти аркахъ, отстоящихъ одна отъ другой, по крайней мѣрѣ, на 50 метровъ (23 саж.). Родъ такихъ мостовъ, изобрѣтенныхъ Нью-Йоркскимъ архитекторомъ Тономъ, отличается прочностью своею и смѣлостью исполненія. Самый мостъ почти весь деревянный, и построенъ изъ досокъ въ три дюйма толщиною и въ одинъ футъ шириною. На всемъ мосту употреблены только 720 желѣзныхъ гвоздей, въ 12 дюймовъ длиною и въ полдюйма въ діаметръ. Столбы, поддерживающіе Ричмондскій мостъ, чрезвычайно тонки; верхній конецъ ихъ имѣетъ только 4 фута толщины. Не смотря на то, цѣпи экипажей пролетаютъ по мосту со скоростью десяти миль въ часъ, ни сколько не потрепая его. Другое обстоятельство, очень важное, въ особености въ нынѣшнее время, что построеніе сихъ мостовъ стоитъ сравнительно весьма мало. Ричмондскій мостъ, построенный съ особеннымъ тщаніемъ, и снабженный двойнымъ рядомъ рельсовъ, стоилъ только 110,000 долларевъ (600,000 фр.). Обыкновенный каменный мостъ черезъ Сену, не имѣющей и шестой части длины Ричмондскаго, стоитъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ, по крайней мѣрѣ, два милліона

франковъ. Нѣкоторыя новыя области, какъ напримѣръ, Иллиноисъ и Индіана, коихъ народонаселеніе простирается до милліона, и которыя занимаютъ пространство въ три пятыхъ величины Франціи, предприняли теперь, на свой счетъ, построеніе сѣти сообщеній, состоящихъ изъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Первымъ замѣчательнымъ послѣдствіемъ сихъ усилій будетъ открытіе трехъ водяныхъ путей между бассейнами рѣкъ Св. Лаврентія и Миссиссипи. Первый путь идетъ черезъ Рокриверъ, другой черезъ рѣку Иллиноисъ, третій черезъ рѣки Мобе и Вабашъ. Судно, выходящее изъ Квебека, подъ 46-мъ градусомъ широты, будетъ имѣть три новыя пути для достиженія Нового Орлеана, лежащаго 16-ю градусами южнѣе. Плаваніе черезъ различныя рѣки, каналы и озера сего сообщенія, требуетъ болѣе 1,000 часовъ времени. Сообщеніе уже открыто въ области Огайо.

ГЕОГРАФІЯ И СТАТИСТИКА.

По нынѣшнему народному счисленію, произведенному въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, во всѣхъ 22 Швейцарскихъ кантонахъ, народонаселеніе простирается до 2,188,009 душъ, въ томъ числѣ иностранцевъ 61,313 мужскаго и 21,657 женскаго пола. Вообще, мужской полъ содержится къ женскому какъ 100 къ 102. Войско Союза, за исключеніемъ милиціи, состоитъ изъ 64,019 человекъ, обязанныхъ во всякое время удалиться изъ родины, одѣтыхъ и вооруженныхъ по извѣстнымъ постановленіямъ. Кантоны платятъ въ казну Союза 707,740 Швейцарскихъ франковъ (въ полтора франка Французскихъ). Военная казна Союза, образовавшаяся въ теченіе 23 лѣтъ пограничными сборами, заключаетъ въ себѣ 1,658,560 Швейцарскихъ фр. Пслѣднія вооруженія противъ Франціи причинили казнѣ Союза издержки, простирающіяся почти до 200,000 фр.

Вотъ извлеченіе изъ донесенія Министра Юстиціи о дѣйствіяхъ уголовныхъ судовъ во Франціи, въ 1836 году: Въ 1836 г. внесены были въ ассизные суды 5300 обвиненій; въ 1835 г., ихъ было 5228; слѣдовательно, число жалобъ увели-

число 72. Должно однакожь замѣтить, что увеличилось только число преступлений противъ имущества, между тѣмъ, какъ число преступлений противъ лицъ значительно уменьшилось. Въ слѣдствіе 5300 жалобъ отданы были подъ судъ 7232 подсудимыхъ. Въ 1835 г., число подсудимыхъ составляло только 7223. Сравнивая число подсудимыхъ съ народонаселеніемъ королевства, найдемъ, что на 4638 человекъ приходится одинъ подсудимый. Среднее число превзойдено въ 28-ми департаментахъ и не достигнуто въ 58-ми. Въ Сенскомъ Департаментѣ, на одного подсудимаго приходится только 1231 житель; въ Корсикъ какъ 1 къ 1540; напротивъ того, въ Одскомъ Департаментѣ приходится только одинъ подсудимый на 11,710 жителей, и въ Департаментѣ Шерскомъ только одинъ подсудимый на 12,037 жителей. — Въ числѣ подсудимыхъ находилось 1339 женщинъ. Число смертныхъ приговоровъ значительно уменьшилось: именно, произнесено было только 30 (въ 1826 г. число смертныхъ приговоровъ простиралось до 134, а въ 1831 г. до 108); 21 человекъ были казнены, девятерымъ дарована жизнь. Число политическихъ преступлений и противъ правилъ тишенія простиралось до 96; въ 1831 г., оно составляло 671, и въ 1832 г. 602. Въ 1836 г. суды исправительной полиціи рассмотрѣли 128,489 дѣлъ, въ которыхъ были замѣшаны 178,573 подсудимыхъ, въ томъ числѣ 33,677 женщинъ; 24,132 подсудимыхъ были оправданы. Въ 1835 г., число подсудимыхъ было только 164,886; слѣдовательно, въ 1836 г., оно увеличилось 13,687. Особенно распространилось воровство. Въ 1835 г., число простыхъ покражъ простиралось до 11,893; въ 1836 г. оно возрасло до 14,029. Съ 1826 г., по 1836 г., то есть въ теченіе 11-ти лѣтъ, число покражъ увеличилось болѣе нежели третью.

Статистическіе факты лучшая повѣрка на всѣ возгласы. — По отчету Военнаго Министра, изъ числа 309,516 рекрутовъ, поступившихъ во Французскую армію въ 1836 году, вовсе безграмотныхъ было 136,294, а въ 1835 году, на такое же число оказалось ихъ 139,585. — Въ Пруссіи каждый обязанъ посылать въ школу дѣтей, когда имъ совершилось 6 лѣтъ. Число первоначальныхъ школъ въ 1837 году

оказалось 22,910 (въ нихъ учителей 27,575), съ 2,171,745 учениковъ, къ чему должно прибавить еще 117,982 ученика, посѣщавшихъ нисшія школы. Всего выходитъ 2,289,727. Но какъ число дѣтей, достигнувшихъ узаконеннаго для ученія возраста, составляло, изъ 14,098,125 всего населенія Пруссіи, 2,830,328, слѣдственно, не доставало мѣстъ для ученія, или не ходило въ школы дѣтей, слишкомъ *полъ-милліона* (540,601).

Во Франціи считаютъ теперь 121 укрѣпленныхъ военныхъ мѣстъ, т. е. крѣпостей, форпостовъ и замковъ. Изъ числа ихъ относятся къ первому разряду 21, второму 48, третьему 52. — Безпомощныхъ нищихъ считаютъ во Франціи 102,000. Нѣтъ ли тутъ ошибки? — Госпиталей считаютъ въ Парижѣ 14, съ 5397 кроватями, и 12 благотворительныхъ заведеній, съ 12,158 кроватями. — Содержаніе всѣхъ сихъ заведеній стоитъ ежегодно — 11,255,657 франковъ, въ томъ числѣ издержки на управленіе составляютъ 1,250,535 франковъ.

Количество чистаго золота, добытаго въ Россіи съ 1823 года до 1839-го, составляло 4750 пудовъ, и серебра около 389 пудовъ, на сумму 235,903,767 рублей, или 22,467,025 червонц. Голландскихъ.

Зрѣлища и музыка.

Вотъ музыкальныя новости въ Петербургѣ: г-жа Плейэль восхитила дилетантовъ своею игрою на фортепiano, въ концертѣ, Декабря 21-го. Знатоки говорятъ, что у нее двѣ правыя руки, и что Россіи справедливо называлъ ее фортепiano Малибранъ. — На счетъ знаменитаго оркестра Германа голоса раздѣлились. Извѣстно, что оркестръ его, находящійся теперь въ Петербургѣ, считается соперникомъ оркестра славнаго Штраусса. Онъ беретъ за вечеръ не менѣе 750 рублей. Общее сознаніе однакожь, что подъ его валсы и мазурки невольно хочется вальсировать и танцовать. Важное неудобство для тѣхъ, кто привыкъ *ходить* и *прыгать* въ танцахъ! — Талантливое дитя, Юлія Гринбергъ давала

концертъ 30-го Декабря, и была снова осыпана рукописками. Дарованіе сего одиннадцати-лѣтняго ребенка растеть по днямъ, а не по годамъ.

Геніи фортепіаннныя: Листъ ѣдетъ на зиму въ Царьградъ, Тальбергъ въ Петербургъ, Шопень въ Мадридъ. Оле-Буль остается въ Швеціи, Эрнстъ въ Голландіи.

Число новыхъ пьесъ, являющихся на Парижскихъ театрахъ, умножается ежегодно. Въ 1834 году было ихъ 188, въ 1835-мъ 221, въ 1836-мъ 296, въ 1837-мъ 298, въ 1838-мъ, хотя театръ Водевиль былъ закрытъ въ теченіе пяти мѣсяцовъ — 285. Вотъ театры, на которыхъ являлись новости: Королевская Академія Музыки 3, театръ Французскій 12, Одеонъ 4 (3 драмы, 1 комедія, Итальянскій 2 (оперы), Комическая Опера 11, театръ Возрожденія 6, Гимназія 23, Водевиль 13, Разнообразія (Varietés) 28, Пале-Рояльскій 21, Gaîté 29, Ambigu 21, Porte St. Martin 13, Циркъ 7, театръ Шуазеля 18, Пантеонъ 18, St. Antoine 39. — Не полагаются въ счетъ новости малыхъ театровъ, какъ-то: Детской Гимназіи (гдѣ было ихъ 28), Люксанбургскаго, Акробатовъ, Фюнамбуловъ, Пети-Лазари, Сень-Лоранъ, Сень-Марсель, и проч. Число поставщиковъ театральныхъ новостей (неужели называть ихъ авторами или поэтами?) въ 1835 году было не болѣе 127-ми; въ 1837 году считалось ихъ 217, въ 1838 году 218. — Самый плодотворный оказался Теолонъ — *десять* пьесъ. По восьми пьесъ выставили Анисе, Деннери и Лоренсенъ, по семи Жемъ, Вандербуршъ, Мобизъ, по шести Байяръ, Дюмануаръ, Коньяръ, Курси, Денойеръ, Дюпоръ и Кормонъ. Композитеровъ новыхъ пьесъ въ 1837 году было 8, а въ 1838 году 16. — Замѣчательныя событія прошедшаго года: пожары Итальянскаго Театра и Театра Водевильей, открытіе театра Возрожденія и Сень-Марсельскаго. Въ числѣ актеровъ во многихъ пьесахъ являлись голуби, собаки, козы, обезьяны, ослы, и проч. — Всѣхъ болѣе играна была и принесла наиболѣе дохода пьеса: *Звонаръ Павловскій* (le Sonneur de St. Paul).

ПУТЕШЕСТВІЯ.

Шестидесяти-пушечный фрегатъ Сардинскій, *Королева*, подъ начальствомъ коммодора Альбини, отправился Ноября 8-го изъ Генуи. На немъ находятся Принцъ Савойа-Кариньянскій и ученая экспедиція. Наканунъ, самъ Король посѣтилъ корабль, и осмотрѣлъ его во всей подробности. Естественныятели Казаретто и Кафферъ состоятъ при экспедиціи.

Лейтенантъ Вудъ успѣлъ достигнуть источника *Ожуса*, или *Аму-Дарьи*. Онъ описываетъ, что сіи источники находятся въ возвышенной области Памиръ, въ Синкоаль, или Синколь, и составляютъ обширное озеро, на 15,600 фут. отъ поверхности моря, стѣсненное горами. Вудъ назвалъ сіе озеро, въ честь Королевы Англійской, *озеромъ Викторіи*.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Мы обещали говорить о Журналахъ Русскихъ — предметъ любопытства и невольной грусти во многихъ отношеніяхъ. Но время летитъ такъ быстро, настоящее такъ мпновенно становится прошедшимъ и будущее настоящимъ, что пока мы собирались извѣщать о *надеждахъ*, многія изъ нихъ сдѣлались уже призракомъ, который падаетъ на голову бѣдныхъ читателей толстымъ томомъ, и разлетается въ мелкихъ брызгахъ. Ради Бога, не думайте, чтобы мы именно на кого либо мѣтили! Съ новаго года, толстыми книгами являются: *Библиотека для чтенія*, *Отечественныя Записки*, *Московский Наблюдатель*, и смиренный *Сынъ Отечества*, которому не худѣть же стать отъ того, что другіе толсты... Позвольте отложить бесѣду объ Русскихъ Журналахъ до слѣдующей книжки.

Намъ гораздо пріятнѣе повторить два извѣстія, касающіяся двухъ почтенныхъ и истинно уважаемыхъ нами литераторовъ, П. А. Корсакова и Н. В. Кукольника. Вотъ оба сіи извѣстія, напечатанныя въ одномъ изъ Русскихъ повременныхъ изданій:

П. А. Корсаковъ, имѣвъ счастье посвятить имени Госу-

дарыни Великой Княгини Анны Павловны, Принцессы Оранской, сочиненіе свое подъ заглавіемъ: «*Очеркъ Голландской литературы*»*, удостоился получить отъ Ея Императорскаго Высочества драгоценный брильянтовый перстень, при слѣдующемъ милостивомъ Рескриптѣ:

Петръ Александровичъ!

«Получивъ сочиненіе ваше, подъ заглавіемъ: Очеркъ Голландской литературы, препровожденное ко мнѣ при письмѣ вашемъ отъ 19 Апрѣля, предъ самымъ отъѣздомъ моимъ въ Германію, я не могла тогда благодарить васъ за посвященіе мнѣ сей книги. Изданіемъ въ свѣтъ трудовъ вашихъ, вы приобрѣли себѣ право на мою признательность, занимаясь съ толикимъ успѣхомъ литературою страны, столь справедливо вами именованной *любимую страну Петра Великаго*. Сочиненіе ваше можетъ распространить въ Россіи желаніе познакомиться съ Голландскими писателями, коихъ имена достойны быть известными Русскимъ любителямъ похвального и изящнаго. Присылая вамъ при семъ письмѣ знакъ моей признательности, съ совершеннымъ уваженіемъ пребываю вамъ доброжелательною.

Въ Гагѣ.

Ноября 28 (Дек. 10) дня 1838.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Высочества рукою подписано:

А Н Н А.

«Въ объявленіи о новыхъ литературныхъ предпріятіяхъ А. А. Плушара, мы встрѣтили пріятное извѣстіе о двухъ изданіяхъ Н. В. Куколника. Первое, *Художественная Газета*, издаю-

* Мы слышали, что сочиненіе П. А. есть введеніе къ другому обширнѣшему произведенію: «*Пантеонъ главнѣйшихъ Нидерландскихъ писателей.*» Первый отрывокъ изъ него: «*Фанъ деръ Фондель*» уже напечатанъ; за нимъ послѣдуютъ монографіи и разборы твореній *Катса, Вилдердейка* и другихъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ столь полезнаго творенія. Почтенный авторъ окажетъ важную услугу Русскимъ любителямъ просвѣщенія, познакомявъ ихъ съ литературою мало известною, но во всѣхъ отношеніяхъ достойною вниманія и изученія.

щася уже три года съ возрастающимъ успѣхомъ, будетъ продолжаема и на будущій 1839 годъ, въ своемъ настоящемъ, великолѣпномъ, истинно-изящномъ видѣ. 100 прекрасныхъ гравюръ снова украсятъ изданіе; текстъ, какъ и въ настоящемъ году, обогатится драгоценными историческими статьями о художествахъ, а предстоящая работа для двухъ Соборовъ и двухъ Дворцевъ, конечно доставитъ Газетѣ самую обширную публику, какой она досель, по исключительности своего предмета, имѣть не могла. Многие у насъ думаютъ, что если Газета или Журналъ занимается исключительно художествами, то они должны быть, какъ говориться, сухая матерія. Совсѣмъ не такъ издается Художественная Газета; мы укажемъ на многія статьи, напр. Живописецъ Матвѣевъ, Фрески Рафаэля, и проч. и проч., которые имѣютъ всю занимательность романческаго разсказа и поучительность Исторіи. Нельзя однакожъ не попенять Редактору за несвоевременный выходъ книжекъ. До 1-го Января 1839 года, вмѣсто 24-хъ, выдано только 17-ть. Конечно, у него извиненій, и притомъ уважительныхъ, найдется множество, но это пугаетъ неопытныхъ или ужъ черезъ-чуръ опытныхъ подписчиковъ. Однакожъ, мы можемъ поручиться за то, что видѣли и знаемъ. Всѣ остальные номера 1838 года вполне изготовлены, и все устроено такъ, чтобы ни что не препятствовало своевременному выходу книжекъ на 1839 годъ. 1-й номеръ 1838 года заключалъ въ себѣ печальное извѣстіе о пожарѣ Зимняго Дворца: 1-й номеръ 1839 изумитъ читателей извѣстіемъ о певтрѣльномъ возобновленіи сего колоссальнаго зданія. — Многие упрекали Редактора, что онъ для сестеръ своей Музы забылъ ее самую, но другое объявленіе, объ изданіи *Новогодника*, и свидѣнія о составѣ его — уничтожаютъ несправедливые упреки. Такое прекрасное собраніе можетъ служить зеркаломъ настоящаго состоянія Русской Литературы. Немногіе литераторы не участвуютъ въ семъ изданіи: издатель помѣщаетъ три пьесы собственнаго сочиненія, которые вполне доказываютъ, что его литературная дѣятельность едва ли не усилилась въ послѣднее время. Въ *Новогодникѣ* помѣщены будутъ сочиненія его: *Излѣка*, Мавриятанскій драматическій разсказъ, въ прозѣ; — «*Прогулка Маріи Стурартъ*,» изъ огромной поэмъ, подъ заглавіемъ: «*Давидъ Риццо*,» въ гекзаметрахъ, и многими известныи «*Первый*

Прологъ изъ трагедіи Генераль-Поручикъ Іоаннъ Рейшгольдъ Паткуль,» составляющей главнѣйшій предметъ занятій Н. В. Кужольника.

«Кстати о драматическихъ трудахъ его.— Намъ весьма пріятно, что мы первые можемъ уведомить любителей театра, что г. Кужольникъ оканчиваетъ, если уже не окончилъ, небольшую патріотическую пьесу въ прозѣ, и предполагаетъ, если обстоятельства не воспрепятствуютъ, осуществить свои идеи на Александрійскомъ Театрѣ, еще въ Январѣ 1859 года. Пьеска его, какъ говорятъ Французы, *tour de force* Русскаго простонароднаго языка, какимъ на сценѣ нашей, по мнѣнію автора, должны говорить Русскіе простолудины.»

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Какой-то путешественникъ описываетъ въ Allgemeine Zeitung мѣсто послѣдняго убѣжища Карла X-го. Могила Короля-изгнанника находится въ Кастаньявицкомъ Францисканскомъ монастырѣ, близъ Греца; онъ стоитъ на горѣ. Мѣстоположеніе прелестно, по обителѣ бѣдна. Въ подземельяхъ ея кладбище Графовъ Турнскихъ и множество другихъ гробницъ. Среди нихъ поставленъ деревянный гробъ, въ которомъ привезли сюда Короля. Брѣнные останки его находятся въ другомъ гробѣ, закладенномъ въ стѣну, гдѣ видна надпись: Ici A. Eté Déposé Le XI Novembre MDCCCXXXVI Très Haut Très Puissant et Très Excellent Prince Charles Dixieme Du Nom Par la Grace de Dieu Roi de France Et de Navarre Mort A Goritz le VI Novembre MDCCCXXXVI Age De LXXIX ans Et XXVIII Jours. — Сколько размыслилей внушаетъ гробница Карла X-го! — Не говори о судьбѣ властителя обширной страны, умершаго на чужбинѣ, какія бури не шумѣли около того, кто смиренно поконитъ въ забвенной обители Краини! Сынъ Королей, блестящій въ юности, потомъ столько лѣтъ изгнанникъ и страдалецъ, когда, казалось, непобѣдимое могущество силы владыкъ престоломъ предковъ его, снова на родинѣ, близъ престола, на престолѣ, властитель миллионѣвъ, жертва бури погубительной, снова бѣдствующій въ изгнаніи съ послѣдними потомками знаменитой дина-

стін Генриха IV-го и Людовика XIV-го... *Суета суететой, вслеская суета!* Гдѣ приличнѣе повторить грустную аду того, кто самъ позналъ всю суету міра, среди величій, роскоши, мудрости и наслажденій?...

Въ Римѣ сдѣлала сильное впечатлѣніе неожиданная новость: кардиналъ Карль Одескалькъ, Епископъ Сабинскій, Викарій Папскій, Протоіерей церкви Св. Маріи Великой, Префектъ конгрегациі епископовъ, внезапно уѣхалъ ночью. Изъ письма, имъ оставленнаго, узнали, что сей знаменитый сановникъ давно просилъ позволенія оставить свѣтъ и почести, и получивъ его наконецъ отъ Папы, удалился въ Верону; тамъ онъ вступилъ въ Іезуитскій повиціатъ.

Прибрежные жители Архангельской губерніи, промышленяющіе ловомъ рыбы и вытѣномъ оной въ Норвегіи на хлѣбъ, обыкновенно возвращаются на судахъ въ Архангельскъ въ концѣ Августа и въ первыхъ числахъ Сентября. Здѣсь, продавалъ рыбу, закупаютъ они хлѣбные припасы на годичное продовольствіе и другіе предметы своихъ потребностей, и погрузивъ тѣ же суда, отправляются къ своимъ мѣстамъ въ концѣ Сентября и въ началѣ Октября. Такихъ судовъ бываетъ болѣе 300. Изъ числа ихъ, вышедшія 25-го Сентября, изъ Двинскаго устья, 26 судовъ, встрѣтили въ ночи на 26-е число сильнѣйшій отъ сѣвера штормъ (какого даже старые мореходцы не запомнятъ); при всѣхъ усиліяхъ, они не могли держаться въ морѣ, и были вынуждены, для своего спасенія, поворотить въ Двинское устье, но при почной темнотѣ нельзя было усмотрѣть лѣваго бакена, который сильнымъ волненіемъ и высокою прибылью воды снесло съ мѣста; суда выбросило на прибрежныя банки; 12 разбились, а 14 большею частію напались водою. Къ счастью, ни одинъ изъ мореходцевъ не потонулъ.

Въ Лондонѣ производилась соблазнительная тѣжба, между Сиромъ Джономъ Копронъ, интендантомъ Герцогини Кентской, и издателемъ журнала *Врсия*, который напечаталъ статью,

гдѣ уличалъ интенданта въ кражу доходовъ Герцогини. Интендантъ оправдался, и журналиста вѣльно судить, какъ клеветника и пасквилянта.

Кромѣ возобновленія Миланскаго Института, Императоръ Австрійскій предполагаетъ учредить учепый институтъ въ Венеціи, а также въ Венеціи и Миланѣ Техническія школы. Благодѣтельное вліяніе такихъ учрежденій для Италіи неопредѣлимо, да и гдѣ не было бы оно благодѣтельно для народа?

Изъ числа 221 депутатовъ, подавшихъ въ 1830 году голосъ свой противъ министерства Полиньякова, въ нынѣшней Французской Палатѣ остается только 58 человекъ; 42 изъ нихъ перешли въ Палату Перовъ, 71 удалились отъ дѣлъ, и — 50 уже оставили здѣшній міръ. — Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ вычисленій: со времени закрытія Палаты въ прошломъ году, изъ членовъ Палаты Перовъ скончались уже шестеро: *Кассетоль*, *Казимиръ д'Анжосъ*, *Гюнольштейнъ*, *Де ла Форсъ*, *Маршалъ Лобау* и *Герцогъ Шуазель*. — По случаю смерти Маршала Лобау, въ одномъ журналѣ помѣщены извѣстія о маршалахъ Франціи: сей чинъ былъ учрежденъ около 1185 года, и считался съ самаго начала первымъ послѣ Коннетабля. Первымъ маршаломъ Франціи былъ *Алберихъ Клементъ*, Сеньёръ Мецскій, убитый при осадѣ Сентъ-Жанъ д'Акра. Съ тѣхъ поръ было во Франціи 295 маршаловъ, считая до Маршала Лобау; теперь остается во Франціи *одиннадцать* маршаловъ. Изъ числа ихъ, Наполеоновскихъ пять: Герцогъ Конеглионо (*Монсей*), пожал. въ 1804 г., Герцогъ Далматскій (*Сультъ*), пожал. въ 1804 г., Герцогъ Беллунскій (*Викторъ*), пож. въ 1807 г., Герцогъ Тарентскій (*Мадональдъ*), пож. въ 1809 г., и Герцогъ Реджіо (*Удино*), пож. въ 1809 году. Кромѣ того, Маршалы: *Молиторъ*, съ 1823 г., *Мезонъ* съ 1829 г., *Жераръ* съ 1830 г., *Клозель* съ 1831 г., *Груши* съ 1831 г. и *Вале* съ 1837 года. — Мы не упоминаемъ здѣсь о маршалахъ *Бурмонтъ* и *Мармонтъ*. — Въ царствованіе Людовика Филиппа умерли уже три маршала — *Журданъ*, *Мортъ*, *Лобау*.

На Багамскихъ островахъ, въ половинѣ Сентября, былъ жестокий ураганъ, при чемъ особенно пострадалъ островъ Экума. Мѣстечко Вумъ-Рей совершенно разрушено; и погибло множество людей, кораблей, судовъ. — Въ Лондонѣ былъ такой туманъ, что днемъ принуждены были зажечь фонари на улицахъ и свѣчи въ домахъ. — Ноябрь 8-го, въ Константинополѣ было сильное землетрясеніе. Дворецъ тамошній почти разрушился. Испуганные жители спѣшили молиться о спасеніи отъ смерти. — Въ началѣ Декабря свирѣпствовали бури, причинившія множество кораблекрушеній въ Ламаншѣ, Северномъ морѣ, Океанѣ и Средиземномъ морѣ, особливо бѣдѣ Англійскихъ береговъ. Берегъ отъ Брейтона до Плимута усыпанъ обломками и трупами. Въ Гранвиллѣ волны разрушили тамошній укрышенія; на берегахъ Франціи, приливы равнялись высотою приливовъ въ равноденствіе. — Арраго исчислилъ, что среднее число кораблей, разбиваемыхъ ежегодно въ Океанѣ около береговъ Франціи, составляетъ 88.

Число пассажировъ, проехавшихъ по желѣзной Царско-сельской дорогѣ въ Ноябрь мѣсяцъ, составляло 47,184, а въ Декабрь 40,914. Сборъ въ Ноябрь былъ до 56,874 рублей, въ Декабрь 56,249 рублей.

Ноября 27-го, на желѣзной дорогѣ между Манчестеромъ и Анверпуремъ столкнулись экипажи, и жестокимъ ударомъ многихъ ушибло — одного человека до смерти. — Вотъ еще ошибка другого рода, и тоже могущая причинить смерть: Викторъ Гюго уличаютъ, будто онъ взялъ свою новую трагедію *Юю-Блазъ* изъ Бульверовой трагедіи *Lady of Lyon*, игранный въ началѣ прошлаго года въ Лондонѣ. Мы не читали обличительной статьи, но довольно странно предполагать такую дерзость, даже неосторожность въ В. Гюго, чтобы онъ рѣшился выдать за свою трагедію новую и всѣмъ извѣстную. Если же дѣло идетъ объ основной идее, на которой вертится трагедія В. Гюго, то есть, превращеніи лакеевъ въ вельможи — мысль эта и дѣло совсѣмъ не новыя, и удивляться надобно только одному, какъ можно было взять такую ничтожную идею, и Бульверу и В. Гюго! Уже нѣсколько разъ

выставили ее и въ романахъ и въ комедіяхъ. Вспомните только исторію Ангелики Кауфманъ; несчастная художница влюбилась и вышла за лакея, подставленнаго оскорбленнымъ и отвергнутымъ ею любовникомъ. Кстати о театрахъ: въ Цареградѣ, съ позволенія Султана, учреждается постоянный театр, какимъ-то Датскимъ антрепренеромъ Присомъ. Мѣсто для него отведено подлѣ дома Англійскаго посольства. Что-то заговорить Турки объ Европейскихъ комедіяхъ. Можетъ быть, даже Цареградскій театр образуетъ новую эпоху въ исторіи драматическаго искусства, образуетъ новую театральную, *Турецкую* критику! Вотъ что было бы любопытно. Въдѣсть же особенныя критики драматическаго искусства, Московская, Петербургская, отдѣльныя отъ критики настоящей, основанной на безпристрастномъ приложеніи законовъ изящнаго къ сценѣ. — И то сказать: вкусы бываютъ разные. Недавно доказала сію истину Паганини: Декабря 16-го, въ Парижѣ давали въ консерваторіи концертъ, гдѣ Паганини такъ восхитился музыкой Берліо, что сталъ передъ нимъ на колыни. И того показалось ему мало, чѣмъ доказать свой восторгъ? Вы знаете, что Паганини скупъ до скарעדности. Но вообразите, что на другой день Берліо получаетъ отъ него вексель въ 20,000 франковъ — въ письмѣ Паганини именуется Берліо новымъ Бетговеномъ — «услажденный вашими божественными сочиненіями, долгомъ моимъ считаю просить васъ принять, какъ признательность съ моей стороны, 20,000 франковъ,» говоритъ Паганини. — Какая характеристическая черта! Паганини не умѣетъ цѣнить благодарности и почтенія иначе, какъ на *наличную монету*. Забавно и то, что онъ, страшный богачъ, *новаго Бетговема* оценитъ въ двадцать тысячъ франковъ! Еще любопытнѣе, что новый Бетговець *принялъ деньги*. И въ Парижѣ никто тому не удивлялся, даже восхищался поступкомъ Паганини... О Югурта! сколько разъ вспомнишь слова твои объ Римѣ: «городъ продажный! Если бы у меня были только деньги, я купилъ бы тебя!»...

=

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТАГО ТОМА.

(Нолбрь и Декабрь 1858 года).

I. РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

	Стран.
<i>Б. В.</i> Двѣ книги	5
<i>Грекова Н.</i> — Печаль	68
<i>Дьяченко В.</i> — Луція. Драм. отрывокъ	59
<i>Кони Ф. А.</i> — Весна и сирота	71
<i>Некрасова Н. А.</i> — Безнадежность	17
» » » — Человѣкъ	18
<i>Стромилова С.</i> Не вспоминая!	69
» » Моемъ Пенатамъ	70
<i>Струговицкова А. Н.</i> Второй актъ <i>Прометей</i>	8
<i>Шидловскаго И. Н.</i> Небо	16
. . . . . а . . . . . — Любовь	70

ПРОЗА.

<i>Козака Еремѣича.</i> Донская бѣда	19
<i>Озерецковскаго Я.</i> Однокашникъ	41
<i>И. Б. В. Г.</i> Психологическая задача	75
<i>Головца А.</i> Замѣтки путешественника	97

II. ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

<i>Нодье К.</i> Суженая. Повѣсть	1
<i>Диккенса К.</i> Походженія Пяквика	53

III. НАУКИ И ИСКУССТВА.

Крымъ и Одесса. Изъ записокъ Н. С. Всеволожскаго	1
Исторія и нынѣшнее состояніе Черногоріи, Дмитрія Маклановича	53

Пресбургъ и Венгерская военная граница. Изъ путешествія Маршала Мармона	101
О драматическихъ сочиненіяхъ Вольтера. Двѣ лекціи Вилльмена	142

IV.

КРИТИКА.

The Lives and Exploits, etc. (Жизнь и дѣла бандитовъ и разбойниковъ). Соч. М. Фарлана. Лондонъ. 1837 г. (изъ Quarterly Review)	1
Критическій вопросъ о повѣйшей современной Драмѣ. Письмо къ Дидероту. Статья А. Фреми	81
Очеркъ Русской литературы за 1838 годъ	46—105

V.

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Лѣтопись событій и некрологъ, за Октябрь, Ноябрь и Декабрь 1838 года	1—65
Прибавленія къ лѣтописи	131

VI.

ИЗВѢСТІЯ И СМѢСЬ.

Письмо Державина	1
Физиогномика. Я. Озерниковскаго	6
Журнальная замѣтка. И. Ипполитова	11
Сцены изъ романа Хриссо. Д.	16
О древнихъ могилахъ въ Литвѣ	51
Нынѣшнее устройство Португальскаго войска	58
Содовыя озера въ Венгрии	62
Отрывокъ изъ Шекспировой Бури	65
Замѣчанія на рецензію Чтецъ о Словесности (г-на Плак-сина)	73

Въ обѣихъ книжкахъ, въ концѣ, помѣщены *мелкія статьи*, въ разныхъ отдѣленіяхъ: *Ученныя и Художественныя извѣстія*, *Промышленность и Торговля*, *Географія и Статистика*, *Путешествія*, *Эрмитажи и Музыка*, *Литературныя извѣстія*, *Иностранная литература*, *Разныя извѣстія*, *Смѣсь*, и проч.